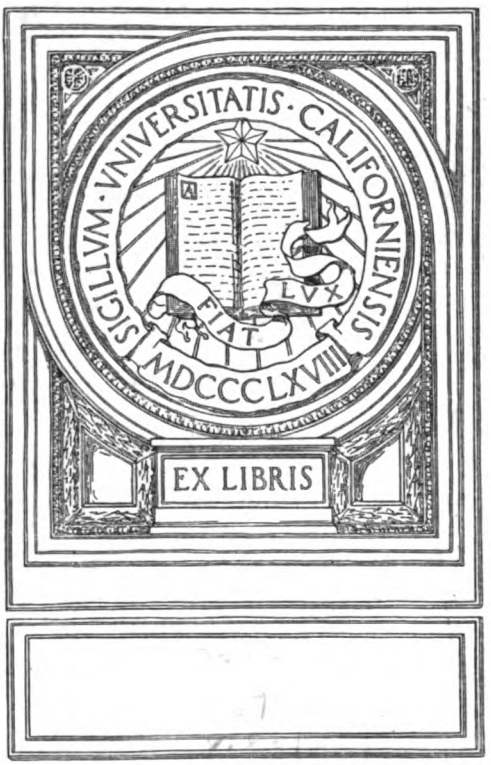
X-20
12


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VIII-й. Міръ Божій. № 1-й.

UNIV. OF

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ. (Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи). **Ев. Тарле.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ ИЗЪ ГЕЙНЕ. Zum Lazarus. **О. Чюминой.** . 27
3. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. **К. Станюковича.** 29
4. РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. **Роберта Сизеранна.** Переводъ съ французскаго **Т. Богдановичъ.** 62
5. ТРУДЪ И ЗДОРОВЬЕ. **А. Т.** 87
6. НА ГОЛОДЪ. Разсказъ **Киплинга.** Переводъ съ англійскаго. **Л. Давыдовой** 96
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЬЮГА. **С. Яхонтова** 117
8. КАИНЪ И АРТЕМЪ. Разсказъ **М. Горькаго** 118
9. ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ ПСИХИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ. **Проф. Г. И. Челпанова.** 147
10. СТУДЕНТКА. Романъ **Грэхэмъ Трэверса.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** 164
11. ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ. («Молодая россія» шестидесятыхъ годовъ). **Ив. Иванова.** 198
12. ПАМЯТИ АДАМА МИЦКЕВИЧА. (1798—1898) Изъ стихотворенія, читаннаго авторомъ въ общемъ собраніи членовъ Кіевскаго Литературно-Артистическаго Общества, посвященномъ чествованію памяти поэта). **П. Глокке.** 252

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Къ характеристикѣ истекшаго года.—Выдающіеся юбилеи; потери русскаго искусства; выдающіяся вещи въ беллетристикѣ; затишье въ публицистикѣ.—Полное собраніе произведеній г-жи Микуличъ: «Мимочка», «Зарницы», «Черемуха».—Народный художникъ, «Иванъ Ѳеровичъ Горбуновъ», А. Ѳ. Кони.—Письмо въ редакцію по поводу замѣтки о брошюрѣ о. Блинова. **А. Б.** 1
14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ голодающихъ губерній.—Народные учителя Нижегородской губ.—Ртутное дѣло въ Бахмутѣ.—Духоборы въ Сибири.—Юбилей В. И. Герье. . 15

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VIII-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** VIII-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 25 печ. листовъ.

Въ 1899 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика: стихотворенія г.г. Allegro, Бунина, Ладыженскаго, П. Я., О. Чюминой, Яхонтова и другихъ. «Освободилась», романъ А. Вербицкой; «Риштау», повѣсть В. Сѣрошевскаго; «Путевые очерки», Н. Гарина; «Душная ночь» (Изъ степныхъ очерковъ), разск. Ю. Безродной; «Безъ роду-племени», разсказъ И. Бунина; «Каинъ и Артемъ» (Изъ жизни босяковъ), разск. М. Горькаго; «Въ ночной смѣнѣ», разсказъ изъ военнаго быта А. Куприна; разсказы г.г. Потапенко, Станюковича, Чирикова.

Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ: «Антропологическіе очерки», проф. Брандта: «Современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ», В. Витнера.—ИСТОРІЯ И БІОГРАФІИ: «Чарльзъ Парнель», Ев. Тарле; «Судебная ошибка въ XVIII в.» (дѣло Каласовъ и Вольтеръ), Э. Моргулиса; «Очерки по исторіи русской культуры», часть III, П. Милюкова; «Александръ I и его время», А. Пѣснякова.—КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «А. С. Пушкинъ» (юбилейная статья). Ив. Иванова; «Алчущія души» (Паскаль, Руссо, Гоголь), Ив. Иванова; «Писаревъ, его сподвижники и враги», Ив. Иванова; «Ада Негри», В. Фритче.—СОЦІОЛОГІЯ: «Н. К. Михайловскій, какъ соціологъ», Л. Крживицкаго; «Очерки по соціальной экономіи», прив.-доц. М. Туганъ-Барановскаго. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ: «Помѣщикъ и крестьянинъ въ крѣпостной Россіи XIX в.», П. Струве; «Послѣдствія переворота въ земледѣліи» (I. Паденіе поземельной ренты и судьбы крестьянства.—II. Крестьянскія кооперацiи и ихъ значеніе), Л. Крживицкаго; «Причины сокращенія роста населенія Франціи», д-ра І. Гольдштейна; «Положеніе труда въ Англіи», Л. Давыдовой.—ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ: «Рихардъ Авенаріусъ и эмпиріокритицизмъ», проф. Г. Челпанова; «Экспериментальная психологія, ея настоящее и будущее, д-ра философіи В. Анри.

ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. «Очерки по исторіи соціальной философіи», Людвика Штейна, пер. съ нѣмецкаго; «Религія красоты» (Джонъ Рескинъ и его идеи), Сизерана, пер. съ французскаго Т. Богдановичъ; «XIX вѣкъ въ различныхъ областяхъ науки, техники и общественной жизни», компилятивныя статьи; «Изъ исторіи тайныхъ обществъ у различныхъ народовъ», компил. работа Э. Пименовой; «Герои и сцены дореволюціонной Франціи» (по мемуарамъ Сенъ-Симона), переводъ съ французскаго.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Разборъ выдающихся произведеній русской и переводной литературы; обзоръ русскихъ журналовъ.

Изъ западной культуры. Разборъ выдающихся произведеній иностранной литературы.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о различныхъ событіяхъ и явленіяхъ русской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, дѣятельности разныхъ обществъ, съѣздовъ и т. п.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ рефераты статей особенно интересныхъ **Изъ иностранныхъ журналовъ**, а также статьи и корреспонденціи о текущихъ выдающихся явленіяхъ иностранной жизни.

Научный обзоръ. Статьи и рефераты по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ и техники. Научный фельетонъ. Дополненіемъ къ этому отдѣлу служатъ **Текущія научныя новости**, составляемыя по русскимъ и иностраннымъ научнымъ изданіямъ.

Библіографія. Рецензіи о русскихъ, переводныхъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще-образованной публики. **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляется по библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатые отзывы о важнѣйшихъ, появляющихся за границей, новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . .	8 руб.
Безъ доставки на годъ	7 »
За границу на годъ	10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода .	4 р.
За границу	5 »

Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:

въ январѣ	3 р.
» маѣ	3 »
» сентябрѣ	2 »
За границу: въ январѣ	4 »
» » » маѣ	3 »
» » » сентябрѣ	3 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной цѣны.

Книжные магазины при годовой и полугодовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г.

на новый иллюстрированный еженедѣльный литературный и научно-популярный журналъ для дѣтей старшаго возраста (отъ 12 лѣтъ).

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ".

Журналъ будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1-го числа каждаго мѣсяца *книжкой* небольшого формата отъ 6—10 листовъ, заключающей одно, по возможности цѣльное, беллетристическое или научно-популярное произведеніе, а въ слѣдующія 3 недѣли по 1 номеру въ размѣрѣ печатнаго листа большого формата съ разнообразнымъ литературнымъ содержаніемъ. **Всего 48 нумеровъ въ годъ.**

Программа журнала: 1) Повѣсти, разсказы, біографіи, легенды, стихотворенія (оригинальные и переводные).—2) Путешествія.—3) Очерки изъ исторіи отечественной и всеобщей —4) научно-популярныя статьи, знакомящія съ жизнью природы.—5) Разборъ книгъ.—6) Смѣсь: свѣдѣнія о различныхъ событіяхъ въ Россіи и за границей, новости изъ міра наукъ; занятія, анекдоты и пр.

Въ журналѣ будутъ принимать участіе слѣдующія лица: *В. Агафоновъ, Allegro, К. Баранцевичъ, Ю. Безродная, В. Водовозовъ, С. Елпатьевскій П. Засодимскій, Ив. Ивановъ, П. Инфантьевъ, А. Калмыкова, Д. Малинъ-Сибирякъ В. Острогорскій, Н. Позняковъ, И. Потапенко, Э. Пименова, Н. Рубакинъ, М. Сабинина, В. Сперова, В. Спрошевскій, К. Станюковичъ, Л. Туганъ-Барановская, Л. Шелгунова, Е. Чириковъ* и др.

Въ первыхъ номерахъ предполагаются къ напечатанію, между прочимъ, слѣдующія произведенія: «На запретномъ пути», путешествіе по Тибету, Ландора. *Э. Пименовой.*—«На зарѣ христіанства», разсказъ изъ русской исторіи *Ю. Безродной*—«Рождество въ африканской степи», пер. съ англ.—«На чужбинѣ», изъ сѣверо американской жизни, *Б. Аугустн.*—«Уссурійскій край», по *Шрейдеру*—«Среди черныхъ людей», истор. повѣсть.—«Разсказъ хивинскаго плѣнника», *П. Инфантьева.*—«Между молотомъ и наковальней», романъ Шпильгагена, въ переработкѣ *Л. Шелгуновой*—«Архитектурныя чудеса природы» *М. Сабининой.*—«Домашняя жизнь у индѣйцевъ»,—«Побѣда надъ Монбланомъ», съ франц.—«Изъ жизни земли» (очерки по геологіи),— Астрономическія бесѣды.

Стремясь къ тому, чтобы журналъ могъ проникнуть туда, гдѣ до сихъ поръ не находила себѣ достаточнаго доступа дѣтская книга, редакція назначила за него возможно доступную цѣну: **2 р. въ годъ** съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, при чемъ допускается слѣдущая разсрочка: **1 р.** при подпискѣ и **1 р.** 1-го мая.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: СПБ. Греческій пр., д. № 15, кв. 31, въ книжномъ складѣ А. Калмыковой, въ редакціи журнала «Образованіе» и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ:

Издательница: женщина-врачъ *Е. Казакевичъ-Стефановская.*
Редакторъ женщина-врачъ *Э. Пименова.*

РЕДАКЦІЯ ИЗДАНІЙ М. Н. СЛѢПЦОВОЙ

(С.-Петербургъ, Симбирская, 12)

ПЕРЕПЕЧАТАЛА, ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ“

Чтеніе для кончающихъ и окончившихъ начальную школу,

вторымъ изданіемъ 80 книжекъ, которыя впервые изданы были въ составѣ журнала «Читальня Народной Школы» 1894—97 гг., когда журналъ этотъ находился въ вѣдѣніи А. А. Слѣпцова и его ближайшихъ сотрудниковъ, и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія

Допущены въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки городскихъ низшихъ училищъ и въ безплатныя читальни.

Съ 1-го января 1899 года

редакція будетъ продолжать это изданіе въ формѣ

ЖУРНАЛА СЪ КАРТИНКАМИ

„КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ“

около 1.600—1.800 страницъ въ годъ въ 12-ти выпускахъ (по 2—3 книжки въ выпускѣ), что дастъ возможность пріобрѣтать годовыя серіи книжекъ по подписной цѣнѣ (процентовъ на 40 дешевле сравнительно съ послѣдующей, продажной, цѣною тѣхъ же книжекъ) и съ оплатою пересылки по журнальному, а не по вѣсовому тарифу.

Въ составѣ серіи II данъ будетъ, между прочимъ, обзоръ тѣхъ изъ книгъ, напечатанныхъ за періодъ времени отъ октября 1898 г. по октябрь 1899 г., которыя представятъ интересъ для читателей съ подготовкою начальной школы.

Къ журналу «КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ» прибавляется, кромѣ того, отдѣлъ—

„ДЛЯ МЛАДШИХЪ“.

Три обильно иллюстрированныхъ выпуска въ годъ съ матеріаломъ, приспособленнымъ къ тремъ обычнымъ отдѣленіямъ начальной школы: младшему, среднему и старшему. Она составитъ какъ бы постоянно обновляемую и пополняемую книжку для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Подписная цѣна въ годъ:

«Книжка за книжкой» съ отдѣломъ «Для младшихъ» .. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
«Книжка за книжкой» безъ отдѣла «Для младшихъ» .. 2 р. 50 к. » 3 р. — к.
«Для младшихъ» отдѣльно, безъ «Книжки за книжкой» — р. 80 к. » 1 р. — к.

Подписка принимается въ редакціи изданій М. Н. Слѣпцовой—С.-Петербургъ, Симбирская. 12, и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Иногороднихъ просятъ, во избѣжаніе недоразумѣній по пересылкѣ, адресовать свои требованія, по возможности, въ редакцію непосредственно.

Редакція открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ и табельныхъ отъ 12-ти до 3 часовъ.

Издатели-редакторы: М. Слѣпцова.
А. Слѣпцовъ.

НОВАЯ КНИГА

АДА НЕГРИ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. ВАТСОНЪ.

Съ портретомъ Ады Негри.

Цѣна 50 коп.

Годъ VIII-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 29-го декабря 1898 г. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1899:1
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ. (Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи). Ев. Тарле. 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ ИЗЪ ГЕЙНЕ. Zum Lazarus. О. Чюминой. . 27
3. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. К. Станюковича. 29
4. РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. Роберта Сизеранна. Переводъ съ французскаго Т. Богдановичъ. 62
5. ТРУДЪ И ЗДОРОВЬЕ. А. Т. 87
6. НА ГОЛОДѢ. Разсказъ Киплинга. Переводъ съ англійскаго. Л. Давыдовой 96
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЬЮГА. С. Яхонтова 117
8. КАИНЪ И АРТЕМЪ. Разсказъ М. Горькаго 118
9. ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ ПСИХИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ. Проф. Г. И. Челпанова. 147
10. СТУДЕНТКА. Романъ Грэхэмъ Трэверса. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. 164
11. ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ. («Молодая россія» шестидесятыхъ годовъ). Ив. Иванова. 198
12. ПАМЯТИ АДАМА МИЦКЕВИЧА. (1798—1898) Изъ стихотворенія, читаннаго авторомъ въ общемъ собраніи членовъ Кіевскаго Литературно-Артистическаго Общества, посвященномъ чествованію памяти поэта). П. Глокке. 252

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Къ характеристикѣ истекшаго года.—Выдающіеся юбилеи; потери русскаго искусства; выдающіяся вещи въ беллетристикѣ; затишье въ публицистикѣ.—Полное собраніе произведеній г-жи Микуличъ: «Мимочка», «Зарницы», «Черемуха».—Народный художникъ, «Иванъ Ѳеровичъ Горбуновъ», А. Ѳ. Кони. — Письмо въ редакцію по поводу замѣтки о брошюрѣ о. Блинова. А. Б. 1
14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ голодающихъ губерній.—Народные учителя Нижегородской губ.—Ртутное дѣло въ Бахмутѣ.—Духоборы въ Сибири.—Юбилей В. И. Герье. . 15

84307

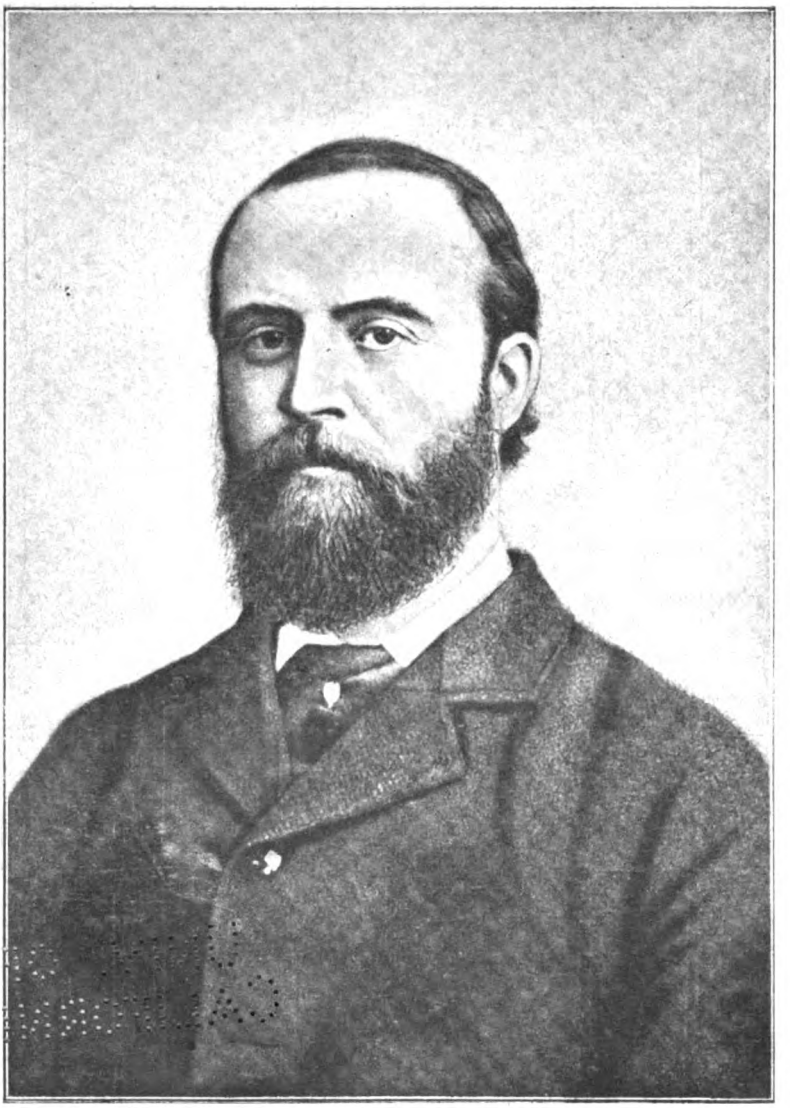
стр.

15. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УХОДѢ ЗА ДУШЕВНО-БОЛЬНЫМИ ВЪ НАШИХЪ ПСИХІАТРИЧЕСКИХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. Д-ра **Мих. Морозова** 26
16. **За границей.** Современная Испанія.—Пятидесятилѣтіе американскаго общества поощренія наукъ.—Тайныя общества и положеніе дѣлъ въ Китаѣ.—Проектъ профессіональной школы журналистовъ. 34
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des deux Mondes»—«Revue des Revues».—«Zukunft».—«North american Revues». . . 43
18. ПАРИЖСКІЕ «НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ». **Ю. Надеждина** 47
19. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Новые элементы: Ксенонъ.—Эфиріонъ и его свойства.—Дѣйствительно ли эфиріонъ есть элементарное тѣло?—Чума и ея распространеніе.—Крысы и паразиты, какъ главные разносители заразы.—Мѣры предосторожности противъ чумы.—Результаты лѣченія больныхъ посредствомъ противочумной сыворотки.—Пули малаго калибра и ихъ дѣйствіе.—Успѣхи техники: Желѣзная дорога на Юнгфрау и развитіе желѣзнодорожной сѣти за 1897 годъ.—Проектъ англійской экспедиціи къ южному полюсу. **Н. М.** 55
20. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика. — Публицистика. — Исторія литературы и искусства. Библіографія.—Исторія всеобщая и русская. — Политическая экономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва 67
21. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. «Гдѣ настоящая Франція?» **Ив. Иванова.** 93
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 113

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ВЕРОНИКА. Историческій романъ **Шумахера.** Переводъ съ нѣмецкаго **З. А. Венгеровой.** 1
24. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ,** покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго.** Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ 1
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

UNIV. OF
CALIFORNIA



Чарльзъ Парнель.

UNIV. OF CALIFORNIA

ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ.

(Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи).

Эпоха Парнеля, столь близкая хронологически и столь отдаленная въ моральномъ отношеніи, отошла въ область исторіи. Глубокое затишье, царящее въ англо-ирландскихъ дѣлахъ теперь и обѣщающее продолжиться еще значительное время, наступило не сразу послѣ смерти Парнеля. Когда билль Гладстона объ ирландскомъ самоуправленіи былъ въ 1893 году отвергнутъ палатою лордовъ, весьма многіе (въ томъ числѣ и самъ покойный вождь либераловъ) думали, что возникнутъ серьезнѣйшія осложненія въ парламентской и внѣпарламентской жизни, что на сценѣ явится снова парнелизмъ въ той или иной формѣ. Но эти опасенія не сбылись. Все глуше становились голоса гомрулеровъ, все тише и безцвѣтнѣе дѣлалось аграрное движеніе, все спокойнѣе и увѣреннѣе дѣйствовало англійское правительство и все небрежнѣе и невнимательнѣе стало относиться къ Ирландіи англійское общественное мнѣніе. Билль 1893 года оказался послѣднимъ отголоскомъ дѣятельности Парнеля; какъ только эта попытка была отбита,—на новыя уже никто не отваживался.

Повторятся ли опять въ ирландской исторіи восьмидесятые годы мы не знаемъ; съ увѣренностью можно сказать только, что новое движеніе сможетъ черпать для себя въ исторіи парнелизма цѣлый рядъ самыхъ поучительныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній. И если дѣятельность Парнеля навсегда сохранитъ живѣйшій практическій интересъ въ глазахъ тѣхъ, которые явятся его продолжателями, то не менѣе интересенъ этотъ человѣкъ также для всѣхъ, кого занимаютъ проблемы объ исторической роли индивидуальной личности, объ ея мѣстѣ въ общемъ ходѣ соціальной эволюціи. Глубокое и хроническое разстройство Ирландіи въ экономическомъ отношеніи, расовый антагонизмъ и необыкновенная яркость соціальныхъ контрастовъ въ этой странѣ—вотъ какія силы создали благопріятную почву для дѣятельности Парнеля и дали этой дѣятельности смыслъ и цѣль. Но если мы спросимъ себя, какимъ образомъ представитель интересовъ маленькой обнищалой провинціи могъ пятнадцать лѣтъ бороться съ государствомъ,

у котораго болѣе трехсотъ пятидесяти милліоновъ подданныхъ, то мы должны будемъ приписать Парнелю, и ему одному, честь исполненія этого, повидимому, неосуществимаго предпріятія. Если былъ когда-нибудь дѣятель, который использовалъ для своихъ цѣлей всѣ средства, бывшія въ его распоряженіи, то такимъ дѣятелемъ является Парнель. Все, что только можетъ сдѣлать индивидуальная воля, и все, что только можетъ придумать умъ государственнаго человѣка, было имъ сдѣлано и придумано. Біографія Парнеля представляетъ общій интересъ, потому что она вполнѣ ясно показываетъ, на какой предѣльной чертѣ необходимо останавливаются всѣ усилія разума и порывы чувства, какъ бы ни были они велики и широки, если только реальныя общественныя силы не могутъ доставить имъ достаточной поддержки. Удивительно не то, что парнелизмъ остался безрезультатнымъ, а то, что онъ больше десятилѣтія держалъ въ напряженіи всю Англію, и ключемъ къ нѣкоторому объясненію этой загадки всегда останется біографія ирландскаго лидера—и она одна.

I.

Отецъ Парнеля былъ англичанинъ и протестантъ; его предки выселились изъ Англіи въ Авондэльскій округъ, въ Ирландіи. За свое долговременное пребываніе въ Ирландіи Парнели близко сошлись съ ирландскимъ населеніемъ, которому были чужды и по расѣ, и по крови, и снискали себѣ искреннюю любовь аборигеновъ ихъ округа. Отецъ Парнеля, сэръ Джонъ, путешествуя по Соединеннымъ Штатамъ, встрѣтился тамъ съ Миссъ Стюартъ, дочерью американскаго вице-адмирала, и женился на ней. Отъ этого брака и родился въ Авондэлѣ 27-го іюня 1846 года Чарльзъ Парнель. Дѣтство мальчика до 6 лѣтъ протекло въ домѣ родителей въ Авондэлѣ; когда ему исполнилось шесть лѣтъ, его отдали въ школу къ нѣкоему Бартону, въ Англіи. Здѣсь онъ окончилъ свое среднее образованіе и поступилъ въ университетъ. Каковы могли быть въ эту пору его политическія симпатіи, сказать трудно; онъ былъ очень скрытенъ и ни съ кѣмъ не дѣлился своими мыслями. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что еще въ раннемъ дѣтствѣ сталъ врагомъ своего народа—англичанъ—и другомъ чуждыхъ ему ирландцевъ по слѣдующему поводу.

Жилъ въ Авондэлѣ старый дворникъ, съ которымъ маленькій Парнель очень подружился и который часто занималъ его своими разсказами. Старикъ помнилъ еще, какъ въ 1798 году ирландцы, выведенные изъ терпѣнія религіозными притѣсненіями и голодомъ, возстали противъ англійскаго владычества; помнилъ онъ также и страшное усмиреніе бунта. Объ одномъ изъ эпизодовъ усмиренія онъ и разсказалъ Парнелю *). Какой-то инсургентъ былъ взятъ въ плѣнъ и при-

*) O'Connor, Parnell movement. (London, 1886). Стр. 258.

говоренъ къ засѣченію до смерти. Распоряжавшійся экзекуціей полковникъ велѣлъ бить привязаннаго къ телѣгѣ плѣнника по животу и тотъ погибъ послѣ страшныхъ мукъ, все время умоляя сжалиться надъ нимъ и покончить разомъ.

Этотъ разсказъ,—по словамъ Парнеля,—и вселилъ въ его сердце ненависть къ англійскому владычеству. Поступивши въ Кэмбриджскій университетъ 18-ти лѣтъ, онъ провелъ тамъ четыре года; онъ не высказывался ни предъ кѣмъ изъ товарищей и намъ неизвѣстно, какой духовной жизнью жилъ онъ въ это время. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ Парнель въ 1869 году оставилъ это заведеніе, не получивши никакой ученой степени. Въ Кэмбриджѣ онъ производилъ на окружающихъ впечатлѣніе посредственнаго, ординарнаго юноши, который интересуется не столько науками, сколько крокетомъ и всякимъ другимъ спортомъ.

Въ 1867 году только произошло событіе, которое оказало громадное вліяніе на всю его жизнь и, по мнѣнію близкихъ, окончательно опредѣлило общій характеръ его политическихъ убѣжденій. Дѣло въ томъ, что въ шестидесятыхъ годахъ въ Ирландіи поднялось феніанское движеніе. Начались политическія убійства. Правительство при борьбѣ съ феніанствомъ соблюдало полную лойяльность: оно ставило посредникомъ между собою и феніями судъприсяжныхъ и заботилось лишь о возбужденіи своевременныхъ процессовъ противъ членовъ феніанскаго общества. Нѣсколько феніевъ сидѣло въ тюрьмѣ въ Манчестерѣ, когда въ началѣ 1867 года было произведено покушеніе со стороны ихъ товарищей освободить заключенныхъ; при этомъ покушеніи одинъ изъ часовыхъ былъ убитъ нападавшими. Виновные были схвачены, преданы суду *) и, послѣ обвинительнаго приговора присяжныхъ, приговорены къ смертной казни. Всѣ они были повѣшены въ Мончестерѣ. Парнель былъ страшно потрясенъ этимъ дѣломъ и сестра его говоритъ **), что съ тѣхъ поръ въ немъ совершился глубокій переворотъ. Узнавши о манчестерскихъ происшествіяхъ, онъ измѣнилъ своему обычному хладнокровію, со слезами бѣшенства говорилъ объ англичанахъ и долго не могъ успокоиться. Но потомъ все вскорѣ вошло въ свою колею.

По окончаніи университетскаго курса съ 1869 г. по 1874 Парнель жилъ въ доставшемся ему отцовскомъ помѣстьѣ около Авондэля и велъ лѣнивую, праздную и скучную жизнь country gentleman'a. Онъ былъ, по отзывамъ знавшихъ его въ то время лицъ, типичнымъ англійскимъ аристократомъ и по манерамъ, и по внѣшнему виду. Чѣмъ онъ занимался съ беззавѣтной энергіей, не щадя своихъ силъ—это спортомъ: онъ плавалъ, удилъ рыбу, охотился, катался верхомъ—и продѣлывалъ все это въ грандіозныхъ, пугающихъ размѣрахъ.

*) См. интересный отчетъ объ этомъ процессѣ въ Annual Register 1867, стр. 196. (Изд. London, 1868).

**) Dictionary of national biography, Г. 43. Стр. 323. (London, 1895).

*

Съ начала 70-хъ годовъ онъ начинаетъ присматриваться къ ирландскимъ дѣламъ и вступаетъ въ первыя сношенія съ людьми, представлявшими тогдашнее движеніе. Прежде всего онъ познакомился съ именемъ Исаака Бьюта, который основалъ въ 1870 году «общество гомруля» и считался самымъ выдающимся и многообѣщающимъ человѣкомъ. Исаакъ Бьютъ былъ дѣятелемъ, въ политической добросовѣстности котораго никто не имѣлъ повода усомниться; что же касается до его убѣжденій, то онъ, засѣдая въ англійскомъ парламентѣ, придерживался того мнѣнія, что это государственное учрежденіе въ свое время дастъ и самоуправленіе Ирландіи и исполнитъ всѣ желанія ирландскихъ патріотовъ, если только его не раздражать и не пугать. Въ эти времена, т.-е. въ срединѣ 70-хъ годовъ, ирландскихъ гомрулеровъ было въ парламентѣ около шестидесяти; это число (и само по себѣ ничтожное) не можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что въ нижней палатѣ было шестьдесятъ человѣкъ убѣжденныхъ защитниковъ ирландскаго дѣла: болѣе половины изъ нихъ принадлежало къ англійскимъ вигамъ, голосовавшимъ обыкновенно противъ репрессивныхъ мѣръ, когда онѣ предлагались правительствомъ въ видахъ обузданія фенiанскаго движенія. Эти 30—35 виговъ, примыкавшихъ къ ирландцамъ по частнымъ вопросамъ, позволяли также надѣяться на то, что, когда билль объ ирландскомъ самоуправленіи будетъ, наконецъ, представленъ въ палату, они, можетъ быть, подадутъ голосъ за него. Депутатовъ ирландцевъ, смотрѣвшихъ на свое присутствіе въ британскомъ парламентѣ только и исключительно, какъ на средство добиться home-rule'я, было не больше тридцати человѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ Исаакъ Бьютъ не видѣлъ способа бороться съ большинствомъ иначе, какъ напоминаніями, убѣжденіями, просьбами, временными сдѣлками съ отдѣльными парламентскими котеріями. Онъ былъ добрый, мягкій человѣкъ, дѣйствовавшій такъ, какъ если бы имъ вполнѣ владѣла увѣренность, что англичане отказываются дать Ирландіи самоуправленіе по какому-то роковому недоразумѣнію, которое нужно устранить, и тогда все пойдетъ хорошо. Не видя почвы для борьбы въ парламентѣ, не имѣя охоты предпринять слишкомъ ожесточенную кампанію, этотъ человѣкъ придерживался политики au jour le jour и довольствовался тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ напоминалъ нижней палатѣ о своей родинѣ и ея нуждахъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что Исаакъ Бьютъ былъ человѣкъ бѣдный, долженъ былъ весь свой вѣкъ бороться съ нищетой, однажды сидѣлъ даже (въ разгарѣ предвыборной агитаціи, когда его присутствіе было особенно необходимо) въ долговой тюрьмѣ *).

*) См., напр., O'Connor, Parnell movement (London, 1889). Стр. 140: there used to be terrible stories even in the days, when he was an english member of parliament of *unpaid calmen* and *appearances of police-courts.*

Маленькая, слабая, сѣренькая кучка ирландскихъ депутатовъ, сгрупировавшаяся около Исаака Бьюта, являлась представительницей движенія въ началѣ 70-хъ годовъ. Но если тутъ отсутствовалъ цѣлый рядъ условій, необходимыхъ для процвѣтанія и усиленія партійнаго дѣла, зато на лицо было одно обстоятельство, имѣющее большую важность и въ парламентской, и въ непарламентской жизни: строгая опредѣленность положительнаго идеала. Въ 1798 году въ Ирландіи произошло возстаніе, которое было подавлено и окончилось изданіемъ билля 26-го мая 1800 года о такъ называемой «окончательной уніи». Этотъ билль объявлялъ Ирландію неотдѣлимой частью Британскаго королевства и предоставлялъ странѣ посылать въ англійскій парламентъ 32 (избираемыхъ) перовъ въ палату лордовъ и сто депутатовъ въ палату общинъ. Въ виду того, что изъ этихъ ста человѣкъ всегда попадало въ парламентъ болѣе половины природныхъ англичанъ, живущихъ въ Ирландіи, страна считала себя лишенной дѣйствительнаго представительства и съ самаго начала 19-го вѣка ирландская партія поставила себѣ цѣлью добиться отмѣны (repeal) уніи и установленія особаго ирландскаго парламента, который бы вѣдалъ дѣла острова и лишь по нѣкоторымъ, самымъ общимъ вопросамъ внѣшней политики, былъ бы связанъ съ Англіей.

Вотъ главный базисъ движенія въ пользу гомруля, которое проходитъ черезъ все столѣтіе. Бывали времена, когда ирландская агитація вспыхивала такъ ярко и внезапно, что обращала на себя вниманіе всего міра; такъ было въ эпоху О'Коннеля, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ; такъ бывало обыкновенно во времена кульминаціи тѣхъ голодовокъ, которыя періодически посѣщаютъ Ирландію. Соціальные вопросы здѣсь тѣсно переплетались съ политическими; въ самоуправленіи, въ гомрулѣ начинали видѣть панацею отъ всѣхъ экономическихъ золъ; вѣчный антагонизмъ кельтической и англо-саксонской расъ придавалъ движенію раздраженный, страстный характеръ, и вотъ почему борьба изъ-за гомруля принимала иногда такіе грандіозные размѣры. Классовой элементъ, національный антагонизмъ и вполнѣ опредѣленный ближайшій идеалъ—вотъ тѣ черты, которыя сдѣлали борьбу за самоуправленіе одною изъ самыхъ кровавыхъ страницъ въ исторіи Великобританской имперіи. Феніи, дѣйствовавшіе насильственнымъ образомъ противъ англійскихъ лендлордовъ и чиновниковъ, представляли внѣ-парламентскую сторону движенія; какъ было представлено движеніе въ палатѣ общинъ,—мы уже сказали. Феніанство было противно Исааку Бьюту, который полагалъ, что оно только раздражаетъ англичанъ и тормозитъ разрѣшеніе вопроса о гомрулѣ путемъ положительнаго законодательства.

II.

Въ 1874 году должны были произойти общіе выборы въ парламентъ; Бьютъ находился съ цѣлями агитаціи въ Дублинѣ, когда къ

нему явился въ одинъ прекрасный день молодой Чарльзъ Парнель и заявилъ, что желаетъ баллотироваться въ качествѣ члена ирландской партіи и намѣренъ поставить свою кандидатуру въ округѣ Уиклоу. Такъ какъ Бьютъ имѣлъ удовольствіе видѣть молодого человѣка въ первый разъ въ жизни, то изумленъ онъ былъ чрезвычайно. Дѣло въ томъ, что вѣдь до сихъ поръ Парнель никому въ мірѣ ни единаго слова о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ не говорилъ, политикой совершенно не занимался и, вообще, до этого времени, т. е. до 28-милѣтняго возраста ни къ какому занятію, кромѣ спорта, пристрастія не обнаруживалъ. Далѣе, выглядѣлъ Парнель англійскимъ лендлордомъ чистой воды и говорилъ по-англійски съ тѣмъ акцентомъ, который дается только природнымъ британцамъ, а нужно сказать, что ирландскіе избиратели относятся къ этому достоинству очень двусмысленно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Бьютъ зналъ, что и отецъ, и дѣдъ Парнеля всегда стояли за Ирландію противъ ея притѣснителей, и что это семейство пользуется въ странѣ большимъ почтеніемъ. Кромѣ того, Парнель былъ состоятеленъ, партія могла и не платить ему жалованья, которое получали отъ нея ирландскіе депутаты, слѣдовательно, для партійной кассы предвидѣлась значительная экономія, если бы Парнель былъ выбранъ.

Итакъ, отказать ему въ содѣйствіи партіи не было причинъ. Исаакъ Бьютъ доложилъ о просьбѣ Парнеля «комитету гомруля», завѣдывавшему предвыборной агитаціей. Комитетъ долго не зналъ, что ему дѣлать съ Парнелемъ, но все-таки рѣшилъ въ концѣ концовъ помочь молодому кандидату. На одномъ изъ митинговъ, предъ самыми выборами, Парнеля отрекомендовали публикѣ, какъ одного изъ желательныхъ членовъ будущей палаты, и предоставили ему произнести рѣчь. Тутъ произошло нѣчто въ высокой мѣрѣ непріятное и неожиданное *). Парнель взошелъ на трибуну и началъ что-то говорить быстро и невразумительно, останавливался, глоталъ слова, бормоталъ ихъ про себя и, наконецъ, измучивъ аудиторію, остановился на полусловѣ и умолкъ. Таковъ былъ ораторскій дебютъ новаго кандидата. Впечатлѣніе онъ произвелъ на слушателей самое странное: они недоумѣвали, какъ могъ комитетъ рекомендовать имъ такую бездарность. Черезъ короткое время послѣ митинга произошли выборы, и Парнель былъ проваленъ огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Эти непріятности—скандалъ на митингѣ и неудача на выборахъ—не уменьшили энергіи Парнеля. И то, и другое онъ перенесъ совершенно спокойно и объявилъ, что, какъ только произойдутъ какіе-нибудь частичные, дополнительные выборы, онъ опять поставитъ свою кандидатуру. Случай представился: депутатъ отъ округа Мисъ весною 1875 года умеръ, и надо было выбрать новаго. Парнель баллотиро-

*) См. описаніе эпизода у очевидца Sullivan'a: New-Ireland, стр. 409.

вался и въ апрѣлѣ 1875 года былъ, дѣйствительно, избранъ. Вечеромъ 22 апрѣля 1875 года онъ впервый разъ вошелъ въ парламентъ.

Весенняя сессія 1875 года была для ирландской партіи очень интересна, такъ какъ правительство намѣрено было предложить билль о репрессіи (coercion) противъ феніанцевъ. Этотъ законопроэктъ охотнѣе и чаще назывался «биллемъ о сохраненіи спокойствія въ Ирландіи». Въ 1872 году число аграрныхъ преступленій достигло до 255, въ 1873 году до 254, въ 1874 году до 263 *). На этомъ основаніи членъ кабинета (Биконсфильда) сэръ Михаилъ Гиксъ-Бичъ полагалъ, что слѣдуетъ продолжить и на будущее время исключительные законы для Ирландіи и даже увеличить власть намѣстника. Ирландскіе депутаты протестовали, но слабо, безъ всякой системы, каждый отъ себя, не сговорившись съ товарищами.

Черезъ 4 дня послѣ своего вступленія въ палату, 26 апрѣля, Парнель произнесъ по поводу законопроекта свою первую рѣчь **). Онъ говорилъ въ этотъ вечеръ замѣчательно хорошо, такъ же, какъ въ продолженіе всей остальной своей карьеры; инцидентъ на ирландскомъ митингѣ былъ первымъ и послѣднимъ въ его жизни. Говорилъ онъ спокойно, громко, ясно, увѣренно, безъ малѣйшихъ признаковъ фразерства и какъ-то сразу заставилъ себя слушать. «Я удивляюсь», сказалъ онъ: «что по поводу нѣсколькихъ происшествій въ одномъ ирландскомъ округѣ намъ предлагаютъ установить исключительные законы для всѣхъ жителей острова. Намъ говорятъ, что наши англійскіе лендлорды боятся за свое право собственности. Но мы всегда слышимъ здѣсь о *правахъ* собственности и никогда ничего не слышимъ о ея *обязанностяхъ*»... «Намъ говоритъ г. депутатъ отъ Дерри, что даже ирландскіе арендаторы земли стоятъ за билль о репрессіи. Я не думаю, чтобы ирландскіе арендаторы настолько погрязли въ себялюбіи, что согласны жертвовать интересами своей страны выгодамъ своего класса. Можетъ быть придетъ день, когда ирландскій арендаторъ увидитъ, что я такой же искренній его другъ, какъ, напр., г. депутатъ отъ Дерри; я это прямо говорю, зная, что арендатору важно обезпеченіе его земли, но зная также, что корень всѣхъ ирландскихъ смутъ лежитъ въ томъ пренебреженіи и забвеніи въ которомъ находятся принципы ирландскаго гомруля... ***). Нельзя, смотрѣть на Ирландію, какъ на географическую частицу Англіи. Ирландія не географическая частица, а нація».

Послѣ Парнеля говорили и повторяли раньше сказанныя рѣчи другіе члены ирландской партіи. Какъ и слѣдовало ожидать, билль прошелъ въ

*) См. Annual Register 1875 (изд. Lond. 1876), part I, стр. 17.

**) Hansard's Parliamentary Debates, third series, 38 парл. сессія Викторіи, годъ 1875 (изд. Lond. 1875), томъ 223-й, стр. 1643.

***) ...Knowing also, that in the neglect... of the principles of selfgovernment lay the root of all irish trouble (Parliam. Deb., loco cit., стр. 1645.

первомъ чтеніи съ довольно значительнымъ большинствомъ (155 противъ 69) *); прошелъ онъ и въ остальныхъ чтеніяхъ. Приглядываясь къ своимъ товарищамъ по дѣлу (съ которыми онъ до сихъ поръ не встрѣчался), Парнель могъ замѣтить слѣдующее. То, что Исаакъ Бьютъ называлъ своею партіей, не вполнѣ заслуживало такого громкаго титула. Въ общемъ, людей, именовавшихъ себя «ирландскими патріотами», было отъ тридцати пяти до сорока; иногда къ нимъ присоединялись англійскіе виги, однако, твердо разсчитывать на это, значило бы обнаружить излишнюю довѣрчивость. Но, какъ ни мало было настоящихъ ирландцевъ, ядра партіи,—члены этого ядра уже успѣли между собою перессориться и такъ эффектно съумѣли это сдѣлать, что въ парламентѣ посторонніе люди увѣряли, будто ирландцы другъ съ другомъ совсѣмъ не разговариваютъ, а сносятся между собою, когда нужно, черезъ своихъ враговъ—англичанъ. Кромѣ того, хотя общій идеалъ—гомруль былъ вполнѣ ясенъ, но чуть ли не каждый изъ членовъ партіи въ началѣ 70 гг. имѣлъ свою особую практическую программу дѣйствій; такимъ образомъ, получалось нѣсколько десятковъ программъ. Если мы примемъ къ свѣдѣнію, что въ ежедневной парламентской жизни каждый творецъ программы слѣдовалъ ей, и только ей одной, то легко сможемъ себѣ представить, какъ внушительны должны были быть дѣйствія ирландской группы для британскаго парламента.

Кромѣ всего этого, были еще черты у большинства парламентскихъ товарищей Парнеля, которыя отдаляли его отъ нихъ: Исаакъ Бьютъ и много другихъ ирландскихъ депутатовъ относились къ феніямъ и ихъ дѣятельности не только отрицательно, но и прямо враждебно. Самъ Парнель съ феніями близокъ не былъ, но съ тѣхъ поръ, какъ еще во времена его студенчества въ Манчестерѣ повѣсили нѣсколькихъ феніевъ, онъ, не высказываясь до поры, до времени, прямо относительно ихъ политики, сталъ упорнымъ врагомъ всѣхъ мѣръ, предпринимаемыхъ противъ нихъ и вскорѣ послѣ его вступленія въ парламентъ для всѣхъ стало ясно, что фенiанство не въ немъ должно искать своего оппонента. Обусловливалось ли это зарождавшееся сочувствіе фанатическимъ темпераментомъ, который таился въ Парнелѣ, или впечатлѣніемъ манчестерскихъ происшествій **), или соображеніями теоретическаго свойства, или всѣми этими обстоятельствами вмѣстѣ—мы не знаемъ; достаточно сказать, что эта черточка была подмѣчена Бьютомъ и другими ирландскими депутатами—и не произвела на нихъ особенно выгоднаго впечатлѣнія. Феніи, съ своей

*) Счетъ голосовъ см. Parliam. Deb., стр. 1662 и 1683.

**) O'Connor прямо говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Commission edition, Lond. 1889—parnell-movement, стр. 137): to him, brooding from his early gays over the history of his country, this catastrophe came to crystallize impressions into convictions and to pave the way from dreams to action. It was the execution of Allen, Larkin and O'Brien that gave M-r Parnell to the service of Ireland.

стороны, къ дѣятельности такихъ людей, какъ Исаакъ Бьютъ, относились рѣзко отрицательно, а къ Парнелю съ первыхъ его шаговъ почувствовали довѣріе *). Когда въ іюнѣ 1876 года Гиксъ-Бичъ назвалъ феніевъ убійцами, Парнель громко протестовалъ и произвелъ тогда въ первый разъ сильную сенсацію.

Но ни въ 1875, ни 1876 годахъ онъ не выступалъ серьезно на парламентской аренѣ; онъ все присматривался и готовился къ борьбѣ. Вести дѣло такъ, какъ его вели до сихъ поръ ирландцы, представлялось ему безполезнымъ; ясно было, что никакія просьбы и обращенія къ парламенту относительно гомруля не приведутъ ни къ какимъ результатамъ. Не имѣя надежды упросить кабинетъ Биконсфильда сдѣлать что-нибудь для Ирландіи, партія не могла и пытаться низвергнуть кабинетъ уже вслѣдствіе своей, крайней малочисленности, даже если бы она была хорошо организована. И вотъ, у Парнеля созрѣлъ планъ, которому суждено было осуществиться на глазахъ всей Европы. Онъ рѣшилъ тормозить и останавливать конституціонную жизнь страны, пользуясь для этого всѣми средствами, какія только даетъ законъ каждому депутату, пуская въ ходъ всѣ пружины парламентской формалистики. Намѣреніе было смѣлое; привести его въ исполненіе значило какъ разъ остановиться на той грани, которая отдѣляетъ легальные пріемы борьбы отъ революціонныхъ. Разумѣется, разъ ставилась задача систематически затруднять парламентскую жизнь,—не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы сохранить добрыя отношенія съ либералами; каждый либералъ долженъ былъ такъ же яро возстать противъ этихъ замысловъ, какъ самъ премьеръ Биконсфильдъ.

Исаакъ Бьютъ сразу воспротивился плану Парнеля. Правда, обструкція примѣнялась уже раньше нѣсколько разъ ирландской партіей,—но это были отдѣльные, спорадическіе случаи, имѣвшіе цѣлью отложить обсужденіе непріятнаго законопроэкта и только; о томъ, чтобы бросить перчатку въ лицо всему парламенту, безъ различія партіей, чтобы открыто стараться дискредитировать палату и создать серьезнѣйшія осложненія въ государственной жизни,—о такомъ шагѣ ирландцы не думали. Въ сущности, примиренія между образомъ дѣйствій Бьюта и новой политикой Парнеля—быть не могло. На вопросъ: можно ли чего-нибудь ожидать отъ парламента, если не вызывать его гнѣва? Бьютъ отвѣчалъ: да, можно, а Парнель отвѣчалъ: нѣтъ, нельзя. Бьютъ ничего такъ не боялся, какъ порвать съ парламентомъ, а Парнель сознательно на это шелъ. Ирландцы колебались, не зная за кѣмъ слѣдовать. Пока, въ 1877 году, большинство стало на сторону Бьюта; изъ меньшинства нѣкоторые остались нейтральными, но высказывались—и

*) См. отзывъ стараго фенія John'a O'Leary (Recollections of Fenians and Fenianism, Londrn 1896, томъ 2-й, стр. 169).

лишь нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ нѣкто Биггаръ, объявили себя на сторонѣ Парнеля. Биггаръ, который имѣлъ полное право называть себя парнелитомъ до Парнеля, практиковалъ уже время отъ времени обструкцію нерѣдко на собственный рискъ и страхъ. Теперь, когда обструкція возводилась въ систему, онъ съ радостью предложилъ Парнелю свои услуги и убѣдилъ еще нѣсколькихъ ирландцевъ въ правильности парнелевскаго метода. Лѣтомъ 1877 года началась кампанія.

7-го іюня обсуждался билль о тюрьмахъ, законопроэктъ частнаго характера, никого особенно не интересовавшій. Парнель придирался буквально къ каждому слову докладчика, дѣлалъ вопросы за вопросами и добился того, что цѣлый день былъ убитъ на всевозможные пустяки, и билль отложенъ. Это было обструкціонистскимъ дебютомъ. Сначала въ парламентѣ выражали мнѣніе, что опять дѣло идетъ о частичной ирландской обструкціи, и только недоумѣвали, почему вдругъ ирландцамъ захотѣлось задерживать билль, не имѣющій къ нимъ никакого касательства. Но вскорѣ палата увидѣла, что она должна считаться не съ частичной, случайной обструкціей, а съ принципіальной. Почти черезъ мѣсяцъ послѣ билля о тюрьмахъ обсуждался проэктъ объ измѣненіи военно-судныхъ законовъ. Парнель опять вмѣшался *), не далъ даже приступить къ разсмотрѣнію законопроэкта въ его цѣломъ, безконечно затягивалъ пренія, и палата, просидѣвши отъ 4 часовъ пополудни 2-го іюля до 7 ч. 15 м. утра 3-го іюля, разошлась, не приступивъ къ голосованію. Это страшно взволновало парламентъ. Парнель говорилъ своимъ поведеніемъ: «или вы дадите Ирландіи гомруль, или не сможете проводить за сессію и четверти тѣхъ законовъ, какіе необходимы».

Но дѣлать было нечего: онъ стоялъ все время на твердой почвѣ закона. Черезъ три недѣли слишкомъ послѣ билля о военныхъ судахъ на очередь сталъ вопросъ о южно-африканскихъ колоніяхъ Англіи, объ отношеніяхъ къ Трансваалю, который Англія хотѣла присоединить къ своимъ владѣніямъ. Напрасно лордъ-канцлеръ старался поскорѣе привести дѣло къ концу; напрасно члены парламента громко разговаривали, когда Парнель произносилъ свои рѣчи; напрасно докладчикъ былъ щепетильно точенъ и ясенъ. Запросы, недоумѣнія, придирки Парнеля и ирландцевъ слѣдовали другъ за другомъ длинной веревицей, и конца имъ не предвидѣлось. Атмосфера достигла той степени напряженности, когда со стороны даже сдержанныхъ людей мыслимы нѣкоторые эксцессы. Парнель говорилъ, повторялся нарочно, утверждая **), что постоянный шумъ не даетъ ему толкомъ высказаться, а время шло. Но вотъ, члены палаты стали слу-

*) Parliamentary Debates, 40 и 41 парл. Викторіи, томъ 235-ый, стр. 656, 659.
**) Parliam. Debates, томъ 235 стр. 1808.

шать его внимательнѣе: онъ говорилъ объ Ирландіи, сравнивалъ ее съ Южной Африкой, о которой шла рѣчь и приходилъ къ неожиданнымъ выводамъ. «Мнѣ кажется», говорилъ онъ: «что британскій парламентъ долженъ раньше привести въ порядокъ свои дѣла съ тѣми націями, которыя уже ему подчинены, а потомъ уже приниматься за вопросы о Южной Африкѣ. Мнѣ кажется, что проэктируемое образованіе конфедераціи южно-африканскихъ земель составляетъ лишь часть своекорыстной британской политики. Англійское правительство знать не хочетъ желаній другихъ и совершенно пренебрегаетъ интересами своихъ колоній. Вы просите теперь, джентльмены, чтобы мы вамъ помогли и дальше осуществлять эту эгоистическую политику. Нѣтъ, я пришелъ изъ Ирландіи, изъ страны, которая наиболѣе полнымъ образомъ испытала результаты англійскаго вмѣшательства въ ея дѣла и послѣдствія англійской тиранніи и жестокости,—и вотъ почему я нахожу совсѣмъ особое, спеціальное удовольствіе въ томъ, чтобы бороться съ намѣреніями правительства относительно Южной Африки». Все это было сказано спокойно и, какъ увѣряютъ слушавшіе рѣчь Парнеля, безконечно презрительно *). Канцлеръ казначейства въ бѣшенствѣ вскочилъ со своего мѣста и потребовалъ, чтобы эти слова были внесены въ протоколъ. Парнель цѣлую сессію мѣшалъ спокойно работать, задерживилъ дѣла, въ лицо смѣялся надъ палатой—и кончаетъ тѣмъ, что осмѣливается оскорблять британскую націю! Канцлеръ былъ внѣ себя. Онъ сейчасъ же предложилъ, чтобы Парнель на три дня былъ исключенъ изъ палаты **).

Парнель, по-прежнему сохраняя ледяное спокойствіе, вмѣсто объсненій по существу нашелъ возможность и изъ этого инцидента создать предлогъ для обструкціи: «на какомъ основаніи», — спросилъ онъ,—«канцлеръ до того, какъ покончена одинъ билль (о Южной Африкѣ) вноситъ другой—(о томъ, чтобы меня выгнать на три дня)? Это противъ правилъ!»

Тонъ его словъ и его поведенія былъ такъ глубоко оскорбителенъ, что палата, какъ одинъ человѣкъ, возмутилась противъ него. Но что же можно было сдѣлать? Вѣдь самыя слова Парнеля были строго конституціонны: выражать свое мнѣніе никому не возбраняется, и члены парламента за это не отвѣтственны. А за тонъ, за манеру высказывать свои мысли наказаній нѣтъ. Парнель одинъ во всей палатѣ былъ спокоенъ; всѣ были измучены физически, взволнованы, а многіе потрясены безсильнымъ гнѣвомъ. Но Парнель могъ знать, что ни правительство, ни палата: въ Англіи противъ закона не пойдутъ, какъ бы онъ ни былъ не кстати; предложеніе канцлера было отклонено. Тогда герой инцидента снова поднялся, повторилъ свои слова объ англійскомъ своекорыстіи, ничуть

*) Filon, profils anglais, 233, 234, 235 (Paris, 1893).

**) Parliamentary Debates, т. 235 стр. 1811.

ихъ не смягчивъ, и продолжалъ задавать свои безчисленные вопросы и затягивать пренія. Биггаръ и еще пять-шесть ирландцевъ помогали ему. Чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ какъ будто бодрѣе и свѣжѣе становился Парнель. Ночь давно наступила, а дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ. Въ 6 часовъ утра палата разошлась, ничего не сдѣлавъ, и билль о Южной Африкѣ отложили на недѣлю.

Но и черезъ недѣлю, 31 іюля, какъ только началось засѣданіе) Парнель и Биггаръ опять стали задерживать обсужденіе вопроса [1], придирками къ каждой фразѣ защитниковъ доклада. Стоитъ прочитать протоколъ засѣданія [2]), чтобы понять, насколько неисчерпаема человѣческая энергія и изобрѣтательна человѣческая голова. Окончился день 31-го іюля, наступила и прошла ночь, и на разсвѣтѣ Парнель съ такимъ же интересомъ и такою же бодростью слушалъ, записывалъ, интерпеллировалъ, говорилъ рѣчи, какъ всегда. Тогда палата раздѣлилась на семнадцать группъ, и было рѣшено, чтобы каждая группа по очереди слушала Парнеля, а остальныя, чтобы пока спали. Мѣра эта была неслыханной въ парламентской исторіи, но Парнель не потерялся: онъ тутъ же объявилъ Биггару, что и они съ нимъ будутъ спать по очереди; бодрствующій долженъ говорить и, вообще, занимать палату. Такъ они и поступили. Собственно Парнель не пользовался своимъ правомъ на отдыхъ; его желѣзная натура выдерживала все. Когда Биггаръ засыпалъ, члены палаты бросали на полъ тяжелыя «синія книги», чтобы разбудить его и не дать отдохнуть [3]). Съ изумленіемъ жители Лондона прочли [4]) утромъ 1-го августа въ газетахъ, что палата еще засѣдаетъ со вчерашняго дня. Наконецъ, послѣ двадцатишестичасового засѣданія, непрерывавшагося ни на минуту, билль прошелъ.

III.

Исаакъ Бьютъ и многіе ирландцы, бывшіе на его сторонѣ, негодовали на Парнеля не хуже англичанъ. Англичане привыкли видѣть въ Бьютѣ человѣка, съ которымъ можно вести дѣло о гомрулѣ спокойно, не торопясь и безъ всякихъ понужденій съ той или другой стороны [5]). Въ свою очередь, Бьютъ понималъ, что ужъ теперь на доброе отношеніе палаты къ ирландцамъ нечего и разсчитывать. Въ Лондонѣ и всей Англіи только и было разговоровъ, что о Парнелѣ и обструкціонизмѣ; результаты законодательнаго періода сводились къ нулю; вопросъ о гомрулѣ сталъ гнетущей злобой дня. Та война, ко-

[1]) Parliament. Debates, 40—41 парл. Викторіи, т. 236, стр. 278, 286, 261, 281 и 298.

[2]) Parliam. Debates, 40—41 Викторіи т. 236 стр. 271—302.

[3]) Nemours Gogté, Parnell (Paris 1892), стр. 31.

[4]) Iohnston, Parnell and Parnells (Dublin 1888), стр. 25.

[5]) См. характеристическое мѣсто о Бьютѣ въ Annual Register 1877, part I, стр. 46.

торую Парнель началъ противъ парламента, могла привести или къ его побѣдѣ, или къ пріостановкѣ государственной жизни, или къ кореннымъ измѣненіямъ въ парламенскомъ уставѣ, а на такія измѣненія англичане рѣшаются весьма неохотно. Многихъ поддерживала еще та мысль, что Парнель одинокъ или почти одинокъ въ собственномъ лагерѣ. Взрывъ симпатіи и сочувствія къ Бьюту послѣдовалъ даже среди тѣхъ фракцій парламента, которыя полагали, что если Ирландія въ чемъ нуждается, то исключительно въ законахъ объ усмиреніи.

Но недолго пришлось парламенту питать эти надежды. И Парнель, и Бьютъ, и ирландцы-депутаты, всѣ понимали, что на среднемъ терминѣ между политикой Бьюта и политикой Парнеля остановиться нельзя, и что, чѣмъ скорѣе будетъ сдѣланъ окончательный выборъ, тѣмъ лучше. Но если еще между депутатами могъ дебатироваться этотъ вопросъ, то въ Ирландіи онъ уже былъ рѣшенъ. Опять встрепенулась вся страна; опять она переживала старыя воспоминаоія; опять воскресали о'коннелевскія традиціи. Та глубокая, холодная и сознательная ненависть къ англичанамъ, которая никогда не теряетъ въ Ирландіи своей силы и всегда ищетъ выраженія, всѣхъ сдѣлала парнеллитами, какъ только вѣсть о лѣтней обструкціи долетѣла до острова *).

13-го августа кончилась заторможенная Парнелемъ сессія, и онъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Лондона въ Ирландію; 21-го въ Дублинѣ былъ устроенъ въ честь его огромный митингъ. Пріемъ былъ проникнутъ такимъ энтузіазмомъ, что никого, разумѣется, не удивило рѣшеніе митинга: выразить горячее сочувствіе новымъ людямъ и новой политикѣ. Въ первый разъ послѣ временъ О'Коннеля Ирландія снова чувствовала себя силой; и, главное, силу эту Парнель пустилъ въ ходъ, не тратя ни капли ирландской крови, сохраняя рессурсы страны для иныхъ способовъ дѣйствія. Но мало того, что обструкція такъ же не дала парламенту спокойнаго существованія, какъ англичане не даютъ его, по мнѣнію ирландцевъ, ихъ странѣ. Кромѣ злораднаго сознанія, что Парнель на парламентѣ вымещаетъ ирландскія обиды, дублинскіе чествователи помнили и повторяли рѣчь Парнеля о Южной Африкѣ и ставили въ заслугу тонъ, которымъ этотъ человѣкъ говорилъ въ палатѣ общинъ. И въ довершеніе торжества—онъ былъ лендлордъ, протестантъ и чистокровный англо-саксъ: ирландскіе націоналисты могли всему міру сказать, что ихъ положеніе возмущаетъ не только тѣхъ, кто отъ него страдаетъ, но и людей, имѣющихъ всѣ основанія стоять на сторонѣ господствующаго класса. Исаакъ Бьютъ и его друзья сознавали, что ихъ время прошло. Когда докторъ, лѣчившій больного Бьюта, старался его ободрить, старикъ отвѣчалъ одно: «Нѣтъ, мой часъ пробилъ, скоро огонь будетъ потушенъ». Извѣстія о парнеллистскихъ митингахъ доходили до него одно за другимъ; всюду сравнивали его политику съ пар-

*) O'Connor, Parnel-movement (1889, Lond.), стр. 161.

нелевской, и всюду Парнель торжествовалъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ вся Ирландія стояла на сторонѣ молодого депутата и вскорѣ послѣдовавшая смерть Бьюта ничего не измѣнила въ положеніи дѣлъ. Парнелиты заявляли, что они ненавидятъ англійское правительство, не уважаютъ его, будутъ бороться съ нимъ до послѣдней степени и ничего не уступятъ изъ своихъ требованій.

Обструкція въ парламентѣ продолжалась своимъ чередомъ. Въ 1878 году правительство лорда Биконсфильда начало дѣлать первые шаги: былъ изданъ законъ о народномъ образованіи въ Ирландіи, совершенно такой, какого желалъ Парнель. До сихъ поръ «политика кротости» покойнаго Бьюта не мѣшала парламенту и правительству оставаться глухими къ какому бы то ни было желанію ирландцевъ; теперь, въ первый разъ, осязательно обнаружились результаты парнелизма, и восторгъ передъ Парнелемъ сталъ всеобщимъ.

Въ это же время, т. е. въ 1877 и 1879 гг. началось въ Ирландіи новое движеніе, въ которомъ Парнелю также суждено было играть первую роль. Ирландію посѣтилъ голодъ; неурожай картофеля повлекъ за собою такія страшныя бѣдствія, такую массовую смертность, что населеніе пришло въ совершенно отчаяніе. Во главѣ ирландскаго управленія стоялъ сэръ Джемсъ Лоутэръ; сэръ Лоутэръ былъ положительно убѣжденъ, что никогда голода не было бы, еслибы не агитаторы, волнующіе страну и говорящіе о голодѣ. Во всякомъ случаѣ онъ держался того мнѣнія, что безпокоить свое непосредственное начальство, лорда Биконсфильда, извѣстіями объ ирландскихъ дѣлахъ и безполезно, и неловко, и, поэтому, на всѣ запросы съ непоколебимою стойкостью отвѣчалъ, что въ Ирландіи голода нѣтъ, а есть нѣкоторый недочетъ въ сборѣ урожая. Парнель и его друзья открыли глаза англійскому обществу на то, что творится въ Ирландіи, и вызвали сильное движеніе сочувствія среди самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ слоевъ. Голодъ лишній разъ напомнилъ, что, если гомруль необходимъ и въ политическомъ отношеніи, и по своимъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ для соціальной жизни страны, то, во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ, пока самоуправленія еще нѣтъ, попытаться провести черезъ британскій парламентъ нѣкоторыя мѣры экономическаго характера.

Михаилъ Дэвиттъ *), молодой ирландецъ, участвовавшій еще подросткомъ въ феніанскомъ движеніи средины шестидесятыхъ годовъ и приговоренный къ каторжнымъ работамъ, вернулся послѣ семилѣтней каторги въ Ирландію и здѣсь, подъ впечатлѣніемъ ужасовъ голода, рѣшился основать «земельную лигу», общество, которое поставило бы себѣ цѣлью добиться закрѣпленія законодательнымъ путемъ за ирландскими фер-

*) Къ сожалѣнію, пока слишкомъ мало и неполно писано о Дэвиттѣ, хотя его дѣятельность заслуживала бы обстоятельной монографіи. На ирландской партіи лежитъ обязанность опубликовать, по крайней мѣрѣ, всѣ матеріалы, нужныя для такого труда.

мерами арендуемыхъ у лендлордовъ земельныхъ участковъ. Это должно было бы осуществиться постепенно; путемъ установленія сначала пожизненныхъ земельныхъ держаній, потомъ наслѣдственныхъ арендъ и пр. Создавши такую программу, Дэвиттъ обратился за поддержкой къ Парнелю.

Если мы спросимъ себя, почему Дэвиттъ пришелъ именно къ Парнелю, почему всякое движеніе, возникавшее въ Ирландіи съ конца 70-хъ годовъ, не было увѣрено въ своей долговѣчности, пока Парнель не становился на его сторону, почему сильные, энергичные и честолюбивые люди въ Ирландіи склонялись предъ нимъ и дѣлались рядовыми его арміи, то общій и достаточно неопредѣленный отвѣтъ найдемъ въ личномъ обаяніи, которое, по единодушнымъ отзывамъ всѣхъ дѣятелей этого недавняго прошлаго, производилъ Парнель. Мы знаемъ изъ воспоминаній о немъ, что многіе (особенно въ началѣ его карьеры) приходили на митингъ анти-парнелитами и, послушавши его, становились его безусловными приверженцами; мы видимъ также, что тридцати трехъ-четырехъ лѣтъ отъ роду онъ сталъ дѣйствительне «некоронованнымъ королемъ» Ирландіи; что въ томъ возрастѣ, когда большинство политическихъ дѣятелей начинаетъ свою карьеру, онъ уже достигъ подавляюще громаднаго вліянія. Огромный ораторскій талантъ, способность, переживая самыя сильныя и бурныя чувства, глубоко скрывать ихъ, твердость, стойкость и неустрашимость характера, организаторскія способности, наконецъ, даже англичанъ удивлявшее хладнокровіе—быстро поставили его надъ остальными членами ирландской партіи.

Дэвиттъ разсказываетъ *), что въ продолженіе всего времени, пока онъ говорилъ о проектируемой лигѣ, Парнель не перебивалъ его и ни о чемъ не разспрашивалъ, а казался исключительно занятымъ своей сигарой. Когда Дэвиттъ окончилъ, Парнель всталъ, стряхнулъ пепелъ и сказалъ: «я это сдѣлаю. Не знаю, смогу ли я поладить со всѣми вашими товарищами, но все равно. Я это сдѣлаю» **).

Для того, чтобы вести пропаганду идей земельной лиги, нужны были деньги; для того, чтобы помочь голодающему населенію Ирландіи, также нужны были деньги, и Парнель рѣшилъ отправиться въ Соединенные Штаты, чтобы устроить тамъ рядъ митинговъ и прочесть серію публичныхъ лекцій. Еще раньше, въ сентябрѣ 1879 года онъ пожелалъ поставить твердо на ноги новое общество и издалъ воззваніе къ Ирландіи, въ которомъ просилъ ирландцевъ всѣми мѣрами помогать лигѣ. Цѣлая масса филіальныхъ организацій, подчиненныхъ дублинскому комитету «земельной лиги», была открыта въ провинціи. 29-го сентября Парнель говорилъ о феніяхъ, съ живымъ сочувствіемъ отзывался объ ирландцахъ, принужденныхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ эмигри-

*) Filon. 247.

**) Ibid.

ровать изъ своей родины въ Америку, изложилъ рядъ мыслей о федераціи и союзѣ всѣхъ ирландцевъ, гдѣ бы они ни жили, для борьбы съ общимъ врагомъ—Англіей. Въ октябрѣ того же 1879 года Парнель былъ избранъ предсѣдателемъ земельной лиги. Нужно сказать, что онъ нѣсколько измѣнилъ программу Дэвитта, внесши туда и политическій элементъ. Онъ заявилъ, что лига будетъ бороться не только, чтобы земля принадлежала, какъ собственность, ирландскому населенію, но чтобы также поскорѣе былъ данъ гомруль. Характеристично, что и здѣсь Парнель настаивалъ на необходимости отбросить въ сторону всякое маскированіе и не оставить англичанамъ даже повода усомниться во враждебности къ нимъ новой лиги. Состояніе открытой войны было любимѣйшимъ терминомъ парнелевской дипломатіи. Феніи, которые съ самаго начала, какъ уже было замѣчено, тепло относились къ Парнелю, не упускали теперь случая оказать свою любовь къ нему и преданность къ новой лигѣ. «Пусть всякій борется противъ Англіи, кто какъ можетъ, всѣ ея враги—наши союзники», много разъ повторялъ Парнель въ 1879 году, и эти слова были слышны и черезъ Атлантическій океанъ и сквозь тюремныя стѣны. Что касается до чисто экономической стороны программы «лиги», то Парнель и здѣсь ставилъ вопросъ рѣзче и опредѣленнѣе: «средняя плата должна заключать въ себѣ погашеніе стоимости земли; въ тридцать лѣтъ всѣ арендуемые земельные участки должны стать собственностью арендаторовъ; лендлордъ не имѣетъ права прогнать арендатора съ его участка».

Правительство лорда Биконсфильда, узнавши, что Парнель принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ земельной лиги, встревожилось весьма сильно и стало зорко слѣдить за членами новаго общества. Въ началѣ декабря Дэвиттъ и еще два члена лиги (Дэли и Килленъ) были арестованы за революціонныя рѣчи, произнесенныя на митингѣ. Это было сильнымъ ударомъ для неоперившагося общества, но чѣмъ труднѣе становилась борьба, тѣмъ болѣе возрастала энергія Парнеля. Придерживаясь извѣстнаго мнѣнія о томъ, что деньги—нервъ войны, онъ рѣшилъ не откладывать своей поѣздки въ Америку для сбора необходимыхъ суммъ. Уладивши кое-какъ партійныя и частныя дѣла, 21-го декабря 1879 года онъ выѣхалъ изъ Квинстоуна *), а 1-го января 1880 года прибылъ въ Санди-Гукъ, въ Америкѣ.

IV.

Ирландская эмиграція всегда являлась для Соединенныхъ Штатовъ самою значительною по своимъ размѣрамъ. Если мы возьмемъ лучшую описательную энциклопедію **), относящуюся какъ разъ къ

*) «Dictionary of national biography», 326 (т. 43-й).

**) Барона Кольба. Я пользовался дополненнымъ англійскимъ изданіемъ (The conditions of nations social and political with complete comparative tables of universal statistics by G. Fr. Kolb; translated and collated to 1880 by M-rs Brewer (London, 1880).

тому году, когда Парнель поѣхалъ въ Америку, и развернемъ ее на 778 страницѣ, то увидимъ, что, сравнительно съ общей цифрой народонаселенія, Ирландія всегда выбрасывала въ Америку гораздо больше людей, нежели какая-либо другая страна въ мірѣ, такъ что, напр., въ началѣ 70-хъ годовъ земледѣліемъ и промышленностью было занято въ Соединенныхъ Штатахъ всего 12½ милліоновъ рабочихъ и изъ нихъ почти милліонъ принадлежалъ къ ирландской націи, а изъ остальныхъ 11½ милліоновъ—десять милліоновъ было природныхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ и всего 1½ лицъ остальныхъ національностей (китайской, французской, англійской, германской и пр.). Нужно замѣтить также, что, если, такимъ образомъ, у Парнеля была нѣкоторая почва въ Америкѣ въ видѣ поддержки ирландскихъ эмигрантовъ, то онъ могъ также надѣяться и на сочувствіе американскаго общества. Традиціонный антагонизмъ между Англіей и Штатами, долголѣтняя борьба англичанъ противъ торговли неграми, а потомъ конкурренція капиталовъ обѣихъ странъ,—всѣ эти причины сильно способствовали тому, что американское общественное мнѣніе всегда демонстративно становилось на сторону ирландцевъ противъ ихъ враговъ; правда, отъ этого капиталистическій строй не угнеталъ ирландскихъ эмигрантовъ менѣе, нежели американскихъ аборигеновъ, но сочувствовать Ирландіи было тамъ всегда въ модѣ.

Феніи находили въ Штатахъ безопасное убѣжище и пріютъ; когда Ирландію посѣщалъ голодъ, въ Нью-Іоркѣ и другихъ крупныхъ центрахъ восточнаго побережья устраивались благотворительные базары; американская пресса обыкновенно очень сочувственно отмѣчала выдающіеся факты изъ дѣятельности ирландской оппозиціи. О Парнелѣ въ Америкѣ говорили очень много, какъ только онъ началъ систематическую обструкцію; знали тамъ также о его намѣреніи совершить агитаціонное tournée по Штатамъ и ждали этого съ нетерпѣніемъ какъ ирландцы, такъ и американская публика. Съ такимъ же интересомъ, хотя нѣсколько иначе окрашеннымъ, слѣдила за путешествіемъ Парнеля англійская имперіалистская пресса.

Одинъ лондонскій журналистъ, Филиппъ Бэджналь, въ своемъ довольно любопытномъ памфлетѣ объ американскихъ ирландцахъ *) прослѣдилъ шагъ за шагомъ путешествіе Парнеля и перепечаталъ нѣкоторыя его рѣчи въ своей книгѣ, имѣвшей большой успѣхъ. 26-го января (1880 г.) Парнель произнесъ на митингѣ въ Квивлэндѣ слова, вызвавшія противъ него въ Англіи цѣлую бурю. «Я видѣлъ,—сказалъ онъ,—вооруженныхъ ирландцевъ, служащихъ въ американской милиціи. Мнѣ кажется, что всякій изъ нихъ долженъ былъ думать: о, еслибъ можно было воспользоваться этимъ оружіемъ для

*) «The american Irish and their influence on irish politics», by P. Bagenal (London, 1882).

Ирландіи!» *). Тутъ громовые аплодисменты прервали оратора. «Ничего,—продолжалъ онъ,—дѣло дойдетъ до этого теперь или послѣ». 16-го февраля онъ говорилъ въ Питстоунѣ предъ огромной аудиторіей о положеніи Ирландіи въ послѣдніе годы. «Я вамъ даю слово,—сказалъ онъ собравшимся ирландцамъ,—что буду бороться такъ упорно, какъ вы только можете пожелать. Лендлорды и правительство продолжаютъ свое дѣло изгнанія фермеровъ и ихъ семействъ изъ ихъ участковъ, но изъ крови храбрыхъ коннемарскихъ женщинъ, возставшихъ противъ разорителей очага, поднимется сила, которая прочь снесетъ не только всю систему землевладѣнія, но и гнусное правительство, которое ее поддерживаетъ». 23-го февраля онъ говорилъ въ Цинцинати **). «Я увѣренъ, что мы убьемъ систему лендлордовъ. Когда мы возвратимъ ирландскую землю ирландскому народу, мы получимъ основаніе, на которомъ построимъ жизнь націи. Когда мы подорвемъ англійское хозяйничанье, этимъ расчистимъ дорогу къ достиженію того, чтобы Ирландія заняла свое мѣсто между другими народами. И не думайте, пожалуйста, что гомруль—*крайняя* цѣль, къ которой мы стремимся. Никто изъ насъ, гдѣ бы мы ни были—въ Америкѣ или Ирландіи—не будетъ удовлетворенъ, пока не порвется послѣдняя связь, соединяющая Ирландію и Англію».

Ораторскій талантъ Парнеля развернулся въ Америкѣ во всю ширь. Онъ говорилъ спокойно, такъ же, какъ во время парламентскихъ волненій. Но это спокойствіе, полное отсутствіе чего бы то ни было похожаго на искусственную подогрѣтость, искренность убѣжденія, чувствовавшаяся въ каждомъ словѣ,—все это производило громадное дѣйствіе на умы слушателей. Повидимому, онъ былъ такимъ же идеальнымъ ораторомъ англо-саксонскаго типа, какъ Гамбетта—типа французскаго.

Можно сказать, что въ Америку Парнель поѣхалъ извѣстнымъ человѣкомъ, а вернулся оттуда признанною знаменитостью. Овація слѣдовали одна за другой: въ Вашингтонѣ его полуоффиціально пригласили говорить въ залѣ конгресса ***); пожертвованія лились рѣкою. За два мѣсяца пребыванія въ Америкѣ онъ собралъ 350.000 долларовъ ****) для кассы «земельной лиги», не считая суммъ, предназначенныхъ въ пользу голодающихъ. Блестящій успѣхъ и матеріальный, и политическій (потому что сочувствіе къ Ирландіи проявлялось въ Штатахъ самымъ рѣшительнымъ образомъ) заставлялъ думать, что путешествіе не такъ скоро окончится, но совершенно неожиданно Парнель получилъ извѣстіе, что Биконсфильдъ распустилъ палату и назначилъ новые выборы. Тогда онъ моментально бросилъ все и, не теряя ни одного дня, отправился въ Ирландію.

*) «The american Irish», стр. 200.

**) «The american», стр. 201.

***) Iohnston, «Parnell and parnells» (Dublin, 1880), стр. 37.

****) Около 700.000 рублей.

Палата была распущена 8-го марта 1880 года, а на другой день въ газетахъ появилось письмо премьера къ герцогу Мальборо. Вотъ что между прочимъ писалъ Биконсфильдъ лорду-намѣстнику Ирландіи: «Опасность, которая въ своихъ конечныхъ результатахъ едва ли менѣе грозна, чѣмъ голодъ и эпидемія, поражаетъ эту страну (Ирландію). Часть ея населенія пытается разорвать конституціонныя узы, связывающія Британію съ Ирландіей». Говоря дальше о тѣхъ людяхъ, которые дерзаютъ сомнѣваться въ желательности такихъ узъ, премьеръ продолжалъ *): «Немедленное распущеніе парламента представитъ націи удобный случай избрать себѣ путь, который сильно повліяетъ, такъ или иначе, на будущее процвѣтаніе Англіи и окажетъ воздѣйствіе на ея судьбы». Въ концѣ письма премьеръ позволялъ себѣ выразить надежду, что новый парламентъ не будетъ недостоинъ англійскаго могущества **) и станетъ рѣшительно отстаивать это могущество. Другими словами, премьеръ надѣялся на то, что выборы придадутъ новый и сильный авторитетъ его политикѣ. Извѣстно, что въ 1880 году англійская нація не оправдала лестнаго довѣрія лорда Биконсфильда и оставила его въ меньшинствѣ. Достаточно взглянуть на цифры, чтобы убѣдиться въ жестокомъ пораженіи, испытанномъ торіями: въ распущенномъ парламентѣ находилось: 351 консерв., 250 либер. и 51 ирланд.; въ парламентѣ, избранномъ въ 1880 г., оказалось: 243 консерв., 349 либер. и 60 ирланд. Биконсфильдъ подалъ въ отставку, и вождю либераловъ, Гладстону, было поручено сформировать кабинетъ.

Выборы 1880 года показали, что вліяніе Парнеля возросло въ необычайной степени. Онъ былъ избранъ въ трехъ округахъ; мало того, были избраны всѣ его кандидаты, т. е. лица, имъ рекомендованныя избирателямъ. Изъ 60 избранныхъ гомрулеровъ—парнеллитами въ точномъ смыслѣ могло назваться около тридцати человѣкъ (остальные еще не знали продолжать ли политику покойнаго Бьюта или идти за Парнелемъ). Вліяніе Парнеля на своихъ приверженцевъ было безгранично; люди, писавшіе о немъ по личнымъ воспоминаніямъ, говорятъ, что онъ оказывалъ на свою партію такое давленіе, которое безпримѣрно въ парламентскихъ лѣтописяхъ ***). Въ частной жизни онъ держался далеко отъ нихъ и никто не осмѣливался брать на себя иниціативу сближенія съ нимъ. Парнель охотно довольствовался собственнымъ обществомъ и не искалъ друзей; онъ напоминалъ этимъ Байрона, съ которымъ, вообще, у него были, кажется, общія черты характера и темперамента.

Если на лицо былъ фактъ сочувствія его дѣятельности съ стороны Ирландіи, если имѣлась партія, во всѣхъ отношеніяхъ далеко оставлявшая за собою прежнюю группу гомрулеровъ, если эта стойкая и

*) Annual Register, 1880, p. I, стр. 32 (изд. London, 1881).

**) Ibid: not unworthy of the power of England.

***) Over his parliamentary supporters he henceforth exerted an iron sway which is unparalleled in parliamentary annals. Dict. of nat. biog. v. 53, p. 327.

дисциплинированная партія безпрекословно повиновалась своему вождю, то, повидимому, ничего не могло помѣшать Парнелю сразу начать борьбу. Но онъ ждалъ. Конечно, такой глубокій и убѣжденный скептикъ не могъ думать, что либеральный кабинетъ удовлетворитъ всѣ требованія ирландцевъ, но ему нужно было сначала показать, что не онъ, Парнель, виноватъ въ новой войнѣ, а Гладстонъ; для этого нужно было исполнить формальность: предъявить свои требованія и поставить новое министерство въ необходимость открыто высказаться. Гладстонъ сдѣлалъ въ свое время для Ирландіи очень много; онъ уничтожилъ подати въ пользу англиканской церкви, облегчилъ своимъ land act'омъ 1870 года положеніе фермеровъ, неоднократно подавалъ свой авторитетный голосъ противъ всякихъ исключительныхъ мѣръ, проэктировавшихся относительно Ирландіи. Пожалуй и теперь можно было ожидать палліативныхъ уступокъ и облегченій, но Парнелю нужно было все или ничего.

Кабинетъ Гладстона началъ съ обѣщаній: былъ обѣщанъ законъ о земельныхъ держаніяхъ, который осуществилъ бы кое-какія требованія земельной лиги, но дѣло не пошло дальше обѣщаній. Членъ кабинета Гаррингтонъ прямо заявилъ *), что не въ реформѣ дѣло, а въ малой освѣдомленности парламента относительно ирландскихъ дѣлъ, и что задача правительства по отношенію къ Ирландіи заключается не въ новыхъ законахъ, а въ назначеніи комиссіи, которая разработала бы фактическій матеріалъ. По мнѣнію Парнеля непререкаемый фактическій матеріалъ заключался въ десяткахъ тысячъ труповъ, умершихъ отъ голода ирландцевъ; онъ полагалъ также, что, пока комиссія будетъ заниматься своими изслѣдованіями, этотъ фактическій матеріалъ станетъ до того богатъ, что потребуетъ для разработки и подсчета слишкомъ много труда. Въ виду всего этого Парнель открыто высказалъ свое мнѣніе и въ парламентѣ, и въ Ирландіи (во время осенней поѣздки 1880 г.,) что Гаррингтонъ и Гладстонъ для него такіе же враги, какъ лордъ Биконсфильдъ, и что на новый кабинетъ надѣяться нечего, а нужно продолжать борьбу.

Министерство назначило намѣстникомъ Ирландіи Форстера, человѣка, нѣсколько разъ неопредѣленно выражавшаго расположеніе къ ирландцамъ. Нѣкоторые члены ирландской партіи (не парнеллитской группы), сохранившіе старыя привычки мысли со временъ Исаака Бьюта, привѣтствовали это назначеніе съ восторгомъ **), но Парнель посмотрѣлъ на него, какъ на простое заигрываніе съ ирландцами, нужное кабинету, но безполезное для партіи и страны. Если внимательно прослѣдить карьеру Парнеля, можно замѣтить, что послѣ каждой попытки какого бы то

*) Porliamentary Debates, т. 255, стр. 1416.

**) Mc Carthy, England under Gladstone, стр. 102 (London 1884): The appoitement of mr. Forster's fo the irish secretaryship was regarded bymany irishmen as a marked sign of good intentions of the Government towards Ireland.

ни было кабинета сблизиться съ нимъ путемъ мелкихъ любезностей по адресу Ирландіи, онъ становился еще требовательнѣе, неуступчивѣе и жестче. Такъ было и теперь. Предстояла долгая и упорная борьба съ Гладстономъ, которая должна была оказаться труднѣе, чѣмъ обструкція временъ Биконсфильда, такъ какъ Гладстонъ въ началѣ 80 гг. былъ дѣйствительно представителемъ большинства англійскаго народа, и не только официальнымъ премьеромъ, но прежде чѣмъ броситься въ эту борьбу, Парнелю нужно было уладить важныя партійныя дѣла въ своей странѣ.

Среди тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя дѣйствовали въ Ирландіи и которыя боролись тамъ съ англійскимъ элементомъ, видное мѣсто во всѣ времена занимало католическое духовенство. Нѣтъ нужды много распространяться о причинахъ того факта, что всегда католическіе клирики въ Ирландіи находились въ оппозиціи. Ирландскіе кельты приняли христіанство гораздо раньше британскихъ англовъ и саксовъ, и, хотя религія была одна, но отношенія между ирландскимъ и англійскимъ духовенствомъ всегда оставались открыто враждебными. Насколько можно судить по отрывочнымъ замѣчаніямъ лѣтописцевъ, немаловажную роль тутъ играли во первыхъ — расовый элементъ и — во вторыхъ — гордость ирландской церкви своимъ старшинствомъ. Когда при Генрихѣ II, въ XII вѣкѣ началось завоеваніе Ирландіи англичанами, духовенство явилось дѣятельнымъ участникомъ національной обороны. Въ XVI вѣкѣ при Тюдорахъ и въ XVII при первыхъ Стюартахъ и при республикѣ ирландскіе клирики боролись уже нетолько за національность, но и за католицизмъ противъ англиканства и пуританизма. Со времени Вильгельма и Маріи (т. е. съ конца XVII вѣка) клирики не прекращали протестовъ противъ обложенія католическаго населенія податями въ пользу господствующей англиканской церкви, противъ тестъ-акта, запрещавшаго принимать католиковъ на государственную службу. Притѣсненіе ирландской національности для духовенства во всѣ времена сливалось и отождествлялось съ преслѣдованіемъ католическаго культа; вотъ почему клирики являлись дѣятельнѣйшими пропагаторами освобожденія отъ англичанъ и каждый фактъ борьбы съ англичанами окружали ореоломъ религіознаго подвижничества. Если ирландское духовенство такъ относилось къ дѣлу освобожденія отъ Англіи, то не всегда оно видѣло себѣ въ этомъ поддержку со стороны Рима *). Правда, оппоненты гомрулеровъ говорили, что ирландцы подготовляютъ для себя не home-rule a Rome-rule, но этотъ каламбуръ болѣе ловокъ, чѣмъ согласенъ съ дѣйствительностью. Папа Левъ XIII отрицательно отнесся къ дѣятельности земельной лиги и въ 1880 году явилась опасность для парнеллизма, что часть духовенства можетъ оставить дѣло лиги и гомруля.

*) См. объ отношеніяхъ Рима въ Ирландіи въ наше время монографію Mc-Carthy, Pope Leo XIII (London 1896), стр. 104—112.

Далѣе. Духовенство своею поддержкой много давало, но можно было опасаться, что оно многаго и потребуетъ, и этого боялась масса передовыхъ людей Ирландіи. Въ рядахъ Парнелевской арміи стояли и католическій клиръ, и люди, являвшіеся убѣжденными антиклерикалами. Парнель полагалъ, что пока цѣль не достигнута, ссориться нелѣпо, и поэтому рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы ирландскіе клирики и ирландскіе либръ-пансеры забыли на время о своихъ разногласіяхъ и помнили бы только о гомрулѣ и программѣ земельной лиги. Итакъ, для того, чтобы удержать за собою духовенство, взволнованное отрицательнымъ отношеніемъ папы къ лигѣ, и чтобы примирить разныя фракціи гомрулеровъ, Парнель и предпринялъ лѣтомъ 1880 года путешествіе по Ирландіи. Къ нему относились хорошо всѣ: и католическое духовенство возносило за него горячіе молитвы (несмотря на то, что онъ былъ протестантъ), и передовая фаланга гомрулеровъ вѣрила каждому его слову, такъ что миссія примиренія была для него легка.

Эта же поѣздка должна была лишній разъ показать правительству, какія силы стоятъ за Парнелемъ и увѣрить нерѣшительныхъ людей партіи, что Парнеллизмъ—единственная признанная ирландской націей политика. Весенняя сессія окончилась рѣшительнымъ разрывомъ между Парнелемъ и Гладстономъ. Парнель поговаривалъ, что обструкція очень скоро будетъ пущена въ ходъ; когда эта угроза дошла до премьера, онъ публично заявилъ: «Парнель молодъ, а я старикъ; коесли эта игра затянется, не мнѣ, а ему придется раскаяться». Какътолько сессія окончилась, Парнель уѣхалъ въ Ирландію.

V.

Внѣшняя сторона дѣятельности Парнеля невольно приводитъ на память краткую карьеру Лассаля. Одна черта сходства въ особенности бросается въ глаза: внезапный, поражающій своими размѣрами успѣхъ среди народныхъ массъ. То глубокое, ничѣмъ въ началѣ не мотивированное довѣріе, которое въ 1862 году сразу доставило поддержку германскому агитатору, въ 1880 году стало удѣломъ Парнеля. Ни Граттанъ, ни О'Коннель, ни какой бы то ни было изъ предшественниковъ Парнеля никогда не получали такого единодушнаго вотума довѣрія въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Устраивались Парнелю овація и въ 1878 году, и въ Америкѣ весною 1880 года, но событія лѣтняго путешествія (того же 1880 г.) затмили все. Восторженныя встрѣчи слѣдовали одна за другою; пріемомъ этимъ, какъ говорилъ самъ Парнель, могъ бы остаться доволенъ и государь.

Въ Коркѣ ему устроили настоящій апоѳеозъ. Стотысячныя толпы постоянно окружали его и домъ, гдѣ онъ останавливался; они рукоплескали при его появленіи, прерывали восторженными криками каждое его слово,

съ факелами въ рукахъ бѣжали за его экипажемъ, посылали къ нему разнообразнѣйшія депутаціи съ однимъ и тѣмъ же порученіемъ: передать, какъ Ирландія любитъ его и вѣритъ ему. Но голова этого человѣка была настолько крѣпка, что не закружилась отъ атмосферы обожанія и безусловнаго довѣрія. Все время онъ оставался совершенно спокоенъ, говорилъ твердымъ голосомъ, никогда его не повышая, обращался къ безчисленной толпѣ такъ же увѣренно и просто, какъ къ небольшой кучкѣ пріятелей. Нѣсколько разъ онъ говорилъ своимъ спутникамъ, что эти овація—слишкомъ высокая цѣна за немногое, сдѣланное имъ до сихъ поръ. При его появленіи духовенство, антиклерикалы, республиканцы и другія фракціи гомрулеровъ—всѣ оставили свои пререканія.

Между прочимъ, Парнель задался цѣлью удержать на время отъ революціоннымъ выходокъ наиболѣе пылкихъ своихъ приверженцевъ, и даже это ему удалось. Достаточно почитать мемуары англійскаго агента тайной полиціи Томаса Бича *), чтобы убѣдиться, насколько неожиданнымъ тогда казалось для постороннихъ наблюдателей обращеніе людей самаго революціоннаго темперамента въ сдержанныхъ конституціоналистовъ. Феніанское движеніе не замирало, но Парнель и не заботился объ этомъ: онъ хотѣлъ только, чтобы лица легальныя, имѣвшія возможность современемъ попасть въ парламентъ и обѣщавшія быть тамъ полезными, не очень себя компрометировали. Въ концѣ лѣта онъ прибылъ въ Лондонъ и принялъ участіе въ парламентскихъ дѣлахъ. Теперь онъ вошелъ въ палату, какъ признанный представитель интересовъ не того округа, который его избралъ, а всей Ирландіи. Кабинетъ долженъ былъ готовиться къ особенно жестокой борьбѣ.

На 27 августа было назначено обсужденіе министерскаго законопроекта о деньгахъ на содержаніе полицейской силы въ Ирландіи **). Засѣданіе началось въ 4 часа пополудни во вторникъ и окончилось въ 1 ч. пополудни въ среду; двадцать одинъ часъ безъ перерыва Парнель и его партія не давали возможности правительству приступить къ баллотировкѣ. Дѣло дошло до того, что парнеллиты, хотя ихъ было всего 28 человѣкъ, прямо поставили Гладстону, опиравшемуся на большинство, опредѣленныя условія: полиція должна быть уменьшена и ни въ какомъ случаѣ полицейскіе чины въ Ирландіи не должны принимать участія въ изгнаніи фермеровъ съ помѣстій лендлордовъ, даже если, напримѣръ, они отказываются добровольно уйти. Если это будетъ сдѣлано, Парнель позволитъ приступить къ баллотировкѣ, si no—no ***). Дать такія обязательства Гладстонъ не хотѣлъ, и часы шли за часами,

*) Twenty five gears in the secret service. The recollections of a spy by Thomas Beach (alias Major Henri la Caron). 16-e edition, Lond. 1893, стр. 151. О немъ подробнѣе въ слѣд. главахъ.

**) Annual Register 1880 (Lond, 1881), part I, стр. 84.

***) ...a condition of passing the vote that the government shoolol promise to disarm and reduce the strenth of the irish police force etc. (An. Reg., l. c.).

Парнель не уступалъ и засѣданіе продолжалось. Парнеллиты говорили о самыхъ разнообразныхъ вещахъ, читали вслухъ неотносящіяся къ дѣлу страницы разныхъ книгъ и, въ концѣ концовъ, засѣданіе было отложено.

На удовлетвореніе требованій земельной лиги теперь не было ровно никакихъ основаній надѣяться. Парнель поѣхалъ—вскорѣ послѣ засѣданія 27 августа—въ Ирландію, чтобы дать новый mot d'ordre. 19-го сентября онъ произнесъ въ Эннисѣ рѣчь, которая, по справедливому замѣчанію новѣйшаго историка *), составила эпоху въ борьбѣ Ирландіи съ Англіею. Онъ говорилъ о томъ, что все вниманіе ирландскихъ фермеровъ должно быть теперь обращено на отвоеваніе себѣ извѣстныхъ правъ на арендуемые участки; онъ подчеркивалъ то обстоятельство, что единственный способъ достигнуть цѣли заключается въ томъ, чтобы поставить лендлорда, осмѣлившагося прогнать своего фермера, въ безвыходное положеніе. Пусть никто изъ ирландцевъ не арендуетъ никогда участка, съ котораго лендлордъ согналъ фермера, и тогда поневолѣ землевладѣльцы будутъ осторожнѣе. «Если вы», сказалъ онъ: «откажетесь платить слишкомъ высокую арендную плату, если вы откажетесь занимать фермы, съ которыхъ другіе согнаны, тогда земельный вопросъ будетъ рѣшенъ и рѣшенъ въ удовлетворительномъ для васъ смыслѣ. Итакъ, отъ васъ самихъ это зависитъ, а не отъ какой-нибудь коммиссіи или какого-нибудь правительства...» «Но что же дѣлать вамъ съ человѣкомъ, который все-таки займетъ ферму, откуда лендлордъ прогналъ арендатора?» Тутъ масса голосовъ прервала криками: «убить его!» Парнель продолжалъ: «я слышу многіе кричатъ: убить! Но я вамъ укажу другой путь, гораздо лучшій, болѣе христіанскій, который дастъ провинившемуся возможность исправиться. Если кто займетъ ферму, откуда выгнанъ прежній арендаторъ, вы должны избѣгать его на большихъ дорогахъ, на городскихъ улицахъ, въ лавкахъ, въ храмахъ, на рынкахъ; всюду вы должны оставлять его одного, вы должны уединить его отъ остального общества, какъ если бы онъ былъ прокаженнымъ; вы должны показать ему отвращеніе, которое чувствуете къ совершенной имъ низости» **).

Парнелевскія слова упали на благодарную почву. Отъ изгнаній съ арендныхъ участковъ ирландцы страшно страдали; по признанію самого Гладстона за 1880 годъ лендлорды выбросили буквально на улицу пятнадцать тысячъ живыхъ существъ ***). Значитъ, премьеръ расходился съ агитаторомъ не въ признаніи самаго факта, а лишь во мнѣ-

*) ...a speech at Ennis which marken an epoch in the struggle (Dict., XLIV, стр. 327).

**) O'connor, 203.

***) 15.000 individuals wille be ejected from their hom whitout hope, without remedy in the course of present year. Рѣчь Гладстона, Parliament debates, т. 253, стр. 1666.

ніяхъ о способѣ уврачеванія зла: Гладстонъ думалъ, что поможетъ парламентскаа коммиссія, а Парнель полагалъ, что дѣйствительнѣе будетъ оставленіе лендлордовъ безъ арендаторовъ. Опалѣ и отлученію отъ общества долженъ былъ подвергаться вообще всякій, кто такъ или иначе станетъ на сторону лендлорда противъ фермера.

Послѣдствія рѣчи Парнеля сказались весьма быстро. Въ Лау-Мэскѣ (въ Ирландіи) жилъ одинъ англичанинъ—нѣкто капитанъ Бойкоттъ, арендовавшій ферму на землѣ лорда Ирна *); онъ же былъ агентомъ лорда по дѣламъ того въ этой мѣстности. Къ нему, какъ къ сборщику арендныхъ денегъ, явились однажды всѣ фермеры лорда Ирна и предложили болѣе низкую арендную плату, чѣмъ та, которую они платили до сихъ поръ **). Бойкоттъ не согласился и началъ противъ нихъ процессъ съ цѣлью выселить ихъ. Когда пришли судебные пристава, толпа народа бросилась на нихъ и заставила поспѣшно скрыться въ домѣ Бойкотта. На слѣдующій день Бойкоттъ былъ объявленъ въ опалѣ, слуги и рабочіе отошли отъ него; всякое общеніе съ нимъ было прервано и, такъ какъ ежеминутно онъ могъ ожидать нападенія, то правительство послало войска для его охраны. Бойкоттъ долженъ былъ выселиться въ Англію. Съ тѣхъ поръ опала, рекомендованная Парнелемъ въ его эннисской рѣчи, стала называться «бойкоттированіемъ» или просто «бойкоттомъ». Бойкоттированіе, какъ средство строго легальное, имѣло огромную силу при тогдашнихъ обстоятельствахъ и, какъ бы ни относился Парнель къ феніямъ, онъ видѣлъ, что одна изъ главныхъ задачъ практической политики заключается въ томъ, чтобы осуществители бойкотта всегда удерживались въ рамкахъ законности и не прибѣгали бы къ насиліямъ. Онъ и его товарищи не переставали увѣщевать ирландцевъ быть осторожнѣе ***) и помнить, что бойкоттеры и феніи дѣйствуютъ разными средствами и въ разныхъ плоскостяхъ соціальной жизни и что, поэтому, бойкоттерамъ совершенно лишнее брать примѣръ съ феніевъ.

Но, все равно, правительство не могло смотрѣть спокойно на то, что творилось въ Ирландіи. Агитація Парнеля, становившіеся все чаще случаи бойкотта, оживленіе дѣятельности феніевъ, все это ставилось въ причинную связь. Тревожно настроенное общественное мнѣніе требовало отъ Гладстона какихъ-нибудь мѣръ противъ Парнеля и Ирландіи, и Гладстонъ рѣшилъ, во-первыхъ, начать судебное преслѣдованіе противъ Парнеля и, во-вторыхъ, внести въ палату съ новаго (1881-го) года «билль объ усмиреніи» Ирландіи. Въ октябрѣ былъ арестованъ личный секретарь Парнеля ****) за то, что онъ оправдывалъ въ своей рѣчи покушеніе на убійство, совершенное феніями. Черезъ нѣ-

*) Johnston, Parnell and Parnells, 41.

**) Annual Register, 1880, p. I, стр. 119.

***) England under Gladstone, Mc Carthy (Lond. 1884) p. 112. Рѣчь Дэвитта.

****) Гили.

сколько дней, 2-го ноября (1880-го г.) было начато судебное преслѣдованіе противъ Парнеля, Диллона, Биггара, Сюлливана и Сикстона (все это были парламентскіе парнелиты) по обвиненію въ заговорѣ. Это оказалось большой оплошностью со стороны министерства, потому что такого хладнокровнаго и осторожнаго человѣка, какъ Парнель, обвинить въ чемъ нибудь противозаконномъ было крайне трудно. Его дѣятельность развивалась на той демаркаціонной линіи, которая раздѣляетъ легальную борьбу отъ революціонной, но эта линія не была имъ пройдена. Присяжнымъ оставалось только отвергнуть обвиненіе за недоказанностью, что они и сдѣлали 24 января 1881 года. Оправданные могли теперь съ спокойнымъ сердцемъ вмѣшаться въ обсужденіе билля, имѣвшаго цѣлью усмиреніе неспокойныхъ элементовъ въ Ирландіи. Въ тотъ же день, какъ присяжные освободили Парнеля и его товарищей отъ обвиненія, намѣстникъ Ирландіи Форстеръ (тотъ самый, назначенію котораго такъ обрадовались въ свое время умѣренные члены ирландской партіи) внесъ въ парламентъ предложеніе о рядѣ мѣръ, необходимыхъ, какъ онъ думалъ, для успокоенія волнующейся страны.

Ев. Тарле.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Zum Lazarus.

1.

Въ тебѣ—мой духъ и мысль моя;
Бѣжать ихъ—было бы напрасно,
Иначе чувствовать, чѣмъ я,
Иначе думать ты не властна.

—

Не всюду-ль духа моего
Ты ощущаешь дуновенье?
Отъ ласкъ и шепота его
Тебѣ и въ грезахъ нѣтъ спасенья.

—

Во тьмѣ лежу я гробовой,
Но онъ живетъ: въ твое сердечко
Забравшись, словно домовой,
Онъ свилъ укромное мѣстечко.

—

Оставь ему его пріютъ:
Повѣрь, среди любого края,
Въ глуши Японіи, Китая—
Съ тобой онъ будетъ тутъ какъ тутъ.

—

Бѣжать не пробуй же напрасно.
Въ тебѣ мой духъ и мысль моя,
Иначе чувствовать, чѣмъ я,
Иначе мыслить ты не властна.

2.

У кого въ груди есть сердце,
Сердце, гдѣ живетъ любовь,
Тотъ—сраженъ на половину
И, какъ я, не встанетъ вновь.

—

Я лежу въ цѣпяхъ и узахъ,
А умру я—въ тотъ же мигъ,
Опасаясь обличеній,
Люди вырвутъ мнѣ языкъ.

—

Молча я сойду въ могилу,
Даже тамъ, въ странѣ иной,
Я не выдамъ злодѣяній,
Совершенныхъ надо мной.

3.

Въ порывѣ гнѣва и тоски
Въ ночи сжималъ я кулаки...
Увы, рука моя слаба,
И не подъ силу мнѣ борьба.

—

Жестоко духъ мой пораженъ
И я умру неотомщенъ,
И кровный другъ, возставъ за честь,
Не совершитъ святую месть.

—

Увы! Не кровнымъ ли друзьямъ
Я гибелью обязанъ самъ!
Ихъ вѣроломство и обманъ—
Виной моихъ смертельныхъ ранъ.

—

Рукою близкихъ, какъ Зигфридъ,
Я былъ предательски убитъ;
Узнать легко бываетъ имъ,
Гдѣ смѣлый витязь уязвимъ.

О. Чюмина

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

Глава первая *).

I.

Василій Николаевичъ Ордынцевъ, худой высокій брюнетъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ большой, сильно засѣдѣвшей черной бородой и длинными, зачесанными назадъ сѣдыми волосами, только что собирался уйти изъ желѣзнодорожнаго правленія, въ которомъ занималъ мѣсто начальника одного изъ отдѣловъ, какъ одинъ ударъ электрическаго звонка раздался въ маленькомъ кабинетѣ Ордынцева.

„Что ему нужно? Долженъ, кажется, знать, что занятія кончаются въ четыре и что люди ѣсть хотятъ!“—подумалъ, раздражаясь, Ордынцевъ.

И, захвативъ портфель, недовольный, пошелъ на верхъ въ кабинетъ предсѣдателя правленія, господина Гобзина.

— Мы, кажется, не видались сегодня, Василій Николаевичъ,—любезно проговорилъ мягкимъ теноркомъ и слегка растягивая слова. очень полный молодой человѣкъ хлыщеватаго вида, протягивая черезъ столъ красную пухлую руку съ короткими пальцами. — Поворнѣйше прошу присѣсть на минутку, Василій Николаевичъ. Пожалуйста!—указалъ господинъ Гобзинъ на кресло у стола.

— Что прикажете?—нетерпѣливо спросилъ Ордынцевъ тѣмъ оффиціально-служебнымъ тономъ, недопускающимъ никакой фамильярности въ отношеніяхъ, какимъ онъ всегда говорилъ съ Гобзинымъ, одинъ видъ котораго приводилъ въ раздраженіе Ордынцева.

И эта самодовольная до нахальства улыбка, сіявшая на жирномъ и румяномъ лицѣ съ модной клинообразной бородкой, и

*) Двѣ первыя главы являются незначительной переработкой этюда давно задуманнаго романа «Равнодушные». Этотъ этюдъ, подъ названіемъ «У домашняго очага», былъ напечатанъ въ двухъ фельетонахъ «Рус. Вѣд.» въ 1896 г.

наглый взглядъ стеклянныхъ рачьихъ глазъ, и развязная самоувѣренность сужденій, тона и манеръ вмѣстѣ съ чуть не обритой круглой головой, до смѣшного кургузымъ вестономъ и крупнымъ брилліантомъ на красномъ толстомъ мизинцѣ съ огромнымъ ногтемъ, и пренебрежительная любезность обращенія съ подчиненными, апломбъ и стараніе быть вполнѣ свѣтскимъ джентельменомъ, нисколько не похожимъ на мужика-отца, который изъ мелкихъ рядчиковъ сдѣлался милліонеромъ и крупнымъ финансовымъ тузомъ,—все это до-нельзя было противно въ молодомъ, окончившемъ университетъ Гобзинѣ, и Ордынцевъ старался какъ можно рѣже видаться со своимъ принципаломъ, ограничивая служебныя свиданія самыми короткими разговорами.

И теперь онъ, несмотря на приглашеніе Гобзина, не присѣлъ, а стоялъ.

— Господинъ Андреевъ у васъ занимается?—спросилъ Гобзинъ.

— Да. Въ тарифномъ отдѣлѣ.

— Потрудитесь, Василій Николаевичъ, завтра объявить господину Андрееву, что онъ намъ болѣе не нуженъ. Ну, разумѣется, я велю выдать ему въ видѣ награды жалованье за два мѣсяца!—снисходительно прибавилъ Гобзинъ.

Изумленный такимъ распоряженіемъ относительно трудолюбиваго и дѣльнаго служащаго, Ордынцевъ взволнованно спросилъ:

— За что вамъ угодно уволить Андреева?

Гобзинъ на секунду смутился.

Дѣло въ томъ, что онъ обѣщалъ графинѣ Заруцкой непремѣнно устроить какого-то ея родственника, необыкновенно польщенный, что молодая и хорошенькая аристократка обратилась къ нему съ просьбой на одномъ благотворительномъ базарѣ, гдѣ Гобзинъ былъ ей представленъ.

Мѣстъ не было, и надо было кого-нибудь уволить, чтобы исполнить обѣщаніе, о которомъ графиня только что напоминала письмомъ.

— У меня есть основанія! —значительно проговорилъ Гобзинъ.

И, принявъ видъ начальника, придвинулъ къ себѣ лежавшія на столѣ бумаги и опустилъ на нихъ глаза, какъ бы давая этимъ понять Ордынцеву, что разговоръ оконченъ.

Но Ордынцевъ не намѣренъ былъ кончать.

„Скотина!“—мысленно произнесъ онъ и бросилъ взглядъ, полный презрѣнія, на рыжеволосую голову своего патрона.

Взглядъ этотъ скользнулъ по письменному столу и замѣтилъ на немъ письмо и рядомъ взрѣзанный изящный конвертикъ съ короной.

„Такъ вотъ какія основанія!“—сообразилъ Ордынцевъ, еще болѣе возмущенный.

На такихъ же „основаніяхъ“ уже были уволены двое служащихъ съ тѣхъ поръ, какъ Гобзинъ-отецъ посадилъ на свое мѣсто сынка.

И, видимо осиливая негодованіе и стараясь не волноваться, Ордынцевъ довольно сдержанно проговорилъ:

— Но вѣдь Андреевъ спроситъ меня: за что его лишаютъ куска хлѣба? Что прикажете ему отвѣтить? Онъ четыре года служитъ въ правленіи. У него мать и сестра на рукахъ!—прибавилъ Ордынцевъ, и мягкая, чуть не просительная нотка задрожала въ его голосѣ.

— У насъ не благотворительное учрежденіе, Василій Николаевичъ,—возразилъ усмѣхнувшись Гобзинъ.—У всѣхъ есть или матери, или сестры, или жены, или любовницы,—продолжалъ онъ съ веселой развязностью, оглядывая свои твердые, большіе ногти.—Это не наше дѣло. Намъ нужны хорошіе, исправные служащіе, а господинъ Андреевъ не изъ тѣхъ работниковъ, которыми слѣдуетъ дорожить... Онъ...

— Напротивъ, Андреевъ...

— Я попрошу васъ, Василій Николаевичъ, позволить мнѣ докончить!—съ усиленно подчеркнутой любезностью остановилъ Ордынцева предсѣдатель правленія, недовольный, что его смѣютъ перебивать.

И его жирное круглое лицо залилось багровой краской и большіе рачьи глаза, казалось, еще болѣе выкатились.

— Вашъ господинъ Андреевъ,—продолжалъ Гобзинъ все болѣе и болѣе проникаясь ненавистью къ Андрееву именно оттого, что чувствовалъ свою несправедливость,—вашъ господинъ Андреевъ небрежно относится къ своимъ обязанностямъ. Такъ и потрудитесь ему передать отъ моего имени. Очень небрежно! Нѣсколько дней кряду я видѣлъ его приходящимъ на службу въ двѣнадцать вмѣсто десяти. Это терпимо быть не можетъ, и я удивляюсь, Василій Николаевичъ, какъ вы этого не замѣчали?

— Я это зналъ.

— Знали?

— Еще бы! Андреевъ являлся позже на службу съ моего разрѣшенія.

Молодой человѣкъ опѣшилъ.

— Съ вашего разрѣшенія?—протянулъ онъ безъ обычнаго апломба и видимо недовольный, что попался въ просакъ.—Я этого не зналъ.

— Съ моего. Я далъ ему большую работу на домъ и потому на это время позволилъ приходить позже на службу. И вообще я долженъ сказать, что Андреевъ отличный и добросовѣстный ра-

ботникъ, и увольненіе его было бы не только вопіющей несправедливостью, но и большой потерей для дѣла.

Этотъ горячій тонъ раздражалъ Гобзина. Сбитый съ позиціи, онъ нѣсколько мгновеній молчалъ.

— Противъ господина Андреева есть еще обвиненіе!—живо проговорилъ онъ, точно обрадовавшись.

— Какое-съ?

— До меня дошли слухи, что онъ недавно былъ замѣшанъ въ какой-то исторіи, не рекомендующей его образъ мыслей.

— Сколько мнѣ извѣстно, хоть я, конечно, и не производилъ слѣдствія,—съ ядовитой усмѣшкой вставилъ Ордынцевъ,—было одно недоразумѣніе.

— Недоразумѣніе?

— Да-съ! И ни въ какой исторіи онъ не былъ замѣшанъ. Была бы охота у клеветниковъ! Васъ, очевидно, ввели въ заблужденіе. Вамъ пошло и глупо наврали на Андреева въ надеждѣ, что вы повѣрите...

И Ордынцевъ, взволнованный и взбѣшенный, не обращая вниманія на недовольную физіономію Гобзина, продолжалъ защищать сослуживца, не сдерживая своего негодующаго чувства.

Этотъ рѣзкій, горячій тонъ, совсѣмъ непривычный ушамъ Гобзина, избалованнымъ инымъ тономъ своихъ подчиненныхъ, злилъ и въ тоже время невольно импонировалъ на трусливую натуру молодого человѣка. Онъ понялъ, что сглупилъ, выставивъ какъ обвиненіе слухи, которымъ и самъ не придавалъ значенія, а упомянулъ о нихъ единственно изъ желанія настоять на своемъ. И, очутившись въ глупомъ положеніи, припертымъ къ стѣнѣ, почувствовалъ еще бо́льшую ненависть къ Ордынцеву, позволившему себѣ читать нравоученія.

Съ какимъ наслажденіемъ выгналъ бы онъ немедленно со службы этого безпокойнаго человѣка, который относится къ нему, избалованному лестью и почетомъ, съ едва скрываемымъ неуваженіемъ. Но сдѣлать это не такъ-то легко. Ордынцевъ пользовался въ правленіи репутаціей знающаго и превосходнаго работника. Самъ старикъ Гобзинъ, умный и понимавшій людей, рекомендовалъ Ордынцева новому предсѣдателю правленія, какъ служащаго, которымъ надо особенно дорожить. Всѣ члены правленія его цѣнили, а, главное, старикъ Гобзинъ не только не позволилъ бы уволить Ордынцева, но намылилъ бы еще голову сыну.

И онъ принужденъ былъ выслушать до конца своего безпокойнаго подчиненнаго и объявить, что беретъ назадъ свое распоряженіе относительно Андреева.

Но онъ не удержался отъ искушенія пустить шпильку и прибавилъ своимъ обычнымъ развязнымъ тономъ:

— Господинъ Андреевъ не родственникъ ли вамъ, что вы его такъ пылко защищаете?

— А вы, видно, думаете, что пылко можно защищать только родственниковъ?—переспросилъ съ презрительной усмѣшкой Ордынцевъ, взглядывая въ упоръ на предсѣдателя правленія.—Ошибаетесь. Онъ мнѣ не родственникъ и не знакомый.

И, еле кивнувъ головой, Ордынцевъ вышелъ изъ кабинета, оставивъ молодого человѣка въ безсильной ярости.

II.

Ордынцевъ торопливо шелъ домой, и невеселыя мысли лѣзли въ его голову.

Теперь это „животное“ навѣрно будетъ ему пакостить. Положимъ, имъ дорожатъ въ правленіи, но Гобзинъ можетъ вызвать его на дерзость и сдѣлать службу невозможной. И безъ того она не сладка. Работы пропасть и такой работы, которая не по душѣ, но, по крайней мѣрѣ, хоть заработокъ хорошій — пять тысячъ. Жить можно. Довольно ужъ на своемъ вѣку маялся и мѣнялъ мѣста послѣ того, какъ убѣдился, что изъ него литераторъ не вышелъ. Вездѣ одно и то же. Та же лямка. Та же скучная работа. Та же неувѣренность въ томъ, что долго просидишь на мѣстѣ. Здѣсь онъ, однако, ухитрился прослужить четыре года, хотя послѣдній годъ, когда выбрали предсѣдателемъ правленія молодого Гобзина, и были непріятности. Онъ ихъ терпѣлъ. Но не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, молчать при видѣ вопіющей несправедливости. Не могъ онъ не вступиться за Андреева. Еще на столько жизнь не пригнула его.

И хотя Ордынцевъ сознавалъ, что иначе поступить не могъ и былъ увѣренъ, что и впредь поступитъ точно такъ же, тѣмъ не менѣе мысль о томъ домашнемъ адѣ, который усиливался во время безработицы и неминуемо ждалъ его въ случаѣ потери мѣста, приводила Ордынцева въ ужасъ и озлобленіе.

И чѣмъ ближе подходилъ онъ къ своему „очагу“, тѣмъ угрюмѣе и злѣе дѣлалось его лицо, точно онъ шелъ навстрѣчу съ врагами.

Глава вторая.

I.

Вотъ и „домъ“.

Ордынцевъ быстро поднялся на четвертый этажъ и, отдышавшись, надавилъ пуговку звонка.

— Обѣдаютъ?—спросилъ онъ горничную, снимая пальто.

— Недавно сѣли.

— Подождать не могли!—раздраженно шепнулъ Ордынцевъ.

Онъ прошелъ въ столовую и, нахмурившись, сѣлъ на свое мѣсто, на концѣ стола, противъ жены, между подросткомъ гимназистомъ и смуглой дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати. По бокамъ жены сидѣли старшія дѣти Ордынцевыхъ: студентъ и молодая дѣвушка.

Горничная принесла тарелку щей и вышла.

— А что же папѣ водки? — заботливо проговорила смуглая дѣвочка, оглядывая большими темными глазами столъ. — Забыли поставить?

И, вставши, не смотря на строгій взглядъ матери, изъ-за стола, она достала изъ буфета графинчикъ и рюмку, поставила ихъ передъ отцемъ и спросила:

— Наливать, папочка?

— Наливай, Шурочка!—смягчась проговорилъ Ордынцевъ и ласково потрепалъ щеку дѣвочки.

Онъ выпилъ рюмку водки и принялся за щи.

— Совсѣмъ холодныя!—проворчалъ Ордынцевъ.

Никто изъ членовъ семьи не обратилъ вниманія на эти слова. Одна лишь Шурочка заволновалась.

— Сію минуту разогрѣютъ. Хочешь, папочка? — спросила она, протягивая руку къ отцовской тарелкѣ.

— Спасибо, милая, не надо. Ѣсть хочется.

И Ордынцевъ продолжалъ сердито и жадно глотать щи.

Шурочка, видимо обиженная за отца, съ недоумѣніемъ взглянула на мать.

Это была высокая, довольно полная, сильно моложавая блондинка съ большими черными волоокими глазами, свѣжая и красивая, несмотря на свои сорокъ лѣтъ. Отъ ея классически правильнаго лица, съ прямымъ носомъ, сжатыми губами и нѣсколько выдавшимся подбородкомъ, вѣяло жесткостью и холодомъ и въ то же время въ немъ было что-то чувственное. Вся она, точно сознавая свое великолѣпіе, сіяла холоднымъ блескомъ и, видно было, очень цѣнила и холила свою особу, напоминающую красивое, хорошо откормленное животное.

На ней былъ черный лифъ, обливавшій пышныя формы роскошнаго бюста. У шеи блестѣла красивая брошка; въ ушахъ горѣли маленькіе брилліанты, а на холеныхъ бѣлыхъ крупноватыхъ рукахъ были кольца. Густые бѣлокурые волосы, собранные сзади, вились у лба колечками. Отъ нея пахло душистой пудрой и тонкимъ ароматомъ ириса.

— Я думала, что ты не придешь обѣдать!—проговорила, наконецъ, Ордынцева, взглядывая на мужа.

Въ тонѣ ея пѣвучаго контральто не звучало ласковой нотки.

Взглядъ, брошенный на мужа, далеко не былъ взглядомъ любящей жены.

— Ты думала? — переспросилъ Ордынцевъ и, въ свою очередь, взглянулъ на жену.

Злое, ироническое выраженіе блеснуло въ его острыхъ и умныхъ, темныхъ, глубоко сидящихъ, глазахъ и отразилось на блѣдномъ, худомъ смугломъ и старообразномъ лицѣ съ тонкими изящными чертами.

Все въ этой красивой, выхоленной, когда-то безгранично любимой женщинѣ, раздражало теперь Ордынцева: и ея самодовольное великолѣпіе, и обтянутый лифъ, и колечки на лбу, и голосъ, и кольца, и остатки пудры на щекѣ, и подведенные глаза, и запахъ духовъ.

„Ишь, рядится!“—со злостью подумалъ онъ, отводя глаза.

И Ордынцева не могла простить мужу ошибки своего замужества по страстной любви и прежняго увлеченія умомъ мужа.

„Не та жизнь предстояла бы ей, такой красавицѣ, еслибъ она не вышла замужъ за этого человѣка!“—не разъ думала она, считая себя страдалицей и жертвой.

Она чуть-чуть пожала плечами и, принимая еще болѣе равнодушно-презрительный видъ, тихо и медленно выговаривая слова, замѣтила:

— Не понимаю, съ чего ты злишься и дѣлаешь сцены. Кажется, и такъ довольно ихъ!

Ордынцевъ молчалъ, занятый, казалось, ѣдой, но каждое слово жены раздражало и злило его, натягивая и безъ того натянутые нервы.

А госпожа Ордынцева, хорошо зная, чѣмъ пробрать мужа, продолжала все тѣмъ же тихимъ, пѣвучимъ тономъ:

— Мы ждали тебя до половины шестого. Ты не приходилъ, и я предположила, что ты, желая избавиться отъ нашего общества, пошелъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей-литераторовъ обѣдать въ ресторанъ. Вѣдь это не разъ случалось!—прибавила она съ особеннымъ подчеркиваніемъ, хорошо понятнымъ Ордынцеву.

„Шпильки подпускаетъ... дура!“—мысленно выругалъ Ордынцевъ жену и съ раздраженіемъ сказалъ:

— Вѣдь ты знаешь, что я всегда предупреждаю, когда не обѣдаю дома. Вѣдь ты знаешь?

И, не дождавшись отъ жены признанія, что она это знаетъ, продолжалъ:

— Слѣдовательно, вмѣсто нелѣпыхъ предположеній, было бы гораздо проще оставить мнѣ горячій обѣдъ.

— Прикажешь дрова жечь въ ожиданіи, когда ты придешь? И безъ того отъ тебя только и слышишь, что выходитъ много денегъ, хотя кажется, мы и то живемъ...

*

— Какъ нищіе? — иронически подсказалъ Ордынцевъ. — Ты вѣчно поешь эту пѣсню.

— А по твоему мы хорошо живемъ? — вызывающе кинула жена.— Едва хватаетъ на самое необходимое.

— Особенно ты похожа на нищую, несчастная страдалица!— ядовито замѣтилъ Ордынцевъ, оглядывая злыми глазами свою великолѣпную супругу. — Но ужъ извини... На твои изысканные вкусы у меня средствъ нѣтъ!

И, проговоривъ эти слова, Ордынцевъ принялся за жаркое.

— Экая мерзость! Даже и мяса порядочнаго купить не умѣютъ!

Жена молчала, придумывая, чтобы такое сказать мужу пообиднѣе за его издѣвательства.

— А подкинуть два полѣна,—снова заговорилъ Ордынцевъ,— не Богъ знаетъ, какой расходъ. Кажется, сообразить не трудно... Или затруднительно, а?

Ордынцева полна была злобы. Лицо ея словно бы закаменѣло. Она вся какъ-то подобралась, словно кошка, готовая къ нападенію. Вмѣсто отвѣта она подарила мужа высокомѣрно-презрительнымъ взглядомъ.

— И часто ли я опаздываю?—продолжалъ Ордынцевъ, отодвигая тарелку.—Сегодня у меня была спѣшная работа и, кромѣ того, меня задержалъ этотъ идіотъ.

— Какой именно идіотъ? Вѣдь у тебя всѣ подлецы и идіоты. Одинъ только ты необыкновенный умница... Оттого, вѣроятно, ты и не можешь устроиться такъ, чтобы семья твоя не страдала отъ твоего необыкновеннаго ума!—съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ протянула Ордынцева, видимо, очень довольная придуманной ею ядовитей фразой.

Но, къ удивленію ея, мужъ не вспылилъ, какъ она ждала.

Онъ удержался отъ сильнаго желанія оборвать эту „злую дуру“, взглянувъ на умоляющее лицо Шурочки, и заговорилъ съ ней.

Съ самаго начала пикировки дѣвочка взволнованная, съ выраженіемъ тоски и испуга, переводила свои кроткіе большіе глаза то на отца, то на мать, видимо боясь, какъ бы эти обоюдные язвительные укоры не окончились взрывомъ гнѣва выведеннаго изъ терпѣнія отца, котораго дѣвочка очень любила и за котораго стояла горой, понимая чуткимъ, любящимъ сердцемъ, что мать къ отцу невнимательна и что она виновница всѣхъ этихъ сценъ, доводящихъ больного отца до бѣшенаго раздраженія.

Она видѣла, что всѣ какъ-то безмолвно вмѣстѣ съ матерью осуждали его и тѣмъ сильнѣе любила, умѣя своей привѣтливостью и лаской разсѣять подчасъ постоянно угрюмое расположеніе духа отца.

Остальныя дѣти, повидимому, были совсѣмъ безучастны къ обмѣну колкостей, происходившему между родителями.

Алексѣй, удивительно похожій на мать, изящный блондинъ, съ красивыми, точно выточенными чертами лица, чистенькій и свѣженькій, какъ огурчикъ, выстриженный по модному, подъ гребенку, въ опрятной тужуркѣ, необыкновенно солидный по виду, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ какою-то торжественной серьезностью, точно дѣлалъ необыкновенно важное дѣло, — очищалъ костянымъ ножикомъ кожу съ сочной груши, стараясь не прихватить мясистой части плода. Окончивъ это, онъ разрѣзалъ грушу на куски и сталъ ихъ класть въ ротъ опрятными, съ большими ногтями, пальцами съ противной медлительностью гурмана, желающаго какъ можно болѣе продлить свое удовольствіе. На его лицѣ съ едва пробивающимися усиками и дѣвственной бородкой, на манерахъ, на всей его худощавой, небольшой, стройной фигуркѣ былъ отпечатокъ чего-то самоувѣреннаго, опредѣленнаго и законченнаго, точно передъ вами былъ не двадцати-двухлѣтній молодой человѣкъ, полный жажды жизни и мечтательныхъ плановъ, а трезвенный, умудренный опытомъ мужъ съ выработанными правилами, для котораго всѣ вопросы рѣшены и жизнь не представляется загадкой.

Сестра его Ольга, стройная, высокая, хорошо сложенная брюнетка лѣтъ двадцати, съ красивыми темными глазами, смугловатая въ отца, одѣтая, какъ и мать, съ претензіей на щегольство, отличалась, напротивъ, самымъ беззаботнымъ и легкомысленнымъ видомъ хорошенькой, сознающей свою обворожительность куколки, для которой жизнь представляется лишь однимъ веселымъ времяпрепровожденіемъ.

Взоръ ея разсѣянно перебѣгалъ съ предмета на предметъ, и мысль, очевидно, порхала, ни на чемъ долго не останавливаясь.

Она то равнодушно прислушивалась къ словамъ отца, то взглядывала на мать, завидуя ея брошкѣ и новому красивому кольцу съ рубиномъ, которое, по словамъ мамы, было передѣлано изъ стараго (чему, однако, дочь не вѣрила, а подозрѣвала иное происхожденіе кольца), то въ умѣ повторяла напѣвъ модной цыганской пѣсенки, то отъ скуки благовоспитанно зѣвала, прикрывая маленькій, съ крупными губами ротъ, красивымъ жестомъ руки съ бирюзой на мизинцѣ, который она какъ-то особенно выгибала, отдѣляя отъ другихъ пальцевъ. Давая ему разнообразные, болѣе или менѣе граціозные изгибы, она сама любовалась крошкой мизинцемъ съ розовымъ ноготкомъ.

„Скорѣй бы конецъ этимъ сценамъ!“ говорило, казалось, это подвижное, хорошенькое и легкомысленное личико.

И молодая дѣвушка думала:

„Съ чего они вѣчно грызутся? Папа, въ самомъ дѣлѣ, странный. Могъ бы, кажется, зарабатывать больше, чтобъ не раздражать маму... Когда она выйдетъ замужъ, она не позволитъ мужу стѣснять себя въ расходахъ и говорить дерзости!“

Улыбка озарила лицо Ольги. Мысль остановилась на одномъ господинѣ, который съ недавняго времени ухаживалъ за ней основательнѣе другихъ. Она знала, что сильно ему нравилась и особенно, когда бывала въ бальныхъ платьяхъ. Не даромъ же онъ возитъ конфекты и фрукты, достаетъ ложи въ театръ, какъ-то особенно значительно жметъ руки и, когда остается съ ней наединѣ, глядитъ на нее глупыми глазами и все проситъ цѣловать руку. И мама говоритъ, что онъ подходящій женихъ, но совѣтовала не позволять ему ничего лишняго, а то мужчины нынѣшніе вообще подлецы. Она и безъ мамы это знаетъ, слава Богу! Еще когда кончала курсъ въ гимназіи, то одинъ студентъ на дачѣ цѣловалъ въ губы, обѣщалъ сдѣлать предложеніе и... исчезъ. Вчера вотъ Уздечкинъ непремѣнно хотѣлъ поцѣловать ладонь, такъ она отдернула руку и представилась, что очень разсердилась, и онъ просилъ прощенія.

Чего, глупый, не дѣлаетъ предложенія? Тогда цѣлуй, какъ угодно! Она пойдетъ замужъ, хотя и фамилія „мовежанрная“, и вульгарное лицо, и лысина, и прыщи на щекахъ, и ростъ очень маленькій... Но за то онъ добрый, и у него домъ въ Петербургѣ... Неужели онъ будетъ только цѣловать руки и не сдѣлаетъ предложенія только потому, что она, благодаря отцу, не имѣетъ приданаго. Или онъ узналъ, что она занимается флиртомъ съ другимъ, который ей нравится?

Такъ что же онъ, дуракъ, медлитъ?

Недовольная гримаска смѣняетъ улыбку, и длинные тонкіе пальцы капризно мнутъ хлѣбный катышекъ. Она сердита на отца, который не заботится о дочери. Должно же быть у всякой порядочной дѣвушки приданое. Отецъ просто-таки не любитъ ее... Ничего для нея не дѣлаетъ!

Но черезъ секунду-другую беззаботно-веселое выраженіе снова озаряетъ ея личико. О, она знаетъ, что нужно сдѣлать—она поступитъ на сцену. Всѣ говорятъ, что у нея талантъ. Одинъ папа нарочно не признаетъ... Онъ увидитъ, какой будетъ успѣхъ... А со сцены можно сдѣлать хорошую партію...

Гимназистъ Сережа, съ неуклюже-вытянутой фигурой тринадцатилѣтняго подростка, съ испачканными чернилами пальцами и вихоркомъ, торчавшимъ на головѣ, съѣвши въ два глотка неочищенную грушу и пожалѣвши, что нельзя съѣсть еще, по меньшей мѣрѣ, десятка, тотчасъ же, съ разрѣшенія матери, сорвался съ мѣста и съ озабоченнымъ видомъ вышелъ изъ столовой. Ему было не

до родительской перебранки, къ которой онъ относился съ презрительнымъ недоумѣніемъ, такъ какъ у него было дѣло несравненно важнѣй: надо было готовить уроки.

„Заставили бы ихъ зубрить, небойсь, бросили бы ругаться!“— высокомѣрно подумалъ гимназистъ и, собравши книги и тетрадки, засѣлъ за нихъ въ комнатѣ матери и, заткнувши уши пальцами, сталъ долбить, съ добросовѣстностью перваго ученика въ классѣ, урокъ изъ географіи.

II.

Ордынцевъ собирался было встать изъ-за стола, какъ жена, съ едва слышной тревогой въ голосѣ, но, повидимому, довольно добродушно спросила:

— Вѣрно у тебя опять вышла какая-нибудь исторія съ Гобзинымъ?

„Ужъ струсила!“—подумалъ Ордынцевъ, и самъ вдругъ, при видѣ семьи, струсилъ.

— Никакой особенной исторіи!—умышленно небрежнымъ тономъ отвѣтилъ Ордынцевъ. — Гобзинъ хотѣлъ-было безъ всякой причины уволить одного моего подчиненнаго... Андреева...

— И ты, разумѣется, счелъ долгомъ излить потоки своего благороднаго негодованія?—перебила жена, презрительно усмѣхнувшись.

Этотъ тонъ взорвалъ Ордынцева.

„Такъ, на-же!“

И онъ съ раздраженіемъ крикнулъ, вызывающе и злобно глядя на жену:

— А ты думала какъ? Конечно, заступился за человѣка, котораго эта скотина, Гобзинъ, хотѣлъ вышвырнуть на улицу. Да, заступился и отстоялъ! Тебѣ это непонятно?

— Благородно, очень благородно, какъ не понять! Но подумалъ ли ты, благородный человѣкъ, о семьѣ? Что будетъ, если Гобзинъ выживетъ такого непрошеннаго заступника?—произнесла трагически-мрачнымъ тономъ Ордынцева, и тревога виднѣлась на ея лицѣ.

— Не выживетъ. Не посмѣетъ!

— Не посмѣетъ?—передразнила Ордынцева.—Мало ли тебя выживали? Видно, какой-нибудь посторонній человѣкъ тебѣ дороже семьи,—иначе ты не дѣлалъ бы подобныхъ глупостей... Всѣ у тебя идіоты... Одинъ ты—необыкновенный человѣкъ. Скажите, пожалуйста! Всѣ уживаются на мѣстахъ,—одинъ ты не умѣешь... Воображаешь себя геніемъ... Нечего сказать: геній! Опять хочешь насъ сдѣлать нищими!

— Не каркай! Еще Гобзинъ не думаетъ выживать. Слышишь?— гнѣвно воскликнулъ Ордынцевъ.

— Забылъ, что ли, каково быть безъ мѣста?—умышленно не слушая мужа, продолжала жена.—Забылъ, какъ все было заложено, и у дѣтей не было башмаковъ? Тебѣ, видно, мало, что мы и такъ живемъ по-свински—не можемъ никакихъ удовольствій доставить дѣтямъ... Ты хочешь, чтобъ мы переселились въ подвалъ и ѣли черный хлѣбъ!—прибавила Ордынцева, съ ненавистью взглядывая на мужа.

Ордынцевъ ужъ раскаивался, что его дернуло сказать объ этой исторіи.

Вѣдь зналъ онъ эту женщину, которая вмѣсто поддержки въ трудныя времена, напротивъ, старалась изводить его, издѣваясь надъ тѣмъ, что онъ считалъ обязательнымъ для порядочнаго человѣка. Зналъ онъ, что уже давно они говорятъ на разныхъ языкахъ и что ея языкъ болѣе, чѣмъ его, понятенъ дѣтямъ. Видѣлъ, хорошо видѣлъ, что онъ чужой въ своей семьѣ и что, кромѣ Шурочки, всѣ безмолвно осуждаютъ его и всегда на сторонѣ матери и смотрятъ на него, какъ на дойную корову.

„Но, быть можетъ, дѣти за него? Молодость чутка!“—подумалъ Ордынцевъ, не терявшій надежды встрѣтить хоть теперь сочувствіе дѣтей.

Онъ взглянулъ на нихъ и увидалъ испуганное, недовольное личико Ольги и невозмутимо спокойное лицо первенца.

Эта невозмутимость ужалила Ордынцева и злобное чувство къ этому „молодому старику“, какъ звалъ онъ сына, охватило отца. Давно ужъ этотъ солидный молодой человѣкъ возбуждалъ въ Ордынцевѣ негодованіе. Они ни въ чемъ не сходились. Старикъ-отецъ казался увлекающимся юношей передъ сыномъ. Отношенія ихъ были холодны и безмолвно-непріязненны, и они почти не разговаривали другъ съ другомъ.

Но слабая надежда, что сынъ если не почувствуетъ, то хотя пойметъ правоту отца, заставили Ордынцева обратиться къ Алексѣю съ вопросомъ:

— Ну, а по твоему, Алексѣй, глупо или какъ тамъ у васъ по-нынѣшнему?—раціонально или не раціонально поступилъ я, вступаясь за обиженнаго человѣка?

Алексѣй пожалъ плечами.

„Дескать, къ чему разговаривать!“

— Мы вѣдь не сходимся съ тобой во взглядахъ!—уклончиво проговорилъ молодой человѣкъ.

— Какъ же, знаю! Очень даже не сходимся. Я—человѣкъ шестидесятыхъ годовъ; ты — представитель новѣйшей формаціи.

Гдѣ же намъ сходиться? Но все-таки интересно знать твое мнѣніе по этическому вопросу. Собіаговоли высказать.

— Если ты такъ желаешь...

— Именно, желаю.

— Тогда изволь...

И, слегка приподнявъ свою красиво посаженую голову и, не глядя на отца, а опустивши серьезные голубые глаза на скатерть, студентъ заговорилъ слегка докторальнымъ тономъ, тихо, спокойно, увѣренно и красиво:

— Я полагаю, что Гобзина со всѣми его взглядами и привычками, какъ унаслѣдованными, такъ и пріобрѣтенными, ты не передѣлаешь, что бы и какъ бы ты ему ни говорилъ. Если онъ, съ твоей точки зрѣнія, скотина, то таковой и останется. Это его право. Да и вообще навязывать кому бы то ни было свои мнѣнія—донкихотство и непроизводительная трата времени. Темперамента и характера, зависящихъ отъ физіологическихъ и иныхъ причинъ нельзя измѣнить словами... Человѣкъ поступаетъ, какъ ему выгодно, и для лишенія его этой выгоды нужны стимулы, болѣе дѣйствительные. Это, во-первыхъ...

„Какъ онъ хорошо говоритъ!“—думала мать, не спуская съ сына очарованнаго взора.

„Даръ слова есть, но какая самоувѣренность!“ мысленно рѣшилъ отецъ и иронически спросилъ:

— А, во-вторыхъ?

— А, во-вторыхъ, — такъ же спокойно и съ тою же самоувѣренной серьезностью продолжалъ молодой человѣкъ,—та маленькая доля удовольствія, происходящаго отъ удовлетворенія альтруистическаго чувства, какую ты получилъ, защищая обиженнаго, по твоему мнѣнію, человѣка, обращается въ нуль передъ тою суммой непріятностей и страданій, которыя ты можешь испытать впослѣдствіи и, слѣдовательно, ты же останешься въ явномъ проигрышѣ...

— Въ явномъ проигрышѣ!?. Такъ... такъ... Красиво ты говоришь. Ну, а въ третьихъ?—съ нервнымъ нетерпѣніемъ, быстро перебирая тонкими пальцами засѣдѣвшую черную большую бороду, спрашивалъ Ордынцевъ.

— А въ третьихъ, если Гобзинъ имѣетъ намѣреніе, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ удалить служащаго, то, разумѣется, удалитъ. Ты, пожалуй, отстоишь Андреева, но Гобзинъ уволитъ Петрова или Иванова. Такимъ образомъ, явится перестановка именъ, а самый фактъ несправедливости останется. А между тѣмъ ты, защищая справедливость, не достигаешь цѣли и, кромѣ того, ради ощущенія удовольствія, и при томъ кратковременнаго и въ сущности только тѣшащее самолюбіе, рискуешь положеніемъ и

этимъ самымъ невольно рискуешь не исполнить обязанностей относительно семьи. Кажется, очевидно!—заключилъ Алексѣй.

— Еще бы! Совсѣмъ очевидно... необыкновенно очевидно,—началъ, было, Ордынцевъ саркастически-сдержаннымъ тономъ.

Но онъ его не выдержалъ...

Внезапно поблѣднѣвшій, онъ съ ненавистью взглянулъ на сына и, возмущенный, крикнулъ ему:

— Фу, мерзость! Основательная мерзость, достойная оскотинившагося эгоиста! И это въ двадцать два года? Какими же мерзавцами будете вы, молодые старики, въ тридцать!?

Онъ больше не могъ отъ волненія говорить—онъ задыхался.

Бросивъ на сына взглядъ, полный презрѣнія, Ордынцевъ шумно поднялся съ мѣста и ушелъ въ кабинетъ, хлопнувъ дверями.

Вслѣдъ за нимъ ушла и Шурочка. Глаза ея были полны слезъ.

— А ты, Леша, не обращай вниманія на отца!—промолвила нѣжно мать.

Но молодой человѣкъ и безъ совѣта матери не обратилъ вниманія на гнѣвныя слова отца. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

— Вотъ, всегда такъ. Спроситъ мнѣнія и выругается, какъ сапожникъ! — невозмутимо спокойно проговорилъ онъ, какъ бы про себя, ни къ кому не обращаясь и, пожимая, съ видомъ снисходительнаго сожалѣнія, плечами, ушелъ къ себѣ въ комнату заниматься.

Поднялась и Ольга. Но, прежде чѣмъ уйти, спросила мать

— Мы поѣдемъ къ Козельскимъ? У нихъ сегодня фиксъ.

— А ты хочешь?

— А тебѣ развѣ не хочется? — въ свою очередь, спросила Ольга, пристально взглядывая на мать съ самымъ наивнымъ видомъ.

— Мнѣ все равно!—отвѣтила Ордынцева, отводя взглядъ.

„Будто бы?“—подумала Ольга и сказала:

— Такъ, значитъ, не ѣдемъ?

— Отчего жъ... Если ты хочешь...

— Я надѣну свое crème, мама...

— Какъ знаешь...

„И чего мама лукавитъ? — подумала Ольга, направляясь въ въ свою комнату.—„Точно я ничего не понимаю!“

III.

Ордынцеву было не до работы, которую онъ принесъ съ собой изъ правленія, разсчитывая ее прикончить за вечеръ. Нервы его были возбуждены до послѣдней степени и, кромѣ того, онъ ждалъ, что—того и гляди—явится жена.

Онъ зналъ ея манеру приходить съ такъ называемыми „объясненіями“ именно въ то время, когда онъ уже былъ достаточно раздраженъ, и въ эти минуты палить и упрекать, ожидая взрыва дикаго гнѣва, чтобы потомъ имѣть право разыгрывать роль оскорбленной жертвы и страдалицы, обиженной мужемъ-тираномъ. Онъ зналъ свою несдержанность и мастерское умѣніе жены доводить его до бѣшенаго состоянія и всегда со страхомъ ждалъ ея появленія на порогѣ кабинета послѣ одной изъ сценъ, бывавшихъ за обѣдомъ, когда супруги только и встрѣчались въ послѣдніе годы.

Сколько разъ Василій Николаевичъ давалъ себѣ слово молчать, упорно молчать, какіе бы гадости, облеченные въ приличную форму, жена ни говорила. Обыкновенно, вначалѣ онъ крѣпился, но не выдерживалъ—отвѣчалъ и нерѣдко отвратительныя сцены сопровождали обѣдъ. Супруги, не стѣсняясь, бранились при дѣтяхъ, при прислугѣ, а главное, при бѣдной Шурочкѣ, нервной, болѣзненной, на которую эти сцены дѣйствовали угнетающимъ образомъ.

Блѣдный, съ гнѣвно сверкающими глазами, ходилъ Ордынцевъ по своему небольшому кабинету. По временамъ онъ останавливался у дверей, прислушиваясь, не идетъ ли жена, и, облегченно вздохнувъ, снова нервно и порывисто ходилъ взадъ и впередъ, взволнованный и возмущенный, выкуривая папироску за папироской.

Горе, постоянно нывшее въ немъ, какъ ноетъ больной зубъ, казалось послѣ домашнихъ сценъ сильнѣй и ощущалось съ большей остротой. Дикая, чисто животная злоба, мгновенно охватывала Ордынцева и онъ, весь вздрагивая, невольно сжималъ кулаки и съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ произносилъ по адресу жены площадныя ругательства и, случалось, ловилъ себя на желаніи ей смерти. То онъ испытывалъ тоску и отчаяніе человѣка, сознающаго свое безсиліе и непоправимость своего несчастія. И тогда болѣзненное, худое лицо Ордынцева принимало жалкій страдальчески-изможденный видъ, косматая голова поникала, и вся его высокая, худощавая фигура производила впечатлѣніе угнетенности и безпомощности.

— Идіотъ, что я на ней женился!—прошепталъ онъ съ какимъ-то бѣсноватымъ озлобленіемъ.—Идіотъ!

И въ головѣ его, словно дразня, мелькалъ образъ какой-то другой, воображаемой женщины, съ которой онъ, навѣрное, былъ бы счастливъ и имѣлъ бы настоящую семью.

Послѣ каждой крупной ссоры Ордынцевъ проклиналъ свою женитьбу, чувствуя безплодность этихъ проклятій и съ ужасомъ сознавалъ, что онъ и жена два каторжника, скованные одной цѣпью.

Обыкновенная исторія!

Увлекающійся и впечатлительный, вѣрующій въ жизнь и въ хорошія книжки, Ордынцевъ, тогда двадцатипятилѣтній молодой человѣкъ, не сомнѣвался, что эта красивая, ослѣпительная блондинка семнадцати лѣтъ, съ большими, черными глазами и есть именно то сокровище, которое, сдѣлавшись его женой, дастъ настоящее счастье и будетъ добрымъ товарищемъ и вѣрнымъ другомъ. По крайней мѣрѣ, онъ не останется одинъ въ битвѣ жизни. Рядомъ съ нимъ пойдетъ любимая женщина и сочувствующая душа.

„Главное: душа!“ — восторженно мечталъ Ордынцевъ и, нашептывая дѣвушкѣ нѣжныя рѣчи и, любуясь ея красивымъ тѣломъ, душу-то Анны Павловны и проглядѣлъ! На самую обыкновенную барышню изъ петербургской чиновничьей среды, съ душой далеко не возвышенной, Ордынцевъ смотрѣлъ ослѣпленными глазами страстно-влюбленнаго человѣка, приписывая своему „ангелу“ то, что тому и во снѣ не снилось. Она казалась ему непосредственной, нетронутой натурой съ богатыми задатками, „золотымъ сердцемъ“, отзывчивымъ на все хорошее. Нужды нѣтъ, что она не всегда понимаетъ то, что онъ ей проповѣдуетъ, и глядитъ на него не то удивленно, не то вопросительно своими большими глазами. Она еще такъ молода. Подъ его вліяніемъ разовьются всѣ ея богатыя задатки. И Ордынцевъ мечталъ, какъ они по вечерамъ будутъ читать вмѣстѣ хорошія книжки и дѣлиться впечатлѣніями. Идиллія выходила трогательная и заманчивая.

Въ то время Ордынцева еще не укатали „крутыя горки“. Онъ былъ пригожій, статный брюнетъ, съ черными кудрями и смѣлымъ взоромъ, жизнерадостный, мягкій и остроумный. Анна Павловна влюбилась и сама, позабывши для Ордынцева свое увлеченіе какимъ-то офицеромъ. Влюбившись, она съ обычнымъ женскимъ искусствомъ приспособлялась къ любимому человѣку, желая ему понравиться. Она какъ то подтягивалась при немъ, сдѣлалась необыкновенно кротка, получила вдругъ охоту къ чтенію и къ умнымъ разговорамъ, сожалѣя, что она „такая глупенькая“, и съ такимъ, повидимому, горячимъ сочувствіемъ слушала молодого человѣка, когда онъ говорилъ ей о задачахъ разумной жизни, объ идеалахъ, о возможности настоящаго счастья въ бракѣ только при общности взглядовъ, что Ордынцевъ приходилъ въ телячій восторгъ, подогрѣваемый чувственными вожделѣніями, писалъ своей „умницѣ“ стихотворенія и довольно скоро предложилъ ей „раздѣлить съ нимъ и радости, и невзгоды жизни“. Она торжественно обѣщала (хотя про себя и думала объ однихъ только радостяхъ) и въ отвѣтъ на первый поцѣлуй Ордынцева отвѣтила такими жгу-

чими поцѣлуями, что Василій Николаевичъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ счастья и тутъ же поклялся отдать всю свою жизнь Нюточкѣ.

Родители Анны Павловны, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ожигинъ, добросовѣстно тянувшій лямку безъ надежды на видную карьеру, и супруга его, дама съ претензіями, сперва-было заупрямились. Нюточка такая красавица. Она можетъ сдѣлать блестящую партію. Время еще терпитъ. Хотя они и не имѣли ничего противъ Ордынцева, считая его порядочнымъ человѣкомъ, но находили, что частныя мѣста не прочны. Положимъ, тысяча пятьсотъ рублей весьма приличный окладъ для молодаго человѣка, но казенная служба вѣрнѣе. А Ордынцевъ ни за что не хотѣлъ быть чиновникомъ. Окончивъ университетъ и потерпѣвъ неудачу въ попыткахъ сдѣлаться литераторомъ, Ордынцевъ поступилъ въ желѣзнодорожное правленіе.

Нюточка объявила, что ни за кого другого не выйдетъ, и родители уступили, сдѣлали приданое и дали три тысячи на черный день.

Годъ, другой прошли въ той иллюзіи счастья, которое, главнымъ образомъ, заключается въ чувственной склонности другъ къ другу влюбленныхъ, полныхъ здоровья и жажды жизни молодыхъ существъ, съ обычными размолвками, оканчивающимися горячими поцѣлуями примиренія, со сценами ревности и слезами, послѣ которыхъ супруги, казалось, еще болѣе любили другъ друга.

Но чтенія вдвоемъ какъ-то не клеились. Нюточка ихъ не особенно одобряла и, закрывая книгу, звала мужа въ театръ или покататься на тройкѣ. Идиллія была, но совсѣмъ не та, о которой мечталъ Ордынцевъ. Онъ все еще разсчитывалъ на „литературные вечера“ вдвоемъ и на „сочувственную душу“, а Нюточка все ждала, что мужъ устроитъ ей жизнь вполнѣ приличную. Она понимала любовь не иначе, какъ съ хорошей обстановкой, довольствомъ и баловствомъ любовника-мужа, готоваго для жены на всякія жертвы, а Василій Николаевичъ могъ ей дать лишь скромное существованіе съ довольно прозаическими заботами. Вдобавокъ, онъ подъ часъ бывалъ раздражителенъ, и у него были правила въ жизни, которыя представлялись теперь молодой женщинѣ „упрямствомъ“ и „эгоизмомъ“, несовмѣстимыми съ истинной любовью.

Равница ихъ взглядовъ, вкусовъ, привычекъ, ихъ нравственныхъ понятій и требованій отъ жизни обнаружилась очень скоро. Ордынцевъ возмущался, убѣждалъ, говорилъ горячіе монологи, хотѣлъ перевоспитать жену, которая такъ нравилась ему, какъ женщина. Нюточка, въ свою очередь, старалась дѣйствовать на мужа обаяніемъ своей красоты, прибѣгая для этого ко всевозможнымъ уловкамъ, дѣйствующимъ на чувственность мужчины.

И въ этомъ была ея сила, которой Ордынцевъ поддавался и понималъ это.

Изъ-за первой же потери мѣста между ними произошло объясненіе, поразившее Ордынцева неожиданнымъ открытіемъ. Вмѣсто „сочувствующей души“ передъ нимъ обнажилась неделикатная душа практической женщины, не желавшей идти съ нимъ рядомъ въ битвѣ жизни. Напротивъ! Указывая на двухъ крошекъ-дѣтей, Анна Павловна совѣтовала мужу образумиться и жить, какъ всѣ порядочные люди.

Мало-по-малу между ними наступило охлажденіе. Подогрѣваемое страстностью супружескихъ ласкъ, оно вновь сказывалось въ сценахъ, упрекахъ, ссорахъ и, въ концѣ концовъ, обратилось въ полное отчужденіе и взаимную ненависть, обострявшуюся съ годами по мѣрѣ того, какъ мужъ терялъ въ глазахъ жены прелесть любовника, а жена являлась въ глазахъ мужа олицетвореніемъ непоправимой ошибки.

И оба были несчастливы, но не разводились. Ордынцевъ боялся дурного вліянія матери на дѣтей и считалъ, что приноситъ себя въ жертву.

Съ какой-то мучительной настойчивостью Ордынцевъ истязалъ себя воспоминаніями объ этой „ошибкѣ“, подробности которой возставали передъ нимъ въ поразительной отчетливости. Мысли его отъ воспоминаній опять перешли къ настоящему и—Боже!—какимъ оно представилось ему отчаяннымъ!

Жена—ненавистна. Дѣти, изъ-за которыхъ онъ не развелся раньше, ему чужды, и онъ долженъ сознаться, что далеко не привязанъ къ нимъ теперь, когда они сдѣлались взрослыми и приняли опредѣленныя физіономіи. А вѣдь какъ онъ горячо любилъ ихъ прежде, когда они были маленькія, какъ страдалъ, когда они болѣли, страшась потерять ихъ! Одна только Шурочка привязываетъ его къ себѣ, а остальные... Нечего сказать, хороши!

Особенно возмущалъ его Алексѣй, на котораго отецъ возлагалъ большія надежды, мечтая имѣть друга въ сынѣ и гордиться имъ. Есть чѣмъ гордиться!

— Скотина!—произнесъ онъ вслухъ, вспоминая рѣчи сына за обѣдомъ.

Ордынцевъ чувствовалъ и обиду и злость.

„Доля удовольствія обращается въ нуль передъ суммой непріятностей“.

И вѣдь съ какимъ апломбомъ говорилъ. А онъ еще надѣялся, что сынъ одобритъ его заступничество. Одобрилъ!! Весь въ мать—такая же холодная, себялюбивая натура. А Ольга? Женихи да цыганскія пѣсни на умѣ! А этотъ Сергѣй? Ужъ и теперь онъ

сухъ и практиченъ... И всѣ они не любятъ отца... Онъ это видитъ.

— Семейка!—вырвалось скорбное восклицаніе у Ордынцева.

„Откуда пошли эти оскотинившіеся молодые люди?“—задалъ себѣ вопросъ Василій Николаевичъ.

Вліяніе матери, учебныя заведенія, духъ времени. А что же онъ дѣлалъ?

Но у него не было возможности изучить ихъ характеры, вліять на нихъ. Онъ цѣлые дни проводилъ внѣ дома, всегда въ работѣ, возвращался домой усталый... И безъ того было много ссоръ изъ-за дѣтей вначалѣ.

Такъ старался оправдать себя отецъ и чувствовалъ фальшь этихъ оправданій. Онъ не исполнилъ долга отца, какъ бы слѣдовало. Онъ все-таки долженъ былъ бороться и противъ вліянія матери и противъ духа времени. Онъ обязанъ былъ стать въ болѣе близкія отношенія съ дѣтьми. Ничего этого онъ не сдѣлалъ.

„Твоя вина, твоя!“—шепталъ внутренній голосъ.

И Ордынцевъ долженъ былъ согласиться, но снова подумалъ въ свое оправданіе, что всему виновата его женитьба на этой женщинѣ—будь она проклята! Не могъ же онъ одинъ быть и работникомъ, и воспитателемъ, и вести вѣчную войну съ женой. Это свыше человѣческихъ силъ!

IV.

Раздался стукъ въ двери.

„Она!“—въ страхѣ подумалъ Ордынцевъ.

И онъ бросился къ столу, сѣлъ въ кресло и, разложивъ передъ собой бумаги, принялъ видъ занимающагося человѣка.

Онъ всегда встрѣчалъ нападеніе жены въ такой позиціи.

Ордынцевъ далъ себѣ слово сдерживаться во время предстоящаго объясненія, что бы жена ни говорила. Только скорѣй кончилось бы оно, и она бы ушла!

Стукъ въ двери повторился.

— Войдите! — произнесъ Ордынцевъ, склоняя голову надъ бумагами.

На порогѣ стояла Анна Павловна.

Ордынцевъ мгновенно ощутилъ присутствіе жены по особенному, свойственному ей душистому запаху, по шелесту юбки и по той злобѣ, которая охватила его.

Не глядя на жену, онъ, тѣмъ не менѣе, видѣлъ передъ собой эту высокую, крупную, полную фигуру, съ большой колыхавшейся грудью, выдавшейся впередъ изъ-подъ туго стянутаго корсета, видѣлъ строгую, презрительную мину, тупой, взглядъ большихъ

глазъ, нервное подергиваніе губъ и бѣлую, пухлую съ ямками руку въ кольцахъ, которая держала дверную ручку.

„Сейчасъ начнетъ!“—подумалъ Ордынцевъ.

И снова далъ себѣ слово сдерживаться.

„Пусть себѣ зудитъ“.

— Я пришла объясниться...

О, какъ хорошо зналъ онъ эту, постоянно одну и ту же прелюдію въ длинной супружеской „симфоніи“. О, какъ хорошо зналъ онъ ее!

— Что такое?—спросилъ Ордынцевъ самымъ обыкновеннымъ тономъ, удерживаясь отъ раздраженія и словно бы не понимая, въ чемъ дѣло.

И, съ слабой надеждой избѣжать объясненія, прибавилъ, не поднимая головы!

— Нельзя ли въ другой разъ... Я занятъ... Спѣшная работа.

Онъ снова чувствуетъ, хотя не видитъ, усмѣшку жены и слышитъ, какъ она говоритъ пѣвучимъ, полнымъ злости, голосомъ:

— Занятъ!? Ты дома вѣчно занятъ или ругаешься... И я пришла спросить: когда, наконецъ, кончатся оскорбленія, которыми вамъ угодно осыпать меня и дѣтей? Больше я терпѣть не намѣрена. Слышите ли? Вы сдѣлались грубы, какъ дворникъ. Благодаря вамъ, у насъ въ домѣ адъ. Вы наводите страхъ на дѣтей. И безъ того, кажется, жизнь съ такимъ непризнаннымъ геніемъ, какъ вы, не сладка, а вамъ, какъ видно, хочется ее сдѣлать невыносимой. Вамъ этого хочется? — вызывающе прибавила Анна Павловна.

И она притворила двери и прислонилась для большаго своего удобства къ косяку.

Въ эту минуту Ордынцеву больше всего хотѣлось вытолкнуть жену за дверь. Вотъ, что ему хотѣлось.

И онъ пожалѣлъ, что онъ не дворникъ, а интеллигентный человѣкъ, и, въ виду неисполнимости своего желанія, лишь кусалъ губы и ни слова не отвѣчалъ.

„Выболтается и окончитъ!“—подумалъ Ордынцевъ.

Но молчаніе еще болѣе озлило Анну Павловну.

Онъ—виновникъ ея несчастья, онъ—тиранъ, и онъ же смѣетъ молчать?

Такъ погоди же, голубчикъ!

И Анна Павловна продолжала съ дрожью въ голосѣ:

— Вы не любите своихъ дѣтей. Какъ вы къ нимъ относитесь? Вы ихъ игнорируете! Нечего сказать, хорошъ отецъ. Отецъ!? Что видятъ отъ васъ дѣти? Однѣ издѣвательства и брань... Ольгѣ даже не можете помочь... дай ей возможность учиться пѣнію. А у нея чудный голосъ... могла бы сдѣлать карьеру... Алексѣя вы

просто-таки ненавидите... Вы не переносите, что дѣти не раздѣляютъ вашихъ дурацкихъ взглядовъ... Алеша вамъ, кажется, ясно доказалъ, кто вы... И, Слава Богу, что дѣти не такіе самолюбивые фразеры, какъ ихъ отецъ... Слава Богу. Воображаетъ себя какимъ-то умникомъ и всѣхъ оскорбляетъ... Непонятый человѣкъ! Семья его не понимаетъ? Ахъ, какъ трогательно... скажите пожалуйста. Вамъ мало, что вы загубили мою жизнь... Именно: загубили... Не сдѣлай я глупости, не выйди за васъ за мужъ, я знала бы счастье... А тоже стихи писали... Обѣщали жизнь на розахъ!—презрительно усмѣхнулась Анна Павловна.—Хороши розы! Припомните, какъ вы поступали со мной...

И такъ какъ Ордынцевъ опять-таки молчалъ, повидимому, не имѣя намѣренія вдаваться въ воспоминанія при женѣ, то Анна Павловна стала припоминать „все“, съ начала того дня, когда она сдѣлалась жертвой.

Въ этомъ обзорѣ характера и поступковъ мужа были перечислены всѣ его вины и „подлости“, какъ настоящія, такъ и давно прошедшія, и язвительныя слова и упреки сыпались съ расточительностью и злопамятствомъ женщины, знающей какъ доканать врага и, главное, человѣка, который уже нѣсколько лѣтъ назадъ осмѣлился сдѣлать ее, такую красивую женщину, вдовой. Этого она не могла простить.

И съ видомъ гордой страдалицы, несущей тяжкій крестъ, чего только не припоминала Анна Павловна!

Она вспомнила и бывшую двадцать лѣтъ назадъ ссору, въ которой онъ смертельно ее оскорбилъ, и кутежи съ пріятелями въ то время, когда они чуть не нищенствовали, и потери мѣстъ, по его милости, тогда какъ онъ давно могъ бы отлично устроиться, еслибъ любилъ жену и дѣтей, и дружбу его съ литераторами, этими „негодяями“, которые женятся по десяти разъ, и истраченныя три тысячи приданаго, и долги, и особенно знакомства его съ разными умными дамами и дѣвицами, у ногъ которыхъ онъ будто бы изливалъ свое горе непонятаго въ семьѣ страдальца.

Увлекаясь собственной злобной фантазіей и путая правду съ ложью, Анна Павловна даже представляла, какъ мужъ изливалъ свои жалобы передъ умными дамами и при этомъ презрительно усмѣхалась.

— И вѣдь эти умныя вѣрили и утѣшали васъ... Еще бы, страдалецъ!.. Возвышенныя идеи... Красивыя фразы... Потоки остроумія...

Еле удерживаясь отъ желанія схватить свою подругу жизни за горло, Ордынцевъ безпокойно ерзалъ на своемъ плетеномъ креслѣ, поблѣднѣвшій, стиснувъ зубы, съ глазами, горѣвшими недобрымъ огонькомъ.

— Не довольно ли?—глухо проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не довольно. Вы должны выслушать меня... Довольно я молчала.

„Ты—молчала!?“—подумалъ Ордынцевъ.

И, все еще сдерживая себя, произнесъ:

— Но только скорѣй, скорѣй оканчивайте...

— Я скоро окончу. Будьте покойны.

И отлично видя, насколько покоенъ мужъ, Анна Павловна съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ и какъ будто нарочно затягивая слова, сказала:

— А эту особу... вашу милую Леонтьеву помните?.. Сколько вы оскорбляли меня изъ-за нея и какъ подло обманывали! Разсказывали о какой-то дружбѣ, тогда какъ эта ваша „святая женщина“ была вашей любовницей... Menage en trois... Мужъ по любви, а любовникъ по сочувствію... И вы еще смѣете считать себя честнымъ человѣкомъ...

— Лжешь!—вдругъ крикнулъ Ордынцевъ и, какъ ужаленный, вскочилъ съ кресла.

— Я не привыкла лгать. Вы лжете!

— Лжешь, дура! Подло лжешь. Ничего того, что ты говоришь, не было!

— Оскорбляйте жену... кричите на нее—это благородно! Гуманный человѣкъ! Такъ я и повѣрила, что вы бѣгали каждый вечеръ къ своему другу для однихъ возвышенныхъ бесѣдъ... Очень правдоподобно! — съ циничной усмѣшкой прибавила Анна Павловна.—Не лгите хоть теперь. Вѣдь Леонтьева была вашей любовницей?

— Довольно. Уйди! Уйди, говорю! — задыхаясь отъ злобы, проговорилъ Ордынцевъ.

— Что, видно правды не любите, правдивый человѣкъ?

— Не клевещи хоть на женщину, которой ты и мизинца не стоишь.

— Еще бы... „Святая!“ Что жъ?.. Идите къ ней... Припадите на грудь... Только едва ли она вамъ будетъ сочувствовать, какъ пять лѣтъ тому назадъ... Вѣдь вы и женились на мнѣ истрепанный, а теперь, что вы такое?.. какой вы мужчина? Что даете вы мнѣ кромѣ горя? Что вы мнѣ даете, неблагодарный и презрѣнный человѣкъ!—возвысила голосъ Анна Павловна и съ брезгливымъ презрѣніемъ сильной, свѣжей и здоровой женщины, смѣрила худощавую болѣзненную фигуру мужа.

Оба, полные ненависти, смотрѣли другъ на друга въ упоръ. Ордынцевъ, блѣдный, какъ полотно, вздрагивалъ точно въ судорогахъ.

— Ну что жъ... теперь ударьте...—съ вызывающимъ злымъ

смѣхомъ продолжала Анна Павловна. — Отъ васъ можно всего ожидать. Не даромъ отецъ вашъ былъ какой-то безродный несчастный чиновникъ... Приколотите свою жену и идите жаловаться бывшей своей любовницѣ на свое несчастье... Быть можетъ, она...

— Вонъ, подлая тварь! — вдругъ крикнулъ, не помня себя, Ордынцевъ и энергичнымъ движеніемъ распахнулъ двери кабинета.

Это былъ бѣшеный крикъ раненаго звѣря. Лицо Ордынцева исказилось гнѣвомъ и злобой. Анна Павловна такъ и не договорила рѣчи.

— Подлецъ!—кинула она мужу презрительнымъ шепотомъ.

И, слегка поблѣднѣвшая, величественно вышла, нарочно замедляя шагъ, съ чувствомъ злобнаго торжества надъ униженнымъ врагомъ и съ непрощаемой тяжкой обидой невинно оскорбленной жертвы и поруганной женщины.

Она пришла въ спальню и разразилась истерическимъ рыданіемъ.

„Господи! Да что жъ это за каторга!?“ — въ скорбномъ отчаяніи прошепталъ Ордынцевъ нѣсколько минутъ спустя, когда нѣсколько „отошелъ“.

И ему было безконечно стыдно, что онъ обошелся съ женой какъ пьяный мастеровой.

„До чего онъ дошелъ!“

Ордынцеву стало жаль себя и обидно за постыло прожитую жизнь.

„На что она ушла?“—спрашивалъ онъ.

Глаза его увлажились слезами. Онъ испытывалъ тоску и изнеможеніе разбитаго этой вѣчной борьбой человѣка. Ему хотѣлось забыться, не думать объ этомъ. Но *это* не оставляло его и, несмотря на ненависть къ женѣ, чувство виновности передъ ней мучительно проникало въ его душу.

Да, онъ виноватъ передъ ней. Онъ искалъ утѣшеній внѣ дома, а она была безупречна! — думалъ Ордынцевъ. Но не могъ же онъ безъ любви любить женщину, которую не выносилъ. Не могъ же онъ лгать, расточая ей ласки! Она могла понять это. Могла. И онъ не стѣснялъ ее... Онъ даже хотѣлъ, чтобъ она полюбила кого-нибудь... Онъ предлагалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разъѣхаться... Она не пожелала. Она не хотѣла скандала.

„Больше жить вмѣстѣ невозможно!“—пронеслось въ головѣ Ордынцева.

— Невозможно!—прошепталъ онъ.

И эта мысль значительно успокоила Ордынцева. Ему казалось, что жена теперь обрадуется такому исходу... Черезъ нѣ-

сколько дней онъ переговоритъ съ ней или напишетъ. Если она захочетъ, если ей нужно, онъ и на разводъ съ удовольствіемъ пойдетъ... Вину возьметъ на себя, конечно.

„О, еслибъ она только захотѣла!“

Ему не сидѣлось въ этомъ постыломъ кабинетѣ. Какая теперь работа? Его тянуло вонъ изъ дома. Хотѣлось отвлечься, поговорить съ кѣмъ-нибудь, отвести душу.

Въ эту минуту двери тихо отворились, и въ кабинетѣ показалась Шурочка, грустная и испуганная, со стаканомъ чая въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ, папочка, чай!—нѣжно проговорила дѣвочка.

Она поставила стаканъ на столъ и хотѣла, было, уйти, но, увидавши слезы на глазахъ у отца, подошла къ нему и, прижавшись, безмолвно цѣловала его руку, обжигая ее слезами.

— Ахъ ты моя бѣдная дѣвочка!—умиленно прошепталъ Ордынцевъ, тронутый лаской.

И съ порывистой страстностью прижалъ къ своей груди дѣвочку и осыпалъ ея лицо поцѣлуями, глотая слезы.

— Милая ты моя! — повторялъ Ордынцевъ, чувствуя какою крѣпкою цѣпью держитъ его это милое дорогое созданіе. — Спасибо за чай... Я не буду пить .. Я ухожу.

Взволнованная, чутко понявшая эти ласки отца, Шурочка проводила его въ переднюю.

Пока Ордынцевъ въ передней одѣвалъ пальто, изъ ближайшихъ комнатъ доносились долбня гимназиста и звонкій голосокъ Ольги, напѣвавшей цыганскій романсъ.

Они слышали, конечно, бѣшеный крикъ отца, знали, что былъ „бенефисъ“, какъ они называли крупныя ссоры между родителями, и не обратили на него особеннаго вниманія.

Только Алексѣй, штудировавшій для реферета, который собирался прочесть, Нитше, брезгливо пожалъ плечами и рѣшилъ, что если онъ женится, то жена не посмѣетъ мѣшать ему заниматься.

— Ну, прощай, Шурочка.

— Прощай, папочка. Развлекись, голубчикъ!—заботливо напутствовала отца дѣвочка и улыбалась заплаканными глазами, занирая за отцомъ двери.

Глава третья.

I.

У Козельскихъ „вторники“.

Къ чему у нихъ „вторники“ и при томъ съ хорошими ужинами и дорогимъ виномъ, этого, пожалуй, не могли бы объяснить

ни его превосходительство, Николай Ивановичъ Козельскій, ни супруга его Антонина Сергѣевна.

Если для „Тины", незамужней ихъ дочери, пикантной блондинки двадцати-трехъ лѣтъ, то это было совершенно напрасно.

Тина не разъ говорила, что для нея вторники совершенно не нужны. Она и безъ вторниковъ найдетъ себѣ мужа, если захочетъ. Но она не такая дура, чтобы захотѣть и получить какое-нибудь сокровище вродѣ Левы, отъ котораго сестра не знаетъ, какъ отдѣлаться.

Не доставляли особеннаго удовольствія эти вторники и родителямъ.

Николай Ивановичъ нерѣдко ворчалъ, что они дорого стоятъ, а постоянно жаловавшаяся на нервы Антонина Сергѣевна находила, что они утомительны и доставляютъ ей много хлопотъ.

И тѣмъ не менѣе вторники продолжались. И Козельскій любезно напоминалъ „добрымъ знакомымъ" и особенно молодымъ женщинамъ не забывать вторниковъ и старался, чтобы „фиксы" были и многолюдны, и оживленны и чтобы на нихъ былъ „гвоздь" въ лицѣ какой-нибудь извѣстности или знаменитости.

Этотъ вторникъ обѣщалъ быть особенно интереснымъ. Дали слово пріѣхать: директоръ департамента Никодимцевъ, восходящая звѣзда на административномъ небосклонѣ, которой опытные астрономы предсказывали большое восхожденіе, модный баритонъ Нэрпи, передѣлавшій на благозвучную фамилію свою орднинарную: Нерпинъ, и молодая пьянистка, уже получившая титулъ „извѣстной".

Въ девять часовъ большая квартира Козельскихъ на Сергіевской была освѣщена „adgiorno".

„Чертогъ сіялъ", хотя былъ еще пустъ.

Недавно вставшій послѣ часового сна и только что окончившій туалетъ, Козельскій сидѣлъ въ своемъ большомъ роскошномъ кабинетѣ, у письменнаго стола и подпиливалъ ногти на холеныхъ, изящныхъ рукахъ съ длинными, породистыми пальцами. На мизинцѣ правой руки былъ большой изумрудъ. Обручальнаго кольца его превосходительство не носилъ.

Несмотря на свои пятьдесятъ два года, это былъ еще очень моложавый и красивый, крѣпкій и здоровый мужчина средняго роста, ширококостный и плечистый, но не полный, съ большой, хорошо посаженной головой, покрытой густыми, сильно вьющимися, темнокаштановыми волосами безъ намека на сѣдину. Небольшая, выхоленная, душистая бородка клинышкомъ скрадывала широковатость его умнаго и добродушнаго лица, свѣжаго, совсѣмъ почти безъ морщинъ, съ мягкими, нѣсколько расплывчатыми чертами. Добрые, бархатные, каріе глаза усиливали впечатлѣніе добродушія и съ перваго же раза располагали къ Николаю Ивано-

вичу, не заставляя подозрѣвать въ немъ ни лукавства, ни предательства. Очень ужъ мягко и ласково глядѣли эти глаза.

Онъ былъ очень элегантенъ въ своемъ рединготѣ изъ какой-то необыкновенно нѣжной, слегка пушистой ткани, сидѣвшемъ на немъ съ безукоризненностью, которая свидѣтельствовала и о заботливости Николая Ивановича о своемъ костюмѣ и о мастерствѣ знаменитаго лондонскаго портного Пуля, у котораго Козельскій одѣвался.

Ослѣпительные стоячіе воротнички сорочки были повязаны чернымъ моднымъ галстукомъ. На рукавахъ блестѣли маленькіе брилліанты. Тонкій ароматъ „дикой яблони“, любимыхъ духовъ его превосходительства, исходилъ отъ его представительной, барской фигуры. Невольно думалось, что Николай Ивановичъ былъ баловнемъ дамъ и что эти сочныя, чувственныя губы, надъ которыми были пушистые усы, съ поднятыми вверхъ концами,—на своемъ вѣку сорвали не мало поцѣлуевъ и еще ими интересуются. Не даромъ же его превосходительство такъ заботится о своемъ здоровьѣ и боится сдѣлаться старикомъ слишкомъ рано.

Безхарактерный во многихъ отношеніяхъ, онъ обнаруживалъ необыкновенную силу воли въ тренированіи собственнаго тѣла, и вотъ уже десять лѣтъ, что ежедневно дѣлаетъ массажъ и гимнастику, ходитъ пѣшкомъ, блюдетъ діету, не позволяетъ себѣ никакихъ излишествъ и не знаетъ моднаго переутомленія, хотя и работаетъ порядочно, чтобы нахватывать въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ служитъ, тысячъ пятнадцать въ годъ, не считая нѣкоторыхъ экстраординарныхъ „suplements“, которыя выдумываетъ изобрѣтательность Николая Ивановича, когда-то—давнымъ-давно—мечтавшаго о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи собственности.

Впрочемъ, его превосходительство и теперь „теоретически“ признаетъ вообще несовершенство человѣческаго общежитія, надѣясь, однако, что въ концѣ-концовъ условія измѣняются къ лучшему, и въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей искренно возмущается подчасъ тѣми порядками, за поддержаніе которыхъ получаетъ изрядное жалованье, хотя по недоразумѣнію и по старой памяти и считается „краснымъ“, такъ какъ въ ранней молодости былъ замѣшанъ въ какой-то „исторіи“ и прожилъ годъ на родинѣ, въ Симбирской губерніи, въ имѣніи отца.

II.

Ступая легкой, граціозной, слегка плывущей походкой, въ настежъ раскрытыя двери кабинета вошла высокая, стройная и худая женщина съ большими, задумчиво-грустными глазами, осѣненными длинными рѣсницами. Въ ея поблекшемъ, видимо прежде

красивомъ лицѣ, было то выраженіе сдержанной покорной печали, которое встрѣчается у любящихъ, но не любимыхъ женщинъ, съ достоинствомъ несущихъ крестъ свой.

Въ черномъ элегантномъ платьѣ, совсѣмъ сѣдая и казавшаяся старухой въ сорокъ четыре года, она походила своимъ видомъ на изящную монахиню-настоятельницу какого-нибудь аристократическаго французскаго монастыря.

Никакихъ украшеній на ней не было: ни брошки, ни серегъ въ ея маленькихъ, блѣдныхъ ушахъ. Только обручальное кольцо одиноко и, казалось, сиротливо блестѣло на бѣлой, тонкой и длинной, красивой рукѣ.

Она взглянула на своего красиваго, моложаваго и здороваго мужа съ чувствомъ любви, зависти и снисходительнаго презрѣнія къ человѣку, которому она давно перестала вѣрить, не переставая любить.

И ея глаза словно бы помолодѣли, останавливаясь на мужѣ и невольно любуясь имъ. Быть можетъ, онъ и теперь ей казался такимъ же красавцемъ, какимъ былъ много лѣтъ тому назадъ, когда она была счастлива.

— Присаживайся, Тоня. Ну, что твои нервы? Какъ ты себя чувствуешь?

Въ его голосѣ, мягкомъ и вкрадчивомъ, звучала та нотка нѣжной почтительности послѣднихъ десяти лѣтъ супружества, какою иногда мужья дарятъ женъ, которыхъ перестаютъ любить какъ женъ и обманываютъ.

И, вѣроятно, не столько изъ-за кроткаго и терпѣливаго характера жены, сколько изъ-за того, что Николай Ивановичъ обманывалъ ее, онъ иначе не говорилъ о ней, какъ называя „святой женщиной», особенно если „святая“ не дѣлала сценъ ревности.

— Ничего... Немного лучше... Что это ты такой нарядный сегодня, Коля?—спросила Антонина Сергѣевна.

И въ головѣ ея пронеслась мысль: „для кого это онъ такъ нарядился?“

— Нарядный?.. Это оттого, что въ сюртукѣ, Тоня?

— Обыкновенно ты по вторникамъ не надѣваешь его.

— Сегодня обѣщалъ Никодимцевъ быть... Неловко какъ-то быть слишкомъ по домашнему...

— И много народу у насъ сегодня будетъ?

— Я думаю... порядочно... Нэрпи пріѣдетъ... Пьянистка Корецкая.

— Надоѣли эти фиксы, Коля...

— А ты думаешь, мнѣ не надоѣли, Тоня?

— Такъ зачѣмъ же мы ихъ продолжаемъ, и ты зовешь публику?..

— Я не зову... Привыкли къ нашимъ вторникамъ... И, наконецъ, для Тины...

— Тинѣ... ты знаешь... они не нужны... Она говорила...

— Ну, мало ли что она говоритъ... Все же молодые люди бываютъ... Сегодня молодой Гобзинъ пріѣдетъ...

— Гобзинъ? Что это такое Гобзинъ?

— Единственный сынъ милліонера Гобзина... Приличный. Кончилъ университетъ... А за ужиномъ, Тоня, надо Никодимцева около Инны посадить... Инна умѣетъ занимать...

— Я скажу ей... Только захочетъ ли она?.. Никодимцевъ, быть можетъ, неинтересный...

— Напротивъ... Умница... И, наконецъ, что это за разборчивость такая?... Кажется, Инна... не особенно разборчива... Одинъ ея благовѣрный чего стоитъ... и вообще... этотъ хвостъ ея поклонниковъ, которые таскаются за ней всюду: и въ театры, и въ концерты... Я, конечно, не придаю этому значенія, но, все-таки, мой другъ, молодой женщинѣ надо быть осторожнѣе. Мало ли что склажутъ! — прибавилъ Козельскій, принимая серьезный и нѣсколько огорченный видъ.

„Ты-то хорошъ!“ — не безъ горечи подумала Антонина Сергѣевна.

И, обожавшая своихъ дѣтей, видѣвшая въ нихъ однѣ совершенства и сама слишкомъ правдивая и чистая, чтобы подозрѣвать ихъ въ чемъ-нибудь дурномъ, горячо проговорила:

— Что могутъ сказать объ Инночкѣ? О ней только клеветники могутъ говорить дурное!..

— Конечно, сказать нечего, собственно говоря... Я, Тоня, только говорю, что Инночка любитъ, чтобы за ней ухаживали...

Отецъ хорошо зналъ, что могли сказать и что не безъ основанія говорили про Инну.

Но онъ не хотѣлъ огорчать жену, да и не смѣлъ бы сказать, еслибъ и хотѣлъ, понимая, что не ему обвинять дочь за ту, нѣсколько странную жизнь, которую она вела. Онъ не разъ встрѣчалъ у нея цѣлую стайку довольно пошлыхъ молодыхъ людей, которые слишкомъ безцеремонно цѣловали ея руки. Онъ видѣлъ ее катающеюся на рысакахъ съ однимъ изъ такихъ поклонниковъ. Онъ даже разъ занялъ деньги у господина, котораго заставалъ у Инны въ тѣ часы, когда для визитовъ еще рано, и въ которомъ опытный его глазъ сразу призналъ подозрительнаго друга дома.

И, не далѣе еще какъ третьяго дня, онъ имѣлъ весьма ще-

котливую встрѣчу съ дочерью въ корридорѣ отдѣльныхъ кабинетовъ одного моднаго ресторана.

Въ четвертомъ часу утра онъ выходилъ изъ отдѣльнаго кабинета съ пикантной француженкой, бывшей однимъ изъ его мимолетныхъ увлеченій, которыми онъ изрѣдка разнообразилъ свои регулярныя свиданія съ предметомъ своей болѣе прочной связи. И въ ту же минуту изъ сосѣдняго кабинета выходила Инна, значительно возбужденная и веселая, подъ руку съ какимъ-то господиномъ, котораго Козельскій видѣлъ въ первый разъ.

Отецъ и дочь встрѣтились лицомъ къ лицу, и оба благоразумно не узнали другъ друга.

Но встрѣча эта больно кольнула Николая Ивановича, задѣвши его родительскія чувства и самолюбіе... „Его дочь таскается по кабинетамъ!“

И, кромѣ того, онъ былъ возмущенъ, какъ опытный въ любовныхъ дѣлахъ человѣкъ, неосторожностью дочери.

„Хоть бы вуаль густую надѣла!“—подумалъ отецъ.

Но едва ли еще не сильнѣе было оскорблено его эстетическое чувство джентльмена и умнаго человѣка невзрачнымъ видомъ, неважнымъ пальто и довольно-таки идіотскимъ, некрасивымъ лицомъ молодого спутника Инны.

„Точно лучше не могла найти!“ — мысленно обвинилъ онъ дочь, глубоко оскорбленный, что такая красивая и не глупая женщина, какъ Инна, да еще похожая на него, ѣздитъ въ отдѣльные кабинеты съ такимъ плюгавымъ господиномъ.

— Инна, должно быть, несчастлива съ мужемъ, Коля... Оттого она, быть можетъ, и кокетничаетъ немножко!—сказала мать.

— Сама выбрала своего Левушку.

— Ошибиться такъ легко!..

— Она что же... жалуется?

— Инна никогда не станетъ жаловаться, Коля... Но мнѣ, кажется, она не любитъ Леву... А вѣдь жить съ нелюбимымъ мужемъ... Что можетъ быть ужаснѣе для порядочной женщины!

— Но развѣ онъ такая скотина, что самъ не понимаетъ этого?.. Тогда я съ нимъ поговорю.

— Надо прежде съ Инной поговорить... Дастъ Богъ, мои предположенія ошибочны... Чужое семейное счастье такая энигма!— раздумчиво прибавила Антонина Сергѣевна...

Его превосходительство не любилъ разговоровъ съ женой на такія темы и, благоразумно не подавая реплики, взглянулъ на часы и проговорилъ:

— Половина десятаго... Ты не позволишь ли подать самоваръ и не напоишь ли меня чаемъ, Тоня?

— Съ удовольствіемъ.

И Антонина Сергѣевна поднялась съ широкой отоманки.

„Святая женщина!“—умиленно подумалъ Николай Ивановичъ и сказалъ:

— Ты мнѣ сюда пришли чай, Тоня!

— Хорошо!—отвѣтила жена.

И тихо вышла изъ кабинета, полная затаеннаго ревниваго чувства, которое всегда возбуждалось сильнѣе, когда мужъ бывалъ наряденъ и, какъ казалось Антонинѣ Сергѣевнѣ, неотразимъ. И къ тому же она не знала, какая женщина владѣетъ теперь имъ, и для кого онъ такъ нарядился.

Разумѣется, она не повѣрила, что для Никодимцева.

„Для кого же, для кого?“

Съ тѣхъ поръ, какъ Николай Ивановичъ разошелся съ послѣдней своей дамой, хорошо извѣстной Антонинѣ Сергѣевнѣ, она въ неизвѣстности. А что новая дама есть, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Антонина Сергѣевна, слава Богу, хорошо изучила мужа! И непремѣнно изъ общества. Она тоже знала извѣстную щепетильность мужа.

Она испытывала мучительное любопытство непремѣнно знать тѣхъ женщинъ, изъ-за которыхъ она страдала и была отставленной женой, а между тѣмъ, вотъ уже два года, какъ Антонину Сергѣевну безпокоитъ тайна новой связи, словно постоянная гнетущая зубная боль. Она подозрѣвала многихъ, но ни въ одной изъ подозрѣваемыхъ не могла признать ту „подлую женщину“, которая увлекаетъ женатаго человѣка.

На этотъ разъ Николай Ивановичъ, вѣроятно проученный прежнимъ опытомъ, ловко скрывалъ свои амурныя дѣла. Ни одной оброненной записки, ни одного компрометирующаго появленія съ кѣмъ-нибудь въ театрѣ...

„Но она узнаетъ! Быть можетъ, сегодня же узнаетъ, кто эта женщина!“—подумала Антонина Сергѣева, наливая мужу чай по его вкусу.

И—странное дѣло!—мысль о томъ, что она узнаетъ, кто любовница мужа, нѣсколько успокоила Антонину Сергѣевну.

Въ столовой появилась „Тина“, маленькая, рыжеволосая блондинка ослѣпительной бѣлизны, съ бойкими глазами и вздернутымъ носомъ, что придавало ея хорошенькому лицу задорное, вызывающее и даже дерзкое выраженіе.

— Хорошо, мамочка?—бойко проговорила она увѣреннымъ тономъ, вполнѣ убѣжденная, что хорошо, и остановилась передъ матерью веселая, улыбающаяся и нарядная въ новомъ свѣтло-зеленомъ платьѣ.

— Отлично, Тиночка... Отнеси, голубка, папѣ стаканъ... Да смотри не пролей на блюдечко. Папа это не любитъ...

Тиночка осторожно взяла блюдечко и, поставивъ стаканъ на столъ, поцѣловала отца и проговорила:

— Здравствуй, папа! Мы съ тобой не видались сегодня.

— Да, Тина, не видались. Ты вѣдь сегодня не обѣдала дома...

— Не обѣдала!—слегка вызывающимъ тономъ отвѣтила Тина.

— А мама безпокоилась... Ты бы предупредила...

— Я разъ навсегда просила маму не безпокоиться. Ты, надѣюсь, не безпокоился?—не безъ иронической нотки въ своемъ низкомъ, красивомъ голосѣ спросила Тина.

— Не безпокоился. Ты не маленькая. А позволительно отцу спросить, гдѣ ты пропадала?—полушутя спросилъ Николай Ивановичъ.

Верхняя губа Тины капризно вытянулась, и глаза сверкнули, когда она отвѣтила:

— Тебя это интересуетъ? У своихъ знакомыхъ была!

— Опредѣленно!—произнесъ отецъ и усмѣхнулся.

— Но развѣ будетъ опредѣленнѣе, если я скажу, что была у Ивановыхъ? Или ты всегда опредѣленно говоришь намъ, гдѣ бываешь?

Козельскій нѣсколько сконфуженно отвелъ глаза и отхлебнулъ чая.

Тина захотѣла было итти, но отецъ раздраженно спросилъ:

— А твои декаденты сегодня придутъ?

— Придутъ. А развѣ они мѣшаютъ тебѣ?

— Не мѣшаютъ, если не декламируютъ глупостей.

— Ты ничего не понимаешь въ поэзіи и потому сердишься...

— Да... Всякой галиматьи я не понимаю.

— А я не считаю галиматьей то, что они пишутъ, и понимаю... Не безпокойся, они тебѣ не помѣшаютъ. Я уведу ихъ въ свою комнату... Мы тамъ будемъ читать...

— Но Тина...

— И больше они не придутъ!—не слушая отца, взволнованно проговорила Тина и вышла изъ комнаты.

„Экая дерзкая дѣвченка!“—подумалъ въ раздраженіи отецъ и понялъ, что онъ безсиленъ передъ ней.

Понялъ и еще болѣе раздражаясь, мысленно произнесъ:

„Замужъ ей надо... А то дофлиртуется до скандала!“

III.

Въ двѣнадцатомъ часу гости были въ сборѣ.

Не было только Инны и баритона Нерпи.

Хозяинъ, игравшій въ кабинетѣ въ винтъ, въ числѣ партнеровъ

котораго былъ и Никодимцевъ, очень скромный и даже застѣнчивый господинъ лѣтъ около сорока, съ некрасивымъ, умнымъ и энергичнымъ лицомъ,—уже нѣсколько разъ справлялся: не пріѣхала ли дочь. Онъ зналъ, что она обладаетъ способностью очаровывать мужчинъ, и почему-то хотѣлъ, чтобы Никодимцевъ съ ней познакомился.

Цвѣтникъ дамъ и дѣвицъ въ красивыхъ туалетахъ наполнялъ большую гостиную. Было жарко. Пахло духами. Юная піанистка только что кончила играть, и несчастные молодые люди, занимавшіе дамъ, снова должны были придумывать болѣе или менѣе подходящія темы „журъ-фиксныхъ“ разговоровъ. Опера, пріѣзжій итальянскій трагикъ, недавнее самоубійство изъ-за несчастной любви уже были исчерпаны, а до ужина еще далеко.

Хотя госпожа Ордынцева и увѣряла мужа, что они живутъ, какъ нищіе, но здѣсь далеко не казалась нищей. Напротивъ! Она была очень красива и эфектна въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ брилліантами въ ушахъ и съ сверкающими кольцами на крупныхъ, бѣлыхъ рукахъ. Она глядѣла очень моложавой и чувствовала, что нравится мужчинамъ. Отъ нея почти не отходили два господина: старенькій адмиралъ и совсѣмъ юный инженеръ. И оба говорили ей любезности, и оба таяли.

А Ольга въ платьѣ „crème“ кокетничала съ г. Гобзинымъ, котораго ей представили. Молодая, хорошенькая дѣвушка видимо понравилась сыну милліонера.

Тина въ своей хорошенькой комнатѣ слушала стихи, которые декламировалъ ей высокій, худощавый господинъ развинченнаго вида съ рыженькой бородкой и маленькими кроличьими глазами. Читалъ онъ какъ-то таинственно тихо и плавно, и стихъ былъ звучный и мѣстами красивый, но добраться до смысла въ этихъ стихахъ было невозможно. Однако, два студента слушали поэта съ благоговѣніемъ. За то молодой, пригожій артиллеристъ саркастически улыбался, не спуская влюбленныхъ глазъ съ Тины.

И когда поэтъ кончилъ, и Тину позвали пѣть, артиллеристъ подошелъ къ ней и шепнулъ:

— Татьяна Николаевна! Неужели вамъ и стихи, и онъ нравятся?

— А вамъ какое дѣло?

— Мнѣ? Татьяна Николаевна...

— Не приставайте... Надоѣли!.. Вотъ возьму да и выйду замужъ за этого боровка!..—указала она на Гобзина.

— Потому что милліонеръ?

— Именно...

Артиллеристъ отошелъ грустный. А онъ надѣялся и, казалось ему, имѣлъ право надѣяться на иное отношеніе..

И онъ хотѣлъ было уйти и никогда больше не являться къ Тинѣ. Ужъ онъ былъ въ прихожей, но вдругъ вернулся въ гостиную, сѣлъ въ уголкѣ и притихъ, словно обиженный ребенокъ.

Исполняя обязанности хозяйки дома, Антонина Сергѣева присаживалась то къ одной, то къ другой гостьѣ, и если она была недурна, въ ней шевелилось ревнивое чувство: „не она ли?“

Она также незамѣтно слѣдила, когда мужъ, оказываясь свободнымъ пятымъ партнеромъ, входилъ въ гостиную и подходилъ къ дамамъ, чтобъ сказать нѣсколько любезныхъ словъ. Но рѣшительно никому онъ не выказывалъ особеннаго предпочтенія.

И это заставляло бѣдную женщину втайнѣ страдать.

Пока Тина собиралась пѣть цыганскія пѣсни и разбирала ноты, въ гостиную, вся въ бѣломъ, вошла Инна, улыбаясь милой, дѣтской улыбкой и глазами, большими зелеными глазами, въ которыхъ, казалось, свѣтилась чистота самой мадонны.

И тотчасъ же разговоры смолкли, и всѣ взоры обратились на нее.

Дѣйствительно, въ этой женщинѣ было что-то необыкновенно красивое и обворожительное.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Переводъ съ французскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть во Флоренціи 7-го марта, въ день праздника св. Ѳомы Аквинскаго, и у меня явилось желаніе осмотрѣть въ доминиканскомъ монастырѣ Santa Maria Novella фрески Мемми и Гадди, изображающія тріумфъ св. Ѳомы среди ареопага семи небесныхъ и семи земныхъ наукъ. Мнѣ казалось, что именно въ этотъ день можно всего яснѣе почувствовать, чѣмъ былъ этотъ человѣкъ, какъ руководитель мысли. Къ тому же великолѣпное солнце заливало яркимъ свѣтомъ церкви города лилій. Нужно много солнца, чтобы разсмотрѣть всѣ эти фигуры апостоловъ, аллегорическихъ звѣрей, собакъ Господа, кусающихъ волковъ ереси, ученыхъ, начиная отъ Боэтіуса, похожаго на прокаженнаго, и кончая Тубалкаиномъ, похожимъ на орангъутанга. Мнѣ хотѣлось быть тамъ одному, и я пришелъ къ девяти часамъ. Въ монастырѣ не было ни души. Благодаря утренней свѣжести и монастырской тишинѣ, здѣсь было чудно хорошо. Сквозь арки, построенныя въ XIV вѣкѣ, виднѣлись зеленыя лужайки, не такія древнія, но вѣчно вновь зеленѣющія. Заботливый ключарь заперъ ворота на нѣсколько засововъ. Колокола громко звонили, потомъ наступило долгое молчанье. Я шелъ между гробницъ, окружающихъ Зеленый Монастырь, какъ вдругъ, когда я подходилъ къ Испанской капеллѣ, до меня донесся сначала едва слышный, потомъ все болѣе и болѣе явственный звукъ голоса, что-то читавшаго... вродѣ молитвы. Неужели кто-нибудь предупредилъ меня? Уже я различалъ въ прозрачной тѣни силуэты молодыхъ женщинъ въ матросскихъ шляпахъ, въ бѣлыхъ вуаляхъ, съ букетами мимозъ въ рукахъ. Онѣ стояли тѣсной группой передъ тріумфомъ св. Ѳомы Аквинскаго. Одна изъ нихъ читала:

Optavi et datus est mihi sensus,
Invocavi et venit in me spiritus sapientiae
Et praeposui illam regnis et sedibus.

Потомъ тотъ же голосъ продолжалъ по англійски:

«...Я просилъ, и духъ мудрости сошелъ на меня. Сила мудрости или святая Софія, во-имя которой былъ выстроенъ первый христіанскій храмъ, эта высшая мудрость, присутствіе которой направляетъ теченіе всѣхъ земныхъ событій и создаетъ все земное искусство, снизошла на Флоренцію по ея молитвѣ...»

Долго она читала такъ, переходя отъ самыхъ общихъ размышленій о значеніи науки, управляющей мышленіемъ человѣка, къ самымъ мелкимъ замѣчаніямъ по поводу рукъ или волосъ какой-нибудь фигуры на фрескахъ, отмѣчая оттѣнки, изучая выраженія лицъ, складки одежды, противопоставляя спокойную позу реторики размашистымъ жестамъ флорентійской толпы, «превращающей пальцы въ губы и надѣющейся своими криками добиться отъ Бога и людей исполненія своихъ желаній».

Аудиторія слушала съ глубокимъ вниманіемъ, и маневрировала точно взводъ прусскихъ солдатъ, переходя отъ одной фигуры къ другой по указаніямъ тоненькой, красной, съ золотымъ обрѣзомъ книжечки. Иногда голосъ вдругъ повышался. Тихіе звуки органа акомпанировали ему издали. Дуновеніе воздуха, напоеннаго ароматомъ цвѣтовъ, проносилось, какъ фиміамъ. Золотыя тычинки мимозъ въ рукахъ молодыхъ женщинъ вспыхивали подъ лучами солнца, какъ восковыя свѣчи. Я замѣтилъ, что путешественницы стояли на могильной плитѣ испанскихъ пословъ, давшихъ свое имя капеллѣ. То, что онѣ читали, напоминало также пучекъ увядшихъ цвѣтовъ, сохранившійся отъ далекаго прошлаго. Что же это была за книга, что за невѣдомый культъ, кто жрецъ этой религіи красоты? Ключарь, проходя мимо, шепнулъ, мнѣ имя: *Рёскинъ!*

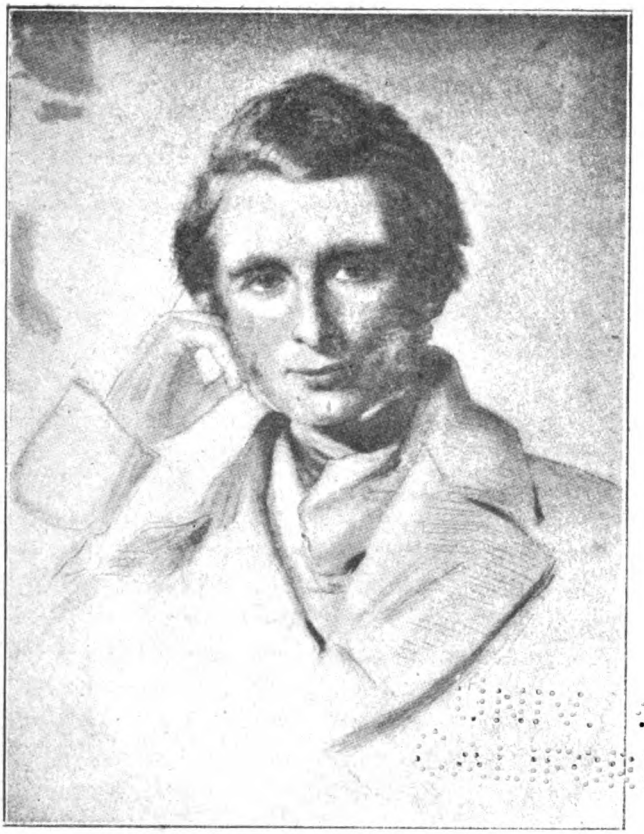
Другой разъ, послѣ конгреса экономистовъ въ Лондонѣ, я отдыхалъ въ одномъ изъ тѣхъ строгихъ готическихъ салоновъ, гдѣ удачно сгармонированы и красота, и комфортъ. Говорили о тѣхъ измѣненіяхъ, какія производятъ машины вездѣ, а особенно въ тканяхъ, въ вышивкахъ, которыя были нѣкогда произведеніями искусства; надъ ними работали мыслящіе люди, и онѣ выходили несравненно прочнѣе въ тѣ времена, когда бѣлье переходило по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Теперь же машинная работа существуетъ не долго. «Взять хоть эти салфеточки»,—сказалъ одинъ изъ гостей,—нужно ли упоминать, что разговоръ происходилъ за чайнымъ столомъ?—«Простите,—перебила его хозяйка,—вы забываете, что это *Ланидальскій холстъ*!»—«А мой сюртукъ,—прибавилъ хозяинъ дома,—сшитъ изъ сукна *Гильдіи св. Георга*». Это объясненіе, повидимому, всѣхъ удовлетворило.

Я узналъ тогда, что въ Вестморландѣ была устроена мастерская въ хорошенькомъ коттеджѣ, гдѣ пряли ленъ на прялкахъ нашихъ прабабушекъ и ткали холстъ на старинныхъ ручныхъ станкахъ. Этотъ ручной холстъ стоитъ отъ двухъ до шести шиллинговъ ярдъ. Суммы, полученныя отъ продажи, кладутся въ банкъ и въ концѣ года прибыль

дѣлится между работниками. Оттуда именно было все бѣлье въ домѣ нашихъ хозяевъ. А сукно получалось съ мельницы св. Георга на островѣ Мэнѣ, гдѣ чешутъ шерсть и ткутъ сукно. Только вода, эта стихійная сила, помогаетъ тамъ рукамъ человѣческимъ. Оттуда многія англійскія дамы выписываютъ себѣ сукно. Матеріи эти очень прочны и выдѣлываются онѣ безъ дыма и копоти, безъ грохота и безобразія машинъ, вопреки всему прогрессу, какъ бы въ насмѣшку надъ всѣмъ промышленнымъ и соціальнымъ движеніемъ нашего времени. И когда я спросилъ, кто же устроитель этой гильдіи, безумецъ или титанъ, желающій преградить путь своему вѣку, мнѣ назвали тоже имя, которое я уже слышалъ разъ подъ сѣнью Зеленаго Монастыря: *Рёскинъ!*

Итакъ, совсѣмъ близко отъ насъ, по ту сторону Ламанша жилъ человѣкъ, овладѣвшій всецѣло умами британцевъ и внушавшій имъ свои безстрашно-ретроградные взгляды на жизнь, на стиль, на экономику, даже на одежду. Этотъ человѣкъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ бросилъ обществу книгу-вызовъ и началъ борьбу, давшую ему славу; съ тѣхъ поръ въ троякомъ видѣ—писателя, оратора и директора мануфактуры онъ проповѣдывалъ три ученья—эстетическое, нравственное и соціологическое или, лучше сказать, онъ бросалъ своему вѣку разныя мысли безъ всякой послѣдовательности, и каждое его слово съ религіознымъ усердіемъ подбиралось его почитателями и почитательницами, какъ капли крови мученика. Его книги, выпускаемыя въ двадцати, тридцати тысячахъ экземпляровъ, несмотря на ихъ дорогія цѣны, распространяли по всей Англіи его идеи о жизни и красотѣ, а контрабандныя изданія заносили сѣмена ихъ и на далекій западъ. Сто тысячъ франковъ составляли ежегодный доходъ автора отъ его эстетическаго предпріятія, и этотъ доходъ долженъ былъ питать то соціальное предпріятіе, о которомъ онъ мечталъ. Чтобы пояснить его, въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Глазго и Ливерпулѣ образовались особыя общества для чтенія Рёскина, особый журналъ возникъ, чтобы пропагандировать его, особая библіотета, *Домъ Рескина* въ Лондонѣ, чтобы распространять его идеи. Около него художники гравировали его рисунки, писатели разсказывали его біографію, хотя онъ самъ былъ живъ, излагали его ученіе, хотя онъ самъ писалъ, составляли изъ его произведеній «Рёскиніады», путеводители по музеямъ, книги для раздачи наградъ и т. п. Во время стачекъ бросали въ возбужденную толпу отрывки изъ произведеній великаго эстетика; и еще недавно директоръ женскаго института въ Лондонѣ заявилъ со школьной торжественностью, что XIX вѣкъ будетъ знаменитъ въ исторіи только тѣмъ, что въ немъ жилъ и писалъ Рёскинъ!

Кто же этотъ человѣкъ и въ чемъ состоялъ его предпріятіе? Кромѣ непосредственнаго интереса, который онъ возбуждаетъ, въ настоящее время нельзя затронуть ни одного вопроса искусства, чтобъ не коснуться его. У меня явилось желаніе изучить его. Мнѣ казалось, что



Джонъ Рёскинъ.

38-ми лѣтъ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

для этого недостаточно прочитать его и тѣхъ, кто лучше всѣхъ зналъ его, прежде всѣхъ, конечно, его любимаго ученика М. Ж. Коллингвуда, надо было пройти тѣмъ же путемъ по Европѣ и въ эстетикѣ, какимъ шелъ самъ учитель. Въ Швейцаріи, во Флоренціи, въ Венеціи, на берегахъ Рейна и Арно, вездѣ, гдѣ онъ работалъ, работалъ и я послѣ него; я воспроизводилъ тѣ эскизы, изъ которыхъ рождались его теоріи и его поученія, я ожидалъ тѣхъ лучей солнца, которые онъ описывалъ, я подстерегалъ на вѣчныхъ памятникахъ неуловимыя тѣни его мыслей. Потомъ, прежде чѣмъ начать писать, я ждалъ нѣсколько лѣтъ, пока его система предстала передо мной не въ своей поражающей сложности, а въ своемъ дивномъ единствѣ, какъ тѣ Альпы, которыя онъ такъ любилъ: вблизи онѣ представляются безпорядочнымъ хаосомъ, но по мѣрѣ того, какъ отъ нихъ удаляешься, онѣ сливаются и, наконецъ, на краю горизонта, превращаются въ тонкую голубую линію, но эта линія—цѣлый міръ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Личность.

Глава I.

Созерцаніе.

Однажды лѣтней ночью 1833 года сторожъ у воротъ Шаффгаузена былъ разбуженъ стукомъ подъѣхавшей почтовой кареты; онъ съ недовольнымъ видомъ пріотворилъ ворота запоздавшимъ путешественникамъ и карета такъ быстро промчалась, что задѣла и разбила одинъ изъ его фонарей. У гостиницы карета остановилась и изъ нея вышелъ курьеръ, потомъ англичанинъ съ женой, маленькая дѣвочка, мальчикъ лѣтъ четырнадцати и лакей. Всѣ путешественники сейчасъ же улеглись спать. Завтра въ воскресенье рано утромъ надо было отправляться въ церковь.

Имена, которыя хозяинъ гостиницы записалъ на другой день въ свою книгу, были ему совершенно неизвѣстны, и свѣдѣнія, которыя онъ могъ получить отъ курьера относительно пріѣзжихъ, не заключали въ себѣ ничего интереснаго. Изъ того, что онъ узналъ про нихъ, ничто не указывало, чтобы исторія искусства должна была интересоваться ими: джентельменъ былъ Джонъ Джемсъ Рёскинъ, крупный виноторговецъ въ Сити, его имя стояло во главѣ одной изъ крупнѣйшихъ торговыхъ фирмъ — *Рескинъ, Тельфоръ и Домекъ*, онъ занимался, главнымъ образомъ, ввозомъ шерри и считался однимъ изъ добросовѣстнѣйшихъ негоціантовъ своей страны; дама, вышедшая вслѣдъ за нимъ изъ кареты, была его жена, рожденная миссъ Маргарита Коксъ, мальчикъ—его единственный сынъ Джонъ, а маленькая дѣвочка—сирота-племян-

ница Мэри; всѣ они въ политикѣ были крайніе тори и якобиты, а по религіи—пресвитерьяне. Чтобы сколько-нибудь заинтересовать ими, слѣдовало бы прибавить, что все это семейство отличалось нѣкоторой нелюдимостью, жило только созерцаніемъ природы и искало исключительно эстетическихъ наслажденій.

Негоціанты въ Сити были бы, вѣроятно, крайне удивлены, еслибъ узнали, что м-ръ Джонъ Джемсъ Рескинъ, такой аккуратный въ своей конторѣ, такой точный въ денежныхъ дѣлахъ, такой знатокъ хорошаго шерри, имѣлъ склонности артиста. Возвращаясь къ себѣ домой, онъ превращался въ крайняго энтузіаста. Онъ поспѣшно принимался заканчивать какую-нибудь акварель или, взявъ какое-нибудь новое произведенье Вальтеръ-Скотта или старую драму Шекспира, начиналъ съ страстнымъ увлеченіемъ читать ихъ женѣ и сыну. Очень часто въ прежніе годы ночь заставала его склоненнымъ надъ гравюрами Праута или Тернера или надъ картами Швейцаріи и Италіи; разглядывая ихъ при свѣтѣ лампы, онъ погружался въ неосуществимыя мечты о путешествіи въ тѣ страны, гдѣ высятся снѣжныя горы и плещутъ голубыя волны.

Но тутъ появлялась мисиссъ Рёскинъ и своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ возвращала его къ мыслямъ о томъ, что англичане любятъ называть своимъ долгомъ, т. е. о накопленьи денегъ. М-ссъ Рёскинъ была двоюродной сестрой своего мужа и на четыре года старше его. Зная ее съ дѣтства, онъ мало-по-малу пришелъ къ убѣжденію, что она вполнѣ олицетворяетъ собой идеалъ подходящей для него жены, сказалъ это ей, и они вмѣстѣ рѣшили подождать со свадьбой до тѣхъ поръ, пока всѣ долги семьи будутъ уплачены, его торговое предпріятіе окрѣпнетъ, и всѣ вообще тучи разсѣются. Они ждали девять лѣтъ. Наконецъ, однажды вечеромъ, увидѣвъ по своей приходо-расходной книгѣ, что активъ превышаетъ пассивъ, онъ разрѣшилъ сердцу заявить громче о своихъ правахъ. Послѣ ужина молодыхъ людей обвѣнчали и такъ таинственно, что слуги догадались объ этомъ только на другой день, когда они вмѣстѣ отправились въ Эдинбургъ. Эта странная смѣсь чувствительности и хладнокровія, рыцарской вѣрности и практическаго смысла дѣлали изъ мистера Рёскина совершенно особый типъ, сильно выдѣлявшійся среди остальныхъ виноторговцевъ Сити. Благодаря ей, онъ сумѣлъ не только спасти честь семьи, уплативъ всѣ долги, оставленные ему отцомъ, но, съ своей стороны, оставить сыну капиталъ въ пять милліоновъ, и въ тоже время передать ему свою страстную любовь къ природѣ, составляющую характерную особенность великаго писателя.

Въ началѣ природа лишь изрѣдка, урывками являлась ребенку, какъ королева, которая показывается народу только въ дни празднествъ. Онъ видѣлъ ее, посѣщая своихъ тетокъ въ Кройдонѣ, откуда открывался такой чудный видъ, что маленькій Джонъ, замѣтивъ его пер-

вый разъ, закричалъ своей испуганной матери: «У меня сейчасъ глаза выскочатъ изъ головы!», или въ Перси, прекрасные сады котораго восхищали его дѣтскій взоръ. Надъ этими краткими видѣньями тотчасъ же спускалась темная завѣса лондонскихъ тумановъ. Позднѣе, когда его родители переѣхали изъ столицы въ провинцію и поселились въ Хернъ-Хиллѣ, на склонѣ Сюррейскихъ холмовъ, красота природы стала ему болѣе доступна. Изъ окна отцовскаго дома передъ нимъ разстилались зеленые луга, деревья, разбросанные тамъ и сямъ деревенскіе домики, а за ними, дальше къ югу, волновалось безграничное поле; въ другую сторону вдали виднѣлся Лондонъ, Виндзоръ и Харроу. Вокругъ простого, но удобнаго домика разбитъ былъ садъ съ зелеными лужайками, съ вишнями и другими фруктовыми деревьями, «ихъ вѣтви гнулись подъ тяжестью плодовъ, нѣжно зеленыхъ, съ пурпуровымъ пушкомъ и тонкимъ ароматомъ, и глазъ съ радостью открывалъ подъ широкими листьями жемчужныя и рубиновыя грозди, похожія на виноградъ»; это былъ прелестный садъ, и ребенокъ сравнивалъ его съ раемъ, съ тою только разницей, что тутъ «не было ни одного прирученаго животнаго и *всѣ* плоды были запрещены». Его врожденная любовь къ формамъ и цвѣтамъ не должна была болѣе удовлетворяться исключительно рисунками ковровъ и видомъ каменныхъ домовъ. «Когда небо было ясно,—говоритъ онъ,—я проводилъ время въ саду, изучая растенія. У меня не было ни малѣйшаго желанія выращивать ихъ, ухаживать за ними, какъ не являлось желанія ухаживать за птицами, за небомъ, или за моремъ. Я только смотрѣлъ на нихъ. Побуждаемый не безплоднымъ любопытствомъ, а восторженнымъ изумленіемъ, я разрывалъ на части каждый цвѣтокъ, пока не узнавалъ всего, что было доступно моему дѣтскому взгляду».

Отважный въ дѣлахъ, но застѣнчивый и робкій въ сношеніяхъ съ людьми, мистеръ Рёскинъ жилъ уединенно въ обществѣ легендарныхъ героевъ своихъ любимыхъ авторовъ. Въ тоже время жена его, воспитанная въ болѣе грубой средѣ, чѣмъ ея мужъ, чувствовала себя не на мѣстѣ среди его новыхъ знакомыхъ; слишкомъ умная, чтобы не замѣчать этого и слишкомъ гордая, чтобъ примириться съ этимъ, она предпочла удалиться отъ людей. При томъ же она была настоящая евангелическая мать: на столѣ ея всегда лежало *Сокровище христіанина*, а въ сердцѣ пылала ненависть къ папѣ; она ненавидѣла театръ и любила цвѣты; «соединяя въ себѣ духъ Маѳы и Маріи», неутомимая и строгая, она жила только для мужа и сына; она была способна годами жить въ Оксфордѣ одна, чтобы не покидать сына въ университетѣ, она оберегала его отъ всякаго огорченья, рискуя изнѣжить его, отъ всякой опасности, рискуя сдѣлать его трусомъ; она каждый день читала съ нимъ Библію, постепенно открывая передъ его глазами свѣтъ Стараго и Новаго Завѣта, который до конца озарялъ собой дѣло его жизни. Ребенокъ не имѣлъ понятія ни о какихъ тревo-

гахъ. Не проживая и половины своихъ доходовъ, Рёскины не знали никакихъ матеріальныхъ заботъ; они искали только созерцательныхъ радостей и поэтому муки зависти и честолюбія были также чужды имъ. Они находили, что жить въ скромномъ коттеджѣ и имѣть удовольствіе посѣщать Варвикскій замокъ пріятнѣе, чѣмъ жить въ самомъ Варвикскомъ замкѣ и не находить ничего, чему удивляться. Обладая спокойнымъ характеромъ, они оба увлекались только идеями и картинами природы. «Никогда,—говоритъ ихъ сынъ,—я не слышалъ, чтобы голоса ихъ повышались въ спорѣ, никогда слуга не получалъ строгаго выговора». Подъ мягкой дисциплиной, правившей этимъ домомъ, царили миръ, послушаніе и вѣра.

Артистическія наклонности ребенка, охраняемаго такимъ образомъ отъ всякихъ столкновеній съ внѣшнимъ міромъ, развивались все сильнѣе, и онъ постоянно находился точно въ состояніи художественнаго экстаза. Когда онъ путешествовалъ, это состояніе не прекращалось, напротивъ, новыя впечатлѣнія давали ему новую пищу. Каждый годъ, въ маѣ мѣсяцѣ, м-ръ Рёскинъ отправлялся куда-нибудь по дѣламъ. Жена его, не желая, чтобы онъ одинъ переносилъ дорожную усталость, ѣхала съ нимъ; маленькаго Джона сажали на подушку между собой, няньку на заднюю скамейку, и вся семья отправлялась въ путь. Каждый вечеръ, окончивъ дѣловые визиты, м-ръ Рёскинъ водилъ сына осматривать встрѣчавшіяся на пути развалины, замки, соборы. Потомъ читали стихи или рисовали. Пяти лѣтъ Джонъ побывалъ въ Шотландіи, въ странѣ озеръ; десяти лѣтъ онъ ѣздилъ съ отцомъ во Францію и присутствовалъ въ Парижѣ на празднествахъ при коронованіи Карла X; по дорогѣ они заѣзжали въ Ватерло. Въ Англіи они посѣщали разныя школы и капеллы, слушали музыку въ Оксфордѣ, побывали на могилѣ Шекспира, осматривали булавочную фабрику въ Бирмингамѣ, любовались видами въ Блекгеймѣ и Варвикскомъ замкѣ; мальчикъ знакомился съ міромъ и его многообразной красотой въ томъ возрастѣ, когда маленькіе французы прилежно изучаютъ надписи на мертвыхъ географическихъ картахъ. Восхищенный природой страны озеръ, онъ сравниваетъ Скидавъ съ пирамидами; трудно повѣрить, что слѣдующія строки, принадлежатъ перу десятилѣтняго ребенка: «Все, что въ силахъ создать искусство,—ничто передъ тобой! Рука человѣка воздвигла горы пигмеевъ, но могилы великановъ. Рука природы воздвигла вершины горъ,—но никогда не создавала могилъ».

Въ Хернъ-Хиллѣ онъ проводилъ долгіе зимніе мѣсяцы, мечтая надъ гравюрами Тернера. Онъ собираетъ коллекціи минераловъ въ долинахъ Клифтона, въ Бристолѣ, въ Дербайширѣ, онъ наблюдаетъ свѣтовыя отраженія, онъ вычисляетъ высоты. И все, что онъ постигаетъ своимъ рано созрѣвшимъ умомъ, онъ любитъ своимъ наивнымъ, свободнымъ сердцемъ. Къ семьѣ своей онъ не чувствуетъ нѣжности. «Мать моя,—пишетъ онъ,—больше всего любила цвѣты. Часто она пересаживала и

подрѣзывала ихъ и я былъ съ ней, если хотѣлъ. Но ея присутствіе не доставляло мнѣ ни огорченія, ни радости. Предоставленный по большей части самому себѣ, я создалъ себѣ свой собственный независимый міръ». И черезъ шестьдесятъ лѣтъ у него вырывается крикъ отчаянія: «Мнѣ некого было любить. Мои родители были для меня въ нѣкоторомъ родѣ видимыми силами природы. Я любилъ ихъ также, какъ люблю солнце и луну». А кромѣ своей семьи онъ не знаетъ ни одного человѣческаго существа. Даже во время путешествій Рёскины избѣгали сношеній съ людьми. Если у нихъ является желаніе видѣть своего великаго поэта Вордсворта, они не рѣшаются искать знакомства съ нимъ: они довольствуются тѣмъ, что смотрятъ на него, стоя за колонной въ церкви. «Мы путешествовали не для приключеній и не для знакомствъ: мы только смотрѣли и восхищались». Комфортъ, который они позволяютъ себѣ въ дорогѣ, даетъ имъ возможность многое видѣть, а незнаніе иностранныхъ языковъ мѣшаетъ имъ интересоваться людьми иначе чѣмъ съ эстетической точки зрѣнія. Они находятъ своеобразное удовольствіе въ томъ, что не понимаютъ языка окружающей ихъ толпы. Они замѣчаютъ красивые жесты, интонаціи голосовъ, независимо отъ смысла словъ, «какѣ въ оперѣ или пантомимѣ».

Въ такихъ необычныхъ условіяхъ впечатлительность ребенка растетъ, обостряется его наблюдательность. Эстетическое чувство развивается въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Онъ не можетъ любить свою двоюродную сестру, потому что она носитъ *локоны по англійски*, а эта прическа оскорбляетъ его эстетическій вкусъ. Если случается, что его берутъ въ гости, онъ обращаетъ вниманіе только на картины на стѣнахъ, а не на людей. Скоро, въ Оксфордѣ онъ будетъ избѣгать тѣхъ товарищей, лица которыхъ покажутся ему недостаточно характерными, «не достаточно хорошо нарисованными», и будетъ слушать только тѣхъ изъ профессоровъ, у которыхъ найдетъ черты сходства съ *Эразмомъ* Гольбейна или съ *Меланхтономъ* Дюрера. Одаренный большими способностями къ геометріи,—этой наукѣ, занимающейся видимыми изображеніями тѣлъ, онъ останавливается передъ алгеброй, занятой только отношеніями чиселъ. Въ вещахъ его интересуетъ только ихъ отношеніе къ красотѣ, пріятное или непріятное впечатлѣніе, производимое ими на глаза. Весь міръ представляется ему созданнымъ для этой цѣли. Въ немъ уже складывается мысль, которую онъ выскажетъ позднѣе въ *Прозерпинѣ*: «Сѣмена и плоды созданы ради цвѣтовъ, а не цвѣты ради сѣмянъ и плодовъ». На порогѣ жизни эстетическія впечатлѣнія преобладаютъ въ немъ и это опредѣлитъ всю его послѣдующую жизнь. Какъ только онъ увидитъ природу не въ ея сѣренькомъ сѣверномъ убранствѣ, а въ ея южной, голубой красотѣ, не подкрашенной—вблизи большихъ городовъ, а свободной, дикой и величественной въ своей первобытной наготѣ, онъ тотчасъ отдастъ ей всего себя—и умъ, и сердце, и волю,—ей и тѣмъ, кто, подобно Тернеру, умѣлъ объяснить ее ему.

Въ такомъ настроеніи находимъ мы четырнадцатилѣтняго Джона Рёскина, когда онъ съ отцомъ, матерью и кузиной Мэри подъѣзжалъ лѣтней ночью къ воротамъ Шаффгаузена. Въ немъ зрѣла безпредметная страсть, бродили неопредѣленныя надежды, въ немъ горѣлъ тотъ огонь, который жжетъ, но не свѣтитъ—мы всѣ знаемъ его въ ту пору, когда рѣшаемъ вопросъ, что мы будемъ дѣлать въ двадцать лѣтъ. Онъ давно мечталъ объ этомъ путешествіи. Въ Страсбургѣ они рѣшали вопросъ, куда ѣхать—въ Базель или въ Шаффгаузенъ. Въ Шаффгаузенъ!—воскликнулъ онъ. «Мои горячія просьбы одержали, наконецъ, верхъ и на другой день раннимъ утромъ мы уже отправлялись на пристань, и когда мы переѣзжали Рейнъ, я видѣлъ въ лучахъ зари уходившій вдаль Шварцвальдъ. Горы открывали передо мной ворота въ новую жизнь, не прекращающуюся до воротъ тѣхъ горъ, съ которыхъ нѣтъ возврата».

Послушаемъ теперь, какъ онъ разсказываетъ о своей первой встрѣчѣ съ предвѣчной красотой. Кажется, что и теперь, послѣ пятидесяти двухъ лѣтъ, голосъ его еще дрожитъ.

«Мы пріѣхали въ городъ ночью и, кажется, никто изъ насъ не воображалъ, что Альпы можно увидѣть, не предпринимая особой экскурсіи, которая явилась бы нарушеніемъ религіозныхъ правилъ о воскресномъ отдыхѣ. Мы пообѣдали по обыкновенію въ четыре часа и, такъ какъ вечеръ былъ прекрасный, пошли погулять,—отецъ, мать, Мэри и я. Мы довольно долго осматривали городъ, такъ какъ солнце уже близилось къ закату, когда мы вошли въ садъ, расположенный въ западной части города, высоко надъ Рейномъ; съ него открывался видъ на всю мѣстность къ юго-западу отъ города. Мы смотрѣли на эту синѣющую вдали волнистую равнину, какъ бы смотрѣли на одинъ изъ пейзажей нашей родины — на Мальвернъ въ Ворчестерширѣ или на Доркингъ въ Кентѣ, какъ вдругъ!.. смотрите!.. что это?

«Ни на одну минуту ни у кого изъ насъ не мелькнула мысль, что это могутъ быть облака. Очертанія, чистыя какъ хрусталь, отчетливо выступали на фонѣ яснаго неба, слегка окрашенныя розовыми лучами заходящаго солнца. Это безконечно превышало все, о чемъ мы думали и мечтали. Стѣны потеряннаго рая — эти священныя стѣны смерти, явившись намъ въ небѣ, не могли бы быть прекраснѣе и величественнѣе. Я былъ тогда полонъ жизни, въ моемъ сердцѣ горѣлъ огонь, я былъ вполнѣ доволенъ своей дѣтской жизнью и не желалъ ничего иного, я испыталъ горе настолько, чтобы смотрѣть серьезно на жизнь, но не настолько, чтобъ порвать свою связь съ ней, къ моимъ впечатлѣніямъ примѣшивалась нѣкоторая доля научныхъ знаній, достаточная для того, чтобы видъ Альпъ казался мнѣ не только воплощеніемъ земной красоты, но и вступленіемъ къ изученію книги жизни, и, когда я спускался въ этотъ вечеръ съ террасы Шаффгаузена, моя судьба была рѣшена во всемъ, что въ ней есть священнаго и полезнаго. Къ этой

террасѣ и къ берегамъ Женевскаго озера до сихъ поръ влечетъ меня мое сердце и мой умъ при всякомъ благородномъ чувствѣ, зарождающемся въ нихъ, при всякой мирной и отрадной мысли».

Съ этихъ поръ созерцаніе природы будетъ наполнять его жизнь, оно станетъ для него не развлеченіемъ, а призваніемъ, стремленіемъ къ идеалу. Исторія его жизни это, въ сущности, исторія его встрѣчъ съ природой, его ежегодныхъ путешествій; сначала, въ теченіе двухъ первыхъ третей его жизни, онъ предпринималъ ихъ вмѣстѣ съ родителями, позднѣе, когда они умерли,—одинъ. Онъ не ищетъ у нея прибѣжища отъ усталости и разочарованій, или развлеченія въ часы праздности,—онъ отдается ей со всей силой юношеской энергіи, какъ Богу, которому радостно поклоняется юность. Она не только утѣшаетъ его въ любви, она сама—его любовь.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню и лѣтъ до 18—20, я испытывалъ наслажденіе несравненно высшее, чѣмъ всѣ остальныя, наслажденіе, которое можно сравнить по силѣ съ восторгомъ влюбленнаго, находящагося около своей благородной и нѣжной возлюбленной, это наслажденіе также необъяснимо и неопредѣлимо, какъ сама любовь...

«Я никогда не думалъ о природѣ, какъ о созданіи Бога, но какъ объ особомъ явленіи, самостоятельно существующемъ...

«Это чувство по силѣ своей не мирилось ни съ какимъ дурнымъ чувствомъ—досадой, неудовольствіемъ, завистью, отчаяніемъ, и ни съ какой другой злой страстью, но всякое благородное и чистое движеніе души—горе или радость—были тѣсно связаны съ нимъ...

«Хотя это чувство не смѣшивалось ни съ какимъ опредѣленнымъ религіознымъ чувствомъ, но въ то же время природа въ ея цѣломъ, начиная съ самыхъ незначительныхъ до самыхъ крупныхъ своихъ проявленій, вызывала постоянно ощущеніе святости, невольный, священный ужасъ, смѣшанный съ наслажденіемъ, необъяснимый трепетъ, какой мы испытывали бы въ присутствіи безплотнаго духа... Я могъ вполнѣ отдаться этому ощущенію только, когда былъ одинъ; я содрогался съ головы до ногъ, испытывая и страхъ, и радость, когда, не видя долгое время горъ, я выходилъ на берегъ темноводнаго потока, прыгающаго по камнямъ, или когда я видѣлъ первые лучи заката, озаряющіе волнистую даль, или первые поросшіе мхомъ скалистые уступы горъ. Я не могу никакимъ способомъ описать это чувство. Если бы намъ пришлось объяснять чувство голода кому-нибудь, кто никогда его не испыталъ, мы съ трудомъ могли бы подыскать слова для этого, а это наслажденіе при созерцаніи природы происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ нѣкотораго рода душевнаго голода, удовлетворяемаго присутствіемъ великаго и святого Духа...

«Никто, испытавшій это чувство, не могъ описать его. Слова Вордсворта: «оно охватывало меня, *какъ* страсть»—не могутъ быть признаны хорошимъ опредѣленіемъ, потому что это и есть *страсть*.

Нужно только опредѣлить, чѣмъ она отличается отъ другихъ страстей. Къ какому роду человѣческихъ, въ высокой степени человѣческихъ чувствъ, можно отнести любовь къ камню ради самого камня, къ облаку ради него самого? Обезьяна можетъ любить обезьяну ради нея самой, а орѣшникъ ради его плода, но не будетъ любить камень самъ по себѣ. Для меня же камни всегда служили хлѣбомъ...»

Чтобы быть ближе къ этимъ камнямъ, онъ проводитъ цѣлые мѣсяцы въ Швейцаріи или Италіи. Онъ пробуетъ поселиться въ Шамуни, но растущій потокъ туристовъ прогоняетъ его оттуда. Тогда онъ предлагаетъ коммунѣ Бонвиль купить у нея вершину Брезонъ; но мѣстные крестьяне, изумленные тѣмъ, что нашелся покупатель на эти голыя скалы и лужайки, на которыхъ едва можно прокормить нѣсколько козъ, подозрѣваютъ, что милордъ знаетъ о какомъ-нибудь кладѣ, зарытомъ здѣсь, и запрашиваютъ съ него невѣроятную цѣну. Онъ ищетъ утѣшенія въ перемѣнѣ климата, но не въ перемѣнѣ предмета любви. «Впечатлѣніе, полученное въ саду розъ Санъ-Миніято и въ кипарисовой аллеѣ въ Порта-Романа во Флоренціи, принадлежатъ въ моихъ воспоминаніяхъ къ числу лучшихъ дней моей молодости».

Долгое время эта страсть предохраняла его отъ другихъ, а когда являлись другія—исцѣляла его отъ нихъ. До семнадцати лѣтъ постоянное стремленіе его ума и сердца къ прекрасному предохраняло его отъ увлеченія тѣмъ, что на обыденномъ языкѣ принято называть красотой. Но это же самое настроеніе развило въ немъ до болѣзненной степени тотъ «озерный» романтизмъ, который такъ свойствененъ англичанамъ: въ тотъ день, когда молодой Хернъ-Хилльскій отшельникъ поднялъ голову отъ своихъ книгъ и увидѣлъ передъ собой головку молоденькой француженки, улыбающейся на зарѣ своихъ шестнадцати лѣтъ, онъ безумно влюбился въ нее. Это была одна изъ дочерей м-ра Домека, компаньона его отца. Ее звали Адель, и это имя скоро стало знакомо читателямъ *Friendship's Offering*, такъ какъ молодой человѣкъ печаталъ тамъ стихи, обращаясь ко всѣмъ на свѣтѣ, такъ какъ не смѣлъ обращаться къ единственной читательницѣ, о которой думалъ. Что касается до нея, то, узнавъ о страсти этого неловкаго молодого геолога, этого робкаго трубадура, она только расхохоталась. «Всякій разъ въ благословенные часы свиданій съ моей возлюбленной Аделью, испанкой по рожденью, парижанкой по воспитанью и католичкой въ душѣ, я начиналъ излагать ей мои собственные взгляды на непобѣдимую Армаду, на битву при Ватерло и на догматъ о пресуществленіи», говоритъ Рёскинъ въ своихъ *Praeterita*. Мать Рёскина не могла придти въ себя отъ негодованія, какъ могъ добрый тори, ученый, послѣдователь евангелической церкви и подданный Георга III полюбить француженку и, главное, католичку; оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ и глубочайшихъ убѣжденіяхъ этой чудовищной любовью, она упорно не хотѣла слышать о бракѣ. Эта безнадежная страсть

длилась тѣмъ не менѣе четыре года, въ теченіе которыхъ она произвела страшное потрясеніе въ хрупкомъ организмѣ энтузіаста и мыслителя. Онъ думалъ умереть отъ любви и написалъ патетическое стихотвореніе, озаглавленное *Разбитая цѣпь*. Но отъ любви не умираютъ; всякую цѣпь можно сковать вновь, и самое печальное въ жизни то, что человѣческія горести такъ непродолжительны. Въ одинъ прекрасный день пришло извѣстіе, что Адель вышла замужъ. Молодого человѣка повезли путешествовать по Европѣ, чтобы онъ разсѣялъ по большимъ дорогамъ хоть часть своихъ печальныхъ воспоминаній и того образа, который жилъ въ его сердцѣ. Но онъ носилъ ихъ съ собой по берегамъ Луары, въ Овернскихъ горахъ, въ галлереяхъ Флоренціи и Рима, и не избавлялся отъ нихъ. Всякая мѣстность казалась ему опустошенной, какъ пейзажъ, съ котораго стерли оживлявшую его фигуру. Во всякомъ женскомъ лицѣ, улыбавшемся ему изъ тысячи золотыхъ рамъ, онъ отыскивалъ черты единственнаго лица, о которомъ мечталъ, менѣе прекраснаго, быть можетъ, но любимаго. Наконецъ, онъ увидѣлъ Альпы и, казалось, сталъ возрождаться. «Не только альпійскій воздухъ,—говоритъ м-ръ Каллингвудъ,—но страстное поклоненіе горамъ спасло его». Въ своихъ *Praeterita* онъ разсказываетъ самъ, какъ, годъ спустя, созерцаніе природы излѣчило его. Онъ находился въ Фонтенебло еще больной, въ лихорадкѣ. Онъ съ трудомъ дошелъ до лѣса, улегся на краю дороги подъ молодыми деревьями и попытался заснуть.

«Вѣтви деревьевъ рисовались на фонѣ голубого неба, неподвижныя, какъ вѣтки дерева Іессея на церковномъ окнѣ». Онъ почувствовалъ, что сегодня во всякомъ случаѣ не умретъ, и началъ рисовать небольшую осину, росшую по другую сторону дороги. Онъ находилъ вообще, что въ Фонтенебло нѣтъ ничего, на что бы стоило смотрѣть. *Ужасныя* скалы Эвелина не производили на него впечатлѣнія; онъ находилъ, что ихъ можно бы унести въ карманѣ, если бы стоило брать съ собой.

«А сегодня я забылъ и скалы, и дворецъ, и фонтанъ, все, и лежалъ въ пескѣ у дороги, не замѣчая ничего кромѣ этой маленькой осины, рисовавшейся на голубомъ небѣ... Вяло, хотя и не лѣниво, я принялся рисовать, и по мѣрѣ того какъ я рисовалъ, вялость моя проходила. Безъ утомленія я срисовывалъ прекрасныя линіи. Онѣ становились все прекраснѣе по мѣрѣ того, какъ каждая изъ нихъ выдѣлялась и занимала свое мѣсто въ воздухѣ. Съ возрастающимъ изумленіемъ я слѣдилъ за тѣмъ, какъ онѣ слагались по законамъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ всѣ извѣстные людямъ законы. Наконецъ, дерево было готово, а все, что я думалъ раньше о деревьяхъ, не существовало болѣе».

Какъ и всѣ страсти, любовь къ природѣ, наполняя его жизнь наслажденіями, приносила въ то же время и страданія, неизвѣстныя

другимъ. Если его горизонтъ не покрытъ цвѣтами, къ которымъ онъ привыкъ въ молодости — онъ уже въ отчаяніи. «Всѣ гіацинты и вересковъ Брантвуда, — пишетъ онъ въ *Praeterita*,—не могутъ вознаградить меня вполнѣ въ ихъ потерѣ, и когда лѣтній вѣтеръ обрываетъ всѣ лепестки съ нашихъ дикихъ розъ, я съ грустью вспоминаю темный пурпуръ вьюнокъ, которыя поздней осенью цвѣли и вились по яблонямъ...» Больше того, если, возвратившись къ любимому пейзажу, онъ находитъ его измѣненнымъ, обезображеннымъ прогрессомъ культуры—какимъ-нибудь портомъ или желѣзной дорогой, или «украшеннымъ» ради туристовъ отелемъ или кабачкомъ, онъ чувствуетъ себя глубоко обиженнымъ, точно его вѣчной возлюбленной нанесено оскорбленіе.

«Да,—восклицаетъ онъ, обращаясь къ своимъ современникамъ,—вы презираете природу, вы презираете всѣ святыя и глубокія впечатлѣнія, навѣваемыя ею! Французскіе революціонеры превращали въ хлѣва храмы Франціи. А вы, вы превратили въ арены для скачекъ храмы земли: горы, гдѣ всего лучше поклоняться божеству. Для васъ нѣтъ другого наслажденія, какъ кататься по желѣзной дорогѣ подъ сводами этихъ храмовъ и осквернять ихъ алтари! Вы перекинули желѣзнодорожный мостъ черезъ Шаффгаузенъ! Вы провели тоннель сквозь Люцернскія скалы у часовни Телля! Вы уничтожили берегъ Женевскаго озера у Кларанса. Въ Англіи не осталось ни одной мирной долины, которую вы не наполнили бы клокочущимъ паромъ»!

Дѣйствительно, когда несчастный эстетикъ въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ хочетъ возобновить впечатлѣнія дѣтства и отправляется въ Хернъ-Хилль, гдѣ его посѣщали первыя грезы, онъ не узнаетъ ничего вокругъ. Ему хочется побродить по уединенной тропинкѣ, гдѣ онъ обдумывалъ своихъ *Современныхъ живописцевъ*, тропинкѣ, пересѣкавшей лугъ, гдѣ паслись коровы, и гдѣ было такъ тепло, что инвалиды искали тамъ убѣжища въ мартѣ, когда всюду еще холодно,— теперь онъ находитъ тамъ улицу.

«Съ тѣхъ поръ какъ я въ послѣдній разъ мечталъ и размышлялъ на этомъ мѣстѣ, тамъ появились всевозможныя «украшенія»; прежде всего окрестнымъ жителямъ понадобилась новая церковь, и они выстроили въ одномъ углу луга церковь—жалкое подобіе готическаго стиля, съ колокольней, которая въ сущности была совершенно ненужна, но требовалась модой. Потомъ рядомъ съ ней построили домъ для священника, и оба зданія загородили наполовину видъ въ одну сторону. Наконецъ появился Хрустальный Дворецъ (Palais de Cristal), окончательно испортившій пейзажъ. Въ дни выставки онъ привлекалъ множество людей, и они проходили по тропинкѣ и портили ее на всѣ остальные дни недѣли, забрасывая окурками сигаръ. А тамъ пошли желѣзныя дороги и каждый дачный поѣздъ привозилъ туда толпы шалопаевъ; они обламывали изгороди, пугали коровъ и обрывали цвѣты,

какіе можно было достать изъ-за заборовъ. Тогда владѣльцы земли выстроили каменныя стѣны, чтобы оградить себя. На тропинкѣ сдѣлалось грязно и невыносимо жарко и мало-по-малу ею завладѣли исключительно шалопаи, а на концѣ появился полисменъ. Наконецъ, въ этомъ году и съ другой стороны построили ограду въ шесть футовъ высоты, такъ что путешественникъ, идя по ней, въ ряду другихъ, можетъ составлять себѣ какое угодно представленіе о воздухѣ, о сельскомъ просторѣ и о пейзажѣ, шагая между двухъ стѣнъ и вдыхая запахъ скверныхъ сигаръ, дымящихъ впереди его, позади и въ его собственномъ рту».

Когда природа сама собой начинаетъ измѣняться, онъ жалуется, хотя и менѣе раздраженнымъ тономъ, на такое непостоянство ея.

«Да,—пишетъ онъ изъ Англіи одному другу, живущему въ Альпахъ,—Шамуни—для меня опустошенное жилище. Я думаю, я не вернусь туда. Я могъ бы избѣжать толпы зимой или ранней весной; но мнѣ измѣнили ледники и старыхъ дорогъ болѣе нѣтъ, а это уже слишкомъ! Передайте, пожалуйста, мой привѣтъ большому старому камню подъ Бревеномъ на четверть мили выше деревни, если только они не уничтожили его для своихъ отелей...» Тѣмъ не менѣе онъ возвращается къ Альпамъ въ 1882 году. «Я снова увидѣлъ Монбланъ, котораго не видалъ съ 1877 года, и я былъ очень благодаренъ ему. Это зрѣлище возвращаетъ мнѣ всегда всѣ мои слабыя силы, при видѣ его мои воспоминанія и мои привязанности дѣлаются для меня еще дороже...»

Это созерцаніе, то грустное, то радостное, напоминающее порой мистическую мечтательность, дѣтски наивную и восторженную, является главной характерной чертой физіономіи Рёскина. Когда онъ отдается созерцанію, его ничто не можетъ отвлечь. Событія проходятъ мимо него и онъ не замѣчаетъ ихъ. Иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ не знаетъ, что волнуетъ его страну. Хартумъ сдается, погибаетъ героическій Гордонъ, онъ не знаетъ объ этомъ; а когда при немъ заговариваютъ о Суданѣ, онъ вспоминаетъ только картину Джіото въ Santa Croce противъ Франциска Ассизскаго и съ любопытствомъ спрашиваетъ: «А какой же теперь Суданъ?» Даже событія его личной жизни, повидимому, не могутъ отвлечь его. Онъ узнаетъ въ Альпахъ о смерти кузины Мэри, товарища его первыхъ путешествій, и пытается въ то же время воспроизвести отблескъ утренней зари на вершинѣ Монтанверъ. По настоянію родителей, онъ женится въ 1848 г. на дѣвушкѣ изъ Перта, замѣчательной красавицѣ, но мистическія грезы не покидаютъ его; черезъ шесть лѣтъ жена оставила его и законный союзъ былъ расторгнутъ закономъ. Казалось, будто великій энтузіастъ, ни на минуту не отвратилъ взора отъ лучезарныхъ горизонтовъ, единственнаго предмета его любви, ни на минуту не измѣнилъ вѣчной и безчувственной природѣ.

Глава II.

Дѣятельность.

Этотъ созерцатель въ то же время человѣкъ дѣла. Въ рукахъ у него цвѣтокъ, но онъ держитъ и мечъ, какъ тѣ благочестивые рыцари среднихъ вѣковъ, обожавшіе святую Дѣву, которыхъ старые мастера изображали въ полномъ вооруженіи въ промежутокъ между двумя сраженіями. Эта черта рѣзко отличаетъ его отъ критиковъ и поэтовъ озерной школы; они довольствуются обыкновенно тѣмъ, что поясняютъ выставки картинъ и прославляютъ природу, не задаваясь цѣлью улучшать первыя и защищать послѣднюю. А Рёскинъ ставитъ себѣ именно эту цѣль. Всякій разъ, когда онъ бросаетъ новую идею.—брошюру, книгу, какъ солдатъ, пустившій издали пулю, онъ самъ устремляется въ битву, чтобъ видѣть какая судьба постигла его идею, онъ самъ поддерживаетъ ее, вступая въ борьбу съ жизнью.

Онъ писалъ, что надо распространять въ массахъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ. Его не слушались. Тогда онъ рѣшается самъ давать по вечерамъ уроки рисованія въ школѣ для юношей, и въ теченіе четырехъ лѣтъ съ 1854 по 1858 онъ, вмѣстѣ съ Россети, старается научить неумѣлыя руки рисовать пейзажи и чертить орнаменты, подогрѣвая въ тоже время остывшее рвеніе своихъ товарищей. Въ 1876 году, отчасти на свои средства, отчасти на средства друзей, онъ устраиваетъ близь Шеффильда—города рабочихъ по преимуществу, города желѣза—музей изящныхъ искусствъ; въ этомъ музеѣ, собранномъ съ большимъ умѣньемъ, находится между прочимъ картина Веррочіо, занимавшагося тоже обработкой желѣза. Музей помѣщался въ окрестностяхъ промышленнаго города, въ коттэджѣ расположенномъ на холмѣ посреди зеленѣющихъ луговъ. Изъ оконъ открывалась усѣянная рощами долина Дона, и взглядъ переходилъ отъ раскрашеннаго требника XIII и XIV вѣка къ озаренной золотыми лучами дали, отъ витринъ, гдѣ сіяли разноцвѣтными лучами оникси, хрустали, аметисты—лучшія украшенія земли,—къ картинамъ, на которыхъ нарисованы были птицы всѣхъ странъ, оживляющія воздухъ своимъ щебетаньемъ. На стѣнахъ висѣли снимки лучшихъ архитектурныхъ произведеній міра, между прочимъ, соборъ Св. Марка въ Венеціи; они переносили посѣтителя въ свѣтлыя страны и заставляли его на минуту забыть о мрачныхъ зданіяхъ и дымныхъ трубахъ Шеффильда. Позже, музей былъ перенесенъ въ городъ и теперь въ паркѣ Мерсбрукъ въ домѣ, предоставленномъ городскимъ управленіемъ, существуетъ *музей Рескина*, открытый для рабочихъ.

Подобнымъ же образомъ, когда въ 1869 году Рёскина приглашаютъ занять каѳедру исторіи искусства, основанную м-ромъ Сладомъ въ Оксфордѣ, онъ находитъ, что нельзя говорить съ пользой о живописи,

не показывая картинъ, или объ архитектурѣ, не показывая наглядно архитектурныхъ линій, безъ этого нѣтъ возможности доказать какое-нибудь положеніе, опровергнуть неправильное мнѣніе. Поэтому, на ряду съ основанной Сладомъ каѳедрой, онъ открываетъ школу живописи и устраиваетъ коллекцію картинъ, начиная съ Тинторето до Бёрнъ Джонса (Burne Jones). Тутъ есть и оригиналы, которые можно копировать, и копіи великихъ мастеровъ, изъ которыхъ семьдесятъ сдѣлано имъ самимъ. Онъ основываетъ этотъ музей въ 1872 году и жертвуетъ Оксфордскому университету 125.000 франковъ на содержаніе школы и преподавателя, который будетъ читать тамъ лекціи. Въ теченіе тринадцати лѣтъ онъ весь отдается этому дѣлу, онъ поддерживаетъ культъ красоты въ умственномъ святилищѣ Великобританіи, и въ тотъ день, когда ученые, несмотря на его протесты, наносятъ смертельный ударъ этому культу, допустивъ въ университетъ вивисекцію, онъ демонстративно подаетъ въ отставку. Онъ не выноситъ этого безобразнаго и жестокаго нововведенія, ненужнаго для науки, такъ какъ столькіе ученые обходились безъ него, и для искусства, такъ какъ греческіе скульпторы не знали анатоміи. Но музей продолжаетъ существовать и послѣ этого. Нѣсколько студентовъ и много молодыхъ женщинъ слушаютъ ежедневно курсъ Рёскиньянскаго преподаванія. Всѣ пособія идеально подобраны для упражненія мысли и зрѣнія; рисунки, уложенные въ ящики изъ краснаго дерева съ надписями на пластинкахъ слоновой кости, находятся въ распоряженіи всѣхъ учениковъ. Оксфордъ становится художественнымъ центромъ, благодаря автору *Современныхъ живописцевъ*.

Но къ чему создавать въ академіяхъ образцы пластической красоты, если весь міръ утрачиваетъ эту красоту, если сельскіе жители, бросаютъ свой трудъ, развивающій мускулы и сохраняющій здоровую окраску кожи, и стекаются въ города, изнуряютъ себя машинной работой, и, наконецъ, сами превращаются въ машины, механически повинуясь мановенію руки хозяина. И къ чему собирать въ музеяхъ слабыя копіи прекрасныхъ пейзажей, если самые прекрасные — оригиналы, созданные природой, исчезаютъ подъ фабриками и заводами, истребляющими траву на землѣ и загрязняющими небо дымомъ своихъ трубъ? Эстетикъ-любитель довольствуется тѣмъ, что поклоняется красотѣ въ музеяхъ—этихъ маленькихъ храмахъ, куда, какъ бы то ни было, приходятъ только обращенные; надо бороться съ безобразіемъ въ самой жизни; уничтоживъ его въ мірѣ фантазіи, изгнать его и изъ дѣйствительности!

«Мы попытаемся,—пишетъ Рёскинъ,—хоть маленькій уголокъ нашей Англіи сдѣлать прекраснымъ, тихимъ и плодоноснымъ. У насъ не будетъ тамъ ни паровыхъ машинъ, ни желѣзныхъ дорогъ; у насъ не будетъ человѣческихъ существъ, лишенныхъ мысли и воли; несчастными будутъ тамъ только больные, а праздными—только мертвые. Мы

не будемъ проповѣдывать тамъ свободы, а, напротивъ, постоянное повиновеніе признаннымъ законамъ и избраннымъ людямъ; мы не будемъ провозглашать равенства, наоборотъ, мы будемъ превозносить всякое превосходство и осуждать всякій недостатокъ. Если намъ понадобится пойти куда-нибудь, мы пойдемъ спокойно и увѣренно, не рискуя жизнью, чтобъ сдѣлать шестьдесятъ верстъ въ часъ; если намъ нужно будетъ перевезти что-нибудь, мы повеземъ на спинахъ нашихъ животныхъ, въ телѣжкахъ, въ лодкахъ или понесемъ на собственной спинѣ. Въ нашихъ садахъ будетъ множество цвѣтовъ и овощей, въ поляхъ будетъ родиться много хлѣба и травы, а кирпичей будетъ очень мало. У насъ будетъ немного музыки и поэзіи; въ этомъ уголку земли дѣти будутъ учиться и танцовать, и пѣть, а, можетъ быть, и старики иногда присоединятся къ нимъ. Порой насъ посѣтитъ высокое вдохновеніе, какое нибудь искусство расцвѣтетъ среди насъ или слабый свѣтъ науки озаритъ насъ: или ботаника, хотя мы слишкомъ робки, чтобъ разсуждать о происхожденіи цвѣтовъ, или исторія, хотя мы слишкомъ просты сердцемъ, чтобъ сомнѣваться въ источникѣ жизни человѣка,—какъ знать! быть можетъ, сама мудрость, неподкупная и безкорыстная, какъ мудрость наивныхъ волхвовъ, принесшихъ золото и смирну въ даръ этому источнику жизни».

Такъ мечталъ Рёскинъ въ маѣ 1871 года, въ дни парижской коммуны: нѣсколько времени спустя онъ основалъ *Гильдію св. Георга*, чтобъ осуществить на дѣлѣ эти мечты. На почвѣ чистаго земледѣлія, этого вѣчнаго камня преткновенія для всѣхъ соціалистическихъ ученій, опытъ его оказался неудачнымъ. Пріобрѣсти за 50.000 франковъ участокъ въ 5—6 гектаровъ близъ Миклея было дѣломъ не труднымъ; съ другой стороны, многіе друзья Гильдіи, владѣвшіе разными пустырями, скалами и другими необработанными или неудобными землями, съ радостью ухватились за такой случай избавиться отъ нихъ, облагодѣтельствовавъ человѣчество. Въ скоромъ времени у Гильдіи явились земли въ Бармутѣ, Бьюдлеѣ, Ворчестерширѣ и другихъ мѣстахъ. Но вслѣдъ затѣмъ оказалось, что среди членовъ Гильдіи не было ни одного земледѣльца. Напрасно было знаніе всѣхъ тайнъ *Прозерпины*: основать земледѣльческую колонію было почти невозможно, когда никто изъ участниковъ не притрогивался раньше къ плугу. Тогда Рёскинъ обратился къ коммунистамъ и попросилъ ихъ содѣйствія. Онъ предложилъ имъ испробовать на этихъ участкахъ свои соціальныя идеи, подъ условіемъ, что въ эстетикѣ они будутъ осуществлять его идеи. Для начала онъ не требовалъ даже, чтобы они чеканили свою монету во вкусѣ флорентійскаго флорина и одѣвались, какъ три швейцарца въ долинѣ Рютли. Коммунисты согласились на свиданіе съ нимъ. Рёскинъ отправился въ почтовой каретѣ съ почталіонами въ нарядныхъ костюмахъ, чтобъ не платить ни копѣйки антиэстетичнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ Шеффильдѣ онъ встрѣтилъ своихъ новыхъ союзниковъ. Ихъ было двад-

цать человѣкъ и не менѣе двадцати различныхъ сектъ. Странное это было свиданіе: съ одной стороны поклонникъ эстетики, съ другой — представители соціологіи; съ одной—тори, убѣжденный сторонникъ всѣхъ аристократій, съ другой—поборники равенства, представители четвертаго сословія; умъ свободный, какъ вѣтеръ, и умы, подчиненные строгой системѣ, какъ колеса машины. Они не только не пришли къ соглашенію, но даже, вѣроятно, не поняли другъ друга. Тѣмъ не менѣе Рёскинъ отдалъ имъ участокъ *Гильдіи св. Георга* и, усѣвшись въ почтовую карету съ великолѣпными почталіонами и со всей старинной живописной обстановкой вельможи XVIII вѣка, онъ, весело улыбаясь, исчезъ въ облакѣ пыли, а всѣ эти деисты, диссиденты, квакеры слѣдили за нимъ удивленными и растерянными глазами. Тогда только они сообразили, что и они тоже не земледѣльцы, и, по примѣру прочихъ землевладѣльцевъ, сдали землю въ аренду. Но такъ какъ и ферма не приносила дохода, то въ концѣ концовъ они устроили вмѣсто земного рая обыкновенную дачу. Такимъ образомъ на почвѣ земледѣлія не были осуществлены ни коммунистическія теоріи, ни идеи Рёскина.

Зато великій эстетикъ вознаградилъ себя въ области промышленности. Онъ узналъ, что въ живописной мѣстности Вестморланда исчезаютъ съ каждымъ днемъ мелкіе кустарные промысла. Крестьяне мало-по-малу перестаютъ заниматься работами изъ дерева, пряжей, тканьемъ прочнаго домашняго холста. Красивыя движенья руки, одушевляемой живымъ дыханьемъ человѣка, замѣнила безсмысленная машина, движимая зловоннымъ паромъ. Передъ нимъ было новое поле битвы, и онъ рѣшилъ дать машинѣ послѣднее сраженье. Одинъ изъ его страстныхъ поклонниковъ, м-ръ Флемингъ, поклялся возстановить ручную пряжу. Долго пришлось искать нужныя для этого приспособленья. Прялка, оказалось, была извѣстна только въ Ковенъ-Гарденѣ, гдѣ Маргарита поетъ: «Кто этотъ видный господинъ?» Обыскали всю Лангдальскую долину, печатали заявленья въ газетахъ. Наконецъ, у одной старухи, которая пряла полъ-столѣтія тому назадъ, отыскалась прялка: она была запрятана, какъ то веретено въ волшебной сказкѣ, которое нашла прекрасная принцесса и, уколовшись имъ, заснула на сто лѣтъ. Долина вдругъ преобразилась: точно по волшебству въ ней воскресъ прошлый вѣкъ. Первую прялку съ торжествомъ понесли по улицамъ, какъ картину Чимабуэ во Флоренціи. Скоро нашелся и станокъ, разобранный на двадцать частей. Но какъ собрать ихъ? По счастью, рисунокъ станка сохранился на колокольнѣ Джіотто, такъ называемой «башнѣ пастуха»; по нему можно возстановить традиціи среднихъ вѣковъ. Такимъ же образомъ впослѣдствіи нѣсколько строкъ изъ Гомера научатъ рёскиньянцевъ бѣлить готовый холстъ. Быть можетъ, скажутъ, что холстъ ихъ не вполнѣ ровенъ. Но съ этимъ можно примириться, прочитавъ слѣдующій отрывокъ изъ *Семи лампъ архитектуры*

«Люди могутъ, конечно, превратиться въ машины и свести свою ра-

боту къ уровню машинной; но если они работаютъ какъ *люди*, вкладывая всю душу въ свой трудъ, и стараясь сдѣлать его какъ можно лучше, тогда пусть они будутъ плохими работниками, не бѣда: въ ихъ работѣ во всякомъ случаѣ сохранится нѣчто такое, что поставитъ ее выше всякой оцѣнки; по ней будетъ видно, когда человѣкъ работалъ съ увлеченіемъ, а когда, наоборотъ, съ неохотой; когда онъ останавливался, когда былъ внимателенъ или, напротивъ, торопливъ и небреженъ... Если сравнить эту работу съ машинной, общее впечатлѣніе будетъ такое же, какъ при сравненіи хорошо прочитанныхъ и глубоко прочувствованныхъ стиховъ съ тѣми же стихами, но сказанными попугаемъ». Скоро этотъ холстъ сталъ давать средства къ существованію и старухамъ, и взрослымъ рабочимъ сначала въ Лангдалѣ, а потомъ въ Кесвикѣ. Мода взяла его подъ свое покровительство: говорятъ, что даже въ свадебныхъ шкатулкахъ попадалось иногда *полотно Рёскина*.

Новыя жалобы раздаются съ острова Мэна. Пряжа шерсти совсѣмъ изчезаетъ тамъ. Женщины бросаютъ прялки, оставляютъ свои коттэджи и идутъ работать въ рудники. Молодыя дѣвушки не учатся прясть. А между тѣмъ черныя овцы продолжаютъ давать шерсть, и спросъ на домашнее сукно не прекращается. Рёскинъ берется и за это дѣло: онъ находитъ средства, строитъ въ Лаксеѣ мельницу и вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, м-ромъ Рейдингсомъ, устраиваетъ машины для чесанья шерсти и для краски сукна. Мы говоримъ машины, но машины, движимыя непосредственно силою природы, а не искуственнымъ двигателемъ; машины эстетическія, которыя Клодъ Лорень обезсмертилъ въ своей «Мельницѣ». «Машина изгоняется изъ *Гильдіи* только въ тѣхъ случаяхъ, когда она замѣняетъ здоровое физическое упражненіе или искусство и вѣрность руки, необходимыя для изящныхъ работъ. Изъ всѣхъ двигателей допускаются только силы природы—вѣтеръ или вода (быть можетъ, въ будущемъ электричество тоже будетъ терпимо), но паръ совершенно изгоняется, такъ какъ онъ требуетъ громадной, ужасающей траты топлива для той работы, какую можетъ произвести любая рѣка и любой вѣтерокъ».

Къ сожалѣнію, художественныхъ монетъ, вродѣ прекраснаго флорентійскаго флорина, больше нѣтъ, поэтому деньги совсѣмъ выводятся изъ употребленія. Фермеры будутъ приносить шерсть на мельницу и получать плату или сукномъ, или бумагой для вязанья на дому, или шерстью, приготовленной къ пряжѣ. Эти смѣло ретроградныя теоріи не помѣшали развитію мэнской шерстяной промышленности. Впрочемъ, онѣ представляются ретроградными только на первый взглядъ. Въ будущемъ онѣ открываютъ даже любопытныя перспективы. Когда Рёскинъ говоритъ намъ, что промышленность должна пользоваться силой рѣкъ и вѣтровъ, мы невольно задаемся вопросомъ, не провидѣлъ-ли этотъ эстетикъ въ своихъ мечтахъ то далекое время, когда электри-

чество, уничтоживъ значеніе разстояній, сдѣлаетъ доступнымъ не только для береговыхъ жителей громадныя и безплодныя силы рѣкъ и вѣтровъ.

Ведя неустанную борьбу съ равнодушной толпой за подчиненіе общественной жизни законамъ эстетики, онъ свою личную жизнь безусловно подчинялъ этимъ законамъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ проповѣдниковъ, которые, по его собственному выраженію, «идутъ обѣдать къ богатымъ, а проповѣдывать къ бѣднымъ». У себя въ Брантвудѣ, на берегу Конистонскаго озера онъ предпринялъ очень дорогія работы, чтобы удержать крестьянъ отъ городскихъ работъ, которыя такъ обезображиваютъ ихъ и въ то же время обладаютъ для нихъ какой-то притягательной силой. Онъ самъ показалъ примѣръ физическаго труда: въ промежуткахъ между переводами Ксенофонта онъ устроилъ съ своими учениками маленькую пристань на озерѣ, а въ Оксфордѣ онъ починилъ вмѣстѣ со студентами дорогу въ Хинксей. Насмѣшки не останавливали этихъ оригинальныхъ каменьщиковъ, которые, конечно, сломали гораздо больше заступовъ и потеряли гораздо больше времени, чѣмъ обыкновенные рабочіе. Кромѣ того, учитель бралъ уроки столярнаго и малярнаго ремесла. Нѣкоторыми своими чертами онъ напоминаетъ Толстого, о которомъ онъ сказалъ: «Это будетъ, мой преемникъ»; Толстой же въ свою очередь сказалъ о немъ: «Это одинъ изъ величайшихъ людей нашего вѣка». Въ своей борьбѣ съ машинами онъ не допускалъ компромиссовъ: онъ изгналъ газъ изъ своего дома и рѣшительно возсталъ противъ проведенія желѣзной дороги въ Амблессейдъ, въ живописную страну озеръ, гдѣ онъ жилъ. Ненависть къ пару внушала ему порой самые неожиданные аргументы.

— Вы хотите знать, для чего служатъ желѣзныя дороги?—восклицаетъ онъ, обращаясь къ своимъ согражданамъ.—Такъ слушайте!

«Городъ Ульверстонъ находится въ двѣнадцати миляхъ отъ меня—первыя четыре мили дорога идетъ горнымъ берегомъ озера Конистонъ, потомъ, три мили по зеленѣющей долинѣ и, наконецъ, пять миль по берегу моря. Это одна изъ самыхъ красивыхъ и здоровыхъ прогулокъ. Въ прежнее время, если у конистонскаго крестьянина было какое-нибудь дѣло въ Ульверстонѣ, онъ шелъ пѣшкомъ въ Ульверстонъ, не тратилъ въ дорогѣ ничего кромѣ подошвы своихъ сапогъ, пилъ воду изъ ручьевъ и много, много если издерживалъ, дойдя до Ульверстона, какихъ-нибудь два батца (три копѣйки). А теперь ему и въ голову не придетъ отправиться такимъ же путемъ. Онъ идетъ сначала три мили въ обратномъ направленіи на желѣзнодорожную станцію, потомъ онъ проѣзжаетъ по желѣзной дорогѣ двадцать четыре мили до Ульверстона и платитъ два шиллинга за билетъ. Во время этого переѣзда въ двадцать четыре мили онъ валяется на скамьѣ, весь въ пыли, праздный, безъ мыслей въ головѣ; ему навѣрно или слишкомъ холодно, или слишкомъ жарко. Въ обоихъ случаяхъ онъ долженъ выпить кружку пива на двухъ-трехъ промежуточныхъ станціяхъ; въ вагонѣ, чтобы убить

время, онъ вступаетъ въ разговоръ о чемъ попало съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей, а такіе праздные разговоры всегда въ концѣ-концовъ становятся преступными. Въ Ульверстонъ онъ пріѣзжаетъ усталый, полупьяный и въ карманѣ у него не хватаетъ по меньшей мѣрѣ трехъ шиллинговъ...»

И Рёскинъ самъ избѣгаетъ пользоваться желѣзной дорогой, мало того онъ не позволяетъ, пока это отъ него зависитъ, перевозить по ней даже свои книги. Его сочиненія, изъ Орпингтонскаго книжнаго склада, издатель посылаетъ къ нему въ Лондонъ въ телѣжкахъ.

Этотъ книжный складъ является тоже практическимъ осуществленіемъ рёскиньянскихъ идей. Онъ помѣщается не на узкой городской улицѣ, откуда не видно неба; въ немъ нѣтъ ни машинъ, ни служащихъ, похожихъ на машины, лишенныхъ всякихъ эстетическихъ впечатлѣній, всякой личной иниціативы. На двѣнадцатой милѣ по дорогѣ въ Орпингтонъ, у подножія кентскихъ холмовъ расположена мирная, живописная деревушка; тамъ, среди полей капусты и розъ—тѣхъ розъ, которыя изображены на обложкахъ брошюръ Рёскина,—стоитъ между другими домиками коттэджъ м-ра Аллена. Въ этомъ маленькомъ коттэджѣ находится на 700.000 франковъ книгъ въ разнообразныхъ переплетахъ; около склада группируется цѣлая семья,—это все друзья, ученики и почитатели великаго писателя. Они разбираютъ книги и разсылаютъ ихъ тѣмъ, кто выражаетъ желаніе прочитать ихъ. Среди нихъ нѣтъ ни издателя, ни коммиссіонеровъ, ни рабочихъ. Тѣ же руки, которыя запаковываютъ книги, пишутъ статьи о доктринѣ учителя, или гравируютъ его рисунки. Когда, двадцать лѣтъ тому назадъ, авторъ *Сезама и лилій* рѣшилъ самъ издавать свои книги и устроилъ этотъ сельскій книжный магазинъ, всѣ книгопродавцы пророчили ему скорое и неминуемое разореніе. Рёскинъ только смѣялся въ отвѣтъ. «Конечно,—говорилъ онъ,—я могъ бы извлекать нѣкоторый доходъ изъ моихъ книгъ, еслибъ вздумалъ подкупать журнальныхъ критиковъ, платить половину барыша книгопродавцамъ, наклеивать афиши на фонари и не печатать ничего непріятнаго для Петерборосскаго епископа». Теперь же блестящій успѣхъ его коммерческаго предпріятія достаточно говоритъ въ пользу его новыхъ идей. Высчитываютъ, что въ теченіе девяти лѣтъ одинъ только томъ его сочиненій *Семь лампъ архитектуры* принесъ автору 75.000 франковъ дохода. Чистый доходъ съ одного изданія *Современныхъ живописцевъ* равняется 150.000 франковъ. Книги, написанныя болѣе тридцати тѣтъ назадъ, какъ *Сезамъ и лиліи*, расходятся еще теперь въ трехъ тысячахъ экземпляровъ ежегодно, при чемъ каждый экземпляръ стоитъ шесть франковъ. Эстетическій книжный складъ, устроенный среди живописныхъ кентскихъ холмовъ въ видѣ протеста противъ безобразія обыкновенныхъ книжныхъ магазиновъ, служитъ доказательствомъ изумительной дѣловитости этого мечтателя.

Такимъ образомъ у Рёскина дѣло всегда непосредственно слѣдовало за словомъ. Его девизъ To-day (сегодня). Онъ пишетъ, какъ другіе сражаются, чтобы получить немедленно очевидные и рѣшительные результаты. И результаты дѣйствительно получались, быть можетъ, не такіе рѣшительные, какъ бы онъ желалъ, но во всякомъ случаѣ ни одинъ художественный критикъ не достигалъ и половины. Первое, что бросается въ глаза иностранцу, осматривающему Національную Галлерею, это странный блескъ картинъ; присматриваясь, онъ видитъ, что всѣ онѣ подъ стекломъ, какъ акварели. Дымный воздухъ Лондона заставляетъ англичанъ принимать такую предосторожность, но они не дѣлали этого раньше, пока въ 1845 году Рёскинъ не внушилъ имъ эту идею въ письмѣ, напечатанномъ въ «Times». Вслѣдъ затѣмъ невольно обращаешь вниманіе на обиліе картинъ старинныхъ мастеровъ. Пять залъ посвящено исключительно сіенской и флорентійской школѣ,— тамъ мы находимъ и Боттичелли, и Липпи, и Беноццо Гоццоли, и Перуджини, и Гирландайа, и Пинтуриччіо. Даже Лувръ не можетъ въ этомъ отношеніи соперничать съ Лондонской галлереей. А между тѣмъ въ 1845 году въ Національной галлереѣ почти совсѣмъ не было картинъ этихъ художниковъ; упрекъ, брошенный Рёскинымъ по возвращеніи изъ Италіи, быстро подѣйствовалъ. Въ залахъ Тернера успѣхъ предпринятой Рёскинымъ кампаніи въ защиту великаго пейзажиста еще очевиднѣе; въ нижнемъ этажѣ мы находимъ акварели, эскизы и самые незначительные наброски автора *Дидоны въ Карѳагенѣ*, не напрасно, слѣдовательно, были напечатаны *Современные живописцы*. Не напрасно также появились въ печати *Камни Венеціи* и *Семь лампъ архитектуры*, со времени появленія этихъ книгъ и въ значительной степени по совѣтамъ, заключавшимся въ нихъ, измѣнился весь характеръ англійской архитектуры. Изъ псевдо-греческой, какою она была до тѣхъ поръ, она превратилась въ строго готическую и заимствовала отчасти смѣющійся колоритъ голландской архитектуры и ея живописное разнообразіе. Въ частности строители Оксфордскаго музея, сэръ Томасъ Динъ и м-ръ Вудвардъ, вполнѣ слѣдовали при постройкѣ указаніямъ Рёскина. Они предоставляли рабочимъ самимъ изобрѣтать подробности орнамента, украшать по своему вкусу капители и тимпаны, и теперь вмѣсто греческихъ акантъ, вырѣзанныхъ какъ по трафарету, на нихъ красуются англійскіе папоротники, свидѣтельствуя о наивной неумѣлости, и полной свободѣ исполнявшихъ ихъ рабочихъ. Въ Оксфордѣ же группа молодыхъ энтузіастовъ-художниковъ задумала подъ руководствомъ Рёскина, украсить фресками библіотеку клуба *Union Debating*. Съ тѣхъ поръ время уничтожило эти рисунки, сдѣланные при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, но не напрасно авторъ *Законовъ Фьезоле* зажегъ свой священный огонь въ душахъ такихъ людей, какъ Данте Россети, Моррисъ, Мунро, Миллэ, Хентъ, Вульперъ, Принсепъ и Бёрнъ-Джонсъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ

*

то время еще не были извѣстны, но потомъ всѣ завоевали себѣ громкое имя, а энтузіазмъ, который въ тѣ дни вдохнулъ въ нихъ Рёскинъ, оказался прочнѣе, чѣмъ краски на стѣнахъ Оксфордской библіотеки.

Ученики его тоже дѣлаютъ ему честь. Одинъ изъ нихъ м-ръ Джіакомо Бони занимался собираніемъ итальянскихъ памятниковъ согласно указаніямъ учителя. Изъ рисовальной школы Рёскина вышло нѣсколько артистовъ—граверовъ, чертежниковъ, рѣзчиковъ по дереву и т. п. М-ры Джоржъ Алленъ, Хуперъ, Артуръ Бургессъ, Боней, Кукъ и Уардъ до сихъ поръ помогаютъ ему своими работами. Средневѣковые прерафаэлиты, которыхъ онъ пропагандировалъ, пріобрѣли широкую извѣстность. Новые прерафаэлиты которыхъ онъ ободрялъ въ началѣ ихъ дѣятельности,—Бернъ Джонсъ, напримѣръ,—въ настоящее время завоевали себѣ прочное положеніе, и могутъ не опасаться колебаній общественнаго мнѣнія: ихъ мѣсто въ исторіи уже обезпечено. Оба пейзажиста, которыхъ онъ особенно восторженно привѣтствовалъ, Кукъ и Бреттъ, считаются одними изъ первыхъ, если не первыми художниками своей страны. Можно смѣло сказать, что современное англійское искусство наполовину обязано Рёскину своимъ величіемъ. Его вліяніе на художниковъ было глубоко, на публику—безгранично. Чтобы создать великое искусство страна нуждается не только въ великихъ художникахъ, но и въ публикѣ, способной оцѣнить ихъ, ободрить, понять, вдохнуть въ нихъ жизнь, если можно такъ выразиться. Рёскинъ увеличилъ въ сто разъ число такихъ цѣнителей. Онъ научилъ своихъ соотечественниковъ видѣть природу, смотрѣть и восхищаться картинами. Этого не отрицаютъ даже его враги. Уже давно миссъ Бронте писала: «Я только что прочла *Современныхъ Живописцевъ*; эта книга доставила мнѣ много новыхъ наслажденій и, я надѣюсь, многому научила меня. Во всякомъ случаѣ она заставила меня почувствовать, насколько я была невѣжественна въ томъ вопросѣ, о которомъ она трактуетъ. До сихъ поръ при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній мною руководилъ только инстинктъ,—я чувствую теперь, что я шла, такъ сказать, ощупью. Эта книга открыла мнѣ глаза». Подъ этимъ письмомъ могла бы подписаться не одна миссъ Бронте. Это охотно сдѣлали бы всѣ англичане, для которыхъ за послѣдніе сорокъ лѣтъ *прекрасное стало вѣчнымъ источникомъ наслажденія.*

Конечно, Рёскинъ не воскресилъ красоту въ жизни народа, о чемъ онъ мечталъ; цѣль его была намѣчена слишкомъ высоко, но и достигнутые имъ результаты очень значительны. Такъ, въ 1854 году онъ написалъ страстную статью противъ Хрустальнаго Дворца, «этого парника для огурцовъ, украшеннаго двумя трубами»; онъ нападалъ на новую манеру строить изъ стекла и желѣза и предлагалъ основать общество для охраненія старинныхъ каменныхъ памятниковъ. Хрустальный Дворецъ не былъ, конечно, уничтоженъ, но общество, о которомъ онъ говорилъ, вскорѣ возникло. Точно также, если во всей странѣ

рельсы не были сорваны и локомотивы разбиты, то все-таки населеніе Англіи понято, что красивый пейзажъ можетъ доставлять наслажденіе взору, быть живописнымъ оазисомъ и даже служить источникомъ богатства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ комиссія пэровъ призвала на совѣщаніе нѣсколькихъ художниковъ, которые должны были рѣшить вопросъ, не испортитъ ли такую-то долину проведеніе по ней желѣзной дороги. Не всѣ богатые англичане покинули, по его совѣту, свои лондонскіе отели и поѣхали въ Верону реставрировать старинные дворцы и жить въ нихъ, но по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, носящій великое имя поэта, осуществилъ въ Венеціи мечту великаго эстетика. Даже пропаганда возвращенія къ художественнымъ костюмамъ и символическимъ празднествамъ добраго стараго времени имѣла больше успѣха, чѣмъ можно было ожидать. Иностранецъ, проходящій перваго мая мимо женскаго Уайтландскаго колледжа, невольно обратитъ вниманіе, что вся капелла при немъ разукрашена цвѣтами; цвѣты эти присланы изъ всѣхъ, уголковъ Англіи прежними ученицами колледжа. Въ этотъ день тамъ празднуютъ праздникъ весны. Полтораста воспитанницъ, собравшись вмѣстѣ, выбираютъ тайной баллотировкой *королеву Мая*. Выбираютъ ее не за красоту, не за знанія, а за то, что она всѣмъ внушила любовь къ себѣ. Вотъ она появляется. Ея подруги становятся въ два ряда и, когда она проходитъ, протягиваютъ надъ головой ея пальмовыя вѣтви. Она увѣнчана цвѣтами, на ней надѣта старинная одежда рисунка Кэтъ Гринвей и золотой крестъ, нарисованный Бёрнъ Джонсомъ. За ней идетъ королева прошлаго года съ вѣнкомъ незабудокъ на головѣ. Королева всходитъ на тронъ и ея подруги проходятъ передъ ней, привѣтствуютъ ее и получаютъ изъ ея рукъ награды—великолѣпныя изданія сочиненій Рёскина. И кажется, что цвѣты, наполняющіе залу, шепчутъ слова, написанныя на страницахъ *Сезама и Лилій*: «Знаете вы или нѣтъ, но на каждой изъ васъ есть невидимая корона и у каждой свой тронъ во многихъ сердцахъ. Королевами вы должны быть всегда. Королевами для вашихъ жениховъ, королевами для вашихъ мужей, для вашихъ сыновей, королевами въ высшемъ и таинственномъ смыслѣ для всего міра, который преклоняется и всегда будетъ преклоняться передъ миртовымъ вѣнкомъ и незапятнаннымъ скипетромъ женщины. Тамъ, гдѣ женщина ступаетъ своей ногой, цвѣты не гибнутъ, мало того,—они оживаютъ! Когда она проходитъ, колокольчики не опускаютъ головки—они расцвѣтаютъ»... Никакое испытаніе не предшествуетъ здѣсь раздачѣ наградъ: учитель ненавидитъ всякое соперничество. Королева раздаетъ ихъ вполнѣ произвольно. Одна получаетъ награду за то, «что была вѣрна своимъ друзьямъ», другая за то, «что она понимаетъ музыку», та «за то, что она всегда весела», наконецъ, вотъ эта «за то, что королева любитъ ее». Интересно видѣть, разсказываетъ одинъ очевидецъ, благодарную улыбку королевы, когда ея лучшая подруга цѣ-

луетъ ея руки, получая отъ нея книгу. Утромъ, воспитанницы поютъ въ своей капеллѣ; поклоненіе Царю Вѣчности предшествуетъ поклоненію королевѣ одного дня. А вечеромъ та, которая получила въ награду *Ruskin Birthday Book*, открываетъ ее на страницѣ, посвященной первому мая; тамъ она не найдетъ, какъ въ соціалистическихъ газетахъ, названія которыхъ оглашаютъ въ этотъ моментъ улицы, новостей о всемірной стачкѣ, нападеній на тяжелый законъ труда; она прочитаетъ тамъ эти слова: «Если ты съ твердостью исполняешь свой долгъ, въ концѣ концовъ ты полюбишь его».

Конечно, этотъ скромный протестъ противъ общаго равнодушія и царящаго въ мірѣ безобразія въ затерянномъ среди Лондона маленькомъ пансіонѣ имѣетъ не большое значеніе. Но ученицы этого пансіона будущія учительницы. Многія изъ нихъ уже установили въ своихъ сельскихъ школахъ эстетическій праздникъ Рёскина. Цвѣты вѣнка увяли, но сѣмена идеи даютъ ростки и черезъ десятки лѣтъ, и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ страны, даже въ Ирландіи.

Т. Богдановичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРУДЪ и ЗДОРОВЬЕ.

I.

Въ жизни и въ литературѣ то и дѣло встрѣчаются типы людей развинченныхъ, апатичныхъ, съ слабой волей, неумѣющихъ ни работать, ни сосредоточиваться на одной идеѣ, на одномъ опредѣленномъ и упорномъ желаніи. Говорятъ, эта невыдержанность есть слѣдствіе плохого воспитанія и вліянія среды, неспособной поддержать слабыхъ и направить сильныхъ, слѣдствіе неизбѣжнаго паденія общественныхъ силъ послѣ могучаго подъема духа эпохи реформъ.

Пусть такъ. Но нельзя ли, вмѣсто того, чтобы въ покорномъ бездѣйствіи складывать руки, признавъ себя скверными продуктами скверныхъ житейскихъ условій, попробовать менѣе фаталистически взглянуть на дѣло и постараться перевоспитать себя, превратиться изъ кающагося лишняго человѣка въ здороваго и полезнаго работника, находящаго удовлетвореніе и счастье въ трудѣ?

Какъ же это сдѣлать? Гдѣ найти силы для борьбы съ собственнымъ безсиліемъ? Кто возьмется передѣлывать взрослаго человѣка, уже вышедшаго изъ подъ опеки педагоговъ? Вѣдь нельзя же идти къ доктору жаловаться на общее, смутное чувство усталости и слабости, на отвращеніе и равнодушіе къ жизни, на бурные переходы отъ бодрости къ унынію, отъ гнѣва къ безразличію.

Мы привыкли обращаться къ врачамъ только тогда, когда нашъ организмъ совсѣмъ отказывается функціонировать. Особенно въ области психической жизни вмѣшательство врача считается нужнымъ только въ случаѣ серьезнаго, рѣзко-выраженнаго разстройства, а не при легкихъ недомоганіяхъ въ настроеніи и умственной дѣятельности. Происходитъ это оттого, что мы все еще смотримъ на отправленія нашего мозга и нервой системы иначе, чѣмъ на отправленія другихъ органовъ.

Вышедшая въ Парижѣ въ прошломъ году четвертымъ изданіемъ книга д-ра М. Флёри «Опытъ врачеванія психики» (Introduction á la medicine de l'esprit) доказываетъ насколько мы не правы. Въ этомъ сочиненіи талантливый авторъ, заслужившій уже извѣстность своими

рудами по различнымъ отраслямъ психіатріи, группируетъ указанные недуги интеллигенціи въ полную картину «модной болѣзни»—неврастеніи, и не только ставитъ діагнозъ, но и указываетъ способы лѣченія.

По его опредѣленію, неврастенія, это—истощеніе мозговыхъ клѣтокъ, общее утомленіе организма, пониженіе вниманія, ослабленіе воли. Происхожденіе же этой болѣзни Флёри приписываетъ, главнымъ образомъ, избытку удовольствій и впечатлѣній, которыми изобрѣтательность человѣка усложнила нашу, слишкомъ утонченную культуру, заставляющую горожанъ жить въ постоянномъ ненормальномъ напряженіи. Насколько вреденъ этотъ излишекъ впечатлѣній, можетъ показать крайне любопытный психо-физическій опытъ.

«Возьмите въ правую руку динамометръ. Въ спокойномъ состояніи вы можете выжать до 55 килограммовъ. Достаточно взглянуть на какой-нибудь ярко окрашенный предметъ или усладить вашъ слухъ музыкой, и тотчасъ же, подъ давленіемъ вашей руки, динамометръ показываетъ 65 килогр. Послѣ этого внезапнаго прилива силъ, наступаетъ реакція и, въ продолженіе часа или двухъ, вы можете получить не болѣе 40 килограммовъ». А сколько такихъ ударовъ хлыста получаетъ нашъ организмъ среди шумной и разнообразной городской жизни, щедро дарящей насъ и слуховыми и зрительными впечатлѣніями и требующей, благодаря постояннымъ передвиженіямъ въ экипажѣ, вагонѣ или пароходѣ, большого расхода физическихъ силъ. Умственныя силы наши также находятся въ постоянномъ напряженіи, такъ какъ современный культурный человѣкъ обязанъ усвоить массу новыхъ идей, чтобы идти наравнѣ съ вѣкомъ. Да и въ области чувства мало кто изъ насъ знаетъ счастливое равновѣсіе.

Какъ видите, трата силъ большая. А приходъ, благодаря тревожному, короткому сну и не гигіеническому питанію, плохо уравновѣшиваетъ эту трату. На сцену является переутомленіе, т.-е. плохо возмѣщенная усталость. И развинченному, слабому душой и тѣломъ, полному безпричинной грусти и отвращенія къ жизни интеллигенту приходится обращаться къ врачу.

Самымъ вѣрнымъ лѣкарствомъ для такихъ больныхъ. Флёри считаетъ разумный и правильный трудъ. Онъ говоритъ, что большинство переутомляется не отъ работы, а отъ бездѣлья или отъ неумѣнія работать. Для такихъ переутомленныхъ бываетъ полезно перемѣнить условія жизни, вызвавшія нервное разстройство и подвергнуть себя спокойному, расписанному по часамъ режиму. Для этой цѣли можно поселиться въ какомъ-нибудь водолѣчебномъ заведеніи, тѣмъ болѣе, что водяной курсъ лѣченія очень полезенъ для неврастениковъ. Но не менѣе дѣйствительными оказываются и нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ монастырѣ, среди жизни тихой и монотонной. Не даромъ и въ прежнія времена, чѣмъ тяжелѣе и мрачнѣе была эпоха, тѣмъ больше слабыхъ и разбитыхъ жизнью искало пріюта въ обителяхъ Христа.

Люди, съ умомъ сильнымъ и производительнымъ, рѣдко жалуются на усталость. Привычка работать становится такъ велика, что всякій перерывъ въ дѣятельности скорѣе утомляетъ ихъ. Среди субъектовъ, очень занятыхъ, часто встрѣчаются случаи мигрени, повторяющейся каждое воскресенье, очевидно вызванной непривычной праздностью.

II.

Къ той же категоріи невропатическихъ явленій Флёри относитъ также и столь распространенную у насъ лѣнь. Онъ говоритъ не о тѣхъ лѣнивыхъ, которые довольны собой и своимъ бездѣйствіемъ. Ими Флёри не интересуется, предоставляя имъ наслаждаться жизнью по-своему.

Его вниманіе и участіе привлекаютъ субъекты, отъ природы талантливые и способные, но не пользующіеся этими дарами и въ тоже время мучающіеся своей лѣнью и праздностью. Съ полной искренностью они много разъ обѣщаютъ себѣ и другимъ исправиться, приняться, наконецъ, за работу и все-таки продолжаютъ праздно и безцѣльно убивать день за днемъ. Яркій типъ такого лѣнтяя далъ Золя въ героѣ «Радости жизни»—Лазарѣ, который вѣчно полонъ великолѣпныхъ проектовъ, нѣсколько разъ принимается за ихъ осуществленіе и никогда не доводитъ ни одного до конца. Жизнь полна такими неудачниками. Въ юности они подаютъ блестящія надежды, а при первыхъ же стычкахъ съ жизнью оказываются ненужными, нечего недостигающими людьми. Неспособные къ усидчивой, постоянной работѣ, къ продолжительному сосредоточиванію вниманія на одной идеѣ, они ничего не доводятъ до конца и мучаются собственнымъ безсиліемъ.

Бѣда въ томъ, что почти въ каждомъ изъ насъ таится возможность дойти до такого состоянія, такъ какъ лѣнь свойственна почти всякому человѣку. Даже люди, много и упорно работающіе, не свободны отъ этого стремленія къ «недѣланію».

Золя, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ современныхъ романистовъ, признается, что ему всю жизнь приходилось бороться съ своей лѣнью, съ отвращеніемъ къ работѣ. Но силой воли онъ справился съ этимъ прирожденнымъ недостаткомъ, хотя никогда не могъ заставить себя работать больше 3—4 часовъ въ сутки, послѣ которыхъ онъ съ особымъ наслажденіемъ предается бездѣлью.

Великій итальянскій драматургъ Альфіери привязывалъ себя къ столу, такъ какъ иначе онъ не могъ заставить себя писать—передавать въ законченной формѣ богатые вымыслы его пылкой фантазіи. Его умъ легко творилъ, но переложить созданные имъ образы на бумагу стоило ему страшнаго труда.

Всѣмъ извѣстны усилія, съ которыми работалъ Руссо. Онъ могъ думать только лежа, иначе ему трудно было сосредоточиться, и мысли его расплывались.

Даже Дарвинъ, геніальныя произведенія котораго изложены съ такой ясной простотой и легкостью, работалъ очень не легко. Онъ не могъ заниматься больше 2—3 часовъ въ день и то съ перерывомъ.

И публика не права, считая за рисовку признанье многихъ выдающихся писателей, что работа стоитъ имъ большихъ усилій. Большинство изъ нихъ дѣйствительно работаетъ съ трудомъ. Но упорная воля и желанье достигнуть намѣченной цѣли вырабатываетъ въ нихъ умѣнье побѣждать свою лѣнь и управлять своимъ вниманіемъ.

Флёри говоритъ, что изъ среды «лѣнивыхъ неврастениковъ, если только ихъ иногда мучаетъ совѣсть, и выходитъ большинство крупныхъ мыслителей. Надо только, чтобы ими овладѣла какая-нибудь идея и тогда ихъ неопредѣленная, расплывчатая мечтательность обращается въ плодотворную умственную дѣятельность».

Нашъ докторъ находитъ, что «въ сущности великіе умы отличаются отъ безсильныхъ неврастениковъ только величіемъ своей idée-fixe и болѣе хорошими привычками».

Способность къ навязчивой идеѣ вообще свойственна неврастеникамъ, и Флёри совѣтуетъ пользоваться ею, какъ стимуломъ къ работѣ, придавъ, конечно, этой idee-fixe осмысленность.

Онъ считаетъ обязанностью врача подыскать соотвѣтствующую руководящую идею для каждаго отдѣльнаго паціента. Сдѣлавъ это, надо постепенно пріучить субъекта, къ осуществленію ея на практикѣ, пріучить его къ работѣ.

Для этого Флёри прежде всего требуетъ назначенія опредѣленныхъ часовъ для работы и удовольствій, для ѣды и сна. Опять, какъ и въ переутомленіи, правильность жизни является лѣкарствомъ. Эта необходимость опредѣленнаго числа часовъ для занятій объясняется очень просто.

«Съ точки зрѣнія своихъ отправленій, нашъ мозгъ совершенно подобенъ остальнымъ органамъ тѣла. Если мы привыкли каждый день завтракать въ 12 час., то каждый день въ этотъ часъ кровь приливаетъ къ желудку и онъ выдѣляетъ желудочный сокъ. Мѣняя часто время ѣды, мы можемъ растроить свое пищевареніе. Также и съ мозгомъ. Неправильная работа его изнуряетъ. Но, такъ же какъ наше сердце не устанетъ биться всю жизнь, какъ желудокъ не устанетъ варить, если часы ѣды регулированы, такъ и мозгъ нашъ можетъ работать почти безъ конца, если мы будемъ регулировать его усилія. Если вы имѣете обыкновеніе каждое утро въ 8 часовъ начинать занятія, то каждое утро въ этотъ часъ кровь будетъ приливать къ мозгу и онъ, безъ особеннаго напряженія съ вашей стороны, будетъ готовъ работать и выдѣлять мысль. И вамъ не придется дѣлать для этого утомительнаго волевого усилія».

Каждый изъ насъ знаетъ, какъ иногда бываетъ трудно приняться за какое-нибудь дѣло и отъ этого-то первоначальнаго усилія, отъ

этой «mise en train», насъ, отчасти, можетъ освободить регулярность часовъ занятій. И это даетъ намъ возможность съэкономить много силъ. Затѣмъ, когда мы уже пріучили мозгъ функціонировать въ опредѣленное время, нашъ организмъ такъ свыкается съ этой привычкой, что работа является потребностью, которую можно назвать духовнымъ голодомъ. И это не фантастическая утопія гуманнаго психіатра, такъ какъ мы видимъ ея подтвержденіе на примѣрѣ многихъ писателей, для которыхъ работа была необходима, какъ воздухъ.

Жоржъ Зандъ, напримѣръ, такъ привыкла посвящать опредѣленное количество часовъ писанію, что, окончивъ одинъ романъ раньше положеннаго срока, она дѣлала перерывъ только, чтобы закурить папироску, и немедленно принималась за слѣдующій романъ. Если же какое-нибудь обстоятельство мѣшало ей провести за письменнымъ столомъ обычные «рабочіе часы», она чувствовала себя неловко, какъ провинившійся школьникъ.

III.

Вообще, ближайшее знакомство съ манерой крупныхъ художниковъ слова и мыслителей работать можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что занятія, хотя бы и усиленныя, но систематичныя, не только не вызываютъ переутомленія, а напротивъ, часто являются цѣлебнымъ средствомъ.

Мишле до 30 лѣтъ страдалъ невыносимыми головными болями, не поддающимися никакому лѣченію. Приписывая ихъ переутомленію отъ постояннаго чтенія и школьныхъ уроковъ—онъ былъ тогда учителемъ,—Мишле поѣхалъ въ Италію и провелъ тамъ 6 недѣль въ полномъ отдыхѣ. Но это не принесло ему облегченія и выздоровѣлъ онъ только тогда, когда принялся за писаніе своей знаменитой исторіи. Продуктивная работа исцѣлила его мозговой аппаратъ. Онъ сдѣлался неутомимымъ труженикомъ, 6 ч. въ день онъ писалъ. Почти столько же времени тратилъ на собираніе матеріаловъ въ архивахъ и библіотекахъ. Но, по словамъ его жены, такая усиленная работа, укрѣпляюще дѣйствовала на его здоровье. И только закончивъ книгу, онъ чувствовалъ усталость. Тогда онъ уѣзжалъ въ деревню и тамъ быстро возстановлялъ свои силы.

В. Гюго, сочиненія котораго полны энтузіазма и вдохновенія, работалъ съ методичностью канцеляриста.

«Онъ подчинилъ вдохновеніе привычкѣ и каждое утро, отъ 7 до 12 ч., священный огонь обязанъ былъ спускаться на его голову». Такъ говоритъ о немъ Флёри, съ чувствомъ почтенія и восторга преклоняясь передъ этой способностью управлять своей мыслью, способностью, которую В. Гюго не терялъ даже въ самыя тяжелыя минуты жизни. А онъ ихъ пережилъ не мало и какъ гражданинъ, скор-

бѣвшій о позорномъ для Франціи владычествѣ «Маленькаго Наполеона», выдержавшій, въ отместку за нескрываемое негодованіе, всю тягость изгнанія, и какъ семьянинъ, потерявшій горячо любимую дочь. Но эти удары судьбы не обезсиливали его, а только придавали большую яркость его творческой мысли и тѣмъ художественнымъ образамъ, въ которыхъ онъ давалъ исходъ своему тяжкому настроенію.

Усидчивѣе всѣхъ работалъ Бальзакъ, хотя онъ самъ сознавался, что, по натурѣ, онъ больше всего любитъ покой и наслажденіе жизнью. Но это не мѣшало ему писать по 16 ч. въ сутки и вести размѣренную, трудолюбивую и воздержную жизнь монаха. Своимъ юнымъ друзьямъ, начинающимъ писателямъ, онъ проповѣдывалъ суровую литературную гигіену. Онъ требовалъ, чтобы они на нѣсколько лѣтъ отказались отъ свѣта, пили одну воду, ложились спать въ 6 ч. вечера, вставали въ 12 ч. ночи и работали до утра. А, главное, они должны были жить въ полномъ воздержаніи.

И эта проповѣдь писательскаго аскетизма произносилась съ такимъ пылкимъ и убѣжденнымъ краснорѣчіемъ, что молодежь уходила съ твердымъ намѣреніемъ выполнить эту программу.

Но, конечно, намѣреніе оставалось намѣреніемъ.

Оказывается, что даже А. Дюма-отецъ, котораго мы привыкли считать легкомысленнымъ и безпечнымъ гулякой, работалъ ежедневно съ правильностью часового механизма. Изо дня въ день, вставъ рано, онъ писалъ до самаго обѣда, съ небольшимъ перерывомъ для завтрака. Но это не утомляло его и не мѣшало ему проводить веселые вечера въ кругу друзей и хорошенькихъ женщинъ и плѣнять ихъ своимъ неистощимымъ, блестящимъ остроуміемъ. Когда же онъ чувствовалъ приступы усталости, онъ отправлялся на охоту, или дѣлалъ небольшое путешествіе, при чемъ осматривалъ старинные города и замки, нужные ему для его же романовъ. Страдая какой-то мучительной внутренней болѣзнью, во время слишкомъ жестокихъ приступовъ боли онъ садился къ столу и забывался за работой.

IV.

По мнѣнію Флёри, трудъ не только разгоняетъ усталость и лѣнь, но и спасаетъ отъ унынія.

«Творческіе умы не могутъ быть грустными по существу. Какимъ бы отчаяніемъ ни вѣяло отъ описываемыхъ ими явленій, въ самой глубинѣ ихъ произведеній всегда слышится неугасимая любовь къ жизни и упорная вѣра въ лучшее будущее».

Нашъ авторъ считаетъ безпричинную, неопредѣленную грусть, необыкновенный пессимизмъ, такъ распространенный среди общества, тоже признакомъ неврастеніи.

«Пессимизмъ,—говоритъ онъ,—т. е. сознаніе, что сумма зла пре-

вышаетъ сумму добра, обыкновенно встрѣчается у культурнаго человѣка въ прямомъ отношеніи къ научнымъ свѣдѣніямъ или художественнымъ впечатлѣніямъ, накопленнымъ въ его мозгу и въ обратномъ отношеніи къ количеству расходуемаго имъ интеллектуальнаго труда».

Этотъ переизбытокъ впечатлѣній вызываетъ ощущеніе тяжести и слабости и связанное съ ними тоскливое настроеніе.

«Сомнѣніе, нерѣшительность, лѣнь, страхъ, грусть,—все это признаки мозгового истощенія». Конечно, иногда эти явленія бываютъ вызваны и какими-нибудь серьезными моральными причинами.

При помощи возбуждающихъ средствъ—лѣкарствъ, массажа, воды или электричества, умѣлый врачъ можетъ мѣнять настроеніе паціента. Прописавъ ему соотвѣтственный режимъ и постепенно развивая въ немъ способность къ труду, докторъ, какъ это ни кажется странно, можетъ замѣнить меланхолію жизнерадостностью.

Флёри сейчасъ же оговаривается, что онъ отнюдь не имѣетъ нелѣпой самонадѣянности при помощи водолечебницъ и гимнастики навсегда избавить человѣчество отъ горя. Да это и не нужно, такъ какъ только страданія заставляютъ людей идти впередъ по пути прогресса и цивилизаціи. Но онъ хочетъ указать намъ способъ избавиться отъ ненужной и безцѣльной тоски. А это возможно, такъ же, какъ возможно излѣчиться отъ вспышекъ дикаго, ничѣмъ невызваннаго гнѣва, который портитъ жизнь, и тому, кто сердится, и его близкимъ. Флёри считаетъ такой гнѣвъ признакомъ избытка силъ, а тоску—признакомъ слабости.

Онъ дѣлитъ нервныхъ людей на слабыхъ, или неврастениковъ, и сильныхъ, или hypersthénique'овъ. Первые обыкновенно очень способны къ умственному труду, если только съумѣютъ себя принудить. Изъ вторыхъ, въ прежнія времена, выходили смѣлые авантюристы и полководцы. Они тратили гнетущій ихъ избытокъ удали въ безумныхъ подвигахъ храбрости и благодарные сограждане воздвигали имъ памятники. Въ наше мирное время, когда войны стали рѣдкостью, такимъ богатырямъ приходится плохо. Они становятся или преступниками, или просто домашними деспотами, мучающими окружающихъ дикими проявленіями ненаходящей исхода силы.

Но ихъ берется обуздать разумнымъ лѣченіемъ д-ръ Флёри. Такъ какъ большинство hypersthénique'овъ не находитъ особеннаго удовлетворенія въ прелестяхъ умственнаго труда, то, кромѣ другихъ цѣлебныхъ средствъ, имъ можно посовѣтовать охоту, какъ законное убійство, дающее исходъ ихъ хищнымъ инстинктамъ. Впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ, докторъ непрочь отправить ихъ на Мадагаскаръ, или другія тропическія колоніи, воевать съ дикими народами.

V.

Очевидно есть случаи, когда Флери склоненъ принимать рѣшительныя мѣры. Такъ, напримѣръ, исцѣляя отъ пагубной любвикъ женщинѣ своего друга, талантливаго беллетриста, Флёри поселилъ его въ водолѣчебницѣ, и сначала позволилъ ему изрѣдка видѣть предметъ его страсти. Но затѣмъ, найдя что пора прекратить эти посѣщенія, онъ просто заперъ писателя въ больницѣ, какъ запираютъ сумасшедшихъ. Несчастный влюбленный сначала бѣсновался и грозилъ полиціей; потомъ постепенно смирился, а черезъ пять недѣль вышелъ на свободу совершенно отрезвленный.

Способъ крутой, но Флёри увѣряетъ, что его пріятель, написавъ послѣ этого оригинальнаго лѣченія одинъ изъ лучшихъ своихъ романовъ, горячо благодарилъ его за исцѣленье.

Надо сказать, что Флёри признаетъ два сорта любви: «одна радостная, бодрящая, здоровая, безъ угрызеній и горечи, молодая и сильная любовь, придающая цѣну и прелесть жизни; другая—грустная, жалкая, болѣзненная, развинчивающая, одуряющая, заставляющая страдать».

Такой любовью любятъ обыкновенно неврастеники, и если прибавить къ этой непривлекательной картинѣ еще приступы ничѣмъ невызванной, безумной ревности, то становится понятнымъ, что гуманный врачъ готовъ запереть своего пріятеля въ сумасшедшій домъ, чтобы избавить его отъ такой уродливой страсти, которую Флёри сравниваетъ съ морфинизмомъ. Онъ проводитъ подробную паралель между дѣйствіемъ на организмъ яда и любви и увѣряетъ, что какъ признаки, такъ и способы лѣченья, крайне сходны. Особенно вредной, прямо безнравственной, онъ считаетъ любовь, которая прежде называлась платонической, а теперь носитъ модное названье «флёрта», и строго осуждаетъ ее.

Но и ревность не находитъ въ немъ снисхожденья. Онъ такъ опредѣляетъ психологію ревности—«тщеславіе всегда готовое оскорбиться и въ тоже время—болѣзненное самоуниженье». Онъ говоритъ, что большинство ревнивцевъ—неврастеники, и указываетъ на моменты, опредѣляющіе наибольшую интенсивность ревнивыхъ вспышекъ. Онѣ бываютъ чаще всего: въ перемѣнную погоду, въ грозу, послѣ возбуждающей ѣды или питья, послѣ безсонницы или кошмаровъ. Легкій ужинъ или пилюля кофеина сразу разсѣиваютъ мучительныя подозрѣнья современныхъ Отелло.

Опять характерной чертой неврастеника является его способность мѣнять настроенье совершенно независимо отъ внѣшнихъ причинъ. Онъ тоскуетъ, сердится, ревнуетъ не потому, что это вызывается условіями его жизни, а потому, что его нервная система работаетъ лѣниво и неправильно.

И вотъ эту-то неустойчивость воли, эту шаткость мысли и поступковъ, доводящія человѣка до томительнаго бездѣйствія, которое, въ свою очередь, приводитъ къ развинченности и постоянному чувству утомленія, Флёри обѣщаетъ исцѣлить.

VI.

Онъ говоритъ, что, при помощи физическаго воздѣйствія на нашу психику, искусный врачъ можетъ перемѣнить если не-качественно, то количественно свойства нашей души и избавить насъ отъ того тяжелаго недуга, который Сенкевичъ назвалъ l'improductivité slave, очевидно не зная, что тѣмъ-же «безплодіемъ» страдаютъ многіе западные интеллигенты.

Работа, работа и работа вотъ панацея отъ всѣхъ золъ и бѣдъ. Счастье только въ дѣятельности, заявляетъ этотъ психіатръ-моралистъ и берется создать намъ возможность найти это счастье, научивъ насъ любить не мучаясь и работать не уставая.

Задача широкая и гуманная и для выполненія ея надо много силъ, умѣнья, таланта, а главное самоотверженной любви къ человѣчеству. Немудрено, что Флери, возлагая на врачей такую трудную обязанность, предъявляетъ къ нимъ большія требованія.

Съ грустью и болью говоритъ онъ о низкомъ нравственномъ уровнѣ молодыхъ докторовъ. Они не задаются никакими идеями, никакими усиліями и стремленьями. Ихъ идеалъ—нажива и карьера. И виноватъ въ этомъ университетъ, не умѣющій развить въ молодежи должныхъ понятій о высокомъ призваніи врача.

Флери предлагаетъ учредить на медицинскомъ факультетѣ каѳедру «Деонтологіи», науки о профессіональныхъ обязанностяхъ. Но врядъ ли эти лекціи будутъ въ состояніи бороться съ общимъ меркантильнымъ духомъ, очевидно царящимъ въ храмѣ врачебной науки.

Нашъ авторъ, обращаясь къ своимъ коллегамъ, проситъ ихъ сознательнѣе и чище отнестись къ своему высокому призванію. Онъ говоритъ, что они могутъ немного ускорить медленное, почти незамѣтное, но непрерывное движеніе человѣчества къ тому minimum'у страданья, уродства и дисгармоніи, къ которому стремится весь міръ.

Бодростью и вѣрой въ лучшее будущее дышитъ отъ этихъ словъ, какъ и отъ всей книги почтеннаго автора съ его девизомъ—трудъ и здоровье—основы жизни и счастья человѣчества.

А. Т.

НА ГОЛОДѢ.

Разсказъ Киплинга.

Переводъ съ англійскаго.

I.

— Развѣ уже было оффиціальное объявленіе о голодѣ?

— Они вынуждены были признать крайнюю мѣстную нужду и въ газетѣ пишутъ, что въ одномъ или двухъ округахъ будетъ оказываться помощь.

— Это значитъ, что голодъ будетъ объявленъ, какъ только наберутъ достаточно людей и запасутся хлѣбомъ. Пожалуй, дѣло разыграется, какъ во время большого голода.

— Не можетъ быть,—сказалъ Скотъ, поворачиваясь немного на длинномъ бамбуковомъ стулѣ.—На сѣверѣ урожай очень хорошъ, и въ Бомбеѣ и въ Бенгаліи уродилось больше, чѣмъ имъ нужно. Есть полная возможность предупредить голодъ и помочь населенію. На этотъ разъ нужда будетъ только мѣстная.

Мартинъ взялъ со стола газету «Піонеръ», еще разъ посмотрѣлъ телеграммы и потянулся. Былъ душный, темный вечеръ, воздухъ былъ полонъ тяжелымъ благоуханіемъ недавно политыхъ аллей. Цвѣты въ клубномъ саду завяли и почернѣли на своихъ стебляхъ, маленькій прудъ съ лотосами высохъ и превратился въ затвердѣвшую грязь, а тамариндовые кусты были совершенно бѣлы отъ пыли. Большинство публики собралось въ общественномъ саду, гдѣ играла музыка,—съ веранды клуба слышно было, какъ оркестръ мѣстной полиціи разыгрывалъ вальсы; или на площадкѣ для игры въ Поло. Время отъ времени кто-нибудь подъѣзжалъ къ клубу и безвучно проходилъ въ бѣлые бараки, расположенные по обѣимъ сторонамъ главнаго зданія. Тамъ помѣщались номера, въ которыхъ жило большинство служащихъ, встрѣчаясь каждый день другъ съ другомъ за обѣдомъ и стараясь, по возможности, затянуть свои служебные часы, чтобы избѣгнуть этого томительнаго общества.

— Что вы намѣрены теперь дѣлать?—спросилъ Мартинъ, зѣвая.—Пойдемъ выкупаться передъ обѣдомъ.

— Вода очень горяча,—отвѣчалъ Скотъ.—Я ужъ купался сегодня.

— Ну, такъ сыграемъ на бильярдѣ.

— Въ бильярдной невыносимая жара. Сидите себѣ спокойно и не будьте такъ страшно энергичны.

Къ верандѣ тяжелыми шагами подошелъ верблюдъ, на спинѣ котораго возсѣдалъ почтальонъ-туземецъ съ кожанной сумкой черезъ плечо. Онъ спустилъ къ сидящимъ на верандѣ новое газетное приложеніе—листокъ, отпечатанный только на одной сторонѣ и еще сырой, только что вышедшій изъ подъ типографскаго станка. Небольшая полоска текста помѣщалась среди объявленій о продающихся пони и пропавшихъ фоксъ-терьерахъ.

Мартинъ лѣниво поднялся, прочиталъ листокъ и свистнулъ.

— Объявлено,—проговорилъ онъ.—Одинъ, два, три—восемь округовъ подпадаютъ дѣйствію законовъ о голодѣ. Джимми Гаукинсъ будетъ завѣдывать всей продовольственной организаціей.

На террасу вошелъ новый гость. Это былъ издатель единственной газеты въ столицѣ провинціи, насчитывающей 25 милліоновъ туземцевъ и нѣсколько сотъ бѣлыхъ; такъ какъ составъ редакціи ограничивался имъ самимъ и его помощникомъ, то рабочій день его колебался между десятью и двадцатью часами.

— А, Рэнсъ, вы должны все знать, — остановилъ его Мартинъ. — что изъ себя представляетъ эта мадрасская «нужда»?

— Никто еще ничего не знаетъ. Въ настоящую минуту по телеграфу идетъ сообщеніе, длиною съ вашу руку. Мадрасъ призналъ, что не можетъ справиться собственными силами, и Джимми получилъ порученіе раздобыть столько людей, сколько понадобится.

— Пожалуй, и до насъ доберутся,—замѣтилъ Мартинъ.

— Ну что жъ, я ничего не имѣю противъ, — проговорилъ Скотъ, поднимаясь съ мѣста и кладя на столъ одинъ изъ романовъ Маріета, который онъ перелистывалъ.—Сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Мартинъ, ваша сестра ждетъ васъ.

Большая сѣрая лошадь топталась у перилъ веранды; свѣтъ керосиновой лампы падалъ на коричневое коленкоровое платье наѣздницы и на ея блѣдное лицо подъ сѣрой фетровой шляпкой.

— Я готовъ, — сказалъ Мартинъ. — Пойдемте къ намъ обѣдать, Скотъ, если вамъ не предстоитъ ничего болѣе интереснаго. Вильямъ, есть у насъ дома какой-нибудь обѣдъ? обратился онъ къ сестрѣ.

— Я сначала съѣзжу домой и посмотрю,—отвѣтила наѣздница.— Можешь приводить его къ 8 часамъ, не раньше. Не забудь, пожалуйста.

Скотъ не торопясь отправился къ себѣ въ комнату и переодѣлся въ вечерній туалетъ, соотвѣтствовавшій данному сезону въ данной странѣ—бѣлый полотняный костюмъ, съ широкимъ шелковымъ поясомъ. Обѣдъ у Мартиновъ былъ рѣшительно пріятнѣе, чѣмъ вѣчная баранина и жесткая дичь, подаваемая на жестяной посудѣ на клуб-

ныхъ обѣдахъ. Но все-таки было очень жаль, что Мартинъ не былъ въ состояніи на жаркіе мѣсяцы отправить свою сестру въ горы. Служа въ мѣстной полиціи, Мартинъ получалъ великолѣпное жалованіе въ 600 обезцѣненныхъ серебряныхъ рупій въ мѣсяцъ, это и видно было по его маленькой квартиркѣ: неровный полъ былъ устланъ обычными полосатыми, бѣлыми съ синимъ, рогожками; обычныя индійскія занавѣски висѣли на окнахъ; въ комнатахъ стояла разношерстная дюжина стульевъ, купленная на разныхъ посмертныхъ аукціонахъ. Квартира имѣла такой видъ, какъ будто все было разложено только вчера, съ тѣмъ, чтобы завтра снова быть уложеннымъ. Ни одна дверь въ домѣ не держалась на своихъ петляхъ; маленькія окна затемнялись осиными гнѣздами и ящерицы охотились за мухами надъ выступами деревянной крыши. Но все это было однимъ изъ элементовъ жизни Скота. Такъ жили всѣ, имѣющіе такіе доходы; а въ странѣ, гдѣ возрастъ, жалованіе и званіе каждаго человѣка пропечатаны въ книгѣ, которую всякій можетъ прочесть, нѣтъ никакого смысла притворяться и разыгрывать изъ себя богачей. Скотъ 8 лѣтъ служилъ въ ирригаціонномъ департаментѣ и получалъ 800 рупій въ мѣсяцъ, при чемъ въ будущемъ, если онъ прослужитъ еще 22 года на такихъ же основаніяхъ, его ожидала пенсія въ 400 рупій въ мѣсяцъ. Его служебная дѣятельность, протекавшая въ значительной степени въ палаткахъ и временныхъ убѣжищахъ, гдѣ человѣкъ могъ только спать, ѣсть и писать письма, заключалась въ наблюденіи за открытіемъ и охраной ирригаціонныхъ каналовъ. Весною онъ съ успѣхомъ закончилъ работы по открытію большого Махульскаго канала и теперь былъ прикомандированъ къ департаменту, чтобы заниматься отчетною частью. Онъ былъ очень недоволенъ этой командировкой, потому что ненавидѣлъ канцелярскую работу.

Скотъ, какъ и весь остальной міръ, зналъ, что миссъ Мартинъ пріѣхала въ Индію четыре года тому назадъ, чтобы вести хозяйство въ домѣ брата, который, какъ всѣмъ было извѣстно, занялъ денегъ, чтобы заплатить за ея проѣздъ. По общераспространенному мнѣнію, ей бы уже давно слѣдовало быть замужемъ. Вмѣсто этого, она отказала полдюжинѣ офицеровъ, одному чиновнику, старше ея на двадцать лѣтъ, одному майору и одному доктору. Это тоже было общественнымъ достояніемъ. Она выжила въ городѣ три жаркихъ сезона, потому что братъ ея и безъ того былъ въ долгу и не могъ отправить ее даже и въ дешевенькій пансіонъ въ горахъ. Поэтому лицо ея было блѣдно, какъ кость и посреди лба красовалось круглое серебристое пятнышко, свидѣтельствующее о мѣстной болѣзни, называемой «багдадской». Такія пятна появляются отъ употребленія дурной воды.

Тѣмъ не менѣе, миссъ Вильямъ очень веселилась за эти 4 года. Дважды она чуть было не утонула, переѣзжая на лошади черезъ рѣку; она была свидѣтельницей нападенія шайки воровъ на домъ ея брата,

выучилась говорить на мѣстномъ нарѣчіи съ бѣглостью, возбуждавшею зависть старшихъ, мало-по-малу утратила привычку писать письма своимъ теткамъ въ Англію и разрѣзывать страницы англійскихъ журналовъ, пережила холеру, перенесла тиброидную лихорадку, послѣ которой ей обрили голову, и разсчитывала этой зимою отпраздновать 23-ю годовщину своего рожденія. Понятно, что ея тетки не могли бы отнестись съ одобреніемъ къ молодой дѣвушкѣ, которая ѣздила на танцовальные вечера верхомъ, накинувъ на плечи платокъ; откликалась на имя Вилльяма или Билля, усвоила себѣ не особенно изящный мѣстный жаргонъ, участвовала въ любительскихъ спектакляхъ, держала въ повиновеніи 8 человѣкъ прислуги и двухъ лошадей, лѣчила ихъ недуги и спокойно смотрѣла прямо въ глаза мужчинамъ, даже послѣ того, какъ они сдѣлали ей предложеніе и были отвергнуты.

— Я люблю мужчинъ, которые что-нибудь дѣлаютъ,—заявила она одному изъ служащихъ въ департаментѣ просвѣщенія, который разъяснялъ сыновьямъ мѣстныхъ торговцевъ красоты стихотвореній Вордсворта; и когда онъ приходилъ въ поэтическое настроеніе, Вильямъ призналась ему, что она мало понимаетъ въ поэзіи, и что отъ стиховъ у нея голова болитъ. Послѣ этого еще одно разбитое сердце стало искать прибѣжища въ клубѣ. И все это было по винѣ самой Вильямъ: она любила слушать разсказы мужчинъ о ихъ службѣ, такое вниманіе роковымъ образомъ приводило людей къ ея ногамъ.

Скотъ былъ знакомъ съ нею три года; нѣсколько разъ танцовалъ съ нею на рождественскихъ балахъ и чрезвычайно уважалъ ея хозяйственные таланты.

Она болѣе чѣмъ когда-либо походила на мальчика, когда послѣ обѣда сидѣла на кожанномъ диванѣ, поджавъ подъ себя ноги, крутила папироски для своего брата, и перебрасывала ихъ Мартину, сидѣвшему на противоположномъ концѣ комнаты; тотъ ловилъ ихъ одной рукой не прерывая разговора со Скотомъ. Они говорили все о дѣлахъ—о каналахъ и надзорѣ за ними, о преступленіяхъ мѣстныхъ жителей, кравшихъ воду, за которую они не платили, и еще болѣе тяжкихъ преступленіяхъ туземной полиціи, прикрывавшей эти кражи; о переселеніи цѣлыхъ деревень въ только-что орошенныя мѣстности. Вильямъ крутила папироски, ничего не говорила и только улыбалась своему брату.

Въ 10 часовъ лошадь Скота пріѣхала за нимъ и вечеръ окончился.

Два освѣщенныхъ окна низенькаго домика, гдѣ печаталась мѣстная газета, ярко выдѣлялись на темной дорогѣ. Было еще слишкомъ рано, чтобы ложиться спать, и Скотъ рѣшилъ зайти къ издателю. Рэнсъ лежалъ на диванѣ, въ ожиданіи ночныхъ телеграммъ. У него была своя теорія насчетъ того, что если человѣкъ не будетъ сидѣть за работой весь день и большую часть ночи, то онъ непремѣнно заболѣетъ мѣстной злокачественной лихорадкой; поэтому онъ и ѣлъ и спалъ среди своихъ бумагъ.

*

— Беретесь вы за это?—спросилъ онъ соннымъ голосомъ.—Я не думалъ, что вы сегодня же придете съ отвѣтомъ.

— Въ чемъ дѣло? Какой отвѣтъ? Я обѣдалъ у Мартина и ничего не знаю.

— Голодъ объявленъ и они теперь набираютъ людей. Мартина также требуютъ. Я посылалъ къ вамъ записку въ клубъ. Согласны-ли вы присылать намъ разъ въ недѣлю письма съ Юга, такъ отъ двухъ до трехъ столбцовъ. Ничего сенсаціоннаго, конечно, не нужно, просто одни факты—кто что дѣлаетъ, и такъ далѣе. Нашъ обычный гонораръ—10 рупій за столбецъ.

— Очень жалѣю, но это совсѣмъ не по моей части—отвѣчалъ Скотъ, разсѣянно посматривая на карту Индіи, висѣвшую на стѣнѣ. Трудно будетъ теперь Мартину. Интересно знать, что онъ сдѣлаетъ со своей сестрой. Хотѣлъ бы я знать, куда они меня тянутъ. У меня нѣтъ никакой опытности въ такихъ дѣлахъ. Я, конечно, тоже назначенъ?

— Конечно. Вотъ телеграмма. Вамъ поручаютъ организацію помощи, дадутъ вамъ вамъ въ помощники одного туземнаго аптекаря и полъ-пинты холерной микстуры на 10.000 населенія. Вы сидите теперь безъ опредѣленнаго дѣла, а туда призываютъ всѣхъ, безъ кого можно обойтись на службѣ.

— Во всякомъ случаѣ, я радъ, что зашелъ къ вамъ—проговорилъ Скотъ.—Завтра, вѣроятно, я получу уже официальное увѣдомленіе. Надо сейчасъ идти укладываться. Вы не знаете, кто будетъ замѣнять меня здѣсь?

Ренсъ порылся въ кучѣ телеграмъ.—Макъ-ханъ—сказалъ онъ.—Изъ Мурея.

— Скотъ усмѣхнулся.

— Онъ разсчитывалъ провести все лѣто въ прохладѣ. Воображаю, какъ онъ будетъ огорченъ. Впрочемъ, что объ этомъ говорить.

Покойной ночи.

— Два часа спустя Скотъ со спокойной совѣстью улегся спать на веревочной койкѣ въ пустой комнатѣ. Два поношенныхъ кожаныхъ чемодана, кожаная бутылка для воды, жестяной ящикъ для льда и сѣдло, завязанное въ мѣшокъ, были сложены у дверей, а подъ подушкой у него лежала росписка секретаря клуба въ полученіи денегъ по мѣсячному счету. Его назначеніе, дѣйствительно, пришло на слѣдующее-же утро и вмѣстѣ съ нимъ неофиціальная телеграмма отъ сэра Джемса Гаукинса, предписывающая ему немедленно и съ наивозможною скоростью отправиться въ мѣстность съ какимъ-то невыговариваемымъ названіемъ, расположенную за полторы тысячи верстъ къ югу, гдѣ свирѣпствовалъ голодъ и чувствовалась сильная нужда въ людяхъ.

Днемъ къ нему явился розовый, полный юноша, недовольный судь-

бою и голодомъ, который лишалъ его трехмѣсячнаго отдыха. Это былъ замѣститель Скота—другой зубецъ въ огромномъ правительственномъ колесѣ, который подвинулся впередъ вслѣдъ за своимъ сослуживцемъ, представленнымъ, какъ гласило официальное извѣщеніе, «въ распоряженіе Мадрасскаго правительства для работы по голоду впредь до дальнѣйшихъ распоряженій». Скотъ передалъ ему находящіяся на его рукахъ суммы, показалъ ему самый прохладный уголокъ въ канцеляріи, предостерегалъ его отъ излишняго усердія и, когда наступили сумерки, уѣхалъ изъ клуба въ наемномъ экипажѣ со своимъ вѣрнымъ слугою Фецъ-Улахомъ на станцію Южной желѣзной дороги. Жаръ отъ раскаленныхъ кирпичныхъ стѣнъ ударялъ ему въ лицо и онъ съ грустью размышлялъ о томъ, что ему предстоитъ, по крайней мѣрѣ, пять ночей и четыре дня путешествія. На станціи Фецъ-Улахъ, привыкшій къ превратностямъ судьбы, немедленно исчезъ въ толпѣ, наполнявшей каменную платформу, а Скотъ, съ сигарою въ зубахъ, ждалъ пока ему приготовятъ отдѣленіе. Въ это время въ толпу пунджабскихъ фермеровъ, ремесленниковъ и кудрявыхъ торговцевъ-афридіевъ врѣзалась дюжина туземныхъ полицейскихъ, сопровождавшихъ багажъ Мартина.

Когда Фецъ-Улахъ доложилъ своему господину, что все готово, Скотъ расположился въ вагонѣ, снялъ сапоги и куртку и улегся на широкой, обитой кожей скамейкѣ. Жара на крытой желѣзомъ станціи доходила до 100 градусовъ (Фаренгейта). Въ послѣдній моментъ въ тотъ-же вагонъ вошелъ Мартинъ, весь обливаясь потомъ, и къ ужасу своему увидѣлъ отдѣленіе занятымъ.

— Не браните, — лѣниво встрѣтилъ его Скотъ. — Вы опоздали и не успѣете пересѣсть въ другое отдѣленіе. Мы подѣлимся моимъ льдомъ.

— Вы что здѣсь дѣлаете?—спросилъ Мартинъ.

— Препровождаю себя въ распоряженіе Мадрасскаго правительства, такъ же какъ и вы. Боже, что это за ночь! Вы берете съ собой кого-нибудь изъ своихъ людей?

— Дюжину. Должно быть, мнѣ придется наблюдать за раздачей пищи. Я не зналъ, что и вы тоже назначены.

— Я тоже не зналъ, когда уходилъ отъ васъ вчера вечеромъ. Рэнсъ первый получилъ это извѣстіе. Назначеніе пришло сегодня утромъ. Макъ-ханъ пріѣхалъ смѣнить меня въ 4 часа и я сейчасъ-же уѣхалъ. Этотъ голодъ можетъ розыграться въ прескверную штуку—пожалуй, никто изъ насъ и не вернется живымъ.

— Джимми долженъ былъ-бы назначить насъ съ вами куда-нибудь въ одно мѣсто,—проговорилъ Мартинъ, и, немного погодя, прибавилъ:—Моя сестра здѣсь.

— Вотъ это хорошо,—сказалъ Скотъ сердечно.

— Значитъ, она ѣдетъ въ Симлу. Съ кѣмъ она будетъ тамъ жить?

— Въ томъ-то и дѣло, что она не хочетъ и слышать о Симлѣ Она ѣдетъ со мною.

Скотъ вскочилъ и сѣлъ прямо подъ лампою.

— Какъ! Вы не хотите сказать, что не могли добыть...

— О нѣтъ! Я бы ужъ какъ-нибудь досталъ денегъ.

— Надѣюсь, вы могли бы прежде всего обратиться ко мнѣ,—проговорилъ Скотъ сухо.—Мы съ вами не совсѣмъ чужіе другъ другу.

— Пожалуйста, не будьте такъ церемонны. Конечно, я могъ бы обратиться къ вамъ, но... вы не знаете моей сестры. Я объяснялъ, и убѣждалъ, и просилъ, и приказывалъ, и все такое въ теченіе цѣлаго дня, начиная съ 7 утра—но ничего не могъ подѣлать.

— Джимми Гаукинсъ не особенно будетъ доволенъ, — сказалъ Скотъ.—Женщинамъ совсѣмъ не мѣсто на голодѣ.

— М-съ Джимъ—я хочу сказать, лэди Джимъ—отправилась вмѣстѣ съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, она обѣщала взять сестру подъ свое покровительство. Вильямъ на свой страхъ телеграфировала ей и совершенно сбила меня съ толку, показавши ея отвѣтъ.

Скотъ засмѣялся.

— Если она такая рѣшительная—проговорилъ онъ,—то, очевидно, она сама можетъ о себѣ позаботиться, а м-съ Джимъ не дастъ ей подвергаться опасности. Во всякомъ случаѣ, я думаю не много найдется женщинъ, женъ или сестеръ, которыя бы отправились на голодъ съ открытыми глазами. А она вѣдь пережила холеру прошлаго года и знаетъ, что все это значитъ.

Поѣздъ остановился въ Армитсорѣ и Скотъ прошелъ въ дамское отдѣленіе, находившееся рядомъ съ ихъ отдѣленіемъ. Вильямъ, въ дорожной шапочкѣ, накинутой на кудри, привѣтливо кивнула ему головой.

— Войдите къ намъ, я угощу васъ чаемъ,—сказала она.—Это лучшее предохранительное средство отъ солнечнаго удара.

— Развѣ по моему виду можно заключить, что мнѣ грозитъ солнечный ударъ?

— Никогда нельзя знать,—серьозно отвѣчала Вильямъ.—Всегда лучше заранѣе быть готовымъ.

Она устроилась въ вагонѣ съ опытностью испытаннаго путешественника. У закрытаго ставней окна висѣла покрытая мѣхомъ бутылка съ водой; на скамейкѣ стояла корзинка съ чайнымъ сервизомъ и дорожная спиртовая лампочка.

Вильямъ угостила ихъ горячимъ чаемъ въ большихъ чашкахъ, увѣряя, что чай предохраняетъ отъ распуханія шейныхъ венъ въ такую жаркую ночь. Она, очевидно, считала излишнимъ всякіе разговоры и комментаріи по поводу своего поступка. Жизнь съ мужчинами, у которыхъ всегда было очень много работы и очень мало времени для этой работы, пріучила ее стушевываться и стоять за себя. Она ничего не говорила о томъ, что хочетъ быть полезною во время путешествія,

и спокойно дѣлала свое дѣло: безшумно уложила чашки, когда чай былъ выпитъ и приготовила папироски для своихъ гостей.

— Вчера въ это время,—сказалъ Скотъ,—мы не ожидали... гмъ... того, что случилось. Не правда ли?

— Я привыкла ожидать всего,—отвѣчала Вильямъ.

— Знаете, на нашей службѣ мы живемъ по телеграфу. Но я думаю, это путешествіе будетъ полезно для всѣхъ насъ—конечно, если мы останемся въ живыхъ.

— Это разрушаетъ всѣ мои планы,—отвѣчалъ Скотъ.—Я разсчитывалъ на холодную погоду попасть на постройку Люнійскаго канала, но неизвѣстно, сколько времени затянется голодъ.

— Врядъ ли дальше октября—сказалъ Мартинъ.—Къ этому времени онъ такъ или иначе будетъ конченъ.

Первыя сутки они ѣхали по знакомымъ мѣстамъ; слѣдующія сутки узкоколейная желѣзная дорога везла ихъ вдоль границы великой индійской пустыни и они вспоминали, какъ они впервые ѣхали по этой дорогѣ изъ Бомбея, пріѣзжая на мѣсто своего служенія. Затѣмъ перемѣнился языкъ, на которомъ были написаны названія станцій, и поѣздъ уносилъ ихъ на югъ, въ чужую страну, гдѣ даже запахи имъ были незнакомы.

Передъ нами тянулись длинные, тяжело-нагруженные хлѣбомъ вереницы вагоновъ, и рука Джимми Гаукинса чувствовалась издалека. Имъ часто приходилось ждать на боковыхъ линіяхъ, т. е. путь былъ занятъ возвращавшимися на сѣверъ поѣздами, наполненными пустыми мѣшками. Стояла неистовая жара. Во время остановокъ они прохаживались взадъ и впередъ среди мѣшковъ и слушали завыванья собакъ.

Наконецъ, они очутились въ той Индіи, которая была имъ болѣе чужда, чѣмъ непутешествовавшимъ англичанамъ—это была плоская, красная Индія пальмъ и риса, Индія дѣтскихъ иллюстрированныхъ книжекъ—мертвая и изсушенная палящимъ зноемъ. Непрерывное пассажирское движеніе Сѣвера и Запада осталось далеко, далеко позади. Здѣсь голодные люди толпились у поѣзда съ дѣтьми на рукахъ, имъ давали мѣшки съ хлѣбными зернами и толпа набрасывалась на нихъ, какъ мухи на медъ.

Шесть дней пути казались имъ длиннѣе шести лѣтъ. Наконецъ, въ сухую, душную ночь они пріѣхали въ страну смерти, освѣщенную краснымъ пламенемъ костровъ, на которыхъ сжигали мертвецовъ. Тамъ ихъ встрѣтилъ Джимми Гаукинсъ, завѣдующій продовольственнымъ дѣломъ, небритый, немытый, но бодрый и всецѣло поглощенный работой.

Онъ тотчасъ же распорядился, чтобы Мартинъ остался при желѣзной дорогѣ: онъ долженъ былъ подбирать голодающихъ людей и отвозить ихъ въ продовольственный пунктъ, на границѣ 8-го округа, гдѣ имъ раздавали пищу. Ему было поручено привозить хлѣбъ, а его помощники должны были оберегать хлѣбные запасы. Скотъ—Гаукинсъ

очень радъ былъ снова увидѣться со Скотомъ—долженъ былъ немедленно же отправиться на Югъ, въ другой продовольственный пунктъ, далекій отъ желѣзной дороги, отвезти туда всѣхъ голодающихъ, которые попадутся ему на пути и ждать тамъ дальнѣйшихъ телеграфныхъ распоряженій. Вообще же въ мелочахъ ему предоставлялось поступать по своему усмотрѣнію.

Вильямъ закусила губу. У нея никого не было на свѣтѣ, кромѣ брата, но распоряженія Гаукинса не допускали противорѣчія. Она вышла изъ вагона, съ головы до ногъ покрытая пылью, съ маленькой морщинкой на лбу, явившейся слѣдствіемъ того, что ей пришлось такъ много передумать за послѣднюю недѣлю, но сдержанная и спокойная какъ всегда. М—съ Джимъ, которую въ сущности слѣдовало называть лэди Джимъ, но всѣ постоянно объ этомъ забывали—обняла молодую дѣвушку.

— О, я рада, что вы пріѣхали,—проговорила она, почти рыдая.—Конечно, вы не должны были этого дѣлать, но я все-таки рада. Мы съ вами здѣсь единственныя женщины и должны помогать другъ другу. Здѣсь столько несчастныхъ, и эти маленькія дѣти...

— Я уже видѣла—сказала Вильямъ.

— Неправда ли, что за ужасъ! Мнѣ ихъ подкинули уже двадцать штукъ. Но не хотите ли сперва поѣсть что-нибудь? Здѣсь столько дѣла, что и десяти человѣкъ было бы мало. Я приготовила для васъ лошадь. О, какъ я рада, что вы пріѣхали!

— Потише, Лиззи,—сказалъ Гаукинсъ черезъ ея плечо.

— Мы присмотримъ за вами, миссъ Мартинъ. Сожалѣю, что не могу пригласить васъ къ завтраку, Мартинъ. Вамъ придется поѣсть въ дорогѣ. Нельзя терять ни одной минуты. Оставьте двоихъ вашихъ людей въ помощь Скоту. Скотъ, нагружайте телѣги на буйволахъ и отправляйтесь въ путь, какъ только справитесь. Этотъ субъектъ въ розовой рубашкѣ будетъ вашимъ проводникомъ и переводчикомъ. Аптекарь сидитъ связанный въ телѣгѣ. Онъ уже собирался сбѣжать,—вамъ придется за нимъ присматривать. Лиззи, свези миссъ Мартинъ въ нашу палатку и пришли за мною рыжую лошадь.

Скотъ съ Фецъ-Улахомъ и двумя полицейскими уже хлопотали около телѣгъ, нагружая ихъ мѣшками. Гаукинсъ нѣкоторое время наблюдалъ за нимъ.

— Это славный малый,—проговорилъ онъ.—Если все пойдетъ хорошо, я заставлю его много работать.

По мнѣнію Джими Гаукинса, это была высшая любезность, какую одно человѣческое существо могло оказать другому.

Черезъ часъ Скотъ уже былъ въ пути. Съ нимъ ѣхалъ аптекарь, которой все время грозилъ ему строгимъ наказаньемъ, за то, что его, члена медицинскаго департамента, и свободного англійскаго гражданина осмѣлились связать; два полицейскихъ и Фецъ-Улахъ составляли всю свиту.

Маленькая процессія проѣхала мимо стоянки Гаукинса—трехъ грязныхъ палатокъ, расположенныхъ подъ сѣнью высохшихъ деревъ. За ними, на открытомъ воздухѣ, была устроена кухня, гдѣ кормили голодающихъ.

— Желалъ бы я, чтобы Вильямъ осталась дома,—сказалъ себѣ Скотъ, посматривая на эту картинку.—Вѣрно какъ день, что во время дождей здѣсь начнется холера.

Но Вильямъ, повидимому, уже успѣла освоиться съ новой обстановкой. Скотъ увидѣлъ ее среди толпы плачущихъ женщинъ, въ своей коленкоровой амазонкѣ и сѣрой фетровой шляпѣ на растрепавшихся волосахъ.

— Пожалуйста, дайте мнѣ пятьдесять рупій. Я забыла спросить у Джэка, а онъ уже уѣхалъ. Можете вы дать мнѣ взаймы? Нужно купить сгущеннаго молока для дѣтей.

Скотъ вынулъ деньги изъ своего кошелька и молча передалъ ей.—Ради Бога, берегите себя,—проговорилъ онъ немного спустя.

— О, со мной ничего не случится. Мы должны получить молоко черезъ два дня. Кстати, мнѣ поручено передать вамъ, чтобы вы взяли одну изъ лошадей сэра Джима. Здѣсь есть одна сѣрая лошадка, которая, мнѣ кажется, будетъ совсѣмъ въ вашемъ стилѣ; поэтому я сказала, чтобы вамъ ее приготовили. Ничего, что я такъ распорядилась.

— Это ужасно мило съ вашей стороны. Боюсь, что намъ обоимъ теперь не очень придется сообразоваться со «стилемъ».

Скотъ былъ въ поношенной охотничьей куртклѣ съ протертыми локтями. Вильямъ внимательно оглядѣла его, съ головы до ногъ.

— Мнѣ кажется, у васъ вполнѣ приличный видъ,—сказала она.—Взяли ли вы съ собой все, что нужно—хину, хлородинъ и пр.?

— Все взялъ,—отвѣчалъ Скотъ, садясь на лошадь, которую ему подвели.

— Прощайте!—крикнулъ онъ ей.

— Прощайте, всего хорошаго!—отвѣчала Вильямъ.—Я вамъ страшно благодарна за деньги.

II.

Трудное время настало для Скота, хотя онъ путешествовалъ ночью и отдыхалъ днемъ; но зато надъ нимъ не было никакого начальства. Онъ былъ свободенъ, какъ Джими Гаукинсъ, даже еще свободнѣе, потому что Джими все-таки былъ соединенъ съ правительствомъ телеграфной проволокой.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути Скотъ узналъ кое-что о размѣрахъ той Индіи, которой онъ служилъ, и она поразила его. Телѣги его были наполнены пшеницей и ячменемъ. Но люди, для которыхъ предназначались эти припасы, ѣли одинъ только рисъ. Они умѣли толочь рисъ въ своихъ ступкахъ, но ничего не знали о тяжелыхъ каменныхъ мель-

ницахъ Сѣвера и о тѣхъ хлѣбныхъ зернахъ, которыя теперь везли къ нимъ подъ конвоемъ бѣлыхъ людей. Они требовали риса, и, когда убѣдились, что его нѣтъ, съ плачемъ удалялись отъ Скота. Какое употребленіе можно было сдѣлать изъ этихъ странныхъ зеренъ, которыя царапали имъ горло? Имъ оставалось только умереть. И нѣкоторые дѣйствительно такъ и поступали. Другіе брали слѣдуемую имъ порцію и обмѣнивали количество пшеницы, которымъ человѣкъ могъ бы быть сытымъ цѣлую недѣлю, на горсточку рису, сохранившагося у кого-нибудь изъ сосѣдей. Третьи, наконецъ, клали зерна въ ступки для риса, толкли ихъ и приготовляли что-то вродѣ тѣста съ гнилой водой; но такихъ было очень немного. Скотъ имѣлъ смутное представленіе о томъ, что народъ въ южной Индіи питается рисомъ, но онъ служилъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ почти нѣтъ рисовыхъ полей, и совершенно не могъ понять того факта, чтобы во время страшной нужды люди могли умирать съ голоду, изъ нежеланія попробовать новую пищу, которая предлагалась имъ въ изобиліи. Напрасно переводчики изощрялись въ переводахъ, и полицейскіе энергической пантоминой показывали, что надо было дѣлать. Мѣстные жители уходили обратно, предпочитая питаться корой, листьями и глиной, и оставляя нетронутыми полные мѣшки съ пшеницей. Женщины часто клали къ ногамъ Скота своихъ исхудалыхъ ребятъ.

Фецъ-Улахъ полагалъ, что, очевидно, по волѣ Божьей, эти чужестранцы должны умирать, и поэтому оставалось только распоряжаться насчетъ ихъ похоронъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не видѣлъ причины, почему его сагибъ долженъ терпѣть какія-нибудь неудобства, и, какъ опытный путешественникъ, захватилъ съ собою въ пустыню нѣсколькихъ козъ. Онъ кормилъ ихъ по утрамъ зернами, отъ которыхъ отказывались эти глупцы. Скотъ велѣлъ Фецъ-Улаху и двумъ полицейскимъ ловить козъ всюду, гдѣ они только могли поймать ихъ. Этотъ приказъ съ удовольствіемъ былъ исполненъ. Для нихъ ловля козъ была нѣкоторымъ отдыхомъ, и они наловили ихъ въ большомъ количествѣ. Бѣдныя животныя, будучи разъ покормлены, охотно слѣдовали за телѣгами и послѣ нѣсколькихъ дней хорошаго питанья стали давать много молока.

— Но я не намѣренъ быть козопасомъ,—говорилъ Фецъ-Улахъ.— Это противъ моей чести.

— Когда мы вернемся домой, мы поговоримъ съ тобой о чести,— отвѣчалъ Скотъ,—а до тѣхъ поръ ты и оба полицейскихъ будете даже трубочистами, если это понадобится.

— Пусть будетъ по твоему,— согласился Фецъ-Улахъ и покорно принялся доить козъ.

Скотъ стоялъ около и смотрѣлъ на доеніе. У него явилась мысль воспользоваться козьимъ молокомъ для кормленія дѣтей. И дѣйствительно, начиная съ этого времени, всѣхъ дѣтей кормили по три раза

въ день. Утромъ, въ полдень и вечеромъ Скотъ торжественно по очереди вынималъ ихъ изъ постели, устроенной для нихъ въ одной изъ телегъ, и поилъ ихъ молокомъ. Нѣкоторыя крошки еле дышали, и Скотъ осторожно, по капелькамъ вливалъ молоко въ ихъ беззубые ротики. Каждое утро происходило также кормленіе козъ, и такъ какъ онѣ шли не на привязи, а на полицейскихъ нельзя было положиться, то Скотъ долженъ былъ отказаться отъ верховой ѣзды и медленно шелъ пѣшкомъ впереди всего стада, приноравляя свои шаги къ козамъ. Все это было въ высшей степени нелѣпо и онъ самъ прекрасно сознавалъ, какую смѣшную картину онъ представлялъ со стороны, но по крайней мѣрѣ онъ спасалъ человѣческую жизнь, а женщины, видя, что ихъ дѣти не умираютъ, понемногу начинали сдаваться и соглашались пробовать новую пищу.

Шествуя впереди своего стада и глотая пыль, поднимаемую сотней маленькихъ козьихъ ногъ, Скотъ утѣшалъ себя мыслью, что его образъ дѣйствій гораздо практичнѣе выдумки Вилльямъ, желавшей кормить дѣтей сгущеннымъ молокомъ, которое еще надо привозить Богъ знаетъ откуда. Козы, по крайней мѣрѣ, всегда подъ рукою.

Онъ очень медленно достигъ мѣста своего назначенія, гдѣ узналъ, что изъ Бирмы прибылъ пароходъ, нагруженный рисомъ; тамъ всѣмъ распоряжался одинъ заработавшійся, измученный англичанинъ. Забравши у него достаточное количество риса, оставивъ ему часть дѣтей, Скотъ поѣхалъ обратно, развозить рисъ нуждающимся. На пути къ нему присоединились новыя козы и новыя дѣти. Но теперь на многихъ дѣтяхъ были надѣты бусы или обмотаны тряпки вокругъ шеи. Какъ переводчикъ пояснилъ Скоту, это дѣлалось потому, что матери надѣялись черезъ нѣкоторое время взять своихъ дѣтей обратно.

— Чѣмъ скорѣе онѣ возьмутъ ихъ, тѣмъ лучше,—сказалъ Скотъ. Но въ тоже время, онъ внимательно наблюдалъ за дѣтьми и съ нѣкоторой гордостью замѣчалъ, что тотъ или другой маленькій Рамахавми начинаетъ толстѣть и поправляться. Когда онъ роздалъ всѣ свои запасы, онъ поѣхалъ въ стоянку Гаукинса, стараясь приноровить свой пріѣздъ къ обѣденному времени, потому что давно уже ему не приходилось обѣдать на столѣ, покрытомъ скатертью. Ему не хотѣлось обставить свой пріѣздъ особенной торжественностью, но случайно вышло такъ, что, подходя къ палаткѣ, онъ снялъ шляпу, чтобы освѣжить голову, и лучи заходящаго солнца упали на его лобъ и ослѣпили его, такъ что онъ не видѣлъ того, что передъ нимъ; а кто-то, стоя у входа въ палатку, новыми глазами посмотрѣлъ на красиваго молодого человѣка, окруженнаго облакомъ золотой пыли, медленно шествующаго впереди цѣлаго стада козъ, между тѣмъ какъ около его ногъ копошились маленькіе, голые купидоны. Вильямъ неудержимо хохотала при видѣ этой картины. Скотъ смущенно представилъ ей своихъ питомцевъ. Это было довольно неприличное зрѣлище, но всякія приличія давно уже были оставлены въ пустынѣ.

— Какія они славныя,—одобрительно замѣтила Вильямъ.—У насъ теперь осталось всего двадцать пять младенцевъ. Женщины начинаютъ брать ихъ назадъ.

— Дѣти, значитъ, находятся на вашемъ попеченіи?

— Да, м-съ Джимъ и я завѣдуемъ этимъ дѣломъ. Намъ, однако, не пришли въ голову козы. Мы пробавлялись сгущеннымъ молокомъ и водой.

— Были у васъ смертные случаи?

— Столько, что не хочется и вспоминать о нихъ, — отвѣчала Вильямъ, содрогнувшись.—А у васъ?

Скотъ ничего не отвѣтилъ. На его пути было тоже много маленькихъ трупиковъ, многія матери рыдали, потерявъ дѣтей, которыхъ онѣ довѣрили заботамъ правительства.

Тутъ пришелъ Гаукинсъ съ бритвою въ рукахъ, на которую Скотъ посматривалъ съ завистью, потому что у него за это время успѣла отрости длинная борода. Они пошли обѣдать, и онъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ свою исторію, придавая ей характеръ официальнаго донесенія. М-съ Джимъ время отъ времени вздыхала, а Джимъ задумчиво покачивалъ головой; но Вильямъ не сводила своихъ сѣрыхъ глазъ съ гладковыбритаго лица Скота и, казалось, онъ говорилъ только ей одной. Щеки ея ввалились и пятно на лбу выступало яснѣе, чѣмъ когда-либо.

— Все это было страшно нелѣпо, — говорилъ Скотъ. — Дѣло въ томъ, что я не имѣлъ понятія ни о доеніи козъ, ни объ обращеніи съ грудными дѣтьми. Мнѣ просто проходу не будутъ давать, если объ этомъ узнаютъ въ городѣ.

— Пускай себѣ,—отвѣчала Вильямъ пренебрежительно.

— Мы всѣ работали, какъ кули съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхали сюда. Я знаю, что Джэмсъ тоже работалъ.

Это было сказано по адресу Гаукинса, и тотъ улыбнулся въ отвѣтъ.

— Вашъ братъ хорошій работникъ, Вильямъ,—сказалъ онъ,—и я далъ ему ту оцѣнку, которой онъ заслуживаетъ. Не забывайте, что официальные отчеты пишутся мною.

— Такъ ты долженъ написать тоже, что сама Вильямъ — настоящее золото,—сказала м-съ Джимъ. — Я просто не знаю, что бы мы безъ нея дѣлали.

Она ласково погладила руку Вильямъ, загрубѣвшую отъ работы. Джимъ съ улыбкою смотрѣлъ на нихъ. По его мнѣнію, дѣла шли довольно хорошо. Двое или трое совершенно ничего не понимающихъ чиновника во время умерли и были замѣнены хорошими работниками. До дождей оставалось уже не долго. Имъ удалось прекратить голодъ въ пяти округахъ, и, принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, смертность была не слишкомъ высока. Онъ внимательно осматривалъ Скота.

— Теперь онъ немного усталъ, — говорилъ онъ самому себѣ,—но онъ все-таки еще можетъ работать за двоихъ.

Тутъ онъ замѣтилъ, что м-съ Джимъ дѣлаетъ ему телеграфическіе знаки, и понялъ, что на условномъ языкѣ телеграмма ея гласитъ: «Дѣло ясно. Взгляни на нихъ».

Онъ взглянулъ и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. Вильямъ говорила: «Что можно ожидать отъ страны, гдѣ водовоза называютъ «тѣнни-кѣтчъ?»,—а Скотъ отвѣчалъ: «я все-таки буду очень радъ, когда снова поподу въ клубъ. Обѣщайте мнѣ первый вальсъ на Рождественскомъ балу, хорошо?».

— Отсюда очень далеко до Лауренца,—сказалъ Джимъ.—Я бы совѣтовалъ вамъ сегодня лечь пораньше, Скотъ. Завтра вамъ надо отвозить муку и придется начать грузить въ пять утра.

— Неужели же ты не дашь м-ру Скоту хоть одного дня отдыха?

— Я бы очень хотѣлъ это сдѣлать, Лиззи, но боюсь, что не могу. До тѣхъ поръ, пока онъ можетъ работать, мы должны пользоваться имъ.

— Ну что жъ, по крайней мѣрѣ я хоть одинъ вечеръ провелъ по-европейски,—сказалъ Скотъ.—Боже, я чуть не забылъ. Куда мнѣ теперь дѣвать своихъ ребятъ?

— Оставьте ихъ здѣсь,—сказала Вильямъ.—Мы возьмемъ ихъ на свое попеченіе. И оставьте намъ тоже нѣсколько козъ. Мнѣ нужно только выучиться доить ихъ.

— Если вы захотите встать завтра пораньше, я научу васъ. Мнѣ приходилось каждый день заниматься этимъ. Между прочимъ, у многихъ ребятъ шея обмотана тряпками или на нихъ надѣты бусы. Будьте осторожны и ни за что не снимайте ихъ, на случай, если вернутся матери...

— Вы забываете, что я уже имѣю нѣкоторую опытность.

— Ради Бога, берегите вы себя,—эти слова вырвались у Скота совсѣмъ другимъ голосомъ.

— Я буду беречь ее,—сказала м-съ Джимъ, уходя съ Вильямъ и на прощаніе отправляя мужу телеграмму въ сто словъ. Джимъ давалъ Скоту распоряженія относительно его будущей работы. Было очень поздно—почти девять часовъ.

— Джимъ, ты чудовищно-жестокъ,—говорила его жена въ тотъ же вечеръ, когда они остались наединѣ.

— Нисколько, дорогая. Я помню, какъ я самъ когда-то работалъ въ первомъ поселеніи Яндіяла, думая объ одной молодой дѣвицѣ въ кринолинѣ. Никогда я съ тѣхъ поръ такъ хорошо не работалъ. *Онъ* будетъ теперь работать, какъ чортъ.

— Все равно, ты могъ бы дать ему хоть одинъ день отдыха.

— И дать дѣлу разыграться сейчасъ же? Нѣтъ, дорогая. Теперь они переживаютъ свое лучшее время.

— Я думаю, оба они еще и не догадываются, что съ ними происходитъ.

— А она-то встанетъ завтра въ три часа, чтобы выучиться доить козу! Боже, и почему это всѣ люди должны старѣть и толстѣть?

— Она ужасно милая. Она такъ много помогала мнѣ...

— Помогала *тебѣ!* На другой же день, какъ она пріѣхала, она забрала все въ свои руки и ты очутилась у нея помощницей. Она командуетъ тобою почти такъ же, какъ ты командуешь мною.

— Она нисколько не командуетъ и за это-то я и люблю ее. Она очень хорошій человѣкъ,—такая же честная и прямая, какъ ея братъ.

— По моему, она выше своего брата. Тотъ всегда со всякимъ пустякомъ приходитъ за приказаніями. Но онъ тоже славный малый. Признаюсь, я питаю нѣкоторую слабость къ Вильямъ; и если бы у меня была дочь...

На этомъ разговоръ оборвался. Далеко въ Дерожатѣ была могила ребенка, умершаго болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, и ни Джимъ, ни его жена никогда не говорили о своей покойной дѣвочкѣ.

Прежде чѣмъ померкли звѣзды, Скотъ, спавшій въ телѣгѣ, проснулся и молча приступилъ къ доенію козъ. Было еще такъ рано, что ему не хотѣлось будить Фецъ-Уллаха и переводчика. Онъ былъ такъ поглощенъ работой, что не слышалъ приближенія Вильямъ и внезапно увидѣлъ ее возлѣ себя, въ ея старой амазонкѣ, съ заспанными глазами. Она держала въ рукахъ чашку чая и гренки. На землѣ около телѣгъ пищалъ грудной ребенокъ, и маленькій шестилѣтній мальчуганъ выглядывалъ изъ-за плеча Скота.

— Тише ты, пострѣленокъ,—говорилъ Скотъ, обращаясь къ мальчику.—Сейчасъ получишь ѣсть.

Вильямъ умѣлою рукою подняла ребенка и принялась поить его молокомъ.

— Здравствуйте,—привѣтствовалъ ее Скотъ.—Вы не можете себѣ представить, до чего эти пискуны бываютъ несносны.

— О, прекрасно могу.—Она говорила шопотомъ, потому что кругомъ всѣ спали.—Только я кормлю ихъ съ ложки или устраиваю нѣчто въ родѣ соски. Ваши гораздо толще моихъ. И вы продѣлывали это каждый день по два раза?

Голосъ ея почти замеръ.

— Да. Это было страшно нелѣпо. Попробуйте вы теперь,—сказалъ онъ, уступая свое мѣсто молодой дѣвушкѣ.—Начинайте смѣлѣе. Коза вѣдь не корова.

Коза сначала не давалась, почуявъ неопытную руку, но потомъ все обошлось благополучно. Вильямъ успѣла уже покормить троихъ ребятъ.

— Видите, какъ эти маленькіе негодяи славно пьютъ,—съ гордостью говорилъ Скотъ.—Я ихъ вымуштровалъ.

Оба были очень заняты и увлечены своимъ дѣломъ, и не успѣли оглянуться, какъ уже насталъ день; всѣ обитатели увидѣли ихъ на колѣняхъ около козъ, съ раскраснѣвшимися лицами, хотя то, что они говорили между собой, могло-бы быть повторено передъ цѣлымъ свѣтомъ.

— Какая досада, — говорила Вильямъ, поднимая съ земли чашку съ чаемъ и гренки. — Я велѣла приготовить для васъ чай, а онъ теперь сталъ холоднымъ, какъ камень. Я думала, что такъ рано еще нельзя будетъ получить. Лучше не пейте его: онъ совсѣмъ простылъ.

— Вы ужасно добры. Чай очень хорошъ. Право, вы ужасно добры. Я оставлю на ваше попеченіе своихъ ребятъ и козъ, и, конечно, каждая женщина здѣсь можетъ выучить васъ доенью

— Конечно,—сказала Вильямъ. Она сразу порозовѣла и похорошѣла за это утро.

Когда дѣти увидѣли, что Скотъ уѣзжаетъ, они подняли страшный ревъ. Скотъ не зналъ, что ему дѣлать, и краснѣлъ отъ стыда, потому что Гаукинсъ уже началъ обнаруживать нетерпѣнье, поворачиваясь на своемъ сѣдлѣ.

Одинъ маленькій мальчикъ вырвался изъ рукъ м-съ Джимъ, быстро какъ кроликъ, подбѣжалъ къ Скоту и прильнулъ къ его сапогу. Вильямъ бѣжала за нимъ въ догонку.

— Я не уйду, не уйду, — кричалъ мальчикъ, прижимаясь къ Скоту:—они меня здѣсь убьютъ. Я не знаю этихъ людей.

— Слушай меня,—убѣждалъ его Скотъ на ломанномъ тамильскомъ языкѣ,—я тебѣ говорю: она тебѣ не сдѣлаетъ зла. Иди съ ней, она будетъ кормить тебя.

— Пойдемъ со мной,—безпомощно говорила Вильямъ, но мальчикъ и слушать не хотѣлъ.

— Уходите,—быстро сказалъ ей Скотъ.—Я сейчасъ пришлю къ вамъ этого пострѣленка.

Его авторитетный тонъ оказалъ свое дѣйствіе, но довольно неожиданнымъ образомъ. Мальчикъ отпустилъ его ногу и проговорилъ серьезно: «Я не зналъ, что эта женщина—твоя. Я пойду съ ней».

Произошло общее смятеніе. Полицейскіе не могли удержаться отъ смѣха, а Скотъ, весь вспыхнувъ, быстро началъ отдавать приказанія возчикамъ.

Когда черезъ десять дней къ Гаукинсу пріѣхалъ Мартинъ и Вильямъ разсказала ему о подвигахъ Скота, тотъ покатился со смѣха и сказалъ: «Ну, конченное дѣло. Теперь онъ до конца дней своихъ будетъ Бакри-Скотомъ! (Бакри на сѣверномъ индійскомъ нарѣчіи значитъ коза). Я бы отдалъ свое мѣсячное жалованье, чтобы посмотрѣть, какъ онъ нянчился со своими козами. Я поилъ дѣтей рисовой водой, и у меня все шло прекрасно».

— Это просто отвратительно,—сказала его сестра, и глаза ея засверкали.—Человѣкъ дѣлаетъ нѣчто... нѣчто такое, а вы всѣ думаете только о томъ, чтобы дать ему какое-нибудь глупое прозвище и высмѣивать его.

— Ужъ кому бы говорить объ этомъ, да не тебѣ, Вильямъ. Ты сама всѣмъ давала прозвища. Какъ же онъ теперь выглядитъ?

— Очень хорошо,—отвѣчала Вильямъ сухо.

Когда Мартинъ вернулся на свою службу по желѣзной дорогѣ, онъ сообщилъ придуманное имъ прозвище сослуживцамъ, и оно распространилось по всей линіи и дошло до Скота, когда онъ пріѣзжалъ со своими телѣгами, нагруженными хлѣбомъ. Туземцы принимали это прозвище за какой-нибудь англійскій почетный титулъ и возчики хлѣба въ простотѣ душевной величали такимъ образомъ Скота, до тѣхъ поръ, пока Фецъ-Уллахъ не отколотилъ ихъ за это. Для доенія козъ у Скота теперь оставалось мало времени, но Джимъ примѣнилъ его планъ на всѣхъ продовольственныхъ пунктахъ, гдѣ цѣлыя стада козъ откармливались ненужными хлѣбными зернами. Хлѣба теперь пришло достаточно, чтобы прокормить всѣхъ; нужно было только какъ можно быстрѣе распредѣлять его; а для этой цѣли трудно было сыскать болѣе подходящаго человѣка, чѣмъ Скотъ, который никогда не терялъ самообладанія, никогда не давалъ ненужныхъ приказаній и въ точности исполнялъ приказанія свыше. Не теряя времени, онъ носился отъ одного продовольственнаго пункта къ другому, доставлялъ рисъ и ночью отправлялся дальше, къ слѣдующему продовольственному пункту, гдѣ его ожидала телеграмма отъ Гаукинса съ неизмѣнными словами: «Продолжайте то же самое». И онъ неуклонно продолжалъ разъѣзжать по всѣмъ пунктамъ въ то время, какъ Джимъ за пятьдесятъ верстъ отъ него отмѣчалъ на большой картѣ движеніе его телѣгъ, колесившихъ по голодающимъ селеніямъ.

— Я говорилъ тебѣ, что онъ будетъ работать,—заявлялъ Джимми своей женѣ, по прошествіи шести недѣль.—Посмотри, Лиззи, вотъ сколько онъ надѣлалъ за одну недѣлю: 40 миль, пройденныхъ за два дня съ двѣнадцатью телѣгами; два дня остановки, чтобы построить баракъ для молодого Роджерса (этотъ идіотъ, Роджерсъ, могъ бы и самъ его построить). Потомъ 40 миль обратно, на пути нагрузка шести телѣгъ и раздача хлѣба, которая заняла все воскресеніе. Вечеромъ онъ пишетъ мнѣ оффиціальный отчетъ въ 20 страницъ, въ которомъ сообщаетъ, что мѣстное населеніе съ успѣхомъ могло бы взяться за «общественныя работы» и что онъ уже заставилъ ихъ поправить какой-то старый резервуаръ, чтобы обезпечить снабженіе водой во время дождей. Онъ думаетъ, что за одну недѣлю они смогутъ смастерить плотину. Посмотрите на эти рисунки—неправдали, какъ они хороши и отчетливы? Я зналъ, что онъ молодецъ, но долженъ сказать, что онъ превзошелъ мои ожиданія.

— Я должна показать это письмо Вильямъ,—сказала м-съ Джимъ.—Дѣвочка совсѣмъ извелась съ этими ребятишками.

— Не болѣе, чѣмъ ты, дорогая. Я очень сожалѣю, что не въ моей власти представить васъ обѣихъ къ ордену.

Эту ночь Вильямъ долго сидѣла въ своей палаткѣ, читая страницу за страницей оффиціальнаго отчета и разглядывая рисунки предполагаемыхъ усовершенствованій въ резервуарѣ.

— И онъ находитъ еще время на все это,—говорила она себѣ.— А я... ну что жъ, я тоже работала, я спасла жизнь одного или двухъ бэби.

Вскорѣ Скотъ былъ переведенъ въ новый округъ, и м-съ Джимъ, говоря объ этомъ съ Вильямъ, замѣтила:

— Когда онъ поѣдетъ въ Канду, онъ будетъ проѣзжать въ пяти миляхъ отъ насъ. Навѣрное, онъ тогда заѣдетъ.

— О нѣтъ, я увѣрена, что онъ этого не сдѣлаетъ,—отвѣчала Вильямъ.

— Почему вы думаете, дорогая?

— Это отвлечетъ его отъ работы. У него не будетъ времени.

— Онъ пріѣдетъ,—сказала м-съ Джимъ, подмигнувъ мужу.

— Это всецѣло зависитъ отъ него,—вставилъ свое слово Джимъ.— Если онъ найдетъ это удобнымъ, то нѣтъ рѣшительно никакой причины, почему бы ему этого не сдѣлать.

— Онъ не пріѣдетъ,—спокойно повторила Вильямъ.

— Это было бы совсѣмъ на него не похоже.

Предсказаніе ея сбылось: Скотъ не заѣхалъ.

Наконецъ, выпали дожди—запоздавшіе, но сильные. Высохшая земля превратилась въ красную грязь; дороги размыло и никто не могъ двинуться съ мѣста, кромѣ самого Гаукинса, который, не взирая на бездорожье, сѣлъ на лошадь и отправился въ путь, радуясь дождямъ. Теперь нужно было раздавать населенію сѣмена для посѣва и деньги для покупки воловъ. Бѣлымъ людямъ приходилось работать вдвойнѣ; Вильямъ, перескакивая съ камня на камень по грязной дорогѣ, ходила лѣчить своихъ питомцевъ, растирала имъ животики и давала согрѣвающее питье. Козы бродили кругомъ и подъѣдали молодую травку. Отъ Скота не было никакихъ извѣстій, кромѣ правильныхъ телеграфическихъ сношеній съ Гаукинсомъ. Первобытныя деревенскія дороги совсѣмъ исчезли; возчики его начинали бунтоваться; одинъ изъ полицейскихъ отряда Мартина умеръ отъ холеры, а Скотъ принималъ по 30 гранъ хины, чтобы предохранить себя отъ лихорадки, которая является вслѣдствіе тяжелой работы во время дождей. Но обо всемъ этомъ онъ не считалъ нужнымъ сообщать Гаукинсу. Онъ попрежнему работалъ надъ развозкой хлѣба отъ желѣзной дороги по округу въ 15 миль радіуса; и такъ какъ перевозить полныя телѣги теперь было немыслимо, онъ перевозилъ ихъ въ четыре раза и, слѣдовательно, работалъ вчетверо больше, потому что боялся эпидеміи и не хотѣлъ допускать скопленія нѣсколькихъ тысячъ людей на одномъ продовольственномъ пунктѣ. Лучше было брать буйволовъ, заставлять ихъ идти до полнаго изнеможенія и затѣмъ оставлять ихъ на дорогѣ на съѣденіе воронамъ.

Въ головѣ у Скота стоялъ непрерывный звонъ отъ огромныхъ порцій хины и ему часто казалось, что земля колышется подъ ногами, но онъ не падалъ духомъ. Если Гаукинсъ рѣшилъ сдѣлать изъ него простого возчика хлѣба, то это уже было дѣло Гаукинса. Онъ зналъ,

что на Сѣверѣ найдутся люди, которые скажутъ, что напрасно онъ такъ надрывался, и что, въ сущности, никакой особенной пользы онъ не принесъ; но высоко надъ всѣми ими, въ самомъ пылу борьбы стояла Вильямъ, которая одобряла его, потому что она понимала. Онъ такъ дисциплинировалъ себя, что механически исполнялъ всю ежедневную рутину, хотя его собственный голосъ уже казался ему страннымъ и руки дрожали, когда онъ писалъ свои донесенія Гаукинсу. Наконецъ, съ величайшимъ трудомъ онъ добрался до телеграфа и сталъ телеграфировать Гаукинсу, что, по его мнѣнію, округъ Канда теперь обезпеченъ продовольствіемъ, и что онъ ждетъ его дальнѣйшихъ распоряженій. Написавши телеграмму, онъ къ великому удивленію мадрасскаго телеграфнаго чиновника, упалъ въ обморокъ.

Скотъ уже нѣсколько дней лежалъ въ лихорадкѣ, когда къ нему заглянулъ Гаукинсъ. Больной узналъ его.

— Въ округѣ все обстоитъ благополучно,— заговорилъ онъ слабымъ голосомъ.—Вы получили мою телеграмму? черезъ недѣлю я буду здоровъ. Не понимаю, съ чего это со мной случилось. Черезъ недѣлю все пройдетъ.

— Вы поѣдете теперь къ намъ,—сказалъ Гаукинсъ.

— А какъ-же здѣсь...

— Здѣсь все кончается. Мартинъ вернется домой черезъ недѣлю. Другіе уже вернулись. Долженъ сказать, что Виль... я хочу сказать миссъ Мартинъ, отлично работала.

— Какъ она поживаетъ?—спросилъ Скотъ почти шепотомъ.

— Она была страшно занята, когда я уѣзжалъ. Католическая миссія беретъ на себя покинутыхъ дѣтей и будетъ воспитывать изъ нихъ священниковъ; Базильская миссія тоже беретъ нѣсколькихъ, а большая часть возвращается къ матерямъ. Вы бы слышали, какой вой подняли эти малыши, когда ихъ отбирали отъ Вильямъ. Она немного устала за это время, какъ впрочемъ и всѣ мы. Ну-съ, какъ вы думаете, когда вамъ можно ѣхать?

— Я не могу ѣхать къ вамъ въ такомъ видѣ. Я ни за что не поѣду,—отвѣчалъ Скотъ рѣшительно.

— По правдѣ сказать, видъ у васъ довольно не блестящій, но я имѣю нѣкоторыя основанія думать, что тамъ вамъ будутъ рады во всякомъ видѣ. Если хотите, впрочемъ, то я дня два останусь здѣсь и посмотрю, что вы тутъ сдѣлали, пока вы немного оправитесь.

Черезъ нѣсколько дней они ѣхали обратно по желѣзной дорогѣ, но поѣздъ уже не осаждался болѣе толпами голодныхъ людей, не видно было костровъ, временныя постройки пустовали.

— Съѣздите теперь къ моей женѣ,—сказалъ Джимъ, когда они подъѣхали къ станціи.— Вамъ тамъ приготовили палатку. Обѣдъ будетъ въ семь часовъ Тотда мы съ вами увидимся.

Подъѣзжая къ пункту, Скотъ увидѣлъ Вильямъ въ своей неизмѣнной коричневой коленкоровой амозонкѣ. Она сидѣла около обѣденной.

палатки, блѣдная и худая, съ гладко зачесанными волосами. М-съ Джимъ не было видно, и все, что Вильямъ могла выговорить, было:

— Боже, на что вы стали похожи!

— У меня была лихорадка. Вы тоже тоже не особенно хорошо выглядите.

— О, я совсѣмъ здорова. Мы покончили свои дѣла и пристроили дѣтей. Вы, вѣроятно, знаете?

Скотъ кивнулъ головой.

— Мы всѣ вернемся черезъ нѣсколько недѣль. Гаукинсъ сказалъ мнѣ.

— До Рождества, говоритъ м-съ Джимъ. Неправда ли, какъ хорошо будетъ вернуться домой? Я ужъ отсюда слышу запахъ лѣса,—Вильямъ вздохнула. — Мы пріѣдемъ какъ разъ во время, чтобы сдѣлать всѣ рождественскія приготовленія.

— Какъ все это кажется далеко—домъ, и рождество, и проч. Вы довольны, что пріѣхали сюда?

— Теперь, когда все прошло, да. Но здѣсь было страшно тяжело. Знаете, намъ приходилось смотрѣть на всѣ эти ужасы, и ничего не дѣлать, а сэръ Джимъ почти все время былъ въ разъѣздахъ.

— Ничего не дѣлать! А какъ у васъ шло дѣло съ доеніемъ?

— Я справлялась кое-какъ, послѣ того, какъ вы научили меня.

Разговоръ оборвался. М-съ Джимъ все еще не показывалась.

— Между прочимъ, я только сейчасъ вспомнила, что должна вамъ 50 рупій за сгущенное молоко. Я думала, что, можетъ быть, вы заѣдете сюда по дорогѣ въ Канду и собиралась тогда расплатиться съ вами, но вы не заѣхали.

— Я проѣхалъ почти въ пяти миляхъ отъ вашего пункта. Это было на полъ-пути и телѣги ежеминутно останавливались, я еле справился съ ними къ 10 часамъ вечера. Но мнѣ страшно хотѣлось заѣхать. Вѣдь вы знали, какъ мнѣ этого хотѣлось?

— Знала,—сказала Вильямъ, взглядывая на него изъ подлобья. Блѣдность ея исчезла.

— Вы поняли?

— Почему вы не заѣхали? Конечно, поняла.

— Почему-же?

— Конечно, потому что вы не могли. Я это знала.

— А вамъ было жаль?

— Если бы вы заѣхали—я знала, что вы не заѣдете,—но еслибы вы всетаки заѣхали, я была-бы очень рада. Вѣдь вы тоже знали, что я была бы рада.

— Благодарю Бога, что я этого не зналъ. Но мнѣ такъ хотѣлось заѣхать! Я не могъ оставить телѣги, иначе онѣ бы страшно запоздали.

— Я знала, что вы не оставите своего дѣла,—сказала Вильямъ спокойно.—Вотъ ваши 50 рупій.

Скотъ наклонился и поцѣловалъ руку, передававшую ему засаленные

кредитные билеты. Вильямъ смущенно погладила другой рукой его волосы.

— И вѣдь вы тоже знали, правда?— спросила она новымъ голосомъ.

— Клянусь вамъ честью, я не зналъ. Я не смѣлъ даже подозрѣвать, исключая... скажите мнѣ, вы никуда не ѣздили верхомъ въ тотъ день, когда я ѣхалъ въ Канду?

Вильямъ съ улыбкой кивнула головой.

— Значитъ, я видѣлъ клочокъ вашей амазонки на...

— Въ пальмовой рощѣ на южной дорогѣ? Я видѣла кончикъ вашей шапки, когда вы проѣзжали мимо храма—и убѣдилась, что, значитъ, вы здоровы.

На этотъ разъ Скотъ уже не поцѣловалъ ея руки, а обнялъ ее, и когда она убѣжала въ свою палатку, онъ остался одинъ и на лицѣ его появилась широкая, идіотическая улыбка. Но когда Фецъ-Улахъ принесъ ему напиться, руки его такъ дрожали, что онъ чуть было не расплескалъ всего стакана «виски съ содой». Бываютъ разнаго рода лихорадки.

Но еще гораздо труднѣе было поддерживать натянутый, ежеминутно прерывающійся разговоръ за обѣдомъ до тѣхъ поръ, пока прислуга не удалилась. Тогда м-съ Джимъ, которая готова была расплакаться уже за супомъ, поцѣловала Скота и Вильямъ, и въ честь жениха и невѣсты была выпита бутылка шампанскаго,—теплаго, потому что негдѣ было достать льду, а потомъ они вдвоемъ сидѣли на воздухѣ передъ палаткой и смотрѣли на звѣзды.

Когда м-съ Джимъ поздравляла ее, Вильямъ заявила:

— Быть женихомъ и невѣстой — ужасно несносно, потому что не имѣешь опредѣленнаго положенія. Я очень рада, что намъ еще осталось столько дѣла.

— Столько дѣла!—замѣтилъ Джимъ, когда эти слова были ему переданы.—Теперь оба они уже ни на что больше не годятся. Я не могу добиться отъ Скота пяти часовъ работы въ день. Онъ все время въ облакахъ.

— Но на нихъ такъ пріятно смотрѣть, Джимъ. Я просто не могу подумать о томъ, что придется съ ними разстаться. Неужели ты ничего не можешь для него сдѣлать?

— Я постарался дать понять правительству, что онъ одинъ вынесъ на своихъ плечахъ почти всю работу. Но онъ-то стремится только къ тому, чтобы быть назначеннымъ на Люнійскій каналъ, и Вильямъ мечтаетъ о томъ-же. Слышала ты, какъ они разговариваютъ о доковыхъ воротахъ, о выпускныхъ трубахъ и пр. Вѣроятно, это его манера ухаживанья.

— Это только въ промежуткахъ,—сказала м съ Джимъ, улыбаясь.— Дай имъ Богъ счастія.

Л. Давыдова.

ВЬЮГА.

Стонетъ и мечется вьюга,
Темная ночь холодна.
Сжавъ на груди своей руки,
Молча стою у окна.

Теплится кротко лампада,
Въ комнатѣ сумракъ нѣмой...
Этой угрюмою ночью
Что-то творится со мной.

Слышу я чьи-то рыданья,
Кто-то мнѣ шепчетъ укоръ,
Чей-то горитъ предо мною
Нѣжный и ласковый взоръ.

Эти рыданья я слышалъ
Часто въ отчизнѣ своей
Средь городовъ и селеній,
Средь позабытыхъ полей.

Знаю укоръ этотъ жгучій,—
Много загублено силъ.
Помню я взоръ этотъ нѣжный,—
Долго его я любилъ.

Ночь и зловѣщая вьюга
Душу терзаютъ мою.
Я у окна молчаливо
Съ грустною думой стою.

С. Яхонтовъ.

КАИНЪ И АРТЕМЪ.

Каинъ былъ маленькій, юркій еврей, съ острой головой, съ желтымъ худымъ лицомъ; на скулахъ и подбородкѣ у него росли кустики рыжихъ жесткихъ волосъ и лицо смотрѣло изъ нихъ точно изъ старой, растрепанной плюшевой рамки, верхней частью которой служилъ козырекъ грязнаго картуза.

Изъ-подъ козырька и рыжихъ, точно выщипанныхъ, бровей—сверкали маленькіе сѣрые глазки. Они очень рѣдко останавливались по-долгу на одномъ предметѣ, но всегда быстро бѣгали изъ стороны въ сторону и всюду сѣяли улыбки—робкія, заискивающія, льстивыя.

Каждый, кто видѣлъ эти улыбки,—сразу понималъ, что основное чувство человѣка, который такъ улыбается—боязнь за все и предъ всѣми, боязнь, черезъ секунду готовая повыситься до ужаса. И поэтому каждый, если ему было не лѣнь, усиливалъ злыми насмѣшками и щелчками это всегда напряженное чувство еврея, пропитавшее собою не только его нервы, но, казалось, и складки парусиновой одежды, которая, облекая отъ плечъ до пятъ его костлявое тѣло, тоже вѣчно трепетала.

Имя еврея было Хаимъ Ааронъ Пурвицъ, но его звали Каинъ. Это проще, чѣмъ Хаимъ, это имя болѣе знакомо людямъ и въ немъ есть много оскорбительнаго. Хотя оно и не шло къ маленькой, испуганной и слабосильной фигуркѣ, но всѣмъ казалось, что оно вполнѣ точно рисуетъ тѣло и душу еврея и въ тоже время обижаетъ его.

Онъ жилъ среди людей, обиженныхъ судьбой, а для нихъ всегда пріятно обидѣть ближняго, и они умѣютъ дѣлать это, ибо пока только такъ они могутъ мстить за себя. А обижать Каина было легко; когда надъ нимъ издѣвались, онъ только виновато улыбался, а порой даже самъ помогалъ смѣяться надъ собой, какъ бы платя впередъ своимъ обидчикамъ за право существовать среди нихъ.

Жилъ онъ торговлей, конечно. Онъ ходилъ по улицамъ съ деревяннымъ ящикомъ на груди и сладенькимъ, тонкимъ голосомъ кричалъ:

— Вак—ша! Спичкэ! Булавкэ! Шпилькэ! Голантегейнаго товаг—у. Разный мьелкій товаг—у.

Еще одна характерная черта — уши у него были большія, оттопыренныя и они постоянно прядали, какъ у пугливой лошади.

Торговалъ онъ на Шиханѣ, въ мѣстности, гдѣ отложилась городская голь и рвань—разные „забракованные люди". Шиханъ представляетъ собою узкую улицу, застроенную старыми, угрюмыми, высокими домами; въ нихъ помѣщались ночлежки, трактиры, хлѣбопекарни, лавки съ бакалеей, старымъ желѣзомъ и разной рухлядью — ихъ населяли воры и пріемщики краденаго, мелкіе торгаши и торговки съѣстнымъ. Въ этой улицѣ всегда было много тѣни отъ высокихъ домовъ, много грязи и пьяныхъ; лѣтомъ въ ней всегда стоялъ густой запахъ гніенія и перегорѣлой водки. Солнце, точно боясь осквернить свои лучи ея грязью, только раннимъ утромъ осторожно и не надолго заглядывало въ эту улицу.

Она расположилась по склону горы, недалеко отъ берега большой рѣки, и постоянно была полна судорабочими, матросами съ пароходовъ, крючниками. Они тутъ пьянствовали и наслаждались по своему, и тутъ же, въ укромныхъ уголкахъ, воры дожидались ихъ опьяненія. Около тротуаровъ улицы стояли корчаги торговокъ пельменями, лотки пирожниковъ и торговцевъ печенкой. Толпы рабочаго люда съ рѣки жадно пожирали горячую пищу, пьяные дико пѣли пѣсни и ругались, продавцы звонко зазывали покупателей, хваля свои товары; грохотали телѣги, съ трудомъ пробираясь сквозь группы людей, толпившихся въ улицѣ, покупающихъ или продающихъ, въ ожиданіи работы или удачи. Хаосъ звуковъ вихремъ носился въ узкой, какъ стоячая канава, улицѣ, разбиваясь о грязныя стѣны ея зданій, словно изъязвленныя, потому что штукатурка ихъ выкрошилась, покрытая пятнами плѣсени.

Въ этой канавѣ, полной кипящей грязи, полной оглушающаго шума и циничныхъ рѣчей, всегда шныряли и возились дѣти,— дѣти всѣхъ возрастовъ, но одинаково грязныя, голодныя и развращенныя. Они бѣгали тутъ съ утра до вечера, существуя насчетъ доброты торговокъ и ловкости своихъ маленькихъ рукъ, а ночью спали гдѣ-нибудь въ сторонѣ—подъ воротами, подъ ларемъ пирожника, въ углубленіи подвальнаго окна. Съ разсвѣтомъ эти тощія жертвы рахитизма и скрофулеза уже были на ногахъ, чтобы снова воровать вкусные и цѣнные куски пищи и выпрашивать негодные для продажи. Чьи это были дѣти? Всѣхъ... Вотъ въ этой улицѣ изо дня въ день и бродилъ Каинъ, выкрикивая свои товары и продавая ихъ женщинамъ улицы. Онѣ занимали у него на нѣсколько часовъ двугривенный съ обязательствомъ уплатить двадцать двѣ копѣйки и всегда аккуратно платили.

Вообще, у Каина были въ улицѣ большія дѣла: онъ покупалъ у загулявшихъ рабочихъ рубахи, картузы, сапоги и гармоніи, у женщинъ—юбки, кофты, грошевыя украшенія, потомъ промѣнивалъ эти вещи или продавалъ ихъ съ гривенникомъ барыша. И ежечасно подвергался насмѣшкамъ, побоямъ, а иногда его даже обирали. Онъ не жаловался на все это, а лишь улыбался своими трагически кроткими улыбками.

Бывало, захваченный въ одномъ изъ темныхъ угловъ улицы двумя-тремя молодцами, доведенными голодомъ или похмѣльемъ до готовности хоть на убійство, еврей, сбитый на землю кулакомъ или ужасомъ, сидѣлъ у ногъ своихъ грабителей и, трепещущій, судорожно роясь въ карманахъ, умолялъ ихъ:

— Господа-а! Добрые господа! Не берите всѣхъ... Какъ буду торговать?

И худое лицо его все дрожало отъ безчисленныхъ улыбокъ.

— Ну, не пищи! Давай только тридцать копѣекъ... Эти добрые господа хорошо понимали, что не слѣдуетъ вырывать у коровы все вымя для того, чтобъ достать молока.

Случалось, онъ вставалъ съ земли и шелъ рядомъ съ ними по улицѣ, балагуря и улыбаясь, они тоже снисходительно разговаривали и посмѣивались надъ нимъ и всѣ держали себя просто и открыто. Каинъ же послѣ такого событія казался еще болѣе худымъ и—только.

Съ кагаломъ, онъ должно, быть жилъ не въ ладу. Очень рѣдко видѣли его рядомъ съ единовѣрцемъ и всегда было замѣтно, что единовѣрецъ относится къ Каину свысока и презрительно. Былъ въ улицѣ слухъ, будто бы на Каина наложенъ „херемъ“ и одно время уличныя торговки называли его проклятымъ...

Едва ли это было вѣрно, хотя за Каиномъ и водились несомнѣнные признаки еретичества—онъ не соблюдалъ субботъ и употреблялъ въ пищу „кошерное“ мясо. Къ нему приставали, прося и требуя объяснить, какъ онъ смѣлъ ѣсть то, что запрещено его вѣрой?—Онъ сжимался въ комокъ, улыбался и отшучивался или убѣгалъ, никогда ничего не разсказывая о вѣрѣ и обычаяхъ евреевъ.

Даже несчастныя дѣтишки этой улицы преслѣдовали его, бросая ему въ ящикъ и спину комья грязи, корки арбузовъ и всякую дрянь. Онъ старался остановить ихъ ласковыми словами, но чаще убѣгалъ отъ нихъ въ толпу, куда они не шли за нимъ, боясь, что тамъ ихъ растопчутъ.

Такъ день за днемъ жилъ Каинъ, всѣмъ знакомый и всѣми гонимый,—онъ торговалъ, дрожалъ отъ страха и улыбался, и вотъ однажды судьба тоже улыбнулась ему...

* * *

Въ каждомъ уголкѣ жизни есть свой деспотъ. На Шиханѣ эту роль игралъ красавецъ Артемъ, колоссальный дѣтина съ правильно-круглой головой въ густой шапкѣ кудрявыхъ черныхъ волосъ. Эти мягкіе волосы причудливыми кольцами сыпались ему на лобъ, спускаясь до прелестныхъ бархатныхъ бровей и огромныхъ карихъ глазъ, продолговатыхъ и всегда подернутыхъ какой-то маслянистой влагой. Носъ у него былъ прямой, антично-правильный, губы красныя, сочныя, прикрытыя большими черными усами,—все его круглое, чистое и смугловатое лицо было на диво правильное и просто красиво, а эти глаза, подернутые туманомъ, очень шли къ нему, какъ бы дополняя и объясняя его красоту. Широкогрудый, высокій и стройный, всегда съ безсознательно довольной улыбкой на губахъ, онъ былъ на Шиханѣ грозой мужчинъ и радостью женщинъ. Бо́льшую часть дня онъ проводилъ лежа гдѣ-нибудь на солнечномъ припекѣ, массивный, лѣнивый, впивающій воздухъ и солнечный свѣтъ медленными вздохами, отъ которыхъ его могучая грудь вздымалась высоко и ровно.

Ему было лѣтъ двадцать пять. Года три тому назадъ онъ явился въ городъ съ артелью крючниковъ — промзинцевъ *) и послѣ навигаціи остался зимовать, понявъ, что можетъ и не работая пріятно жить на средства своей силы и красоты. И вотъ съ той поры онъ превратился изъ деревенскаго парня и крючника въ любимца торговокъ пельменями, лавочницъ—и иныхъ женщинъ Шихана. Этотъ родъ занятій позволялъ ему имѣть пищу, водку и табакъ всегда, когда онъ желалъ, больше онъ ничего не умѣлъ желать и такъ жилъ.

Женщины ругались изъ за него, дрались, на замужнихъ сплетничали мужьямъ, мужья и возлюбленные жестоко били ихъ,— Артемъ былъ равнодушенъ ко всему этому, онъ грѣлся на солнцѣ, потягиваясь, какъ котъ, и ждалъ, когда въ немъ зародится одно изъ немногихъ доступныхъ ему желаній.

Обыкновенно онъ лежалъ на горѣ, въ которую упиралась улица. Тутъ прямо предъ собой онъ видѣлъ рѣку, за ней, вплоть до горизонта, широко разстилались луга, кое-гдѣ на ихъ ровномъ зеленомъ коврѣ лежали сѣрыя пятна—это деревни. Тамъ—всегда тихо, ясно, зелено... А повернувъ голову влѣво, онъ видѣлъ свою улицу отъ начала до конца, въ ней кипѣла шумная жизнь; всматриваясь въ ея темную суету, онъ различалъ фигуры знакомыхъ людей, слышалъ голодный ревъ улицы и, можетъ быть, думалъ о чемъ-нибудь. Вокругъ него, по горѣ, росъ густой бурьянъ, торчали одиноко чахлыя березы, обломанные кусты бузины, — тутъ

*) Промзино село Симбирской губ.. откуда выходятъ на Волгу лучшіе, т. е. сильнѣйшіе крючники.

золоторотцы переживали похмѣлье и играли въ карты, чинили платье или отдыхали отъ работы и дракъ.

Среди нихъ Артемъ былъ на дурномъ счету. Онъ былъ неодолимо силенъ и часто озорничалъ, а потомъ очень ужъ легко онъ добывалъ свой хлѣбъ. Это возбуждало зависть; и къ тому же онъ рѣдко дѣлился съ кѣмъ либо своей добычей. Вообще, товарищескія чувства въ немъ были не развиты и онъ не тяготѣлъ къ общенію съ людьми. Если къ нему приходили и начинали говорить съ нимъ, онъ отвѣчалъ охотно, но самъ не начиналъ разговора; если у него просили денегъ на похмѣлье—онъ давалъ, но по собственному почину никогда не угощалъ знакомыхъ. А среди нихъ вошло въ обычай каждую добытую копѣйку пропивать и проѣдать въ компаніи.

Сюда, въ кусты, къ Артему являлись посланники любви—въ видѣ оборванной и чумазой дѣвочки изъ улицы или такого же чумазаго мальчика. Это очень юные люди, лѣтъ семи-восьми, рѣдко десяти, но они всегда проникнуты сознаніемъ глубокой важности возложеннаго на нихъ порученія, говорятъ они въ полголоса и всегда на ихъ рожицахъ мина таинственности...

— Дяденька Артемъ, тетка Марья велѣла тебѣ сказать, что мужъ-то у нея уѣхалъ, такъ чтобы ты сегодня нанялъ лодку, да въ луга бы съ ней поѣхалъ...

— Та-акъ,—лѣниво тянетъ Артемъ и его прекрасные глаза мутно улыбаются.

— Непремѣнно, чтобы...

— Могу... А... вотъ что... это—какая она, тетка-то Марья?

— Лавочница, чай,—укоризненно говоритъ посланецъ.

— Лавошница... н-да? Это — которая рядомъ съ желѣзной лавкой?

— Чай рядомъ-то съ желѣзной лавкой Анисья Николавна... что ужъ!

— Ну-ну, я, братъ, вѣдь знаю... Я вѣдь это такъ... Для шутки говорю!.. будто позабылъ... а вѣдь я Марью знаю.

Но посланецъ не увѣренъ въ этомъ: онъ хочетъ хорошо исполнить свое порученіе и настоятельно объясняетъ Артему:

— Марья—это которая маленькая, румяная, рядомъ съ рыбой...

— Ну-ну!.. которая рядомъ съ рыбой. Вотъ! Чудашка ты!.. вѣдь я развѣ спутаю? Ладно, скажи ей, Марьѣ — ѣду. Ѣдетъ молъ. Иди!

Тогда посланецъ корчитъ сладчайшую рожу и тянетъ:

— Дяденька Артемъ, дай копѣечку!

— Копѣечку? А коли нѣту ея?—говоритъ Артемъ, засовывая обѣ руки разомъ въ карманы своихъ шароваровъ. И всегда на-

ходитъ какую-нибудь монету. Радостно усмѣхаясь, посланецъ мчится возвѣстить влюбленной печеночницѣ объ исполненномъ порученіи и съ нея тоже получитъ награду. Онъ знаетъ цѣну денегъ и нуждается въ нихъ не только потому, что голоденъ, но и потому, что онъ куритъ папиросы, пьетъ водку и имѣетъ свои маленькія сердечныя дѣла. На другой день послѣ такой сценки Артемъ еще болѣе чѣмъ всегда недоступенъ впечатлѣніямъ бытія и еще болѣе красивъ своей рѣдкой красотой могучаго, но смирнаго животнаго. Такъ тянулось это сытое, почти безсознательное существованіе, спокойное, несмотря на многое множество ревнивцевъ, ревнивицъ и завистниковъ, спокойное потому, что оно охранялось страшной силой Артемова кулака.

Но иногда, въ карихъ глазахъ красавца сгущалось что-то грозное, темное; его бархатныя брови сурово сдвигались и смуглый лобъ разрѣзывала глубокая морщина. Онъ вставалъ и шелъ изъ своего логовища въ улицу и чѣмъ ближе онъ подходилъ къ ея суетѣ, тѣмъ болѣе округлялись зрачки его глазъ и чаще вздрагивали тонкія ноздри. На лѣвомъ плечѣ у него виситъ желтая куртка изъ крестьянскаго сукна, правое покрыто рубахой и сквозь неё видно, какое это могучее плечо. Сапогъ онъ не любилъ и ходилъ всегда въ лаптяхъ; бѣлыя онучи, красиво перекрещенные оборами, рельефно обрисовывали икры его ногъ. Шелъ онъ медленно, какъ большая грозовая туча...

Улица знаетъ его повадки и уже по лицу видитъ, чего ей можно ждать отъ него. Раздается предупреждающій шепотъ:

— Артемъ идетъ!..

И красавцу торопливо очищаютъ дорогу, отодвигая въ сторону лотки съ товарами, котлы и корчаги съ горячимъ, заискивающе улыбаются ему, кланяются... и всѣ его боятся. Онъ же идетъ среди этихъ знаковъ вниманія къ нему и боязни предъ его силой, идетъ угрюмый, молчаливый и уже дико-прекрасный, какъ большой звѣрь.

Вотъ его нога задѣваетъ за лотокъ съ рубцомъ, печенкой, легкимъ и все это летитъ на грязную мостовую. Торговецъ отчаянно вскрикиваетъ и ругается.

— А ты что стоишь на дорогѣ?—спокойно, но зловѣще спрашиваетъ Артемъ.

— Какая тебѣ, быку, тутъ дорога?—воетъ торговецъ.

— А ежели я тутъ хочу идти?

Подъ скулами Артема вздуваются большіе желваки и глаза у него—какъ раскаленные до красна гвозди. Торговецъ видитъ это и бормочетъ:

— Узка тебѣ улица-то...

Артемъ медленно двигается дальше. Торговецъ идетъ въ трак-

тиръ, беретъ тамъ кипятку, моетъ въ немъ свой товаръ и черезъ пять минутъ снова кричитъ на всю улицу:

— Пиченка, лехко, серце, горяче! Матросъ! Иди на починѣ— языкъ за пятакъ отрѣжу! Тетка! Купи горло! Кому нужно сердце горяче? Пичонка, лехко!

Волнуется гулъ голосовъ и тяжелый запахъ гнили, водки, пота, рыбы, дегтя, луку.

Люди расхаживаютъ по мостовой, мѣшая двигаться лошадямъ, кричатъ, торгуются, смѣются. Высоко надъ ними—голубая лента неба, мутная отъ пыли и грязи, поднятой на воздухъ этой улицей, въ которой даже тѣни отъ домовъ кажутся сырыми и пропитанными грязью...

— Галантерейнаго товаг—у! Ниткэ! Иголкэ!—возглашаетъ Каинъ, слѣдя за Артемомъ, страшнымъ для него болѣе чѣмъ для другихъ.

— Пироги со грушей, покупай, да кушай!—звонко заливается молодая пирожница.

— Луку, зеленаго луку-у!.. вторитъ ей другая.

— Ква-асъ! Ква-асъ! сипло квакаетъ низенькій и толстый старикъ съ краснымъ лицомъ, сидя въ тѣни кадки своего товара.

А человѣкъ, извѣстный въ улицѣ подъ страннымъ прозвищемъ Дранаго Жениха, продаетъ какому-то судорабочему грязную, но крѣпкую рубаху со своего плеча и убѣдительно кричитъ ему:

— Ду-убина! Гдѣ ты купишь за двугривенный такую парадную вещь? Вѣдь въ такой рубахѣ—купчиху сватать можно! Съ милліонами—чо-ортъ!

Вдругъ сквозь общій дикій, но гармоничный ревъ и вой прорѣзывается звенящая нота дѣтскаго голоса:

— Подай-те Хри-ста ра-ди копѣ-ечку... си-ро-тѣ оди-нокому... ни отца нѣту, ни матери...

Странно и чуждо всему звучитъ въ этой улицѣ имя Христа.

— Артюша! Поди-ка сюда! — ласково восклицаетъ бойкая солдатка Дарья Громова, торгующая пельменями:—гдѣ ты пропадаешь? что насъ забываешь?

— Много продала?—спокойно спрашиваетъ Артемъ и легкимъ толчкомъ ноги опрокидываетъ ея товаръ. Пельмени желтые и скользкіе ползутъ по камнямъ мостовой и отъ нихъ идетъ паръ, а Дарья, готовая драться, яростно кричитъ:

— Безстыжіе твои зенки! Гра-абитель! Какъ тебя земля-то носитъ, верблюдъ ты астраханскій!

Надъ ней хохочутъ, всѣ знаютъ, что она проститъ это Артему.

А онъ все такъ же медленно двигается дальше, толкая всѣхъ, налѣзая на людей грудью, наступая имъ на ноги. И впереди него быстро, какъ змѣя, ползетъ предостерегающій шепотъ:

— Артемъ идетъ!

Въ этихъ двухъ словахъ даже тотъ, кто впервые слышитъ ихъ, чувствуетъ угрозу себѣ и уступаетъ Артему дорогу, посматривая на мощную фигуру красавца съ любопытствомъ и осторожностью.

Вотъ Артемъ встрѣчаетъ одного изъ знакомыхъ босяковъ. Они здороваются и Артемъ такъ сжимаетъ своей желѣзной лапой руку знакомаго, что тотъ кричитъ отъ боли и ругается. Тогда Артемъ сжимаетъ ему пальцами плечо или какъ-нибудь иначе причиняетъ ему боль и молча, спокойно наблюдаетъ, какъ человѣкъ стонетъ и охаетъ подъ его рукой, задыхается отъ боли и шепчетъ:

— Пусти, палачъ!.. проклятый!..

Но палачъ неумолимъ, какъ судья.

Каинъ тоже не рѣдко попадалъ въ жестокія руки Артема, который игралъ имъ, какъ любопытный ребенокъ букашкой.

Это своеобразное и непонятное поведеніе силача называлось на Шиханѣ „Артюшкинъ выходъ“. Оно создавало ему массу враговъ, но они не могли сломить его чудовищной силы, хотя и пробовали. Такъ однажды подобрались семеро здоровыхъ молодцовъ, одобренные всей улицей, они рѣшили поучить и усмирить Артема. Двое изъ нихъ очень дорого заплатили за эту попытку, остальные отдѣлались легко. Другой разъ лавочники—оскорбленные мужья—порядили знаменитаго городского силача-мясника, не разъ выходившаго побѣдителемъ изъ борьбы съ атлетами-циркистами. Мясникъ взялся за крупное вознагражденіе избить Артема до полусмерти. Ихъ свели и Артемъ, никогда не отказывавшійся драться „по охотѣ“, вышибъ мяснику руку изъ ключницы и ударомъ „подъ душу“ уложилъ его на мѣстѣ безъ сознанія. Эти факты еще выше подняли престижъ Артемовой силы и, конечно, еще болѣе создали ему враговъ.

А онъ по-прежнему продолжалъ свои „выходы“, сокрушая все и всѣхъ на своемъ пути. Какія чувства выражалъ онъ такъ? Быть можетъ, это была месть городу и порядкамъ его жизни со стороны человѣка полей и лѣсовъ, оторвавшагося отъ своей почвы; быть можетъ, онъ смутно чувствовалъ, какъ городъ губитъ его, заражая своимъ ядомъ его тѣло и душу, и, чувствуя это, онъ такъ боролся съ роковой силой, порабощавшей его. Его „выходы“ заканчивались иногда въ участкѣ, гдѣ полиція относилась къ нему лучше, чѣмъ къ другимъ людямъ изъ Шихана, удивляясь его баснословной силѣ, забавляясь ею и зная, что онъ—не воръ и не способенъ быть воромъ—глупъ для этого. Но чаще послѣ „выхода“ Артемъ шелъ въ какой-нибудь притонъ и тамъ его брала на свое попеченіе одна изъ женщинъ, влюбленныхъ въ него. Послѣ своихъ подвиговъ онъ былъ мраченъ и капризенъ, въ глазахъ у него

сгущалось что-то дикое и неподвижностью своей физіономіи онъ походилъ на идіота. Какая-нибудь промасленная до мозга костей торговка, ядреная баба, бальзаковскаго возраста, ухаживала за нимъ съ видомъ собственницы этого звѣря и съ чувствомъ страха предъ нимъ.

— Можетъ пивка заказать еще пару, Артюша? Али наливочки какой? А покушать ты не желаешь ли чего? И что-й-то ты у меня сегодня такой не удалой...

— Отвяжись!..—глухо говорилъ Артемъ, и она на нѣсколько минутъ переставала суетиться около него, а потомъ снова принималась спаивать красавца, ибо она уже знала, что трезвый Артемъ былъ скупъ на ласки.

И вотъ судьбѣ, часто слишкомъ шутливой, угодно было, чтобы этотъ человѣкъ и Каинъ однажды столкнулись...

* * *

Случилось это такъ.

Однажды послѣ „выхода“ и обильной пирушки, сопровождавшей его, Артемъ со своей дамой, пошатываясь, шелъ къ ней въ гости узкимъ и пустыннымъ переулкомъ подгородной слободки. Его ждали тутъ. Нѣсколько человѣкъ бросились на него и тотчасъ же сбили его съ ногъ. Ослабленный виномъ, онъ защищался плохо и тогда эти люди чуть ли не въ продолженіи цѣлаго часа вымещали на немъ безчисленныя обиды, понесенныя отъ него. Спутница Артема убѣжала, ночь была темна, мѣсто пустынно—у нихъ были всѣ удобства для полнаго разсчета съ Артемомъ, и они дѣйствовали, не щадя своихъ силъ. А когда, уставшіе, они кончили, на землѣ лежало два неподвижныхъ тѣла—одно красавца Артема, а другое человѣка, имя которому было Красный Козелъ.

Посовѣтовавшись, что имъ дѣлать съ этими тѣлами, молодцы рѣшили: Артема спрятать подъ старую, разбитую ледоходомъ, бѣляну, лежавшую на берегу рѣки кверху дномъ, а Краснаго Козла, который стоналъ, взять съ собой.

Когда Артема потащили по землѣ къ берегу, онъ очнулся отъ боли, но, догадавшись, что положеніе мертваго теперь для него выгоднѣе, молчалъ, сдерживая боль. Его тащили, ругали и хвастались другъ предъ другомъ ударами, нанесенными силачу. Артемъ слышалъ, какъ Мишка Вавиловъ говорилъ товарищамъ, что онъ все норовилъ бить Артема пинками подъ лѣвую лопатку, чтобы разорвалось сердце. А Сухоплюевъ разсказывалъ, что онъ билъ все по животу, потому что если испортить человѣку кишки, ѣда ему не пойдетъ на пользу, и сколько бы онъ ни ѣлъ—силы у него не будетъ. Ломакинъ тоже заявилъ, что онъ два раза вспрыгивалъ ногами на животъ Артему. Такъ же блистательно отличились и всѣ другіе, о чемъ они, хвастаясь, говорили все время, пока не

пришли къ бѣлянѣ и не засунули подъ нее Артема. Онъ слышалъ всѣ ихъ рѣчи и слышалъ, какъ они, уходя, всѣ единогласно рѣшили, что теперь уже ему, Артему,— не встать на ноги.

Вотъ онъ остался одинъ, во тьмѣ, на кучѣ сырого мусора, набросаннаго подъ бѣляну въ половодье волнами рѣки. Ночь была свѣжая, майская и эта свѣжесть то и дѣло возвращала Артему сознаніе. Но когда онъ пробовалъ сползти къ рѣкѣ, онъ снова падалъ въ обморокъ отъ страшной боли во всемъ тѣлѣ. И снова приходилъ въ себя, терзаемый болью, томимый страшной жаждой. Рѣка какъ бы дразнила его безсиліе, тихо плескаясь о берегъ гдѣ-то тутъ, близко къ нему. Всю ночь онъ провелъ въ этомъ положеніи, боясь стонать и двигаться.

Но однажды, очнувшись, онъ почувствовалъ, что съ нимъ случилось что-то хорошее, очень облегчившее его боли. Онъ съ трудомъ могъ открыть одинъ глазъ и едва шевелилъ разбитыми опухшими губами. Былъ день, потому что чрезъ щели барки проникли подъ нее лучи солнца, они создали вокругъ Артема мглу... Потомъ кое-какъ онъ поднялъ руку къ лицу и ощупалъ на немъ мокрыя тряпки. Тряпки же лежали на груди у него и на животѣ. Онъ былъ совершенно раздѣтъ и холодъ уменьшалъ его муки.

— Пить бы...—выговорилъ онъ, смутно догадываясь, что около него долженъ быть кто-то. Дрожащая рука протянулась черезъ его голову и въ ротъ ему сунули горлышко бутылки. Бутылка плясала въ рукѣ подававшаго ее и била Артема по зубамъ. Выпивъ воды, Артемъ захотѣлъ узнать, кто тутъ около него, но попытка повернуть голову не удалась ему, вызвавъ боль въ шеѣ. Тогда, хрипя и заикаясь, онъ началъ говорить.

— Водки... въ нутро бы стаканъ... И снаружи вытереть... Тогда бы я... всталъ чай...

— Вста-ать? Вы не можете встать. Вы же весь синій и пухлый, какъ утопленникъ... А водка—это можно, водка есть... я имѣю цѣлую бутылку водки...

Говорили тихо, робко и очень быстро. Артемъ зналъ этотъ голосъ, но не помнилъ, кому онъ принадлежитъ, которой изъ женщинъ.

— Давай,—сказалъ онъ.

И опять кто-то, очевидно избѣгавшій его глазъ, протянулъ ему бутылку сзади черезъ голову, Артемъ, съ усиліемъ глотая водку, смотрѣлъ однимъ глазомъ въ сырое и черное днище бѣляны, поросшее грибами.

Когда онъ отпилъ болѣе четверти бутылки, онъ вздохнулъ глубоко и облегченно и съ хрипомъ въ груди заговорилъ слабымъ голосомъ, лишеннымъ оттѣнковъ:

— Чисто меня отдѣлали... Но погоди... встану я. Встану... Тогда—держись...

Ему не отвѣчали, но онъ слышалъ шорохъ — точно кто-то отскочилъ отъ него — и затѣмъ стало тихо, только волны плескали, да гдѣ-то далеко пѣли „дубинушку“ и ухали,—должно быть, тащили тяжелую вещь. Потомъ пронзительно взвизгнулъ свистокъ парохода— взвизгнулъ, оборвался и черезъ нѣсколько секундъ мрачно загудѣлъ, точно навсегда прощался съ землей... Артемъ долго ждалъ отклика на свои слова, но подъ бѣляной было тихо, и ея тяжелое днище, пропитанное зеленоватой гнилью, висѣло и качалось надъ его головой, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, точно хотѣло съ размаха упасть на него и раздавить его на смерть.

Артему стало жалко себя. Весь онъ вдругъ проникся яснымъ сознаніемъ своей почти дѣтской безпомощности и вмѣстѣ съ тѣмъ ему стало обидно за себя. Его, такого сильнаго, такого красиваго и такъ изувѣчили, обезобразили!.. Слабыми руками онъ началъ ощупывать ссадины и опухоли на лицѣ и груди у себя, а потомъ съ горечью выругался и заплакалъ. Онъ всхлипывалъ, шмыгалъ носомъ, тоскливо ругался и еле двигая вѣками, выжималъ ими слезы, наполнявшія его глаза. Онѣ, крупныя и горячія, лились по его щекамъ, текли ему въ уши... и онъ чувствовалъ, что отъ слезъ внутри его какъ бы что-то прочищается.

— Ладно!.. Погодите!..— бормоталъ онъ сквозь рыданія.

И вдругъ услышалъ, что гдѣ-то близко и точно передразнивая его—тоже раздаются заглушаемыя рыданія и шепотъ.

— Кто это?—грозно спросилъ онъ, хотя ему было страшно чего-то.

Ему не отвѣтили на вопросъ.

Тогда, собравъ всѣ силы, Артемъ повернулся на бокъ, звѣремъ зарычалъ отъ боли, приподнялся на локти и увидалъ во мглѣ маленькую фигурку, сжавшуюся въ комокъ у борта бѣляны. Обнявъ свои колѣна длинными и тонкими руками, этотъ человѣкъ прижалъ къ нимъ голову, а его плечи дрожали. Артему показалось, что это подростокъ—парнишка...

— Иди сюда!—сказалъ онъ.

Но тотъ не послушался, продолжая трястись, какъ въ лихорадкѣ. У Артема отъ боли и страха предъ этой фигурой помутилось въ глазахъ и онъ завылъ.

— Иди-и!

Въ отвѣтъ ему посыпался цѣлый градъ дрожащихъ, торопливыхъ словъ.

— Что же я вамъ сдѣлалъ худого? За что вы на меня кричите? Развѣ я не вымылъ васъ водой и не напоилъ, и не далъ вамъ водки? Не плакалъ я, когда вы плакали, и не было больно

мнѣ, когда вы стонали? О, Богъ мой и Господь мой! Даже и доброе мое только муки несетъ мнѣ! Что я сдѣлалъ худого душѣ вашей или тѣлу вашему? Что могу я сдѣлать вамъ худого—я! я! я!

И оборвавъ свою рѣчь тремя воплями, этотъ человѣкъ замолчалъ, схватился за голову руками и сталъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, сидя на землѣ.

— Каинъ? Это... ахъ ты!

— Ну и что? Это я...

— Ты? Ну-у! Все это—ты тутъ? Аяй! Ты поди сюда. Ну... чудакъ ты!

Артемъ растерялся отъ неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ, что въ немъ вспыхнула какая-то радость. Онъ засмѣялся даже, когда увидалъ, какъ еврей на четверенькахъ, робко ползетъ къ нему, и какъ учащенно, боязливо мигаютъ маленькіе глазки на смѣшномъ лицѣ, давно знакомомъ Артему.

— Смѣло иди! Ей Богу, не трону!—счелъ онъ нужнымъ ободрить еврея.

Каинъ подползъ къ его ногамъ, остановился и сталъ смотрѣть на нихъ съ такой боязливой и просительной улыбкой, точно ждалъ, что онѣ растопчутъ его истощенное страхомъ тѣло.

— Ну!.. вотъ такъ ты! И все это ты дѣлалъ? Кто тебя прислалъ— Анѳиса? — допрашивалъ Артемъ, едва ворочая языкомъ.

— Я самъ пришелъ!

— Са-амъ? Врешь!

— Я не вру, не вру!—быстро зашепталъ Каинъ. — Я самъ пришелъ—пожалуйста повѣрьте мнѣ! Я разскажу, какъ я пришелъ. Вотъ слушайте—я узналъ объ этомъ въ Грабиловкѣ... Я пью чай и слышу: Артема ночью забили до смерти. Я не вѣрю—пхэ! Развѣ можно васъ и забить до смерти? Я посмѣиваюсь себѣ. О, думаю, глупые люди! Этотъ человѣкъ—какъ Самсонъ, и кто изъ васъ можетъ одолѣть его? Но они все приходятъ и говорятъ: забили, забили! И ругаютъ васъ и смѣются... Всѣ рады... и я повѣрилъ. И узналъ, что вы—тутъ... Уже приходили сюда смотрѣть на васъ и говорили, что мертвый вы... Я пошелъ и пришелъ и увидѣлъ васъ... вы стонали, когда я стоялъ тутъ. Я думалъ, видя васъ—самаго сильнаго человѣка въ свѣтѣ—вотъ убили его!.. такая сила, такая сила. Мнѣ стало, извините меня, жалко васъ! Я подумалъ, что нужно омыть васъ водой... и сдѣлалъ такъ, а вы отъ этого стали оживать... Я обрадовался этому... охъ! какъ я радъ былъ этому... вы не вѣрите мнѣ, да? Потому что—я жидъ? да? Но, нѣтъ, вы повѣрьте... я скажу вамъ, почему я обрадовался и что думалъ... я скажу правду... вы не разсердитесь на меня?

— Вотъ-те крестъ!.. убей меня громъ!—съ силой побожился избитый красавецъ.

Каинъ подвинулся еще ближе къ нему и еще понизилъ свой голосъ.

— Вы знаете, какъ хорошо мнѣ жить? Вы знаете это, да? Развѣ, извините,—я не терпѣлъ отъ васъ побоевъ? И развѣ вы не смѣялись надъ пархатымъ жидомъ? Что? Это правда? а! Вы извините мнѣ мою правду, вы поклялись. Не сердитесь! Я только говорю, что вы, какъ и всѣ прочіе люди, гоняли жида... За что, а? Развѣ жидъ не сынъ Бога вашего и не одинъ Богъ далъ душу вамъ и ему?

Каинъ торопился, бросалъ вопросъ за вопросомъ, не ожидая отвѣтовъ на нихъ; въ немъ вдругъ заклокотали всѣ тѣ слова, которыми онъ отмѣчалъ въ своемъ сердце нанесенныя ему обиды и оскорбленія; ожили въ немъ всѣ они, и вотъ лились изъ его сердца горячимъ каскадомъ. Артему было неловко предъ нимъ.

— Слышь, Каинъ,—глухо сказалъ онъ,—брось это! Я тебя... ежели я тебя пальцемъ теперь трону... или кто другой—разобью въ куски! Понялъ?

— Ага!—торжествуя вскричалъ Каинъ и даже чмокнулъ языкомъ.—Вотъ! Вы предо мной виноваты... извините! Не разсердитесь на меня за то, что знаете, что виноваты предо мной! Я говорю, вы виноваты, но вѣдь я знаю, о! я знаю, вы меньше другихъ виноваты!.. я понимаю это! Всѣ они только на меня плюютъ своей скверной слюной—вы же на меня и на всѣхъ ихъ! Вы многихъ обижали хуже, чѣмъ меня... Я тогда думалъ—вотъ этотъ сильный человѣкъ бьетъ и оскорбляетъ меня не за то, что я жидъ, а за то, что я—какъ всѣ они, не лучше ихъ и среди ихъ несу свою жизнь. И... я всегда со страхомъ любилъ васъ. Я смотрѣлъ на васъ и думалъ, что и вы можете разорвать пасть льва и избить филистимлянъ... Вы били ихъ... и я любилъ смотрѣть, какъ вы дѣлали это... И мнѣ тоже хотѣлось быть сильнымъ... но я, какъ блоха...

Артемъ хрипло засмѣялся.

— Вотъ ужъ вѣрно—какъ блоха!..

То, что говорилъ ему Каинъ, онъ почти не понималъ, но ему было пріятно видѣть около себя маленькую фигурку еврея. И подъ возбужденный полушепотъ Каина въ немъ медленно слагались свои думы:

— Сколько теперь часовъ? Чай, поди-ка, около полудня. А ни одна, небось, не идетъ навѣстить мила друга... А вотъ жидъ пришелъ... помогъ, говоритъ—люблю, а я его обижалъ, бывало... силу хвалитъ... Вернется ли она? Господи, кабы вернулась!

Тяжело вздыхая, Артемъ представлялъ себѣ своихъ враговъ, избитыхъ имъ и вотъ такъ же опухшихъ, какъ онъ. И они такъ же,

какъ онъ, будутъ валяться безъ силъ гдѣ нибудь... но къ нимъ придутъ свои, товарищи, а не жидъ...

Артемъ взглянулъ на Каина и ему показалось, что отъ думъ у него въ горлѣ и во рту стало горько. Онъ сплюнулъ и тяжко вздохнулъ.

А Каинъ все говорилъ, страшно возбужденный, съ перекошеннымъ отъ волненія лицомъ и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— И когда вы заплакали—я тоже заплакалъ... Такъ жалко сдѣлалось мнѣ вашу силу...

— А я думаю, кто это дразнится?—угрюмо усмѣхнулся Артемъ.

— Я всегда любилъ вашу силу... И я молилъ Бога—Предвѣчный Богъ нашъ на небѣ и на землѣ и въ выси небесъ отдаленныхъ! Пусть будетъ такъ, что я буду нуженъ этому сильному человѣку! Пусть я заслужу предъ нимъ и да обратится сила его въ защиту мнѣ! Пусть за нее я буду сохраненъ отъ гоненій на меня и гонители мои да погибнутъ отъ силы этой! Такъ я молился... и долго такъ просилъ я Господа моего, пусть Онъ создастъ мнѣ защитника изъ сильнѣйшаго врага моего, какъ Онъ далъ въ защитники Мордохею царя, побѣдившаго всѣ народы... И вотъ вы плакали, и я плакалъ... и вдругъ вы закричали на меня и молитвы мои пропали...

— Да развѣ я зналъ... чудакъ ты,—виновато усмѣхнулся Артемъ.

Но Каинъ едва ли слышалъ его слова. Онъ раскачивался, взмахивалъ руками и все шепталъ страстнымъ шепотомъ, въ которомъ звучали и радость, и надежда, и обожаніе силы этого изувѣченнаго человѣка, и страхъ, и тоска.

— Наступилъ мой день и вотъ я одинъ около васъ... Всѣ бросили васъ, а я пришелъ... Вѣдь вы выздоровѣете, Артемъ? Это не опасно вамъ? И воротится къ вамъ ваша сила?

— Подымусь... не крушись... А тебя за доброту буду беречь, какъ малаго ребенка...

Артемъ чувствовалъ, что понемногу ему становится лучше, тѣло ноетъ меньше и въ головѣ яснѣе. Нужно заступиться за Каина передъ людьми—что въ самомъ дѣлѣ? Вонъ онъ какой добрый и открытый,—прямо все говоритъ, по душѣ. Подумавъ такъ, Артемъ вдругъ улыбнулся—давно уже его томило какое-то неопредѣленное желаніе и вотъ теперь онъ понялъ его.

— А вѣдь это я ѣсть хочу. Ты бы, Каинъ, добылъ чего поѣсть?

Каинъ вскочилъ на ноги такъ быстро, что едва не ударился о копани бѣляны. Лицо его положительно преобразилось—что-то сильное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣтски ясное явилось въ немъ. Артемъ, этотъ сказочный силачъ, проситъ ѣсть у него, Каина!

*

— Я сдѣлаю вамъ все, все! Оно уже есть, вотъ тутъ, въ углу!... я припасъ... я знаю. Когда кто боленъ, онъ долженъ ѣсть... ну, да! И я, когда шелъ сюда, то истратилъ цѣлый рубль.

— Сосчитаемся! Я те десять отдамъ... Мнѣ вѣдь это можно... не свои у меня. Скажу—дай! И дастъ...

И онъ добродушно засмѣялся, а Каинъ при этомъ смѣхѣ еще болѣе просіялъ и тоже захихикалъ.

— Я знаю... Вы скажите, что вы хотите? Я все сдѣлаю, все!

— А... видишь ты... ужъ коли такъ... то вытри ты меня водкой? Ѣсть не давай, а сначала вытри... можешь ты?

— А почему не могу? Какъ лучшій докторъ сдѣлаю!

— Вали! Потрешь меня, я и встану...

— Вста-анете? Охъ, нѣтъ, не можете вы встать!

— Я те покажу, какъ я не могу! Здѣсь, что ли я ночевать-то буду? Чудило ты... А ты вотъ вытри меня, да и бѣги-ка въ слободу къ пирожницѣ Мокѣвнѣ... И скажи ей, что я къ ней въ сарай переберусь на житье... постлала бы тамъ соломы, что ли. У нея я отлежусь... вотъ! За все про все я тебѣ заплачу... ты не сумлѣвайся!

— Я вѣрю, — говоритъ Каинъ, наливая водки на грудь Артема,—я вѣрю вамъ больше, чѣмъ себѣ... Ахъ, я знаю васъ!

— У-у! Три, три... Ничего, что больно... три знай! А-а-а! Вотъ, вотъ, вотъ...—рычалъ Артемъ.

— Я пойду для васъ и утоплюсь...—объяснялся Каинъ.

— Такъ, такъ, такъ... Плечо-то, плечо валяй... Ахъ, чертп! Какъ разутюжили! А все баба виновата. Не будь бабы, былъ бы я трезвъ... а къ трезвому ко мнѣ—сунься-ко!

Каинъ, входя въ роль слуги, объявилъ:

— О женщины! Это—всѣ грѣхи міра... у насъ, евреевъ, есть даже такая утренняя молитва: Благословенъ Ты, Предвѣчный Боже нашъ, Царь вселенной, за то, что не сотворилъ меня женщиной...

— Ну? Неужто?—воскликнулъ Артемъ.—Такъ-таки прямо и молитесь Богу? Ишь вѣдь вы какіе... Что же она, баба? Она только глупая... а безъ нея нельзя... Но чтобы такъ ужъ, даже Богу молиться... это не тово... обидно вѣдь ей, бабѣ-то! Она тоже чувствуетъ...

Онъ лежалъ неподвижный и огромный—еще болѣе увеличенный опухолями, а Каинъ, маленькій и хрупкій, задыхаясь отъ усилій, возился около него, изо всей силы растирая ему бока, грудь, животъ,—возился и кашлялъ отъ запаха водки.

По берегу рѣки то и дѣло проходили люди, слышался говоръ и шаги. Бѣляна лежала надъ песчанымъ обрывомъ, болѣе сажени

высотой, и сверху ее было видно только съ самаго края обрыва. Отъ рѣки ее отдѣляла узкая полоса песку, забросанная щепками и разнымъ мусоромъ. Подъ нею было еще грязно. Но сегодня она возбуждала въ людяхъ большой интересъ. Каинъ и Артемъ замѣтили, что около нея то и дѣло проходятъ, садятся на ея дно, стучатъ ногами въ борта... На Каина это дурно подѣйствовало. Онъ пересталъ говорить и, молча ерзая около Артема, пугливо и жалобно улыбался.

— Вы слушаете?..

— Слышу,—довольно усмѣхнулся силачъ.—Понимаю... хотятъ сообразить, скоро ли я буду снова въ силѣ... тоже, вѣдь имъ надо это знать... чтобы ребра припасти свои... Ха, ха! Черти! Обидно имъ, чай, что не издохъ я... Работишка-то ихъ даромъ пропала...

— А знаете что?—зашепталъ ему на ухо Каинъ, съ миной ужаса и предостереженія на своемъ лицѣ.— Знаете? Вотъ я уйду и вы останетесь одинъ... а они тогда придутъ къ вамъ и... и...

Артемъ раскрылъ ротъ и выпустилъ изъ груди цѣлый залпъ хриплаго смѣха.

— Ахъ ты... фигура?! Такъ ты думаешь—это они тебя, что ли боятся? Ахъ ты!..

— А! Но я могу быть свидѣтелемъ.

— Они тебѣ дадутъ тумманку!.. ха, ха, ха! Вотъ ты и свидѣтельствуй!.. на томъ свѣтѣ.

Страхъ Каина былъ разогнанъ смѣхомъ Артема, и мѣсто страха въ узкой, ввалившейся груди еврея заняла твердая и радостная увѣренность. Теперь его, Каинова, жизнь пойдетъ иной чредой, теперь у него есть мощная рука, которая всегда отведетъ отъ него удары и несправедливости людей, безнаказанно изстязавшихъ его...

Прошло около мѣсяца времени.

Однажды въ полдень, часъ, когда жизнь на Шиханѣ принимаетъ особенно напряженный характеръ, сгущается и вскипаетъ, когда торговцевъ съѣстнымъ окружаютъ толпы пристанскихъ—и судовыхъ рабочихъ съ пустыми желудками и громкими требованіями ѣды, и вся улица наполняется теплымъ запахомъ варенаго испорченнаго мяса,—въ этотъ часъ кто-то въ полголоса крикнулъ:

— Артемъ идетъ!..

Нѣсколько оборванцевъ, праздно толкавшихся въ улицѣ, ожидая случая чѣмъ-нибудь поживиться, быстро исчезли куда-то. Обыватели Шихана съ тревогой и любопытствомъ искоса и изъ подлобья стали смотрѣть въ ту сторону, откуда раздавалось предостереженіе.

Артема давно ждали съ глубокимъ интересомъ, горячо обсуждая, каковъ-то онъ появится?

Какъ и раньше, Артемъ шелъ среди улицы, шелъ своей обыкновенной медленной походкой сытаго человѣка, дѣлающаго прогулку. Въ его наружности не было ничего новаго. Какъ всегда, пиджакъ висѣлъ у него на одномъ плечѣ, картузъ былъ надѣтъ на бекрень... и черныя кудри разсыпались по лбу, какъ всегда. Большой палецъ правой руки онъ заткнулъ за поясъ, лѣвая рука была глубоко засунута въ карманъ шароваръ и грудь богатырски выпячивалась впередъ. Только его красивое лицо стало какъ бы осмысленнѣе—это всегда бываетъ послѣ болѣзни. Онъ шелъ и отвѣчалъ на привѣтствія и поклоны лѣнивыми кивками головы.

Вся улица провожала его взглядами и тихимъ шепотомъ изумленія и восхищенія предъ этой несокрушимой силой, выдержавшей такъ легко побои. Много въ улицѣ было людей, говорившихъ объ его выздоровленіи со злобой: они презрительно ругали тѣхъ, что не сумѣли отбить легкія и сломать ребра Артему. Вѣдь не можетъ быть такого человѣка, котораго нельзя было бы изувѣчить до смерти!.. А другіе съ удовольствіемъ строили предположенія о томъ, какъ силачъ расправится съ Краснымъ Козломъ и его товарищами. Но сила обаятельна тѣмъ болѣе, чѣмъ крупнѣе она, и большинство находилось подъ вліяніемъ Артемовой силы.

А Артемъ уже вошелъ въ „Грабиловку"—клубъ Шихана.

Когда его высокая и мощная фигура явилась на порогѣ трактира, въ длинной и низкой комнатѣ съ кирпичнымъ, сводчатымъ потолкомъ, гостей было немного. При видѣ Артема среди нихъ раздались два-три восклицанія, родилось какое-то суетливое движеніе и кто-то шарахнулся въ дальній уголъ этого склепа, сырого, прокопченнаго дымомъ махорки, пропитаннаго грязью и плѣсенью.

Не обращая ни на кого вниманія, Артемъ медленно обвелъ глазами трактиръ и на ласковое привѣтствіе буфетчика Савки Хлѣбникова отвѣтилъ вопросомъ:

— Каинъ не былъ?

— Долженъ скоро быть... Его время близко...

Артемъ подошелъ къ столу у одного изъ оконъ съ желѣзными рѣшетками, спросилъ себѣ чаю и, положивъ на столъ свои громадныя руки, равнодушно осмотрѣлъ публику. Въ трактирѣ было человѣкъ десять, все золоторотцы; они сбились въ кучку около двухъ столовъ и оттуда наблюдали за Артемомъ. Когда же глаза ихъ встрѣчались съ глазами красавца, наблюдатели смущенно и заискивающе улыбались, очевидно, желая вступить въ бесѣду съ Артемомъ, но тотъ смотрѣлъ на нихъ тяжело и угрюмо.

И всѣ молчали, не рѣшаясь заговорить съ нимъ. Хлѣбниковъ, возясь за буфетомъ, напѣвалъ что-то подъ носъ себѣ и лисьими глазами посматривалъ вокругъ.

Съ улицы въ окна лился гулкій шумъ, влетали рѣзкія ругательства, божба, выкрики торговцевъ. Гдѣ-то близко, съ дребезгомъ свалились бутылки, разбиваясь о камни мостовой. Артему стало скучно сидѣть въ этомъ душномъ погребѣ...

— Ну, вы волки, — вдругъ громко и медленно заговорилъ онъ,—вы чего присмирѣли? Пялятъ зенки и молчатъ...

— Можемъ и говорить, ваша грозность! — сказалъ Драный Женихъ, вставая и идя къ Артему.

Это былъ тощій человѣкъ въ парусиновой куртКѣ и солдатскихъ штанахъ, лысый, остробородый, съ маленькими, красными глазами, ехидно прищуренными.

— Хворалъ ты, говорятъ?—спросилъ онъ, усаживаясь противъ Артема.

— Ну?

— Ничего... Не видать было долго... Спросишь—а гдѣ Артемъ? Говорятъ, заболѣть изволилъ...

— Такъ... Ну?

— Еще ну? Поѣдемъ дальше... Что у тебя болѣло-то?

— А ты не знаешь?

— Развѣ я тебя лѣчилъ?

— Все врешь вѣдь, собака,—усмѣхнулся Артемъ.—И зачѣмъ врешь? Вѣдь знаешь правду?

— Знаю...—сказалъ Женихъ, тоже усмѣхаясь.

— Такъ чего же врешь-то?

— Стало быть такъ умнѣе...

— Умнѣе. Эхъ ты!.. огарокъ!

— Да... вѣдь скажи тебѣ правду то, такъ ты пожалуй и разсердишься...

— Наплевать мнѣ на тебя!

— И на томъ спасибо! А ты съ выздоровленьемъ водкой меня не угостишь?

— Спроси...

Женихъ спросилъ полбутылки водки и оживился.

— Экая у тебя жизнь легкая, Артемъ!.. Всегда есть деньги...

— Ну, такъ что?

— Ничего... Выручаютъ тебя бабы... проклятыя!

— А на тебя и не смотрятъ.

— Намъ гдѣ ужъ. У насъ не такія ноги, чтобы ходить по твоей дорогѣ,—вздохнулъ Женихъ.

— Потому, баба любитъ здороваго человѣка. Ты что? А я—чистый человѣкъ, вотъ что...

Въ такомъ тонѣ Артемъ постоянно бесѣдовалъ съ золоторотцами. Его равнодушный, лѣнивый и густой голосъ придавалъ особую силу и тяжесть его словамъ, и всегда они были грубы и обидны. Быть можетъ, онъ чувствовалъ, что эти люди во многомъ хуже его, но во всемъ и всегда умнѣе.

...Явился Каинъ съ ящикомъ своихъ товаровъ на груди и съ желтымъ ситцевымъ платьемъ, переброшеннымъ черезъ лѣвую руку. Сдавленный обычнымъ ему чувствомъ страха, онъ всталъ въ дверяхъ, вытянулъ шею и съ безпокойной улыбкой оглянулъ внутренность трактира, но, увидавъ Артема, весь просіялъ радостью. Артемъ смотрѣлъ на него и широко улыбался, шевеля губами.

— Айда ко мнѣ!—крикнулъ онъ Каину и, обращаясь къ Жениху, насмѣшливо приказалъ ему:

— А ты пошелъ прочь... Дай человѣку мѣсто...

Рыжая, щетинистая рожа Жениха на моментъ одеревенѣла отъ удивленія и досады; онъ медленно поднялся со стула, посмотрѣлъ на товарищей, изумленныхъ не менѣе его, на Каина, безшумно и осторожно подходившаго къ столу... и вдругъ озлобленно плюнулъ на полъ.

— Тьфу!

Послѣ чего медленно и молча ушелъ за свой столъ, гдѣ тотчасъ же раздался глухой шопотъ, въ которомъ были ясно слышны ноты насмѣшки и злобы. Каинъ все улыбался растерянно, радостно и въ то же время искоса и съ тревогой скашивалъ глаза въ сторону обиженнаго Жениха и его компаніи.

А Артемъ добродушно говорилъ ему:

— Ну, давай чай пить что ли, купецъ... Пирога надо купить— будешь пирогъ ѣсть? Ты чего туда глядишь?.. А ты плюнь на нихъ, не бойся... Ну ка, вотъ я имъ проповѣдь скажу...

Онъ всталъ, движеніемъ плечъ сбросилъ куртку на полъ и подошелъ къ столу недовольныхъ. Высокій и мощный, выпячивая впередъ грудь, разминая плечи и всячески кичась своей силой, онъ стоялъ предъ ними съ усмѣшкой на губахъ, а они, замеревъ въ сторожкихъ позахъ, молчали, готовые бѣжать отъ него.

— Ну...—началъ Артемъ,—что вы урчите?

Ему хотѣлось сказать что нибудь страшно сильное, но словъ не было у него и онъ остановился...

— Глаголь сразу!—махнулъ рукой Драный Женихъ, скрививъ губы. — А то лучше, отстань отъ насъ на всѣ четыре стороны, богова дубина!..

— Молчи! — повелъ бровями Артемъ... — Озлился... зазорно тебѣ, что я съ жидомъ дружбу веду, а тебя прогналъ... Я всѣмъ вамъ говорю —онъ лучше васъ, жидъ-то! Потому въ немъ доброта къ человѣку есть... а у васъ нѣту ея... Онъ только замученный...

а вотъ теперь я беру его подъ свою руку... и ежели какая-нибудь кикимора изъ вашего брата обидитъ его—держись тогда! Прямо говорю—не бить, а мучить буду...

У него дико вспыхнули глаза, жилы на шеѣ вздулись и ноздри задрожали.

— Что побили меня пьянаго — это мнѣ нипочемъ! Силы мнѣ не убавили, только сердце пуще ожесточили... Такъ и знайте! А за Каина, за всякое обидное слово ему, вступлюсь и прямо на смерть буду увѣчить. Такъ всѣмъ и скажите...

Онъ вздохнулъ во всю грудь, точно тяжесть съ себя сбросилъ и, повернувшись къ нимъ спиной, пошелъ прочь...

— Здорово пущено!—въ полголоса воскликнулъ Драный Женихъ и скорчилъ унылую рожу, глядя, какъ Артемъ усаживается противъ Каина.

Каинъ сидѣлъ за столомъ, блѣдный отъ волненія, и не отводилъ отъ Артема расширенныхъ глазъ, полныхъ чувства, неизъяснимаго словами.

— Слыхалъ?—строго спросилъ его красавецъ.—Вотъ... Такъ и знай, какъ кто задѣнетъ тебя, бѣги ко мнѣ и говори. Я сейчасъ пойду и развинчу ему кости...

Еврей бормоталъ что-то, молился Богу или благодарилъ человѣка. А Драный Женихъ и его компанія, пошептавшись другъ съ другомъ, одинъ за однимъ стали выходить изъ трактира. Женихъ, проходя мимо стола Артема, напѣвалъ себѣ подъ носъ:

— Кабы къ моему уму
Прибавили денегъ тьму,
Ай, хорошъ бы я былъ,—
Безъ просыпу я бы пилъ...

и, взглянувъ въ лицо Артему, неожиданно докончилъ пѣсню своими словами, скорчивъ рожу и въ тактъ притопывая ногой:

— Дураковъ бы всѣхъ скупилъ,
Да въ Черномъ морѣ утопилъ —
Вотъ какъ! —

и быстро юркнулъ въ дверь.

Артемъ выругался и оглянулся вокругъ. Въ полутемномъ, закопченномъ и пахучемъ склепѣ осталось только трое людей—онъ, Каинъ противъ него и Савка за буфетомъ.

Лисьи глазки Савки встрѣтились съ тяжелымъ взглядомъ Артема и длинное лицо его приняло выраженія сладчайшаго благочестія.

— Превосходно и велелѣпо поступилъ ты, Артемъ Михайлычъ!—говорилъ онъ, поглаживая бороду.—Совсѣмъ по завѣту евангельскому... Какъ въ притчѣ о самарянинѣ милосердномъ... Во гною и струпьяхъ былъ Каинъ-то... А вотъ ты не побрезговалъ.

Артемъ слушалъ не его слова, а эхо ихъ. Оно, отражаемое сводчатымъ потолкомъ трактира, плавало въ его пахучемъ воздухѣ и, густое такое, лѣзло въ уши. Артемъ молчалъ и тихонько трясъ головой, точно желая отогнать отъ себя эти звуки. А они все плавали и вклевывались въ его уши, раздражая его. Было душно и скучно. Какая-то странная тяжесть легла на сердце Артема.

Онъ упорно смотрѣлъ на Каина. Обжигаясь и дуя на блюдечко, еврей, наклонивъ голову, съ жадностью пилъ чай и блюдечко тряслось въ его рукахъ. Иногда Артемъ ловилъ на своемъ лицѣ скользкій взглядъ Каина, и силачу отъ этого взгляда становилось еще скучнѣе. Глухое чувство недовольства чѣмъ-то росло въ его груди, глаза все темнѣли и онъ дико осматривался вокругъ себя. Въ головѣ его, какъ жернова, ворочались думы безъ словъ. Раньше онѣ не посѣщали его, но вотъ во время болѣзни пришли. И не отходятъ...

Окна, какъ у тюрьмы, съ желѣзными рѣшетками, въ нихъ льется съ улицы оглушающій шумъ... Сырыя, тяжелыя массы камня висятъ надъ головой, липкій отъ грязи, покрытый соромъ, кирпичный полъ... И этотъ маленькій, оборванный, запуганный человѣкъ... Сидитъ, дрожитъ, молчитъ... А въ деревняхъ скоро косьба начнется. Уже за рѣкой, противъ города, трава въ лугахъ почти по поясъ. И когда оттуда пахнетъ вѣтеръ, запахи приноситъ онъ такіе разманчивые... такъ бы и взялъ косу, да и пошелъ вдоль по лугу!

— Что же ты молчишь все, Каинъ?—недовольно заговорилъ Артемъ.—Али все еще боишься меня? Эхъ, растерянный ты человѣкъ!..

Каинъ поднялъ голову и странно закачалъ ею, а лицо у него было сконфуженное и жалкое.

— А что мнѣ говорить? И какимъ мнѣ языкомъ говорить съ вами? Этимъ?—еврей высунулъ кончикъ языка, показывая его Артему,—которымъ я со всѣми другими людьми говорю? Развѣ вы думаете, мнѣ не стыдно съ вами этимъ языкомъ говорить? Развѣ вы думаете, я не понимаю, что вамъ тоже стыдно сидѣть рядомъ со мной? Что я и что вы? Вы—Артемъ, великая душа, вы, какъ Іуда Маккавей!.. что бы вы сдѣлали, еслибы знали, зачѣмъ Господь сотворилъ васъ? А! никто не знаетъ великихъ тайнъ Творца и никто не можетъ угадать, зачѣмъ дана ему жизнь. Вы не знаете, сколько дней и ночей моей жизни думалъ я, зачѣмъ мнѣ жизнь? Зачѣмъ духъ мой и умъ мой? Что я людямъ? Плевательница для ядовитой слюны ихъ. А что мнѣ люди? Гады, уязвляющіе меня во всѣ мѣста тѣла моего и въ душу мою... Зачѣмъ я живу на землѣ? И зачѣмъ только несчастія знаю я... и въ солнцѣ нѣтъ луча для меня!

Онъ говорилъ эти слова страстнымъ полушепотомъ, и—какъ всегда въ минуты возбужденія его изстрадавшейся души — все лицо его дрожало.

Артемъ не понималъ его рѣчи, но слышалъ и видѣлъ, что Каинъ жалуется. Отъ этого Артему стало еще тяжелѣе.

— Ну вотъ, опять ты за свое!—съ досадой мотнулъ онъ головой.—Вѣдь я же тебѣ сказалъ—заступлюсь!

Каинъ тихо и горько засмѣялся.

— Какъ вы заступитесь за меня предъ лицомъ Бога моего? Это Онъ гонитъ меня...

— Ну это... конечно! Противъ Бога я не могу,—простодушно согласился Артемъ и съ жалостью посовѣтовалъ еврею:

— Ты ужъ терпи!.. Противъ Бога—ничего не подѣлаешь.

Каинъ посмотрѣлъ на своего заступника и улыбнулся... тоже съ жалостью. Такъ сначала сильный пожалѣлъ умнаго, потомъ умъ пожалѣлъ силу, и между двумя собесѣдниками пронеслось нѣкоторое вѣяніе, немного сблизившее ихъ.

— А ты женатый?—спросилъ Артемъ.

— О, у меня большая семья для моихъ силъ...—тяжко вздохнулъ Каинъ.

— Ишь ты!—сказалъ силачъ. Ему трудно было представить себѣ женщину, которая любила бы еврея, и онъ съ новымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него, такого хилаго, маленькаго, грязнаго, робкаго.

— У меня было пять дѣтей, теперь—четыре. Одна дѣвочка, Хая, все кашляла, кашляла и умерла... Боже мой... Господь мой!.. И моя жена тоже больная... все кашляетъ...

— Трудно тебѣ,—сказалъ Артемъ и задумался.

Каинъ тоже задумался, опустивъ голову.

Въ двери трактира входили старьевщики, подходили къ буфету и тамъ о чемъ-то въ полголоса бесѣдовали съ Савкой. Онъ таинственно разсказывалъ имъ что-то, подмигивая въ сторону Артема и Каина, а его собесѣдники удивленно и насмѣшливо поглядывали на нихъ. Каинъ уже подмѣтилъ эти взгляды и встрепенулся. А Артемъ опять представлялъ себя на лугу съ косой въ рукахъ... Свиститъ коса и съ мягкимъ шумомъ трава къ ногамъ ложится...

— Уходите вы, Артемъ... а если не хотите, я уйду... Вотъ пришли люди—шепталъ Каинъ—и они смѣются надъ вами изъ за-меня...

— Кто смѣется?—очнувшись отъ грезъ, рявкнулъ Артемъ, дико поводя вокругъ себя глазами.

Но всѣ въ трактирѣ были серьезны и поглощены своимъ дѣ-

ломъ. Ни одного взгляда не поймалъ Артемъ. И сурово нахмуривъ брови, онъ сказалъ еврею:

— Врешь ты все... занапрасно жалуешься... Эдакъ то, смотри, не игра! Ты жалуйся тогда, когда есть противъ тебя вина. Али ты, можетъ, пытаешь меня, нарочно сказалъ?

Каинъ болѣзненно улыбался въ лицо ему и не отвѣчалъ. Нѣсколько минутъ оба они сидѣли молча. Потомъ Каинъ всталъ и, надѣвъ на шею свой ящикъ, приготовился идти. Артемъ протянулъ ему руку:

— Идешь? Ну, иди, торгуй... А я посижу еще тутъ...

Обѣими своими ручонками Каинъ потрясъ громадную лапу своего защитника и быстро ушелъ.

Выходя на улицу, онъ зашелъ за уголъ, остановился тамъ и сталъ выглядывать изъ за него. Ему было видно дверь трактира и не пришлось долго ждать. Скоро въ этой двери, какъ въ рамѣ, явилась фигура Артема. Брови у него были нахмурены и лицо такое, какъ будто Артемъ боялся увидѣть что-то непріятное ему. Онъ долго и пристально разсматривалъ людей, толпившихся въ улицѣ, а потомъ его лицо приняло обычное, лѣниво-равнодушное выраженіе и онъ пошелъ сквозь толпу, туда, гдѣ улица упиралась въ гору,—очевидно, на свое любимое мѣсто.

Каинъ проводилъ его тоскливымъ взглядомъ и, закрывъ лицо руками, уперся лбомъ въ желѣзную дверь кладовой, около которой онъ стоялъ...

* * *

Вѣская угроза Артема возымѣла свое дѣйствіе — ея испугались и евреи перестали травить.

Каинъ ясно видѣлъ, что въ терніяхъ, сквозь которыя онъ шелъ къ своей могилѣ, шиповъ стало меньше. Люди какъ будто перестали замѣчать его существованіе. По-прежнему онъ юрко шнырялъ между нихъ, возглашая свои товары, но ему уже не наступали на ноги нарочно, какъ это бывало раньше, не толкали его въ сухіе бока, не плевали въ его ящикъ... Хотя прежде не смотрѣли на него такъ холодно и враждебно, какъ стали смотрѣть теперь.

Чуткій ко всему, что его касалось, онъ замѣтилъ и эти новые взгляды, замѣтилъ и спросилъ себя,—что они значатъ и чѣмъ грозятъ ему? Много онъ думалъ по этому поводу и не могъ понять, почему на него стали такъ смотрѣть... И онъ вспоминалъ, что прежде, хотя и рѣдко, съ нимъ заговаривали дружелюбно... порой справлялись о ходѣ его дѣлъ... а иногда даже шутили и совсѣмъ не зло шутили...

Каинъ задумывался. Вѣдь ужъ это всегда бываетъ такъ, что

въ прошломъ человѣкъ склоненъ видѣть даже и маленькое хорошее, раньше незамѣченное имъ...

Онъ задумывался, чутко слушалъ и зорко смотрѣлъ. Однажды его ушей коснулась новая пѣсня, сложенная Дранымъ Женихомъ, трубадуромъ улицы. Этотъ человѣкъ добывалъ свой хлѣбъ музыкой и пѣніемъ; инструментомъ ему служили восемь деревянныхъ столовыхъ ложекъ: онъ бралъ ихъ между пальцевъ и билъ ими себя по надутымъ щекамъ, по животу, перебирая пальцами, ударялъ ложками другъ о друга и получался порядочный аккомпаниментъ речитативу куплетовъ, которые онъ самъ же слагалъ. Если эта музыка была мало пріятна, такъ зато она требовала отъ исполнителя ловкости фокусника; ловкость же во всѣхъ видахъ цѣнилась публикой улицы.

И вотъ какъ то разъ Каинъ наткнулся на группу людей, среди которой Женихъ, вооруженный своими ложками, бойко говорилъ:

— Эй, господа честные, арестанты запасные! Играю свѣжую пѣсню, только что испекъ,—горячій кусокъ! Давай по копѣйкѣ съ рыла, а у кого рожа—съ того дороже! Начинаю!

— Влѣзетъ солнышко въ окно —
Люди ему рады,
А вотъ если влѣзу я...

— Это слыхали!—скептически воскликнулъ кто-то изъ публики.

— Знаемъ, что слыхали! Да я тебѣ пирога прежде хлѣба даромъ-то не дамъ... объявилъ Женихъ, стукая ложками и продолжая напѣвать:

Ой горько мнѣ живется!
Плохо я удался.
Тятьку съ братомъ повѣсили,
А я оборвался!..

— Жаль!—заявила публика.

Но копѣйки Жениху сыпали, ибо знали, что это добросовѣстный человѣкъ и если онъ обѣщалъ новую пѣсню, такъ ужъ дастъ ее.

— Вонъ она новая, дубина еловая!

И ложки затрещали частой задорной дробью.

По-ознакомился быкъ съ паукомъ,
Познакомился жидъ съ дуракомъ,
На хвостѣ носитъ быкъ паука,
Продаетъ бабамъ жидъ дурака,
Эй, вы тетки...

— Стопъ машина! Господину Каину почтеніе коломъ по шеѣ! Изволили слушать пѣсню, купецъ? Не для васъ сложена... проходите вашимъ путемъ!

Каинъ разсыпалъ предъ артистомъ свои улыбки и ушелъ прочь отъ него, вздыхая и предчувствуя что то.

Цѣнилъ онъ эти дни и боялся за нихъ. Каждое утро онъ являлся въ улицу, твердо увѣренный, что сегодня у него никто не посмѣетъ отнять его копѣекъ. И глаза его стали немножко свѣтлѣе и покойнѣе. Артема онъ видѣлъ каждый день, но если силачъ не звалъ его, Каинъ не подходилъ къ нему.

Артемъ же рѣдко подзывалъ его, а, подозвавъ, спрашивалъ:

— Ну что—живешь?

— О, да! Живу... и благодарю васъ,—радостно блестя глазами, говорилъ Каинъ.

— Не трогаютъ?

— Развѣ они могутъ противъ васъ! — со страхомъ восклицалъ еврей.

— Ну... то-то!.. А коли что—скажи.

— Я скажу!

— Вотъ...

Онъ угрюмыми глазами измѣрялъ фигурку еврея и отпускалъ его.

— Иди... торгуй!

И Каинъ быстро отходилъ прочь отъ своего защитника, всегда ловя на себѣ насмѣшливые и злые взгляды публики, взгляды, пугавшіе его.

Такъ продолжалось съ мѣсяцъ.

И вотъ однажды подъ вечеръ, когда Каинъ уже хотѣлъ идти домой, онъ встрѣтилъ Артема. Красавецъ, кивнувъ ему головой, поманилъ его къ себѣ пальцемъ. Каинъ быстро подбѣжалъ къ нему и увидалъ, что Артемъ мраченъ и хмуръ, какъ осенняя туча.

— Кончилъ торговать-то?—спросилъ онъ.

— Уже... хотѣлъ уходить домой...

— Погоди... пойдемъ-ка, поговорю я тебѣ что-то... глухо сказалъ Артемъ.

И двинулся впередъ, громадный и тяжелый, а Каинъ пошелъ сзади него.

Они вышли изъ улицы и повернули къ рѣкѣ, гдѣ Артемъ нашелъ укромное мѣсто подъ обрывомъ у самыхъ волнъ.

— Садись,—сказалъ онъ Каину.

Тотъ сѣлъ, искоса и боязливо поглядывая на своего защитника. Артемъ согнулъ спину и сталъ медленно крутить папиросу, а Каинъ смотрѣлъ на небо, на лѣсъ мачтъ у берега, по ту сторону рѣки, на спокойныя, застывшія въ тишинѣ вечера волны и соображалъ, о чемъ будетъ говорить силачъ?

— Ну что, спросилъ Артемъ,—живешь?

— Живу, о! я теперь не боюсь...

— Ну и хорошо.

— Благодарю...

— Погоди!—сказалъ Артемъ.

И онъ долго и тяжко молчалъ, попыхивая папиросой, тогда какъ еврей ждалъ его рѣчи, полный смутныхъ и боязливыхъ предчувствій.

— Н-да... Такъ теперь ничего—не обижаютъ?

— О, они боятся васъ! Они всѣ, какъ собаки, а вы—какъ левъ! —И я теперь...

— Погоди!

— Н-ну? И что вы хотите мнѣ сказать?—съ трепетомъ спросилъ Каинъ.

— Сказать-то? Это не просто...

— Что же оно такое?

— А!.. видишь ты... будемъ мы говорить прямо. Сразу и—все!

— Ага?

— И я тебѣ долженъ сказать, что больше я—не могу...

— Что? Что не можете?

— Ничего! не могу! Противно мнѣ... Не идетъ мнѣ это... Не мое это дѣло... вздохнувъ сказалъ Артемъ.

— Что же? Не ваше дѣло—что?

— Все это... ты и все... Не хочу я больше тебя знать... потому—не мое это дѣло.

Каинъ съежился, точно его ударили, и молчалъ.

— И ежели тебя обидятъ, ты ко мнѣ не иди и не жалуйся мнѣ... я не могу тебѣ помочь... и въ защиту не пойду. Понимаешь? Нельзя мнѣ это...

Каинъ молчалъ, какъ мертвый.

А Артемъ, выговоривъ свои слова, свободно вздохнулъ и продолжалъ яснѣе и болѣе связно.

— За то, что ты меня тогда пожалѣлъ, я могу тебѣ заплатить. Сколько надо? Скажи — и получи. А жалѣть тебя я не могу... Нѣтъ во мнѣ этого... и все я только ломалъ себя... притворялся больше. Думалъ—жалѣю, анъ выходитъ—такъ это, одинъ обманъ. Совсѣмъ я не могу жалѣть.

— Потому что я—жидъ?—тихо спросилъ Каинъ.

Артемъ сбоку посмотрѣлъ на него и просто сказалъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя родятся въ сердцѣ:

— Что—жидъ? Мы, всѣ—жиды передъ Господомъ...

— Такъ почему?—тихо спросилъ Каинъ.

— Да не могу! Понимаешь, нѣтъ у меня жалости къ тебѣ... и ни къ кому нѣтъ... Ты это тоже пойми... другому бы я и не сказалъ этого, а просто бы р-разъ ему по башкѣ! А тебѣ говорю. .

— Кто возстанетъ за меня противъ злобствующихъ? Кто постоитъ за меня противъ лиходѣевъ?—тихо и грустно спросилъ еврей словами псалма.

— Не могу я...—отрицательно мотнулъ головой Артемъ.— Не потому я это, что смѣются... мнѣ песъ съ ними, смѣйся! А въ самомъ себѣ не имѣю... На что я тебя стану обманывать? Не жаль мнѣ тебя... А за то—я лучше заплачу деньги...

— О, мстящій Боже! Предвѣчный Богъ возмездій, возсіяй, вознесись, Судья земли...—молился Каинъ, съежившись въ маленькій комокъ.

Лѣтній вечеръ былъ тихъ и тепелъ. Грустно и ласково отражала вода рѣки лучи заката. Съ обрыва на Каина и Артема упала тѣнь.

— Ты подумай,—убѣдительно и грустно говорилъ Артемъ,— какая моя задача теперь? Ты вотъ этого не понимаешь... а я— я долженъ за себя встать... они меня какъ избили? Помнишь?

Онъ скрипнулъ зубами и завозился на пескѣ, а потомъ легъ на спину, протянувъ ноги къ водѣ и закинувъ руки за голову.

— Я теперь всѣхъ ихъ знаю...

— Всѣхъ?—спросилъ Каинъ убито.

— Всѣхъ! Теперь я начну съ ними расчетъ... И ты мнѣ мѣшаешь...

— Чѣмъ я могу мѣшать?—воскликнулъ еврей.

— Не то, чтобы мѣшаешь, а... такое дѣло—озлобился я противъ всѣхъ людей. Хуже я ихъ? Вотъ оно что... Ну и стало быть ты мнѣ теперь—лишній. Понялъ?

— Нѣтъ!—кротко объявилъ еврей и тряхнулъ головой.

— Не понимаешь? Экой ты какой! Тебя жалѣть надо—такъ? Ну, а я теперь не могу жалѣть никого... Нѣту у меня жалости-то...

И, толкнувъ рукой въ бокъ еврея, онъ добавилъ:

— Совсѣмъ нѣтъ—понялъ?

Наступило долгое молчаніе. Вокругъ собесѣдниковъ, въ тепломъ и пахучемъ воздухѣ, плавали всплески волнъ и какіе-то глухіе, охающіе звуки, приносившіеся издалека, съ рѣки, сонной и темной.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? —спросилъ, наконецъ, Каинъ, но отвѣта не дождался, потому что Артемъ задремалъ или задумался о чемъ-то.

— Какъ я буду жить безъ васъ?—громче сказалъ еврей.

Артемъ, глядя на небо, отвѣтилъ ему:

— А ужъ ты это самъ подумай...

— Боже мой, Боже мой!..

— Вѣдь это тоже не скажешь сразу—какъ жить,—лѣниво говорилъ Артемъ.

Сказавъ то, что хотѣлъ, онъ какъ-то сразу сталъ ясенъ и спокоенъ.

— А вѣдь я зналъ это... еще тогда, когда шелъ къ вамъ, избитому, то ужъ зналъ... что не можете вы заступаться за меня долго...

И еврей умоляющими глазами посмотрѣлъ на Артема, но не встрѣтилъ его глазъ.

— Вы, можетъ быть, потому, что смѣются они надъ вами за меня?—спросилъ Каинъ осторожно и чуть не шопотомъ.

— Они-то? А что мнѣ они?—открывъ глаза, усмѣхнулся Артемъ.—Ежели бы я захотѣлъ, то посадилъ бы тебя на плечи, да и носилъ по улицѣ. Пускай смѣются... А только ни къ чему это... Надо все дѣлать по правдѣ... по душѣ... Чего въ ней нѣтъ—такъ ужъ нѣтъ... И мнѣ, братъ, прямо скажу,—противно, что ты такой... да! Вотъ какъ выходитъ.

— Ахъ!.. вѣрно. Ну и что же я теперь?! уходить?

— Иди, пока свѣтло... не тронутъ еще пока. Вѣдь нашего разговора никто не знаетъ...

— Да-а... И вы не говорите никому, а?—попросилъ Каинъ.

— Ну... извѣстно. А ты все-таки не лѣзь мнѣ на глаза часто...

— Хорошо,—тихо и грустно согласился еврей и всталъ на ноги.

— Тебѣ бы лучше въ другомъ мѣстѣ гдѣ торговать,—равнодушно сказалъ Артемъ.—А то тутъ—строго жизнь держатъ... Все напрямки норовятъ...

— Куда же я пойду?

— Ну ужъ... какъ инъ знаешь...

— Прощайте, Артемъ.

— Прощай, братъ!

И онъ лежа протянулъ еврею руку и тиснулъ своими пальцами его сухія кости.

— Прощай. Не обижайся...

— Я не обижаюсь,—подавленно вздохнулъ еврей.

— Ну вотъ... Вѣдь этакъ-то лучше, самъ посуди... Больно ты... не для меня товарищъ... Развѣ мнѣ для тебя жить? Не идетъ это...

— Прощайте!

— Ну иди...

Каинъ пошелъ берегомъ рѣки, опустивъ голову на грудь и сильно сгорбившись.

Красавецъ Артемъ повернулъ голову вслѣдъ ему и черезъ нѣсколько секундъ снова улегся въ прежней позѣ, лицомъ къ небу, уже темному отъ близости ночи.

Въ воздухѣ рождались и таяли странные звуки. Рѣка плескалась о берегъ однообразно, печально и тоскливо.

А Каинъ, пройдя шаговъ пятьдесятъ, вернулся снова, подошелъ къ могучей фигурѣ Артема, распростертой на землѣ, и, остановясь передъ ней, тихо и почтительно спросилъ:

— А, можетъ, вы иначе подумаете?

Артемъ молчалъ.

— Артемъ?—позвалъ Каинъ и долго ждалъ отвѣта.

— Артемъ? Можетъ, все это такъ себѣ вы? — повторилъ еврей дрожащимъ голосомъ.—Вспомните, какъ я тогда васъ... а? Артемъ!? Никто не пришелъ, а я пришелъ...

Въ отвѣтъ ему раздался слабый храпъ.

... Каинъ еще долго стоялъ надъ силачемъ и все всматривался въ его безжизненно-красивое лицо, смягченное сномъ. Богатырская грудь вздымалась ровно и высоко, и черные усы, шевелясь отъ дыханія, открывали блестящіе, крѣпкіе зубы красавца. Казалось, онъ улыбался...

Глубоко вздохнувъ, еврей еще ниже склонилъ голову и снова пошелъ по берегу рѣки. Весь трепещущій отъ страха предъ жизнью, онъ шелъ осторожно—въ открытыхъ пространствахъ, освѣщенныхъ луной, онъ умѣрялъ шагъ, вступая въ тѣнь,—крался медленно...

И былъ похожъ на мышенка, на маленькаго трусливаго хищника, который пробирается въ свою нору среди многихъ опасностей, отовсюду грозящихъ ему.

А ужъ ночь наступила и на берегу рѣки было пустынно...

М. Горькій.

ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ ПСИХИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Профес. Г. И. Челпанова.

Статья I.

Можно ли *измѣрить* психическія явленія? вотъ вопросъ, который могъ возникнуть только лишь въ настоящемъ столѣтіи. Если обыкновенно принято говорить, что XIX вѣкъ есть вѣкъ пара, идеи эволюціи, спектральнаго анализа, то съ такимъ же правомъ можно сказать, что для психологіи девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ «измѣренія» психическихъ явленій. Тотъ моментъ, когда мѣра была приложена къ психическимъ явленіямъ, былъ для психологіи такимъ же рѣшающимъ какъ идея эволюціи и спектральный анализъ въ естествознаніи. Приложеніе «числа» къ изслѣдованію психическихъ явленій послужило поворотнымъ пунктомъ въ исторіи психологіи, которая съ этого момента сдѣлалась экспериментальной наукой. Психологъ изъ роли простого наблюдателя психическихъ явленій перешелъ къ роли вопрошателя. Психологія вступила въ рядъ наукъ экспериментальныхъ, пользующихся методами естествознанія. Вотъ почему вопросъ объ измѣреніи психическихъ явленій представляетъ огромную научную важность.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что психическія явленія могутъ быть измѣрены, психологи воспользовались для изслѣдованія психическихъ явленій, напр., законовъ ассоціаціи, вниманія, волевыхъ движеній и т. под., но этимъ обстоятельствомъ можетъ также воспользоваться и философъ для опредѣленія *природы* психическихъ явленій въ отличіи ихъ отъ физическихъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія измѣреніе психическихъ явленій представляетъ особенный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего это кажется, что психическія явленія нельзя измѣрить, въ то время, какъ самое существованіе такихъ точныхъ наукъ, какъ физика и химія, ясно указываетъ на то, что физическія явленія тщательно и точно измѣрены. Можно было думать, что оттого, что между явленіями физическими и явленіями психическими есть огромное различіе и именно такого рода, что *психическія явленія по самой своей природѣ не могутъ быть измѣримы*, что къ нимъ не

приложима ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя приложимы къ міру явленій физическихъ.

Но вотъ въ дѣйствительности наука находитъ средства измѣрить психическія явленія и, такимъ образомъ, старый предразсудокъ о неизмѣримости ихъ долженъ быть признанъ несостоятельнымъ. Отсюда легко можно было придти къ тому выводу, что обычно признаваемое различіе между физическими и психическими явленіями совершенно не правильно и что, какъ разъ наоборотъ, то обстоятельство, что психическія явленія могутъ быть измѣрены, показываетъ, что они въ дѣйствительности по своей природѣ *ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ явленій физическихъ*, что старая граница между міромъ психическимъ и физическимъ разрушена, что психическое по существу есть физическое. И въ самомъ дѣлѣ такой выводъ былъ сдѣланъ. Не только въ публикѣ, но и среди людей науки распространенъ взглядъ, что если психическія явленія можно измѣрить, то это показываетъ, что *явленія психическія обладаютъ матеріальной природой*.

Такъ, напр., у *Молешотта* *) мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Всѣ процессы въ нервной системѣ—возбужденіе, распространеніе его воздѣйствія, сужденіе, волевое возбужденіе имѣютъ опредѣленную скорость, тѣмъ меньшую, чѣмъ сложнѣе процессъ. Мышленіе есть протяженный процессъ и именно тѣмъ болѣе протяженный, чѣмъ болѣе онъ сложенъ. То, что для своего совершенія требуетъ времени связано съ временемъ, можетъ существовать только лишь черезъ посредство передвиженія и именно мельчайшихъ частицъ. Мельчайшія частицы движутся во времени, слѣдовательно, оно совершается черезъ посредство движенія». Точно такъ же, по мнѣнію *Бюхнера*, «мышленіе есть и должно быть естественнымъ движеніемъ.» (Natur-Bewegung) и что «это есть не только требованіе логики, но что оно недавно доказано было даже экспериментально». Бюхнеръ имѣетъ въ виду именно измѣреніе скорости психическихъ процессовъ, которое, по его мнѣнію, приводитъ къ тому выводу, что психическій актъ или актъ мышленія совершается въ протяженномъ и сложномъ субстратѣ, оказывающемъ сопротивленіе, и что поэтому такой актъ есть не что иное, какъ *форма движенія* **).

Отголоски этого взгляда мы имѣемъ и въ русской литературѣ. «Существуютъ признаки, говоритъ Б. Л. въ статьѣ «Движеніе какъ основное начало психическихъ явленій» ***), указывающіе на то, что психическіе процессы имѣютъ тѣсное сродство съ силой молекулярнаго движенія. Это доказывается тѣмъ, что психическіе процессы совершаются во времени и съ этой стороны могутъ быть измѣрены».

---

*) Kreislauf des Lebens. Изд. 5-е, 1877—1887.

**) Büchner, Kraft und Stoff, стр. 309.

***) «Журналъ Знаніе». 1876. Декабрь.

«Физіологія, по мнѣнію проф. *Ковалевскаго*, потому въ состояніи рѣшать вопросы объ образованіи и ходѣ психическихъ процессовъ, что они, какъ матеріальные, совершаются въ *пространствѣ* и *времени*» (Ковалевскій имѣетъ въ виду измѣреніе психическихъ процессовъ *).

Сѣченовъ въ «Психологическихъ этюдахъ» замѣчаетъ:

1) Самые простѣйшіе изъ психическихъ актовъ требуютъ для своего происхожденія опредѣленнаго *времени* и тѣмъ большаго, чѣмъ сложнѣе актъ.

2) Психическая дѣятельность для своего происхожденія требуетъ анатомо-физіологической цѣлости головного мозга.

Къ этому Сѣченовъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Сопоставивъ 1-й и 2-й пункты, выходитъ, что психическая дѣятельность, какъ всякое земное явленіе, происходитъ во *времени* и въ *пространствѣ* **).

Это замѣчаніе проф. Сѣченова любопытно во всѣхъ отношеніяхъ. Сѣченовъ хочетъ доказать, какъ онъ выражается, *родство* явленій физическихъ съ психическими и боится, чтобы читатель какъ-нибудь не подумалъ, что психическія явленія въ какомъ-нибудь отношеніи представляютъ изъ себя что-нибудь особенное, и потому проф. Сѣченовъ спѣшитъ замѣтить читателю, что психическая дѣятельность есть явленіе «земное» и что оно происходитъ во времени и пространствѣ. Очевидно, что какъ для Ковалевскаго, такъ и для Сѣченова то обстоятельство, что психическіе процессы совершаются во времени, является доказательствомъ того, что между ними и физическими процессами нѣтъ существеннаго различія.

Этотъ взглядъ въ настоящее время очень распространенъ въ публикѣ, и если я пишу статью «объ измѣреніи психическихъ явленіи», то только для того, чтобы доказать читателю, что хотя психическія явленія и въ самомъ дѣлѣ измѣряются, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ дѣлать того вывода, который обыкновенно дѣлается. Я постараюсь въ своей статьѣ познакомить читателя съ тѣми пріемами, при помощи которыхъ психическія явленія *измѣряются*, разумѣется, ограничиваясь только лишь существеннымъ.

Но чтобы читатель не былъ введенъ въ заблужденіе словомъ «измѣреніе», которое въ данномъ случаѣ употребляется въ примѣненіи къ психическимъ явленіямъ, я постараюсь дать анализъ этого понятія, и тогда станетъ понятнымъ, какъ осторожно должны быть употребляемы термины въ наукѣ, и въ особенности въ философіи. Я покажу, что психическія явленія дѣйствительно могутъ быть измѣряемы, но что понятіе «измѣренія» въ примѣненіи къ психическимъ явленіямъ употребляется совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ примѣненіи къ явленіямъ физическимъ, и въ этомъ не трудно убѣ-

*) «Какъ физіологія смотритъ на жизнь вообще и психическую жизнь въ частности». Каз. 1876.

**) Психологическіе этюды. Стр. 151.

диться, если мы сначала разберемъ, что значитъ измѣрять вообще и въ особенности въ примѣненіи къ физическимъ явленіямъ. Возьмемъ нѣсколько обиходныхъ примѣровъ, чтобы пояснить, что значитъ «измѣрять.»

Напр., мы говоримъ, что столъ имѣетъ въ длину 150 сентиметровъ. Что это значитъ? Это значитъ, что есть одна опредѣленная *единица*, которая называется сентиметромъ и которую мы въ данномъ случаѣ сравниваемъ съ длиною стола и находимъ, что длина стола можетъ содержать 150 такихъ единицъ. Вотъ кусокъ желѣза. Онъ вѣситъ 35 фунт. Это значитъ, что если бы мы его сравнили съ единицей, которая называется фунтомъ, то оказалось бы, что такихъ фунтовъ въ немъ содержится 35.

Если бы мы разсмотрѣли всѣ вообще мыслимыя измѣренія, какія мы совершаемъ въ мірѣ физическомъ, то мы увидѣли бы, что мы всегда въ этихъ случаяхъ сравниваемъ измѣряемое явленіе съ какимъ-либо другимъ, которое мы называемъ *единицей* и этотъ процессъ сравненія мы называемъ «измѣреніемъ».

Положимъ, намъ нужно измѣрить количество теплоты, находящейся въ данномъ тѣлѣ. Для измѣренія теплоты существуетъ опредѣленная единица, которая называется *калоріей*. Это слово служитъ для обозначенія того количества теплоты, при помощи котораго одинъ килограммъ воды можно нагрѣть на 1° С. Мы можемъ измѣрить силу свѣта: для этого существуетъ опредѣленная единица, которая называется нормальной свѣчей, съ силой свѣта которой мы и должны сравнивать свѣтъ, силу котораго мы желаемъ опредѣлить. Мы можемъ измѣрить силу той или другой машины. Для этого существуетъ единица мѣры, которая называется лошадиной силой. Даже электричество, которое, на первый взглядъ, кажется совершенно неощутимымъ, а слѣд., и неизмѣримымъ, можетъ быть измѣрено, и для измѣренія его существуютъ такія единицы, какъ омы, вольты, амперы, фарады и т. под. Изъ этихъ примѣровъ ясно, что если мы какія либо измѣримыя явленія желаемъ измѣрить, то для этого у насъ должны существовать опредѣленныя *единицы*.

Но, само собою разумѣется, необходимо, чтобы эта единица отличалась устойчивостью и опредѣленностью; необходимо, чтобы самый процессъ сравненія былъ опредѣленный и точный, и это именно есть необходимое условіе процесса *измѣренія*. Если люди науки затрудняются измѣрить какое-нибудь явленіе, то это часто происходитъ оттого, что они не могутъ найти соотвѣтствующей единицы или же примѣнить ее къ данному ряду явленій. Задача науки при измѣреніи явленій заключается именно въ томъ, чтобы найти какую-либо опредѣленную единицу и примѣнить ее къ данному явленію въ вполнѣ опредѣленной формѣ. Другими словами, это означаетъ, что идеалъ науки—примѣнять къ изслѣдованію тѣхъ или другихъ явленій *число*. Важность примѣ-

ненія числа сознавалась, разумѣется, не только на практикѣ, но и въ теоріи. По мнѣнію пиѳагорейцевъ, напр., число управляетъ міромъ, что, конечно, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что въ мірѣ существуетъ законосообразность и что эту законосообразность намъ слѣдуетъ понять и изобразить при помощи числа. Основатель современной философіи Кантъ говорилъ, что всякая наука есть наука лишь постольку, поскольку къ ней можетъ примѣняться математика. Слѣдовательно, идеаломъ науки является именно примѣненіе математики къ анализу тѣхъ или другихъ явленій.

Въ справедливости этого положенія намъ не трудно убѣдиться, если мы обратимъ вниманіе на прошлое науки. Мы увидимъ, что собственно наука прогрессируетъ по мѣрѣ того, какъ она все точнѣе и точнѣе примѣняетъ число къ изслѣдованію явленій. Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ исторіи науки, чтобы показать, что чѣмъ точнѣе происходило измѣреніе, тѣмъ болѣе научный характеръ пріобрѣтало изслѣдованіе. «Въ Гринвичской обсерваторіи въ настоящее время, говоритъ Джевонсъ *), сотая часть секунды не считается незначительной частью времени. Древніе же халдеи, записывая солнечныя затменія, указывали только *часъ* ихъ». Первые александрійскіе астрономы, производили изслѣдованія, съ нашей точки зрѣнія, настолько неточно, что «считали излишнимъ дѣлать различіе между краемъ и центромъ солнца». «Со введеніемъ астролябіи Птоломей и позднѣйшіе александрійскіе астрономы могли опредѣлить мѣсто небесныхъ свѣтилъ съ точностью 10 минутъ. Но уже Тихо де-Браге удавалось часто достигать точности въ 60 разъ бо́льшей, чѣмъ Птоломей». Благодаря введенію новыхъ инструментовъ мы въ настоящее время замѣчаемъ количества въ 300.000 или 400.000 разъ меньшія, чѣмъ во времена халдеевъ.

Интересно сравнить скрупулезную точность новыхъ тригонометрическихъ съемокъ съ измѣреніемъ градуса широты Норвудомъ въ 1653 году. «Иногда я измѣрялъ, а иногда просто мѣрилъ шагами, говоритъ Норвудъ, и я думаю, что я близокъ къ истинѣ».

Такимъ образомъ, можно сказать словами Гершелля, что «численная точность есть душа науки» и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что философы всегда съ особеннымъ энтузіазмомъ говорили о роли математики въ развитіи научныхъ познаній человѣка.

Мы видѣли, что для всякаго измѣренія необходима какая-нибудь единица, съ которой мы должны сравнивать измѣряемую вещь. Вотъ съ этой точки зрѣнія мы разсмотримъ возможность измѣренія психическихъ процессовъ. Существуетъ ли такая единица мѣры для измѣренія психическихъ процессовъ и какъ она примѣняется для измѣренія психическихъ явленій.

Когда говорятъ, что психическіе процессы могутъ быть измѣряемы,

*) Джевонсъ. Основы науки. Спб., 1881 г., стр. 258—260.

то мы должны отличать два совершенно различныхъ рода измѣреній, именно можно измѣрять интенсивность, *силу*, тѣхъ или другихъ психическихъ процессовъ, главнымъ образомъ, ощущеній, и *быстроту* или скорость психическихъ процессовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ употребляются совершенно различные пріемы, которые мы и разсмотримъ въ отдѣльности и прежде всего разсмотримъ пріемы измѣренія интенсивности ощущеній.

Сначала разберемъ, что такое *интенсивность?* Если, напр., на металлическую доску падаетъ металлическій же шарикъ съ извѣстной высоты, то, какъ легко себѣ представить, получится звукъ извѣстной силы или интенсивности. Если на ту же доску съ той же высоты будетъ падать бо̀льшій шарикъ, то получится звукъ бо̀льшей интенсивности. Мы говоримъ, что въ одномъ случаѣ мы получаемъ менѣе интенсивное ощущеніе, чѣмъ въ другомъ. Отъ свѣта свѣчи мы получаемъ ощущеніе извѣстной интенсивности, ощущеніе отъ свѣта электрической лампочки обладаетъ бо̀льшей интенсивностью. Вотъ теперь и возникаетъ вопросъ. Если мы отъ двухъ различныхъ возбужденій имѣемъ два ощущенія съ различной интенсивностью, то спрашивается, можемъ ли мы опредѣлить, во сколько разъ одно ощущеніе интенсивнѣе или сильнѣе чѣмъ другое? Можемъ ли мы вообще сказать, что одно ощущеніе во столько-то разъ больше, чѣмъ другое, подобно тому, какъ это мы дѣлаемъ при измѣреніи явленій физическаго міра. Такого рода сравненія въ физическомъ мірѣ для насъ не представляютъ никакой трудности. Если мы, напр., желаемъ сравнить длину какой-либо линіи съ длиной другой линіи, то мы, при помощи опредѣленной *единицы*, напр., дюйма, сантиметра измѣряемъ одну линію, затѣмъ другую и, такимъ образомъ, получаемъ возможность опредѣлить, во сколько разъ одна линія больше или меньше другой. А гдѣ же та единица, при помощи которой мы могли бы опредѣлить, что одно ощущеніе больше другого въ десять, двадцать и т. д. разъ? Такой единицы нѣтъ, а потому самое предположеніе, что интенсивность ощущенія можно измѣрять, кажется совсѣмъ невѣроятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы, сравнивая наши ощущенія одно съ другимъ, можемъ только сказать, что одно изъ нихъ имѣетъ бо̀льшую интенсивность, а другое—меньшую; мы можемъ, напр., сказать, что ощущеніе отъ пушечнаго выстрѣла значительно сильнѣе ощущенія отъ пистолетнаго выстрѣла, но сказать, во сколько разъ одно ощущеніе сильнѣе другого, мы совершенно не въ состояніи. Мы можемъ сказать, что ощущеніе отъ свѣта солнца значительно сильнѣе ощущенія отъ свѣта свѣчи, но во сколько разъ одно сильнѣе другого, мы вообще сказать не въ состояніи. Числовыя единицы здѣсь примѣнимы быть не могутъ.

Нѣкоторые психологи противъ возможности измѣренія интенсивности ощущеній приводили слѣдующее теоретическое соображеніе.

Если бы, по ихъ мнѣнію, мы могли сказать, что сильныя ощуще-

нія вообще *складываются* изъ слабыхъ ощущеній, тогда, пожалуй, мы, опредѣляя, сколько слабыхъ ощущеній содержится въ данномъ сильномъ ощущеніи, были-бы въ состояніи опредѣлить, во сколько разъ одно ощущеніе сильнѣе, чѣмъ другое. Но въ дѣйствительности сильное ощущеніе не складывается изъ слабыхъ. Вслѣдствіе этого у насъ нѣтъ никакихъ основаній искать, какое существуетъ измѣримое различіе между сильнымъ звуковымъ ощущеніемъ и слабымъ, между сильнымъ свѣтовымъ ощущеніемъ и слабымъ, между сильнымъ тепловымъ ощущеніемъ и слабымъ. Сильное ощущеніе и слабое ощущеніе представляютъ изъ себя два совершенно разнородныхъ явленія, два несоизмѣримыхъ явленія, такъ что сравнивать ихъ другъ съ другомъ, съ цѣлью найти числовое отношеніе между ними, было-бы такъ же безсмысленно, какъ если бы мы пожелали математически опредѣлить различіе между ощущеніемъ соленаго и кислаго или отношеніе между головной и зубной болью. Ощущеніе представляетъ *простой* элементъ сознанія, который не можетъ быть разложенъ на части и потому не можетъ быть составленъ изъ меньшихъ единицъ. Поэтому ощущенія не могутъ быть разсматриваемы какъ *величины*, они не могутъ быть *измѣряемы*, потому что невозможно приложить какой-либо масштабъ для ихъ сравненія.

Я не буду разбирать, въ какой мѣрѣ справедливо утвержденіе психологовъ, что ощущенія представляютъ изъ себя нѣчто *простое*, неразложимое, а покажу, какимъ образомъ все-таки считается возможнымъ измѣреніе интенсивности ощущеній, при чемъ я долженъ замѣтить, что тѣ психологи, которые считали возможнымъ это послѣднее, вовсе и не думали, что интенсивность ощущеній можетъ быть измѣрена непосредственно. Напротивъ, они думали, что если ощущенія и измѣримы, то во всякомъ случаѣ только *косвенно*. Они разсуждали слѣдующимъ образомъ: мы не можемъ измѣрять ощущеній непосредственно, мы не можемъ, напр., сказать, во сколько разъ одно ощущеніе больше или меньше другого, но за то мы можемъ измѣрять *возбужденія*; эти послѣднія могутъ быть опредѣляемы болѣе или менѣе точно *). Напримѣръ, мы можемъ опредѣлить, во сколько разъ одно звуковое *возбужденіе* сильнѣе, чѣмъ другое, мы можемъ опредѣлять, во сколько разъ одно свѣтовое возбужденіе сильнѣе, чѣмъ другое. Мы можемъ, напримѣръ, сказать, что свѣтовое возбужденіе отъ одной

*) Я думаю, что для читателя ясно различіе, существующее между *ощущеніемъ* и *возбужденіемъ*. Если, напримѣръ, металлическій шарикъ падаетъ съ извѣстной высоты на металлическую доску, то онъ производитъ извѣстное колебаніе воздуха. Этотъ *физическій* процессъ есть звуковое возбужденіе. Это возбужденіе въ сознаніи субъекта производитъ *психическое* явленіе—ощущеніе звука. Если это различіе для читателя вполнѣ ясно, то онъ легко пойметъ, что *возбужденіе* можетъ быть непосредственно измѣрено, между тѣмъ какъ сказать тоже самое объ ощущеніи никакъ нельзя.

свѣчи въ два раза меньше, чѣмъ отъ двухъ свѣчей и т. под. Измѣрять, слѣдовательно, возбужденія, благодаря которымъ у насъ созидаются ощущенія, мы можемъ. Если бы мы были въ состояніи опредѣлить, въ какомъ отношеніи находится ощущеніе къ возбужденію, то мы тогда косвеннымъ путемъ были-бы въ состояніи измѣрить ощущенія, т.-е. мы были бы въ состояніи по извѣстнымъ намъ измѣненіямъ возбужденій судить объ измѣненіяхъ ощущеній.

Слѣдовательно, задача измѣренія ощущеній опредѣляется просто. Мы къ рѣшенію этой задачи приступаемъ не прямо, а косвенно, черезъ посредство измѣренія возбужденій, и по измѣненію этихъ послѣднихъ уже судимъ объ измѣненіи ощущеній. Но для этого намъ необходимо опредѣлить, какое отношеніе существуетъ между возбужденіемъ и ощущеніемъ.

Разумѣется, говоря объ отношеніи между возбужденіями и ощущеніями, я разумѣю *числовое* отношеніе. Т.-е. задача наша сводится къ тому, чтобы опредѣлить, *существуетъ ли какое-нибудь закономѣрное отношеніе между возбужденіемъ и ощущеніемъ*. Напримѣръ, если мы увеличиваемъ какое-нибудь возбужденіе въ два раза, то можемъ ли мы сказать, что при этихъ условіяхъ и ощущеніе увеличивается въ два раза? Можемъ ли мы, напримѣръ, сказать, что двѣ свѣчи вызываютъ ощущеніе въ два раза болѣе интенсивное, чѣмъ одна свѣча? Самымъ естественнымъ казалось бы отвѣтить, что, конечно, если одна свѣча вызываетъ ощущеніе свѣта опредѣленной интенсивности, то двѣ свѣчи вызываютъ ощущеніе двойной интенсивности. Кажется, что, по мѣрѣ того, какъ увеличивается возбужденіе, *пропорціонально* съ нимъ увеличивается и ощущеніе, т.-е. если возбужденіе, напримѣръ, увеличится въ два, три, четыре раза, то и ощущеніе становится въ два, три, четыре раза больше. Это мнѣніе, однако, совершенно несправедливо. На самомъ дѣлѣ отношеніе между ощущеніемъ и возбужденіемъ совсѣмъ другое.

Есть явленія, которыя всякій можетъ наблюдать и которыя сразу обнаруживаютъ несостоятельность этого мнѣнія, именно, они показываютъ, что, хотя возбужденіе, положимъ, удваивается, но ощущеніе вслѣдствіе этого можетъ вовсе не удваиваться. Каждому приходилось присутствовать на такъ называемыхъ монстръ-концертахъ, когда число музыкантовъ бываетъ въ три, четыре раза больше, чѣмъ въ обыкновенныхъ концертахъ. Каждый, являясь на такой концертъ, думаетъ услышать звуки въ три, четыре раза сильнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ концертахъ и бываетъ очень удивленъ, слыша звукъ чуть-чуть сильнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ. Слѣдовательно, тройное возбужденіе не вызываетъ тройного ощущенія, а меньшее. Многимъ изъ читателей навѣрно приходилось наблюдать, что, напримѣръ, во время затменіе солнца оно можетъ быть затемнено въ значительной части своего диска; но при этомъ свѣтъ дня совсѣмъ не кажется значительно

уменьшеннымъ. Нужно было бы думать, что если солнце затемнено наполовину, то и свѣтъ дня долженъ былъ бы уменьшиться на половину; однако же этого совсѣмъ нѣтъ. Двѣ трети диска могутъ быть затемнены, а между тѣмъ свѣтъ солнца кажется уменьшеннымъ очень незначительно.

Эти примѣры показываютъ, что, хотя возбужденіе усиливается и ослабляется, но при этомъ ощущенія, ими вызываемыя, совсѣмъ не усиливаются или ослабляются въ той же мѣрѣ. Такъ, если возбужденіе усиливается въ два раза, то ощущеніе усиливается не въ два раза, а очевидно меньше, какъ въ указанныхъ примѣрахъ. Вотъ для насъ и возникаетъ задача. Если ощущенія растутъ не пропорціонально возбужденію, то не существуетъ ли какого-нибудь закона возрастанія ощущеній, не можемъ ли мы опредѣлить, во сколько разъ возрастаетъ ощущеніе, если возбужденіе возрастаетъ въ два, три, четыре и т. д. раза?

Если мы предположимъ, что возбужденіе есть *величина*, то для насъ ясно, что она можетъ измѣняться, т. е. увеличиваться и уменьшаться. Увеличеніе и уменьшеніе можетъ совершаться въ безконечно малыхъ предѣлахъ, т. е. возбужденіе можетъ увеличиваться и уменьшаться съ величайшей постепенностью. Это совсѣмъ не трудно понять, если мы возьмемъ примѣръ, который мы привели выше. Положимъ, металлическій шарикъ падаетъ на металлическую доску съ высоты 1 метра и производитъ звукъ извѣстной силы. Мы можемъ себѣ легко представить, что шарикъ будетъ падать не съ высоты одного метра, а съ бо́льшей высоты, именно одного метра+1 миллиметръ. Очевидно, въ этомъ случаѣ получится возбужденіе болѣе сильное, потому что на этотъ разъ шарикъ падаетъ съ бо́льшой высоты. Но мы можемъ себѣ представить, что разница между одной высотой паденія и другой можетъ быть еще меньшая. Слѣд. мы можемъ легко понять, что возбужденіе можетъ расти съ величайшей постепенностью.

Спрашивается, можетъ ли и ощущеніе расти съ постепенностью отвѣчающей постепенности роста возбужденія? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ отрицательно, на основаніи наблюденій, опять-таки заимствованныхъ изъ обыденной жизни.

Если мы посмотримъ днемъ на небо, то мы не увидимъ на немъ звѣздъ. Не кажется ли это явленіе страннымъ? Вѣдь звѣзды на небѣ днемъ свѣтятъ такъ же, какъ и ночью. Отчего же онѣ ночью видны, а днемъ не видны? Вѣдь свѣтъ ихъ днемъ дѣйствуетъ на нашъ глазъ такъ же, какъ и ночью, а между тѣмъ мы совсѣмъ не ощущаемъ ихъ свѣта. Объясненіе этого факта сдѣлается понятнымъ изъ послѣдующаго. Но уже легко понять, какой изъ него можно сдѣлать выводъ. Днемъ на нашъ глазъ дѣйствуетъ опредѣленное возбужденіе—свѣтъ солнца. Къ этому возбужденію прибавляется еще безконечно малое возбужденіе—свѣтъ звѣзды, который однако не вызываетъ въ

въ насъ никакого ощущенія. Въ этомъ случаѣ *возбужденіе* возрастаетъ, а соотвѣтствующее ему *ощущеніе* не возрастаетъ, какъ это можно было ожидать. Этотъ примѣръ еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что ощущеніе растетъ не такъ, какъ растетъ возбужденіе.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Положимъ, вы держите въ рукѣ гирю въ 5 фунтовъ. Какъ вы думаете, если я незамѣтно для васъ прибавлю къ этой тяжести 1 золотникъ, замѣтите ли вы эту прибавку, или нѣтъ? Кажется на первый взглядъ, что вы должны замѣтить, потому что вѣдь возбужденіе увеличилось, слѣд., и ощущеніе должно было бы увеличиться, однако на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Ваше разсужденіе неправильно. Хотя этотъ добавочный золотникъ въ качествѣ возбужденія и дѣйствуетъ на вашу руку, однако онъ не вызываетъ никакого ощущенія. Это кажется даже какимъ-то парадоксомъ, чѣмъ-то совершенно непонятнымъ. Какъ понять въ самомъ дѣлѣ, что что нибудь можетъ дѣйствовать на нашъ органъ чувствъ и въ тоже время не вызывать въ насъ никакого ощущенія? Но хотя это явленіе и кажется на первый взглядъ и непонятнымъ, однако оно подтверждается опытомъ и служитъ доказательствомъ того положенія, что *ощущеніе растетъ не пропорціонально возбужденію*.

Но если ощущеніе не растетъ пропорціонально возбужденію, то какъ же оно растетъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ произведемъ опытъ по тому способу, по которому производилъ его знаменитый нѣмецкій физіологъ *Э. Г. Веберъ*.

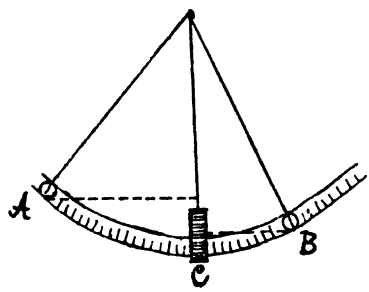
Мы велимъ субъекту, надъ которымъ мы желаемъ произвести опытъ, положить руку на столъ и кладемъ ему на руку какую-либо тяжесть, положимъ гирю въ три фунта; затѣмъ начинаемъ прибавлять меньшую тяжесть, положимъ, 2 золотника, и спрашиваемъ у этого субъекта, который во время опыта не долженъ видѣть своей руки, не чувствуетъ ли онъ какой-нибудь разницы. Онъ отвѣчаетъ отрицательно. Тогда мы пробуемъ положить бо́льшую тяжесть и продолжаемъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока добавочная тяжесть не произведетъ замѣтнаго различія ощущенія. Запишемъ тогда, какая нужна добавочная тяжесть, чтобы субъектъ замѣтилъ различіе между прежнимъ ощущеніемъ и теперешнимъ. Послѣ этого мы дѣлаемъ то же самое для другой, для третьей тяжести, пока не опредѣлимъ для достаточнаго числа тяжестей величину той добавочной тяжести, которая созидаетъ едва замѣтное различіе ощущеній. Изъ этихъ опытовъ получается очень любопытный результатъ: именно оказывается, что добавочная тяжесть должна находиться въ постоянномъ, опредѣленномъ отношеніи къ данной тяжести, чтобы произвести едва замѣтное различіе ощущенія, напр., къ одному грамму нужно прибавить одну треть грамма чтобы субъектъ почувствовалъ разницу въ ощущеніи, для тридцати фунтовъ—10 фунтовъ и т. д. Эти опыты были произведены надъ бо́льшимъ числомъ тяжестей и результаты ихъ могутъ формулироваться

такъ: «каково бы ни было давленіе на кожу, увеличеніе и уменьшеніе давленія не будетъ ощущаться до тѣхъ поръ, пока тяжесть, прибавленная или отнятая, не будетъ равна одной трети первоначальнаго вѣса».

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ растетъ ощущеніе тяжести въ связи съ ростомъ возбужденія. Именно каждое новое возбужденіе должно составлять одну треть прежняго для того, чтобы ощущеніе сдѣлалось замѣтно отличающимся отъ перваго. Только тогда мы можемъ сказать, что ощущеніе возросло.

Приведу еще одинъ примѣръ изъ области слуховыхъ ощущеній для поясненія того, что и здѣсь добавочное возбужденіе должно находиться въ совершенно опредѣленномъ отношеніи къ уже существующему для того, чтобы вызвать едва замѣтное ощущеніе.

Въ этой области мы обладаемъ средствомъ опредѣлять, какимъ образомъ растетъ интенсивность звукового возбужденія. Мы можемъ, напр., признать справедливымъ слѣдующій принципъ: интенсивность



Черт. № 1.

звука, который производитъ какое-либо тѣло, ударяясь о другое, *пропорціональна тяжести падающаго тѣла и высотѣ, съ которой оно падаетъ*. Если мы возьмемъ какое-либо тѣло, то мы можемъ, измѣняя *высоту* паденія, измѣнить силу звука по произволу. Беремъ два шарика А и В, одинаковой величины, сдѣланные изъ одного и того же матеріала и повѣшенные на ниткѣ равной длины (см. черт. I). Между двумя шариками помѣщается маленькая доска (С). Если мы приподнимемъ шарикъ А или В на извѣстную высоту, и затѣмъ опустимъ его, то онъ, ударяясь о доску, произведетъ звукъ извѣстной силы или интенсивности. Такъ какъ сила звуковъ прямо пропорціональна высотѣ паденія, то, если шарики отведены на одинаковое разстояніе, онѣ произведутъ звуки одинаковой интенсивности; если они будутъ отведены на неодинаковое разстояніе, то звуки будутъ неравной интенсивности. Если теперь, исходя отъ того момента, когда существуетъ абсолютное равенство, мы будемъ постепенно увеличивать высоту паденія одного шарика и заставлять шарики падать какъ можно быстрѣе одинъ вслѣдъ за другимъ, чтобы лучше можно было сравнивать, то произойдетъ слѣ-

дующее: сначала не замѣчается никакого различія между звуками, хотя и была бы извѣстная разница въ высотѣ паденія. Это различіе замѣчается тогда, когда разница въ высотѣ паденія достигаетъ извѣстной степени. Въ этотъ моментъ измѣряютъ разницу высотъ паденія обоихъ шариковъ, и тогда можно видѣть, на сколько высота паденія одного должна быть увеличена, чтобы разница была замѣчена. Изъ измѣреній такого рода оказалось, что и въ области звуковыхъ ощущеній вполнѣ примѣняется вышеуказанный законъ Вебера.

И такъ изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ видѣть, что для этихъ двухъ областей, для ощущенія тяжести и ощущенія звука, вполнѣ примѣняется тотъ законъ, по которому *добавочное возбужденіе должно находиться въ совершенно опредѣленномъ отношеніи къ данному, чтобы получилось ощущеніе, едва замѣтно отличающееся отъ предыдущаго. (Законъ Вебера).*

Въ другихъ областяхъ цифра получилась другая, но все-таки отношеніе добавочнаго возбужденія къ данному оказывается постояннымъ. Такъ, напр., это отношеніе для свѣтовыхъ ощущеній должно равняться $^1/_{100}$; для мышечнаго ощущенія отношеніе это должно равняться $^1/_{17}$.

Теперь мы опредѣлили, какимъ образомъ мы должны измѣнять *возбужденія*, чтобы *ощущеніе* могло едва замѣтно возрастать. Само собою разумѣется, что подобно тому, какъ ростъ *возбужденій* можетъ быть выраженъ нами посредствомъ ряда цифръ 1, 2, 3, 4 и т. д., такъ и для роста *ощущеній* мы должны быть въ состояніи указать соотвѣтствующія цифры, начиная съ самаго первоначальнаго момента, т. е. отъ того момента, когда ощущеніе впервые начинаетъ существовать. Конечно, мы это можемъ опредѣлить, но для этого мы должны опредѣлить тотъ моментъ, когда ощущеніе впервые начинаетъ существовать въ нашемъ сознаніи. Если я, напр., смотрю назвѣзду пятой величины, то хотя свѣтъ ея и дѣйствуетъ на мой глазъ, но я его совсѣмъ не воспринимаю, потому что, какъ говорятъ психологи, это возбужденіе ниже извѣстнаго предѣла. Для того, чтобы сдѣлаться замѣтнымъ для моего сознанія, возбужденіе должно перейти этотъ предѣлъ. Этотъ предѣлъ на спеціальномъ языкѣ психологовъ называется *порогомъ* возбужденія. Вотъ этотъ-то порогъ возбужденія намъ и необходимо опредѣлить.

Для этого мы поступаемъ слѣдующимъ образомъ. Напр., для опредѣленія порога возбужденія въ области ощущенія *давленія*, мы кладемъ на ту часть кожи, чувствительность которой желаемъ опредѣлить, маленькія тяжести изъ пробкового дерева и посредствомъ повторныхъ опытовъ опредѣляемъ, какая необходима тяжесть, чтобы она была едва ощутима. Большое число опытовъ, произведенныхъ такимъ способомъ, показало, что въ этомъ отношеніи чувствительность кожи очень измѣнчива и измѣняется смотря по областямъ. Въ результатѣ получилось, что *порогъ возбужденія* для давленія равняется 0,002 — $^1/_{50}$ грамма.

Т. е. пробковый шарикъ вѣсомъ отъ $0{,}002 = \frac{1}{500}$ гр. будетъ производить едва замѣтное *ощущеніе* давленія.

Для опредѣленія порога возбужденія въ области слуха заставляли падать пробковый шарикъ на стеклянную доску; интенсивность звука, произведеннаго такимъ образомъ, какъ мы видѣли, будетъ измѣняться, смотря по тяжести шарика и по высотѣ, съ которой онъ падаетъ. Найдено, что звукъ, произведенный пробковымъ шарикомъ, вѣсящимъ 1 миллиграммъ, и падающимъ съ высоты 1 миллиметра въ то время, когда ухо находится на разстояніи 1 миллиметра, даетъ едва замѣтное слуховое ощущеніе. Точно такимъ же образомъ мы можемъ опредѣлить порогъ возбужденія и для ощущеній свѣта, температуры и т. п.

Теперь послѣ того, какъ мы опредѣлили, какое должно быть возбужденіе, чтобы получилось едва замѣтное различіе ощущенія и послѣ того, какъ мы опредѣлили порогъ возбужденія, мы можемъ отвѣтить на вопросъ, *изъ какихъ единицъ складывается ощущеніе.*

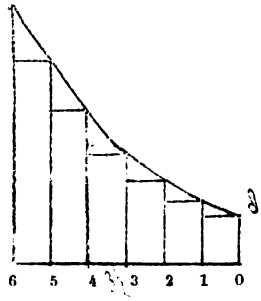
Намъ казалось совершенно немыслимымъ самое существованіе такой единицы, но психологи утверждаютъ, что такая единица существуетъ, что эта единица и есть то, что мы называемъ *едва замѣтнымъ ощущеніемъ*. Это едва замѣтное ощущеніе, какъ мы видѣли, получается въ томъ случаѣ, если мы къ данному возбужденію придадимъ возбужденіе, находящееся къ нему въ опредѣленномъ отношеніи; а также въ томъ случаѣ, когда мы на нашъ органъ чувства дѣйствуемъ при помощи возбужденія, едва переходящаго за порогъ.

Ростъ *ощущенія* можно представлять себѣ именно такимъ образомъ, что оно складывается изъ этихъ едва замѣтныхъ ощущеній, которыя мы и считаемъ единицами ощущенія.

Изъ этого ясно, что ощущеніе можетъ расти также непрерывно, какъ и возбужденія. Ясно также, что ощущеніе растетъ въ зависимости отъ возбужденіи. Весь вопросъ въ томъ, какого рода эта зависимость. Мы видѣли, что это не есть зависимость пропорціональности, что ощущеніе не растетъ пропорціонально возбужденію, а именно существуетъ совершенно особенный законъ соотношенія между ощущеніями и возбужденіями. Зависимость или соотношеніе это для случая ощущеній тяжести я постараюсь изобразить графически.

Возьмемъ какую-нибудь линію неопредѣленной длины; раздѣлимъ ее на равныя части и обозначимъ точки дѣленія посредствомъ 0, 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Эта линія обозначаетъ собою ростъ ощущенія, такъ что 0 положимъ соотвѣтствуетъ едва замѣтному ощущенію, *1* соотвѣтствуетъ ощущенію бо́льшему, *2* еще бо́льшему и т. д. Теперь постараемся обозначить возбужденія опять-таки при помощи относительной величины линій. Мы знаемъ, что едва замѣтному ощущенію соотвѣтствуетъ «порогъ возбужденія», обозначимъ его посредствомъ линіи *Ob*. Возьмемъ ощущеніе, которое выражается при помощи 1. Спрашивается, какой величины *возбужденіе* соотвѣтствуетъ этому ощущенію, едва замѣтно

отличающемуся отъ ощущенія 0. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, вспомнимъ Веберовскій законъ. Какъ мы видѣли, онъ состоитъ въ томъ, что для полученія ощущенія, едва замѣтно отличающагося отъ предыдущаго, мы къ прежнему возбужденію должны прибавить еще $^1/_3$. Слѣд. въ точкѣ 1 мы должны возставить перпендикуляръ, равняющійся $bO + {}^1/_3\, bO$. Разсуждая такимъ же образомъ, мы для опредѣленія величины возбужденія, соотвѣтствующаго ощущенію 2, должны взять линію, выражающую величину возбужденія для ощущенія 1 и прибавить къ ней одну треть ея величины.



Черт. № 2.

Поступая такимъ же образомъ по отношенію ко всѣмъ другимъ точкамъ, мы найдемъ величину возбужденія для всѣхъ ощущеній, которыя мы обозначаемъ цифрами 1, 2, 3, 4 и т. д.

Теперь, если мы соединимъ вершины этихъ линій, то мы получимъ кривую возбужденій, которая вполнѣ выразитъ собою отношеніе между ощущеніями и возбужденіями. Именно, если бы мы, напр., пожелали опредѣлить, какое возбужденіе соотвѣтствуетъ ощущенію, которое мы обозначимъ, напр., посредствомъ числа $3^1/_2$, то это очень легко сдѣлать: нужно только въ точкѣ, соотвѣтствующей этому числу, возставить перпендикуляръ до пересѣченія съ кривою; величина этого перпендикуляра опредѣлитъ собою величину возбужденія.

Здѣсь мы изобразили только отношеніе между ощущеніемъ тяжести и соотвѣтствующимъ ему возбужденіемъ. Знаменитый нѣмецкій физикъ *Фехнеръ* нашелъ возможность выразить при помощи чиселъ отношеніе между любымъ ощущеніемъ и соотвѣтствующимъ ему возбужденіемъ, именно онъ нашелъ, что между ними существуетъ тоже самое отношеніе, какъ между числами и соотвѣтствующими имъ логариѳмами.

Всякій знаетъ, что называютъ логариѳмами. Между числами и ихъ логариѳмами существуетъ опредѣленное, такъ называемое функціональное отношеніе. Я не стану говорить о томъ, какимъ образомъ составляется таблица логариѳмовъ, а замѣчу только, что отношеніе между ними таково, что по логариѳму можно опредѣлить число, и наоборотъ.

Если мы возьмемъ таблицу логариѳмовъ, то увидимъ, что въ ней имѣются два столбца чиселъ: въ одномъ обыкновенныя, а въ другомъ

логариѳмы. Кромѣ того, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ растутъ логариѳмы, то мы увидимъ, что логариѳмы возрастаютъ медленнѣе, чѣмъ числа, подобно тому, какъ величины ощущеній возрастаютъ медленнѣе, чѣмъ величины возбужденій. Если, напр., въ одномъ столбцѣ стоитъ 1, то въ другомъ 0; для числа 10 логариѳмъ равняется единицѣ, для 100 равняется 2 и т. д. Слѣд., мы здѣсь видимъ, что въ то время, какъ числа растутъ опредѣленнымъ образомъ, — логариѳмы, соотвѣтствующія имъ, также растутъ, но совершенно своеобразно.

Если мы разсмотримъ ближе ростъ логариѳмовъ, то увидимъ, что между ихъ ростомъ и ростомъ возбужденій есть извѣстная аналогія. Логариѳмамъ 0, 1, 2, 3 и пр. соотвѣтствуютъ числа 1, 10, 100, 1000 и т. д. Разсмотримъ, въ какомъ отношеніи здѣсь находится приращеніе къ первоначальной величинѣ? Разность между 10 и 1 равна 9, между 100 и 10 = 90, между 1000 и 100 = 900. Слѣдовательно, отношенія прироста къ первоначальной величинѣ равны $^{9}/_{1}$, $^{90}/_{10}$, $^{900}/_{100} = 9$. Эти отношенія тождественны, всѣ равны 9. Слѣдовательно, отношеніе между предыдущимъ и послѣдующимъ числомъ постоянно равно числу 9.

То же самое отношеніе, какое мы здѣсь имѣемъ между ростомъ чиселъ и соотвѣтствующихъ имъ логариѳмовъ, мы имѣли и въ отношеніи между ростомъ ощущеній и возбужденій. Мы видѣли, что, когда ощущенія возрастаютъ на одинаковую величину, то возбужденіе возрастаетъ такимъ образомъ, что приращеніе ихъ сохраняетъ всегда одинаковое отношеніе къ данной величинѣ возбужденія. Точно такимъ же образомъ здѣсь логариѳмы увеличиваются на равныя величины, когда числа возрастаютъ такимъ образомъ, что приращеніе ихъ сохраняетъ всегда одинаковое отношеніе къ данной величинѣ. Итакъ, можно сказать, что ощущенія возрастаютъ какъ логариѳмы, въ то время, какъ возбужденія увеличиваются какъ числа; или, еще короче, такъ какъ каждая величина возбужденій можетъ быть выражена опредѣленнымъ числомъ—*ощущеніе* равняется *логариѳму возбужденій. (Законъ Фехнера).*

Другіе психологи отношеніе между возбужденіемъ и ощущеніемъ формулируютъ нѣсколько иначе. Они говорятъ, что *ощущенія растутъ въ ариѳметической прогрессіи въ то время, какъ возбужденія растутъ въ геометрической.* Очень не трудно показать, какимъ образомъ они приходятъ къ этому выводу. Мы видѣли, что если къ одному грамму прибавить $^{1}/_{3}$ грамма, то получится едва замѣтное ощущеніе. Чтобы получить такое же едва замѣтное ощущеніе при 2 граммахъ—нужно прибавить $^{2}/_{3}$ грамма. Это едва замѣтное приращеніе ощущенія въ обоихъ случаяхъ считается тождественнымъ.

Начнемъ наши опыты съ 2 миллиграммовъ, съ которыхъ начинается порогъ возбужденія. Будемъ писать съ одной стороны возбужденія, а съ другой—едва замѣтныя ощущенія. Если первое возбужденіе равняется 1, то второе возбужденіе должно равняться $1 + {}^{1}/_{3}$, т. е.

$^4/_3$ перваго возбужденія. Слѣд., каждое слѣдующее возбужденіе должно равняться $^4/_3$ предыдущаго, чтобы вызвать едва замѣтное возбужденіе. Если мы возьмемъ, напр., 2 миллиграмма, то у насъ получится слѣдующій рядъ:

2 $2\,(^4/_3)$	Первое едва замѣтное ощущеніе (назовемъ его черезъ 1)
$[2\,(^4/_3)]\,^4/_3 = 2\,(^4/_3)^2$	Второе едва замѣтное ощущеніе—2.
$[2\,(^4/_3)^2]\,^4/_3 = 2\,(^4/_3)^3$	Третье едва замѣтное ощущеніе—3.
$[2\,(^4/_3)^3]\,^4/_3 = 2\,(^4/_3)^4$	Четвертое едва замѣтное ощущеніе—4.

Слѣдовательно, здѣсь у насъ получается рядъ ощущеній, растущій въ ариѳметической прогрессіи въ то время, какъ возбужденіе растетъ въ геометрической *).

Теперь мы имѣемъ вполнѣ достаточное количество данныхъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, можно ли измѣрить интенсивность ощущеній. Мы на этотъ вопросъ должны отвѣтить, конечно, утвердительно. Возьмемъ ту формулу, по которой *ощущеніе равняется логариѳму возбужденій*. Эта формула имѣетъ то значеніе, что при помощи ея, если намъ дано какое нибудь *ощущеніе*, мы всегда можемъ опредѣлить, какое ему соотвѣтствуетъ *возбужденіе*, и наоборотъ, если намъ дана величина *возбужденія*, то мы всегда можемъ опредѣлить величину *ощу-*

---

*) У Фехнера въ его Elemente d. Psychophysik B. II имѣется другое, болѣе сложное доказательство того же положенія. Онъ исходитъ изъ слѣдующихъ двухъ математическихъ положеній. Именно, во-1-хъ, что «увеличенія двухъ непрерывныхъ величинъ, зависящихъ одна отъ другой, остаются пропорціональными въ то время, когда онѣ очень малы», и во-2-хъ), что «малыя увеличенія ощущеній пропорціональны увеличеніямъ возбужденія». Допустивъ согласно изслѣдованіямъ Вебера, что увеличеніе, которое прибавляется къ возбужденію, будетъ очень незначительно по отношенію къ этому послѣднему, назовемъ возбужденіе β и малое увеличеніе черезъ $d\beta$.

Относительное увеличеніе возбужденія будетъ тогда $\frac{d\beta}{\beta}$; съ другой стороны назовемъ γ ощущеніе, которое зависитъ отъ возбужденія β и $d\gamma$ наименьшій приростъ ощущенія, который происходитъ во время роста возбужденія $d\beta$.

По изслѣдованіямъ Вебера величина $d\gamma$ остается постоянной, если $\frac{d\beta}{\beta}$ остается постоянной какую бы абсолютную величину не имѣли $d\beta$ и $d\gamma$. И на основаніи того математическаго закона, который приведенъ былъ выше, измѣненія $d\gamma$ и $d\beta$ остаются пропорціональными между собою, пока они чрезвычайно малы. Эти два отношенія выражаются слѣдующимъ уравненіемъ:

$$d\gamma = k\frac{d\beta}{\beta}$$

гдѣ k постоянная величина. Интегрируя это уравненіе, получимъ, что

$$\gamma = k \log \beta.$$

Это и выражаетъ величину ощущенія. Фехнеръ (1860 г.) такъ формулировалъ этотъ законъ, названный имъ психофизическимъ: «*Ощущеніе* равняется *логариѳму возбужденія*».

щенія. Если намъ дана какая-нибудь величина возбужденія, то намъ стоитъ найдти въ таблицѣ логариѳмовъ число, выражающее эту величину, тогда соотвѣтствующій ему логариѳмъ будетъ означать величину ощущенія, и наоборотъ, если намъ дана величина *ощущенія*, то мы при помощи той же таблицы логариѳмовъ можемъ опредѣлить, какое ему соотвѣтствуетъ возбужденіе *).

Если бы мы спросили, можно ли на основаніи вышесказаннаго утверждать, что ощущенія могутъ измѣряться, то несомнѣнно, на этотъ вопросъ мы должны отвѣтить утвердительно. Ощущеніе, конечно, измѣримо, разъ мы можемъ сказать, какому ощущенію какое соотвѣтствуетъ возбужденіе? Мы здѣсь достигаемъ того, чего мы вообще достигаемъ при помощи измѣренія, т. е. точности и опредѣленности. А гдѣ же единица мѣры? Какъ мы видѣли —это то едва замѣтное ощущеніе, изъ котораго по предположенію психологовъ складывается ощущеніе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ измѣреніемъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что ощущеніе обладаетъ матеріальной природой? Это мы разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Болѣе подробно см. Вундтъ. «Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ». Лек. 3-я.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

I.

Въ саду.

— Я хотѣла бы умереть!

— Гм! Оно и видно.

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Первая изъ собесѣдницъ осторожно выпутывалась изъ гамака, въ которомъ она лѣниво качалась, подъ тѣнью почернѣвшей отъ дыма липы.

— Нѣтъ, — выговорила она, наконецъ, расправляя складки своего хорошенькаго голубого платья,—льщу себя надеждой, что по мнѣ этого не видно. Я не разъ уже говорила вамъ, милая Мона, что въ дѣлѣ пріобрѣтенія хорошей практики, умѣнье причесываться, по крайней мѣрѣ, не менѣе важно, чѣмъ умѣнье разсѣкать трупы.

Она тряхнула темно-красными локонами и съ вызывающимъ видомъ выпрямилась во весь ростъ; — злѣйшій критикъ не посмѣлъ бы сказать, что ея внѣшность не соотвѣтствуетъ ея принципамъ. Внезапно она вся точно ослабѣла, опустилась, и лицо ея выразило глубокое отчаяніе, полу-искреннее, полу-напускное.

— А все-таки я желала бы умереть,—повторила она.

— Не вижу, зачѣмъ вамъ заставлять меня желать того же? Почему вы бросили читать?

— Бросила! Это мнѣ нравится! Я и не начинала. За цѣлые полчаса я ни разу не перевернула страницы. Вотъ награда за терпѣніе!.. Который часъ?

— Четверть перваго.

— Только-то? А списки выставятъ не раньше двухъ. Мы когда пойдемъ?

— Около трехъ, я думаю,—это будетъ благоразумнѣе,—чтобы избѣжать давки.

— Благодарю васъ! Я намѣрена быть тамъ ровно въ два. Давки никакой не будетъ. Вѣдь это не матрикулы; притомъ же теперь всѣ разъѣхались. Какъ жаль, что я не могла тоже уѣхать! Дали бы знать по телеграфу,—и кончено. А тутъ будутъ тебя поджаривать на медленномъ огнѣ. Одинъ просмотръ списковъ чего стоитъ!..

Она вдругъ оборвала свою рѣчь. Мона вернулась къ своей книгѣ, но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ зонтикъ подруги заслонилъ отъ нея страницу.

— Пріятная перспектива, не правда ли?—мучиться для того, чтобъ другія студентки узнали, что всѣ перешли, кромѣ тебя!

— Люси, вы невыносимы. Уложили вы свои вещи?

— Точно такъ-съ.

— Вы намѣрены ѣхать всю ночь въ этомъ платьѣ?

— Не будучи милліонершей, какъ вы,—не собираюсь. Вы и не подозрѣваете, какую компанію придется выдержать этому платью. Но не захотите же вы, чтобъ я шла въ Бёрлингтонъ-гоузъ въ своемъ старомъ саржевомъ?

— Почему же нѣтъ? Вы сами говорите, что всѣ разъѣхались.

— Совершенно вѣрно. Потому-то мы и будемъ *en évidence* *), какъ исключенія. *Я* вовсе не желаю, чтобъ меня принимали за «передовую женщину». Тамъ будетъ кой-кто изъ мужчинъ, и я...

Но Мона не слушала. Она поднялась съ подушекъ, на которыхъ лежала, и расхаживала взадъ и впередъ по травѣ.

— А знаете, что, Мона,—говорить вы можете, что хотите, а все-таки вы сами волнуетесь, хотя у васъ-то ужъ нѣтъ никакой на это причины.

Мона остановилась и скользнула взглядомъ по своей товаркѣ.

— Почему это? Вы думаете, что если я разъ прошла черезъ эту пытку, такъ ужъ и привыкла, какъ угорь къ тому, что съ него сдираютъ кожу?

— Какія глупости! Какъ вы ухитрились провалиться тогда;—этого я не берусь объяснить, да и никто не возьмется, но что вамъ, при всемъ желаніи, не удастся повторить такой подвигъ,—это ужъ вѣрно. Вы, конечно, попадете въ списокъ перешедшихъ съ отличіемъ.

Мона пожала плечами.

— Можетъ быть,—выговорила она спокойно,—если только перейду Но вопросъ въ томъ, перейду ли?

Теперь подруги шли рядомъ.

— А еслибъ вы даже и не перешли? Это былъ бы позоръ для экзаменаторовъ и жестокая обида для васъ, но, помимо этого, не вижу тутъ ничего ужаснаго. Огорчаться вѣдь некому.

---

*) На виду.

Мона вспыхнула, подняла брови и, изумленно повернувъ голову къ товаркѣ, устремила на нее вопросительный взглядъ.

— Я хочу сказать,—торопливо заговорила Люси,—что вы... не такая, какъ я... ну, словомъ, что вы не дочь деревенскаго пастора. Если я провалюсь, я сдѣлаюсь басней всего прихода. Зеленщикъ будетъ выражать мнѣ черезъ прилавокъ свое соболѣзнованіе; почтальонъ разнесетъ свѣжую новость по всей округѣ, и въ первый же базарный день объ этомъ узнаютъ всѣ сосѣдніе фермеры. *Pater*'у это будетъ страшно обидно; онъ...

— Насколько я его знаю, мнѣ кажется, это не помѣшаетъ ему высоко нести голову.

Обѣ разсмѣялись.

— Кстати, вы мнѣ напомнили...—Люси вынула письмо изъ кармана;—онъ страшно безпокоится насчетъ вашего пріѣзда; ему такъ хочется, чтобъ вы погостили у насъ это лѣто. Вы вѣдь его совсѣмъ очаровали. Съ тѣхъ поръ даже я грѣюсь въ лучахъ вашей славы. Онъ рѣшилъ, что изъ меня въ концѣ-концовъ таки можетъ выйти что-нибудь путное, если у меня хватило смысла оцѣнить васъ.

— Я сама не понимаю, почему насъ съ вами такъ тянетъ другъ къ другу,—раздумчиво выговорила Мона.—Должно быть, я на дѣлѣ менѣе серьезна, чѣмъ кажусь, а вы не такая вѣтреница, какой васъ считаютъ. Мы сходимся, такъ сказать, на общей почвѣ. Я вижу въ васъ ту сторону моей природы, которую я обыкновенно не нахожу возможности проявить; очень возможно, что и я на васъ произвожу такое же впечатлѣніе. Каждая изъ насъ избавляетъ другую отъ необходимости...

— Полноте, пожалуйста,—перебила Люси.—Я никогда не затрудняюсь «проявить» свою природу, да и вы, слава Богу, не всегда такъ мрачны, какъ сегодня. Но вы, конечно, не пріѣдете? Что для васъ пикники и лаунъ теннисъ, когда вы Вѣчный жидъ въ юбкѣ?

— Это ужасно мило со стороны вашего отца; не умѣю сказать, какъ я цѣню его доброту, но боюсь, что пріѣхать я дѣйствительно не могу.

— Я такъ и думала. Куда же вы на сей разъ направите свой путь—къ сѣверному полюсу, или въ пустыни Аравіи?

Мона засмѣялась.

— Сказать правду, мнѣ нужно сначала свести счеты и провѣрить свои капиталы, прежде чѣмъ двинуться куда-нибудь.

— Какъ! *Вамъ?* Этакому-то Крезу?

— Упрекъ заслуженъ, хоть, можетъ быть, вы и не собирались упрекать меня. Я слишкомъ много истратила. Экстренныя работы въ лабораторіи, извозчики...

— И ваши хорошенькія платья...

— ...и мои хорошенькія платья,—повторила Мона, съ видомъ человѣка, добровольно исповѣдующаго свои грѣхи.

— И неразрѣзанныя книги только-что изъ-подъ пресса.

— Ну, этихъ не слишкомъ-то много.

— И благотворительность.

— Увы! въ моей записной книжкѣ такіе расходы занимаютъ очень мало мѣста.

— Да билеты въ концерты, да перчатки для неимущихъ подругъ, да кресла въ театръ,—и каждый разъ по два вмѣсто одного...

— Вздоръ, Люси! Принимая во вниманіе, какъ мы работали, не могу сказать, чтобъ мы тратили слишкомъ много на развлеченія. Нѣтъ, нѣтъ, на все это денегъ хватило бы. Отецъ оставилъ мнѣ приблизительно четыреста фунтовъ въ годъ.

— Боже милостивый!

Еслибы Мона прибавила еще ноль, ея подруга не была бы болѣе поражена громадностью суммы.

— Ну, вотъ! Вы удивляетесь, какъ настоящая школьница...

— Дѣйствительно, школьница!

— Вамъ дается тридцать-сорокъ фунтовъ въ годъ, и вы воображаете, что на эти деньги вы одѣваетесь, путешествуете, развлекаетесь и потихоньку покупаете себѣ лакомства. Вы не замѣчаете, что родители, кромѣ этого, еще массу тратятъ на васъ; это для васъ такъ же естественно, какъ воздухъ, которымъ вы дышите. Вы ходите съ матерью въ шкафы и кладовыя, ѣздите съ отцомъ въ городъ, и каждый разъ при этомъ тратите деньги или получаете вещи, которыя стоятъ денегъ. Кромѣ того, вы дѣлаете долги; когда это открывается, происходитъ семейная сцена, вы немножко поплачете, отецъ запуститъ руку въ карманъ, и въ результатѣ — долги заплачены, и вамъ перепалъ фунтикъ-другой. Все это я отлично знаю. Ваше жалованье— чистѣйшая коммерція. Надо все это принять въ расчетъ, прежде чѣмъ судить о моихъ доходахъ.

Люси все время стояла съ потупленными глазами. Теперь она подняла ихъ и медленно выговорила, передразнивая манеру пріятельницы:

— Не думаю, чтобы я когда-либо въ жизни слышала болѣе одностороннее сужденіе.

Мона засмѣялась.

— Всѣ революціи и реформаціи—плоды односторонніхъ сужденій.

— Я уже просила васъ не изводить меня своей ученостью. Притомъ же, ваше сѣмя падаетъ на каменистую почву. Пожалуста, не вздумайте продѣлывать свои опыты революцій и реформъ надо мной!

— Другъ мой, если вы намѣрены цитировать древне-еврейскую литературу, пожалуйста, сначала ознакомьтесь съ ней хорошенько. Вы мнѣ напомнили, что я не дочь священника; позвольте мнѣ напомнить вамъ, что сѣмя, упавшее на каменистую почву, взошло.

— Ну и радуйтесь! Богъ съ нимъ, съ этимъ сѣменемъ! Вы сказали, что получаете четыреста фунтовъ въ годъ?

— Приблизительно. Иногда больше, иногда меньше. Этотъ годъ выпалъ какъ разъ неудачный, и я сильно подозрѣваю, что теперь я сижу на мели. Если,—какъ я горячо надѣюсь, — мои подозрѣнія несправедливы, я съѣзжу недѣльки на двѣ въ Скай. Кромѣ того, я обѣщала провести мѣсяцъ на восточномъ берегу Шотландіи, у кузины моего отца.

— Мнѣ казалось, что у васъ нѣтъ родныхъ.

— Да ихъ и нѣтъ, кромѣ этой,—по крайней мѣрѣ, кузины. И этой я никогда не видала и, вѣроятно, даже не узнала бы о ея существованіи, еслибъ она не написала мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прося одолжить ей двадцать фунтовъ стерлинговъ. Теперь ея дѣла поправились, но она все не можетъ забыть одолженія и разсыпается въ благодарностяхъ. Не думаю, чтобъ она была настоящей леди. Дѣду моему повезло въ жизни больше, чѣмъ всѣмъ его роднымъ; отцу тоже, такъ что это моя вина, если мы съ кузиной Рэчелью *не* пошли разными путями.

— Зачѣмъ же вы ѣдете къ ней?

— Право не знаю. Давно обѣщала,—она собственно проситъ, чтобъ я совсѣмъ поселилась у нея;—притомъ же мнѣ хочется взглянуть на «владѣнія предковъ».

— А другихъ родныхъ у васъ нѣтъ?

Мона засмѣялась.

— Сестра моей матери недавно вернулась изъ Индіи съ своимъ супругомъ, но мы и теперь такъ же далеки другъ отъ друга, какъ въ то время, когда насъ раздѣлялъ океанъ. Не думаю, чтобъ она и съ матерью были особенно близки. Къ тому же трудно себѣ представить, какъ она смотритъ на женщинъ, изучающихъ медицину.

— Погодите, — сказала Люси. — Когда вы будете знаменитымъ врачемъ...

— Знаю, знаю,—разъѣзжающимъ въ собственномъ экипажѣ.

— На парѣ кровныхъ лошадей.

— Закутаннымъ по уши въ драгоцѣнные соболя.

— Въ пріемной котораго терпѣливо ждутъ герцогини и т. д. и т. д. Ну да, тогда она пожалѣетъ. Она, конечно, страдаетъ какой-нибудь непонятной внутренней болѣзью, надъ которой напрасно ломали себѣ голову всѣ лондонскіе врачи. Въ концѣ концовъ она рѣшится на послѣднее средство—обратиться ко мнѣ. Я приду, посмотрю, махну рукой, глядишь, она и здорова. Но, конечно, трудно ожидать, чтобъ она это предвидѣла заранѣе. Для этого требуется умъ выше дюжиннаго; притомъ же это испортило бы все дѣло.

II.

Списки.

Сомнѣнія больше не можетъ быть. Списки выставлены.

Еще издали дѣвушки увидали небольшую группу людей, безмолвно и жадно пробѣгавшихъ столбцы именъ. Тѣ, кому удалось занять первыя мѣста, не спѣша дѣлали отмѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ. Стоявшіе позади напрягали зрѣніе, напрягали каждую мышцу въ тѣлѣ, усиливаясь разглядѣть одно имя, удостовѣриться въ единственномъ фактѣ, интересномъ для нихъ.

— Я говорила, что надо было подождать,—спокойно сказала Мона, стараясь не выдать своего волненія, хотя дыханіе спиралось у нея въ груди.

— Можетъ быть, я могу помочь вамъ?—предложилъ высокій господинъ, стоявшій рядомъ съ ними.—Скажите мнѣ фамилію особы, интересующей васъ.

— О, благодарю васъ,—отозвалась Мона съ любезной улыбкой.—Мы подождемъ. Мы интересуемся нѣсколькими лицами.

Онъ посторонился, чтобы пропустить ихъ впередъ; скоро очередь дошла до нихъ.

— По второму разряду!—воскликнула Люси, дойдя до собственной фамиліи; въ этомъ возгласѣ слышались и облегченіе, и досада. Ну и за то спасибо! Дайте-ка взглянуть, кто со мной. А теперь посмотримъ перешедшихъ съ отличіемъ. Мона Моклинъ... Мона Моклинъ...

Второй списокъ былъ очень коротокъ; нѣсколькихъ секундъ оказалось достаточно, чтобъ убѣдиться...

— Охъ!—невольно вырвалось у Люси, когда истина сдѣлалась для нея очевидной.

— Тссъ!—тихо и торопливо выговорила Мона.—Такъ оно и должно быть. Идемте.

Она потащила подругу внизъ по ступенькамъ и мимо почтовой конторы, по Риджентъ-стритъ.

— Вотъ что, голубчикъ, надо вѣдь еще послать эти проклятыя телеграммы...—начала Люси, словно оправдываясь

— Да, да, знаю. Спѣшить некуда. Дайте мнѣ подумать.

Солнце свѣтило ярко, но руки Моны были холодны, какъ свинецъ. Она не вѣрила въ новую неудачу. Тутъ какая-нибудь ошибка. Ея фамилію напечатали неправильно, или, можетъ быть, случайно совсѣмъ пропустили ее. Завтра дѣло разъяснится. Не можетъ быть, чтобы она опять провалилась на экзаменѣ. Да и вправду ли тамъ нѣтъ ея имени? Можетъ быть, она сама проглядѣла его?

— Люси,—сказала она,—вы ничего не имѣете противъ того, чтобы вернуться и еще просмотрѣть списки?

— Конечно, надо вернуться. Мы, должно быть, ошиблись. Это просто смѣшно.

Но въ глубинѣ души она знала, что онѣ *не* ошиблись.

Когда онѣ вернулись, возлѣ доски съ именами почти никого уже не было; ничто не мѣшало имъ внимательно и спокойно просмотрѣть списки отъ начала до конца.

— Это стыдъ и позоръ!—негодовала Люси. —Велика радость перейти, если экзаменаторы такъ мало смыслятъ въ своемъ дѣлѣ!

— Вздоръ! Такъ оно и должно быть. Вѣдь мнѣ попался билетъ, который я хуже всего знала. Идемте.

— Можетъ быть, вы подождете здѣсь, пока я отправлю телеграммы?

— Нѣтъ, я пойду вмѣстѣ съ вами.

Онѣ скрылись отъ жары и свѣта въ пыльной полутемной лавчонкѣ. Мона у стола оперлась локтемъ на прилавокъ. Теперь она начинала вѣрить, но осмыслить случившагося еще не могла.—Какъ я буду мучиться завтра!—думала она, вздрагивая отъ ужаса.

— Радость и горе идутъ рядомъ!—улыбнулась она, прочитавъ телеграммы, написанныя подругой.—...«Двѣ мелющія въ жерновахъ: одна возьмется, другая оставится».

— Да перестаньте же!—вскричала Люси, слегка топнувъ ножкой. Въ эту минуту она страдала больше, чѣмъ Мона.

Обѣ дошли до Гоуэръ-стритъ, не проронивъ ни слова.

— Зайдете напиться чаю? Не хотите? Ну такъ до свиданія, дорогая. Берегите себя. Мой сердечный привѣтъ вашимъ родителямъ. Пишите мнѣ сюда.

Мона весело кивнула головкой подругѣ, отперла дверь своимъ ключемъ и вошла въ прохладныя темныя сѣни. Она еле еле дотащилась до своей уютной гостиной, вошла и заперла дверь на задвижку. Она содрогнулась при видѣ старыхъ знакомыхъ—Квэна, Фостера, Митчеля, Брюса, рабочей лампы, ящика съ инструментами, которые она любила величать «игрушками изъ слоновой кости». Взглядъ ея упалъ на ея собственное отраженіе въ задрапированномъ зеркалѣ и она подошла въ плотную къ блѣдному, энергичному, выразительному лицу.

— Не все ли равно? — выговорила она, какъ бы бросая кому-то вызовъ. Мы съ тобой отъ этого не заплачемъ. Не все ли равно? *Ay de mi!* Развѣ есть на свѣтѣ что-нибудь важное? И что такое въ сущности успѣхъ или неуспѣхъ?

Изъ этого монолога вы можете составить себѣ довольно правильное понятіе о возрастѣ моей героини.

III.

«Безуміе юности».

На другой день, утромъ Мона говорила себѣ:

— Неужто начинать опять сначала всю эту муку? Нѣтъ, ужъ лучше бросить все и эмигрировать.

Она полулежала, облокотясь на подушки; волосы ея всѣ спутались отъ безсонной ночи; руки разсѣянно играли шнурками и кружевомъ утренняго капота.

— Почему это не несутъ кофе?

Она не успѣла докончить, какъ вошла горничная съ подносомъ, соблазнительно уставленнымъ разными яствами.

— Вы плохо выглядите, барышня. Вамъ нездоровится?—участливо освѣдомилась она. Мона была изъ тѣхъ жилицъ, которыми дорожатъ.

— Нѣтъ. Только голова болитъ. Я сегодня не выйду. Черезъ полчаса принесите мнѣ горячей воды.

— Какъ это люди эмигрируютъ? — продолжала себя спрашивать Мона, когда горничная ушла.—Запасаются горшками и кастрюлями,— это я знаю, но это при отъѣздѣ;—а потомъ, когда пріѣдутъ? Интересно знать, гожусь ли я въ фермерши. Что тамъ ни говори, а вѣдь въ жилахъ моихъ течетъ немало доброй старой мужицкой крови. Что дѣлаютъ переселенцы? Мужики роются въ землѣ; на долю женщинъ должно быть выпадаетъ стряпня и штопанье. Завидная перспектива!.. Въ мои лѣта, говорятъ, нельзя получить шахъ и матъ, а похоже на то, очень похоже.

Часъ спустя, Мона углубилась въ вычисленія. Передъ ней лежали на столѣ счетныя книги; на отдѣльныхъ листкахъ красовались столбцы цифръ, изъ дѣйствій преобладали сложеніе и вычитаніе. Съ каждой минутой складка между ея бровями врѣзывалась глубже.

— На мели!—выговорила она наконецъ, поднявъ голову и скрестивъ руки.—Это слишкомъ мягкое выраженіе. Нѣтъ, милая моя Люси, это ужъ не мель, а подводные камни.

Она долго сидѣла, молча потомъ взяла пачку писемъ, на которыя она еще не успѣла отвѣтить, вытащила одно, откинулась на спинку кресла и обвела критическимъ взоромъ конвертъ.

— По виду нельзя сказать, чтобы корреспондентка была интеллигентная. Насмѣшники, пожалуй, назвали бы и самое письмо безграмотнымъ. Чтожъ изъ того?

Мона развернула письмо и тщательно перечла его. Первый разъ она небрежно пробѣжала его и отложила въ сторону;— письмо пришло въ самый разгаръ экзаменаціонной горячки,—но теперь, будь это предсказаніе Дельфійскаго оракула, Мона не могла бы штудировать его съ бо́льшимъ вниманіемъ.

«*Дорогая кузина*,—получила ваше письмо нынче утромъ и, получивши его, очень обрадовалась. Боюсь, что вамъ здѣсь покажется скучновато, послѣ Лондона,—ну, да ничего; мы будемъ стараться развлекать васъ.

(«Гмъ!—подумала Мона;—это означаетъ чай съ пирожками и коржиками домашняго приготовленія,—цвѣточныя выставки,—можетъ быть, даже изрѣдка *soirée* въ капеллѣ. Куча развлеченій»!)

«Никто здѣсь не подозрѣваетъ о вашемъ намѣреніи сдѣлаться докторшей, а чего не знаешь, то и не обидно. У насъ такое намѣреніе показалось бы очень страннымъ, признаться, я и сама такъ думаю и не теряю надежды, что вы встрѣтитесь съ какимъ-нибудь красивымъ господчикомъ...»

(*Господчикомъ!* вздохнула Мона)—«...который заставитъ васъ позабыть объ этомъ. Моя племянница, которая жила у меня нѣсколько лѣтъ, теперь уѣхала въ Америку вѣнчаться, вы теперь у меня почти что единственный близкій человѣкъ, и мнѣ бы очень хочѣлось, чтобъ вы надумались жить у меня, пока сами не выйдете замужъ. Да и денежки поберечь не мѣшало бы; мнѣ платы не надобно, довольно и того, что буду не одна, а въ компаніи. Мнѣ все равно надо искать кого-нибудь на мѣсто племянницы, а вѣдь разница большая, свой человѣкъ живетъ или чужой. Кровь то вѣдь не вода сами знаете.»

(Вотъ ужъ не знаю,—подумала Мона.—Мнѣ кажется, милѣйшая кузина, что возьми вы себѣ помощницу по газетному объявленію, всякая подошла бы вамъ лучше меня. Это все равно, что взять ребенка на воспитаніе).

«Черкните словечко, когда васъ ожидать.

«Любящая васъ кузина, «Рэчель Симпсонъ».

Мона задумчиво свернула письмо и снова вложила его въ конвертъ, затѣмъ встала изъ-за письменнаго стола, бросилась въ кресло-качалку и заложила руки за голову.

Не мало трудныхъ задачъ рѣшила она подъ мѣрныя убаюкивающія движенія этой качалки, но сегодня и это не помогало. Мона вскочила съ мѣста и принялись ходить изъ угла въ уголъ. Отъ времени до времени она останавливалась у окна и разсѣянно смотрѣла на ломовыя телѣги, нагруженныя багажемъ и направляющіяся къ станціи желѣзной дороги, или обратно.

— Почему это мнѣ все вдругъ стало противно?—думала она.—Еслибъ на земномъ шарѣ нашелся уголокъ, гдѣ мнѣ дѣйствительно хотѣлось бы побывать, я, пожалуй, съумѣла бы добыть денегъ; но у меня нѣтъ желаній. Я даже почти не жалѣю о томъ, что не выдержала экзамена.

Она вернулась къ письменному столу, взяла перо, бумагу и принялось быстро писать. Въ такомъ настроеніи люди не задумываются надъ рѣшеніями, которыя могутъ наладить или исковеркать всю жизнь.

«*Милая кузина Рэчель*,—когда я получила ваше письмо, у меня было очень много дѣла и заботъ; вотъ почему я не отвѣтила на него раньше.

«Неудивляюсь, что вы не видите надобности въ женщинахъ-врачахъ; это естественно, когда живешь въ здоровой мѣстности, въ деревнѣ, гдѣ кажется и болѣзней никакихъ не знаютъ, кромѣ дряхлости, лихорадокъ да переломовъ. Можетъ быть, еслибъ. вы побывали здѣсь въ какой-нибудь больницѣ, вы перемѣнили бы мнѣніе, но объ этомъ мы поговоримъ при свиданіи. Гожусь ли я лично для жизни, которую избрала, это вопросъ другой. Относительно этого, само собой, даже и непредупрежденные люди могутъ думать различно. Въ послѣднее время мнѣ не везло, хотя я работала добросовѣстно; вдобавокъ я истратила больше денегъ, чѣмъ бы слѣдовало. По этимъ и еще по другимъ причинамъ, которыя не такъ легко выразить словами, мнѣ страшно хочется уйти на время отъ лондонскаго шума и суеты—мнѣ хотѣлось бы уѣхать, именно въ деревню, гдѣ можно читать, думать, жить спокойно и, если можно, быть кому-нибудь полезной.

«Съ Вашей стороны было очень мило предложить мнѣ поселиться у васъ на неопредѣленное время. Вы не знаете, какая я нелюбезная и замкнутая; но если вы дѣйствительно готовы купить «поросенка въ мѣшкѣ», я, съ своей стороны, готова пріѣхать къ вамъ на полгода. Къ концу этого времени вы узнаете бо́льшую часть моихъ недостатковъ и подыщите себѣ болѣе подходящую помощницу. Я буду платить вамъ за столъ, сколько вы сами назначите, и очень буду рада, если съумѣю быть вамъ чѣмъ-нибудь полезной.

Преданная вамъ Мона Маклинъ».

Завтракъ былъ уже на столѣ, когда Мона кончила писать. Она подняла крышку съ блюда, съ отвращеніемъ поглядѣла на аппетитныя котлетки, положила себѣ на тарелку одну и—замечталась.

— Мона, душа моя, это не годится,—сказала она, съ усиліемъ отрываясь отъ своихъ грезъ.—Шахъ и матъ, или не шахъ и матъ, а увядать, какъ цвѣточку, я тебѣ не позволю, и морить себя голодомъ тоже—*Hörst du wohl* *)?

Послѣ геройской, хотя и не совсѣмъ удачной попытки позавракать Мона перечла только что написанное письмо, стараясь относиться къ нему критически.

Вложивъ въ конвертъ и запечатавъ, она пожала плечами.

— Безуміе юности! Ну и пусть! Кто не былъ юнъ? А людей не безумныхъ тоже очень немного.

Она надѣла шляпку и сама отнесла письмо на почту. Ей именно хотѣлось собственноручно опустить его въ ящикъ; къ тому же она разсчитывала, что прогулка развлечетъ ее: съ ней рѣдко бывало, чтобъ

*) Слышишь?

она не заглядывалась на витрины магазиновъ. Но сегодня ничто ея не радовало, она безцѣльно бродила по улицамъ, не замѣчая выставленныхъ въ окнахъ изящныхъ вещей.—Если бы я перешла,—думала она,—какъ бы я теперь была счастлива!

Усталая, она вернулась домой. Въ передней ее ждала горничная.

— Безъ васъ пріѣзжали двѣ дамы, барышня,—въ каретѣ,—и вотъ эту карточку оставили.

Мона взяла карточку и прошла къ себѣ.

На карточкѣ стояло: «Леди Мунро», и въ уголкѣ адресъ: «Глочестерская площадь, Портманъ-скверъ», а на обратной сторозѣ было написано карандашомъ.

«Страшно жалѣю, что не застала. Вы должны отобѣдать у насъ въ пятницу, въ восемь часовъ, непремѣнно. Отговорокъ не принимаемъ».

Лицо Моны озарилось улыбкой.

— А вѣдь тетушка-то, пожалуй, испортитъ мнѣ все дѣло.

Улыбка исчезла и вмѣсто нея появилась морщинка между бровями.

— Если только оно уже не испорчено!—добавила мысленно дѣвушка, вспомнивъ объ отправленномъ письмѣ.

IV.

Сэръ Дугласъ.

Наступила пятница. Мона одѣлась особенно тщательно; ей хотѣлось показать себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Посторонній наблюдатель сказалъ бы, что ея настоящія унынie и апатія только мѣрило страстнаго энтузіазма, съ которымъ она относилась къ избранному ею дѣлу; она и сама это прекрасно знала, но въ данный моментъ могла видѣть въ жизни исключительно ея тѣневую сторону. Прошлое и будущее представлялись ей одинаково мрачными и противными—«*Grau, grau, gleichgültig grau*»;—и естественный, горячій протестъ юности противъ такого удѣла принялъ форму рѣшенія насладиться какъ можно полнѣе проблескомъ свѣта и радости. Она забудетъ все, кромѣ настоящей минуты; въ новую сферу она вступитъ новымъ человѣкомъ.

Когда Мона вошла, леди Мунро и дочь ея были однѣ въ гостиной.

Леди Мунро была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя на все окружающее ихъ кладутъ отпечатокъ своей личности. Комната, занимаемая ею, скоро становилась какъ бы частью ея самой; друзья давно знали за ней эту особенность и каждый разъ подчеркивали ея проявленіе.

Шаблонная лондонская гостиная совершенно измѣнила свой видъ подъ восточными коврами и драпировками; по угламъ стояли группы роскошныхъ тропическихъ растеній; изъ индійскихъ бокаловъ граціозно выглядывали чудныя пышныя розы: нѣсколько изящныхъ лампъ обливали комнату матовымъ свѣтомъ.

— Мона, неужели это ты?

Леди Мунро поднялась съ кушетки и ласково поцѣловала племянницу въ обѣ щеки. Въ первыя минуты Мона не находила словъ. Она всегда была очень чутка къ красивой сторонѣ роскоши, а тутъ самая атмосфера этой гостиной будила въ ней съ неотразимой силой воспоминанія дѣтства. Прикосновеніе губъ этой прелестной женщины, звукъ ея голоса, мягкій шелестъ платья,—все это доставляло Монѣ утонченное физическое наслажденіе. Строго говоря, лэди Мунро не была красавицей, но безспорно была обаятельной женщиной: въ ней была какая-то неуловимая прелесть; все существо ея, казалось, было пропитано благоуханіемъ. Всѣ знакомые мужчины боготворили ее, но и самый циничный изъ пріятелей ея мужа не посмѣлъ бы отрицать, что она такъ же очаровательна въ обращеніи съ женщинами, какъ и съ мужчинами. Она покоряла сердца не блескомъ остроумія, не живостью характера, а просто тѣмъ, что всегда и вездѣ была самой собой.

— Это моя дочь, Эвелина,—сказала она, кладя руку на плечо рослой дѣвушки—подростка, тихой и кроткой, истой англійской школьницы,—одной изъ тѣхъ хризалидъ, которыя, послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ англо-индійскомъ обществѣ, превращаются изъ дѣтей въ законченныхъ свѣтскихъ женщинъ.

— Я съ минуты на минуту жду мужа. Онъ жаждетъ познакомиться съ вами.

Эвелина медленно подняла свои голубые глаза, спокойно посмотрѣла на мать и снова опустила рѣсницы, ни чуточки не измѣнившись въ лицѣ. Слова леди Мунро были въ сущности любезнымъ искаженіемъ истины. Сэръ Дугласъ Мунро былъ прежде всего свѣтскій человѣкъ. Онъ зналъ толкъ въ винѣ, въ лошадяхъ, и льстилъ себя надеждой, что знаетъ толкъ въ женщинахъ; это послѣднее качество онъ цѣнилъ выше всего. Онъ всю жизнь занимался изученіемъ женщинъ и думалъ, можетъ быть, справедливо, что женская душа для него открытая книга. Одинъ только видъ—*женщина, изучающая мужчину*,—еще не вошелъ въ его коллекцію, но и объ этомъ видѣ онъ уже слыхалъ и въ умѣ отнесъ его къ полезнымъ, но неинтереснымъ разновидностямъ, которыя собственно даже не заслуживаютъ названія «женщины». Поэтому онъ «жаждалъ» знакомства съ Моной Маклинъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ не особенно рьяный энтомологъ «жаждетъ» поимки рѣдкаго, но безобразнаго жука, чтобы пополнить свою коллекцію.

При первой встрѣчѣ новый жукъ несомнѣнно поразилъ его.

— Какъ! Это Мона?—вскричалъ онъ, когда леди Мунро представила ему племянницу;—Мона Маклинъ? докторша?

Мона поднялась съ мѣста и, смѣясь, взяла протянутую ей руку.

— До этого еще далеко. На вакаціяхъ я стараюсь даже забыть, что я готовлю себя въ доктора.

При этомъ мягкомъ освѣщеніи она казалась почти красивой. Леди Мунро забыла, что ея племянница—студентка изучающая медицину, и чувствовала лишь законную гордость владѣльца. Она была увѣрена, что дешевенькая портниха не съумѣла бы уладить такъ изящно эти складки мягкаго сѣраго крепа, а въ томъ, какъ была приколота вѣтка ярко пунцовой герани на плечѣ дѣвушки, сказывалось артистическое чутье.

— Мона портретъ своей матери,—сказала она.

— Д да,—протянулъ сэръ Дугласъ, пользуясь правами родства, чтобы безцеремонно разглядывать дѣвушку.—Она очень напоминаетъ мнѣ тебя въ ея лѣта.

— Какой вздоръ!—поспѣшно возразила Мона;—помните, что я не привыкла къ лести.

— Не привыкли льстить, или чтобы вамъ льстили?

— Ни къ тому, ни къ другому.

И она съ нескрываемымъ, полудѣтскимъ восхищеніемъ посмотрѣла на тетку.

Это видимо понравилось сэру Дугласу, хоть самъ онъ давно пересталъ говорить комплименты женѣ.

— Въ вашемъ лицѣ есть много и отцовскаго,—замѣтилъ онъ,—напримѣръ, ротъ.—Ахъ, славный онъ былъ человѣкъ, одинъ изъ тысячи! Я могъ бы много вамъ поразсказать о нашей жизни въ Индіи...

— Я съ радостью готова слушать,—горячо откликнулась Мона.

— Хорошо, хорошо,—когда-нибудь потолкуемъ.

Слуга въ національномъ индійскомъ костюмѣ доложилъ, что обѣдъ поданъ. Сэръ Дугласъ предложилъ руку Монѣ.

— Еще картинка изъ «Тысячи и одной ночи!»—вскричала она, входя въ столовую.—Что за удивительный геній хозяйничаетъ въ вашемъ домѣ!

— И обѣдъ вамъ подадутъ индійскій,—сказала леди Мунро.—Нуббоо самъ приготовляетъ всѣ *entrées*, супы и соусы. Онъ стоитъ полудюжины англійскихъ слугъ.

Мона взглянула на смуглое бородатое лицо подъ огромнымъ бѣлымъ тюрбаномъ, но не могла опредѣлить, слышалъ ли Нуббоо эту похвалу: взоръ его былъ непроницаемъ. Носилъ ли онъ въ головѣ своей всю философію Будды, или же думалъ исключительно о своихъ *entrées*—сказать было невозможно. Еслибъ вся эта сцена не казалась ей выхваченной изъ «Тысячи и одной ночи», она сочла бы святотатствомъ заставлять человѣка съ *такимъ* лицомъ прислуживать за столомъ.

— Когда я смотрю на Нуббоо, я кажусь себѣ опять маленькой дѣвочкой,—сказала она;—онъ точно кусочекъ моего міра грезъ.

Чуть замѣтная улыбка скользнула по лицу индѣйца, безшумно переходившаго отъ стула къ стулу.

— Именно «міра грезъ»,—засмѣялась ея тетка,—Едва ли ты можешь хорошо помнить свое дѣтство.

— Я совсѣмъ его не помню,—вздохнула Мона.

Во все время обѣда леди Мунро и Мона вели разговоръ почти исключительно между собой; Эвелина лишь изрѣдка вставляла нѣсколько словъ, чтобы смягчить какое-нибудь слишкомъ ужъ мѣткое и характерное замѣчаніе матери, при чемъ скрытый юморъ, звучавшій въ словахъ дѣвушки, ничѣмъ не отражался на ея лицѣ. Сэръ Дугласъ говорилъ ровно столько, сколько этого требовала учтивость, но не больше. Новый жукъ, очевидно, поглощалъ все его вниманіе.

Леди Мунро чувствовала себя какъ-то странно: она гордилась племянницей, готова была полюбить ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ питала къ ней отвращеніе и страхъ,—отвращеніе къ избранной ею профессіи, страхъ передъ ея предполагаемой «ученостью». Леди Мунро презирала ученыхъ женщинъ, но вовсе не хотѣла, чтобъ онѣ презирали ее. Она пустила въ ходъ все свое остроуміе, все свое умѣнье вести разговоръ и все-таки ей было не по себѣ; даже явное восхищеніе Моны не могло вполнѣ разувѣрить ее.

— Какъ это вышло, Мона, что мы такъ мало видѣлись съ тобой?—начала она, когда онѣ перешли въ гостиную, оставивъ сэра Дугласа за столомъ.—Гдѣ ты была, когда мы въ послѣдній разъ пріѣзжали на родину?

— Въ Германіи, кажется. Я прожила тамъ три года по выходѣ изъ школы.

— Ты, кажется, изучала музыку?

— Да, музыку, и немножко живопись.

— Удивительная дѣвушка! Такъ ты музыкантша?

— *Gott bewahre!* *)—невольно вырвалось у Моны.—Мои друзья-музыканты считаютъ меня Тэрнеромъ, а друзья-художники — Рубинштейномъ, изъ чего вы можете заключить, что у меня нѣтъ настоящаго таланта ни къ тому, ни къ другому, и это будетъ истинная правда.

— Это такъ только говорится. Я увѣрена, что ты совмѣщаешь въ себѣ оба таланта!

— Какъ Джэкъ-всезнайка, который зналъ всѣ ремесла и ни въ одномъ не ушелъ дальше подмастерья? Пожалуй, только это очень печально!

— И что же, ты никогда не снисходишь съ высоты своего величія, не развлекаешься, какъ другія молоденькія дѣвушки? «Гомеру чуждо все земное».

— Боюсь, что меня нельзя называть молоденькой дѣвушкой. Вѣдь у васъ, кажется, есть наша фамильная библія,—тамъ записанъ годъ моего рожденія. Къ сожалѣнію, Гомеръ увлекается «земнымъ» гораздо

*) Боже сохрани!

чаще, чѣмъ это подобаетъ его высокому призванію. Я истый эпикуреецъ въ пустякахъ.

— Въ чемъ?

— Простите мнѣ мой школьный жаргонъ. Это значитъ, что я очень увлекаюсь концертами, театромъ, картинными галлереями, не говоря уже объ окнахъ магазиновъ.

— Неужели *ты* способна останавливаться передъ витринами?

Леди Мунро еще разъ съ удовольствіемъ остановила взглядъ на изящномъ костюмѣ племянницы; а все-таки она немножко боялась: можетъ быть, Мона просто смѣется надъ ней?

— Почему же нѣтъ? Мало же вы меня знаете!

— Вѣроятно, тебя привлекаютъ картины, фарфоръ, мебель и т. под.— допытывалась леди Мунро, осторожно нащупывая почву.

— Да, все это я люблю, но люблю также и красивыя шляпы, платья, кружева, почтовую бумагу, и всякія бездѣлушки, только красивыя, конечно. На мякину меня не поймаешь.

— Ты хочешь сказать, что не увлекаешься модой?

Мона глубокомысленно сдвинула брови, очевидно, она хотѣла отвѣтить по совѣсти, потомъ покачала головой и тихонько засмѣялась.

— Ужъ каяться, такъ каяться. Боюсь, что меня очень привлекаетъ мода, мода сама по себѣ—*pure et simple.*

— Если она не безобразна?—серьезно спросила Эвелина.

— Но часто ли она бываетъ безобразной въ рукахъ художницы-портнихи? Судить о модѣ по платью, сшитому простой швеей, такъ же несправедливо, какъ судить объ аріи, сыгранной на шарманкѣ или на грошевой трубѣ.

Леди Мунро засмѣялась.

— Это я должна сказать мужу.—Онъ какъ разъ въ эту минуту минуту вошелъ.—Дугласъ, ты не имѣешь понятія о томъ, какую ересь проповѣдуетъ Мона. Она не меньше насъ интересуется новыми фасонами платьевъ и шляпъ.

Сэръ Дугласъ серьезно смотрѣлъ на Мону. Онъ или не слыхалъ замѣчанія, или старался совмѣстить его мысленно со всѣми чертами ея характера, уже подмѣченными имъ.

Онъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ племянницей и повернулся къ ней, какъ бы намѣреваясь завладѣть ею всецѣло.

— Вы намѣрены серьезно изучать медицину?

— Начинается!—подумала Мона.

Она заранѣе была увѣрена, что онъ отъявленный врагъ «движенія» и, хотя въ эту минуту ей не хотѣлось подымать стараго спора, она чувствовала себя обязанной защищать свое знамя.

— Конечно,—отвѣтила она спокойно.

— И намѣрены потомъ практиковать?

— Безъ сомнѣнія.—Экзаменъ и вся пережитая мука были забыты.

И на послѣднемъ курсѣ Мона не могла бы отвѣтить болѣе увѣреннымъ тономъ.

— Вы очень интересуетесь своимъ дѣломъ?

— Чрезвычайно.

— Мнѣ кажется, объ этомъ не надо и спрашивать,—съ ласковой улыбкой замѣтила леди Мунро.—Такими вещами не занимаются *pour s'amuser!* *).

— Есть другіе мотивы,—возразилъ сэръ Дугласъ, строго поглядѣвъ на жену.—Напримѣръ, честолюбіе...

Это было хорошо сказано, и уваженіе Моны къ своему противнику возросло. Приступъ кашля прервалъ рѣчь сэра Дугласа. Жена тревожно поглядѣла на него!

— Ты бы прописала что-нибудь моему мужу,—сказала она, улыбаясь.

— Не надо!—сердито прохрипѣлъ сэръ Дугласъ; кашель все еще не давалъ ему говорить.

Въ эту минуту Нуббоо доложилъ о новомъ посѣтителѣ, родственникѣ сэра Дугласа. Этотъ послѣдній какъ будто обрадовался перерыву, позволившему снова присвоить себѣ Мону.

Онъ пожалъ руку гостя, вернулся къ племянницѣ и нѣсколько времени сидѣлъ молча, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Дѣло въ томъ,—вырвалось у него наконецъ,—что я никакъ не могу составить себѣ мнѣнія по этому вопросу, т. е. о женщинахъ-врачахъ, положительно не могу. Я думаю на двое. Съ одной стороны—необходимость, жестокая необходимость, съ другой—какая жертва!

Мона не вѣрила своимъ ушамъ. Это было такъ непохоже на прямое, грубое нападеніе, къ которому она готовилась. Инстинктивно она сложила оружіе и сдалась на капитуляцію.

— Я нахожу, что съ вашей стороны необычайно либерально признать необходимость женщинъ-врачей,—сказала она, но кроткое, серьезное лицо ея говорило краснорѣчивѣе словъ.

— *Либерально!* Кто же можетъ не признавать этого? Я бѣшусь при мысли, что наши женщины позволяютъ осматривать себя *мужчинѣ*. Какъ онѣ *могутъ* позволять это! Лѣтъ черезъ пятьдесятъ ни одна женщина не рѣшится сознаться, что съ ней это было когда-нибудь. А все-таки жертва страшно тяжела. Позволить Эвелинѣ пройти черезъ то, черезъ что прошли вы! Да никогда въ жизни!

Взглядъ его съ любовью остановился на бѣлокурой головкѣ дочери.

— Я согласна, что женщинѣ не слѣдуетъ приступать къ изученію медицины ранѣе двадцати трехъ лѣтъ.

— *Двадцати трехъ!* Это дурно и для мужчины, но у него есть такія добродѣтели, которыхъ это не затрогиваетъ. А женщина теряетъ

*) Для развлеченія.

все, что дѣлаетъ ее прекрасной и привлекательной. Вы *должны* очерствѣть и ожесточить свое сердце.

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ бы требуя отвѣта.

— Надѣюсь, что этого не будетъ,—спокойно сказала Мона, глядя ему прямо въ глаза.

— *Вы надѣетесь!*—съ негодованіемъ повторилъ онъ. — Вы *надѣетесь!* И это все, что вы можете сказать? Вы даже не увѣрены?

— Трудно судить о самой себѣ,—задумчиво сказала Мона, снова спокойно встрѣтивъ его испытующій взоръ,— и личное мнѣніе о себѣ человѣка немногаго стоитъ. Думаю, что пока я еще не очерствѣла. Увѣрена, что мои друзья сказали бы то же.

Ей казалось, что онъ читаетъ въ тайникахъ ея души самые сокровенные ея помыслы, и въ данный моментъ она была этому рада: никакой другой аргументъ не могъ бы убѣдить его.

Сэръ Дугласъ опустилъ глаза, почти стыдясь своей запальчивости.

— Вы могли бы и не говорить мнѣ этого,—забормоталъ онъ скороговоркой;—я привыкъ угадывать женскіе характеры по лицу. Весь вечеръ я искалъ въ вашемъ лицѣ жесткихъ линій и былъ увѣренъ, что найду ихъ, но въ немъ нѣтъ и слѣда душевной черствости; все мягко и женственно. И этого я не понимаю! По самой природѣ вашего дѣла вы должны упиваться сценами ужаса.

— Ну, ужъ нѣтъ! Это ужъ совсѣмъ невѣрно! — горячо вскричала Мона. Она засмѣялась бы, еслибъ оба они менѣе серьезно относились къ спору.—Неужели вы относите это и къ сестрамъ милосердія, этимъ благороднымъ женщинамъ, которымъ поневолѣ приходится наблюдать ужасныя сцены?

— Но вы *должны* ожесточить себя, иначе вы не будете годиться для своего дѣло.

— Мнѣ кажется, «ожесточиться»—неподходящее слово. Кто-то сказалъ, что у врача жалость переходитъ изъ эмоціи въ побужденіе,—и это совершенно справедливо.

Сэръ Дугласъ, казалось, взвѣшивалъ ея слова.

— Вы уже работали на трупахъ?

— Да.

— Одно это чего стоитъ! Вѣдь это та же бойня.

— Вы, конечно, знаете, что я смотрю иначе.

Тѣмъ не менѣе Мона пришла въ уныніе, когда сообразила, въ какое положеніе она была поставлена. Ей приходилось или молчать, или говорить на языкѣ, невѣдомомъ ея собесѣднику. Какъ объяснить этому человѣку, что дѣло, для котораго онъ не нашелъ другого эпитета, кромѣ грубаго, презрительнаго, полно красоты, полно чудеснаго? Какъ говорить съ нимъ объ этомъ вѣчно-новомъ полѣ наблюденія и открытій, гдѣ столько простора для зоркаго глаза, искусной руки, мыслящаго мозга и зрѣлаго сужденія? Какъ описать ему эти дивные меха-

низмы, эти тончайшія развѣтвленія сосудовъ, эти уклоненія отъ общаго типа, подчиняющіяся въ своемъ развитіи незыблемому закону, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживающія такое совершенство приспособленія, какое невозможно допустить *a priori?* Какъ жестоко неправильно истолковалъ бы онъ ея слова, еслибъ она заговорила съ нимъ о страстномъ увлеченіи открытіемъ, объ энтузіазмѣ, нерѣдко заставлявшемъ ее забывать и время, и все на свѣтѣ! Лицо ея пылало. — Истинный анатомъ,—думала она,—долженъ быть одновременно механикомъ и ученымъ, артистомъ и философомъ. Кто не совмѣщаетъ въ себѣ всего этого,—навсегда останется простымъ ремесленникомъ.

Сэръ Дугласъ пристально смотрѣлъ на нее. Какъ студентка, изучающая медицину, она была выше его пониманія. Какъ женщина въ данный моментъ она была прекрасна. Такимъ свѣтомъ горятъ глаза лишь у тѣхъ, кто ясно видитъ передъ собой идеалъ.

Однако изслѣдованіе еще не кончено. Надо низвести ее съ облаковъ на землю.

— Помните вы свой первый день въ анатомическомъ театрѣ?

— Да,—Мона глубоко вздохнула, и свѣтъ погасъ въ ея глазахъ.

— Ужасно, не правда ли?

— Да.

— А вы еще говорите, что не очерствѣли!

— Я не думаю,—начала Мона, инстинктивно, какъ истая женщина, избѣгая всякаго намека на догматизмъ,—не думаю, чтобы перестать видѣть въ какомъ-нибудь предметѣ его отталкивающую сторону—значило очерствѣть. Каждый предметъ имѣетъ свою отталкивающую сторону; стоитъ поискать и найдешь; въ анатоміи же, къ несчастью, эта сторона бьетъ въ глаза, такъ что посторонній наблюдатель только ее и видитъ. Такіе вопросы трудно обсуждать съ не врачемъ (не научно-образованнымъ человѣкомъ, поправилась она про себя),—но еслибъ вы изучали медицину, вы сами убѣдились бы, что съ теченіемъ времени забываешь обо всемъ непріятномъ, и видишь только чудо, только красоту.

Наступило продолжительное молчаніе.

— А когда вы получите дипломъ, вы будете лѣчить только лицъ одного съ вами пола?

— О конечно!

Сэръ Дугласъ вздохнулъ свободнѣе.

— Вотъ почему я разсердился, когда жена попросила васъ, хотя и въ шутку, прописать мнѣ лѣкарство. Вы, женщины,—сознательно, или безсознательно жертвуя собой,—идете черезъ моря крови, чтобы исправить страшное зло, которое до сихъ поръ было неизбѣжнымъ. Если вы обдуманно и добровольно начнете повторять это зло, оказывая медицинскую помощь мужчинамъ, вся ваша жертва будетъ сведена на нѣтъ, хуже, чѣмъ на нѣтъ.

Онъ выговорилъ все это прежнимъ запальчивымъ тономъ, и круто перемѣнилъ разговоръ.

— Долго вы останетесь здѣсь?

— Въ Лондонѣ? Право не знаю. Дней черезъ десять я поѣду погостить къ кузинѣ.

Сэръ Дугласъ воспользовался паузой бесѣды своей жены съ гостемъ и сказалъ:

— Брюсъ, позвольте васъ представить моей племянницѣ, миссъ Маклинъ. Будущая медицинская знаменитость,—добавилъ онъ, подмигнувъ женѣ.

Мона засмѣялась.

— Я въ этомъ увѣрена,—замѣтила леди Мунро съ своей неотразимой улыбкой.—Что касается меня, я гораздо охотнѣе обратилась бы къ женщинѣ-врачу, чѣмъ къ мужчинѣ.

Сэръ Дугласъ откинулъ назадъ голову, захлопалъ въ ладоши и хрипло засмѣялся.

— Ну, ужъ если ты это говоришь—надо ждать свѣтопреставленія.

— Дугласъ, что ты? опомнись!—недовольно протянула леди Мунро. Въ эту минуту она искренно вѣрила, что всю жизнь стояла за женщинъ-врачей. Сэръ Дугласъ усѣлся на низенькій пуфъ возлѣ нея и началъ играть отдѣлкой ея платья.

Немного погодя, Мона встала, чтобы проститься. Леди Мунро ласково притянула ее къ себѣ.

— Мона,—я говорила тебѣ, что мы въ понедѣльникъ уѣзжаемъ ненадолго въ Норвегію. Мужъ и я были бы такъ рады, еслибъ ты поѣхала съ нами.

Мона вспыхнула.

— Какъ вы добры! Мнѣ такъ жаль, что это невозможно!

— Почему?—быстро вмѣшался сэръ Дугласъ.—Вы еще успѣете поѣхать къ вашей кузинѣ.

Румянецъ на щекахъ Моны сталъ еще гуще.

— Хитрить безполезно,—начала она,—дѣло въ томъ, что я какъ разъ теперь занимаюсь интереснымъ дѣломъ урѣзыванія расходовъ. Вы знаете,—прибавила она, встрѣтивъ злобный взглядъ сэра Дугласа,—что я не имѣю на васъ ровно никакихъ правъ.

Онъ засмѣялся и положилъ ей руку на плечо.

— Не бойтесь, Мона; мы тоже не намѣрены предъявлять права на васъ. Будущее медицинское свѣтило можетъ продолжать свой путь безъ всякой помѣхи съ нашей стороны. Удостойте насъ своимъ обществомъ на двѣ недѣли, и мы еще останемся у васъ въ долгу.

— Намъ будетъ въ сто разъ веселѣе, если вы поѣдете съ нами,—сердечно вставила леди Мунро.

А Эвелина, какъ всѣ школьницы, склонная дружиться съ первой встрѣчи, ласково обняла рукой станъ кузины.

Такимъ образомъ дѣло устроилось.

— Надо сказать Нуббоо, чтобъ онъ позвалъ вамъ кэбъ,—замѣтила леди Мунро.

— Не нуженъ ей кэбъ, — возразилъ сэръ Дугласъ. — Подберите ваше платье, Мона, и накиньте плащъ; я самъ провожу васъ домой.

Былъ чудный лѣтній вечеръ; въ воздухѣ вѣяло свѣжестью, особенно пріятной послѣ душнаго знойнаго дня.

Естественно, что сэру Дугласу хотѣлось взглянуть на обиталище своего новаго жука, притомъ же, вѣдь онъ, какъ никакъ, приходился Монѣ дядей; однако, когда они дошли до воротъ ея дома, она, съ привѣтливой улыбкой, протянула ему руку, говоря:

— Вы были очень добры ко мнѣ. Спокойной ночи.

— Боюсь, Люси сказала бы, что я храбро «сражалась» съ нимъ,— думала Мона.—Но вѣдь ему нужно было только разсѣчь меня, и я надѣюсь что ему это удалось. Какой онъ странный! У него ужасно своеобразный взглядъ на вещи... А все-таки онъ былъ добръ ко мнѣ и спорилъ честно; онъ могъ нравиться. Надо дѣйствительно слѣдить за собой, чтобы незамѣтно не «очерствѣть», какъ онъ выражается.

Ей бросилось въ глаза письмо отъ кузины; она сѣла въ качалку, съ сожалѣніемъ посмотрѣла на увядшіе цвѣты на плечѣ и разорвала конвертъ.

«*Дорогая кузина*,—ваше письмо только что получила. Спасибо за добрыя вѣсти. Мнѣ теперь и на свѣтъ смотрѣть веселѣе. Сдѣлаю все, что могу, чтобы вамъ хорошо жилось у меня, и, хотя у васъ останется масса свободнаго времени, все таки вы мнѣ будете очень полезны,—и по хозяйству, и въ лавкѣ»...

— Боже мой!—вырвалось у Моны; она выронила письмо и закрыла лицо руками.

V.

Разочарованіе.

Такого удара Мона еще не получала.

Она знала, что отецъ ея отца вышелъ изъ народа, что онъ «самъ пробилъ себѣ дорогу», знала и гордилась этимъ; но самый фактъ, что она этимъ гордилась, показываетъ, что процессъ отдаленія отъ народа завершился окончательно. Она очень смутно представляла себѣ, что такое человѣкъ изъ народа, еще не пробившій себѣ дороги. Она говорила Люси, что кузина Рэчель «не то, чтобы настоящая леди», но въ то же время безсознательно рисовала себѣ хорошенькій, уютный коттэджъ, утопающій въ розахъ, скромную, простую жизнь, ранніе обѣды, случайные визиты сосѣдей, изрѣдка приглашенія на чай и полную свободу гулять, читать, думать и мечтать на утесахъ. Любовь

ея къ морю, въ особенности къ суровому восточному берегу, доходила почти до страсти, которую ей, однако же, рѣдко представлялся случай удовлетворять; эта любовь играла не послѣднюю роль въ ея рѣшеніи.

Она съ гордостью говорила о «доброй, старой мужицкой крови», текущей въ ея жилахъ, но мысль о мѣщанской средѣ, о лавкѣ была ей противна, оскорбляла и ея принципы, и утонченные вкусы, привитые ей воспитаніемъ.

Ей и въ голову не приходило взять назадъ опрометчиво данное слово. Объ этомъ простомъ способѣ выйти изъ затрудненія она даже не подумала. «Въ сущности, что же я могла сдѣлать лучшаго?» сказала она себѣ. — «Если даже сэръ Дугласъ и моя тетка серьезно заинтересовались мной, а не на минуту, не изъ любопытства, развѣ я согласилась бы посвятить имъ всю мою жизнь. Развѣ это дало бы мнѣ удовлетвореніе! О, нѣтъ!»

Однако, вся эта философія не спасла ея ни отъ *mauvais quart d'heure* *) послѣ прочтенія письма, ни отъ послѣдовавшей затѣмъ безсонной ночи.

Это не мѣшало ей видѣть смѣшную сторону положенія.

— Жаль, что Люси здѣсь нѣтъ; то-то бы мы посмѣялись!—сказала она себѣ. И, чтобы отвести душу, она написала длинное письмо подругѣ.

— Пожалуйста, барышня, вы мнѣ давайте знать о себѣ, я ужъ постараюсь приберечь для васъ эти комнатки, — говорила квартирная хозяйка Моны, добрѣйшая ирландка, появлявшаяся въ комнатѣ жилицы въ самые неподходящіе моменты, чтобы предложить свою помощь и пролить нѣсколько слезинокъ.—Этакой барышни съ огнемъ поискать; почитай, никакихъ съ вами хлопотъ; и личико-то у васъ такое ясное, что глядѣть на него—душа радуется.

— Можете быть увѣрены, что, если я опять пріѣду въ Лондонъ, я постараюсь поселиться у васъ,—ласково отвѣтила Мона,—но загадывать впередъ не слѣдуетъ; мало ли что можетъ случиться. — И она вздохнула.

Еслибъ жильцовъ можно было передѣлывать по заказу, м-съ О'Коноръ охотно сдѣлала бы свою жилицу нѣсколько сообщительнѣе. Она жаждала узнать, чья это изящная карета стояла въ среду у ея подъѣзда и кто была красавица барыня, которая такъ огорчилась, узнавъ, что миссъ Маклинъ нѣтъ дома.

Въ понедѣльникъ та же карета появилась снова и исчезла вмѣстѣ съ Моной. Раздумывая на досугѣ объ отъѣздѣ жилички и припоминая подмѣченные ею переходы отъ веселости къ глубокому унынію, мало согласовавшіеся съ ровнымъ характеромъ молодой дѣвушки, м-ссъ О'Коннеръ пришла къ заключенію, что Монѣ представляется блестящая партія, но она пока не знаетъ, на что рѣшиться.

*) Непріятной четверти часа.

VI.

Нэродаль.

— Не говорите мнѣ о *Koriol*'яхъ и *Stolkjaerres*'ахъ!—съ негодованіемъ вскричалъ сэръ Дугласъ:—я никогда въ жизни не испытывалъ такой адской тряски!

Мона засмѣялась.

— А знаете ли, мнѣ кажется, что *Koriol*'и и *Stolkjaerres*'ы играютъ для Норвегіи болѣе важную роль, чѣмъ даже ея горы и фіорды. Они такъ характерны и живописны, такъ красивы въ видѣ деревянныхъ игрушекъ и серебряныхъ украшеній. Картины природы и закаты солнца — все это очень красиво, но удивительно, какъ взрослыя дѣти любятъ приносить съ собой съ прогулки кусочекъ пирога; а въ данномъ случаѣ кусочекъ пирога служитъ превосходной рекламой.

— Можете набивать себѣ хоть всѣ карманы пирогами, но мнѣ нужно что-нибудь посущественнѣй. Вы дѣлайте какъ знаете, а мы съ Модъ съ сегодняшняго дня путешествуемъ въ коляскѣ.

Они сидѣли на зеленомъ бугрѣ на краю пропасти, надъ Нэродалемъ въ Штальгеймѣ.

Въ воздухѣ стоялъ пряный ароматъ травъ и кустовъ; немолчное жужжаніе насѣкомыхъ было слышно даже сквозь отдаленный, глухой рокотъ водопада.

Передъ ними разстилалась «Узкая долина», окаймленная со всѣхъ сторонъ цѣпью нагихъ обрывистыхъ скалъ, на половину тонущихъ въ тѣни, на половину отливающихъ пурпуромъ и золотомъ. Внизу, на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футъ, бѣлою лентой тянулась рѣка, перерѣзанная крошечными мостиками, по которымъ, какъ мухи, ползли лошади и экипажи. Позади хорошенькій, какъ игрушка, отель, съ своими остроконечными башенками, дерзко выдѣлялся на величавомъ суровомъ фонѣ сѣвернаго ландшафта; еще дальше безконечной, волнистой линіей тянулись гребни горъ и холмовъ, то возвышаясь, то падая, словно морскіе валы.

Лэди Мунро, полулежа въ гамакѣ, дремала надъ романомъ; сэръ Дугласъ курилъ сигару, пуская огромные клубы ароматнаго дыма и поминутно ворча на лишенія, которыя ему приходилось испытывать. Эвелина, съ прилежаніемъ первой ученицы, срисовывала Нэродаль; Мона просто лежала на бугрѣ, заложивъ руки за голову; лицо ея въ эту минуту представляло собой олицетвореніе довольства и покоя.

— Почему это не несутъ кофе? — сказала лэди Мунро, подавляя зѣвоту.—Эвелина, поди спроси, что это значитъ.

— И на верандѣ еще не подавали,—возразила Эвелина, не оборачиваясь:—о насъ они едва ли забудутъ.

— О, конечно нѣтъ!—вставила Мона.—Смѣю васъ увѣрить, что

для такого маленькаго человѣчка, какъ я, большое преимущество путешествовать въ такомъ обществѣ. Я давно слыхала, что идеалъ всѣхъ содержателей гостиницъ—вспыльчивый, требовательный и щедрый англичанинъ, которому они поклоняются, какъ божеству; до сихъ поръ мнѣ это казалось нелѣпымъ суевѣріемъ, но теперь, когда я имѣю удовольствіе быть вашей спутницей, я нахожу этотъ культъ вполнѣ хорошимъ и разумнымъ.

— Ахъ вы дерзкая, маленькая обезьянка!—сказалъ сэръ Дугласъ притворно суровымъ тономъ, хотя углы рта его кривились отъ смѣха.

— Я узнала также,—не смущаясь продолжала Мона, глядя на тетку,—что обаяніе томнаго достоинства, съ оттѣнкомъ англо-индійской повелительности, дѣйствуетъ лучше всякихъ подачекъ на чай. Я намѣрена выучиться подражать этому тону.

— Мона, это слишкомъ зло!

Леди Мунро очень привязалась къ своей племянницѣ, но до сихъ поръ не чувствовала себя при ней вполнѣ спокойной.

— Я лично полагаю,—замѣтила раздумчиво Эвелина,—что уваженію, которымъ насъ окружаютъ, мы всецѣло обязаны Нуббоо.

— Да, дѣйствительно, онъ придаетъ аристократическій видъ всей нашей компаніи. Когда онъ сидитъ на козлахъ, я чувствую, что отъ меня больше ничего ужъ не требуется.

Въ это мгновеніе появилась рослая, бѣлокурая дѣвушка съ глуповатымъ лицомъ, въ живописномъ норвежскомъ костюмѣ; въ рукахъ ея былъ подносъ, уставленный чашками и блюдечками; за нею Нуббоо несъ кофе. Они постоянно препирались между собою относительно того, кому подавать кофе, при чемъ каждый считалъ другого только несносной помѣхой; кончилось тѣмъ, что они, хотя и не особенно охотно, раздѣлили эту обязанность между собой.

Мона встала, поставила свою чашку на маленькій деревянный столикъ и подошла къ Эвелинѣ.

— Ну, какъ твое рисованіе, дитя, — сказала она, ласково кладя руку на плечо дѣвушки.

— Если бъ эти тѣни хоть минуту остались неподвижными! Мона, ты ужасно лѣнива. Садись и рисуй. Смотри, вотъ у меня уже два наброска скалъ и цѣлая куча кустовъ,

— Ахъ,—сказала Мона. — Если бъ мнѣ удалось нарисовать *Dies Irae*, или Преображеніе, тогда я, пожалуй, принялась бы и за Нэродаль.

Эвелина подняла на нее свои голубые глаза.

— Пожалуйста, безъ колкостей,—выговорила она спокойно.

— Почему, если это меня забавляетъ, а тебѣ не приноситъ вреда? Въ дерзкой заносчивости юности, неужели ты хочешь отнять у сварливой старости одну изъ ея немногихъ привилегій? Голубушка моя,—продолжала она, усаживаясь возлѣ кузины,—когда я достигла двѣнадцатилѣтней зрѣлости, я задумала большую историческую картину,

смерть Уильяма II. Я взяла подушку, перевязала одинъ ея уголъ веревочкою и на это грубое подобіе королевской шеи накинула свой собственный мериносовый плащъ съ капюшономъ, который долженъ былъ изображать королевскую мантію. Затѣмъ я швырнула свою модель на полъ, чтобы складки плаща расположились въ живописномъ безпорядкѣ и еще много возилась съ ними, стараясь придать имъ еще болѣе безпорядочный видъ, чѣмъ тотъ, который они приняли случайно. Сказать правду, размѣры и покрой моего плащика были таковы, что я съ одинаковымъ успѣхомъ могла бы трудиться надъ крахмальнымъ воротничкомъ.

— И что-же, эта картина уцѣлѣла?

— Увы, нѣтъ. Не осталось даже наброска. Старая ракита и два розовыхъ куста въ саду служили для меня моделью лѣса; а какъ только кто-нибудь выходилъ изъ комнаты, я слѣдила за каждымъ его движеніемъ, чтобы нагляднѣе представить себѣ Уальтера Тирреля, скрывающагося между деревьями. Только вотъ, королевскихъ ногъ мнѣ не откуда было взять, а ноги вѣдь это отвѣтственная часть картины. Такъ я ея и не кончила.

— Я увѣрена, что картина была прекрасна,—тономъ восхищенія сказала леди Мунро.

— Милая тетя, я сейчасъ совершенно ясно вижу ее передъ собою и хотя въ прошломъ все кажется лучше, потому что смотришь издали, не могу тѣшить себя мыслью, чтобы въ этой картинѣ былъ хоть проблескъ таланта. Въ ней нѣтъ ни одной правильной линіи. Идей у меня было множество, умѣнья—никакого.

— Вѣроятно ты была очень огорчена тѣмъ, что пришлось бросить ее, не докончивъ.

— О нѣтъ! Ничуть не бывало! Съ ногами я, вѣроятно, какъ нибудь устроилась бы въ концѣ концовъ, но въ это время я неожиданно сдѣлала открытіе, что тайна истиннаго счастья заключается въ писаніи романовъ. Я истратила послѣднія свои деньги на пріобрѣтеніе большой тетради и принялась за работу.

— Какъ заглавіе?—спросила Эвелина,—она сама мечтала когда-нибудь написать романъ.

— «Первый шестипенсовикъ Джека», — торжественно выговорила Мона.

— А сюжетъ?...—спросилъ Сэръ Дугласъ.

— Естественно сводится къ тому, какъ Джекъ распорядился своими деньгами. Помнится,—у Моны вздрагивали губы и въ глазахъ сверкали искорки смѣха, но она продолжала тѣмъ же торжественнымъ тономъ,— помнится, что послѣ долгихъ размышленій онъ опустилъ свою монету въ кружку миссіонера. Оглядываясь назадъ, я вижу, что моя пробуждающаяся оригинальность ярче проявилась въ искусствѣ, чѣмъ въ литературѣ.

— А это ты кончила?—спросила Эвелина.

— Д-да, только не сразу. Я исписала уже страницъ двѣнадцать, какъ вдругъ мнѣ пришло въ голову заглавіе новаго разсказа. Первыя-же деньги пошли на покупку новой тетради; на первой страницѣ я написала

«Бэнтамскій Пѣтухъ и Пестрая Курица,
разсказъ
Моны Маклинъ».

— Это звучало очень красиво, но продолжать я была не въ состояніи ни за какія блага міра. Мнѣ до сихъ поръ не пришло въ голову ни одной мысли по поводу этого «Бэнтамскаго Пѣтуха и Пестрой Курицы». Поневолѣ пришлось вернуться къ бѣдному Джеку; а въ слѣдующемъ году когда я поступила въ школу, вся вторая тетрадь была исписана разными числами, которыя я считала своимъ долгомъ запомнить.

Мона вскочила на ноги. Ей вдругъ стало стыдно, что она такъ много говорила о себѣ, и она обрадовалась приходу почты изъ Фоссевангена; это былъ естественный предлогъ прервать свои изліянія. *Портье* принесъ пачку писемъ и бумагъ изъ Индіи для сэра Дугласа и письмо Монѣ, написанное рукою Люси. Это письмо заставило ее «свалиться съ неба на землю», какъ она писала подругѣ двѣ недѣли спустя; она положила его въ карманъ и нахмурилась. Непріятно было получить напоминаніе о будничной, сѣренькой, трудовой жизни въ этомъ краю горъ и сѣвернаго сіянія.

Сэръ Дугласъ пошелъ въ комнаты читать и отвѣчать на письма; Эвелина продолжала прилежно рисовать; Мона объявила, что пойдетъ пройтись.

— Я не успокоюсь, — сказала она, — пока не изслѣдую тропинки, которая ведетъ кругомъ этихъ холмовъ къ Іордальсноту. Я скоро вернусь, до ужина еще далеко.

— Мона, милая, это страшно опасно!—воскликнула ея тетка.—Ради Бога, не вздумай итти туда. Тропинка, которая идетъ надъ пропастью, посрединѣ обрыва!

— Это должно быть проѣзжая дорога,—сказала Мони,—иначе она не была бы такъ ясно видна отсюда. Разумѣется, я не стану подвергать себя безполезной опасности, хотя бы уже ради васъ; право вы можете положиться на меня. Видите эту хижину въ концѣ тропинки, возлѣ самаго Іордальснота? Когда я дойду туда, я махну вамъ большимъ шелковымъ платкомъ. Вы можетъ быть еще увидите меня, если останетесь здѣсь до тѣхъ поръ. *Au revoir!*

Она поцѣловала изящную руку тетки, всю осыпанную кольцами, и пошла скорымъ шагомъ человѣка, привычнаго къ дальнимъ прогулкамъ.

Мона заранѣе навела справки, какъ пройти кратчайшимъ путемъ къ Іордальснотъ, и безъ труда нашла указанную ей тропинку. Мили полторы или около того она шла по проѣзжей дорогѣ; дальше тропинка

сворачивала въ поле и, пробравшись сквозь чащу малорослыхъ деревьевъ и густого кустарника, неожиданно выбѣгала на край глубокаго оврага. Внизу ревѣлъ и прыгалъ, пѣнясь, раздувшійся отъ дождей горный ручей; Мона не безъ испуга замѣтила, что черезъ него перекинута, вмѣсто всякаго моста, простая доска.

— Ну-съ, милый другъ,—сказала она себѣ,—если ты думаешь, что способна сохранить хладнокровіе у постели больного въ моментъ кризиса или во время серьезной операціи, докажи это теперь!

Она дала себѣ ровно минуту, чтобы собраться съ духомъ, не оставивъ другой, чтобы одуматься, и храбро ступила на доску.

— Въ сущности, опасности никакой и не было, надо быть идіоткой, чтобы испугаться,—подумала она, очутившись на другомъ берегу, съ характернымъ презрѣніемъ женщины къ подвигу уже совершенному, перешедшему изъ области *возможнаго* въ область *дѣйствительнаго*.

Зато она съ удвоенной энергіей принялась карабкаться вверхъ по крутой, каменистой тропинкѣ, которая вывела ее на возвышенное плато. Вокругъ стояла жуткая тишина; горы столпились вокругъ молодой дѣвушки дружной семьей; рѣка внизу казалась такой же далекой, какъ небо надъ ея головой. Солнце уже зашло. Мона стояла здѣсь одна среди безконечности. Она сняла шляпу, откинула назадъ волосы съ разгоряченнаго лба и тихонько засмѣялась.

Однако времени терять было нечего, путь предстоялъ дальній, и это было только начало. Тропинка оказалась, какъ Мона и думала, проѣзжей дорогой, и опасности никакой не представляла, если, конечно, не увлекаться величіемъ окружающаго до такой степени, чтобы совсѣмъ не смотрѣть себѣ подъ ноги. Тропинка была пустынна, разъ только передъ Моной неожиданно, какъ изъ земли выросла фигура мужчины,—вѣроятно, туриста изъ отеля, потому что, проходя мимо, онъ приподнялъ шляпу.

— Изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, прибывшихъ сегодня въ Штальгеймъ, только одинъ далъ себѣ трудъ подняться сюда, гдѣ не слышно грохота колесъ *каріолей*. И зачѣмъ они ѣздятъ въ Норвегію?

Дойдя до хижинки, видимой изъ Штальгейма, Мона, какъ было условлено, долго махала платкомъ, но напрасно ждала отвѣтнаго сигнала. Отсюда было очень близко до Іордальснота, но, къ великому огорченію дѣвушки, передъ ней открылась зіяющая пропасть, съ рѣчкой въ глубинѣ, перейти которую было немыслимо. Тропинка, по которой она пришла, вела по скату въ глубину, поворачивая почти подъ прямыми углами.

— Очевидно, мнѣ сегодня не добраться до цѣли, — сказала себѣ Мона,—надо, по крайней мѣрѣ, посмотрѣть, куда ведетъ тропинка.

Она стала спускаться, но, не видя конца тропинки, скоро упала духомъ. Къ тому же за послѣдніе полчаса декорація измѣнилась. Въ воздухѣ чувствовалась сырость; жалкіе карлики-деревья заслоняли видъ, высокая, мокрая трава путалась между ногами, мѣшая идти.

— Придется вернуться, — съ сожалѣніемъ сказала себѣ Мона, — отдохну минутку, да и пойду домой.

Она присѣла на большой мшистый камень и вдругъ вспомнила о письмѣ Люси. Такъ странно было видѣть въ этомъ уединеніи знакомый почеркъ; дружескій тонъ письма звучалъ такимъ диссонансомъ въ этой суровой обстановкѣ.

«Дорогая Мона,—можетъ быть, вамъ интересно узнать, какъ я себя чувствовала по прочтеніи вашего письма? Я сидѣла на полу и *выла*. Не отъ смѣха, не воображайте, пожалуйста, что ваши остроты очень забавны: отъ нихъ мнѣ стало только вдвое обиднѣе. Не воображайте также, что я намѣрена отговаривать васъ. На васъ не повліяешь и тогда, когда ваше рѣшеніе правильно, а ужъ когда вы *не правы*,— съ вами тогда не стоитъ и толковать: вы упрямѣе мула. Я сказала отцу, что вы будете экзаменоваться въ январѣ и кончите вмѣстѣ со мной. Раза два у меня мелькнула ужасная мысль, что вы, пожалуй, согласитесь удовольствоваться свидѣтельствомъ вмѣсто диплома: но чтобы вы все бросили, это мнѣ даже и въ голову не приходило. Вѣдь это абсурдъ, надо съ ума сойти, чтобы такъ поступить. Если вы, какъ вамъ угодно выражаться, «бросили свиньямъ» три или четыре года своей жизни, это еще не причина, чтобы бросить имъ и пятый.

«И неужели у васъ хватаетъ дерзости предполагать, что изъ васъ выйдетъ хорошая буфетчица? Эта профессія требуетъ врожденнаго таланта и тщательнаго воспитанія. Смѣю спросить, знакомо ли вамъ слово—флиртъ? Способны ли вы флиртировать съ такимъ усердіемъ, какъ будто отъ этого зависитъ ваша жизнь? Способны ли вы хотя бы научиться флирту? Лично позволяю себѣ въ этомъ усомниться. Вы, вѣроятно, думаете, что ваша поучительная бесѣда и ученыя остроты сослужатъ вамъ такую же службу, или даже лучшую?—будутъ забавлять мужчинъ, поучая? *Gott bewahre!*

«Вы, можетъ быть, думаете, что годитесь въ приказчицы, хотя бы въ лавкѣ съ полотнянымъ товаромъ? Напрасно! Развѣ вы съумѣете угодить прихотямъ и капризамъ всякаго Тома, Дика и Гарри, которымъ вздумается оказать вамъ милость поторговаться съ вами изъ за нѣсколько копѣекъ? Неужели вы не понимаете, до какой степени вы, употребляя вашу собственную метафору, пропитаны положительнымъ электричествомъ? Въ каждой изъ насъ есть оба рода электричества; въ васъ было и есть только одно; и всѣ мы послушно поворачиваемся къ вамъ отрицательной стороной, отыгрываясь на томъ, что подставляемъ положительную всему остальному міру. Можете-ли вы надѣяться, что уживетесь хотя бы съ своей кузиной? Вы думаете, ей будетъ пріятно, если вы станете дѣлать ей выговоры за то, что она расхваливаетъ «стиль» и «модность» своего товара? Вы думаете «Вечера съ микроскопомъ» замѣнятъ ей веселую болтовню о разныхъ деревенскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ?

«О Мона, другъ мой, моя чудная, прекрасная Мона, не будьте такой идіоткой! Напишите вашей кузинѣ, что вы сдѣлали глупость, и обѣщайте, что мы увидимъ въ октябрѣ ваше милое личико. Я не могу представить себѣ аудиторіи безъ васъ!

«Во всякомъ случаѣ, голубчикъ, отвѣчайте мнѣ и поскорѣе. Почему вы не разскажете побольше о супругахъ Мунро? Можно ли такъ поступать—подержать у меня передъ глазами такой лакомый кусочекъ, какъ сэръ Дугласъ, и сейчасъ-же отдернуть руку? Можно ли такъ мучить человѣка? Вы знаете: вспыльчивые, старые англо-индійскіе вояки—моя мечта, Schwärmerei, etc. etc. etc».

Мона засмѣялась, но въ глазахъ ея стояли слезы. Письмо Люси не могло серьезно повліять на нее, но все же оно ее огорчило, привело въ уныніе и дало богатую пищу мыслямъ. Она долго сидѣла, опершись головой на руки и разсѣянно глядя на раскрытое письмо. Внезапно капля дождя, упавшая на бумагу, заставила ее вспомнить объ окружающемъ, и она въ испугѣ вскочила на ноги. Вокругъ было до странности темно. Между деревьями ползъ туманъ; дождь, очевидно, зарядилъ надолго.

VII.

Сынъ Анака.

Когда Мона выбралась на открытое, сравнительно освѣщенное пространство, оказалось, что туманъ быстро сползалъ внизъ по склонамъ холмовъ. Дождь лилъ не переставая, окутывая ее густою, влажной пеленой.

— Ты права, Люси, я дѣйствительно идіотка,—сказала она себѣ,—но на этотъ разъ виновата скорѣе ты, чѣмъ я.

Она страшно торопилась, но скоро ей пришлось замедлить шагъ. Тропинка была достаточно широка, но мѣстами изрыта канавами, а дальше, чѣмъ на шагъ, впереди, уже ничего не было видно.

— Мнѣ положительно не выбраться изъ этихъ зарослей—сказала себѣ Мона съ спокойствіемъ отчаянія.—Первый разъ я нашла дорогу совершенно случайно, а вѣдь тогда свѣтило солнце.

Она серьёзно подумывала о томъ чтобы провести ночь на холмѣ и даже присѣла съ этой цѣлью на мокрый камень, но скоро платье ея пропиталось водой, зубы стучали отъ холода; по неволѣ пришлось идти дальше.

— Развѣ закричать?—подумала она.—Нѣтъ, я въ жизнь свою не кричала и не стонала, такъ неужели теперь начинать?

Однако въ глубинѣ души она хорошо знала, что непремѣнно стала бы кричать, если бы была хоть малѣйшая надежда, что ее услышатъ; но призывать на помощь туманъ и горы—безполезно.

У нея мелькнула мысль, что дядя вышлетъ людей ее разыскивать.

Въ первый моментъ она вздохнула съ облегченіемъ, но потомъ ужаснулась: хуже этого ничего быть не можетъ. Надѣлать всѣмъ хлопотъ, безпокойства; сдѣлаться на нѣсколько дней предметомъ толковъ въ отелѣ—это слишкомъ унизительно. А главное, придется отказаться отъ своихъ одинокихъ прогулокъ, или каждый разъ вымаливать позволеніе. И всего этого можно было бы легко избѣжать, если бы она не засидѣлась на камнѣ. Гдѣ у нея была голова? — О Люси, я дѣйствительно идіотка—простонала она.

Вдругъ ей послышались шаги позади. Да, сомнѣнія нѣтъ, кто-то подходитъ. Не зная, радоваться ей или тревожится, она остановилась. Сердце ея билось учащенно. Шаги приблизились. Такъ ужасно было чувствовать близость другого человѣка, изо всѣхъ силъ напрягать зрѣніе и ничего не видѣть. Еще минута—и передъ ней вынырнуло, какъ солнце изъ тумана, широкое, загорѣлое, добродушное мужское лицо. Мона съ облегченіемъ перевела духъ.

— Господи помилуй! — вскричалъ обладатель загорѣлаго лица, — пораженный тѣмъ, что видитъ молодую дѣвушку въ такомъ опасномъ положеніи:—неужели вы здѣсь одни?

— Да,—засмѣялась Мона, но смѣхъ ея звучалъ очень неувѣренно и выдавалъ многое, что она предпочла бы скрыть.

— Ну, я очень радъ, что нашелъ васъ,—продолжалъ онъ, стряхивая пѣлый градъ дождевыхъ капель съ своей мокрой соломенной шляпы.— Не хотѣлъ бы я, чтобы моя сестра была здѣсь одна въ такой вечеръ. Не возмете ли вы меня подъ руку? Боюсь, что вы очень устали; притомъ же не легко идти, когда платье липнетъ къ ногамъ.

Мона покраснѣла, но съ радостью взяла его подъ руку. Молодое, безбородое лицо внушало ей полное довѣріе; высокая, плотная, мужественная фигура говорила о несокрушимой силѣ; это былъ настоящій «Сынъ Анака».

— Однако и вымокли же вы! — продолжалъ онъ съ братской фамиліарностью, на которую невозможно было обидѣться. — Я тоже. Но наши мужскіе костюмы въ такую погоду все таки удобнѣе дамскихъ. Можетъ быть, я иду слишкомъ скоро?

— Ничуть! Мнѣ незачѣмъ говорить вамъ, что я рада поскорѣе вернуться домой.

Этотъ двусмысленный комплиментъ разсмѣшилъ ихъ обоихъ.

— Вы очень боялись?—спросилъ онъ.

— Ужасно!—просто отвѣтила Мона и немного погодя прибавила:— теперь мнѣ стыдно вспомнить, какъ я себѣ позволила разнервничаться.

— Ну,—вѣдь и было изъ за чего. Немногіе мужчины чувствовали бы себя хорошо на вашемъ мѣстѣ. Вы далеко зашли?

— Не знаю. За деревьями я не замѣтила тумана. Кстати, а вы дошли до Іордальснота?

— Нѣтъ, я вышелъ именно съ этимъ намѣреніемъ, оставивъ свой

чемоданъ въ гостиницѣ, но туманъ погналъ меня домой. Я очень радъ, что это дало мнѣ случай придти вамъ на помощь,—хотя вы разумѣется справились бы и безъ меня.

— Не умѣю вамъ сказать, какъ я этому рада. Право не знаю, что бы я сдѣлала безъ васъ.

И Мона подняла на своего спутника глаза, въ которыхъ свѣтилась непритворная благодарность. Онъ чуть замѣтно вздрогнулъ. Въ этомъ открытомъ честномъ взглядѣ было что-то неотразимо привлекательное, но было и другое—какое-то странное сходство...

— Вѣдь вы не однѣ путешествуете? — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ,—съ дядей и теткой. Сэръ Дуг... дядя обыкновенно гуляетъ со мной, — но это не значитъ, чтобы я не могла гулять одна, когда мнѣ вздумается; такія случайности, какъ сегодняшняя, вѣдь не идутъ въ счетъ.

Отвѣта не было. Онъ со вниманіемъ смотрѣлъ на нее, какъ будто обдумывая ея слова.

— Пожалуйста, не говорите никому, что вы нашли меня *in extremis*— продолжала Мона;—мнѣ было бы очень грустно отказаться отъ моихъ одинокихъ прогулокъ.

— Какъ же я могу говорить то, чего не было. Я нашелъ васъ вовсѣ не *in extremis*; я даже не зналъ, что вы испугались, пока не услыхалъ вашего смѣха. Вы посмотрѣли на меня съ такимъ достоинствомъ и самообладаніемъ, что мнѣ почти захотѣлось приподнять шляпу и пройти мимо.

Мона недовѣрчиво засмѣялась.

— Вы давно въ Штальгэймѣ?—спросилъ онъ.

— Всего нѣсколько дней.

— Вамъ нравится гостиница?

— Д-да. Это нѣчто среднее между первобытнымъ заѣзжимъ дворомъ и космополитическимъ отелемъ.

— Много теперь туристовъ?

— О, да! Они каждый день прибываютъ сотнями, останавливаются, чтобы выкурить сигару, пообѣдать или выспаться и снова продолжаютъ свою бѣшеную скачку на каріоляхъ. Страшно шумливый народъ; дядя всегда возмущается, когда они стучатъ своими тяжелыми сапогами и громко переговариваются о своихъ частныхъ дѣлахъ съ нижней площадки лѣстницы на верхнюю и съ веранды на дорогу.

— Воображаю,—сказалъ сынъ Анака и засмѣялся.

Туманъ понемногу начиналъ рѣдѣть. Съ помощью незнакомца Мона благополучно спустилась съ обрыва и перебралась черезъ опасный мостикъ.

— Вы не находите, что здѣсь скучно по вечерамъ?

— Нѣтъ, но я могу себѣ представить, какъ должны скучать люди, привыкшіе къ развлеченіямъ.

— Вы вѣроятно сидите на верандѣ?

— Не на той, которая выходитъ на Нэродаль; тамъ всегда толпа народа. Мы себѣ присвоили другую веранду, одну изъ маленькихъ; тамъ и кофе пьемъ, и болтаемъ, а иной разъ по вечерамъ играемъ въ карты.

— Сейчасъ же подите переодѣньтесь,—сказалъ незнакомецъ, когда они подошли къ дому,—и обѣщайте мнѣ выпить стаканчикъ горячаго грогу или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Полноте,—остановилъ онъ ее, когда она начала благодарить его,—не теряйте времени. Я позволю себѣ послѣ ужина явиться къ вамъ на веранду.

Мона съ улыбкой взбѣжала на лѣстницу, хотя послѣднія слова незнакомца немножко ее встревожили. Какого пріема могъ онъ ожидать на верандѣ? Леди Мунро была крайнѣ разборчива въ выборѣ знакомыхъ, а сэръ Дугласъ всѣхъ туристовъ-мужчинъ величалъ «проходимцами» и возмущался даже, когда они осмѣливались заглядываться на его жену или дочь. Если ея новому другу удастся завести разговоръ, они всѣ сразу поймутъ, что онъ джентльменъ, и тогда все обойдется благополучно; но вопросъ въ томъ, удастся ли? Сэръ Дугласъ страшно горячъ и врядъ ли отвѣтитъ благосклонно на авансы совершенно незнакомаго человѣка.

— Сама виновата: незачѣмъ было такъ съ нимъ фамильярничать,— корила она себя. — Поблагодарила бы его, какъ слѣдуетъ, и дѣлу конецъ. Во всемъ сама виновата. Да, Люси, я, дѣйствительно, идіотка!

— Ахъ, какъ я рада, что ты вернулась! — вскричала Эвелина при видѣ входящей Моны; кузины помѣщались въ одной комнатѣ.—Я уже хотѣла идти разсказывать мамѣ.

— А гдѣ тётя Модъ?

— Въ своей комнатѣ. Она пошла къ себѣ скоро послѣ твоего ухода и уснула, такъ что отцу никто ничего и не говорилъ. Я уже собиралась бѣжать къ нему: я такъ боялась за тебя.

— Добрая душа! она и печку велѣла затопить. Вотъ и отлично— я сейчасъ высохну. Къ счастью, погода проясняется.

— У меня вода сейчасъ закипитъ на бензинкѣ; я принесла вина: тебѣ надо выпить чего-нибудь горячаго. Ахъ, Мона, пожалуйста скорѣй переодѣвайся. Въ какомъ ты ужасномъ видѣ.

Мона поспѣшила перемѣнить мокрое платье на теплый капотъ, распустила волосы, выжала изъ нихъ воду и усѣлась около печки, съ наслажденіемъ прихлебывая горячую влагу.

— Какой опасности ты подвергалась! Я представляла себѣ такіе ужасы!...

— Ничуть не бывало. Одинъ изъ сыновъ Анака пришелъ на выручку. Впрочемъ объ этомъ послѣ. Будь добренькой, достань мнѣ изъ шкафа чистое платье.

Мона не опоздала. Она уже прикалывала брошку, когда позвонили къ ужину.—Леди Мунро вышла изъ своей комнаты, свѣжая и благоухающая.

— Ты уже вернулась, Мона?

— Да, тетя.—Но прежде чѣмъ Мона успѣла что-нибудь прибавить, тетка ея обернулась уже къ сэру Дугласу. Пускаться въ объясненія не было времени.

Внезапная перемѣна погоды вынудила многихъ туристовъ остаться ночевать въ гостиницѣ; огромная столовая была переполнена. Мона поймала взглядъ сына Анака, сидѣвшаго на дальнемъ концѣ другого стола, и еще разъ попыталась начать разсказъ о своемъ приключеніи; но судьба была противъ нея: напротивъ сэръ Дугласа усѣлся знакомый, извѣстный профессоръ изъ Эдинбурга, и разговоръ скоро сдѣлался общимъ.

— Будемъ надѣяться, что онъ не сразу придетъ на веранду и дастъ мнѣ время подготовить своихъ,—думала Мона, покоряясь своей участи.

Они перешли на веранду; сэръ Дугласъ закурилъ сигару, но лишь только Мона замѣтила, въ видѣ вступленія, что погода почти совсѣмъ прояснилась, какъ дверь распахнулась: на порогѣ спокойно и самоувѣренно стоялъ ея новый знакомый.

— Тетя Модъ, — начала было она, но голосъ ея потонулъ въ хорѣ восклицаній.

— Какъ, Сагибъ! Дикансонъ Сагибъ! Откуда вы? Вотъ точно съ неба свалился! Какой пріятный сюрпризъ! Кто бы могъ ожидать встрѣтить васъ здѣсь? Ну, садитесь и разсказывайте все по порядку Ахъ, я и забылъ! Позвольте васъ представить: м-ръ Дикансонъ; — моя племянница, миссъ Маклинъ.

— Я такъ и думалъ! — воскликнулъ новоприбывшій, сердечно пожимая руку удивленной Моны. — Если бъ я встрѣтился съ ней въ пустыняхъ Аравіи, и то я поклялся бы, что это родственница леди Мунро.

Такимъ образомъ истина вышла наружу съ легкими измѣненіями.

— Сказать правду,—начала Мона, когда все разъяснилось, — вы поступили со мной не особенно хорошо.

Молодой человѣкъ расхохотался, какъ школьникъ.

— Я увѣренъ, что вы не будете сердиться на меня за эту невинную шутку.

— Нѣтъ; тѣмъ болѣе, что теперь мы квиты. Теперь мы можемъ начать съ новой страницы.

— Надѣюсь, что она будетъ такъ же интересна, какъ и первая.

— Мило сказано, Сагибъ, — замѣтила леди Мунро. — А теперь, неутомимый странникъ, успокойтесь и повѣдайте намъ о вашихъ эксцентрическихъ скитаніяхъ.

*

— Эксцентрическихъ!—повторилъ онъ, намѣреваясь воспользоваться игрою словъ, чтобы сказать ей комплиментъ, но какъ умный человѣкъ, во время раздумалъ. — Это совсѣмъ не трудно. Одна изъ предполагаемыхъ поѣздокъ въ Шотландію разстроилась, — у моихъ знакомыхъ кто-то умеръ — и я примчался сюда. Я былъ увѣренъ, что гдѣ-нибудь я встрѣчусь съ вами: говорятъ, въ Норвегіи знакомые всегда встрѣчаются. Разумѣется, я зналъ, что вы отплыли въ Бергенъ.

— А теперь куда вы направляетесь?

— Вамъ ли спрашивать объ этомъ?—какъ сказали опилки магниту.

Сэръ Дугласъ пошелъ за картой и путеводителемъ; м-ръ Дикансонъ подсѣлъ къ леди Мунро.

— Кажется, не надо и спрашивать, довольны ли вы своимъ путешествіемъ. Видъ у васъ превосходный.

— О да, я просто очарована дикостью здѣшней природы; при томъ здѣсь такой бодрящій воздухъ! Вы понятія не имѣете, какъ я теперь много хожу. Когда Мона съ моимъ супругомъ отправляются въ свои головоломныя экскурсіи, мы съ Эвелиной гуляемъ цѣлыми часами, иногда цѣлыми днями.

Мона быстро вскинула глаза на тетку. Она въ первый разъ слышала объ этихъ удивительныхъ прогулкахъ; но въ это мгновеніе она поймала взглядъ Эвелины, и вопросъ замеръ у ней на устахъ.

— А сэръ Дугласъ?—спросилъ м-ръ Дикансонъ.

Леди Мунро засмѣялась тихимъ, мелодическимъ смѣхомъ.

— О, онъ ворчитъ, какъ всегда; говоритъ, что его здѣсь кормятъ жареной кожей и вареной фланелью. Онъ ужасно радъ, что съ нами поѣхала Мона, да и всѣ мы тоже. Боюсь только, что всѣ мы кажемся ей очень не развитыми. Вы не имѣете понятія о томъ, какія ученыя книги она читаетъ.

— Въ настоящую минуту,—вставила съ важностью Мона,—я читаю «*Моль*» Уида.

Всѣ разсмѣялись.

Сэръ Дугласъ вернулся и разговоръ сосредоточился исключительно на дорогахъ и пароходахъ.

— Я ни за что не хочу ночевать второй разъ въ этомъ отвратительномъ, шумномъ Фоссѣ. Мы здѣсь позавтракаемъ, тамъ возьмемъ свѣжихъ лошадей и къ вечеру будемъ въ Эйдѣ.

— Вы можете быть готовы къ восьми часамъ?—спросилъ Сагибъ леди Мунро.

— О, конечно! Я теперь встаю гораздо раньше восьми.

Сэръ Дугласъ безцеремонно расхохотался.

— Кто такой м-ръ Дикансонъ?—спросила Мона, когда онѣ съ Эвелиной вернулись въ свою комнату.

— Депутатъ-коммиссаръ отъ—я всегда забываю названіе этого города.

— Не бѣда, это для меня не важно. А почему его зовутъ Сагибомъ? Я думала, что въ Индіи всѣ Сагибы?

— Его такъ прозвали въ шутку дома, а потомъ это привилось;— вѣроятно потому прозвали, что онъ еще очень молодымъ занялъ какой-то отвѣтственный постъ.

— Онъ и теперь смотритъ мальчикомъ.

— Ему должно быть не меньше тридцати трехъ.

— Пожалуйста, не говори ему, что я изучаю медицину; я сегодня не сдѣлала особенной чести своей профессіи. Я не хотѣла бы, чтобы онъ изъ-за меня считалъ всѣхъ медичекъ трусихами.

— Ахъ Мона, я хотѣла бы, чтобы ты совсѣмъ не была «медичкой», какъ ты это называешь. Отчего ты не выходишь замужъ?

— Никто не сватается, душа моя. По крайней мѣрѣ, никто, о комъ можно было бы сказать, что онъ «нѣкто».

— Если бы ты поѣхала въ Индію, за тебя сватались бы каждую недѣлю.

— Благодарю. Даже и это не вполнѣ отвѣчаетъ моему идеалу счастья.

— Неужели же ты хочешь оставаться старой дѣвой?

— Этого выраженія въ наше время нигдѣ не услышишь, кромѣ какъ въ стѣнахъ пансіона для благородныхъ дѣвицъ, — строго замѣтила Мона.—О мой другъ, ты теперь переживаешь романтическій періодъ своей жизни; ты и представить себѣ не можешь, какъ высоко я цѣню свою свободу, сколько у меня въ головѣ разныхъ плановъ, осуществленіе которыхъ немыслимо для замужней женщины. Мнѣ кажется, теперь лучше живется именно незамужней женщинѣ. Она обладаетъ всѣми преимуществами своего пола и многими привилегіями другого. Долго ли такъ будетъ продолжаться, не знаю. Будемъ косить сѣно, пока солнце свѣтитъ. «*Ergreife die Gelegenheit! Die kehrt niemals wieder*» *).

— Ну, мнѣ было бы очень грустно думать, что у меня никогда не будетъ своихъ собственныхъ малютокъ.

— О материнство, сколько преступленій совершается во имя твое! Быть матерью, несомнѣнно, дѣло женщины, но для этого необходимо имѣть собственныхъ дѣтей. Ахъ ты, милая моя, добрая дѣвочка! Не сокрушайся обо мнѣ. Желаю тебѣ имѣть столько ребятишекъ, сколько ты сама себѣ пожелаешь, когда придетъ время, и ручаюсь, что у нихъ будетъ прелестнѣйшая мамаша.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*) Лови случай: онъ не повторится.

ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ

(«молодая россія» шестидесятыхъ годовъ).

I.

Изъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей самой странной и сомнительной славой пользуется умѣренность и аккуратность, золотая средина и благоразуміе. Достаточно выговорить все это, чтобы нашему воображенію представился далеко непривлекательный образъ—солиднаго непоколебимо-трезвеннаго мужа, всѣми нервами своей души привязаннаго къ «порядку»—во всѣхъ смыслахъ этого слова, чувствующаго органическую оторопь и безпокойство предъ всякой не особенно шаблонной идеей и не вполнѣ общепринятымъ дѣйствіемъ. Въ какой тошный и нудный процессъ превратилась бы жизнь, если бы исключительно отъ этихъ мудрецовъ зависѣло ея содержаніе и теченіе! И наша литература не уставали преслѣдовать ихъ самими жестокими чувствами, обзывая аккуратныхъ умницъ—Молчалиными, а ихъ добродѣтель «холопскимъ недугомъ».

И литература права.

Тамъ, гдѣ дѣйствительность сама по себѣ безукоризненно умѣренна и благоразумна, гдѣ высшіе перлы ея созданія—Фамусовы всевозможныхъ типовъ и спеціальностей,—тамъ умѣренность и средина граничатъ и даже сливаются съ подлинной пошлостью и безличіемъ. Это справедливо не только относительно русскаго общества и русской канцеляріи. Въ европейской исторіи навсегда останется трагикомическимъ воспоминаніемъ цѣлый періодъ французской внутренней политики, слѣдовавшій за іюльской революціей. Онъ по преимуществу носитъ наименованіе эпохи золотой средины и блещетъ всѣми талантами и проявленіями мудраго опыта и житейскаго благоразумія.

Франція, во всѣ вѣка изобиловавшая чрезвычайно разсудительными мѣщанами, никогда, кажется, не производила столь совершеннаго представителя, національнаго генія, какъ ученый историкъ и государственный мужъ—Гизо. Какая удивительная твердость взгляда, какая героическая прямолинейность поступковъ и вызывающая отвага рѣчей! Ты, мое милое отечество,—

говорилъ строгій педагогъ, обращаясь къ Франціи,—достаточно накуралесило своими революціями,—теперь должно сидѣть смирно и съ благодарностью принимать всѣ опыты и отместки, какіе угодно будетъ производить надъ тобой умнымъ и умѣреннымъ господамъ. Всѣ твои идеальныя увлеченія, разныя химеры на счетъ народнаго блага и настоящей народной свободы—чистѣйшее легкомысліе, преступныя крайности. Истина и счастье—въ золотой серединѣ, т.-е: въ достаточно обезпеченной движимой и недвижимой собственности и въ соотвѣтственномъ образѣ мыслей. Правда, разные щелкоперы полагаютъ иначе, но они въ сущности не имѣютъ даже права вообще что-либо полагать. Пусть сначала наживутъ состояніе, съ котораго казна могла бы взимать по крайней мѣрѣ двѣсти франковъ ежегоднаго налога, тогда мы посмотримъ! Станутъ ли они разговаривать о бѣдственномъ положеніи пролетарія! Мы думаемъ, нѣтъ: двухсотъ франковый налогъ достаточное ручательство за умѣренность убѣжденій и аккуратность поведенія.

Въ такомъ смыслѣ изо дня въ день, въ теченіе многихъ лѣтъ, ораторствовалъ государственный мужъ, упорно не желая протереть очковъ и взглянуть на міръ съ нѣсколько менѣе возвышенной точки зрѣнія. Міръ, наконецъ, потерялъ терпѣніе и однимъ могучимъ движеніемъ, на какое только способна независимая правда жизни, нахлобучимъ колпакъ на нестерпимо ясное чело. Съ тѣхъ поръ *золотая средина* стала во Франціи чуть ли не браннымъ словомъ и ея искреннѣйшіе прирожденные исповѣдники обѣгаютъ злополучный терминъ, подмѣняя его другими менѣе зазорными, вродѣ политики здраваго смысла, примирительная политика и т. п.

Результатъ опять вполнѣ заслуженный.

Распинаться во славу умѣренности и аккуратности въ обществѣ лавочниковъ и биржевиковъ, ежеминутно твердить о порядкѣ и соціальномъ чинопочитаніи купонныхъ и вексельныхъ дѣлъ мастерамъ, по меньшей мѣрѣ то же самое, что съ московскимъ тузомъ ужасаться потрясенія основъ и порухи патріотизму. Но бываютъ совершенно другія положенія, когда умѣренность является въ высшей степени рѣдкой, въ полномъ смыслѣ культурной и политической добродѣтелью, когда средній образъ мыслей дѣйствительно становится золотымъ и чрезвычайно трудно достижимымъ.

Это повторяется неизмѣнно во всѣ времена глубокихъ преобразовательныхъ теченій. Всякая новая идея, отрицающая отжившій строй жизни, уже сама по себѣ обладаетъ великимъ интересомъ, исполнена естественнаго очарованія для всякаго болѣе или менѣе чуткаго ума. Независимо отъ ближайшей практической цѣнности, она увлекаетъ новизной перспективы, смѣлостью и оригиналь-

ностью своихъ плановъ, всей поэзіей надежды и вѣры. И увлеченіе тѣмъ стремительнѣе, чѣмъ упорнѣе сопротивленіе стараго новому и чѣмъ настоятельнѣе и яснѣе необходимость устранить старое.

При такихъ условіяхъ кто и гдѣ съ неопровержимой убѣдительностью укажетъ предѣлы, какихъ не должны переходить новые идеалы? Независимо отъ психологіи идеалистовъ,—сама идея одарена способностью неограниченнаго, вполнѣ логическаго развитія. На извѣстной стадіи, она по мнѣнію иныхъ, переходитъ въ нелѣпость, но это не вина логическаго процесса и не изъянъ мышленія человѣка, сдѣлавшаго извѣстный выводъ. Нелѣпость открыта *внѣшней* критикой, практическими соображеніями, здравымъ смысломъ, а не наслѣжена въ самомъ раскрытіи идеи. Слѣдовательно, нѣтъ *логической* необходимости подчиняться этой критикѣ, и мыслитель предоставленъ исключительно личному благоусмотрѣнію, своимъ личнымъ наклонностямъ въ рѣшеніи вопроса, какое заключеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ исходному положенію.

Очевидно, идейныя крайности, то что̀ обыкновенно называется *радикализмомъ,* во всѣхъ областяхъ мысли въ философіи и въ политикѣ—*теоретическое* явленіе вполнѣ послѣдовательное. Оно такое же звено логическаго процесса, какъ и всякій другой умѣренный, *либеральный* выводъ. Совершенно иной смыслъ радикальная идея можетъ имѣть въ непосредственномъ приложеніи къ жизни, въ своемъ фактическомъ осуществленіи. Здѣсь онъ можетъ обнаружить полную практическую безплодность, непримиримое противорѣчіе съ реальными запросами преобразуемаго порядка вещей, вообще проявить всѣ недостатки чистой абстракціи.

И этотъ результатъ далеко не всѣмъ умамъ можетъ представляться безусловно убѣдительнымъ. Теорія, положимъ, не осуществима, но такой приговоръ имѣетъ значеніе только для даннаго момента. Среда можетъ измѣниться и оказаться способной воспріять идею, въ настоящее время ей чуждую. Такъ это дѣйствительно и бывало съ весьма многими идеями, производившими на современниковъ впечатлѣніе совершенно неудобопріемлемой нелѣпости, и позже доживавшими до общаго признанія.

Слѣдовательно, даже на взглядъ практики и здраваго смысла радикализмъ не можетъ быть признанъ совершенно безнадежнымъ; онъ въ состояніи призвать въ свою защиту историческій опытъ и свое право на существованіе связать съ идеей прогресса, обязательной и для самаго умѣреннаго либеральнаго мышленія.

Легко представить, до какой степени по самому существу вопроса усложняется задача положительнаго или отрицательнаго отношенія къ крайнимъ идейнымъ слѣдствіямъ какого-либо принципа. Исторія неоднократно засвидѣтельствовала этотъ фактъ и

въ самыхъ эффектныхъ формахъ. Она разсказала не одну драматическую ожесточенную борьбу между представителями одного и того же освободительнаго движенія, только остановившихъ свой логическій процессъ на разныхъ пунктахъ. И нерѣдко именно эта разница превращала радикализмъ въ болѣе послѣдовательнаго и безпощаднаго противника людей умѣренныхъ воззрѣній, чѣмъ даже убѣжденный консерватизмъ. Эти явленія особенно поучительны именно въ нашихъ цѣляхъ. Они помогутъ намъ безпристрастно разобраться въ крайне запутанномъ и до сихъ поръ болѣзненно-трепещущемъ вопросѣ.

Намъ предстоитъ стать лицомъ къ лицу съ людьми неограниченной смѣлости въ теоретическихъ умозаключеніяхъ, исполненныхъ смертельной ненависти къ малѣйшему призраку *филистерства*, въ какихъ бы то не было вопросахъ,—литературныхъ, нравственныхъ, политическихъ. А филистерство—это значитъ уступка со стороны прямолинейнаго отвлеченія въ пользу дѣйствительности, сдѣлка силлогизма съ жизнью, такъ называемаго научнаго вывода съ непосредственнымъ чувствомъ. *Нигилизмъ*—такова кличка, данная новому воинственному направленію современнымъ художникомъ, и кличка, очевидно, чрезвычайно меткая. Ее немедленно усвоили и сами герои и ихъ враги. У иностранцевъ она превратилась въ исключительную характеристику русскаго отрицательнаго движенія. Въ журнальной литературѣ шестидесятыхъ годовъ создала цѣлый особый лагерь фанатическихъ преслѣдователей нигилизма, какъ явленія небывало уродливаго, противоестественнаго въ нравственномъ и историческомъ смыслѣ. И позже, на пространствѣ десятилѣтій русскій умѣренный и благонамѣренный гражданинъ при одномъ намекѣ на нигилистовъ переживалъ все тѣ же невыносимо жестокія чувства, какія тургеневскій «сынъ» въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разговора успѣваетъ зажечь въ груди самаго респектабельнаго и культурнаго «отца».

Разумны ли эти чувства и существуетъ ли достаточное основаніе возводить понятіе «нигилиста» на степень жупела?

Не требуется пространныхъ разсужденій, чтобы дать рѣшительно отрицательный отвѣтъ. Стоитъ только припомнить важнѣйшіе моменты европейской поступательной мысли, и типъ «нигилиста» поразитъ насъ своей почтенной исторической давностью, и менѣе всего уродливыми исключительными чертами.

Намъ говорятъ—это дикая монгольская сила. Разрушеніе—ея стихія, отрицаніе—ея страсть, неизлѣчимое невѣріе—ея неразлучный спутникъ. Какое скопище ужасовъ! Изъ нихъ каждаго порознь достаточно, чтобы изъ человѣка образовалось совершенное чудовище и заклеймило несмываемымъ пятномъ свое время и свой народъ.

И изъ такихъ чудовищъ будто бы состояло цѣлое поколѣніе русской молодежи! И оно даже дѣйствовало, сочиняло и печатало статьи, соблазняло малыхъ и воевало съ великими. И оно должно бы оставить въ литературѣ мерзость запустѣнія и завѣщать потомству отвратительную оргію низменныхъ инстинктовъ, потому что—невѣріе и разрушеніе—послѣдніе предѣлы идейной безпринципности и практической преступности. И если французы не знаютъ какъ отчураться отъ своихъ якобинцевъ, куда намъ тогда укрыться отъ упрековъ національной совѣсти, намъ, считающимъ въ числѣ своихъ предковъ Базаровыхъ, Писаревыхъ, Зайцевыхъ, Благосвѣтловыхъ!

Какая страшная галлерея, все что ни фигура, то нигилистъ и отрицатель! И нѣтъ словъ по достоинству оцѣнить этихъ героевъ и эпоху ихъ царства. Возьмемъ первую попавшуюся исповѣдь современника. Она явилась въ 1864 году, въ аксаковской газетѣ *День*, слѣдовательно, можетъ притязать на извѣстную литературность и добросовѣстность.

«Не было той дикости, которой не проповѣдывала бы вслухъ извѣстная часть петербургской журналистики за это время, и не было той грязной выходки, которую бы она себѣ не позволила, вотъ существенныя доблести этой эпохи à la Renaissanse. Наглость, изворотливость, какое-то мастерство лжи и побѣдительный блескъ во взорѣ отъ сознанія именно своей непревосходимости въ этомъ искусствѣ—вотъ истиныя отличія ея нравственнаго достоинства. Заносчивость школьника, тайкомъ прочитавшаго двѣ три запрещенныхъ книжки, и его же капитальное невѣжество—вотъ вѣчно одни и тѣ же проблески этой «зари возрожденія». Можно смѣло сказать, не было того истинно-достойнаго или мало-мальски порядочнаго произведенія въ нашей литературѣ, которое сейчасъ же не подвергалось бы со стороны этого новаго вѣющаго духа всякому оплеванію и осмѣянію. Не было, напротивъ, мельчайшей брошюрки или статейки, ученаго волюминознаго трактата или бѣглой повѣстушки, появленіе которыхъ не привѣтствовалось бы сейчасъ эпохой возрожденія въ трубы и въ литавры, лишь бы авторъ въ нихъ, что называется, выкидывалъ колѣнце. И всякія средства считались позволительными для духоносцевъ этой эпохи, лишь бы достигать своихъ цѣлей, лишь бы давать просторъ новому вѣющему духу. Искаженіе мыслей автора, перетасовка цитируемыхъ изъ него строчекъ, глумленіе надъ нимъ, сочиненіе на его счетъ небывалыхъ анекдотовъ, все допускалось въ полемикѣ не въ видѣ нечаянной обмолвки, а въ видѣ правила, очень сознательно принятаго для руководства»! [1]).

---

[1]) «День» 1864 г.

Это—настоящій обвинительный актъ! Собраны здѣсь, кажется, рѣшительно всѣ преступленія—нравственныя и литературныя—и можно подивиться, какъ нашлась публика, терпѣвшая подобныхъ писателей и даже награждавшая ихъ громкой и довольно прочной славой.

Очевидно, съ обвиненіемъ что то неладно. Прокуроръ или слишкомъ сгустилъ краски или прямо взялъ полемическій партійный тонъ, совершенно не соотвѣтствующій истинѣ. Правда, у прокурора множество единомышленниковъ, именно имъ предстояло до послѣднихъ дней множиться и процвѣтать. Одинъ Катковъ, вооруженный газетой и журналомъ, задачей всей своей жизни поставилъ оберегать отечество отъ язвы нигилизма и разукрашивать чудовище въ что ни на есть яркіе колеры. Подобное усердіе не могло пропасть даромъ и въ тонъ русской печати затянули иноземцы, искренне почувствовавшіе мрачное чуть не адское величіе русскаго нигилизма... Какъ бы эта музыка польстила слухъ нашихъ юныхъ героевъ и въ какое бы невольное изумленіе они впали, узнавъ о своей грандіозности!

На самомъ дѣлѣ—весь этотъ мракъ и все величіе, чистѣйшіе продукты разстроенной или преднамѣренно подогрѣтой публицической фантазіи. Русскіе нигилисты не только не духи зла и отрицанья, даже не демоны романтическаго стиля. И откуда бы взяться подобнымъ геніямъ на русской землѣ—внезапно, непосредственно послѣ образцовой тиши да глади, послѣ неизмѣнно и неограниченно звучавшаго по всей Руси увѣреннаго и властнаго гласа: «все обстоитъ благополучно!»

Мы понимаемъ появленіе на французской сценѣ жирондистовъ и якобинцевъ. Почти цѣлое столѣтіе работало надъ созиданіемъ этой сцены и воспитаніемъ героевъ. И какое столѣтіе! Что ни имя—то своего рода великая держава, а одно—такъ даже стоющее нѣсколькихъ державъ. Писатель, благосклонно принимающій комплименты августѣйшихъ особъ, въ родѣ Екатерины II и Фридриха II, это дѣйствительно грозная сила и достойный предшественникъ законодателей и преобразователей!

А у насъ? Вмѣсто Вольтера, Руссо, Дидро и несчислимыхъ звѣздъ первой и второй величины—одинъ Бѣлинскій и почитатели его «скромно одѣтые» провинціалы, столичные обитатели четвертыхъ этажей и два-три даровитыхъ литератора. Конечно, въ странѣ крѣпостного права и всяческаго безправія и это очень много; но послѣдствія все-таки должны быть соотвѣтственныя. Орлы родятся только отъ орловъ и въ мірѣ физическомъ, и въ мірѣ нравственномъ. Кто умѣлъ читать и оцѣнить Бѣлинскаго, тотъ, конечно, не могъ пребывать въ сонмѣ пресмыкающихся, но врядъ ли также въ состояніи былъ и воспарить подъ облака—

мощнымъ, сознательнымъ полетомъ. Ужъ очень просто и совсѣмъ даромъ давались бы тогда людямъ великія умственныя побѣды. Стоило бы только погромче крикнуть да по-молодецки свистнуть, и всѣ шуты и уроды очутились бы на корачкахъ. Въ русской былинѣ это дѣйствительно такъ и описывается, но ни въ какой жизни этого не бывало и не бываетъ,—не произошло и ради нигилистовъ.

Мы должны свести этихъ героевъ къ ихъ подлинному историческому уровню и опредѣлить ихъ ростъ независимо отъ галлюцинацій не по разуму усердныхъ враговъ. Задача—нехитрая: надо только опредѣленно представить идейную, философскую основу нигилизма, и она уже сама по себѣ броситъ правильный и яркій свѣтъ на психологію дѣйствующихъ лицъ.

II.

Отечественные охранители взапуски усиливались до послѣдней степени взвинтить нигилизмъ и раскрыть его сатанинскій характеръ: это понятно. Чѣмъ величественнѣе представляется врагъ тѣмъ больше чести его побѣдителю, и Катковъ вполнѣ естественнымъ путемъ дошелъ подъ конецъ жизни до отождествленія съ нигилистами всѣхъ инако мыслящихъ. Это и было идеальнымъ разоблаченіемъ крамолы.

Въ другомъ положеніи находились иностранные наблюдатели нигилизма. Если оставить въ сторонѣ обычныя недоразумѣнія знатныхъ путешественниковъ и еще болѣе обычное желаніе вольныхъ политиковъ преувеличивать отрицательныя явленія чужого государства,—въ результатѣ у западныхъ писателей не окажется ни одного основательнаго мотива выдѣлять русскій нигилизмъ въ особую категорію невиданныхъ міромъ революціонныхъ недуговъ

Міру не только давно извѣстны подобные факты, но они, въ сущности, даже распространеннѣе и общедоступнѣе, чѣмъ другія идейныя направленія.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое нигилизмъ, какъ умственный процессъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ доведенная до послѣднихъ *полярныхъ* предѣловъ борьба чистой мысли съ наглядным фактомъ дѣйствительности. Отсюда ясны два заключенія: нигилизмъ, какъ философія, представляетъ одну изъ формъ метафизики, какъ практическая программа—онъ чистѣйшій идеализмъ. Послѣднее понятіе мы беремъ не въ узкомъ нравственномъ смыслѣ, а какъ логическую противоположность реальному мышленію, т.-е. во всѣхъ своихъ стадіяхъ связанному съ опытомъ, съ указаніями дѣйствительности. По поводу философской статьи Чернышевскаго мы указывали на метафическій характеръ матерьялизма шестидесятыхъ

годовъ, по поводу литературныхъ и публицистическихъ разсужденій младшихъ современниковъ автора *Антропологическаго принципа* мы безпрестанно будемъ убѣждаться въ чисто-романтическомъ, непозволительно-мечтательномъ идеализмѣ злополучныхъ положительныхъ умовъ. Эта мечтательность подчасъ будетъ доходить до трогательной наивности, меньше всего характеризующей какую бы то ни было нравственную силу. Напротивъ. Въ глубинѣ подобнаго идеализма всегда лежитъ драма, неизбѣжное противорѣчіе порывовъ личности и органическихъ силъ жизни. О результатѣ столкновенія не можетъ быть и рѣчи. Личность въ высшей степени счастлива, если ей удается покончить вопросъ драматической развязкой; чаще всего «духъ земли» предварительно успѣетъ высмѣять опрометчиваго Фауста, унизить и разбить его отдѣльными стычками и потомъ, развѣ какъ послѣднюю милость, возложить на него терновый вѣнокъ.

Именно такую исторію разсказалъ Тургеневъ о своемъ нигилистѣ, и врядъ ли когда еще съ бо́льшимъ блескомъ и глубиной проявлялась вдохновенная проницательность творческаго генія!

Какіе поучительные образы и факты! Чернышевскій, отвергающій всякіе нравственные мотивы въ человѣческихъ отношеніяхъ, признаетъ ихъ у курицы, клянущійся на каждомъ словѣ фактомъ и наукой — впадаетъ въ самыя произвольныя и фантастическія догадки и обобщенія! Это—въ области отвлеченной мысли.

Еще сильнѣе эффектъ нигилистической практики. Базаровъ, въ воинственномъ азартѣ противъ существующей дѣйствительности, готовъ и себя косить по ногамъ,—о чужихъ предразсудкахъ, чувствахъ и идеалахъ нечего и толковать. И вдругъ—онъ влюбленное разбитое сердце, онъ — тоскующій и злобный герой неудачнаго романа, даже хуже, онъ—мелодраматическій персонажъ въ дуэли съ накрахмаленнымъ джентльменомъ и рыцаремъ. И онъ долженъ умереть: это лучшій исходъ для его безнадежно-надорваннаго существованія, и реальный нигилистъ, Писаревъ, будетъ восхищаться именно смертью Базарова, какъ прекраснѣйшимъ моментомъ всей этой печальной исторіи.

Скажите, развѣ это не подлинныя черты романтизма и развѣ въ этихъ чертахъ бросается вамъ въ глаза хотя бы одна точка демонической, мощной окраски?

Не проще ли признать во всемъ этомъ одинъ изъ безчисленныхъ варіантовъ отчасти жалкихъ, отчасти трагическихъ заблужденій безразсчетно-самонадѣяннаго и юношески-неиспытаннаго ума? И сколько разъ подобный умъ совершалъ все одинъ и тотъ же путь фантастическаго культа призраковъ, считая ихъ за самую реальную осязаемую дѣйствительность!

Вотъ, напримѣръ, почти четыреста лѣтъ тому назадъ по всей западной Европѣ раздается призывъ Лютера порвать связи съ разложившимся католическимъ міромъ, съ его религіей, наукой и нравственностью. Отнынѣ свободное личное чувство и личный разумъ займутъ мѣсто внѣшнихъ авторитетовъ и священное писаніе будетъ подлежать непосредственному воспріятію вѣрующаго, не проходя сквозь призму папской политики и схоластики.

Таковъ принципъ, совершенно ясный и опредѣленный въ исходной точкѣ, но неограниченный и неуловимо-разнообразный въ логическихъ выводахъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько можно дать отвѣтовъ на вопросъ: гдѣ остановить критику разума, направленную на св. писаніе, противъ средневѣковой учености и всего католическаго строя жизни?

Можно вѣдь и разумъ заключить въ извѣстныя границы и изъ новыхъ толкованій создать не менѣе строгую авторитетную систему, чѣмъ католическое богословіе. Къ такой цѣли именно и стремилось правовѣрное лютеранство, создавая свои догматы и свое церковное ученіе на мѣсто отвергнутаго. Но нѣтъ логическихъ препятствій повести критику до полнаго разложенія всего общеобязательнаго и догматическаго, примѣнить къ св. писанію тѣ же пріемы анализа и изслѣдованія, какіе примѣняются вообще къ историческимъ памятникамъ. Нѣтъ также обязательной границы и въ отрицательной критикѣ противъ средневѣковой науки, и здѣсь, пожалуй, увлеченіе еще естественнѣе, можно сказать неудержимѣе, чѣмъ въ чисто-богословскихъ вопросахъ.

И оно немедленно обнаружилось, одновременно съ умѣренно-либеральной реформой Лютера. Явился даже ученый, профессоръ Карлштадтъ, блестящій и страстный ораторъ, искренній и отважный разрушитель ненавистной старины, подлинный представитель реформаціоннаго нигилизма. Да, во всей точности: только подмѣните спорные вопросы XIX вѣка идеями лютеровскаго движенія—и совпаденіе получится полное.

Второй вопросъ—оффиціальная наука и католическая цивилизація. По мнѣнію Лютера, все это можно преобразовать, старую науку и цивилизацію пообчистить, подправить, одушевить новымъ духомъ свободы и творчества...

Недостойная уступчивость и трусливая сдѣлка!—отвѣчаетъ на это Карлштадтъ. Совсѣмъ долой съ лица земли ученность и культуру. Университеты должны опустѣть, профессора и студенты разсѣяться по деревнямъ и приняться за воздѣлываніе земли собственными руками. Это и будетъ истиннымъ выполненіемъ заповѣди св. писанія: человѣкъ долженъ ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ своего лица.

И Карлштадтъ, стремительный и убѣжденный, быстро собралъ

вокругъ себя восторженную авдиторію и съ университетской каѳедры лились бурныя рѣчи противъ университетовъ, богослововъ, ученыхъ, вообще противъ ветхаго культурнаго міра.

Лютеръ пришелъ въ крайнее безпокойство, и либерализмъ объявилъ безпощадную войну радикализму. Власть стала на сторону благоразумія и умѣренности, Карлштадтъ присужденъ молчать. Но что значилъ приговоръ надъ отдѣльнымъ человѣкомъ? Развѣ существовала сила, способная прервать процессъ мысли независимо отъ того или другого энтузіаста?

И Лютеру до конца дней пришлось страдать, глубоко, невыносимо страдать, отъ прямыхъ дѣтищъ собственной реформы. Они не замедлили перенести принципы свободной критики на политическую почву, задумали въ корнѣ передѣлать государство и общество наравнѣ съ церковью, освободить не только всуе вѣрующее стадо папы, но и неправильно-угнетенный и порабощенный народъ. Въ радикальной программѣ появились свои виттембергскіе тезисы, цѣликомъ предвосхитившіе позднѣйшій французскій восемьдесятъ девятый годъ.

И Лютеру оставалось отвернуться отъ этой эволюціи преобразовательныхъ идей и даже послать проклятіе разуму, какъ исчадію ада, тому самому разуму, который двигалъ имъ самимъ не только умѣренно и осторожно!

Та же исторія повторилась два съ половиной вѣка спустя. Второй разъ и уже гораздо рѣшительнѣе былъ поставленъ вопросъ все о той же старой вѣрѣ и старыхъ общественныхъ неправдахъ. Люди умѣреннаго образа мысли не желали и слышать о католичествѣ и папѣ, но они не рѣшались поднять руки на самый принципъ вѣры. Они искали Бога, разрушая его видимые алтари и говорили о духѣ, воюя съ духовенствомъ. Такимъ же среднимъ путемъ шли они и въ борьбѣ съ отжившимъ общественнымъ строемъ. Они разсчитывали на поправки и передѣлки. Сметая съ лица земли педантизмъ и тунеядную пустопорожнюю ученость они требовали просвѣщенія и реальныхъ знаній. Высмѣивая уродства искусственной паразитской цивилизаціи, они пытались построить зданіе дѣятельной, нравственно-могущественной и общедоступной культуры.

Это либерализмъ и золотая средина. Но опять нашлись люди, не усмотрѣвшіе въ подобныхъ идеалахъ ничего свободнаго и золотого. И разсуждали они не безъ логики и не безъ искусства.

Вы, заявляли они умѣреннымъ просвѣтителямъ, клеймите римское ученіе и въ тоже время хотите спасти душу. Но вѣдь въ душѣ-то весь источникъ зла. Покончите съ душой, и вы однимъ ударомъ ниспровергните всю ветхую храмину. И это будетъ вполнѣ послѣдовательно.

Такъ именно разсуждали баронъ Гольбахъ и Гельвецій, и привели въ ужасъ Вольтера и его друзей. «Какая страшная книга»!—восклицалъ Даламберъ о сочиненіи барона, а Вольтеръ, не зналъ какъ убѣдить публику въ полной своей неприкосновенности къ матеріалистическому резонерству литературнаго метръ-д'отеля.

Еще рѣзче обнаружилась междоусобица въ культурныхъ идеалахъ. Здѣсь знамя нигилизма поднялъ писатель геніальныхъ дарованій, несравненный стилистъ и неотразимый логикъ, и поднялъ открыто, съ преднамѣренной запальчивостью и глубокой ненавистью. Это было тѣмъ естественнѣе, что радикальный отрицатель культуры и науки самъ лично представлялъ нѣчто въ родѣ естественнаго человѣка. Просвѣщенное общество рѣшительно ничѣмъ его не облагодѣтельствовало, а наука только причинила не мало терзаній и огорченій въ годы ранней молодости. И онъ отомстилъ.

Однимъ натискомъ пера на мѣсто утонченнаго любителя философіи и прочихъ благъ усовершенствованнаго общежитія былъ воздвигнутъ грандіозный образъ даже не дикаря, а миѳическаго существа человѣческой породы, но вполнѣ ангелоподобной природы. Это означало—смертный приговоръ и наукѣ, и гражданскому обществу, и даже весьма многимъ, казалось бы, весьма естественнымъ свойствамъ человѣка, въ родѣ способности любить, ненавидѣть и ревновать, думать и словами выражать свои думы.

Можетъ ли идти дальше метафизическое отвращеніе къ дѣйствительности? Открывая въ философіи Руссо не одну родственную черту съ нигилизмомъ, мы должны все таки признать нигилистовъ филистерами сравнительно съ этой бурей отрицательныхъ *инстинктовъ*, не отвлеченныхъ идей, а органическихъ порывовъ негодованія и ненависти. Правда, и «мыслящая личность» нигилистовъ—фигура, достаточно освобожденная отъ предразсудковъ и преданій, но все таки она *мыслящая*, а здѣсь сама мысль провозглашается извращеніемъ идеальной человѣческой природы и самый даръ слова признается бѣдствіемъ и источникомъ бѣдствій.

И все это не бредъ безумнаго, а только извѣстное звено логическаго процесса. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ отрицать, что способность мыслить и говорить—основа всякой цивилизаціи, т. е. несомнѣннаго зла, какимъ цивилизація явилась въ XVIII вѣкѣ. А такъ какъ всякое зло надлежитъ пресѣкать въ корнѣ, то вполнѣ послѣдовательно начать идеализаціей естественнаго состоянія, т. е. безоглядно прямолинейнымъ и непримиримымъ нигилизмомъ.

Ничего другого по существу не дѣлали и русскіе нигилисты шестидесятыхъ годовъ. Мы видѣли родовое сродство идей шестидесятниковъ съ обычными принципами всякаго преобразовательнаго движенія, та же самая историческая давность лежитъ яркой

печатью и на крайнихъ выводахъ этихъ идей. Иначе и быть не можетъ.

Человѣческая психологія, въ своихъ основныхъ законахъ, всегда и всюду одинакова. Логическое развитіе какой угодно идеи совершается тождественными путями во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ.

Это правило остается неизмѣннымъ, къ сожалѣнію, во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ. Къ сожалѣнію, потому что уроки исторіи должны бы производить извѣстное дѣйствіе на позднѣйшихъ путниковъ одного и того же культурнаго пути.

Русскій нигилизмъ явился послѣ многочисленныхъ эволюцій европейской мысли въ либеральномъ и радикальномъ направленіи. Опыты въ прошломъ были въ высшей степени краснорѣчивые и внушительные. Они, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ, могли бы научить по крайней мѣрѣ одной истинѣ: логическій процессъ отвлеченной мысли никоимъ образомъ не слѣдуетъ отожествлять съ органическимъ процессомъ жизни. Діалектика идей область совершенно другая, чѣмъ движеніе и взаимодѣйствіе фактовъ, и объ эти области могутъ становиться даже въ безвыходное противорѣчіе и привести отважнаго мыслителя къ грозной дилеммѣ: или поступиться чистотой и героичностью діалектики или превратиться въ своего рода инквизитора абстракцій, въ такого же фанатика разсудочныхъ теорій, какими римскіе христіане являлись во имя церковныхъ догматовъ. Собственно преступнаго въ нравственномъ смыслѣ нѣтъ ни въ инквизиціи, ни въ нигилизмѣ, и нѣтъ ничего безсмысленнѣе приговора даже надъ французскими якобинцами, какъ надъ нравственными чудовищами и вырожденцами. И инквизиторъ, и якобинецъ, и нигилистъ могутъ быть людьми кристальной честности и безкорыстія: сущность ихъ психологіи не въ нравственномъ извращеніи, а въ извѣстномъ складѣ ума. Практически дѣятельность этой породы людей можетъ выразиться въ крайне отталкивающихъ формахъ, произвести впечатлѣніе настоящихъ злодѣяній и преступленій, но все это только *послѣдующее* и *производное*: предшествующее и истинно дѣятельное, принципіально творческое—идея, какъ логическое умозаключеніе и въ тоже время какъ настоящій *философскій догматъ*.

Эту психологію превосходно выразилъ одинъ изъ послѣдовательнѣйшихъ якобинцевъ Сенъ-Жюстъ. Какъ истинный нигилистъ, безусловно убѣжденный въ всемогуществѣ отвлеченной доктрины, онъ торжественно заявилъ:

«Въ тотъ самый день, когда я дойду до убѣжденія, что французскому народу невозможно сообщить нравовъ гуманныхъ, чувствительныхъ и неумолимыхъ предъ тираніей и несправедливостью, я покончу самоубійствомъ».

И это не фраза. Весь смыслъ существованія якобинца въ фа-

натическомъ культѣ извѣстной теоріи. Разъ она оказывается безплодной и безцѣльной, смертный приговоръ всей личности идеолога подписанъ. И опять невольно припоминается нигилистъ, созданный всепроникающимъ творчествомъ геніальнаго художника. Неждановъ гибнетъ жалкой, вынужденной смертью, унося въ могилу нестерпимо горькое разочарованіе въ жизненности и силѣ своего идеала. Неждановъ, правда, слабъ отъ природы, но и болѣе одаренные у вдумчивой и сердечной героини вызываютъ впечатлѣніе отнюдь не лестное для ихъ нравственнаго и практическаго могущества.

— Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый!..

Говоритъ Маріанна о Маркеловѣ, и въ этихъ словахъ звучитъ будто погребальное напутствіе не надъ отдѣльной личностью, а надъ цѣлымъ теченіемъ. Оно шумно и бурно ворвалось въ русскую жизнь и неожиданно быстро разлетѣлось въ мелкія брызги, оставивъ у большинства современниковъ и у потомства впечатлѣніе какого-то случайно налетѣвшаго вихря столь же порывистаго, сколько и безплоднаго въ вѣковой положительной культурной работѣ русскаго народа и общества.

И эту безплодность можно было предвидѣть съ самаго начала. Ни одно умственное направленіе въ XIX вѣкѣ не начиналось столь легкомысленно и слѣпо въ противорѣчіи со всѣми ранними и ближайшими указаніями европейскаго и русскаго просвѣщенія. Ни одно радикальное теченіе, во всѣ эпохи европейской культуры, не являлось до такой степени ненужнымъ и завѣдомо фантастическимъ, какъ русскій нигилизмъ. Мы не станемъ укорять юныхъ русскихъ преобразователей въ непониманіи историческаго смысла хотя бы новѣйшихъ европейскихъ событій, не станемъ приставать къ нимъ съ запросами: почему они, столь усердно занимаясь французскими революціями, не отдали себѣ отчета во французскихъ реакціяхъ? Для этой задачи требовалось, можетъ быть, слишкомъ продолжительная вдумчивость, неодолимая для очень юныхъ бойцовъ за совершенно новое будущее своего отечества.

Но одинъ вопросъ безусловно долженъ быть поставленъ нашимъ героямъ. Они выступили на сцену дѣйствія, когда съ нея едва успѣли сойти ихъ ближайшіе учителя. Голосъ Добролюбова только что умолкъ, рѣчь Чернышевскаго еще продолжала звучать,— новые люди взяли въ свои руки бразды правленія общественной мысли и немедленно устремились куда-то всторону, по ихъ мнѣнію—впередъ, но непремѣнно подальше отъ своихъ предшественниковъ.

Чѣмъ вызывалась эта стремительность? Интересами совершенствованія русскаго общественнаго самосознанія, цѣлями возможно

широкаго освобожденія новыхъ нарождающихся идеаловъ о гнета преданій и авторитетовъ? Нисколько.

Чернышевскій и Добролюбовъ въ этомъ направленіи достойно закончили дѣло Бѣлинскаго: оставалось только охранять проложенные пути, сбрасывать всякій соръ и налетъ и отражать незваныхъ гостей, въ родѣ Каткова и его прихода. Задача весьма нелегкая и ея вполнѣ хватило бы на всѣ новые таланты.

Вмѣсто нея новые люди предпочли работать исключительно за свой счетъ, отдѣлить свои стремленія и даже принципы отъ завѣтовъ своихъ старшихъ современниковъ, обозвать эти завѣты устарѣвшими и воспарить на дотолѣ недосягаемую высоту независимой оригинальности.

Мы знаемъ, расчеты на оригинальность не могли оправдаться и дѣйствительно не оправдались, а вожделѣнія о независимости на нѣсколько лѣтъ замутили прямой путь русскаго прогресса, внесли разладъ въ среду самихъ прогрессивныхъ силъ, создали рядъ благодарнѣйшихъ брешей и мишеней для вражескихъ натисковъ и набросили не мало тѣней на благороднѣйшія и безпорочнѣйшія стремленія молодого поколѣнія даже въ глазахъ его искреннихъ друзей.

Мы снова должны припомнить,—возникновеніе нигилизма могло не встрѣтить отвлеченныхъ логическихъ препятствій послѣ дѣятельности старшихъ шестидесятниковъ, все равно какъ вообще радикальныя слѣдствія всякой идеи теоретически возможны и естественны. Но въ томъ именно и заключалась задача молодыхъ наслѣдниковъ Чернышевскаго и Добролюбова, чтобы удержаться отъ чисто абстрактныхъ головокруженій, тщательно распознать и вдумчиво оцѣнить жизненную широту уже выясненныхъ идеаловъ и не жертвовать ими ради схемъ, можетъ быть, и красивыхъ, математически-стройныхъ, но совершенно не отвѣчавшихъ на самыя наглядныя потребности русской дѣйствительности. Ради крайняго логическаго заключенія отвергать идею въ ея болѣе умѣренныхъ, но зато болѣе жизнеспособныхъ выводахъ—значитъ, работать какъ разъ въ ущербъ прогрессу и подрывать нравственный авторитетъ и практическую цѣнность всей идеи вообще.

Это именно и произошло со многими основными символами нигилистической вѣры.

III.

Въ то самое время, когда Катковъ день за днемъ оттачивалъ ядовитѣйшія стрѣлы по адресу Чернышевскаго и его сочувственниковъ, петербургскій журналъ самого умѣреннаго образа мыслей вдругъ обнаружилъ поразительное безпристрастіе и джентльмен-

ство. *Библіотека для чтенія* взяла на себя трудъ перечислить заслуги Чернышевскаго предъ русской публицистикой, оцѣнить его умъ и талантъ. Оцѣнка въ высшей степени лестная, хоть бы подъ стать и нигилистическому органу. Чернышевскій возхваляется, какъ мыслитель оригинальный, сильный и въ высшей степени разносторонній. Вліяніе его на журналистику и читателей огромно.

Благодаря ему, публика въ настоящее время чувствуетъ омерзѣніе къ общимъ мѣстамъ, широковѣщательнымъ фразамъ, къ золотой посредственности. Именно его статьи вызвали всеобщую жажду оригинальности, совершенно подорвали кредитъ скучныхъ компиляторовъ, притязательныхъ педантовъ, утвердили власть здраваго смысла, легкой литературной рѣчи, распространили множество знаній, раньше совершенно недоступныхъ большой публикѣ. Статьи Чернышевскаго до такой степени своеобразны, что ихъ можно узнать даже безъ подписи, а это явно свидѣтельствуетъ о писателѣ, «способномъ производить новыя мысли» [2]).

Умѣренный журналъ находитъ даже возможнымъ сказать доброе слово объ *Антропологическомъ принципѣ* и вообще отвести Чернышевскому въ современной публицистикѣ особое и въ высшей степени почетное мѣсто. Дѣлаетъ онъ не менѣе любезный намекъ на Бѣлинскаго и Добролюбова: очевидно, «новые люди» могутъ считать себя признанными въ благоразумно-либеральномъ лагерѣ и даже дальше—среди самихъ славяновиловъ: по крайней мѣрѣ, Аполлонъ Григорьевъ не уставалъ прославлять талантъ Добролюбова. А еще раньше Иванъ Аксаковъ сознался въ побѣдѣ идей и личности Бѣлинскаго надъ славянофильскими проповѣдями.

Въ лагерѣ «новыхъ людей» эти факты могли принять за несомнѣнные показатели своего торжества. И будущее, по всѣмъ признакамъ, принадлежало послѣдователямъ Чернышевскаго и Добролюбова.

Въ самомъ дѣлѣ, какая сила могла бы уничтожить то количество здравыхъ понятій и реальныхъ знаній, какое было сообщено публикѣ старшими шестидесятниками? Какой критическій талантъ оказался бы настолько сильнымъ и искуснымъ, чтобы поднять съ земли окончательно разбитое чистое искусство, возстановить престижъ мертворожденной, хотя и глубокомысленной учености, обновить безнадежно засохшія лавры на главахъ почтенныхъ, но уже больше не почитаемыхъ авторитетовъ?

Съ какой ясностью и непобѣдимой логичностью установилъ Добролюбовъ реальную критику, съ какой находчивостью и проницательностью умѣлъ онъ извлекать изъ художественнаго вдох-

---

[2]) *Библіотека для чтенія*. 1861, августъ. «Литерат. обозрѣніе».

новенія поэтовъ уроки жизни для дѣятелей, съ какой убѣжденностью и мужествомъ онъ отдѣлилъ плевелы праздно болтающей эстетики отъ пшеницы гражданской мысли!

И не было ни фанатизма, ни деспотическаго доктринерства въ спокойныхъ и вѣскихъ рѣчахъ молодого критика. Онъ, при всей страстной влюбленности въ свои идеи, ни на одну минуту не вздумалъ посягнуть на луну и солнце, т. е. на неопровержимые повелительные факты дѣйствительности. Его преемники именно войной противъ «луны и солнца» будутъ выражать силу своего отрицательнаго азарта и легкомысленно порвутъ съ преданіями разносторонняго и вдумчиваго міросозерцанія. Кажется, для торжества положительной мысли и полезной литературы было вполнѣ достаточно признать ея цѣнность въ зависимости отъ ея болѣе или менѣе жизненнаго содержанія. Но художественная литература существуетъ и не можетъ не существовать: этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Прать противъ него—значитъ превосходить даже знаменитаго ламанчскаго рыцаря. Вѣтреныя мельницы еще можно остановить, нетрудно и перебить стадо барановъ, но положить *veto* на естественную психологію человѣческой природы, предать остракизму и лишить гражданскихъ и литературныхъ правъ цѣлый разрядъ талантовъ,—это дѣйствительно равносильно желанію погасить солнце и достать съ неба луну.

И къ камимъ результатамъ могло привести подобное геройство? Грозило ли оно серьезно уничтожить поэтовъ и художниковъ и свести печатное слово къ ученымъ докладамъ, политическимъ хроникамъ и разнаго рода обозрѣніямъ? Отнюдь нѣтъ, — не только съ точки зрѣнія защитниковъ художественнаго творчества, но и самихъ героевъ. Они, даже подъ шумъ своей битвы, должны были сознаться, что *геніальные* поэты имѣютъ право на существованіе, что имъ ненавистна только посредственная поэзія и беллетристика, что Гёте и, по соображеніямъ нашихъ цензоровъ, даже Гейне могутъ процвѣтать и разсчитывать на славу въ самомъ радикальномъ потомствѣ.

Старыя пѣсни! Совершенно такимъ же путемъ Руссо уничтожалъ науки и ученыхъ, оставляя жизнь только Бэконамъ, Ньютонамъ и Декартамъ. Но нигилистъ XVIII-го вѣка велъ свою линію до конца: онъ объявлялъ толпу вообще недостойной высокихъ знаній. Новѣйшіе отрицатели желаютъ работать именно на пользу толпы,—гдѣ же они тогда остановятъ смертоносный полетъ своей ультра-аристократической критики? Какой представятъ масштабъ для опредѣленія геніальности и просто талантливости? А масштабъ необходимъ на каждомъ шагу: художники нарождаются безпрестанно,—и представьте,—имъ всѣмъ потребуется разрѣшительная грамота на творческую дѣятельность! Кто будетъ тѣмъ великимъ

законодателемъ, о какомъ мечталъ все тотъ же Руссо,—законодателемъ, способнымъ «увлекать не насилуя и убѣждать не уговаривая»!

Повидимому,— именно эту роль и взяли на себя молодые наслѣдники Чернышевскаго и Добролюбова. Никто ни до нихъ ни позже ихъ не говорилъ въ литературѣ болѣе рѣшительнымъ и догматическимъ тономъ, никто съ такой вызывающей отвагой и съ такимъ пристрастіемъ не произносилъ безпрестранно *я, мы* и съ такимъ эффектнымъ пренебреженіемъ не обращался съ противной стороной. Всѣ вопросы казались разъ навсегда порѣшенными, вѣчныя тайны монополизированы двумя-тремя «замѣчательными головами», — современникамъ и будущему остается только объяснять и усвоивать вполнѣ раскрытое ученіе.

Впрочемъ, нечего и объяснять: достаточно только прочитать. Истины—ясныя до ослѣпительности и рѣчи — внушительныя до гипноза.

Существовали когда-то въ русской литературѣ Бѣлинскій, Добролюбовъ. Одинъ изъ нихъ всю жизнь прожилъ въ мучительныхъ поискахъ истины, праваго пути къ личному совершенствованію и общественному просвѣщенію, не разъ сжигалъ старыхъ идоловъ и принимался служить новымъ. Другой умеръ, не успѣвъ примирить многочисленныхъ противорѣчій въ своихъ мысляхъ, очевидно подавляемый ихъ сложностью и значительностью.

Жалкіе люди! Дѣло такъ просто, — и еще проще долженъ быть нашъ приговоръ надъ несчастными Гамлетами русской публицистики.

Бѣлинскій — все его несчастье въ томъ, что онъ былъ «настоящимъ жрецомъ искусства», *никогда* не судилъ по литературѣ объ обществѣ, *никогда* изъ предѣловъ критики не переходилъ въ область политическихъ вопросовъ, писалъ исключительно «эстетически-критическіе разборы, часто нелѣпые и мелочные въ частностяхъ» и даже лишенные смысла; правда,—и за нимъ есть заслуги, но какія то туманныя, въ родѣ того, что онъ «первый далъ обществу сознать, и почувствовать» идею прогресса.

Но что значитъ этотъ положительный успѣхъ,—даже если бы и на самомъ дѣлѣ онъ принадлежалъ первому Бѣлинскому,—предъ его культомъ искусства? Если бы вы знали, что такое этотъ культъ, вообще эстетическій принципъ! Ничто иное какъ «раздражительная чувственность», «irritatio spinalis, возведенная въ перлъ созданія», «стариковская похотливость», «гаденькій безсильный развратъ»... И такой то принципъ воодушевляетъ всѣ двѣнадцать томовъ сочиненій Бѣлинскаго: какое ужъ тутъ «значеніе его въ литературѣ и обществѣ!» Если на эту тему новый мыслящій человѣкъ считаетъ нужнымъ написать нѣсколько страницъ,—онъ

дѣлаетъ это крайне неумѣло, въ видимое противорѣчіе съ своими основными воззрѣніями. Очевидно, ему просто неловко и боязно сразу произнести прямой смертный приговоръ надъ несомнѣнно благороднѣйшимъ человѣкомъ и сильнымъ, свободнымъ писателемъ. Но эта боязнь не помѣшаетъ *косвеннымъ* покушеніямъ на Бѣлинскаго и они, надо полагать, до такой степени въ духѣ новой критики, что другой «мыслящій реалистъ» въ теченіе всей своей жизни не выбьется изъ противорѣчій и оговорокъ на счетъ того же самого вопроса [3]).

Кто такой Бѣлинскій — дѣйствительно ли ослѣпленный жрецъ искусства или отчасти и полезный мыслитель? Трудно отвѣтить вполнѣ опредѣленно. Казалось бы, достаточно прочитать только статьи о Пушкинѣ и разсужденія по поводу Онѣгина и особенно Татьяны, чтобы не выписать фразы: Бѣлинскій никогда не судилъ по литературѣ объ обществѣ. Но, повидимому, у реалистическаго взора совсѣмъ особенная проницательность и она видитъ, чего нельзя видѣть и наоборотъ. И совершенно естественно: нѣтъ достойной отплаты критику за его уваженіе къ искусству!

И вотъ оказывается, съ одной стороны принципы Бѣлинскаго «превосходны», съ другой они — полная противоположность новѣйшей реалистической критикѣ: принципы на колѣняхъ предъ святымъ искусствомъ, а критика на колѣняхъ предъ святой наукой. Это одинъ — диссонанъ, очевидно, врядъ ли способный разрѣшиться въ гармонію. Другой, еще болѣе внушительный, хотя и того же содержанія. Бѣлинскій по силамъ своего ума и по честности своего характера могъ бы явиться русскимъ Людвигомъ Берне, а на самомъ дѣлѣ онъ жилъ и умеръ эстетикомъ. Наконецъ, еще варьянтъ на тотъ же мотивъ. «Въ продолженіе двадцати лѣтъ лучшіе люди русской литературы развиваютъ его мысли и впереди еще не видно конца этой работы». Какой вѣнокъ славы, но врядъ ли особенно прочный. Имѣются очень солидныя данныя сомнѣваться въ способности идей Бѣлинскаго къ развитію, а именно: «Бѣлинскій, при всей своей геніальности, пришелъ бы въ ужасъ, если бы Базаровъ сказалъ ему, что «Рафаэль гроша мѣднаго не стóитъ», и что, слѣдовательно, люди очень удобно могутъ жить на свѣтѣ даже совсѣмъ безъ трагедіи».

Какъ же понимать значеніе Бѣлинскаго для текущаго времени? Что онъ — исключительно ли явленіе историческое, «выраженіе извѣстной эпохи», и «въ этомъ смыслѣ только и дорогъ намъ» или и теперь кое-чему можно поучиться у него? Вопросъ — темный, можно судить и такъ и сякъ, — и новые люди, смотря по настроеніямъ и обстоятельствамъ, склоняются въ ту или другую

---

[3]) *Русское слово*. 1864, январь. Статья В. Зайцева *Бѣлинскій и Добролюбовъ*.

сторону. Но не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что личные вкусы влекутъ ихъ въ сторону Базарова—безпощаднаго гонителя Рафаэля и прочь отъ Бѣлинскаго—неисправимаго эстетика[4]).

Подобная исторія и съ Добролюбовымъ. Этотъ критикъ, кажется, не особенно усердно молился чистому искусству, гораздо охотнѣе занимался публицистикой и сатирой. Но онъ не желалъ отрицать самого существованія творческой психологіи, онъ очень высоко ставилъ поэтическое вдохновеніе, даже приписывалъ ему, у геніальныхъ поэтовъ, по крайней мѣрѣ,—болѣе глубокую проницательность и болѣе широкій охватъ жизненныхъ явленій, чѣмъ это доступно обыкновеннымъ наблюдателямъ, хотя бы и ученымъ. Эта уступка весьма похожа на «эстетическій принципъ», т. е «раздражительную чувственность»,—и Добролюбовъ долженъ быть поправленъ и усовершенствованъ, и Писаревъ мужественно заявитъ: «Я никогда не былъ ни самымъ горячимъ, ни даже просто горячимъ приверженцемъ Добролюбова. Я давно разошелся съ Добролюбовымъ на многихъ пунктахъ» [5]). И на самыхъ существенныхъ,—прибавимъ мы, такъ что по всей справедливости Добролюбова слѣдуетъ вычеркнуть изъ списка «мыслящихъ личностей», съ оговоркой только насчетъ немногихъ и не особенно важныхъ вопросовъ: ихъ можно признать случайными совпаденіями съ идеями новыхъ критиковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ общаго между людьми, изъ которыхъ одинъ *чувство художника* признаетъ источникомъ нравственнаго возмущенія противъ беззаконной дѣйствительности, а другому это именно чувство кажется противоестественнымъ и матерью лжи? «Поэтъ на то и поэтъ, чтобызамазывать дѣйствительность фантастическимъ колоритомъ или, говоря проще, привирать». [6]). Вотъ эстетика новыхъ критиковъ: можетъ ли она *родственно* примыкать къ мнѣнію Добролюбова! Конечно, и Писаревъ правъ въ своемъ отреченіи отъ горячихъ чувствъ по отношенію къ Добролюбову.

Логическую связь, разумѣется, можно найти. Искусство должно служить жизни, говорилъ предшественникъ, искусство должно окончательно уничтожиться предъ жизнью—провозглашаютъ преемники. Чистое искусство безполезно и, слѣдовательно, не заслуживаетъ почета и уваженія,—такова ранняя идея, позднѣйшій рѣшительный приговоръ: *L'art gâte tout!* Это—аксіома нигилистовъ XVIII-го вѣка; буквально воспроизводится она и радикальными шестиде-

---

[4]) Статьи Писарева. *Прогулка по садамъ россійской словесности, Пушкинъ и Бѣлинскій, Реалистъ, Сердитое безсиліе, Купальная трагедія съ букетомъ гражданскій скорби. Схоластика XIX-го вѣка.* Сочиненія. Спб. 1894, I, 344. III. 62; IV, 294, 371; V, 65—6.

[5]) *Посмотримъ.* V, 154.

[6]) *Русское слово.* 1865, октябрь. Ст. В. Зайцева *Взболомученный романистъ.*

сятниками: искусство фатально лжетъ, слѣдовательно все извращаетъ и всему вредитъ.[7]). Всѣ эти мысли *теоретически*, несомнѣнно, представляютъ одну цѣпь, на ея крайнее звѣно *практически* является полнѣйшимъ отрицаніемъ среднихъ звѣньевъ, и новая критика—не развитіе и не усовершенствованіе старой, а ея непримиримая соперница и гонительница.

Это общее свойство радикальныхъ выводовъ и, только по недоразумѣнію, юные шестидесятники стремятся по временамъ связать свое существованіе съ дѣятельностью Бѣлинскаго и Добролюбова. Какъ и слѣдовало ожидать, стремленіе ихъ не удается, мы видѣли рядъ непримиримыхъ противорѣчій, сопровождавшихъ оцѣнку идей и значенія Бѣлинскаго. Та же участь и Добролюбова, и даже Чернышевскаго.

Послѣ диссертаціи *Эстетическія отношенія къ дѣйствительности* искусство все еще представляло нѣкоторую величину. Чернышевскій совершенно ложно представлялъ психологію творчества, упрощалъ ее до такихъ же фантастическихъ предѣловъ, какъ это онъ дѣлалъ съ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ при помощи матеріализма, но онъ не отвергалъ по крайней мѣрѣ, художественныхъ талантовъ. Это очень мало, но все таки кое-что. Его молодые ученики въ героическомъ порывѣ мыслить еще реальнѣе и положительнее *кое-что* замѣнили *ничѣмъ*, т. е. съ искусствомъ произвели туже самую операцію, какую Руссо—съ наукой и гражданскимъ строемъ общества. И дальнѣйшія послѣдствія уже выяснились сами собой.

Писаревъ сколько угодно могъ воображать себя продолжателемъ Бѣлинскаго и Добролюбова: это воображеніе у него являлось преимущественно во время полемическихъ схватокъ съ либералами. Въ дѣйствительности оно такъ и оставалось чистымъ воображеніемъ или весьма прозрачной военной хитростью.

IV.

Преемственность между Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ и публицистикой *Русскаго Слова* Писаревъ объяснялъ, повидимому, довольно гладко, но по существу совершенно ошибочно.

«Повторять слова учителя, писалъ онъ, не значитъ быть его продолжателемъ. Надо понимать ту цѣль, къ которой шелъ учитель. Идя къ извѣстной цѣли, учитель произноситъ извѣстныя слова. Въ ту минуту, когда эти слова произносились, они дѣйствительно подвигали людей впередъ къ предположенной цѣли. Но

---

[7]) *Русское слово*. 1864, декабрь. *Библіографич. отдѣлъ*, стр., 6. Французское выраженіе принадлежитъ одному изъ послѣдователей Руссо—аббату Мабли:—«De la legislation ou principes des lois», I, 4.

когда эти слова уже подѣйствовали, когда люди, подчиняясь ихъ вліянію, сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, тогда все положеніе вопроса обрисовывается иначе, тогда произнесенныя слова теряютъ свою двигательную силу и, слѣдовательно, перестаютъ быть умѣстными, полезными и цѣлесообразными. Тогда надо произносить новыя слова, причисляя ихъ къ новымъ потребностямъ времени. Эти новыя слова могутъ находиться въ рѣзкомъ разногласіи со старыми словами, и это разногласіе нисколько не мѣшаетъ ни тѣмъ, ни другимъ быть одинаково вѣрными выраженіями одной и той же основной тендеціи». [8]).

Въ этомъ чрезвычайно текучемъ и на первый взглядъ вполнѣ основательномъ разсужденіи отразилась вся сущность умственныхъ процессовъ юнаго поколѣнія шестидесятниковъ. Отвлеченная рѣчь ростетъ и развивается безъ сучка, безъ задоринки и самообольщенный резонеръ воображаетъ, что такъ именно все и совершается въ дѣйствительности, какъ происходитъ у него на бѣломъ листѣ бумаги. Нѣтъ ни малѣйшей разницы между накопленіемъ силлогизмовъ и эволюціей фактовъ и низать одну мысль на другую значитъ чуть не двигать горами, и властвовать надъ настоящимъ и будущимъ, и по произволу вертѣть историческимъ смысломъ прошлаго.

На самомъ дѣлѣ, конечно, этотъ абстрактный героизмъ—чистѣйшая иллюзія ученически развитаго ума. Молодые шестидесятники могли быть блестящимъ діалектиками, но въ исторіи они пребывали на первобытной ступени культурнаго пониманія и даже просто фактическаго знанія. На ихъ взглядъ вести «основную тенденцію» до какого угодно «новаго слова» значитъ удовлетворять «потребностямъ времени». А между тѣмъ, исторія не разъ и неопровержимо доказала, что результаты чистаго логическаго процесса могутъ оказаться совершенно внѣ времени и пространства и не только не соотвѣтствовать «потребностямъ», но идти въ разрѣзъ съ основными органическими законами прогресса. Этотъ путь можетъ простираться такъ далеко, что крайній радикализмъ совпадетъ съ крайней реакціей, правда безъ собственнаго вѣдома и яснаго сознанія, исключительно въ силу прямолинейнаго отвлеченнаго фанатизма.

Война Руссо противъ ученыхъ и философовъ, противъ заурядныхъ подвижниковъ знанія и просвѣщенія, т. е. противъ популяризаціи науки и образованія, какъ нельзя болѣе отвѣчала завѣтнымъ вожделѣніямъ кровныхъ мракобѣсовъ, и исторія просвѣтительной эпохи знаетъ, сколько хлопотъ мечтанія Руссо причинили энциклопедической партіи. Многія идеи Руссо, разумѣется,

---

[8]) *Пушкинъ и Бѣлинскій* V, 66.

не имѣли ничего общаго съ церковнымъ и политическимъ рабствомъ стараго общества, но радикальное отрицаніе цивилизаціи должно было принести свои плоды даже впослѣдствіи въ дѣятельности якобинцевъ.

Въ этотъ фактъ не трудно бы вдуматься людямъ, разсуждавшимъ о новыхъ словахъ почти столѣтіе спустя послѣ проповѣдей Руссо, и оцѣнить по достоинству именно «умѣстность», «полезность» и «цѣлесообразность» величественныхъ полетевъ своего отвлеченнаго мышленія. Кромѣ того, они могли бы остановиться на этомъ пути даже независимо отъ историческихъ соображеній, просто отдавши себѣ отчетъ въ собственныхъ литературныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Съ Бѣлинскимъ сравнительно трудно справиться, какъ съ жрецомъ искусства, и противорѣчія здѣсь неизбѣжны. Съ Чернышевскимъ, повидимому, дѣло обстоитъ проще. Онъ откровенно дѣйствительность предпочитаетъ искусству и, напримѣръ, смыслъ морской живописи видитъ только въ желаніи художника дать полюбоваться моремъ всякому, кто не можетъ сдѣлать этого у подлиннаго моря. Кажется, достаточно,—но для молодого толкователя *эстетическихъ отношеній* мало, и онъ напишетъ убійственную обвинительную рѣчь противъ живописи и вообще противъ эстетическаго наслажденія.

На сцену появится тамбовецъ: ему нежелательно «тащиться» въ Петербургъ или въ Одессу взглянуть на настоящее море, ему удобнѣе заплатить за картину 10.000 рублей,—и вотъ права знаменитаго мариниста на титло *великаго* художника! Не будь лѣниваго и богатаго тамбовца — незачѣмъ было бы и существовать художеству [9]).

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Чернышевскій не призналъ бы этого браннаго клича законнымъ и потребнымъ развитіемъ своей «тенденціи». Косвенно не могли и сами воины.

Безпрестанно громя искусство, поэзію, объявляя ея вредоносность и даже нравственную тлетворность, они, по примѣру Бѣлинскаго и особенно Добролюбова, пользуются произведеніями искусства для своихъ «новыхъ словъ». Какъ это возможно? Вѣдь мы слышали,—поэтъ обязательно лжетъ и привираетъ, искусство—удовлетвореніе чувственныхъ инстинктовъ, и вдругъ восторженныя привѣтствія Гейне, совершеннѣйшему изъ всѣхъ эстетиковъ въ мірѣ, безпримѣсному жрецу святого искусства! Не значитъ ли уподобляться унтеръ-офицерской вдовѣ—попадать въ сѣти автора *Книги пѣсенъ* и изъ самыхъ этихъ сѣтей извергать проклятія на поэзію? Какъ объяснить совершенно безнадежный приговоръ надъ

---

[9]) «*Русское Слово*». 1865, апрѣль, *Библіографич. отдѣлъ*, стр. 86—7.

Мольеромъ, Шекспиромъ и Шиллеромъ, какъ безполезными стихоплетами, и увѣнчаніе все того же Гейне? Какъ можно утверждать положительную ненужность драмъ Шиллера и провозглашать Некрасова «мыслителемъ глубокимъ и честнымъ»? [10]).

Мы согласны съ этими опредѣленіями, но мы отказываемся оцѣнить по достоинству процессъ мысли, не усмотрѣвшій глубины и честности, хотя бы некрасовскаго уровня, въ образѣ маркиза Позы. Мы не въ состояніи представить критика съ логическими способностями мышленія, готоваго приступить къ поэзіи Некрасова съ историческими и публицистическими запросами и не усмотрѣвшаго тѣхъ же темъ въ комедіяхъ Мольера. Мы, наконецъ, не понимаемъ въ чемъ состоитъ идейная преемственность между Добролюбовымъ, приписывавшимъ Шекспиру вдохновенное проникновеніе въ глубочайшія, едва доступныя наукѣ тайны человѣческой психологіи, и публицистомъ, вычеркивающимъ Шекспира изъ числа сколько-нибудь полезныхъ писателей?

Собственно даже безполезно ставить всѣ эти вопросы: никакая діалектическая изворотливость не справится съ ними. Нигилистовъ XVIII вѣка укоряли, что они противъ литературы и цивилизаціи боролись утонченными средствами той же литературы и цивилизаціи: подобный упрекъ слѣдуетъ поставить и молодому поколѣнію шестидесятниковъ. Занявъ крайне опрометчиво воинственную позицію противъ художественнаго творчества, они ему же оказались обязанными самымъ полнымъ раскрытіемъ своего критическаго и даже философскаго вѣроученія. Базаровъ явился истиннымъ Магометомъ нигилистическаго Аллаха и снабдилъ Писарева самыми эффектными рисунками новыхъ словъ и «реалистическихъ» взглядовъ. Оправдалась, слѣдовательно, старая мысль Добролюбова объ исчерпывающей глубинѣ художническихъ наблюденій и объ дѣйствительности, недоступной публицистамъ и даже философамъ. Мы увидимъ,—Писаревъ будто прозрѣлъ, ознакомившись съ романомъ Тургенева, и можно безошибочно сказать, — важнѣйшіе психологическіе и нравственно-общественные опыты воинственнаго публициста были почерпнуты какъ разъ въ беллетристическомъ произведеніи, а вовсе не въ исторіи и не въ естествознаніи.

Болѣе злой мести со стороны поруганнаго искусства трудно и представить. И она, мы убѣдимся, будетъ осуществляться до конца съ замѣчательнымъ постоянствомъ: *романы* съ теченіемъ времени станутъ исключительной основой просвѣтительнаго мышленія Писарева, и онъ, столь торжественно порвавшій съ устарѣлыми словами и критическими пріемами Добролюбова, будетъ во всей точности воспроизводить программу статьи *Темное царство*, т. е.

---

[10]) «*Русское Слово*». 1864, декабрь. *Библіографич. отдѣл.* стр. 79—80.

извлекать жизненный фактическій матеріалъ изъ творческихъ вдохновеній художника.

Иного результата нельзя было и ожидать. Все стремившееся за предѣлы реальной критики Добролюбова, являлось болѣзненнымъ наростомъ, совершенно неосуществимыми грезами закусившей удила метафизики. Писаревъ съ гордостью заявлялъ, будто онъ первый воспользовался словомъ и понятіемъ *реальная критика*: гордость безусловно неосновательная. Писаревъ или плохо вчитался въ статьи Добролюбова, или, въ азартной жаждѣ открытій и тріумфовъ, чужое достояніе приписалъ себя. Добролюбовъ былъ реалистомъ вполнѣ сознательно и громко объявлялъ себя таковымъ еще въ то время, когда Писаревъ, по собственному его признанію, не могъ одолѣть ни одной критической статьи.

Не создали, слѣдовательно, Писаревъ и его единомышленники новой идеи, не удалось имъ извлечь новыхъ жизнеспособныхъ выводовъ и изъ старой тенденціи. Они безъ оглядки ринулись впередъ, сопровождая свой порывъ торжествующимъ и преждевременнымъ побѣдоноснымъ крикомъ. Въ результатѣ они доставили торжество не себѣ, а старой, жестоко-иронической истинѣ: не спросившись броду, не суйся въ воду. Въ данномъ случаѣ это значитъ: не вдумавшись въ практическій, цѣлесообразный смыслъ логическаго процесса, не слѣдуетъ отдаваться слѣпо и безраздѣльно абстракціямъ, не смѣшивать безотчетной игры чистаго ума съ органической жизнью дѣйствительности, не воображать себя неотразимой творческой силой только потому, что бумага все терпитъ и «въ теоріи все такъ просто и ясно».

Это общее заключеніе объ идейныхъ плодахъ нигилистической мысли получаетъ въ высшей степени яркое и поучительно освѣщеніе въ *психологіи* самихъ мыслителей. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія,—всякое направленіе мысли неразрывно связано съ нравственной личностью человѣка и именно крайне отрицательное, нигилистическое, какъ наиболѣ простое, почти схематическое, обусловливается непосредственной исторіей души. Этотъ законъ имѣетъ въ высшей степени важное общее культурное значеніе: онъ раскроется предъ нами въ личности даровитѣйшаго проповѣдника русскихъ «новыхъ словъ».

V.

Мы только что сказали — *исторія души* и готовы взять назадъ это выраженіе: такъ мало оно подходитъ къ характеристикѣ Писарева. Исторія, это вѣдь постепенное, болѣе или менѣе послѣдовательное развитіе извѣстныхъ нравственныхъ силъ и задатковъ, т. е. эволюція. Совершаться она можетъ съ перерывами,

даже съ сильными потрясеніями, равномѣрный тактъ явленій можетъ нарушаться и переходить въ крайне страстный или слишкомъ медленный темпъ, но все это не мѣшаетъ наблюдателю прослѣдить господствующую тему и съ полной опредѣленностью представить основной мотивъ самой сложной симметріи фактовъ и и теченій. Въ этой возможности и заключается высшій интересъ историческаго изученія и всякаго психологическаго анализа.

Теперь подойдите къ личности и жизни Писарева съ этой задачей, попробуйте схватить доминирующую ноту въ его нравственномъ мірѣ и пріурочить его умственное развитіе къ какому-либо логическому плану. Извѣстный смыслъ вы, конечно, уловите, потому что все совершающееся на землѣ, естественно и всякій фактъ имѣетъ свою причину. Но это весьма плохое утѣшеніе для психолога. Бываетъ и сумасшествіе, методическое и съ извѣстной точки зрѣнія весьма послѣдовательное. Но вѣдь никто эту послѣдовательность не положитъ въ основу логическаго разумнаго образа дѣйствій. Писаревъ писалъ въ полномъ разсудкѣ и твердой памяти, но самый путь его къ этимъ писаніямъ и сущность ихъ требуетъ отъ насъ не обычнаго пріема критики и психологіи, а совершенно спеціальнаго, допускающаго исторію человѣческой души изъ цѣлаго ряда неожиданныхъ, потрясающихъ вспышекъ, изъ смѣны мертваго затишья революціоннымъ взрывомъ. И въ результатѣ, именно взрывъ мы должны признать настоящей стихіей личности, а затишье—явленіемъ временнымъ и несвойственнымъ. Именно *должны*, потому что одновременно съ революціоннымъ броженіемъ будутъ чувствоваться очень сильныя отраженія затишья. Но ими слѣдуетъ пренебречь, и сосредоточиться на приподнятыхъ моментахъ: въ нихъ—настоящій Писаревъ. Такъ онъ самъ заявляетъ, отрекаясь отъ презрѣннаго покоя и мира. Отреченіе, мы увидимъ, болѣе рѣшительное, чѣмъ успѣшное, и это обстоятельство еще болѣе разстраиваетъ нашъ анализъ. Попробуемъ все-таки связать все, повидимому, столь разнородное, взаимно и стихійно враждебное.

Писаревъ, потомокъ дворянской семьи и образцовое идеально-тепличное дѣтище дворянской захолустной усадьбы со всѣми всѣми прелестями крѣпостного барскаго тунеядства, обывательскаго пошленькаго прозябательства и мелко-помѣстнаго помѣщичьяго гонора. Кое-какіе отголоски наслѣдственности отъ цѣлаго ряда поколѣній подобнаго склада не могли не перейти въ потомство, и будущій разрушитель явился на свѣтъ со всѣми задатками маленькаго балованнаго паразита.

Онъ единственный сынъ у матери-институтки, онъ долженъ быть идеально улитанъ и воспитанъ, болтать по французски, забавлять гостей идиллическимъ цвѣтомъ лица и разнообразными

Muterwitz'ами, свойственными фамильнымъ Ѳемистоклюсамъ и будущимъ посланникамъ. Благовоспитанному юному джентльмену пресѣчены были всякія сношенія съ крѣпостнымъ народомъ: эта исключительность остается у будущаго радикальнаго публициста на всю жизнь. Въ самыхъ отважныхъ полетахъ его мысль никогда не зацѣпится за плебейское сословіе и будетъ парить въ высшихъ областяхъ просвѣщенной публики. Теперь его усиленно готовятъ къ свѣтской карьерѣ, т.-е. обучаютъ манерамъ, послушанію, любезному и трогательному поведенію по отношенію къ старшимъ. Наука идетъ впрокъ. Институтскія сѣмена падаютъ на самую благодарную почву.

Отрокъ поступаетъ въ гимназію; богатый дядя беретъ его на свое иждивеніе и неусыпно продолжаетъ барскую дрессировку. Особенныхъ стараній не требуется. Питомецъ отличается образцовымъ прилежаніемъ, безпрекословной покорностью; его розовое личико вызываетъ самыя умильныя чувства у старшихъ самаго строгаго направленія: малый видимо «принадлежитъ къ разряду овецъ!»

Именно этими словами Писаревъ очерчиваетъ свой юношескій образъ. Кончаетъ онъ курсъ гимназіи, разумѣется, съ медалью, но съ крайне посредственными знаніями и съ поразительно невысокимъ умственнымъ развитіемъ. Положимъ, ему всего шестнадцать лѣтъ, но для будущаго развивателя положительно странно даже въ этомъ возрастѣ любимымъ занятіемъ считать раскрашиваніе картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, читать романы съ приключеніями, въ родѣ *Трехъ мушкетеровъ* Дюма, не понимать смысла даже въ *Холодномъ домѣ* Диккенса. О болѣе серьезныхъ книгахъ нечего и говорить. *Исторія Англіи* Маколея—это своего рода живописное путешествіе—оказывается для юнаго студента непреодолимой, журнальныя статьи производятъ впечатлѣніе «кодекса гіероглифическихъ надписей».

Но печальнѣе всего вопросъ съ русскими писателями. Гимназія здѣсь оказала обычную и великую услугу: задернула черной завѣсой всю настоящую русскую литературу, едва открыла своимъ воспитанникамъ имена Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Гоголя устранила какъ писателя «сальнаго», *Евгенія Онѣгина* и *Героя нашего времени* осудила, какъ произведенія «безнравственныя».

Допускались *Записки Охотника*, вещь, кажется, очень доступная и понятная, но и она для Писарева оказалась своего рода геометріей. Онъ не только не могъ разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, а даже не имѣлъ силы остановиться на нихъ, вдуматься въ книгу, чего можно требовать именно по поводу *Записокъ Охотника* даже отъ читателя школьнаго возраста.

Всѣ эти удивительныя свѣдѣнія сообщаетъ намъ самъ Писаревъ [11]). Можетъ быть, онъ кое что и прикрашиваетъ изъ исторіи своего невиннаго отрочества съ цѣлью блеснуть позднѣйшимъ и чрезвычайно быстрымъ развитіемъ своего независимаго ума и оригинальнаго таланта. Нѣкоторый шаржъ чувствуется въ краснорѣчивыхъ орнаментахъ разсказа, но сколько бы мы ни отбрасывали этихъ украшеній, сущность все-таки останется очень внушительной и она нисколько не разногласитъ съ дальнѣйшими поступками студента и даже начинающаго литератора.

Писаревъ поступаетъ въ университетъ. Мы прекрасно знаемъ, что это означаетъ. Бѣлинскій и его сверстники въ достаточной степени ознакомили насъ съ отечественнымъ храмомъ науки въ сороковыхъ годахъ, не измѣнился порядокъ вещей и къ концу пятидесятыхъ. Все то же педантическое человѣкоубійство, то же, на законныхъ основаніяхъ, издѣвательство надъ жаждой молодежи живыхъ и содержательныхъ знаній, то же коснѣніе высшихъ жрецовъ науки въ буквоѣдствѣ, въ попугайствѣ и въ безпросыпной умственной лѣни. Плотный строй ученыхъ во всемъ блескѣ цехового чиновничьяго величія встрѣтилъ Писарева на порогѣ въ университетъ и принялся производить надъ нимъ свои, можно сказать, вѣковые опыты.

Гимназическіе наставники не успѣли сколько-нибудь просвѣтить разумѣніе своего безраздѣльно-преданнаго имъ питомца на счетъ его наклонностей и способностей. Онъ подошелъ къ университету, будто къ распутью, и въ самомъ печальномъ состояніи духа, вовсе не чувствуя въ себѣ силъ сказочнаго богатыря и встрѣчая еще болѣе загадочныя надписи: филологическій факультетъ, математическій, юридическій... Богатырь, по крайней мѣрѣ, зналъ, что съ нимъ произойдетъ въ томъ или другомъ направленіи, а нашъ искатель свѣта и истины увѣренъ только въ одномъ: математику онъ не любилъ въ гимназіи, юридическія науки, по его соображеніямъ, должны быть очень сухи, а естественныя совсѣмъ не любопытны.

Остается—философія, и Писаревъ становится философомъ—будто нарочито затѣмъ, чтобы заключить свое ученое поприще революціоннымъ бунтомъ.

И иначе быть не можетъ: бунтъ вполнѣ естественъ, не совсѣмъ разумны только его результаты. Писаревъ желаетъ искреннѣе заниматься наукой, увлекается исторіей, въ отвѣтъ на эти запросы профессора предлагаютъ переводить нѣмецкое сочиненіе о лингвистикѣ и философіи Гегеля, потомъ книгу древняго географа Страбона и, наконецъ, изучать энциклопедическій словарь и

---

[11]) *Наша университетская наука. Сочин.* III, 10 etc.

историческіе первоисточники. Это цѣлое путешествіе по дебрямъ, пескамъ и буеракамъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, если юный путникъ скоро изнемогаетъ и невольно долженъ задать себѣ вопросъ: какой же толкъ изъ всѣхъ этихъ мытарствъ? Становлюсь ли я умнѣе и ученѣе послѣ перевода нѣмецкаго и греческаго автора и прочтенія нѣсколькихъ статей въ словарѣ?

Отвѣтъ не могъ подлежать сомнѣнію. Два года университетскаго курса для умственнаго развитія Писарева прошли безплодно. Впослѣдствіи онъ находилъ, что даже чтеніе *Петербургскихъ* или *Московскихъ Вѣдомостей*, отнюдь не блиставшихъ литературными достоинствами, принесло бы ему гораздо больше пользы. Литературное образованіе также мало двигалось впередъ. Писаревъ едва успѣлъ познакомиться съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гете и то потому, что имена ихъ пестрѣли во всякой исторіи литературы.

Съ такимъ запасомъ учености Писаревъ студентъ третьяго курса выступаетъ на литературное поприще. Правда, онъ можетъ сохранить всѣ добродѣтели своей овечьей психологіи. Поприще его литературныхъ подвиговъ—журналъ для дѣвицъ *Развитіе*. Здѣсь ему предоставленъ библіографическій отдѣлъ. Легко понять, на такой сценѣ развернуться довольно трудно, даже если бы этого и захотѣлъ юный критикъ. Но у него пока нѣтъ буйныхъ желаній. Онъ чрезвычайно чинно и благонамѣренно пишетъ свои отчеты о прозѣ и поэзіи современныхъ писателей, добросовѣстно защищая женское образованіе, даже самостоятельность женской личности и человѣческое достоинство дѣвицъ, весьма кстати отдавая предпочтеніе браку по любви предъ бракомъ по разсудку.

Эти истины неопасно было знать и дѣвицамъ и для раскрытія ихъ не требовалось особеннаго напряженія умственныхъ силъ и богатаго запаса свѣдѣній. Вообще все это—довольно удовлетворительныя упражненія молодого человѣка, усвоившаго общечеловѣческую мудрость XIX-го вѣка: знаніе—свѣтъ, свобода—благо, умственное развитіе полезно, независимый трудъ необходимъ одинаково для мужчины и женщины. Эти упражненія приносили не столько пользы читательницамъ просвѣщеннаго журнала, сколько самому автору. «Библіографія моя,—говоритъ онъ,—насильно вытащила меня изъ закупоренной кельи на свѣжій воздухъ».

Эта аллегорія имѣетъ очень серьезный смыслъ: студентъ, угрожаемый отъ университетскихъ профессоровъ полнымъ умственнымъ оскопленіемъ, сталъ читать и думать; необходимость говорить о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ литературы и жизни заставила Писарева работать надъ личнымъ развитіемъ и просвѣщеніемъ.

Работа шла, повидимому, весьма туго,—въ особенности по части развитія. Уже въ теченіи двухъ лѣтъ писались критическія статьи въ очень большомъ количествѣ, проводились разныя хорошія идеи, публика поучалась послѣднимъ словамъ европейскаго просвѣщенія, а самъ авторъ и учитель все еще «не имѣлъ понятія о серьезныхъ обязанностяхъ честнаго литератора».

Это выраженіе принадлежитъ самому Писареву и высказано имъ въ цѣляхъ самооправданія. Литературные противники, всячески ратуя съ радикализмомъ Писарева, припомнили между прочимъ одинъ фактъ изъ его прошлаго—совсѣмъ даже не либеральный. Именно въ апрѣлѣ 1861 года Писаревъ искалъ сотрудничества въ журналѣ *Странникъ* и даже ходилъ въ редакцію съ предложеніемъ своей работы.

Дѣйствительно странно! Журналъ совершенно не подходилъ подъ свободомыслящую программу,—и Писаревъ не нашелъ лучшаго объясненія, какъ признаніе въ своемъ непониманіи обязанностей честнаго литератора [12]). Ему въ это время было уже двадцать одинъ годъ,—и онъ утверждаетъ—и совершенно справедливо,—что его идеи нисколько не сходились съ направленіемъ *Странника*.

Слѣдовательно, одно изъ двухъ,—или молодой писатель ни въ грошъ не ставилъ своихъ идей, или не понималъ ихъ общаго смысла, и представлялъ изъ себя сладкогласный кимвалъ звучащій. И то и другое одинаково нелестно для умственныхъ силъ критика, для уровня его сознательности, для степени его идейной оригинальности. Потому что,—такъ относиться можно только къ наскоро заимствованнымъ чужимъ мыслямъ, лично непродуманнымъ и въ сущности нравственно-безразличнымъ. Предположеніе о внѣшнихъ вѣяніяхъ и внушеніяхъ немедленно подтверждается дальнѣйшими признаніями Писарева.

Онъ всетаки не своимъ умомъ дошелъ до представленія о серьезныхъ обязанностяхъ честнаго литератора, т.-е. до перваго и основнаго принципа всякой болѣе или менѣе достойной литературной дѣятельности. Просвѣтилъ Писарева — Благосвѣтловъ, редакторъ журнала *Русское Слово*. Именно онъ вдохновилъ опрометчиваго и мало-сознательнаго библіографа на слѣдующія разсужденія, повидимому, не особенно трудныя даже для вполнѣ самостоятельнаго завоеванія:

«Честный писатель отнюдь не долженъ уподобляться ласковому теленку, сосущему въ одно время и съ одинаковымъ успѣхомъ двухъ или даже многихъ болѣе или менѣе разношерстныхъ матокъ». Тотъ же честный писатель не долженъ поступать съ

---

[12]) *Посмотримъ*. V, 162—3.

своими произведеніями, какъ сапожникъ съ сапогами, т.-е. продавать ихъ безразлично первому встрѣчному покупателю.

Все это Писаревъ услышалъ впервые отъ Благосвѣтлова—и убѣдился, наконецъ, что дѣло писателя—серьезная общественная обязанность.

Это могло случиться только во второй половинѣ 1861 года и легко понять, что подобное происшествіе—цѣлое событіе въ умственной жизни молодого литератора. Но оказывается,—раньше благосвѣтловскаго вліянія съ Писаревымъ совершился «довольно крутой переворотъ»—именно въ 1860 году. Таково одно сообщеніе о знаменательной эпохѣ, другое—нѣсколько разногласитъ съ первымъ: «умственный кризисъ» произошелъ лѣтомъ 1859 года [13]).

Всѣ эти свѣдѣнія мы опять имѣемъ отъ самого Писарева. На очень незначительномъ промежуткѣ времени онъ путается въ хронологіи, да она впрочемъ не особенно и существенна: важно установить фактъ одного или нѣсколькихъ «кризисовъ», пережитыхъ Писаревымъ наканунѣ своей славы. Мы думаемъ,—нѣсколькихъ, потому что поученія Благосвѣтлова имѣли дѣло уже не съ Писаревымъ — овцой, а съ Писаревымъ — героемъ, и необыкновенно отважнымъ и воинственнымъ. Сначала произошло преобразованіе въ характерѣ, а потомъ въ міросозерцаніи, и оба внезапно, будто коварные удары судьбы.

VI.

Лѣтомъ 1859 года Писаревъ страстно влюбился въ двоюродную сестру. Страсть встрѣтила сильнѣйшія препятствія,—ни предметъ увлеченія, ни родственники не сочувствовали ей. Герою пришлось пережить жестокую борьбу съ неудовлетвореннымъ и оскорбленнымъ чувствомъ. Любимая женщина и вообще люди отказывали самолюбивому мечтателю въ счастьѣ,—оставалось искать счастья въ самомъ себѣ. Выходъ, повидимому, чрезвычайно философскій, даже стоическій,—но у Писарева онъ принялъ чисто-школьническую форму, превратился въ назойливую притязательность новоявленнаго генія и героя.

«Я рѣшился,—пишетъ отвергнутый влюбленный, — сосредоточить въ себѣ самомъ всѣ источники счастья, началъ строить себѣ цѣлую теорію эгоизма, любовался на эту теорію и считалъ ее неразрушимою. Эта теорія доставила мнѣ такое самодовольствіе, самонадѣянность и смѣлость, которыя при первой же встрѣчѣ очень непріятно поразили моихъ товарищей» [14])?

---

[13]) Статьи *Промахи незрѣлой мысли*, *Наша университетская наука*.

[14]) Письмо къ матери, напечатано въ біогр. Писарева, Ев. Соловьева. Изд. Павленкова. Спб. 1894, стр. 60.

Очень наивное признаніе, какъ и весь трагическій эпизодъ. Письмо заканчивается воплемъ: «мама, прости меня, мама, люби меня!...» Очевидно, теорія не соотвѣтствовала нравственной силѣ девятнадцатилѣтняго героя: душа оказывалась очень короткая,— и все геройство выходило сплошной фанфаронадой изобиженнаго мальчика. О ней не стоило бы и упоминать, если бы при извѣстномъ складѣ писаревской психологіи она не играла очень важной роли во всемъ его нравственномъ развитіи и въ его дѣятельности.

Аффектъ быстро становится въ высшей степени болѣзненнымъ, овладѣваетъ всей природой Писарева и подсказываетъ ему поступки, по существу невмѣняемые, но отнынѣ ему свойственные—даже въ самомъ трезвомъ состояніи духа. Онъ съ этихъ поръ внѣ времени и пространства, внѣ вообще законовъ нашей планеты. Онъ чувствуетъ себя Прометеемъ, ему доступно рѣшительно все: какая угодно наука и какая угодно «титаническая идея».

Вчерашняя овца будто по волѣ волшебства перерождается въ сверхъ-человѣка и совершенно утрачиваетъ ясный осмысленный взглядъ и здравый смыслъ.

Это, можетъ быть, сумасшествіе? Пока нѣтъ,—придетъ оно,— но нѣкоторое время еще сохраняется обычная твердая память и подъ ея наблюденіемъ совершаются любопытныя дѣйствія.

«Въ порывѣ самонадѣянности»,—разсказываетъ самъ больной,—онъ набрасывается на научный предметъ, ему совершенно невѣдомый. Только что отличавшая его патріархальная покорность старшимъ смѣняется неограниченнымъ скептицизмомъ. «Опрокинувъ въ умѣ своемъ всякіе Казбеки и Монбланы», — Писаревъ теперь разсчитываетъ совершить чудеса въ области мысли. Препятствій рѣшительно никакихъ не предвидится. Онъ готовъ отрицать луну и солнце. Вся дѣйствительность производитъ на него впечатлѣніе мистификаціи, а его *я* выростаетъ до грандіозныхъ размѣровъ. Это понятно независимо и отъ маніи величія. Герой такъ мало знаетъ, такъ мало и поверхностно думалъ, что ему и въ самомъ дѣлѣ нетрудно счесть планеты и пески морскіе. Именно ограниченность реальнаго умственнаго кругозора и серьезныхъ опытовъ мысли—обычная почва для порывовъ самонадѣянности. Писаревъ разсказываетъ, какъ онъ принялся изучать Гомера съ цѣлью доказать одну изъ своихъ «титаническихъ идей». Ничего нѣтъ удивительнаго! Не все ли равно для невѣжественнаго студента—Гомеръ или Ньютонъ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ одинаково немощенъ на самомъ дѣлѣ и великъ въ собственномъ воображеніи. Изъ изученія Гомера, разумѣется, никакого титаническаго подвига не получается, но наклонность совершать ихъ по вдохновенію останется навсегда.

Впослѣдствіи ничего не стоитъ проснуться нашему Прометею по какому угодно самому неподходящему случаю. Онъ, напримѣръ, никогда не занимался естественными науками и въ теченіе всей своей литературной дѣятельности не успѣетъ составить опредѣленнаго мнѣнія насчетъ ихъ значенія въ общемъ образованіи, но это обстоятельство не помѣшаетъ ему съ чрезвычайной энергіей вмѣшаться въ споръ современныхъ авторитетовъ и уничтожить презрительной ироніей Пастёра, во имя будто бы доказанной научной истины о произвольномъ зарожденіи [15]).

Поступокъ достаточно неразсудительный и въ психологіи Писарева его трудно отдѣлить отъ болѣзненной маніи величія. Приливъ самонадѣянности перешелъ въ настоящее умопомѣшательство. Писарева помѣстили въ психіатрическую больницу. Здѣсь онъ дважды покушался на самоубійство и затѣмъ, спустя четыре мѣсяца, бѣжалъ. Его увезли въ деревню, здоровье его возстановилось, но по свидѣтельству близкаго лица, признаки психической ненормальности остались у него на всю жизнь.

Эти ненормальности, спѣшитъ прибавить близкое лицо, имѣли самый невинный характеръ, выражаясь или въ минутахъ странностей и чудачествъ всякаго рода,—«то, напримѣръ, вдругъ ни съ того ни съ сего, бросивъ спѣшную работу, увлекался онъ ребяческимъ занятіемъ—раскрашиванія красками политипажей въ книгахъ, то, отправляясь лѣтомъ въ деревню, заказывалъ портному лѣтнюю пару изъ ситца яркихъ колеровъ, изъ коихъ деревенскія бабы шьютъ сарафаны» [16]).

Близкое лицо спѣшитъ для собственнаго удовольствія и для утѣшенія сочувствующей публики напомнить теорію Ломброзо объ естественномъ совпаденіи геніальности и психической ненормальности. Мы думаемъ,—утѣшеніе слѣдовало бы вести совершенно обратнымъ путемъ: сначала доказать геніальность ненормальнаго субъекта и потомъ уже утѣшаться въ его психическомъ недугѣ, а не отъ психическаго недуга направляться къ геніальности. Талантливымъ людямъ, можетъ быть, и чаще, чѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ, случается сходить съ ума, но въ сумашествіи видѣть одно изъ свидѣтельствъ талантливости—по меньшей мѣрѣ легкомысленно и равносильно писаревскому способу разрѣшать естественно-научные вопросы. Исторія знаетъ очень много идеально-уравновѣшенныхъ и психически-нормальныхъ геніевъ,—даже среди поэтовъ,—и какъ разъ геніевъ первостепенной величины—въ родѣ Шекспира, Гёте, Гюго, Данте,—и у насъ нѣтъ ни малѣйшаго

---

[15]) Статья: *Подвиги европейскихъ авторитетовъ.*

[16]) Скабичевскій. Біографич. подробности въ *Отеч. Зап.* 1869, январь и мартъ.

основанія—признавать научное достоинство за полу-анекдотическими и въ сильной степени подтасованными замѣчаніями Ломброзо; проще—помириться на несомнѣнномъ изъянѣ въ умственномъ развитіи русскаго публициста. Изъянъ обильно иллюстрируется и другими фактами, помимо пребыванія въ психіатрической больницѣ и невинныхъ странностей.

Рѣзкій, только что пережитый, кризисъ все-таки не просвѣтилъ Писарева на счетъ его литературнаго будущаго. Онъ думаетъ начать свою карьеру въ *Странникѣ*, но судьбѣ угодно столкнуть его съ личностью—безусловно сильной и авторитетной—и этимъ безповоротно рѣшить вопросъ о направленіи легкомысленнаго библіографа.

Благосвѣтловъ, редакторъ *Русскаго Слова*, стоитъ въ тѣни сравнительно съ своими громкими сотрудниками—въ родѣ Писарева, Зайцева. А между тѣмъ именно его слѣдуетъ признать вдохновителемъ и первоисточникомъ нигилизма, насколько это направленіе выразилось въ публицистикѣ шестидесятыхъ годовъ. Особенно Писаревъ, по своимъ идеямъ и общему умственному развитію, находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ Благосвѣтлова: можно сказать,—онъ созданъ или, по крайней мѣрѣ, перерожденъ,—редакторомъ *Русскаго Слова*, имъ направленъ и богато снабженъ самымъ эффектнымъ и сногсшибательнымъ оружіемъ разрушенія.

Благосвѣтловъ—по происхожденію сынъ священника, по образованію сначала семинаристъ, потомъ юристъ петербургскаго университета—началъ общественную дѣятельность учительствомъ. Карьера быстро разстроилась. Благосвѣтловъ уѣхалъ за границу, долго былъ въ Лондонѣ и сблизился съ Герценомъ, потомъ въ Парижѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ, познакомился съ редакторомъ *Русскаго Слова*—Я. П. Полонскимъ. Журналъ издавалъ гр. Кушелевъ-Безбородко. Журналъ шелъ плохо, наполнялся статьями мертвеннаго содержанія; издатель пригласилъ Благосвѣтлова. Въ половинѣ 1860 года—Благосвѣтловъ становится редакторомъ, а два года спустя—полнымъ хозяиномъ журнала. Подъ его руководствомъ *Русское Слово* становится органомъ молодежи, представителемъ литературнаго радикализма,—и редакція является настоящимъ университетомъ, всесторонней школой для новыхъ дѣятелей и проповѣдниковъ.

Глава школы—человѣкъ необычайной энергіи и силы воли. Лишенный отъ природы всякихъ наклонностей къ чувствительности, даже вообще—къ тѣснымъ дружескимъ отношеніямъ, Благосвѣтловъ всѣ свои интересы сосредоточилъ на журналѣ и публицистикѣ. Большого литературнаго таланта онъ не обнаруживалъ, не могъ подняться выше толковаго изложенія послѣднихъ словъ науки,—но его убѣжденія отличались всѣми достоинствами,

какія необходимы для упорной борьбы за новую идею—стойкостью, опредѣленностью и исчерпывающей полнотой. У Благосвѣтлова на всѣ запросы современности всегда находился отвѣтъ—полный, ясный, сильно и авторитетно выраженный. Въ изложеніе чужихъ статей и книгъ Благосвѣтловъ умѣлъ внести свой принципіальный духъ, и представить читателю рядъ общихъ рѣзко-очерченныхъ выводовъ и компиляцію превратить въ орудіе пропоганды. Примѣрами могутъ служить статьи о сочиненіяхъ Милля, Бокля, Токвиля. Авторъ—неумолимый врагъ отвлеченнаго политиканства и мѣщанскаго либерализма—такъ же, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ. Но его рѣчь гораздо энергичнѣй и прямолинейнѣй. Критика, направленная на исключительное увлеченіе политическими формами, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ безразсудствѣ и безплодности политическаго доктринерства. Либеральная буржуазія, всѣми фибрами души связанная съ биржей и курсомъ, является съ своей подлинной исторической физіономіей на широкой картинѣ новѣйшей исторіи Франціи. И всѣ эти идеи освѣщены глубокой вѣрой въ силу человѣческой личности, въ великіе результаты свободной иниціативы общества. Статья о Токвилѣ оканчивается несомнѣнно личной исповѣдью автора,—и она представляетъ лучшую его характеристику.

«Авторъ *Демократіи*, пишетъ Благосвѣтловъ, отводитъ намъ мирное поле труда и непосредственнаго участія въ нашей собственной участи. Онъ твердо вѣритъ, что сами люди создаютъ себѣ то или другое соціальное положеніе, что совершенно отъ нихъ самихъ зависитъ быть рабами, подобно китайцамъ, или свободными гражданами, подобно американцамъ. Съ такимъ убѣжденіемъ становится легче, когда посмотришь на историческую Голгоѳу человѣчества, покрывшаго свой путь слезами и кровью» [17]).

И Благосвѣтловъ въ теченіе всей своей жизни являлъ образецъ непобѣдимой энергіи и вѣры въ себя и свой трудъ. Онъ дѣйствительно былъ слѣпленъ будто изъ гранита и чугуна, какъ онъ самъ о себѣ выражается,—и это чувствовалось и сознавалось всѣми его сотрудниками.

Особенно сильно должно было поразить это чувство Писарева, по природѣ совершенно не напоминавшаго чугуна и гранита. Благосвѣтловъ подчинилъ его своей волѣ и своему уму съ первой же встрѣчи, и впослѣдствіи мать Писарева въ письмѣ къ Некрасову заявляла, что ея сынъ видѣлъ въ Благосвѣтловѣ своего друга, учителя и руководителя,—ему онъ «обязанъ своимъ развитіемъ» и въ его

---

[17]) *Сочиненія Благосвѣтлова*, съ предисловіемъ Шелгунова. Спб. 1882, стр. 143—4, 171, 178—9, 365.

совѣтахъ онъ нуждался до конца своей жизни [18]). Это значитъ Писаревъ превратился въ точный и покорный отголосокъ Благосвѣтловскихъ взглядовъ. Овечья природа критика не исчезла безслѣдно и послѣ кризиса: произошла только смѣна авторитетовъ и новый авторитетъ налегъ на природу Писарева, пожалуй, еще тяжелѣе, чѣмъ старые. И не одного Писарева. Зайцевъ также неограниченно пользовался внушеніями редактора. Онъ прямо получалъ приказанія отъ Благосвѣтлова—изложить тѣ или другія мысли, и редакторъ кромѣ того дѣятельно вмѣшивался въ самое изложеніе, исправлялъ, передѣлывалъ, усиливалъ и подчеркивалъ текстъ сотрудника. До какой степени это редакторское творчество было существенно въ критическихъ статьяхъ Писарева и Зайцева, показываетъ позднѣйшая участь обоихъ писателей. Послѣ разрыва съ Благосвѣтловымъ, Писаревъ оставался почти исключительно пересказчикомъ беллетристическихъ произведеній, а Зайцевъ занялся исключительно переводами и компиляціями. Будто животворящій духъ отлетѣлъ отъ воинственныхъ бойцовъ и въ первобытномъ состояніи у нихъ исчезла сила слова и смѣлость мысли.

Надо помнить, въ удостовѣреніе всѣхъ этихъ фактовъ предъ нами признанія самого Писарева, его матери и историческое развитіе его таланта. Мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ любопытнымъ психологическимъ и культурнымъ фактомъ полной и непосредственной идейной зависимости одного изъ самыхъ отважныхъ публицистовъ отъ внѣшняго учительскаго авторитета. Революціонная вспышка, преобразовавшая, повидимому, душевный міръ писателя, на самомъ дѣлѣ не измѣнила сущности его психологіи. Онъ остался столь же мало критическимъ и анализирующимъ умомъ, какимъ былъ и раньше. Выходка противъ Пастёра засвидѣтельствовала чисто-школьническую способность—отдаваться сильно и безраздѣльно именно *авторитету*, почему-либо прозведшему сильное увлекательное впечатлѣніе. Почему Писаревъ всталъ горой за ученіе Пуше о произвольномъ зарожденіи и что ему внушило величественные софизмы надъ Пастёромъ? Критическое изслѣдованіе предмета? О немъ не могло быть и рѣчи. Провѣрка свѣдѣній и сообщеній сторонъ? Въ ней, какъ видно изъ тона статьи, Писаревъ совершенно не нуждался. Вопросъ былъ предрѣшенъ—только потому что Пуше признанъ непогрѣшимымъ авторитетомъ.

Та же исторія и съ Зайцевымъ. Онъ попалъ въ еще болѣе траги-комическую коллизію, нанесшую не малую поруху радикализму *Русскаго Слова*. На основаніи авторитета Гекели и

---

[18]) Венгеровъ. *Критико-біографич. словарь русскихъ писателей и ученыхъ.* Спб. 1892, томъ III.

Фихте, признающихъ негра низшей расой сравнительно съ бѣлой, радикальный публицистъ съ обычной горячностью принялся доказывать рабство черныхъ и провозглашать невольничество «самымъ лучшимъ исходомъ» для цвѣтного человѣка въ соприкосновеніи съ бѣлой расой. Это значило рѣшать политическій и нравственный вопросъ на основаніи естественныхъ наукъ,—или вѣрнѣе—по Фихте и Гекели [19]).

Такое рѣшеніе вызвало страшный скандалъ. Печать всѣхъ оттѣнковъ возмутилась до глубины души естественно-научной послѣдовательностью *Русскаго Слова*, и Писареву и Зайцеву пришлось пережить не мало тяжелыхъ минутъ. Писаревъ счелъ нужнымъ вступиться за товарища,—но значительной услуги оказать не могъ: дѣло выходило дѣйствительно вопіющее, и безпристрастная публика должна была согласиться, что радикальная оппозиція однимъ авторитетамъ можетъ иногда совмѣщаться съ радикальнымъ рабствомъ предъ другими.

Это не единичный фактъ, а таковъ общій характеръ всей публицистики *Русскаго Слова*. Она въ сильнѣйшей степени явленіе гипнотическое, она вся преисполнена догматами и весьма рѣдко обнаруживаетъ дѣйствительно критическое направленіе. Она стремится не опровергнуть, а уничтожить, и нестолько доказать, сколько внушить и навязать. Тонъ ея неизмѣнно деспотическій и побѣдоносный. Она твердо увѣрена, что обладаетъ совершенными истинами, и на противниковъ взираетъ, какъ на существъ безнадежно слабоумныхъ и темныхъ. Отсюда—безпримѣрная рѣзкость полемики, оставляющая за собой рѣшительно всѣ литературныя преданія всѣхъ эпохъ и народовъ. Статьи Писарева, Зайцева и Благосвѣтлова—цѣлая сокровищница бранныхъ словъ и памфлетовъ, только что не караемыхъ уголовнымъ кодексомъ. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у Чернышевскаго и Добролюбова, но ихъ наслѣдники, очевидно, не считали себя въ силахъ ограничиться чисто-литературными пріемами борьбы и устроили настоящую оргію на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ.

Такія свалки, какъ Благосвѣтлова съ Антоновичемъ, Писарева съ тѣмъ же критикомъ *Современника* могутъ считаться вполнѣ классическими по яркости и законченности жанра. Не стѣснялась, разумѣется, и противная сторона: но пальма первенства принадлежитъ безусловно *Русскому Слову*, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ наполнявшему свой критическій отдѣлъ многочисленными обращеніями и вызовами по адресу недруговъ. Писаревъ, Зайцевъ, Соколовъ часто въ одной и той же книгѣ то бросаютъ перчатки

---

[19]) *Русское Слово*, 1864 г., декабрь.

Современнику, то производятъ надъ нимъ экзекуціи за старыя грѣхи, то просто потѣшаются надъ «глуповцами», лгунишками и просто идіотами и «гнилыми бутербродами».

Либералы и консерваторы могли наполнять цѣлыя страницы своихъ органовъ перлами радикальной полемики и въ правѣ именовать ее «возмутительной оргіей». Но собственно бѣда заключалась не въ полемикѣ, а въ ея исключительно личномъ характерѣ, попросту—въ личной перебранкѣ литераторовъ. Писаревъ изслѣдовалъ умственныя способности Антоновича, Антоновичъ наводилъ справки, какимъ путемъ досталось Благосвѣтлову *Русское Слово* и въ какихъ отношеніяхъ Благосвѣтловъ состоялъ съ лакеями гр. Кушелева-Безбородко, Благосвѣтловъ изощрялся соотвѣтственно надъ особой Антоновича [20]).

Такъ шло цѣлыми годами и, наконецъ, даже Зайцевъ написалъ слѣдующую элегію, явно накипѣвшую на его сердцѣ:

«Перебранки, доходящія до такихъ изумительныхъ непристойностей, составляющія главную и самую видную часть журналистики, свидѣтельствуютъ о плачевномъ состояніи литературы. Онѣ открываютъ, что область, подлежащая литературѣ, доведена до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, что на ней не осталось рѣшительно ничего, кромѣ самой журналистики и личностей, подвизающихся на поприщѣ ея. Журналы другъ другу и сами себѣ опротивѣли до крайности, но, за неимѣніемъ другого дѣла, должны заниматься другъ другомъ, что не способствуетъ смягченію и умиротворенію ихъ взаимныхъ отношеній. Дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что существованіе какого-нибудь направленія въ въ журналѣ объявляется нелѣпостью, подвергается шуткамъ и насмѣшкамъ. Возвѣщается, что въ жизни нѣтъ ничего, что бы могло дать журналу какое-нибудь направленіе» [21]).

Справедливо, но непосредственно за элегіей опять слѣдуетъ обычный жанръ—съ крѣпкими словами и отчаянной живописью... Очевидно, нельзя было удержаться на разъ принятомъ пути, и до самаго конца существованія *Русскаго Слова*—путь совершался съ неизмѣннымъ постоянствомъ.

Мы опять должны обратить вниманіе на психологическую основу явленія. Яростная личная брань могла возникнуть только на почвѣ нетерпимости, фанатизма и при совершенномъ нежеланіи анализировать и доказывать, работать исключительно въ интересахъ логичности и истинности извѣстныхъ идей. Ставился какой-либо догматъ и требовалось безпрекословное преклоненіе предъ нимъ,—отъ кого не получалось мгновеннаго согласія,

---

[20]) Одинъ изъ самыхъ характерныхъ примѣровъ—*Послѣднее объясненіе*—Благосвѣтлова, *Русск. Слово*, 1865, февраль.

[21]) *Русск. Сл.* 1864, окт. *Славянофилы побѣдили*, стр. 72.

тотъ немедленно вносился въ проскрипціонные списки, отмѣчался на черной доскѣи уже ему не было пощады—чуть ли не до седьмого колѣна по восходящей и нисходящей линіи.

Подобная стремительность характеризуетъ не только личности бойцовъ, но и самый процессъ ихъ мышленія. Онъ именно тотъ, какимъ Писаревъ достигъ своихъ истинъ,—процессъ мгновеннаго осіянія, неудержимо страстнаго и столь же скоропалительнаго воспріятія. Въ жизни Писарева нѣтъ *исторіи* нравственнаго міра, постепенно, шагъ за шагомъ вырабатывающаго свое содержаніе, а есть рядъ *аффектовъ*, немедленно отражающихся на идейномъ процессѣ. И мы вполнѣ понимаемъ чрезвычайно легкій духъ, съ какимъ Писаревъ перешелъ въ новую фазу,—духъ, совершенно противоположный, напримѣръ, опытамъ Бѣлинскаго. Писаревъ заявляетъ, что онъ «беззаботно и весело пошелъ по скользкому пути журналиста»...

Предательское признаніе! Оно показываетъ, сколько легкомыслія оставалось въ умѣ и чувствахъ критика даже послѣ того, когда онъ понялъ обязанности честнаго литератора. Беззаботность и веселость на пути русскаго писателя,—когда еще наша литература знала такое счастье и могла назвать такого баловня судьбы?..

Завидная доля, но она досталась недаромъ нашему герою, и если бы онъ былъ способенъ отдать отчетъ въ общемъ смыслѣ своего жизнерадостнаго путешествія, онъ искренне пожелалъ бы себѣ больше грустныхъ и заботныхъ настроеній.

VII.

По самому существу нравственной природы Писарева у него не могло быть эволюціи идей, а только рядъ моментальныхъ вдохновеній. И онъ, несомнѣнно, счелъ бы недостойнымъ себя медленнымъ трудомъ и сложнымъ умственнымъ процессомъ завоевывать истину. Но все таки въ его произведеніяхъ можно отличить нѣкоторые оттѣнки. Они существуютъ, несмотря на первобытную простоту рѣшеній всѣхъ рѣшительно вопросовъ и безпримѣрную въ русской критикѣ элементарность общихъ разсужденій. Писаревъ, какъ и его сподвижники, фанатикъ схемъ, формулъ, возможно ясныхъ и простыхъ положеній. Все болѣе или менѣе сложное и глубокое органически отталкиваетъ его, вызываетъ немедленно подозрѣніе въ метафизикѣ, схоластикѣ и рутинѣ. Онъ готовъ рѣшительно всѣ явленія нравственнаго міра свести къ сложенію и вычитанію: не даромъ,—для него и для Зайцева,—Тэнъ—замѣчательный мыслитель. Гдѣ нельзя обойтись съ однимъ школьнымъ силлогизмомъ и бѣглой статистикой, тамъ преспокойно ставится точка или говорится нѣсколько безапелляціонно-скептическихъ фразъ.

Таковъ идеальный предѣлъ писаревской публицистики,—но достигъ онъ этого идеала не сразу. «Писаревскія» идеи будто дремали въ теченіе, по крайней мѣрѣ, трехъ лѣтъ, т. е. не было слышно о разрушеніи эстетики, объ уничтоженіи Пушкина и вообще искусства, о неограниченномъ, вполнѣ безотчетномъ культѣ естествознанія, а главное—нѣтъ «строгаго послѣдовательнаго реализма», точнѣе—шаржированнаго базаровскаго міросозерцанія.

Въ обычномъ представленіи о Писаревѣ идейное содержаніе этихъ трехъ лѣтъ опускается,—и Писаревъ слыветъ только разрушителемъ эстетики и реальнымъ развивателемъ. На самомъ дѣлѣ существуетъ другой Писаревъ, не вполнѣ похожій на популярнаго—Писаревъ художественныхъ удовольствій и неясныхъ поэтическихъ ощущеній. Да, какъ это ни странно, но юный джентльменъ крѣпостническаго воспитанія не выдохся окончательно послѣ даже двухъ кризисовъ. И вполнѣ естественно.

Писаревъ выступилъ на поприще радикальной журналистики эпикурейцемъ. Идея личнаго удовлетворенія, эгоизма—его символъ вѣры—беззаботный и веселый. Весной 1862 года онъ попадаетъ въ крѣпость за статью, напечатанную въ подпольномъ журналѣ. Приключеніе, по меньшей мѣрѣ, досадное, но оптимизмъ молодого реалиста до такой степени непоколебимъ, что заключеніе не производитъ на него рѣшительно никакихъ дурныхъ впечатлѣній. Писаревъ находитъ въ своей участи даже хорошую сторону: неволя располагаетъ его къ сосредоточенности и серьезной дѣятельности. Неволя продолжалась около четырехъ лѣтъ и именно эти годы самые плодовитые въ литературной дѣятельности Писарева и самые благодарные для его популярности.

Эпикурейцу сама природа велитъ быть эстетикомъ,—и Писаревъ изощряетъ свои наклонности къ художественной красотѣ на произведеніяхъ Гейне и даже Майкова. «Гейне—одинъ изъ величайшихъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ» и на немъ будутъ воспитываться молодыя поколѣнія, а Майкова критикъ «уважаетъ», какъ «умнаго и развитого человѣка, какъ проповѣдника гармоническаго наслажденія жизнью». Эта проповѣдь именно и составляетъ «трезвое міросозерцаніе».

Заходитъ рѣчь о Пушкинѣ: скоро противъ него будутъ двинуты всѣ роды оружія реалистической критики, теперь пока Пушкинъ можетъ покоиться среди лавровъ и вѣнковъ. Его романъ *Евгеній Онѣгинъ* стоитъ «на ряду съ драгоцѣннѣйшими историческими памятниками». Даже какъ публицистъ Пушкинъ называется одновременно съ Вольтеромъ, Ульрихомъ Гуттеномъ, Шиллеромъ и Гёте, именно потому, что онъ «свисталъ часто рѣзко стихами и прозою», т. е. обнаруживалъ извѣстное политическое направленіе. Правда, здѣсь же посылается очень энергичная от-

повѣдь по адресу поэтовъ, не проводившихъ въ общественное сознаніе живыхъ общечеловѣческихъ идей, Фета, Полонскаго, Щербины, Грекова: они сравниваются съ модистками, выдумывающими новую куафюру [22]). Но удары наносятся только «микроскопическимъ поэтикамъ»,—критику, очевидно, вовсе и на умъ не приходитъ разразить Пушкина, Шекспира, Рафаэля.

Краснорѣчивѣйшая статья этого періода *Базаровъ*. Писаревъ чрезвычайно увлекается романомъ Тургенева, дѣлаетъ даже вполнѣ эстетическое признаніе, говоритъ о «какомъ-то непонятномъ наслажденіи, котораго не объяснишь ни занимательностью разсказываемыхъ событій, ни поразительной вѣрностью основной идеи». Критикъ понимаетъ сильныя и слабыя стороны базаровскаго типа, подробно указываетъ, гдѣ Базаровъ правъ и гдѣ онъ «завирается». Писаревъ знаетъ и источникъ завирательства: крайній протестъ противъ «фразы гегелистовъ» и «витанія въ заоблачныхъ высяхъ». Крайность понятна, но «смѣшна», и «реалистамъ», разсуждаетъ Писаревъ, надлежитъ вдумчивѣе относиться къ самимъ себѣ и не провираться въ пылу діалектическихъ сраженій. И дальше слѣдуетъ вполнѣ здравомыслящее соображеніе: запомни его Писаревъ на всю жизнь, онъ, пожалуй, оставилъ бы потомству прочное и цѣнное публицистическое наслѣдство.

«Отрицать совершенно произвольно,—говоритъ онъ,—ту или другую естественную и дѣйствительно существующую въ человѣкѣ потребность или способность—значитъ, удаляться отъ чистаго эмпиризма... Выкраивать людей на одну мѣрку съ собой—значитъ впадать въ узкій умственный деспотизмъ».

Лучшей критики никто не могъ бы написать на самого Писарева, когда онъ окончательно перейдетъ въ героическій періодъ своей дѣятельности и примется «перерѣшать» вѣковые вопросы. *Современникъ* станетъ обвинять его и его друга Зайцева въ *механическомъ* воззрѣніи на людей и идеи: именно такое воззрѣніе теперь не нравится Писареву, и онъ дерзнетъ даже открыть кое-какія темныя черты на ослѣпительной фигурѣ Базарова. Онъ считаетъ нигилиста «человѣкомъ крайне необразованнымъ». Базаровъ «съ плеча отрицаетъ вещи», которыхъ «не знаетъ или не понимаетъ»: «поэзія, по его мнѣнію, ерунда; читать Пушкина—потерянное время, заниматься музыкой—смѣшно; наслажденіе природой—нелѣпо». Все это на Писарева производитъ крайне невыгодное впечатлѣніе. Онъ согласенъ, Базаровъ основательно знаетъ медицинскія и естественныя науки, но это не значитъ быть образованнымъ. «Онъ слыхалъ кое-что о поэзіи, кое-что объ искус-

---

[22]) *Схоластика XIX вѣка. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ*. I. 370, 438, 442 etc. *Дворянское Гнѣздо*. I, 197.

ствѣ, не потрудился подумать и съ плеча произнесъ приговоръ надъ незнакомыми ему предметами». Настоящій реалистъ никогда этого не позволитъ себѣ, не станетъ преслѣдовать простыя чувства и даже чисто физическія ощущенія, въ родѣ наслажденія музыкой.

Реалистъ также не согласится съ Базаровымъ, будто человѣкъ осужденъ жить исключительно въ мастерской. Всякому извѣстно, «работнику надо отдохнуть», «человѣку необходимо освѣжиться пріятными впечатлѣніями». Это законъ природы и безразсудно воевать противъ него. Писареву, какъ эпикурейцу, это правило особенно дорого. Онъ энергично стоитъ за «безвредныя» наслажденія, т. е. эстетическія: чѣмъ ихъ больше, тѣмъ легче жить на свѣтѣ. Базаровъ, вооружаясь противъ идеализма, самъ превращается въ идеалиста и даже въ деспота, начинаетъ предписывать человѣку, чѣмъ ему наслаждаться и чѣмъ нѣтъ. «Наслажденіе рѣшительно необходимо», заключаетъ Писаревъ.

Достается не мало похвалъ и на долю Тургенева, не какъ публициста, а какъ «человѣка безсознательно и невольно искренняго», т. е. *художника*. Даже больше Писаревъ высказываетъ общее положеніе, которое онъ впослѣдствіи долженъ предать проклятію: «Честная, чистая натура художника беретъ свое, ломаетъ теоретическія загородки, торжествуетъ надъ заблужденіями ума и своими инстинктами выкупаетъ все—и невѣрность основной идеи, и односторонность развитія, и устарѣлость понятій. Вглядываясь въ своего Базарова, Тургеневъ, какъ человѣкъ и какъ художникъ, растетъ въ своемъ романѣ, растетъ на нашихъ глазахъ и доростаетъ до правильнаго пониманія, до справедливой оцѣнки созданнаго типа».

Столько здравыхъ мыслей умѣлъ высказать критикъ, отнюдь, конечно, не новыхъ, но очень полезныхъ прежде всего для самихъ реалистовъ и перваго среди нихъ. Но мы снова не должны упускать изъ виду источника писаревскаго здравомыслія. Это не логическій разсудокъ, не критическая вдумчивость, вообще не умственный процессъ, а извѣстное психическое внушеніе, аффектъ. Теперь онъ называется эпикурейскимъ настроеніемъ и художникъ спасается только благодаря пристрастію критика къ наслажденіямъ. Искусство защищается не ради какихъ-либо идеальныхъ, самостоятельныхъ жизненныхъ цѣлей, а только какъ «источникъ безвредныхъ наслажденій». Это существенный фактъ! И онъ заранѣе можетъ приготовить насъ къ какимъ угодно сюрпризамъ въ противоположномъ направленіи. Вдругъ критикъ перестанетъ исповѣдывать эпикурейскую мораль, тогда пропадетъ и его почтительное отношеніе къ поэзіи и творчеству. Для него не литература, и не ея содержаніе и смыслъ на первомъ планѣ, а соб-

ственный личный вкусъ, неудержимо настойчивый, своенравный. Хочу засужу — хочу помилую, вотъ настоящій девизъ Писарева, какъ критика, и вскорѣ онъ дѣйствительно засудитъ искусство столь же беззаботно и весело, какъ только что защищалъ его.

Культурное міросозерцаніе Писарева въ эту эпоху столь же не похоже на позднѣйшее, какъ и эстетическое. Въ качествѣ эпикурейца онъ долженъ возможно меньше возлагать бремени и нравственныхъ обязательствъ на отдѣльную личность и вполнѣ послѣдовательно доказывать, что каждый человѣкъ порознь «не заслуживаетъ порицанія» за свои грѣхи и проступки: во всемъ виновато общество, среда. Человѣкъ только продуктъ окружающихъ условій.

Мы встрѣтили ту же идею у Чернышевскаго и Добролюбова, но тамъ у нея совсѣмъ другое происхожденіе, не имѣющее ничего общаго съ эпикурейской покладливостью и художественно-барской снисходительностью. Но и здѣсь эти настроенія внушаютъ критику лишь нѣсколько благоразумныхъ замѣчаній, имъ также грозитъ скорая и безпощадная раздѣлка. Теперь Писаревъ признаетъ великое значеніе художественныхъ типовъ, воплощающихъ людей мелкихъ, безсильныхъ и пошлыхъ: они—иллюстрація общественной атмосферы.

Другія мысли Писарева—столь же мимолетныя гостьи, хотя онѣ навѣяны на этотъ разъ уже не аффектами, а вполнѣ жизненными фактами. Программу этихъ мыслей очень удачно начерталъ самъ критикъ: «у насъ, говоритъ онъ, всегда случается, что юноша, окончившій курсъ ученія, становится тотчасъ непримиримымъ врагомъ той системы преподаванія, которую онъ испыталъ на себѣ самомъ».

И устами Писарева говоритъ просто наболѣвшее чувство, когда онъ отрицаетъ классическую систему, громитъ ученый педантизмъ и школьную схоластику, поясняетъ свои общія разсужденія очень яркими фигурами изъ своего студенческаго прошлаго и доходитъ, наконецъ, до проповѣди естествознанія, какъ основы гимназической программы.

Все это вполнѣ логическія слѣдствія лично пережитаго и перечувствованнаго. Удивительно только, что для словеснаго выраженія этихъ опытовъ потребовались кризисы, и Писаревъ дошелъ до нихъ только послѣ благосвѣтловскаго толчка. Но во всякомъ случаѣ, наконецъ, дошелъ, къ сожалѣнію, весьма быстро пересталъ идти ровнымъ сознательнымъ шагомъ и стремительно рванулся впередъ.

Какъ и почему это совершилось — для отвѣта у насъ нѣтъ фактическихъ данныхъ. И самое происшествіе, какъ мы упомянули, прошло незамѣченнымъ для біографовъ и цѣнителей Писарева. Правда, въ *Современникѣ* было указано, что Писаревъ

замѣтно просвѣтился послѣ тургеневскаго романа. Указаніе вполнѣ справедливое,—мы сейчасъ убѣдимся въ этомъ. Почему, просвѣщеніе пришло съ подожданіемъ, почему сначала Писаревъ отнесся къ Базарову довольно критически, а потомъ возвелъ его въ перлъ созданія и даже сильно разукрасилъ въ нигилистическомъ направленіи?

Объясненіе можетъ быть одно,—все таже благосвѣтловская наука. Писаревъ съ каждымъ днемъ все серьезнѣе долженъ былъ представлять обязанности честнаго литератора, т. е. учителя публики, преобразователя существующаго нравственнаго и общественнаго строя, руководителя «мыслящихъ реалистовъ». А при такой роли эпикурейскія идеи являются по меньшей мѣрѣ неудобными и несоотвѣтствующими. Принципъ наслажденія прямо оскорбителенъ рядомъ съ просвѣщеніемъ и наставничествомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Человѣкъ, взявшій на себя такой долгъ, обязанъ проникнуться строгимъ и энергическимъ міросозерцаніемъ, трезвыми и положительными принципами, а прежде всего послѣдовательностью. И Писаревъ именно такъ и судитъ о себѣ въ письмѣ къ матери: онъ «самый послѣдовательный изъ русскихъ писателей».

Мы думаемъ иначе объ этой добродѣтели въ писаревской личности. Мы не видимъ именно послѣдовательности отъ идеи о «творческомъ сознаніи художника», создающаго стройные образы и лучше критика умѣющаго осмысливать дѣйствительность, до заявленія «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ»; мы должны признать нѣкоторый разрывъ между этими истинами, пропасть между двумя столь противоположными идейными процессами. Послѣдовательность будетъ чисто писаревская, т. е. неуклонное подчиненіе аффектамъ и гипнозамъ, взамѣнъ вдумчиваго, истинно критическаго анализа явленій и идей.

VIII.

Перемѣна атмосферы ясно чувствуется со статьи *Цвѣты невиннаго юмора*. Статья направлена противъ Щедрина, какъ «литературнаго поразита» и «чистѣйшаго представителя чистѣйшаго искусства». Правда, Щедринъ сотрудникъ *Современника*, непримиримо-противнаго журнала, и это обстоятельство должно сильно изощрять стрѣлы изъ лагеря *Русскаго Слова*. Но у Писарева имѣется общій принципъ, бьющій наповалъ сатирика. Щедрину не особенно обидно быть побитымъ въ данномъ случаѣ: рядомъ съ нимъ обязано пасть и разсѣяться прахомъ вообще искусство, въ сущности даже всякая умственная дѣятельность, кромѣ изученія и популяризаціи естественныхъ наукъ. Естествознаніе «самая жи-

вотрепещущая потребность нашего общества», и распространеніе его—высшее назначеніе «мыслящихъ людей». Всѣ должны отдаться ему и критики, и художники. Могутъ возразить, что книги по естествознанію принесутъ пользу только образованнымъ классамъ, и пройдутъ незамѣтно для народа. Писаревъ не слушается. Онъ убѣжденъ, что «акклиматизація естествознанія» въ русскомъ *обществѣ* неизмѣримо полезнѣе для русскаго *народа* всѣхъ книгъ, предназначенныхъ собственно для него и всякихъ добродѣтельныхъ толковъ о сближеніи съ народомъ и о необходимости любить его.

Вы, можетъ быть, потребуете доказательствъ, какимъ путемъ естественники изъ общества окажутся полезнѣе для народа всякихъ другихъ образованныхъ людей? Доказательствъ вы не получите кромѣ одного: естествознаніе весьма превознесено у Бокля, и Благосвѣтловъ написалъ объ англійскомъ историкѣ обширную хвалебную статью. Этихъ фактовъ вполнѣ достаточно, чтобы гипнотически закрыть глаза рѣшительно на все кромѣ физіологіи и антропологіи. Вѣдь додумался же Шелгуновъ, въ эту эпоху также одинъ изъ покорныхъ учениковъ Благосвѣтлова, до открытія, будто благодаря успѣхамъ *физіологіи* возникли и развились идеи равенства и человѣческихъ правъ. Физіологія доказала, что «кости у всѣхъ одного цвѣта, кровь также» и что, слѣдовательно, нѣтъ основаній для дворянскихъ привилегій. [28]). Вотъ какая политическая сила—физіологія, и какіе отличные физіологи были, напримѣръ, христіане перваго вѣка нашей эры и впослѣдствіи столь просвѣщенные естествоиспытатели и точные ученые, какъ энергичнѣйшій апостолъ всеобщаго равенства—Жанъ Жакъ Руссо!

Отчего же послѣ такихъ уроковъ исторіи Писареву не замѣнить естествознаніемъ рѣшительно всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій человѣчества и не рекомендовать Щедрину «Глуповъ бросить» и приняться за переводы и компиляціи сочиненій по естественнымъ наукамъ.

Эта мысль растетъ въ мозгу критика не по днямъ, а по часамъ. Въ статьѣ *Мотивы русской драмы* она принимаетъ по истинѣ фанатическую форму и рѣчь Писарева заставляетъ ждать рѣшительно чего угодно въ смыслѣ «послѣдовательнаго реализма». Молодежь, говоритъ онъ, «должна проникнуться глубочайшимъ уваженіемъ и пламенной любовью къ распластанной лягушкѣ... Тутъ-то именно, въ самой лягушкѣ, и заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа».

Писаревъ, написавши эту фразу, спѣшитъ побожиться предъ

---

[28]) *Русск. Слово*, 185, октябрь. *Литература и образованные люди*, стр. 6.

читателемъ. Онъ-де не шутитъ и не потѣшаетъ читателя парадоксами. «Самыя свѣтлыя головы въ Европѣ» такъ именно полагаютъ. Мы желали бы болѣе ясныхъ доказательствъ, а именно указаній, какимъ путемъ будетъ облагодѣтельствованъ народъ, если вся молодежь примется за микроскопы и лягушекъ? Базаровъ очень усердно возится съ этими предметами, но мы что-то не замѣчаемъ въ немъ особенной заботливости объ обновленіи народа. Напротивъ, онъ такъ же плохо говоритъ съ народомъ, какъ и господа Кирсановы и, не смотря на солидныя медицинскія и естественно-научныя познанія, совершенно проваливается во мнѣніи мужиковъ. Писаревъ полагаетъ, будто съ размноженіемъ Базаровыхъ по русской землѣ и мужики станутъ относиться почтительно къ этой породѣ людей. Предсказаніе утѣшительное, но все-таки оно только предсказаніе и на немъ заканчивается расчетъ публициста съ своимъ парадоксомъ.

Это и лучше: взять Базарова каковъ онъ есть, извлечь изъ романа чисто діалектическимъ путемъ психологію и миросозерцаніе «мыслящей личности» и объявить все это «самой животрепещущей потребностью». Народъ останется въ сторонѣ и не получитъ никакой осязательной части въ этой потребности. Но этотъ предметъ вообще совершенно чуждъ сочувствіямъ и интересамъ нашего публициста. Какимъ-то чудомъ радикальный критикъ сумѣлъ миновать вопросъ о народѣ какъ разъ въ ту эпоху, когда вопросъ этотъ висѣлъ въ воздухѣ, создавалъ партіи даже среди прирожденныхъ обломовцевъ, одинаково живо захватывалъ правительство, общество и литературу. Мы видѣли, сколько горячихъ страницъ посвятилъ ему Добролюбовъ,—и его преемникъ сумѣлъ сохранить полную неприкосновенность къ дѣйствительно «самой животрепещущей потребности» времени.

Теперь онъ займется характеристикой «реалистовъ» и преимущественно уничтоженіемъ ихъ будто бы самаго страшнаго врага—эстетики.

Огромная статья *Реалисты* предназначена раскрыть новое міросозерцаніе. Оно ничто иное, какъ стремительное развитіе идей и психологіи Базарова. Авторъ неоднократно ссылается на тургеневскаго героя, отождествляетъ его съ типомъ «реалиста», противополагаетъ эстетикамъ» въ томъ числѣ Бѣлинскому. Опредѣленіе «строгаго и послѣдовательнаго «реализма» какъ «экономіи умственныхъ силъ» подтверждается опровергнутымъ раньше изреченіемъ Базарова насчетъ природы - мастерской. Отсюда идея полезности, идея того, что *нужно*. А нужно прежде всего пища и одежда: все остальное, слѣдовательно, потребность вздорная. Всѣ вздорныя потребности можно объединить однимъ понятіемъ

эстетики. На него то и направлены вся воинственность и всѣ умственные и стилистическіе рессурсы критика.

Натискъ до такой степени свирѣпъ, что даже вызываетъ раздумье у самаго героя, и онъ спѣшитъ сдѣлать оговорку. «Читатель подумаетъ вѣроятно», догадывается критикъ, «что эстетика мой кошмаръ, и читатель въ этомъ случаѣ не ошибется. Эстетика и реализмъ дѣйствительно находятся въ непримиримой враждѣ между собой, а реализмъ долженъ радикально истребить эстетику, которая въ настоящее время отравляетъ и обезсмысливаетъ всѣ отрасли нашей научной дѣятельности, начиная отъ высшихъ сферъ научнаго труда и кончая самыми обыкновенными отношеніями между мужчиной и женщиной... Куда ни кинь, вездѣ на эстетику натыкаешься... Эстетика, безотчетность,рутина, привычка это все совершенно равносильныя понятія».

Очень сильно, но мы можемъ прибавить еще два: реалистическое доктринерство и юношеская безотчетная самонадѣянность. Это несравненно болѣе «эстетическія» явленія, чѣмъ привычка и рутина. Мы ясно видимъ, какъ отважный разрушитель любуется фантастическимъ поприщемъ своихъ подвиговъ, дрожитъ отъ восторга при видѣ поверженныхъ имъ призраковъ и неутомимо размахиваетъ мечомъ и бряцаетъ доспѣхами среди совершенно пустого пространства. Съ какимъ упоеньемъ онъ ведетъ діалоги съ дѣйствующими лицами романовъ и съ публикой: «Другъ мой разлюбезный Аркашенька! О, Анна Сергѣевна!.. О филейныя части человѣчества!..» Объ «эстетикахъ» ужъ нечего и говорить: по ихъ адресу, будто изъ ящика Пандоры, вылетаетъ одинъ перлъ за другимъ, и все изъ за эстетики.

Но гдѣ же на самомъ дѣлѣ этотъ врагъ? Кто усѣялъ своими костьми поле битвы, кто этотъ «прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный врагъ разумнаго прогресса?»

Страшное количество,—и какъ только у «мыслящаго реалиста» хватило смѣлости вступить въ бой! Прежде всего—пигмеи, занимающіеся скульптурой, музыкой, живописью, потомъ ученые фразеры и сирены, въ родѣ Маколея и Грановскаго; особенно Маколея очень не одобрилъ Благосвѣтловъ [24]), наконецъ, пародіи на поэтовъ, и первый изъ нихъ Пушкинъ. Дальше слѣдуютъ цѣлыя науки, во главѣ ихъ исторія, потому что «стыдно и предосудительно уходить мыслью въ мертвое прошедшее», безполезно заниматься изслѣдованіемъ народнаго творчества и міросозерцанія и совершенно ни на что не нуженъ, напримѣръ, древній періодъ русской литературы...

Недавній эпикуреецъ теперь достигъ головокружительной вы-

[24]) *Ораторская дѣятельность Маколея. Сочиненія*, стр. 390 etc.

соты строгой нравственности и суроваго умственнаго режима. Какъ произошло это очищеніе и вознесеніе—вопросъ совѣсти нашего героя: мы должны ограничиваться чтеніемъ его краснорѣчивыхъ упражненій въ стоическомъ направленіи, даже болѣе—совершенно подвижническомъ.

Восхищаться древней скульптурой — смертный грѣхъ предъ реалистической добродѣтелью: эти восторги «въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ пріапическихъ улыбокъ и чувственныхъ поползновеній». Раньше отдыхъ признавался необходимымъ и даже наслажденіе, о личномъ счастьѣ нечего и толковать: оно стояло во главѣ угла,—теперь мы на противоположномъ полюсѣ.

«У реалиста потребность отдохнуть возникаетъ очень рѣдко, и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, т.-е. можетъ въ теченіе своей жизни сдѣлать больше работы. «*Человѣкъ вполнѣ реальный* (подчеркиваетъ авторъ) можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастьемъ; ему нѣтъ необходимости освѣжать свои силы любовью женщинъ или хорошей музыкой, или смотрѣніемъ шекспировской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У него можетъ быть развѣ только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполнѣ успѣшно размышлять».

Именно таково свойство Рахметова, значитъ, безъ него нельзя представить настоящаго мыслящаго человѣка.

Достоинства или недостатки этихъ разсужденій совершенно излишне обсуждать. Почти каждая фраза заставляетъ задавать вопросъ: ужъ не серьезно ли авторъ говорилъ о кошмарѣ, его преслѣдующемъ? Такъ недавно онъ самъ столь краснорѣчиво возмущался насиліемъ надъ естественными наклонностями и потребностями человѣческой природы, а теперь—вмѣсто всякой природы и реальности, беретъ вывѣсочную фигуру, созданную чисто-теоретически, безъ малѣйшихъ признаковъ жизненной правды и ее кладетъ въ основу психологіи *реалиста*. Романъ *Что дѣлать?*—классическое произведеніе, равное *Мертвымъ душамъ*, Рахметовъ—идеальный типъ, *личность*. Такъ можно разсуждать дѣйствительно только въ припадкѣ бреда и не имѣя ни малѣйшаго представленія о *реализмѣ*. Писаревъ съ литературной критикой совершилъ ту же операцію, какую Чернышевскій, на свое несчастье, продѣлалъ въ *Антропологическомъ принципѣ*. Учитель, стремясь къ научности и положительности, сочинилъ рядъ самыхъ метафизическихъ и бездоказательныхъ положеній, ученикъ, рисуя реалиста, снялъ копію съ придуманнаго, преднамѣренно сочиненнаго *набора* новыхъ словъ и мнимо-реальныхъ поступковъ, объединеннаго фамиліей Рахметовъ. Еще изъ Базарова можно было извлечь жизненныя дѣйствительно-типическія черты, и романъ оказалъ неоцѣненную услугу писа-

телю, видѣвшему жизнь въ окошко благосвѣтловскаго кабинета. Романъ снабдилъ его и принципами, и краснорѣчіемъ, и даже ненавистью противъ художественнаго творчества. Вопіющая неблагодарность! И еще болѣе глубокое ослѣпленіе, когда съ тѣми же цѣлями—поучиться и поучить другихъ, Писаревъ приступилъ и къ роману Чернышевскаго. Здѣсь удручающая ограниченность личнаго опыта и гипнотическій характеръ умственнаго процесса сказались во всей силѣ, и съ такой высоты логическаго мышленія Писаревъ обрушился на Пушкина, сочинивъ рядъ статей, признанныхъ цвѣтомъ его критическаго таланта.

Писаревъ долгое время-готовился къ подвигу, предварительно успѣлъ совершенно очистить себѣ путь отъ всякаго эстетическаго хлама. Его энергія вызвала было отпоръ, особенно идея полезности, до послѣдней степени узкой, исключительно-практической. Онъ было смутился и попятился назадъ, началъ оговариваться, что *реалисты* понимаютъ *пользу* не въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ думаютъ «антагонисты». Реалисты допускаютъ даже поэтовъ, лишь бы только они «ясно и ярко раскрыли предъ нами тѣ стороны человѣческой жизни, которыя намъ необходимо знать для того, чтобы основательно размышлять и дѣйствовать».

Оговорка весьма смутная и малосмысленная, но какъ бы ее ни понимать, она не спасаетъ искусства. Писаревъ безпрестанно ставитъ диллему—или накормить голодныхъ людей, или «наслаждаться чудесами искусства», или популяризаторы естествознанія, или «эксплуататоры человѣческой наивности». Общество, заключающее въ своей средѣ голодныхъ и бѣдныхъ и въ тоже время покровительствующее искусствамъ, уподобляется голому дикарю, украшающему себя драгоцѣнностями.

Въ результатѣ всѣхъ хожденій вокругъ да около Писаревъ допускаетъ одно лишь искусство—поэзію, но здѣсь же убиваетъ его критикой. По его мнѣнію, она должна обращать вниманіе на фактическій матеріалъ, читать художественное произведеніе совершенно такъ же, какъ «мы пробѣгаемъ отдѣлъ иностранныхъ извѣстій въ газетѣ». Для нихъ не должны представлять ни малѣйшаго интереса ни талантъ автора, ни его языкъ, ни его жанръ повѣствованія. Надо на поэзію смотрѣть съ той же точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, на телеграфъ. «Достоинство телеграфа заключается въ томъ, чтобы онъ передавалъ извѣстія быстро и вѣрно, а никакъ не въ томъ, чтобы проволока изображала собой разныя извилины и арабески».

Самое побѣдоносное соображеніе и оно немедленно уполномочиваетъ критика архитекторовъ отождествить съ кухарками, выливающими клюквенный кисель въ замысловатыя формы, живописцевъ со старухами, которыя бѣлятся и румянятся, исторію

искусства объяснить существованіемъ богатыхъ меценатовъ и продажныхъ или трусливыхъ декораторовъ...

Достаточно. Реальное міросозерцаніе болѣе чѣмъ ясно, и совершенно напрасно Писаревъ изъ года въ годъ раскрывалъ его на всяческіе лады, затопляя *Русское Слово* потокомъ фигуръ тождественнаго смысла и не уставалъ «перевертываться съ фразой» на пространствѣ цѣлыхъ страницъ. Онъ сразу установилъ истины до такой степени простыя и рѣшительныя, что больше думать рѣшительно было не о чемъ и незачѣмъ. Оставалось только приложить общія истины къ самому крупному единичному случаю и показать практически всю побѣдоносность новыхъ идей. Такой случай представляла именно поэзія Пушкина, этотъ сильнѣйшій оплотъ эстетиковъ, и Писаревъ совершенно правильно битву съ великимъ поэтомъ призналъ рѣшительной для торжества реалистовъ. Исторія эта не подаритъ насъ никакими новостями послѣ извѣстныхъ намъ подвиговъ критика, но она въ высшей степени важна, какъ именно вполнѣ наглядное фактическое освѣщеніе писаревскаго таланта и писаревской умственной силы.

IX.

До сраженія съ Пушкинымъ Писаревъ успѣлъ однимъ почеркомъ пера вычеркнуть изъ исторіи литературы Лермонтова, Гоголя, Грибоѣдова, Крылова, какъ «зародышей поэтовъ», особенно досталось Лермонтову за то, что онъ «окорналъ и обезсмыслилъ Байрона для увлеченія русскихъ барышень». Легко понять, послѣ такой гекатомбы воину нашему уже ничего не стоило покончить съ Пушкинымъ, и онъ началъ трубить побѣду еще до битвы.

Онъ желаетъ «образумить» публику насчетъ Пушкина, «перерѣшить» вопросы, рѣшенные Бѣлинскимъ, «съ точки зрѣнія послѣдовательнаго реализма». А для этого приходится порвать даже съ Чернышевскимъ, «самымъ блестящимъ и самымъ глубокимъ мыслителемъ *Современника*». Правда, Чернышевскій разрушилъ эстетику, но онъ признавалъ Пушкина поэтомъ и высоко цѣнилъ статьи Бѣлинскаго о немъ. Базаровъ думаетъ на этотъ счетъ иначе, и Писаревъ послѣдуетъ за нимъ во всѣхъ подробностяхъ, даже въ способѣ вести войну.

Базаровъ приписываетъ Пушкину мысли и чувства, ему вовсе не принадлежащія, также поступитъ и его почитатель. Пушкинъ виноватъ во всемъ, за что можно укорить Евгенія Онѣгина. Онъ отвѣчаетъ за пошлость и умственную косность высшаго русскаго общества первой четверти XIX-го вѣка, онъ достоинъ осужденія за то, что его герой скучаетъ и что онъ не *боецъ* и не *работникъ*. Пушкинъ преступенъ даже тамъ, гдѣ другой поэтъ, напри-

мѣръ, Гейне совершенно правъ. Гейне могъ преклоняться предъ чистымъ искусствомъ и совсѣмъ не *реально* относиться къ женщинѣ: таковы были внѣшнія обстоятельства, условія среды, эпохи. Пушкину нѣтъ пощады: онъ внѣ времени и да будетъ ему стыдно просто за то, что онъ Пушкинъ и, слѣдовательно, «пародія на поэта». Именно такой ходъ мыслей у критика, какъ бы это странно ни казалось. Критикъ просто не понимаетъ совершенно ясныхъ стиховъ и толкуетъ ихъ подъ несомнѣннымъ наитіемъ кошмара.

Самая горячая филиппика противъ Пушкина написана по поводу дуэли Онѣгина съ Ленскимъ. Слова поэта: «И вотъ общественное мнѣніе! Пружина чести—нашъ кумиръ! И вотъ на чемъ вертится міръ!» Писаревъ понялъ въ томъ смыслѣ, будто въ эту минуту Пушкинъ идеализируетъ своего героя и признаетъ законность предразсудка, вынуждающаго человѣка на дуэль. «Пушкинъ», взываетъ критикъ, «оправдываетъ и поддерживаетъ своимъ авторитетомъ робость, безпечность и неповоротливость индивидуальной мысли... Онъ подавляетъ личную энергію, обезоруживаетъ личный протестъ и укрѣпляетъ тѣ общественные предразсудки, которые каждый мыслящій человѣкъ обязанъ разрушать всѣми силами своего ума и всѣмъ запасомъ своихъ знаній»...

И всѣ эти громы на основаніи иронически грустнаго замѣчанія поэта, какимъ-то чудомъ не понятаго столь краснорѣчивымъ защитникомъ ума и знанія!

Тотъ же умъ подсказалъ Писареву множество не менѣе диковинныхъ соображеній насчетъ другихъ поэтовъ. Знаете ли, напримѣръ, почему *Гёте—титанъ*, хотя и эстетикъ и весьма равнодушный гражданинъ? По очень внушительнымъ причинамъ: не будь онъ титанъ, Берне не сталъ бы такъ жестоко возмущаться его филистерствомъ, а Байронъ не посвятилъ бы ему *Сарданапала*. Писареву нѣтъ никакого дѣла, что Байронъ могъ считать Гёте титаномъ именно съ эстетической точки зрѣнія, и Берне возмущаться имъ по совершенно противоположнымъ мотивамъ. Впрочемъ, могутъ ли подобныя пустяки смущать «реалиста»! Онъ, именно по поводу Пушкина, дѣлаетъ слѣдующія открытія: поэты «рождены для того, чтобы ни о чемъ не думать», а потому стихи и драмы можетъ писать всякій, только не всякому размѣры ума позволяютъ заниматься такимъ низкимъ дѣломъ...

Это—по истинѣ титаническія откровенія! Во мгновеніе ока, одной фразой радикально пересозданъ человѣкъ и, естественно, законодатель нашъ позаботится начертать программу для будущей человѣческой расы.

Теперь онъ, понятно, среды не признаетъ: онъ теперь загипнотизированъ совершенно противоположной идеей—культомъ личности, столь же неограниченнымъ, какою раньше была вѣра во

всемогущество среды. Выводы изъ этого культа не могли представить ничего оригинальнаго. Имѣютъ извѣстное значеніе общія педагогическія разсужденія Писарева, основанныя на «святынѣ человѣческой личности». Но все это старые и общеизвѣстные мотивы послѣ статей Добролюбова. Любопытнѣе практическія приложенія принциповъ, и вотъ, здѣсь-то опять реалисту измѣняютъ и умъ, и знаніе.

Писаревъ сочиняетъ образцовую программу для гимназій и университетовъ. Идею программы онъ цѣликомъ заимствуетъ у Конта, пользуется его классификаціей наукъ и въ основу преподаванія кладетъ математику. Одновременно проектируется изученіе ремеслъ по многимъ утилитарнымъ соображеніямъ. Знаніе ремесла сократитъ случаи ренегатства: умственные работники, лишившись работы, могутъ снискивать себѣ пропитаніе физическимъ трудомъ и не вступать въ предосудительныя сдѣлки. Наконецъ, физическій трудъ особенно способствуетъ «искреннему сближенію съ народомъ», признающимъ, по свѣдѣніямъ Писарева, только физическихъ работниковъ.

Писаревъ повторяетъ сенъ-семонистскія идеи о «реабилитаціи физическаго труда», о «связи между лабораторіей ученаго спеціалиста и мастерской простого ремесленника». Но русскій публицистъ и здѣсь до послѣдней возможности нажалъ педаль. Сенъ-симонистамъ и въ голову не приходило физическому труду жертвовать умственнымъ образованіемъ, а Писаревъ сочиняетъ цѣлый проектъ, даже съ денежными выкладками, обученія гимназистовъ ремесламъ, какъ одному изъ главныхъ предметовъ, едва ли даже не самому главному. Зато раньше естественныя науки признавались основой гимназической программы, теперь онѣ изгоняются изъ гимназическаго курса.

Но полнѣйшее раздолье для воображенія представила Писареву университетская программа. Прежде всего онъ предлагаетъ уничтожить дѣленіе на факультеты. Раньше онъ совсѣмъ не признавалъ исторіи, какъ науки. Контъ переубѣдилъ его и теперь онъ связываетъ исторію съ математическими и естественными науками, общеобязательную программу начинаетъ съ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія и кончаетъ исторіей, преподаваемой только на послѣднемъ курсѣ...

Лучшаго образчика самой необузданной игры фантазіи трудно и представить. Реалистъ до конца остается вѣренъ фанатически отвлеченнымъ построеніямъ, не обнаруживая ни познанія, ни пониманія дѣйствительности. Отрицательная критика Писарева, направленная противъ общеизвѣстныхъ и весьма живучихъ язвъ русской школы, цѣлесообразна, но всякая его попытка проявить организаторскую, созидательную мысль кончается полной неудачей.

Такъ и слѣдовало ожидать отъ ума, питающагося исключительно схемами и формулами, азартно работающаго въ области чистыхъ отвлеченій и въ своемъ протестѣ противъ дѣйствительности не умѣющаго отличить болѣзненныхъ явленій отъ основныхъ законовъ органической жизни личности и общества. Эти же свойства писаревскаго мышленія отразились и на окончательномъ результатѣ его дѣятельности.

Она изсякла сама собой, выдохлась будто летучее вещество. Жизненность и работа какого угодно сильнаго ума можетъ поддерживаться только въ близкомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Она—истинная оплодотворительница и питательница мысли. Безъ нея мысль умираетъ изморомъ и умъ и талантъ начинаютъ страдать такимъ же худосочіемъ и малокровіемъ, какія поражаютъ организмъ при недостаткѣ питанія.

Это именно произошло съ Писаревымъ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ все переговорилъ, что можно было высказать по поводу общихъ нравственныхъ, литературныхъ и общественныхъ идей. Въ сущности, онъ переговорилъ это еще раньше, но внѣшній литературный талантъ маскировалъ крайне многословныя и однообразныя повторенія уже нѣсколько разъ разъясненныхъ положеній и выводовъ.

Въ концѣ 1866 года Писаревъ вышелъ изъ крѣпости и обнаружилъ явное истощеніе мысли и таланта. Статьи за слѣдующіе два года—блѣдны и безличны, блѣднѣе даже самыхъ раннихъ библіографическихъ замѣтокъ Писарева. Чаще всего критикъ ограничивается болѣе или менѣе краснорѣчивымъ изложеніемъ содержанія беллетристическихъ произведеній, но и здѣсь не убережется отъ рѣзкаго противорѣчія самому себѣ. Изрекши раньше смертный приговоръ надъ Вальтеръ-Скоттомъ, теперь онъ восхищается романами Эркмана-Шатріана, какъ удачной попыткой популяризировать исторію и приносить пользу народному самосознанію.

Благосвѣтловъ редакторскимъ наметаннымъ взоромъ сразу постигъ упадокъ Писарева и безъ особенныхъ сожалѣній порвалъ съ нимъ сношенія изъ-за случайной размолвки. Въ іюлѣ 1868 года Писаревъ утонулъ въ морѣ, въ Дуббельнѣ, и Благосвѣтловъ писалъ Шелгунову: «Онъ умеръ уже давно, какъ умственный дѣятель, т. е. умеръ въ концѣ прошлаго года».

Но Благосвѣтловъ спѣшилъ высказать увѣренность, что «люди умираютъ, а идеи, честныя и хорошія идеи живутъ».

Разумѣлись, конечно, идеи Писарева. Мы не можемъ раздѣлить этой увѣренности. Имя Писарева унаслѣдовало громкую и продолжительную популярность, но въ этой популярности было много привходящихъ обстоятельствъ, не зависѣвшихъ отъ достоин-

ства и назидательности писаревскихъ идей. Изъ этихъ идей время сохранило отъ забвенія какъ разъ тѣ, которыя самому Писареву достались по наслѣдству отъ другихъ. Призывъ къ личной самостоятельности, чувству личнаго достоинства, къ неустанному умственному развитію, это очень цѣнный голосъ во всѣ времена и при всякихъ обстоятельствахъ, и особенно онъ былъ цѣненъ на зарѣ и разсвѣтѣ обновленной, свободной Россіи. Но этотъ голосъ—только отголосокъ рѣчей, звучавшихъ до Писарева и имъ застигнутыхъ въ полномъ разгарѣ. Онъ сообщилъ отголоску много привлекательности, свѣжести и энергіи, благодаря необыкновенно ясному, простому и подчасъ очень живому литературному слову. Но онъ не пожелалъ остановиться на этой задачѣ, и «беззаботно и весело» пустился на открытія, руководимый деспотической рукой и лично очарованный эффектомъ цѣли: подарить публикѣ самые простые и въ то же время самые положительные отвѣты на всѣ интересующіе ее вопросы.

И какія же средства имѣлись въ распоряженіи новоявленнаго учителя! По его собственному сознанію, весьма ограниченныя. Начиная сотрудничество въ *Русскомъ Словѣ*, онъ «о нашей литературѣ и критикѣ не имѣлъ почти никакого понятія». Допустимъ нѣкоторую рисовку въ этомъ признаніи, но оно врядъ ли особенно далеко отъ истины, послѣ извѣстнаго намъ гимназическаго и университетскаго воспитанія. А дальше слѣдовали годы на рѣдкость производительной работы: до пятидесяти печатныхъ листовъ ежегодно. Врядъ ли оставалось много времени и возможности учиться и думать, особенно при непрестанно возраставшей славѣ. Недаромъ Писаревъ такъ энергично настаивалъ, чтобы молодые реалисты не «изучали» ни критиковъ, ни поэтовъ, а только «пробѣгали» ихъ произведенія и набирали изъ нихъ явленія жизни [25]). Писаревъ лично неуклонно слѣдовалъ этому правилу о жизни учителя по романамъ, какъ это ни неожиданно для реалиста. Про него и Зайцева *Современникъ* писалъ: «въ видѣ Базарова они получаютъ желанный реалистическій талисманъ и ключъ къ скорому, почти механическому рѣшенію всѣхъ вопросовъ».

Писаревъ пространно возражалъ противъ своей идейной зависимости отъ Базарова, но насчетъ механизма умолчалъ: будто рѣшать всѣ вопросы именно такъ и слѣдовало [26]). Такъ они дѣйствительно и рѣшались всюду, гдѣ Писаревъ отступалъ отъ рѣшеній своихъ учителей, и въ легкости и простотѣ рѣшенія заключалась большая доля увлекательности писаревскихъ статей

---

[25]) *Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби.* IV, 194—5.

[26]) *Посмотримъ!* V, 161—2.

для молодежи. Она, конечно, должна была восторженно привѣтствовать вѣру въ ея силы, таланты, честныя стремленія, съ горячимъ сочувствіемъ встрѣчать непрерывно звучавшій кличъ: *впередъ!* Но все это не создало бы Писареву столь громкой славы. Она выпадаетъ на долю только созидателямъ, чистые отрицатели способны вызвать мимолетный эффектъ, привести публику въ изумленіе и потонуть въ рѣкѣ забвенія. Писаревъ не изъ ихъ числа: онъ всю жизнь усиливался разрушеніе соединить съ творчествомъ, на расчищенной почвѣ возвести новое зданіе.

Но усилія не могли привести къ прочнымъ результатамъ. У строителя не было ни соотвѣтственнаго матеріала, ни обдуманнаго плана, ни строительскихъ способностей. Онъ зналъ очень мало, думалъ крайне поверхностно, составлялъ заключенія въ высшей степени опрометчиво, и вся культурная первобытность русской публики какъ нельзя яснѣе обнаружилась именно въ успѣхахъ писаревской литературной дѣятельности. Онъ самъ приходилъ въ изумленіе отъ малой требовательности своихъ читателей, по поводу своей много нашумѣвшей статьи *Схоластика XIX-го вѣка*. Онъ могъ бы свое изумленіе съ еще большимъ правомъ распространить, на свои знаменательнѣйшія произведенія: *Реалисты*, *Пушкинъ и Бѣлинскій*, *Разрушеніе эстетики*. Неожиданность и легкость успѣха, несомнѣнно, сильно отразились на превращеніи Писарева изъ сравнительно скромнаго библіографа въ торжествующаго пророка, изъ эпикурейца-эстетика въ неотразимую «мыслящую личность». Это превращеніе, въ свою очередь, явилось первоисточникомъ главнѣйшихъ отрицательныхъ явленій, подорвавшихъ развитіе и распространеніе идей Чернышевскаго и Добролюбова и вписавшихъ въ исторію шестидесятыхъ годовъ рядъ не литературныхъ, не идейныхъ страницъ.

Ив. Ивановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПАМЯТИ АДАМА МИЦКЕВИЧА.

(1798—1898).

(Изъ стихотворенія, читаннаго авторомъ въ общемъ собраніи членовъ Кіевскаго Литературно-Артистическаго Общества, посвященномъ чествованію памяти поэта).

Не намъ твои безсмертныя творенья
И дивный геній твой хвалой вѣнчать:
Мы можемъ лишь въ нѣмомъ благоговѣньѣ
Твой величавый образъ вспоминать.

Намъ дороги священные завѣты
Поэзіи высокой и святой.
Ея могучимъ пламенемъ согрѣты
Мы ясно слышимъ вѣщій голосъ твой.

Единымъ сердцемъ, духомъ и устами,
Поляки-братья, вмѣстѣ мы почтимъ
Того, чья тѣнь всегда живетъ межъ нами
Воспоминаньемъ вѣчно дорогимъ!..

За все: за вдохновенныя творенья,
Гдѣ блещетъ лишь поэзія одна,
За тѣ отравленныя пѣснопѣнья,
Въ которыхъ скорбь о родинѣ видна,—

Великій сынъ родного намъ народа,
Родной и намъ, славянскій нашъ поэтъ,
Въ края, гдѣ вѣковѣчная свобода,
Гдѣ ты теперь, мы шлемъ тебѣ привѣтъ!

П. Глокке.

Univ. of California

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Къ характеристикѣ истекшаго года.—Выдающіеся юбилеи; потери русскаго искусства; выдающіяся вещи въ беллетристикѣ; затишье въ публицистикѣ.—Полное собраніе произведеній г-жи Микуличъ: «Мимочка», «Зарницы». «Черемуха».—Народный художникъ, «Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ», А. Ѳ. Кони.—Письмо въ редакцію по поводу замѣтки о брошюрѣ о. Блинова.

Тихо, но далеко не незамѣтно канулъ въ вѣчность прошлый годъ въ литературѣ.

Его можно бы назвать годомъ юбилеевъ и поминокъ.

Пятидесятилѣтіе смерти Бѣлинскаго вызвало общее и горячее чувство любви и благодарности къ памяти незабвеннаго русскаго критика, столько сдѣлавшаго для развитія русской литературы и общественнаго сознанія. Чествованіе памяти Бѣлинскаго было тѣмъ рѣдкимъ моментомъ, когда всѣ разногласія и партійные раздоры умолкли и литература въ дѣйствительности осуществила свое призваніе быть выразительницей лучшихъ стремленій своего народа и времени. Это единеніе всѣхъ вокругъ славнаго имени *перваго* русскаго литератора, который съ страстной любовью говорилъ о своей дѣятельности: «Я—литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ рассейской моя жизнъ и моя кровь»—явилось лучшимъ вѣнкомъ, возложеннымъ отъ имени *всей* «литературы рассейской» на могилу Бѣлинскаго. И даже одинокій голосъ, злобной инсинуаціей противъ покойнаго нарушившій общую гармонію дней Бѣлинскаго, только подчеркнулъ значеніе послѣдняго, у могилы котораго нѣтъ мѣста литературнымъ «опричникамъ»... Свѣтлое чествованіе Бѣлинскаго явилось какъ бы подготовленіемъ къ еще болѣе свѣтлому торжеству, которое предстоитъ въ наступающемъ году,—къ празднованію столѣтія рожденія Пушкина, при одномъ имени котораго свѣтлѣе становится на душѣ, и на ряду съ чувствомъ чистѣйшей народной гордости—вступаетъ въ сердце надежда на лучшее будущее для народа, создавшаго подобнаго генія...

Тепло и дружно было встрѣчено 70-лѣтіе величайшаго изъ живущихъ не только русскихъ художниковъ слова, Льва Толстого, сдѣлавшаго русскую литературу всемірнымъ достояніемъ. Общей симпатіей и почтеніемъ было встрѣчено празднованіе столѣтія Мицкевича, самаго близкаго русской литературѣ и болѣе всѣхъ другихъ извѣстнаго въ ней польскаго поэта. Рядъ статей, біографическихъ замѣтокъ и критическихъ разборовъ его произведеній, которыми текущая печать почтила память творца польской литературы, оживили лучшія чувства примиренія и взаимнаго уваженія, столь желательныя для сближенія двухъ родственныхъ народовъ.

На ряду съ этими высокими и свѣтлыми моментами, оживившими въ литературѣ духъ бодрости, человѣчности и чистыхъ упованій, приходится отмѣтить и печальныя утраты, понесенныя литературой и искусствомъ въ истекшемъ году. Умеръ Полонскій, «сей остальной изъ стаи славной» поэтовъ ближайшаго къ Пушкину періода, искреннѣйшій лирикъ, «поэтъ задушевнаго чувства», по мѣткому опредѣленію г. Влад. Соловьева. Умерли Шишкинъ и Ярошенко—

два художника, имена которыхъ неразрывно связаны съ расцвѣтомъ русской живописи. Одинъ изобразилъ въ краскахъ всю глубину поэзіи русскаго лѣса, другой далъ рядъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ русскаго жанра. Посмертная выставка Ярошенки, на которой собрано все лучшее, созданное его кистью, показала, какую огромную художественную силу потеряло въ немъ русское искусство. Онъ былъ «художникъ-гражданинъ», какъ вѣрно опредѣлено его значеніе въ одномъ изъ некрологовъ, въ такихъ картинахъ, каковы его «Всюду жизнь», «Курсистка», «Кочегаръ», «Причины неизвѣстны», «Старое и молодое», въ своихъ замѣчательныхъ портретахъ—Толстого, Михайловскаго, Гл. Успенскаго, Салтыкова. Но, въ то же время, это былъ несомнѣнно художникъ-поэтъ, чуткій къ красотѣ природы, какъ показываютъ его картины Кавказа и восточные этюды, и тонкій наблюдатель, съ чисто русскимъ юморомъ, который такъ много освѣщаетъ его жанръ, въ родѣ «Сельскаго хора», и его этюды.

Художественная литература истекшаго года не отличалась ни богатствомъ, ни разнообразіемъ. Появленіе собранія произведеній г. Максима Горькаго обратило общее вниманіе на его оригинальный и свѣжій талантъ и вызвало нѣкоторое оживленіе въ критикѣ. Второе изданіе сочиненій Петропавловскаго-Каронина напомнило объ этомъ такъ безвременно погибшемъ писателѣ, чистѣйшемъ и благороднѣйшемъ представителѣ прежняго народничества. Изъ новыхъ произведеній нельзя не вспомнить прекрасныхъ разсказовъ г. Чехова, глубокихъ по затронутымъ въ нихъ вопросамъ, проникнутыхъ хватающей за сердце печалью, и аллегорической сказки г. Короленко «Необходимость», въ которой авторъ ставитъ въ художественной формѣ вѣковѣчный вопросъ о свободѣ воли.

Небывалое оживленіе въ эстетической критикѣ вызвалъ трудъ Л. Н. Толстого «Объ искусствѣ», интересный, главнымъ образомъ, для характеристики взглядовъ и настроенія великаго писателя. При всѣхъ преувеличеніяхъ и парадоксальности мнѣній автора, въ этомъ трудѣ много вѣрныхъ, хотя далеко не новыхъ положеній, повтореніе и популяризація которыхъ болѣе чѣмъ желательны именно теперь, когда новое въ искусствѣ является у насъ въ уродливой формѣ доморощеннаго декадентства г.г. Минскихъ и Мережковскихъ. Выразителемъ его въ литературѣ выступилъ новый журналъ «Міръ искусства», руководимый какимъ то г. Дягилевымъ, пока еще ничѣмъ не заявившимъ себя въ искусствѣ. Свое эстетическое credo г. Дягилевъ выразилъ въ передовой статьѣ журнала въ слѣдующихъ, въ равной степени смѣлыхъ и оригинальныхъ положеніяхъ: «Упадокъ послѣ расцвѣта, безсиліе послѣ силы, безвѣріе послѣ вѣры—вотъ сущность нашего жалкаго прозябанія». Въ томъ же номерѣ г. Мережковскій характеризуетъ Полонскаго именемъ «пыльнаго поэта», у котораго «въ старомъ, темномъ, точно пыльномъ лицѣ были дѣтскіе глаза, свѣтлые и холодные, какъ воды лѣсного родника, осѣненнаго дремучими вѣтвями, прозрачно-зеленаго, спящаго, котораго взоръ человѣческій никогда не видѣлъ и въ которомъ обитаетъ волшебный духъ»,—и котораго удостоился видѣть, должно быть, г. Мережковскій.

Въ театральномъ мірѣ постановка на сценѣ двухъ столичныхъ театровъ драмы гр. А. Толстого «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ» явилась цѣлымъ событьемъ. Давно уже театръ не видалъ такой массы разнообразнѣйшей публики, какъ во время представленій этого замѣчательнаго произведенія. Несмотря на массу недочетовъ въ постановкѣ самой пьесы на сценѣ «Литературно-артистическаго кружка» въ Петербургѣ, драма привлекаетъ общее вниманіе центральной фигурой царя Ѳедора, превосходно выдержанной въ пьесѣ Толстого и не менѣе хорошо олицетворенной талантливымъ артистомъ г. Орленевымъ, съумѣвшимъ удивительно вѣрно понять и представить задуманный авторомъ типъ слабовольнаго, кроткаго и дѣтски-простодушнаго человѣка, которому по волѣ судьбы пришлось носить вѣнецъ и бармы Мономаха. Царь Ѳедоръ, о которомъ исторія знаетъ одно, что онъ былъ «скорбенъ главою», идеализированъ

Толстымъ, но отъ этой идеализаціи только выигрываетъ художественный интересъ типа.

Отъ изящной литературы и міра искусства обращаясь къ наукѣ и публицистикѣ, приходится отмѣтить глубокое затишье. Какъ будто всѣ вопросы, общественные и научные, изчезли, и вмѣсто недавняго еще оживленія въ этой области господствовала весь годъ глухая тишина, ненарушаемая никѣмъ и ничѣмъ. Можетъ быть, это затишье является слѣдствіемъ раздумья, вызваннаго многими вопросами, еще недавно волновавшими общественную мысль, и тогда можно ожидать въ недалекомъ будущемъ новаго оживленія въ этой области. Но пока мы должны ограничиться только констатированіемъ факта.

Таковы болѣе выдающіеся итоги прошлаго года, который вспоминается нами безъ особаго сожалѣнія, но и безъ горечи, какъ будничный день, полный обыденныхъ заботъ и обычной работы ..

Немногимъ изъ нашихъ «маститыхъ» беллетристовъ такъ посчастливилось съ самаго начала, какъ г-жѣ Микуличъ. Конечно, по времени своей писательской дѣятельности она еще не перешла въ разрядъ маститыхъ, но ее прямо таки ставили на ряду съ Тургеневымъ. Первое произведеніе ея «Мимочка» вызвала общее хваленіе—«и дилетантъ, и критикъ хладнокровный ея искусство и талантъ почтили данью ровной».

Имѣя теперь полное собраніе произведеній г-жи Микуличъ, вышедшее въ концѣ прошлаго года, невольно провѣряешь первое впечатлѣніе, и—странное дѣло—получается далеко не отвѣчающій ему выводъ.

Послѣ «Мимочки», на сравнительно долгомъ промежуткѣ явились двѣ повѣсти «Зарницы» и «Черемуха» и два небольшихъ очерка «Новенькая» и «Студентъ», и всѣ эти вещи производятъ впечатлѣніе чего-то стараго, хорошо знакомаго, что мы не разъ слыхали «когда-то, только не помнимъ когда». Все время чувствуешь себя въ атмосферѣ чистенькой, хотя и увядшей комнаты стараго барскаго дома, какія сохранились еще въ затерянныхъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, глухихъ углахъ. Жизнь, нѣкогда кипѣвшая здѣсь, постепенно затихала, незамѣтно чахла и увядала, получая трогательный оттѣнокъ недопѣтой пѣсни, невысказанной грусти, несбывшихся надеждъ. На окнахъ стоятъ попрежнему чистенькіе горшечки съ подчищенными цвѣточками, потемнѣвшія занавѣси смягчаютъ рѣзкость лучей неугомоннаго солнца, пытающагося заглянуть въ глубину комнаты, гдѣ на старинномъ-старинномъ креслѣ сидитъ сама хозяйка въ полудремотѣ, съ какимъ-нибудь изящнымъ вязаньемъ, окруженная всякими бездѣлками, воспоминаніями прежнихъ дней.

Изрѣдка посѣтить такой уютный уголокъ—тихій пріютъ, затерявшійся вдали отъ жизни съ ея бурями, страданьями и радостями,—бываетъ пріятно и успокоительно дѣйствуетъ на душу. Но долго пробыть здѣсь тоскливо и скучно, и всей душой устремишься на улицу, гдѣ и дождь, и слякоть, и прохожіе толкаются, но чувствуется жизнь, движеніе, вздохи могучаго общественнаго организма. Пусть дождь заставляетъ плотнѣе кутаться въ пальто, вѣтеръ — крѣпче нахлобучить шляпу на лобъ, здоровьемъ и силой повѣетъ на васъ отъ общей сутолоки и еще ярче представится контрастъ шумной жизни съ тихой старой комнатой, съ ея увядшей обстановкой и мертвыми воспоминаніями.

Если послѣ «Мимочки» читать подъ рядъ остальныя произведенія г-жи Микуличъ, именно такое впечатлѣніе производитъ ея однотонный, растянутый разсказъ, однообразный, поразительно бѣдный содержаніемъ. У г-жи Микуличъ есть талантъ формы, но какъ у птички бываетъ не больше двухъ-трехъ нотъ, которыя она постоянно повторяетъ, что и дѣлаетъ пѣніе большинства ихъ такимъ монотоннымъ, такъ и у г-жи Микуличъ неизмѣнно повторяются одни

*

и тѣ же нотки, которыя она не безъ искусства варьируетъ на разные лады. Нотки эти — тѣ неопредѣлившіяся еще, смутныя грезы, которыя составляютъ содержаніе только что начинающей жить юной дѣвушки. Въ обрисовкѣ этой поры жизни г-жа Микуличъ проявила дѣйствительно художественность и пониманіе, но дальше она не пошла, и всякая ея попытка захватить жизнь помире и глубже кончается плачевнѣйшимъ фіаско.

Въ первомъ своемъ произведеніи «Мимочка» она высказала все, что у нея было, проявила цѣликомъ весь свой писательскій багажъ и въ остальныхъ только повторяетъ мотивы «Мимочки». Всѣ ея героини тѣ же «Мимочки», надъ пустенькой душонкой которыхъ г-жа Микуличъ оперируетъ съ большимъ искусствомъ, тщательно отдѣлывая ихъ такую несложную, маленькую и одноцвѣтную психологію. Мимочка при своемъ появленіи привлекла общее вниманіе, и это вполнѣ понятно, такъ какъ нарисована она цѣльно и ярко, насколько можетъ быть ярокъ такой несложный типикъ женскаго рода. Во всякомъ случаѣ это было живое произведеніе, хотя въ концѣ концовъ авторъ и тутъ проявилъ свой основной недостатокъ. Конецъ «Мимочки» изъ рукъ вонъ плохъ, именно потому, что г-жа Микуличъ попыталась поглубже заглянуть въ свою «Мимочку», вскрыть въ ней такія человѣческія черты, которыя недоступны самому автору, непонятны и недостаточно знакомы ему. «Мимочка», сгорающая отъ всеохватывающей страсти, «Мимочка», отравляющаяся отъ глубокой нераздѣленной любви, которая даже и ее, эту куклу, могла бы преобразить въ человѣка, это такой человѣческій типъ, который совершенно не по плечу художественнымъ дарованіямъ г-жи Микуличъ. И потому конецъ этого единственнаго хорошаго и оригинальнаго произведенія г-жи Микуличъ также болѣзненно рѣжетъ слухъ, какъ если бы къ пустенькому, но изящному штраусовскому вальсу приставили конецъ вагнеровскаго «Зигфрида», да еще исполненнаго неумѣлой и робкой рукой.

Въ первыхъ двухъ частяхъ—«Мимочка-невѣста» и «Мимочка на водахъ» авторъ вполнѣ въ своей сферѣ, и куколка героиня выступаетъ, какъ живая, со всѣмъ антуражемъ подходящей для нея жизни. Даже то, что г-жа Микуличъ стоитъ цѣликомъ на уровнѣ изображаемой ею жизни, только усиливаетъ впечатлѣніе. Правда, мѣстами авторъ дѣлаетъ робкія попытки подняться надъ своей героиней, взглянуть на нее свысока и даже читаетъ ей мораль. Такъ, описывая переходъ Мимочки къ брачному алтарю, авторъ неожиданно задается вопросомъ: «Что же можетъ предстоять въ жизни бѣдной дѣвушкѣ девятнадцати лѣтъ?»—и пытается иронизировать надъ своей Мимочкой: «Выйти замужъ за такого же бѣдняка, какъ она, предположимъ, за человѣка молодого, честнаго, энергичнаго и любящаго, достойнаго любви и уваженія, но не владѣющаго ни домами, ни помѣстьями, ни акціями, ни облигаціями, не имѣющаго другихъ источниковъ дохода, кромѣ своего труда... Полюбить этого человѣка, сдѣлаться его женой, другомъ и помощницей, склонить свою хорошенькую головку на его плечо, довѣрчиво опереться нѣжной ручкой на его сильную руку и идти съ нимъ по неизмѣнному пути, освѣщая и согрѣвая ему путь этотъ своею любовью и ласками...? Принести въ скромный уголокъ труженика свою красоту, молодость и грацію, забыть себя въ заботахъ о своемъ избранникѣ и, въ свою очередь, сдѣлаться смысломъ, заботой и наградой чужой жизни?...» Къ счастью, такія попытки автора немногочисленны, хотя сами по себѣ, какъ можно видѣть изъ этого отрывка, весьма характерны для самого автора. Художественное чутье воздерживаетъ его отъ лишняго морализированія, тѣмъ болѣе неумѣстнаго, что на всемъ протяженіи исторіи Мимочки мы находимся въ области примитивныхъ житейско-нравственныхъ отношеній, настолько простыхъ и несложныхъ, что всякое поясненіе ихъ отъ имени автора клиномъ вдается въ нарисованную имъ картину. Все достоинство такого рода жанровой живописи

заключается въ отсутствіи подчеркиваній, которыя, ничего не внося новаго, только расхолаживаютъ впечатлѣніе, и безъ того не слишкомъ сильное. И напрасно г-жа Микуличъ думаетъ, что ея Мимочку-невѣсту можно жалѣть или печалиться надъ нею, когда въ заключеніе первой части повѣсти вдругъ разражается патетическимъ возгласомъ: «Но знаете ли вы, куда вы грядете, бѣдная голубица? Подумайте, Мимочка, не остановитесь ли, пока еще не поздно?»—и заканчиваетъ картину свадьбы Мимочки замѣчаніемъ изъ «Анны Карениной»: «Экая милочка, невѣста-то, какъ овечка убранная! А какъ ни говорите, жалко нашу сестру!»

Такія неудачныя à parts со стороны г-жи Микуличъ, въ которыхъ она разсуждаетъ вмѣсто того, чтобы живописать, головой выдаютъ несложную философію автора. Создавъ дѣйствительно живую и типичную фигурку женщины-куколки, авторъ совершенно не понимаетъ своей героини, которая представляется ему гораздо выше и глубже, чѣмъ она есть на дѣлѣ, и обращается къ ней съ запросами, какъ къ человѣку, который могъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки. Показавъ свою Мимочку во всемъ отблескѣ во второй части—«Мимочка на водахъ», написанной лучше всего, что только написала г-жа Микуличъ,—она заставляетъ Мимочку вдругъ отравиться, потому что одинъ изъ многочисленныхъ объектовъ ея бездѣльной любви бросаетъ ее и женится. Эта третья часть—«Мимочка отравилась» написана такъ слабо и нехудожественно, что просто не вѣрится—одинъ ли авторъ писалъ двѣ первыхъ части и эту третью? Милое и безпретенціозное щебетанье превращается вдругъ въ жалкую траги-комедію, гдѣ фигурируютъ и трагическій французъ-учитель, и яко-бы современная дѣвица съ высшимъ образованіемъ, и тому подобный, неизвѣстно зачѣмъ приплетенный вздоръ съ оттѣнкомъ общественной мысли. Вплетенная въ конецъ Мимочки исторія дѣвицы съ высшимъ образованіемъ имѣетъ, повидимому, особое значеніе. Авторъ какъ бы хотѣлъ дать другую Мимочку, но только наоборотъ. Какъ Мимочка вся состоитъ изъ однихъ примитивно животныхъ инстинктовъ, такъ дѣвица съ высшимъ образованіемъ, которая «усердно занималась исторіей философіи, училась кройкѣ и шитью, поступила на кухонные курсы»,—лишена сердца и души и представляетъ чистѣйшую эгоистку, въ этомъ отношеніи ни мало не уступающую Мимочкѣ.

Г-жа Микуличъ жалостно относится къ обѣимъ, ибо въ ея кроткой душѣ живетъ образъ неземного созданія, которому посвящены всѣ ея симпатіи и остальныя ея произведенія. Въ «Зарницахъ», цѣлой повѣсти, добрыхъ десяти печатныхъ листовъ, авторъ все время щебечетъ про юность и весну. Вся повѣсть написана на мотивъ толстовскаго романса «То было раннею весной». Мотивъ—прелестный, спору нѣтъ, но, растянутый на десять листовъ убористой печати, онъ можетъ набить оскомину любому цѣнителю вешнихъ грёзъ. Авторъ все время топчется на одномъ мѣстѣ, на всѣ лады варьируя свое «то было раннею весной». Содержанія въ повѣсти нѣтъ, а лишь до тошноты растянутое, вылизанное, вылощенное, всячески обсмакованное настроеніе юной дѣвушки, которая чуть-чуть было не влюбилась въ нѣкоего интереснаго вдовца, имѣющаго дочь въ возрастѣ героини. Въ повѣсти длиннѣйшія описанія пикниковъ, игры въ крокетъ, прогулокъ, поѣздокъ по Швейцаріи и прочаго, яко-бы поэтическаго, вздора—чередуются съ размышленіями юной возрастомъ, но душой и опытомъ весьма зрѣлой дѣвицы. Повѣсть написана отъ перваго лица,—пріемъ, вообще, нехудожественный и по силамъ только первоклассным художникамъ, а въ данномъ случаѣ неудачный тѣмъ болѣе, что болтливость г-жи Микуличъ безгранична. По поводу и безъ повода героиня выписываетъ длиннѣйшія тирады, великія и малыя истины, стихи и прозу, словомъ все, что подвернулось подъ перо. Ѣдетъ, напр., героиня въ поѣздѣ по широкой степи и видитъ богомолокъ. Сейчасъ въ ея неутомимой душѣ готова страничка для дневника: «Куда они

бредутъ эти старики, старухи, дѣвушки, съ котомками за плечами, съ посохомъ въ рукахъ?.. Въ Воронежъ, въ Кіевъ, въ Соловки, къ Тройцѣ?.. «Много крестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ», говоритъ Тургеневскій Касьянъ съ Красивой-Мечи. Правды и справедливости,—вотъ чего жаждетъ русская душа, широкая, какъ степь, русская душа, въ которой-нравственные принципы и убѣжденія носятся по волѣ вѣтра, какъ перекати поле, въ которой свободно, какъ въ степи бурьянъ и репейникъ, разростается всякая дрянь и гадость. Какъ сказочная Жаръ-Птица, гдѣ-то горитъ, сіяетъ эта правда; и не одинъ Иванъ-дуракъ хранитъ, можетъ быть, въ грязной тряпицѣ свѣтлое перо сказачной птицы съ вѣрой въ ея существованіе. Какъ жаръ горятъ идеалы русской души. И въ безконечной степи мнѣ мерещатся величавые и простые русскіе типы: пахарь съ плугомъ, самъ Микула Селяниновичъ, инокъ съ крестомъ, богатырь на конѣ, русская женщина, стойкая, сильная, правдивая»...

Кстати, по поводу русской женщины. Одна изъ подругъ героини выходитъ замужъ, и героиня заноситъ въ дневникъ слѣдующее размышленіе по женскому вопросу: «Терпи, женщина. Долготерпѣливый лучше храбраго и владѣющій собой лучше завоевателя города, говоритъ Соломонъ. Конечно, много вытерпѣть и выстрадать должно быть хорошо и полезно. Какъ-то наша Лиза освоится со своей новой жизнью?.. Помоги ей Богъ!.. Хоть бы мужъ любилъ ее!.. Только, кажется, они (мужья) насъ никогда не любятъ. Они или любуются нами, нашей наружностью, нашими кофточками, романсами, развлекаются нашими шутками, нашей веселостью и дарованьицами,—или пользуются нами, когда мы подъ рукой... Вѣдь и то, и другое—не любовь... Какъ хорошо было бы, если бы мужья любили своихъ женъ!.. Я думаю, что если есть мужъ, который любитъ и жалѣетъ свою жену, знаетъ и любитъ ея душу и чтитъ въ ней человѣка, то такой мужъ гораздо больше дѣлаетъ для всѣхъ женщинъ, чѣмъ всѣ тѣ, что говорятъ и хлопочутъ о правахъ женщины. Что эти права?» Для героинь г-жи Микуличъ это несомнѣнно такъ,—къ чему имъ права? Да и о какихъ правахъ могутъ онѣ разсуждать—эти куколки, съ птичьими чувствами и птичьими мозгами.

Эти два образчика авторской философіи достаточно характерны, чтобы не приводить другихъ. А ими пестрятъ «Зарницы», и нельзя сказать, чтобы они очень освѣщали эту архи-скучную вещь. Того же типа и «Черемуха», которую съ неменьшимъ правомъ можно бы назвать «Сирень» и «Береза», имѣющія такое же отношеніе къ разсказу, какъ и черемуха. Опять фигурируетъ на сценѣ юная душа, на этотъ разъ выходящая замужъ, хотя и не дающая себѣ отчета, зачѣмъ же она это дѣлаетъ. Г-жа Микуличъ, вообще, мрачно смотритъ на бракъ и находитъ, что всѣ мужчины—большіе эгоисты и «измѣнщики», и потому предпочитаетъ выдавать замужъ своихъ героинь безъ достаточнаго къ тому основанія,—все нѣкій предлогъ для снисхожденія. «Черемуха» самое нелѣпое изъ произведеній г-жи Мукуличъ, въ которомъ наворочено всего понемножку—и клиника, и лавра, и опера, и Баттистини, и мистическія увлеченія, и амурныя развлеченія, а въ общемъ получается исторія дѣвицы Маши. которая увлекалась набожностью, мечтала о спасеніи души и служеньи бѣднымъ, какъ вдругъ взяла да и вышла замужъ.

Остальныя произведенія г-жи Микуличъ—«Новенькая», разсказъ изъ институтской жизни въ младшихъ классахъ, и «Студентъ»—разсказъ изъ той же жизни въ старшихъ классахъ—имѣютъ, навѣрное, интересъ для бывшихъ воспитанницъ этого почтеннаго заведенія. Что же касается обыкновеннаго читателя, то едва ли кого заинтересуютъ цѣлыя страницы о томъ, какъ классъ присѣдаетъ и хоромъ выкрикиваетъ: «Bonjour, m-eur Kozloff» или «Gutenmorgen, Herr Kozloff». Преобладающее въ разсказѣ описаніе внѣшняго быта и всякихъ

пустячковъ, изъ которыхъ слагается эта жизнь, лишаетъ эти вещи какого-бы то ни было художественнаго значенія, и мы упомянули о нихъ для полноты писательской физіономіи г-жи Микуличъ.

Невыгодно бываетъ для нѣкоторыхъ издавать полное собраніе своихъ сочиненій, въ которомъ вся цѣликомъ выступаетъ личность автора. Это бываетъ съ тѣми писателями, которые, владѣя несомнѣннымъ талантомъ формы, бѣдны внутреннимъ содержаніемъ. Они сразу высказываются въ какомъ-либо одномъ произведеніи, и затѣмъ только повторяютъ самихъ себя, поднося публикѣ одно и тоже «подогрѣтое блюдо» подъ различнымъ соусомъ. Ихъ читаютъ безъ увлеченья и разстаются безъ сожалѣнія. Три тома или тридцать томовъ выпуститъ такой писатель, дѣло отъ этого не мѣняется,—въ любомъ изъ этихъ томовъ вы имѣете всего писателя, хотя бы онъ принимался и за различныя темы. Про г-жу Микуличъ даже послѣдняго нельзя сказать, потому что тема у нея всегда одна: исторія юной женской души. Тема и безъ того неособенно богатая, а въ произведеніяхъ г-жи Микуличъ она сведена къ птичьему существованьицу, къ птичьей философіи и птичьимъ интересамъ.

Послушать птичьяго щебетенья можно иногда не безъ удовольствія, но въ большомъ количествѣ такой птичій щебетъ прямо невыносимъ, и одолѣть заразъ три томика щебетанья г-жи Микуличъ—трудъ нелегкій и неблагодарный. Тѣмъ больше, что это трудъ въ тоже время и безполезный. Ни одной новой черточки въ женской душѣ авторъ не откроетъ читателю; талантъ его чисто внѣшній: авторъ улавливаетъ мелкія внѣшнія черточки, изъ которыхъ и можетъ составить небезъинтересную жанровую картинку, въ родѣ «Мимочки на водахъ».

Кому незнакомо имя Горбунова, какъ талантливаго разсказчика сценъ изъ народнаго быта, непремѣннаго гостя всякихъ юбилейныхъ торжествъ, гдѣ его генералъ Дитятинъ считалъ пріятнѣйшимъ долгомъ сказать всегда и свое вѣское слово? Но едва ли многіе знаютъ, что въ лицѣ Горбунова русское искусство потеряло одного изъ выдающихся художниковъ, котораго А. Ѳ. Кони справедливо называетъ настоящимъ народнымъ художникомъ. Въ превосходной статьѣ, напечатанной въ послѣднихъ книжкахъ «Вѣстника Европы», г. Кони далъ мастерски написанный портретъ Горбунова и художественную оцѣнку этого замѣчательнаго и далеко не вполнѣ оцѣненнаго художника слова. Для многихъ эта характеристика явится своего рода откровеніемъ. Такова уже судьба большинства литературныхъ работъ г. Кони, который обладаетъ особымъ талантомъ дѣлать открытія. Напомнимъ хотя бы его работу о докторѣ Гаазѣ, котораго онъ какъ бы воскресилъ, представивъ удивительную личность святого доктора, забытаго неблагодарнымъ потомствомъ и вновь воскресшаго въ прекрасной книгѣ г. Кони.

«Имя артиста переживаетъ его дѣла», говоритъ г. Кони, тогда какъ въ другихъ областяхъ искусства дѣла остаются и нерѣдко переживаютъ имя. Многіе изъ разсказовъ Горбунова, положимъ, напечатаны, но оригинальная форма исполненія, непередаваемый юморъ и масса дополненій, которыя дѣлалъ самъ артистъ, все это грозитъ кануть въ «пропасть забвенія». Авторъ пытается возстановить возможно полнѣе образъ артиста-художника, искусно группируя его произведенія и дополняя многое по личнымъ воспоминаніямъ. Получается въ цѣломъ выпуклое и живое, съ любовью написанная оригинальнѣйшая личность Горбунова, въ которомъ г. Кони раскрываетъ читателю не простого «забавника», потѣшавшаго толпу, а большого и самобытнаго художника, создавшаго совсѣмъ особый жанръ искусства, къ сожалѣнію, опошленный впослѣдствіи неудачными подражателями-ремесленниками.

Горбуновъ былъ несомнѣннымъ художникомъ. «Онъ вносилъ въ свои про-

изведенія самого себя, онъ чувствовался въ нихъ», и умѣлъ передать зрителямъ или слушателямъ свое чувство, «заразить ихъ своими настроеніями, а это и есть отличительная особенность искусства». Несмотря на поразительную жизненность изображеній въ сценахъ и разсказахъ Горбунова, дающую имъ вполнѣ объективный характеръ, онъ постоянно чувствуется въ нихъ, не равнодушный и спокойный, а съ чутко настроенной душой, умѣющей переживать то, что онъ изображаетъ... «Оттого его разсказы возбуждаютъ не одинъ смѣхъ, не одно удивленіе предъ его наблюдательностью. Они приводятъ къ невольному, но неизбѣжному выводу нравственнаго или общественнаго характера. Изъ интереснѣйшаго въ бытовомъ отношеніи содержанія ихъ звучитъ его отношеніе къ добрымъ и темнымъ, печальнымъ и примирительнымъ сторонамъ нашего народнаго быта и къ отдѣльнымъ явленіямъ общественной жизни». Схватывая характерныя черты народнаго міросозерцанія и народнаго отношенія къ различнымъ явленіямъ, Горбуновъ былъ настоящимъ народнымъ художникомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. «Онъ былъ нравописатель, но не льстецъ своихъ слушателей, не слуга ихъ преходящихъ и измѣнчивыхъ вкусовъ, не соискатель дешеваго успѣха дешевыми и не всегда опрятными средствами. Его своеобразные, подчасъ возбуждавшіе неудержимый смѣхъ, разсказы—чужды пошлости и низменнаго характера. Въ нихъ нѣтъ ничего банальнаго, подражательнаго, избитаго. Чуткій художникъ, онъ не изображалъ лицъ и положеній смѣшныхъ лишь съ внѣшней стороны, по формѣ, а не по существу. Поэтому въ его разсказахъ нѣтъ дѣйствующихъ лицъ чужой національности, съ ихъ неправильнымъ и комическимъ выговоромъ русскихъ словъ, съ особенностями ихъ произношенія, съ ихъ жаргономъ,—нѣтъ нѣмцевъ, чухонъ, евреевъ, армянъ,—нѣтъ, словомъ, попытки вызвать грубою насмѣшкою надъ человѣкомъ другого племени смѣхъ, котораго потомъ нерѣдко стыдится человѣкъ развитый и который ничего свѣтлаго не вноситъ въ нравственное построеніе и пониманіе человѣка неразвитаго. При несомнѣнномъ пониженіи уровня вкусовъ общества за послѣдніе годы, этимъ изображеніямъ всегда обезпеченъ успѣхъ, а при средствахъ Горбунова онъ былъ бы громадный. Но онъ ни разу имъ не соблазнился».

Горбуновъ былъ юмористъ чистѣйшей воды, а не анекдотистъ, стремившійся *только* разсмѣшить. «Улыбку и раздумье, видимый смѣхъ и подчасъ невидимую скорбь возбуждаетъ въ немъ, а черезъ него и въ слушателяхъ не *смѣшной случай*, не искусственное сплетеніе комическихъ положеній и неожиданныхъ обстоятельствъ, а, если можно такъ выразиться *кусокъ жизни*, выхваченный изъ дѣйствительности или вѣрнаго ея подобія и показанный съ милымъ и безобиднымъ юморомъ, который искрится и бьетъ черезъ край... Въ лицѣ Горбунова юмористъ, передававшій съ особымъ искусствомъ и правдивостью бытовыя черты изъ книги скорбей и радостей народной жизни, умѣлъ наводить на серьезные вопросы всякаго, кому дорого нравственное развитіе народа, кому народъ интересенъ, а не забавенъ только, какъ предметъ смѣхотворныхъ застольныхъ анекдотовъ».

Народъ, его недуги, страданія, недостатки, его взгляды на просвѣщеніе, его отношенія къ властямъ предержащимъ, семейныя неурядицы, пьянство—все нашло вѣрное и по истинѣ глубокое пониманіе въ сценахъ и разсказахъ Горбунова. Чаще всего въ нихъ фигурируютъ крестьяне, мастеровые, купцы, духовенство, мелкій служилый людъ, каждый со своими особенностями, начиная съ великолѣпно переданнаго языка, чисто-народнаго говора, которымъ Горбуновъ владѣлъ въ совершенствѣ и могъ соперничать съ Островскимъ и Гл. Успенскимъ,—и до глубоко затаенныхъ душевныхъ сторонъ. Онъ беретъ каждаго изъ выводимыхъ героевъ въ его обстановкѣ, которую рисуетъ двумя-тремя смѣло и твердо нанесенными штрихами. Тутъ и цѣлая деревенская улица, глухой уголъ какого-нибудь заштатнаго городка, одинъ видъ котораго можетъ по-

вергнуть впечатлительнаго человѣка въ смертную тоску. Тутъ и дикая замкнутая, отъ всего свѣта отгороженная среда замоскворѣчья, съ мамонто-подобными дворниками и допотопными обитательницами. Тутъ и бойкій питерскій трактиръ, и камера мирового судьи, гдѣ заплетающимся языкомъ ходатай по дѣламъ силится отстоять своего кліента, — и вездѣ предъ нами выступаютъ типичные русскіе люди, въ изображеніи которыхъ сквозь смѣхъ и юморъ проглядываетъ жалость къ нимъ и горечь художника, при видѣ уродливыхъ условій этой несомнѣнной, чисто-русской дѣйствительности.

А поводовъ для этой горечи не оберешься. «Вся-то жизнь наша—слезы,— говоритъ въ приводимомъ авторомъ отрывкѣ старикъ,—родимся мы въ слезахъ и помремъ въ слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ, и сказать нельзя! Бывало хоть въ некрутчину: и мать-то воетъ, и отецъ-то воетъ, а у жены у некрутиковой изъ глазъ словно смола горячая капаетъ»... Теперь эта «некрутчина» уже исторія, но другія стороны въ народной жизни и нынѣ вызываютъ не менѣе «горючихъ слезъ». Таково, напр., положеніе женщины, тьма, безпробудное пьянство и безотвѣтное и безправное положеніе огромной массы народа. Онѣ, эти стороны, ярко выступаютъ въ горбуновскихъ сценахъ. Страхъ и трепетъ женщинъ захолустныхъ угловъ предъ своими владыками видится во всѣхъ комическихъ сценахъ изъ семейной жизни мѣщанства и купечества. «Тяжкія картины семейной обстановки, говоритъ авторъ,—даже и во снѣ давятъ на мысль обывательницъ. У одной изъ выводимыхъ Горбуновымъ купчихъ «вся душенька изболѣла отъ страннаго сна: будто-бы я матушка, на горѣ, а мужъ-то, Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный внизу стоитъ, да на меня эдакъ пальцемъ грозитъ». Не менѣе купчихи жалуется «баба», которой нѣтъ защиты отъ пьянаго и драчливаго мужика. «Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ,—говорятъ про зажиточнаго мужика,—ужъ на что баба, и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни будь, а ужъ все ей влетитъ, либо съ сердцовъ, либо съ пьяну»...

Царящая на всемъ пространствѣ «Руси великой» тьма превосходно иллюстрируется въ горбуновскихъ сценахъ, гдѣ фигурируетъ «книга», внушающая страхъ однимъ и вызывающая негодованіе другихъ.

«Медленнымъ распространеніемъ образованія и даже грамоты объясняется взглядъ горбуновскихъ дѣйствующихъ лицъ на науку и на природу. Съ презрѣніемъ они относятся къ первой, съ ужасомъ—къ естественнымъ явленіямъ второй. «Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? а кучеръ-то, дуракъ и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... сырой-то женщинѣ!.. Такъ та и покатилась! домой подъ руки потащили»... «Зашелъ онъ въ трактиръ,—разсказываетъ у Горбунова замоскворѣцкій дѣятель,—и сталъ это свои слова говорить. Теперь, говоритъ, земля вертится, а Иванъ-то Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?..» Хотя «дворянинъ одинъ, въ Калугѣ» и отрицаетъ существованіе лѣшаго, «но много онъ знаетъ—дворянинъ-то», когда «хоть кого спроси» лѣшій есть, да только показывается не всякому, а «кого ежели оченно любитъ», и видъ при томъ имѣетъ совершенно опредѣленный:—«одна ноздря у него, а спины нѣтъ»... Этимъ онъ отличается отъ людоѣдовъ-одноглазыхъ, «по чьему закону все можно», которыхъ излюбленные замоскворѣчьемъ странники за окіянъ-рѣкою видѣли, при чемъ этому и «описаніе есть въ книжкахъ»... Впрочемъ, «все можно» не однимъ людоѣдамъ, но почему-то и англичанамъ, которые весь постъ ѣдятъ говядину, потому что «по ихъ вѣрѣ все возможно», ибо они «вѣруютъ въ пѣтуха», о чемъ съ полной увѣренностью заявляетъ въ московскомъ захолустьѣ дворникъ дома, хозяйка котораго, со вздохомъ и успѣньями истребляя блины на масляной, на заявленіе внука, что онъ сбился

со счета, сколько съѣлъ, авторитетно говоритъ: «грѣхъ, батюшка, считать-то, кушай такъ, во славу Божію». Зато жизнь здѣсь полна вѣщими снами и слышичыми въ ночи «трубными звуками», зато жительницы, отправляясь слушать провозглашеніе «анаѳемы», всхлипывая отъ жалости и умиленія, разсказываютъ, что видѣли, подъ потрясающіе возгласы церковнаго баса, и ее, самую анаѳему, съ сѣденькой бородкою и трясущеюся головою»...

На ряду съ этой несокрушимой силой дикаго невѣжества стоитъ не менѣе несокрушимая вѣра въ силу кулака и готовность къ полному преклоненію предъ нимъ. Виноватъ всегда тотъ, кого бьютъ, и всѣ симпатіи зрителей *всегда* на сторонѣ сильнѣйшаго. Какая-то дѣтски-наивная жестокость проглядываетъ въ горбуновской толпѣ, которая свято вѣруетъ въ «городоваго» и съ полнымъ одобреніемъ и готовностью посодѣйствовать наблюдаетъ за процессомъ «тащить и не пущать». Г. Кони объясняетъ эту вѣру въ незыблемость упрощенныхъ принциповъ «городового» историческими условіями, когда *вся* власть олицетворялась въ этомъ ближайшемъ представителѣ государства. Объясненія его не лишены остроумія, хотя намъ продставляется болѣе глубокая основа, положенная Горбуновымъ въ его народныхъ сценахъ. Это—чувство рабства, привитое надолго русскому человѣку,—«рабья душа», вотъ что лежитъ въ глубинѣ того восторга, съ какимъ русская толпа наблюдаетъ любое проявленіе насилія, никогда не разбирая, кто правъ. И Горбуновъ ни въ чемъ, можетъ быть, не проявилъ такъ своего художественнаго таланта, какъ въ изображеніи русскаго сервилизма. Толпа у Горбунова *никогда* не разсуждаетъ и сама взываетъ къ городовому, относится къ его дѣяніямъ съ радостнымъ довѣріемъ и съ какими-то ликованіемъ слѣдитъ за его подвигами. При всемъ комизмѣ этихъ сценъ, заключаетъ авторъ, такое «правосозерцаніе» заставляетъ невольно задуматься.

«Русскій человѣкъ, говоритъ онъ, любитъ вмѣшательство полиціи, призываетъ ее и относится къ ней съ сочувствіемъ не какъ участникъ, но какъ зритель, играя въ составѣ толпы иногда роль хора античной трагедіи.—«Нѣтъ, вы про затменье докажите! вы только народъ въ сумнѣнье приводите», говоритъ кто-то астроному-добровольцу, собравшемуся смотрѣть въ одномъ изъ замоскворѣцкихъ переулковъ на солнечное затменіе—и, не дожидаясь отвѣта, при общемъ сочувствіи, кричитъ: «городовой!»—«Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменье!» одобрительно говорятъ въ толпѣ. «Да! нашъ городовой никого не помилуетъ!»—«За такія дѣла не похвалятъ!» Самимъ говорящимъ не ясно, въ чемъ состоитъ дѣло, за которое похвалить нельзя, и за что не помилуетъ городовой. Но ясно и непреложно одно: необходимъ городовой. Онъ разрѣшитъ натянутое положеніе и успокоитъ напряженіе нервовъ. Вотъ и онъ! увѣренный въ себѣ и солидарный съ толпой во взглядахъ на свои задачи. Онъ сразу становится на высоту своего офиціальнаго положенія, и первое его слово, обращенное къ жадно ждущей его толпѣ—«осади назадъ!» Но толпа дорожитъ даровымъ зрѣлищемъ, гдѣ она и зритель, и дѣйствующее лицо вмѣстѣ, она лѣзетъ, напираетъ, спѣшитъ «излить мольбы, признанія, пени...» и ея страстный говоръ постоянно прерывается окриками: «не наваливайте которые...» и «осадите назадъ...»—«Сейчасъ выручитъ!» радостно говорятъ среди окружающихъ.—«Иванъ Павловъ, ты—нашъ тѣлохранитель, выручи...» обращаются къ нему, и онъ выручаетъ, самъ, вѣроятно, не зная—*кого* и изъ чего. Услышавъ выраженіе: «вы тогда поймете, когда въ дискѣ будете»,—онъ говоритъ: «почтенный, вы за это отвѣтите».—«За что?»—«А вотъ за это слово ваше нехорошее!»—«Сейчасъ затмится».—«Можетъ и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя...»—«Какъ возможно!»—убѣжденно отвѣчаютъ въ толпѣ...»

Судебная реформа, судъ мировой и судъ присяжныхъ нѣсколько поколебали престижъ городового, какъ единаго рѣшителя и вершителя судебъ, въ глазахъ

народа. Въ сценахъ Горбунова проходятъ опять типичные представители новаго общественнаго порядка—и строгій, нѣсколько бьющій на эффектъ предсѣдатель, и безчисленные свидѣтели, каждый съ свойственной ему бытовой физіономіей, и защитникъ, и тотъ же городовой, уже не столь великолѣпный, но не менѣе типичный. Относясь съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ новому суду, Горбуновъ тѣмъ не менѣе «умѣлъ уловить всѣ его особенности, выхватить изъ него рядъ живыхъ и содержательныхъ сценъ, съ чрезвычайной наблюдательностью изобразивъ тѣ комическія положенія, которыя создавались столкновеньемъ между теоретическими предписаніями закона, имѣющими въ виду отвлеченную личность, и живымъ лицомъ, приносившимъ въ судъ всѣ особенности своихъ бытовыхъ и правовыхъ воззрѣній. «Не угодно ли вамъ дать ваше заключенье въ качествѣ эксперта о достоинствѣ шампанскаго, въ продажѣ котораго подъ извѣстною и пользующеюся довѣріемъ чужою иностранною маркою обвиняется подсудимый?»—обращается предсѣдатель къ «свѣдущему человѣку», благообразному старому негоціанту, вызванному въ судъ, какъ опытный знатокъ въ винахъ. «Свѣдущій человѣкъ» истово беретъ бокалъ съ только что откупореннымъ шампанскимъ, прикладывается къ нему губами, вытираетъ ротъ фуляровымъ платкомъ, смотритъ вино на свѣтъ и молчитъ. «Ваше заключеніе?»—«Чего-съ?» «Ваше заключеніе?»—«То есть—это о чемъ же?»—«Соотвѣтствуетъ ли испробованное вами шампанское по своимъ качествамъ вину той марки, подъ названіемъ которой оно пущено въ продажу подсудимымъ?» Негоціантъ снова пробуетъ вино, вытираетъ ротъ и молчитъ. «Какое же ваше заключеніе»? «Мое-съ?»—«Ну да! конечно, ваше»,—нетерпѣливо говоритъ предсѣдатель. Свѣдущій человѣкъ переступаетъ съ ноги на ногу, задумывается, потупляется и вдругъ, поднявъ голову, рѣшительно говоритъ: «Покупатель выпьетъ!»...

Вся обстановка суда встаетъ въ сценахъ Горбунова, какъ живая. Къ слушанью назначено долго откладывавшееся дѣло, за неявкой главнаго свидѣтеля, цехового Прокофьева, который, наконецъ, найденъ и доставленъ въ судъ. Обвиняемыхъ двое, молодые люди, мужчина и женщина. Предсѣдатель, многозначительно обращаясь къ первому, говоритъ: «Подсудимый—студентъ технологическихъ наукъ Сидоровъ, признаете ли себя виновнымъ въ томъ, что 30 февраля сего года, на Лиговкѣ, имѣли съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и умысломъ, продолжительный разговоръ о предметахъ, суду неизвѣстныхъ?» «Нѣтъ, не признаю!» мрачно отвѣчаетъ тотъ. Предсѣдатель, съ еще большей многозначительностью: «Подсудимая, окончившая курсъ кулинарныхъ предметовъ Иванова, признаете ли себя виновною въ томъ, что въ то самое время, когда Сидоровъ имѣлъ упомянутый разговоръ, вы, тоже съ умысломъ, находились на Гороховой, съ цѣлью покупки себѣ шерстяныхъ чулокъ?» Подсудимая, срываясь съ мѣста, стремительно отвѣчаетъ: «Да! признаю, но я была *въ состояніи аффекта*»... (Иногда Горбуновъ дѣлалъ варіантъ, и подсудимая у него отвѣчала, послѣ нѣкотораго размышленія: «*Въ фактѣ*, да!»). Предсѣдатель торжественно и вмѣстѣ любезно: «Садитесь»! Начинается приводъ къ присягѣ свидѣтелей. Лицо, названное предсѣдателемъ «святымъ отцомъ» и неожиданно для себя застигнутое обязанностью сдѣлать свидѣтелямъ внушеніе, говоритъ довольно сбивчиво, съ внезапными повышеніями голоса и сильно напирая на *б*, и кончаетъ заявленіемъ, что не *токмо* законъ гражданскій, но *даже* и небесный судъ наказываетъ за ложное показаніе. Свидѣтели присягаютъ каждый по своему. Дворникъ размашистымъ жестомъ съ силой ударяетъ себя въ плечи, лобъ и грудь: франтъ поношеннаго вида и неопредѣленныхъ занятій со снисходительной улыбочкой небрежно болтаетъ пальцами надъ подбородкомъ; городовой бляха № 999 смотритъ все время на предсѣдателя, даже и прикладываясь, и потому чуть не попадаетъ мимо... Наступаетъ пауза, свидѣтели мнутся съ ноги на ногу, а затѣмъ предсѣдатель, обращаясь къ судебному приставу, говоритъ взволнованнымъ

голосомъ: «Удалите свидѣтелей!»—многозначительно прибавляя: «останется цеховой Прокофьевъ»... Прокофьевъ стоитъ посреди залы. Всѣ обращаются въ слухъ «Господинъ Прокофьевъ, доложите суду все, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу. или, можетъ быть, вы предпочтете подвергнуть себя перекрестному допросу»? Напряженіе общаго вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Прокофьевъ обводитъ сидящихъ предъ нимъ глазами, перебираетъ привычно трясущимися руками борты засаленнаго и порыжѣлаго сюртука, и вдругъ плаксивымъ голосомъ заявляетъ: «Ваше сіятельство, я человѣкъ пьяный»...

Не менѣе художественно изображены Горбуновымъ и другія общественныя учрежденія, занявшія такое большое мѣсто въ русской жизни, какъ земство, дума, акціонерныя и всякія другія промышленныя общества. Всѣ и отрицательныя, и положительныя ихъ стороны выступаютъ съ рельефностью и жизненностью почти до осязательности. Не оставлены безъ вниманія и русское пьянство, и хвастливость, и смиренье, доходящее до уничиженія и приниженности. Получается въ общемъ картина сложная, широкая и глубоко безотрадная, несмотря на весь юморъ разсказчика, его остроумье и неподдѣльное иногда веселье изображаемой сценки. «За яркими вспышками юмора разсказчика слышится и чувствуется печальное раздумье,—и переходъ отъ смѣха къ грусти совершается въ душѣ читателя или слушателя невольно и самъ собой. «Какъ это смѣшно!»—восклицаетъ онъ въ первую минуту. «Какъ это вѣрно, какъ глубоко захвачено!»—говоритъ онъ себѣ затѣмъ... «Но что же это, однако, такое? зачѣмъ же *это* такъ?»—спрашиваетъ онъ себя нерѣдко, когда на фонѣ изображенной художникомъ картины вырисовываются тѣ свойства нашей жизни, которыя характеризуются знаменитыми «авось!», «ничего!», «сойдетъ!», «наплевать!» и укладываются въ употребленной княземъ В. О. Одоевскимъ терминъ «рукаво-спустіе»,—когда изъ глубины картины выступаетъ наше обычное безволье, отсутствіе характера и взаимно чередующееся хвастливое самомнѣніе и смиреніе, граничащее съ приниженностью,—когда подъ шуточками надъ окружающими и надъ самимъ собой сквозитъ поверхностное отношеніе къ жизни, не принимаемой «въ сурьезъ», и отсутствіе не только вчерашняго, но даже и завтрашняго дня».

Въ этой краснорѣчивой тирадѣ почтеннаго автора много правды, только относительно вчерашняго дня—ее приходится признать съ нѣкоторыми оговорками. Если мимолетныя настроенія, волнующія нашу жизнь, не даютъ никакихъ устоевъ для завтрашняго дня, то по части «вчерашняго» у насъ, пожалуй, избытокъ, и этотъ «день» тучей виситъ надъ настоящимъ, не давая ему ни проясниться, ни выработать устойчивую основу для будущаго. Самъ Горбуновъ любилъ возвращаться къ воспоминаніямъ о немъ и олицетворилъ его въ великолѣпной фигурѣ генерала Дитятина, образъ котораго, какъ нѣкое memento mori, онъ вызывалъ, бывало, на всѣхъ юбилейныхъ торжествахъ. Генералъ Дитятинъ это олицетвореніе недалекого прошлаго, въ которомъ художнику постоянно грезилась живая и могучая опасность для настоящаго, недостаточно еще окрѣпшаго и сильнаго, чтобы не опасаться вѣчной угрозы возврата назадъ, къ тому общественному строю, который сложился въ послѣднее десятилѣтіе до крымской кампаніи. Выступая на юбилеяхъ, какъ живой обломокъ старины, Дитятинъ въ отрывистыхъ и добродушно суровыхъ рѣчахъ громилъ настоящее и приводилъ факты и мнѣнія изъ своей жизни въ прошломъ, которое рисуется ему въ ореолѣ идеала. Каждый новый шагъ по пути просвѣщенія, новая реформа, общественное явленіе, не укладывающееся въ рамки прошлаго, находитъ въ немъ строгаго судью, и сквозь безконечный юморъ художника проглядываетъ въ этихъ рѣчахъ безконечная грусть человѣка и гражданина, который всѣмъ существомъ чувствуетъ *близость* этихъ рѣчей къ современности

и все безсиліе послѣдней въ случаѣ, если Дитятинъ изъ воспоминанія станетъ фактомъ новой исторіи.

Дитятинъ смѣлъ, рѣшителенъ, всегда съ готовой «резолюціей», ни въ чемъ не сомнѣвается, ибо его кодексъ нравственной, умственной, политической и гражданской морали упрощенъ до минимума. Многосторонность его способностей поразительна, и въ этомъ отношеніи онъ типичный представитель добраго стараго времени, когда магическое «прикажутъ» превращало генерала въ акушера и, обратно, акушера въ генерала.

«Дитятинъ почиталъ, но не любилъ Бисмарка, находилъ, что Макъ-Магонъ «сплоховалъ» во время своего президентства, о Гамбетѣ выражался презрительно: «хе! хе!—воздухоплаватель»; строго осуждалъ назначеніе министромъ финансовъ человѣка изъ духовнаго званія; негодовалъ на Шопенгауэра за «прекращеніе человѣческаго рода» и желалъ лично «вразумить его». Прочитавъ въ переводѣ сочиненія Лассаля, котораго онъ называлъ «Лапсалемъ», Дитятинъ рѣшительно заявилъ: «я на *это* не согласенъ»... Къ Пушкину относился снисходительно, съ похвалой отзывался о нѣкоторыхъ его воинственныхъ стихотвореніяхъ и находилъ, что фамилія «Пушкинъ» звучитъ пріятно для уха стараго служаки».

Одну изъ лучшихъ его рѣчей, сказанную на литературномъ обѣдѣ въ честь Тургенева, г. Кони приводитъ почти цѣликомъ: «Милостивые государи,—сказалъ онъ,—вы сюда собрались чествовать отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Я противъ этого ничего не имѣю! По приглашенію господъ директоровъ я явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности»... Выразивъ затѣмъ желаніе говорить, Дитятинъ нашелъ, что это сдѣлать очень трудно, какъ «по разницѣ взглядовъ и по своему оффиціальному положенію», такъ и по присущей людямъ его эпохи осторожности, ибо «насъ учили больше *осматриваться*, чѣмъ *всматриваться*, больше *думать*, чѣмъ *говорить*», словомъ, учили тому, чему, милостивые государи, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь»! Бросая взглядъ на литературу 30 и 40-хъ годовъ, ораторъ сказалъ: «Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обругавъ семинаристомъ Каченовскимъ. Поднялся шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ Михайловскій-Данилевскій, сочинитель патріотической исторіи 12-го года, былъ обруганъ. Были приняты мѣры... Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерской тройки... Стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки Охотника», принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Въ простотѣ сердца я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника. Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «Я знаю». Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну. Онъ сказалъ: «Это дѣло администраціи, а не мое». Я сообщилъ митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это—«вѣяніе времени». Я увидѣлъ что-то странное. Я понялъ, что мое дѣло проиграно и посторонился. Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающихся съ ноги, и всѣмъ говорю: «хорошо!» Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ, а только взводные киваютъ съ усмѣшкой головой»...

Генералъ Дитятинъ слишкомъ рано сложилъ оружіе, и кто знаетъ, можетъ быть, въ наши дни онъ заговорилъ-бы болѣе бодрымъ голосомъ. Смерть не во время наложила свою печать на уста художника, который теперь нашелъ-бы

богатыя темы для незабвеннаго генерала, и слово его въ значительной степени оживило-бы наши юбилейныя торжества, проходящія такъ блѣдно и вяло.

Горбуновъ умеръ ровно три года тому назадъ, а память о немъ уже блѣднѣетъ, по крайней мѣрѣ, для большой публики, которую онъ умѣлъ такъ расшевеливать своимъ нескончаемымъ юморомъ. Превосходная статья г. Кони освѣжитъ воспоминанье объ этомъ истинномъ народномъ художникѣ, достойномъ занять выдающееся мѣсто на страницахъ исторіи русскаго искусства и литературы.

Обыкновенно, такъ называемыя «опроверженія» не доставляютъ особаго удовольствія тѣмъ, кого они опровергаютъ. Но есть случаи, когда опроверженіе, даже самое рѣзкое, несравненно пріятнѣе подтвержденій, хотя бы и вполнѣ искреннихъ. Одно изъ такихъ немногихъ возраженій мы получили по поводу нашей замѣтки о брошюрѣ о. Блинова. Приводимъ его дословно.

«М. Г.! Въ послѣдней книжкѣ «М. Б.» за 1898 г., въ отдѣлѣ «Критическія замѣтки», я встрѣтилъ отзывъ о брошюрѣ свящ. Николая Блинова «Языческій культъ у вотяковъ», представляющей собой докладъ, читанный на X-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ, въ секціи антропологіи и географіи.

«Какъ одинъ изъ участниковъ этой секціи, я позволю себѣ разъяснить недоразумѣніе, въ которое ввели автора замѣтки газетные отчеты о докладѣ о. Блинова, и снять съ членовъ секціи тяжелый и незаслуженный упрекъ въ «нетерпимости и враждебности къ чуждымъ національностямъ и культамъ, благодаря которой разные гг. Блиновы имѣютъ успѣхъ не только въ «Новомъ Времени», но и на ученыхъ съѣздахъ». («М. Б.», XII, стр. 13).

«Дѣйствительно, докладъ г. Блинова, или вѣрнѣе, послѣсловіе къ докладу, въ которомъ онъ подробно описалъ извѣстныя доказательства человѣческихъ жертвоприношеній, произвелъ на аудиторію, къ которой и я принадлежалъ, «глубокое и тяжелое впечатлѣніе». Это было впечатлѣніе негодованія, что бабскія сплетни, непровѣренные слухи и хитросплетенные выводы, составленные путемъ натяжекъ и подтасовокъ, могутъ преподноситься въ видѣ научныхъ изслѣдованій и неопровержимыхъ фактовъ. Негодованіе это, которое раздѣляла со мной, смѣю думать, вся аудиторія, нашло себѣ и выраженіе въ замѣчаніяхъ г. П. Н. Луппова, сдѣланныхъ имъ въ слѣдующемъ засѣданіи секціи. Г. Луповъ протестовалъ противъ возможности основывать доказательства существованія человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ на разсказахъ и слухахъ, никѣмъ не провѣренныхъ, на данныхъ, научно не установленныхъ. Изслѣдуя исторію христіанства среди вотяковъ, г. Луповъ ознакомился съ документами, хранящимися въ архивахъ Св. Синода, Вятской консисторіи, въ библіотекѣ Московской духовной академіи. Документы эти, большею частью донесенія духовенства, обнимаютъ время съ 1719 по 1840 годы, и въ нихъ нѣтъ никакихъ указаній, даже намековъ, на существованіе человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ. Между тѣмъ изъ документовъ видно, что духовенство, въ виду враждебныхъ къ нему отношеній вотяковъ, старалось подчеркивать всѣ нестроенія вотской жизни и нарисовать по возможности мрачную картину состоянія вотяковъ. Безъ сомнѣнія, оно не преминуло бы воспользоваться данными о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, если бы таковыя дѣйствительно существовали.

«Послѣдовавшія пренія имѣли цѣлью только указать причины, которыя могли дать поводъ къ появленію подобныхъ слуховъ. Эти причины можно искать въ извѣстной замкнутости язычниковъ-вотяковъ, въ подозрительности, съ которою, вообще, относится простой народъ къ иновѣрцамъ, наконецъ, въ общемъ историческомъ стремленіи приписывать тайнымъ или тѣснимымъ сек-

тамъ кровавыя злодѣянія, какъ приписываются они до сихъ поръ евреямъ и въ свое время приписывались первымъ христіанамъ.

«Надѣюсь, что это разъясненіе побудитъ васъ, м. г., снять съ насъ, членовъ X-го съѣзда и секціи антропологіи, незаслуженную укоризну въ солидарности съ о. Блиновымъ».—Преподаватель II — аго института А. В—ъ. *).

Помѣщая настоящее письмо, мы тѣмъ самымъ уже исполняемъ желаніе почтеннаго автора. Но, какъ ни пріятно намъ раздѣлять мнѣніе его, что «аудиторія раздѣляла его негодованіе и проч.», мы не можемъ скрыть нѣкоторого недоумѣнія, какимъ образомъ таже аудиторія, не смотря на указанное негодованіе, могла выражать докладчику, о. Блинову, благодарность, какъ сказано въ тѣхъ же отчетахъ газетъ, которые ввели насъ въ заблужденіе относительно истинныхъ чувствъ секціи антропологіи? Возможно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ «недоразумѣніемъ», и первые готовы порадоваться этому, разъ это такъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ голодающихъ губерній. По оффиціальному заявленію Главнаго управленія Россійскаго общества Краснаго Креста въ настоящемъ году «недородъ хлѣбовъ и травъ» посѣтилъ 9 губерній Европейской Россіи, при чемъ «особенно пострадали» губерніи: Казанская, Вятская, Симбирская и Уфимская. Уполномоченные Краснаго креста констатируютъ, что положеніе дѣлъ въ голодающихъ губерніяхъ обостряется и что кое-гдѣ уже начинаютъ появляться разные признаки эпидемическихъ болѣзней. Такъ генералъ-маіоръ Шведовъ пишетъ относительно Казанской губерніи:

«Въ Чистопольскомъ, Спасскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ замѣчается тифъ. Для оказанія медицинской помощи въ этихъ уѣздахъ казанское мѣстное управленіе сформировало три санитарныхъ отряда, которые 28 ноября выступили въ уѣзды для медицинской помощи населенію. Въ Мамадышскомъ уѣздѣ открыта больница на 10 кроватей».

Относительно Уфимской губерніи другой уполномоченный Краснаго креста штабсъ ротмистръ Александровскій пишетъ:

«Положеніе дѣла въ Мензелинскомъ уѣздѣ трудное, замѣчаются вспышки тифа. Для немедленнаго удовлетворенія насущныхъ потребностей бѣдствующаго населенія, въ виду недостаточности запасовъ хлѣба на мѣстахъ и полной необезпеченности подвоза хлѣба, вслѣдствіе распутицы, по ходатайству губернатора Богдановича и уполномоченнаго Александровскаго, главное управленіе ассигновало средства на покупку 100 тысячъ пудовъ хлѣба».

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ выяснилась напряженность нужды, въ особенности въ Сѣверной его части. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣчены признаки заболѣванія... Въ Барскомъ уѣздѣ въ юго-западной части его ощущается крайняя нужда въ продовольствіи.

Таковы оффиціальныя сообщенія. Извѣстія, попадающіяся въ газетахъ ихъ уѣздовъ и деревень вполнѣ подтверждаютъ эту общую картину. Такъ изъ Са-

---

*) Въ подлинникѣ подпись и адресъ полные.

марской губ., которая въ отчетѣ Краснаго креста не признана «особенно пострадавшей», пишутъ въ «Русскія Вѣдомости».

«Уже съ начала нынѣшняго лѣта стали обнаруживаться въ Самарской губ. тревожные симптомы, грозившіе нарушить обычное теченіе ея хозяйственной жизни. Упорная засуха, наступившая съ первыхъ чиселъ мая, остановила ростъ не только хлѣба, но и степныхъ травъ и представлялась для умудренныхъ опытомъ хозяевъ вѣрною предвѣстницею плохого урожая. Въ началѣ іюля сдѣлалось очевидно, что Самарской губ. предстоитъ снова пережить одну изъ тѣхъ тяжелыхъ годинъ, которыя послѣдовательно постигали ее въ 1873, 1880 и въ оставившемъ по себѣ такую скорбную память 1891 году. Мѣстныя общественныя и правительственныя учрежденія на этотъ разъ довольно своевременно констатировали необходимость быстрыхъ и широкихъ мѣръ къ обезпеченію нуждъ крестьянскаго населенія, и уже 10 іюля чрезвычайное губернское земское собраніе признало необходимость немедленной помощи населенію для производства озимаго посѣва, удостовѣривъ въ то же время такую же необходимость въ ближайшемъ будущемъ помощи населенію и по его продовольствію и прокорму его рабочаго скота. Ходатайство мѣстнаго земства о ссудѣ крестьянскому населенію для обсѣмененія его озимыхъ полей было немедленно удовлетворено высшей администраціей, но къ концу сентября выяснилось, что гораздо труднѣе разрѣшить два другіе вопроса—объ обезпеченіи продовольствія населенія и въ особенности о сохраненіи его скота. На второмъ чрезвычайномъ губернскомъ земскомъ собраніи 23 и 24 сентября сельско-хозяйственное положеніе губерніи было иллюстрировано подробною таблицею по уѣздамъ объ урожаѣ хлѣба и травъ на крестьянскихъ поляхъ. Изъ таблицы этой можно было усмотрѣть, что болѣе $^2/_3$ всей площади крестьянскихъ посѣвовъ въ губерніи оказывались съ плохимъ урожаемъ, т. е. такимъ, который не возвратилъ населенію сѣмянъ, и что остальная часть площади, за ничтожными исключеніями, была съ урожаемъ ниже средняго, т. е. опять-таки не дала сбора, достаточнаго для обезпеченія существованія населенія безъ посторонней помощи.

«Въ результатѣ, цифра нуждающагося населенія, за исключеніемъ изъ его состава работниковъ въ возрастѣ отъ 18 до 55 лѣтъ, опредѣлилась цифрою 1.260 тыс. человѣкъ, но такъ какъ два уѣзда, Николаевскій и Новоузенскій, въ лицѣ своихъ уѣздныхъ земскихъ собраній нашли возможнымъ удовлетворить нужду населенія одними лишь мѣстными общественными запасами, а въ Бузулукскомъ уѣздѣ урожай ярового хлѣба получился нѣсколько выше, чѣмъ въ другихъ частяхъ губерніи, то лишь по четыремъ уѣздамъ, Ставропольскому, Самарскому, Бугульминскому и Бугурусланскому, цифра лицъ, имѣющихъ право на пособіе, была опредѣлена губернскимъ земскимъ собраніемъ въ 508 тыс. человѣкъ. При этомъ за размѣръ пособія была принята рекомендованная высшею администраціею норма—35 фунт. хлѣба въ мѣсяцъ на человѣка въ возрастѣ отъ одного года до 18 лѣтъ и свыше 55 лѣтъ. Кромѣ исключенія работниковъ изъ числа лицъ, получающихъ пособіе, значительное сокращеніе числа послѣднихъ было еще достигнуто зачетомъ такъ-называемаго излишняго домашняго и рабочаго скота. Пріемъ этотъ заключается въ томъ, что въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ признается необходимымъ сохранить по три головы крупнаго скота на работника и по одной головѣ мелкаго скота на каждаго члена семьи; въ случаѣ же наличности большаго количества скота излишекъ таковаго назначается на покрытіе продовольственной нужды населенія, и продовольственная ссуда крестьянамъ, имѣющимъ излишній скотъ, сокращается по расчету шести пуд. хлѣба за каждую голову крупнаго и одного пуда за голову мелкаго скота. Общая цифра испрошенной губернскимъ земскимъ собраніемъ ссуды на продовольствіе выразилась цифрою 2.448.000 руб., потребныхъ на покупку 3.554.000 пудовъ ржи.

«Еще бо́льшія трудности для приктическаго разрѣшенія представилъ вопросъ о сохраненіи крестьянскаго рабочаго скота, такъ какъ недостатокъ корма является повсемѣстнымъ въ губерніи, а пріобрѣтеніе такового за предѣлами губерніи связано съ трудно-преодолимыми затрудненіями по его доставкѣ. Тѣмъ не менѣе и по этому вопросу земское собраніе обратилось къ высшей администраціи съ ходатайствомъ о ссудѣ 847.000 руб. для пріобрѣтенія корма скоту и выдачи такового наиболѣе нуждающейся части населенія, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Однако еще нѣтъ увѣренности, чтобы это послѣднее ходатайство было уважено высшею администраціею, и въ случаѣ, если крестьянству придется справляться исключительно своими собственными средствами съ нуждою по прокорму скота, то не можетъ подлежать сомнѣнію гибель большей его части и какъ необходимое слѣдствіе этой гибели—полное разстройство крестьянскаго хозяйства на продолжительное время.

«Вотъ тѣ общія условія, при которыхъ массѣ крестьянскаго населенія Самарской губерніи предстоитъ пережить наступающую зиму. Отсутствіе какихъ бы то ни было зимнихъ заработковъ въ здѣшней мѣстности дѣлаетъ положеніе этой массы еще болѣе печальнымъ, и уже въ настоящую минуту начинаютъ получаться изъ всѣхъ концовъ губерніи потрясающія вѣсти объ огульной за безцѣнокъ распродажѣ крестьянскаго скота, о примѣсяхъ къ хлѣбу лебеды, желудей и другихъ суррогатовъ, обращающихъ этотъ хлѣбъ въ неудобоваримую массу, о болѣзняхъ, какъ послѣдствіи употребленіи въ пищу такого «голоднаго» хлѣба. Всѣ эти вѣсти приводятъ къ одному и тому же ясному и неизмѣнному выводу, что долгъ интеллигентной и болѣе или менѣе обезпеченной части русскаго общества, какъ и въ 1891 году, придти на помощь страждущей массѣ, независимо отъ правительственной помощи, и дружными усиліями если не устранить, то по крайней мѣрѣ по возможности ослабить острыя проявленія надвинувшейся народной бѣды».

Итакъ, земство исчисляетъ, что для помощи голодающимъ крестьянамъ Самарской губ. нужна ссуда въ 2.448.000 р. Общество Краснаго креста израсходовало на эту губернію, какъ видно изъ опубликованнаго въ газетахъ отчета 135.581 р.

Изъ Чистопольскаго уѣзда Казанской губ. пишутъ въ «Волжскій Вѣстникъ»:

«Нужда въ Чистопольскомъ уѣздѣ Каз. губ. все растетъ и растетъ съ каждымъ днемъ. Ни хлѣба, ни овощей, ни корма для скота... Старики говорятъ, что на ихъ памяти еще не было такого труднаго года. Изгарская волость особенно пострадала отъ неурожая. Въ Изгарѣ открывается попечительство, которому «Красный крестъ» прислалъ 200 рублей. При 4 училищахъ предполагается открыть столовыя, чтобы поддержать хоть дѣтвору, но средствъ для открытія такихъ столовыхъ крайне мало. Неужели народная нужда не встрѣтитъ сочувственнаго отклика въ сердцахъ добрыхъ людей? Неужели оскудѣли руки дающихъ? Безъ общественной помощи ничего не сдѣлаешь. Удѣлите хоть что нибудь деревнѣ! Всякое даяніе будетъ принято съ благодарностью. Пожертвованія можно препроводить въ село Изгаръ, Чистопольскаго уѣзда, Изгарскому попечительству о нуждающихся и въ редак. «Волжскаго Вѣстника».

Изъ Елецкаго уѣзда, Орловской губ. продовольственный попечитель г. Колгянскій пишетъ:

«Состоя продовольственнымъ попечителемъ Стегаловской волости, Елецкаго уѣзда, я могъ увѣриться въ крайне тяжеломъ положеніи здѣшнихъ крестьянъ. На площади въ 16.515 десят. здѣсь имѣются четыре большихъ села и двадцать четыре деревни съ народонаселеніемъ до 15.000 душъ обоего пола. Земли приходится по одной десятинѣ на душу во всѣхъ трехъ клинахъ, а въ одномъ клину—800 кв. саж. При среднемъ урожаѣ на крестьянскихъ поляхъ въ нашей мѣстности одна десятина дастъ 6 четвертей, или 54 пуд. ржи, а 800 кв. саж.

дадутъ двѣ четверти, или 18 пуд. Изъ этого количества отдѣляется 3 пуда для посѣва 800 кв. саж. на урожай будущаго года, такъ что на годовое продовольствіе одного лица остается 15 пудовъ. По опыту, произведенному въ 1890—1891 голодный годъ, оказалось, что для продовольствія одного человѣка необходимо хлѣба 2 пуда въ мѣсяцъ, или 24 пуда въ годъ. Такимъ образомъ, крестьяне нашей мѣстности получаютъ съ своей земли на 9 пудовъ менѣе необходимаго для годового пропитанія. Что касается посѣва въ яровомъ клину, то онъ весь уходитъ,—да его еще недостаетъ,—на уплату податей и на хозяйственныя надобности: соль, деготь, освѣщеніе, сбрую и т. д. При такихъ условіяхъ многіе изъ крестьянъ не могутъ держать и одной нужной для полевыхъ работъ лошади, а также и другого домашняго скота. Вообще деревни нашей мѣстности очень обѣднѣли, особенно послѣ ряда недородовъ, и теперь жизнь поселянъ производитъ удручающее впечатлѣніе. Желая выдти изъ своего тяжелаго положенія, крестьяне ищутъ работъ, но у насъ нѣтъ ни заводовъ, ни фабрикъ, ни большихъ экономій, гдѣ бы можно было имѣть постоянный заработокъ. Прежде они хаживали на Югъ на косовицу, но теперь съ распространеніемъ косилокъ и этотъ заработокъ почти отошелъ отъ нихъ. Если мужчины не обезпечены заработками, то женщины совсѣмъ не имѣютъ ихъ, начиная съ сентября мѣсяца по апрѣль. Такова жизнь крестьянъ нашей мѣстности. Хозяйство ихъ разстроилось; они потеряли головы и пали духомъ, не зная, что дѣлать».

Народные учителя Нижегородской губ. Нижегородское общество «взаимопомощи учителей и учительницъ» произвело интересное изслѣдованіе положенія народныхъ учителей посредствомъ разсылки имъ опросныхъ бланковъ. Съ результатами этого изслѣдованія, выдержки изъ котораго печатались въ «Нижегор. Листкѣ», мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей. Ростъ школъ за послѣдніе годы вызвалъ и увеличеніе учительскаго персонала. Въ Нижегородской губ. съ 1896 по 1898 г. число учащихъ въ народныхъ школахъ увеличилось на 96 человѣкъ, при чемъ учительницъ прибыло вчетверо больше, чѣмъ учителей. Ближайшей причиной такого характернаго факта вытѣсненія учителей учительницами должна служить малая обезпеченность учащихъ, вслѣдствіе чего семейный учитель старается уйти изъ школы, какъ только представляется случай получить болѣе обезпеченное мѣсто. Изъ учительскихъ отвѣтовъ, собранныхъ Обществомъ взаимопомощи въ 1896 г., легко усмотрѣть эту причину, такъ какъ многіе говорятъ, что крайне ограниченное содержаніе заставляетъ ихъ переходить на другую службу съ лучшимъ обезпеченіемъ. Учительница легче примиряется съ неудобствомъ положенія и довольствуется меньшимъ вознагражденіемъ, чѣмъ семейный учитель.

Данныя объ образовательномъ цензѣ учащихъ въ народныхъ школахъ показываютъ, что большинство (63%) ихъ получило среднее образованіе—въ епархіальныхъ училищахъ, учительскихъ и духовныхъ семинаріяхъ. Низшее образованіе въ начальныхъ и духовныхъ училищахъ получило 35% учащихъ. Интересно, что изъ 600 слишкомъ учащихъ въ народныхъ школахъ Нижегородской губ. всего 5 человѣкъ, получившихъ высшее образованіе: двое, окончившихъ университетъ, и трое, окончившихъ высшіе женскіе курсы.

По сословіямъ наибольшій процентъ падаетъ на лицъ духовнаго происхожденія (43%); затѣмъ идутъ крестьяне (23%).

Слѣдовательно, духовный элементъ, какъ по образованію, такъ и по сословности является преобладающимъ въ народной школѣ. Отсюда можно судить, насколько правы тѣ, кто обвиняетъ народную школу въ противодѣйствіи духовенству.

Связь образованія съ получаемымъ вознагражденіемъ лучше всего замѣ-

чается на трехъ уѣздахъ: Лукояновскомъ, Арзамаскомъ и Макарьевскомъ. Въ первыхъ двухъ преобладаютъ учащіе, получившіе образованіе ниже средняго: изъ начальныхъ школъ, уѣздныхъ училищъ и прогимназій. Такъ въ Арзамасскомъ—63,1% всего числа учащихъ въ уѣздѣ было въ 1896 года съ образованіемъ ниже средняго; въ Лукояновскомъ 60,5%, а въ Макарьевскомъ—только 23,6%; въ тоже время среднее содержаніе учащихъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ—221 р,. въ Лукояновскомъ—204 руб., а въ Макарьевскомъ—307 р.

Переходя къ вопросу о вознагражденіи, изслѣдованіе констатируетъ, что средній размѣръ годового содержанія опредѣляется для сельскаго учителя въ 259 р., для учительницы—232 р.; для помощника этотъ средній размѣръ понижается по 143 р. Кажется совершенно непонятнымъ на первый взглядъ, что за одинъ и тотъ-же трудъ въ одномъ и томъ-же уѣздѣ учитель получаетъ жалованья больше учительницы въ общемъ на 10%. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этого явленія, мы увидимъ, что учительницы занимаютъ мѣста съ низшимъ окладомъ, а мѣста съ лучшимъ обезпеченіемъ стараются захватывать семейные учителя. По размѣрамъ вознагражденія лучше всѣхъ представляется дѣло въ Макарьевскомъ уѣздѣ — отъ 240 руб. до 420 руб. и въ среднемъ 307 руб. Здѣсь существуетъ прибавка по 25 руб. черезъ каждые 5 лѣтъ, благодаря чему, многіе учащіе остаются на службѣ по долгу и получаютъ по 3 и даже по 4 прибавки. Средняя продолжительность службы по Макарьевскому уѣзду 10,6, а въ послѣдней школѣ 6.7; пенсію въ 1896 году получили 38% учителей, болѣе 10 лѣтъ служило 21 челов., или 60%. Эти данныя даютъ возможность сказать, что минимумъ оклада для сноснаго существованія учителя, привязывающаго его къ мѣсту службы—повидимому—установился для Макарьевскаго уѣзда; здѣсь школьное дѣло можетъ развиваться болѣе правильно, не испытывая колебаній отъ перехода учителей и поисковъ за заработками.

Въ отвѣтахъ учащихъ раздаются единодушныя заявленія объ увеличеніи вознагражденія. Напр., одинъ учитель изъ Лукояновскаго уѣзда пишетъ: «Положеніе учителя буквально бѣдственно; его крайне ограниченное жалованье какъ будто расчитано только на то, чтобы ему не умереть съ голоду, имѣть хотябы чѣмъ-нибудь прикрыть свое тѣло; вслѣдствіе чего учитель буквально влачитъ существованіе. Но вѣдь учитель культурный человѣкъ; у него есть запросы ума, требованія сердца, все это требуетъ удовлетворенія. Итакъ, первая и необходимая мѣра, могущая улучшить положеніе учителя, это—увеличить годовое жалованье, а во-вторыхъ увеличить размѣръ пенсіи съ 120 до 180 р. въ годъ, улучшить квартирныя помѣщенія учителей, поставить ихъ въ независимое положеніе отъ сельскаго общества и т. п.».

Самые способы вознагражденія оставляютъ желать очень многаго. Наиболѣе распространенный способъ получки содержанія — это ежемѣсячныя поѣздки за нимъ въ городъ, въ земскую управу. Такъ изъ 435 отвѣтовъ учащихъ по этому вопросу, видимъ, что 202 человѣка, считая Нижній-Новгородъ, получаютъ жалованье на мѣстѣ, а 233—на сторонѣ; при этомъ 173 лица указали на платныя подводы для поѣздокъ за жалованьемъ, и только 12 человѣкъ на безплатныя. Значитъ 53% учащихъ должны ѣздить за жалованьемъ и 93% изъ нихъ, т. е. почти всѣ, платятъ за подводы, что, конечно, уменьшаетъ вознагражденіе на 2—3 р. и болѣе при существующихъ разстояніяхъ, когда 29% школъ находится въ разстояніяхъ отъ 30 до 50 вер. отъ мѣста полученія жалованья—уѣзднаго города, 23% школъ удалены свыше 50 вер., а среднее разстояніе школъ отъ уѣздныхъ городовъ для всей губерніи — 35,6 верстъ. Даже на базары изъ многихъ школъ приходится ѣздить далеко: 57% школъ отстоятъ отъ базарныхъ мѣстъ въ разстояніи отъ 5 до 20 верстъ. Иногда, вмѣсто поѣздки, учитель поручаетъ полученіе жалованья старшинѣ,

старостѣ, писарю, уряднику или крестьянину, ѣдущему въ городъ. Конечно, за это приходится «угостить». А сколько неудобствъ сопряжено съ полученіемъ какихъ-нибудь 15—20 рублей—въ земской управѣ. Случается, что учитель прождетъ часа 3—4 выдачи своего заработка, а ему вдругъ отказъ: «денегъ въ кассѣ нѣтъ» и поѣзжай домой съ пустымъ карманомъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, наприм., въ Лукояновскомъ и Арзамасскомъ, кстати сказать, меньше всего платящихъ учащимъ, весьма нерѣдко наблюдается такое явленіе, что жалованье задерживается до 6 мѣсяцевъ. Въ какое же отчаянное положеніе долженъ впасть учитель, обремененный семьей? Вполнѣ понятно, что приходится въ этихъ случаяхъ закабалять себя мѣстному ростовщику, кредитоваться въ мѣстныхъ лавочкахъ и получать вмѣсто хорошаго—гнилой товаръ и много дороже. Это, въ свою очередь, понижаетъ еще болѣе нищенское содержаніе учителя. Въ связи съ недостаточностью вознагражденія стоитъ вопросъ о посторонныхъ заработкахъ. Многіе учителя весьма настойчиво просятъ указать имъ способъ добыть работу на лѣто. Нѣкоторые уже имѣютъ подобныя работы въ конторахъ пароходныхъ обществъ, на ярмаркѣ у торговцевъ, въ трактирахъ, даже въ полиціи, служа ярморочными околоточными надзирателями. Особенно семейные учителя вынуждены искать посторонняго заработка, чтобы дать воспитаніе дѣтямъ. Многіе учителя, въ надеждѣ получить какое-либо приращеніе къ средствамъ, высказываютъ желаніе заводить сады, огороды и полевое хозяйство, лишь-бы отвели для этого земли. Нѣкоторые уже занимаются хозяйствомъ и желали-бы получить ссуду на дальнѣйшее устройство. Словомъ, изъ всѣхъ отвѣтовъ о матеріальномъ положеніи учителей получается картина повсемѣстнаго недостатка вознагражденія, желаніе побочныхъ занятій и болѣе правильной выдачи жалованья безъ задержекъ и проволочекъ. Получая такое ничтожное жалованье, учителя несутъ поистинѣ каторжный, непосильный для одного человѣка трудъ. Земскія школы переполнены учениками. На одного учителя въ среднемъ приходится 48 человѣкъ учениковъ, и бываютъ школы, гдѣ число учениковъ доходитъ до 90. Къ этому нужно прибавить, что большинство школъ лишены даже элементарной вентиляціи, вродѣ форточекъ и отдушинъ.

По отзывамъ учителей, многія школы Лукояновскаго уѣзда настолько ветхи, что осенью вода течетъ въ комнаты и, кромѣ того, холодны. Вотъ что пишетъ одинъ учитель изъ Лукояновскаго уѣзда. «Школьное помѣщеніе неудобно: тѣсно, холодно и темно, такъ что зимой ученики въ классѣ сидятъ въ шубахъ, а въ пасмурные дни ученики, сидящіе за передними столами, не могутъ во время письма достаточно пользоваться свѣтомъ. При школѣ есть квартира для учителя: одна маленькая комната (4 × 4 арш.), въ которой учителю семейному жить нельзя, какъ по тѣснотѣ, такъ и по тому убійственному холоду, какой бываетъ въ ней зимой». А вотъ отзывъ учительницы изъ Сергачскаго уѣзда: «Школу нужно-бы построить новую. Она всегда переполнена, приходится принимать по жребію. Школа низка, тѣсна, сыра, съ потолка и стѣнъ бываетъ течь; въ холодное время въ одежѣ руки коченѣютъ, а въ теплое — страшная духота». Въ Нижегородскомъ уѣздѣ болѣе половины школьныхъ помѣщеній въ 1896 году считались неудобными. Изъ многочисленныхъ отзывовъ учителей, видно, что неудобства состояли въ излишней тѣснотѣ помѣщенія, темнотѣ, ветхости, въ отсутствіи тепла и хозяйственныхъ приспособленій. Напримѣръ, въ одной школѣ не производился ремонтъ съ 1863 г. и морозъ доходилъ до 5 градусовъ. А одна школа, по словамъ учителя, поставлена на такомъ низкомъ мѣстѣ, что весною вода стекаетъ со всѣхъ сторонъ и заливаетъ школу, такъ что долго держится сырость. Арзамасскій и Сергачскій уѣзды тоже имѣли до половины своихъ школъ съ неудобными помѣщеніями. Словомъ—всего по губерніи въ 1896 г. было 175 неудобныхъ помѣщеній подъ школами на 278

удобныхъ. Объ остальныхъ 47 школахъ свѣдѣній не доставлено, такъ что неудобныхъ зданій получается до 40 процент. Нельзя пройти молчаніемъ одинъ отвѣтъ учителя изъ Арзамасскаго уѣзда: «Классное помѣщеніе тѣсно, такъ что приходится заниматься 2 раза въ день: съ II и III отд. съ 8 час. утра до 2 часовъ, а потомъ съ младшимъ отдѣленіемъ до 6 час. вечера. 10 часовъ непрерывнаго и напряженнаго умственнаго труда въ душной обстановкѣ!» Не надолго хватитъ учителя при подобныхъ условіяхъ.

Учительскія квартиры соотвѣтствуютъ по своимъ удобствамъ класснымъ помѣщеніямъ: изъ 354 отвѣтовъ о квартирахъ—141 отвѣтъ содержитъ указанія на разнаго рода неудобства; это составляетъ 40% всѣхъ квартиръ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ одна учительница изъ Ардатовскаго уѣзда: «Квартира при училищѣ—одна комната отгорожена отъ прихожей при другомъ училищѣ—20 кв. арш.; тепло идетъ изъ отворенныхъ дверей училища послѣ отпуска учащихся». Въ другомъ отвѣтѣ изъ Сергачскаго уѣзда читаемъ: «Помѣщеніе состоитъ изъ одной комнаты арш. 5; низко; окна вросли въ землю, холодно, темно, никакихъ хозяйственныхъ приспособленій и сторожа нѣтъ». Въ одномъ мѣстѣ, въ томъ же уѣздѣ, учитель съ семьей помѣщается при школѣ. Помѣщеніе отдѣлено досчатой перегородкой; нѣтъ русской печи и никакихъ хозяйственныхъ приспособленій. Въ одной школѣ квартирой служитъ чуланъ при училищѣ, въ другой отдѣльная комната въ 36 кв. арш., сложенная изъ половинчатыхъ бревенъ и раздѣленная перегородкой, гдѣ живетъ сторожъ. И все въ этомъ же родѣ.—Всѣхъ квартиръ при школахъ имѣлось въ 1896—439; слѣдовательно, 175 учащихъ должны были устроиться внѣ школы на наемныхъ квартирахъ; при чемъ, 10% всего числа учащихъ платитъ изъ своего жалованья за квартиру, а 9% за отопленіе.

Одинъ учитель Горбатовскаго уѣзда говоритъ: «Учитель нанимаетъ квартиру за свой счетъ—36 руб. въ годъ. Квартира весьма неудобная—сыра, холодна, тѣсна. За вычетомъ 36 руб. на нее и 14 р. 40 коп. въ пенсіонный капиталъ, остается жалованья 129 руб. 60 коп.». Къ этому во многихъ школахъ прибавляется еще важное неудобство—неимѣніе училищнаго сторожа. Одинъ учитель изъ Лукояновскаго уѣзда пишетъ: «Квартира наемная, въ 5 арш., тѣсна, обветшала, съ развалившимися печами; сторожа нѣтъ, такъ что учителю приходится послѣ учебныхъ занятій самому носить воду и колоть дрова». Во многихъ школахъ сторожъ приходитъ только одинъ разъ въ школу и живетъ не при училищѣ. Это тоже составляетъ большое неудобство. Квартиры для сторожа имѣются только при 13 школахъ, что составляетъ 26%.

Интересно сопоставить размѣры содержанія съ числомъ членовъ семьи, т.-е. сколько приходится въ годъ на каждаго члена семьи изъ учительскаго жалованья. Сдѣлавъ также сопоставленіе, находимъ, что, во-первыхъ, учителя имѣютъ очень большія семьи, доходящіе до 8, 9 человѣкъ и даже больше, а во-вторыхъ, что средній бюджетъ на 1 человѣка постепенно падаетъ съ увеличеніемъ семьи и доходитъ до минимума въ 30 руб. при 10 челов.—30 руб. въ годъ на человѣка на всѣ потребности или 8 коп. въ день! Вѣдь эта медленная смерть отъ голода!

Особенно безпокоитъ учителей судьба ихъ дѣтей. Одинъ учитель изъ Горбатовскаго уѣзда говоритъ: «За послѣднее время заботы о матеріальномъ положеніи семьи страшатъ меня, убиваютъ и не даютъ ни на минуту покоя. Кровь въ жилахъ холодѣетъ, при мысли, что жена больна и немощна, 3 дочери уже невѣсты и всѣ не одѣты и не сряжены для выдачи въ замужество и, кромѣ того, двое малолѣтнихъ на моей заботѣ лежатъ, но что придумать къ улучшенію положенія—не знаю». Другой изъ Балахнинскаго уѣзда пишетъ: «Будущее учителя, обремененнаго семьей, совсѣмъ безотрадно, такъ какъ видѣть своихъ дѣтишекъ плохо одѣтыми, въ неудобномъ гигіеническомъ помѣщеніи и

при полной невозможности дать имъ образованіе, крайне больно родительскому сердцу. Да и вообще, что ждетъ учителя съ годами? Общая надорванность организма и мизерный пенсіонъ и то, если прослужишь 20 лѣтъ; на это не у каждаго, пожалуй, хватитъ силъ, особенно, при тѣхъ помѣщеніяхъ, въ которыя, какъ сельдей въ бочку, помѣстишь почти двойное противъ нормы количество учениковъ».

Интересныя свѣдѣнія сообщаются также о перемѣщеніяхъ учителей изъ одной школы въ другую. Общее число переходовъ учащихъ за 2 года равняется 237, т.-е. 34% всего состава учащихъ. Такое явленіе ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать нормальнымъ, такъ какъ каждый переводъ учителя на другое мѣсто иногда весьма далеко, отражается весьма невыгодно на его бюджетѣ съ одной стороны, а съ другой—вліяетъ дурно на постановку школьнаго дѣла. Причины переводовъ, собственно говоря, двѣ: желаніе учащаго перемѣнить школу по какимъ-либо соображеніямъ и воля начальства. Послѣдняя причина является обыкновенно какъ мѣра наказанія за малоуспѣшность, несогласіе съ мѣстнымъ духовенствомъ или начальствомъ и т. п. Которая изъ этихъ причинъ имѣетъ преобладающее значеніе, судить трудно по недостатку данныхъ для этого, но вотъ что говоритъ одинъ учитель: «Положеніе учителя зависитъ отъ многихъ условій. Кочеваніе съ мѣста на мѣсто для него не новость. Учителю необходимо имѣть болѣе твердую почву и болѣе крѣпкую точку опоры—права, ограждающія его личность». Другой учитель пишетъ: «Желательно, чтобы *по одному слову* какого-нибудь лица, безъ провѣрки, учителей не переводили бы съ мѣста на мѣсто; за клевету возбуждали бы преслѣдованіе въ судѣ». Одинъ учитель разсказываетъ, что его «по какому-то странному недоразумѣнію послѣ 9 лѣтъ службы перевели за 160 верстъ. И вотъ, чтобы не умереть съ голода съ семьей, пришлось бросать все хозяйство: пчельникъ, садъ, постройки и ѣхать служить на новое мѣсто. Все это страшно напугало меня, принесло много хлопотъ и огорченій, не говоря уже о денежныхъ расходахъ». Изъ этихъ и многихъ другихъ сообщеній видно, что сортировка учителей практикуется педагогическимъ начальствомъ довольно нерѣдко. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ одна отдаленная школа въ инородческой мѣстности служитъ мѣстомъ «ссылки» учащихъ за проступки. Тамъ каждый годъ мѣняются учителя.

Ртутное дѣло въ Бахмутѣ. Предсѣдатель Бахмутской уѣздной земской управы г-нъ Карповъ помѣстилъ въ «Новомъ Времени» интересное письмо о положеніи рабочихъ на ртутныхъ промыслахъ «Ауэрбаха и К°» въ Бахмутѣ. Письмо это является офиціальнымъ подтвержденіемъ статьи г-на Крамарева въ томъ же «Новомъ Времени», которая вызвала опроверженіе со стороны правленія «Ртутнаго дѣла Ауэрбаха и К°». Г-нъ Карповъ пишетъ по этому поводу отъ имени Бахмутской земской управы: «Руководясь чувствами безпристрастнаго отношенія къ поднятому вопросу, земская управа можетъ смѣло сказать, что правленіе ртутнаго дѣла А. Ауэрбаха и Комп. глубоко заблуждается, если находитъ, что на ртутномъ рудникѣ и заводѣ обстоитъ все благополучно. Приведенныя ниже данныя свидѣтельствуютъ совершенно противное».

Рабочихъ, заболѣвшихъ отъ вдыханія ядовитыхъ паровъ ртути, администрація завода разсчитываетъ, слагая съ себя всякія дальнѣйшія заботы о больныхъ рабочихъ. По словамъ г-на Карпова, это доказывается протоколомъ земской коммиссіи, въ составъ которой входили: предводитель дворянства, земскій начальникъ и трое земскихъ врачей,—осматривавшей заводъ. Изъ протокола явствуетъ, что «изъ 32 человѣкъ—4 работаютъ на заводѣ и въ настоящее время, а 28 работали раньше, изъ нихъ оказалось 24—съ разными болѣзненными формами: болѣзни полости рта оказались у 13 человѣкъ, съ дрожаніемъ рукъ и подергиваніемъ мускуловъ 5. Пораженіе десенъ имѣло видъ

хроническаго страданія: десны разрыхлены и темно-красны, при давленіи изъ подъ нихъ выдѣляется кровь и гной, у иныхъ десны нѣсколько отстали отъ зубовъ, у другихъ болѣзнь закончилась рубцовымъ стягиваніемъ десенъ и нѣкоторымъ обнаженіемъ зубовъ. Двое испытываютъ зудъ въ зубахъ, у одного зубы черны; болѣзнь особенно выражена въ нижней деснѣ. Итакъ коммиссія имѣетъ здѣсь дѣло съ хроническими гингивитомъ меркуріальнаго происхожденія» (дословная выписка изъ протокола коммиссіи). Несмотря на это, администрація завода никакого пособія этимъ инвалидамъ не оказывала и не оказываетъ и даже нѣкоторые въ такомъ болѣзненномъ состояніи продолжаютъ и теперь работать на заводѣ. Почти всѣ они работали съ перерывами. (Актъ № 1). «Коммиссія признаетъ, что болѣзнь ихъ приняла хроническое теченіе».

Вотъ къ какимъ общимъ выводамъ пришла земская коммиссія на основаніи осмотра рабочихъ на рудникахъ «Ауэрбаха и К°»:

«Рабочихъ осмотрѣно 403 человѣка, изъ нихъ безусловно здоровыхъ оказалось 219; подвергшихся болѣе или менѣе сильному вліянію ртути 184 человѣка, т. е. нѣсколько менѣе половины. Въ частности: изъ 160 заводскихъ рабочихъ — 88 больныхъ (болѣе половины), изъ 14 слесарей — 8 больныхъ (болѣе половины) и изъ 107 работающихъ въ рудоразборной 45 больныхъ (нѣсколько менѣе половины)». «Разсматривая заболѣваніе при осмотрѣ рабочихъ коммиссія усмотрѣла, что главную массу ихъ составляютъ воспалительныя состоянія десенъ и дрожь рукъ. На 403 человѣка, воспаленіе десенъ зарегистровано при осмотрѣ 86, дрожь рукъ 25, сочетаніе этихъ общихъ болѣзней — 33, сильныхъ воспаленій десенъ съ осадкою послѣднихъ — 16, подергиваніе лицевыхъ мускуловъ — 4, общей нервности пугливости — 2, исхуданія — 3, ссадинъ на деснахъ — 1, каріозный зубъ — 1. Изъ всѣхъ 86 случаевъ такого состоянія 16 представляли довольно сильную красноту и разрыхленность съ отставаніемъ десенъ отъ зубовъ и нѣкоторой осадкой десенъ; въ одномъ случаѣ киммиссія нашла на деснѣ мелкія ссадины и въ одномъ случаѣ гнойное воспаленіе десенъ. Послѣднее обстоятельство является рѣзкимъ контрастомъ съ тѣмъ, что коммиссія нашла въ Никитовкѣ, гдѣ изъ 22—у 10 было гнойное воспаленіе десенъ».

Насколько администрація завода озабочена здоровьемъ рабочихъ, видно изъ того, что «въ рудоразборной» во всѣхъ этажахъ вентиляцій нѣтъ, если не считать дверей и оконъ, которыя зимой бываютъ закрыты; освѣщеніе въ сортировочной слабо; работающіе одѣты въ свои, покрытыя пылью, одежды, въ которыхъ уходятъ и домой, вся работа производится руками, умывальниковъ нѣтъ; полосканіе рта не дѣлается. Рабочіе «рудоразборной» состоятъ изъ мальчиковъ и дѣвочекъ 14 — 15 лѣтняго возраста и изъ забракованныхъ на заводѣ рабочихъ, отстраненныхъ отъ болѣе вредныхъ работъ и отправленныхъ сюда на поправку. Здѣсь были осмотрѣны поголовно всѣ рабочіе, въ количествѣ 107 человѣкъ и между ними оказалось значительно больше лицъ, подвергнувшихся вредному вліянію ртути (86 чел.), чѣмъ между шахтерами. Нижнее помѣщеніе, гдѣ рабочіе (шлаковозы) въ вагонеткахъ увозятъ шлакъ на отвалъ, не освѣщено, не вентилируется. Сюда при высыпаніи шлака вмѣстѣ съ нимъ увлекается газъ и при этомъ поднимается пыль. Полъ, отдѣляющій этажъ, въ которомъ находятся печи, отъ подвальнаго, гдѣ работаютъ шлаковозы, неплотный, съ большими промежутками между досками, вслѣдствіе чего газы и пыль изъ нижняго помѣщенія проходятъ въ верхній этажъ, гдѣ находятся плавильщики. Работу съ сажей коммиссія признаетъ очень опасной въ смыслѣ возможности отравленія ртутью: сырой сажей рабочіе пачкаютъ платье, руки, тѣло; сухую сажу вдыхаютъ вмѣстѣ съ ртутью; здѣсь рабочіе наиболѣе подвергаются вредному вліянію ртути. Какія же мѣры предосторожности принимаетъ рудничная администрація? А вотъ какія, говоритъ коммиссія: «всѣ работающіе съ сажей получаютъ отъ завода рабочій костюмъ, респираторы съ губкой и полосканьемъ

для рта. Полосканіе стоитъ въ боченкѣ, въ конторѣ; всѣ заводскіе рабочіе снабжаются отъ завода бутылками и могутъ брать полосканіе для рта въ неограниченномъ количествѣ. Респираторы съ губками висятъ на стѣнахъ заводскихъ помѣщеній, ихъ беретъ всякій желающій, но рабочіе вообще неохотно носятъ эти респираторы и предпочитаютъ часто завязывать ротъ платкомъ. Кромѣ работающихъ на сажѣ, снабженныхъ рабочимъ костюмомъ отъ завода, остальные рабочіе носятъ свое платье довольно грязное. По окончаніи работы рабочіе уносятъ домой свой рабочій костюмъ. Путемъ переноса загрязненной одежды въ жилыя помѣщенія происходили отравленія женщинъ и дѣтей ртутью».

Приведенныя выписки, замѣчаетъ г-нъ Карповъ, сами за себя говорятъ и показываютъ, въ какихъ ужасныхъ санитарныхъ условіяхъ производится работа на данномъ ртутномъ заводѣ.

Духоборы въ Сибири. «С.-Петербургскія Вѣдомости» сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о жизни сосланныхъ духоборовъ въ Сибири. Редакція, по ея собственному заявленію, получила эти свѣдѣнія «изъ первыхъ рукъ». Въ августѣ прошлаго года духоборы прибыли въ Якутскъ, гдѣ и узнали, что для жительства имъ назначена мѣстность по рѣчкѣ Нотору, въ тайгѣ, ниже Усть-Мая на рѣкѣ Алданѣ. Такъ какъ тамъ не было никакого жилья, то имъ предписано было вырыть себѣ для зимовки землянки, а затѣмъ, съ наступленіемъ весны, строить дома. Но эти предписанія не осуществились, потому что съ 14-го сентября начались сильные холода и выпало много снѣга, вслѣдствіе чего производить земляныя работы не было возможности. Сопровождавшіе духоборовъ особый чиновникъ и мѣстный засѣдатель вытребовали отъ туземцевъ-тунгусовъ юрту, въ которой духоборы и зазимовали. За юрту они заплатили тунгусамъ 10 рублей. Жить непривычнымъ людямъ въ юртѣ было трудно: сырость, тьма, тѣснота и страшный холодъ. Спали въ валенкахъ и тулупахъ всю зиму. Духоборы энергично принялись за дѣло; устроили русскую печь для печенія хлѣба, смастерили нары, скамейки, столы, устроили два очага, которые служили освѣщеніемъ. Затѣмъ поставили амбаръ, сдѣлали закромъ для муки и баню. Такимъ образомъ получился поселокъ Ноторскій. Въ первое время поселенцамъ было воспрещено отлучаться изъ Ноторскаго и имѣть какія-либо сношенія съ другими людьми, даже съ тунгусами. Но когда у нихъ стали приходить къ концу пищевые продукты, заготовленные у петропавловскихъ скопцовъ, то они обратились къ якутскому губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи идти на заработки къ скопцамъ.

Разрѣшеніе было получено, и 2-го февраля отправились искать работы 20 человѣкъ. Они проработали у скопцовъ до половины мая за самую ничтожную плату, едва достаточную для того, чтобы прокормиться. Закупивъ у скопцовъ на средства полученныя отъ казны (кормовыя деньги—9 коп. въ день на человѣка), продовольственныхъ продуктовъ, муки, масла и соли, ходившіе на заработки возвратились домой въ Ноторское, торопясь къ лѣтнимъ работамъ. Во время ихъ отсутствія, въ Ноторскомъ оставались 12 человѣкъ, которые также не тратили времени даромъ. Они заготовили матеріалъ для постройки дома, натаскали бревенъ, напилили досокъ и расчистили землю для пашни. Съ наступленіемъ весны, съ 1-го мая, приступили къ работамъ. Три дня пахали двумя сохами; въ одну впряглись 10 человѣкъ, а въ другую впрягли одну лошадь (тогда только и была одна лошадь, которую купили передъ посѣвомъ). Въ видѣ опыта посѣяли 4 пуда ячменя, 1 пудъ ядрицы и 4 пуда картофеля. На землѣ, снятой у скопцовъ, посѣяли еще 20 пудовъ картофеля. Урожай получился довольно удовлетворительный; зерно вышло вполнѣ доброкачественное, только солома плоха. Хлѣба (ячменя и ядрицы) собрали всего 30 пудовъ, а картофеля—около 100 пудовъ. Вскорѣ по возвращеніи 20 человѣкъ, бывшихъ на заработ-

кахъ, прибыла въ Новоторское новая партія ссыльныхъ духоборовъ, въ количествѣ 42 человѣкъ. Такимъ образомъ, число поселенцевъ болѣе чѣмъ удвоилось. Въ виду отсутствія средствъ къ жизни, ноторцы рѣшили снова отправиться на заработки и выдѣлили изъ своей среды снова партію въ 20 человѣкъ на лѣтнія работы къ скопцамъ. Тамъ во время покоса и жатвы имъ платили 23—25 рублей въ мѣсяцъ.

Оставшіеся въ Ноторѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи уже 5 лошадей, приготовили къ будущему посѣву 10 десятинъ пашни—въ томъ числѣ 7 десятинъ цѣлины и 3 десятины тайги, очистить которую подъ пашню представлялось по-истинѣ египетской работой. Минувшей осенью посѣяли 10 пудовъ озимой ржи, а лѣтомъ накосили около десяти тысячъ пудовъ сѣна. Кромѣ того, построили большой домъ въ 36 аршинъ длины, 11 ширины, съ двумя отдѣленіями, 6-ю дверями и 11 окнами. Посрединѣ дома устроена кухня съ двумя русскими печами. Домъ покрытъ тесомъ. Устроили также кузницу. Словомъ, въ пустынной тайгѣ, гдѣ бродилъ только дикій кочевникъ, завели настоящее культурное хозяйство. Все это стоило, конечно, невѣроятнаго труда и энергіи,—въ особенности принимая во вниманіе недостатокъ средствъ, тяжелыя условія суровой тайги и дороговизну всѣхъ предметовъ первой необходимости. Вслѣдствіе крайней нужды, поселенцы рѣшили отправить новую партію на заработки и обратились съ ходатайствомъ о разрѣшеніи работать въ скопческихъ поселеніяхъ близъ г. Якутска. Разрѣшеніе было получено, но, къ сожалѣнію, сильно запоздало, такъ что новая партія въ 15 человѣкъ могла отправиться только 14-го августа, не поспѣла къ лѣтнимъ работамъ и нанялась на зиму за безцѣнокъ. Путешествіе ихъ сопровождалось многочисленными затрудненіями. Они поплыли по Алдану, потомъ по Ленѣ въ двухъ небольшихъ лодкахъ, связанныхъ вмѣстѣ. На лодки сложили провизію, вещи и помѣстились сами. Но лодки были такъ малы, что съ трудомъ могли поднять все это. Нерѣдко захлебывали воды. Вообще эта партія натерпѣлась не мало и холода, и голода... Однимъ словомъ, передъ глазами невольно развертывается страница изъ исторической жизни протопопа Аввакума двѣсти лѣтъ назадъ. Ночевать приходилось подъ открытымъ небомъ въ морозныя ночи въ промокшей одеждѣ. Вслѣдствіе продолжительности пути не хватило хлѣба, а купить было негдѣ. Только уступая настоятельнымъ просьбамъ злополучныхъ путешественниковъ, одинъ поселенецъ продалъ имъ пять пудовъ муки по 2 р. 25 к. за пудъ.

Особенно трудно было двигаться по р. Ленѣ, берега которой покрыты лѣсомъ и густымъ тальникомъ. Во время хода лодокъ, которыя тащили лямкой, берега обваливались вмѣстѣ съ лѣсомъ и лямочники падали въ воду или попадались такія мелкія мѣста, что приходилось брести въ холодной водѣ и тащить лодку руками. Такое путешествіе продолжалось 20 сутокъ: 11 по р. Алдану и 9 по Ленѣ. По прибытіи въ Якутскъ просили разрѣшенія работать въ городѣ. Но этого имъ не разрѣшили и пришлось отправиться въ окрестности и наняться къ скопцамъ на всю текущую зиму до весны.

Редакція прибавляетъ, что духоборы, узнавъ объ отъѣздѣ ихъ кавказскихъ братьевъ за границу, очень интересуются этимъ и, кажется, намѣрены ходатайствовать, чтобы имъ разрѣшили уѣхать изъ Сибири.

Юбилей В. И. Герье. По поводу исполнившагося въ декабрѣ 1898 года сорокалѣтія ученой и общественной дѣятельности профессора Московскаго университета, «Русскія Вѣдомости» помѣщаютъ подробный біографическій очеркъ, изъ котораго мы заимствуемъ характеристику В. И. Герье, какъ общественнаго дѣятеля. Авторъ многихъ спеціальныхъ работъ по исторіи и исторіи философіи, профессоръ Герье былъ нетолько кабинетнымъ ученымъ, но и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ.

Начало профессорской дѣятельности В. И. въ университетѣ почти совпало по времени съ введеніемъ устава 1863 года, и онъ всегда былъ ревностнымъ представителемъ и поборникомъ созданнаго этимъ уставомъ порядка. Въ совѣтѣ университета онъ примкнулъ къ группѣ профессоровъ, во главѣ которой стояли Чичеринъ, Дмитріевъ, Соловьевъ и др. Это меньшинство вело трудную борьбу съ господствовавшей партіей, предводителемъ которой можно считать П. М. Леонтьева; сильный ударъ меньшинству былъ нанесенъ, когда въ 1868 г. нѣкоторые изъ наиболѣе видныхъ его членовъ вышли въ отставку въ результатѣ одного изъ столкновеній въ совѣтѣ. Но принципы группы настолько соотвѣтствовали общимъ началамъ тогдашняго университетскаго порядка, что она не распалась, а, напротивъ окрѣпла и при руководящемъ участіи самаго В. И., покойныхъ Усова и Тихонравова и другихъ, отчасти умершихъ, отчасти еще дѣйствующихъ профессоровъ мало-по-малу получила въ совѣтѣ преобладающее вліяніе. Происшедшая въ 1884 году уставная реформа поставила университетскую жизнь на совершенно иныя основанія. В. И. всѣми зависящими отъ него средствами боролся противъ ослабленія выборнаго и корпоративнаго начала въ университетѣ. Къ этому времени относится рядъ статей по университетскому вопросу въ *Вѣстникѣ Европы*, въ которыхъ опровергаются взводимыя на уставъ 1863 года обвиненія и разсматривается бытъ заграничныхъ университетовъ, поскольку онъ проливаетъ свѣтъ на положеніе дѣлъ въ Россіи.

Одною изъ выдающихся заслугъ проф. Герье является его роль въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія въ Россіи. Проникнутый убѣжденіемъ, что знаніе и умственное развитіе такъ же необходимы и благодѣтельны для женщины, какъ и для мужчины, и что она только выиграетъ въ своей личной, семейной и общественной жизни отъ пріобщенія къ высшимъ интересамъ человѣческой мысли,—онъ открылъ въ 1872 году «Высшіе женскіе курсы», въ которыхъ въ теченіе 16-ти лѣтъ велось профессорами университета преподаваніе гуманитарныхъ наукъ: исторіи, философіи, исторіи литературы и искусства. По закрытіи курсовъ въ 1888 году нѣкоторымъ продолженіемъ ихъ служили возобновлявшіеся въ теченіе трехъ лѣтъ публичные курсы по десяти предметамъ.

Къ вопросу объ уходѣ за душевно-больными въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ.

(Замѣтка).

Пусть никого не смущаетъ нѣсколько необычное для общаго журнала заглавіе настоящей замѣтки, мѣсто которой, по мнѣнію, быть можетъ, многихъ, не здѣсь, а на страницахъ какого-нибудь спеціальнаго психіатрическаго журнала; прошу, однако, читателя вооружиться терпѣніемъ и прочитать до конца то, что предлагаю его вниманію. Я питаю смѣлую надежду, что онъ не раскается въ потраченномъ на прочтеніе времени. Мое глубокое убѣжденіе въ важномъ общественномъ значеніи затронутаго здѣсь вопроса, широкій интересъ, который онъ представляетъ для русскаго общества, и невозможность произвести въ немъ болѣе или менѣе коренныя измѣненія однѣми только спеціально-врачебными силами безъ активнаго и широкаго участія общества, побуждаютъ меня выбрать именно этотъ путь, т. е. общій журналъ, какъ болѣе отвѣчающій цѣлямъ возможно широкаго распространенія свѣдѣній по данному вопросу въ обществѣ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, оспаривать большое общественное значеніе вопроса объ уходѣ за душевно-больными, при той огромной распространенности душевныхъ болѣзней, при томъ прогрессивномъ возрастаніи количества душевно-больныхъ, которое наблюдается, особенно за послѣднее время? Можетъ ли, повторяю, не привлекать вниманія всѣхъ вопросъ, самымъ тѣснымъ образомъ связанный съ угрожающе-усиливающимся общественнымъ бѣдствіемъ?

Вспомнимъ только, что есть страны, въ которыхъ изъ 300 и даже менѣе того жителей 1 уже душевно-больной, какъ это наблюдается напр., въ Швейцаріи, Парижѣ, въ которомъ въ 1881 году, по официіальнымъ свѣдѣніямъ на два милліона жителей приходилось 8.260 душевно-больныхъ, или 1 душевно-больной на 240 человѣкъ населенія *). Хотя эти цифры относятся не къ Россіи и мы еще не имѣемъ такой статистики душевно-больныхъ, какъ на Западѣ, но обыденныя наблюденія всѣхъ, стоящихъ близко къ дѣлу призрѣнія психически-больныхъ, и имѣющіяся нѣкоторыя частичныя данныя, касающіяся отдѣльныхъ губерній и областей (какъ Московская и Петербургская губерніи, Прибалтійскій край) убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ Россіи количество душевно-больныхъ должно быть очень велико и замѣтно растетъ. По даннымъ Петербургской переписи душевно-больныхъ въ 1895 г. оказывается, что въ С.-Петербургской губерніи приходится приблизительно одинъ душевно-больной на 476 человѣкъ населенія **). По Московской губерніи, по переписи 1893 года—1 душевно-больной приблизительно на 500 человѣкъ жителей ***). Въ Лифляндской губерніи въ 1878 году считалось умалишенныхъ, слабоумныхъ отъ рожденія и эпилептиковъ 2,6 человѣкъ на 1.000 человѣкъ населенія, или все равно 1 на 400 человѣкъ населенія ****).

Алкоголь, все больше и больше усложняющіяся соціально-экономическія условія жизни, обостряющія борьбу за существованіе и требующія большого нервно-мозгового напряженія, дѣлая нашъ мозгъ менѣе стойкимъ, создаютъ условія, благопріятныя для развитія душевныхъ болѣзней.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ прогрессомъ цивилизаціи человѣчество пріобрѣтаетъ условія, все больше и больше мѣшающія появленію и распространеній душевныхъ болѣзней. Такими условіями будутъ, напримѣръ, улучшеніе жилищъ, одежды, пищи, болѣе высокая степень народнаго просвѣщенія и пр.; но нельзя въ то же время не согласиться и съ тѣмъ, что та же самая цивилизація въ своихъ уклоненіяхъ отъ правильнаго пути несетъ много вредныхъ условій, благопріятствующихъ появленію душевныхъ болѣзней. Пауперизмъ, сильно развивающаяся фабричная жизнь, со всѣми ея антигигіеничными условіями работы (по крайней мѣрѣ теперь это такъ), непомѣрно развивающаяся наклонность къ роскоши, къ пріобрѣтенію богатствъ и тѣмъ самымъ вызываемое чрезмѣрное напряженіе и истощеніе умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ и пр., все это, конечно, нужно отнести къ неблагопріятнымъ условіямъ, способствующимъ распространенію душевныхъ болѣзней. Результатъ вліянія этихъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій выражается въ появленіи вырождающихся поколѣній, отмѣченныхъ наслѣдственно переданными имъ болѣзненными чертами какъ физической, такъ и психической организаціи. Объ огромной роли наслѣдственности въ дѣлѣ распространенія душевныхъ болѣзней такой авторитетный психіатръ какъ Крафтъ-Эбингъ въ своемъ учебникѣ психіатріи говоритъ такъ: «Исключая бугорчатку, ни въ одной патологической области наслѣдственность не имѣетъ такого выдающагося значенія, какъ въ душевныхъ болѣзняхъ»...

Нельзя допустить, чтобы общество, въ виду очевидной наличности такого бѣдствія, какъ значительное и быстрое распространеніе душевныхъ болѣзней, не интересовали бы самымъ близкимъ образомъ вопросы о призрѣніи душевно-больныхъ, объ уходѣ за ними и ухаживающемъ персоналѣ. Душевно-больной, въ виду продолжительности теченія душевныхъ болѣзней, и въ виду

*) Рѣчь проф. И. П. Мержеевскаго на 1-мъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ Москвѣ въ 1887 г. Труды съѣзда.

**) «Вѣстникъ Клинической и Судебной Психіатріи» за 1897 г., статья д-ра В. М. Бяшкова.

***) «Учебникъ Психіатріи Крафтъ-Эбинга». 3-е изд. 1897 г. стр. 187. примѣчаніе.

****) Рѣчь проф. Мержеевскаго. Труды 1-го съѣзда отечеств. психіатровъ. въ 1887 г.

того, что онѣ даютъ относительно малый процентъ выздоровленій, принужденъ очень долго, иногда и до конца своихъ дней, оставаться въ стѣнахъ психіатрическаго заведенія. Очень понятно поэтому, какую огромную роль играетъ уходъ, призоръ, въ тѣсномъ смыслѣ словѣ за душевно-больными въ психіатрическихъ заведеніямъ. Публика самымъ живѣйшимъ образомъ должна интересоваться вопросомъ, какъ призрѣваются душевно-больные, проникнуть даже во внутренніе распорядки, въ ежедневную будничную жизнь психіатрическихъ больницъ, гдѣ находятся дорогіе ей люди: мать, отецъ, братъ, сестра, сынъ, дочь, мужъ, жена и пр,

Въ засѣданіяхъ Общества психіатровъ въ Петербургѣ 26-го апрѣля и 24-го мая 1897 года было сообщено три доклада по служительскому вопросу въ психіатрическихъ заведеніяхъ докторами: М. М. Нижегородцевымъ *), А. Л. Мендельсономъ **) и М. С. Морозовымъ ***). Уже одно появленіе сразу трехъ докладовъ по одному и тому же предмету указываетъ на то, что затронутый въ нихъ вопросъ достаточно назрѣлъ, стоитъ на очереди, требуетъ нашего внимательнаго изслѣдованія и того или иного рѣшенія. Содержанія самихъ докладовъ еще болѣе убѣждаютъ насъ въ этомъ. Служительскій вопросъ есть въ сущности вопросъ объ уходѣ за душевно-больными и уже по этому самому играетъ очень важную роль въ дѣлѣ организаціи призрѣнія душевно-больныхъ и требуетъ крайняго нашего вниманія. И хотя, конечно, уходъ за душевно-больными не исчерпывается дѣятельностью одного только низшаго персонала (служителей и сидѣлокъ), но значеніе этого послѣдняго въ дѣлѣ ухода за больными настолько велико, въ то же время качество и организація этого низшаго персонала по уходу настолько плохи и самый вопросъ объ упорядоченіи его настолько сложенъ и выше силъ однихъ только врачей психіатровъ, что именно о немъ-то и приходится теперь говорить, апеллировать къ обществу, чтобы онъ пришло на помощь въ этомъ въ высокой степени важномъ и безотлагательномъ дѣлѣ.

Отъ лучшей организаціи служительскаго персонала, несомнѣнно, стоитъ въ прямой зависимости и лучшій уходъ за душевно-больными въ психіатрическихъ заведеніяхъ. Едва ли кто не согласится съ тѣмъ, что какъ бы хорошо ни были устроены психіатрическія заведенія, какіе бы усовершенствованные способы ухода и лѣченія больныхъ не были введены въ больницы, въ концѣ-концовъ самый персоналъ по уходу вообще, а въ частности—низшій персоналъ, черезъ посредство котораго примѣняются къ больнымъ тѣ или другія мѣры ухода и лѣченія, важнѣе всего. Всѣ разнообразныя, болѣе усовершенствованныя системы призрѣнія и лѣченія душевно-больныхъ, какъ, напр., система нестѣсненія больныхъ (no restraint system), система открытыхъ дверей (open door system), система широкаго примѣненія работъ, система постельнаго содержанія больныхъ и пр., всѣ эти системы рискуютъ оказаться мало полезными, мало примѣнимыми къ дѣлу, если нѣтъ на лицо сколько-нибудь достаточно подготовленнаго, умѣлаго, развитаго, толковаго персонала по уходу. Поэтому, намъ кажется, что скорѣе нужно удивляться, что такой важный вопросъ, какъ вопросъ о прислугѣ по уходу за больными въ психіатрическихъ заведеніяхъ, только теперь поднимается у насъ, и уже, во всякомъ случаѣ, не доказывать огромное значеніе его въ дѣлѣ лучшаго призрѣнія душевно-больныхъ.

За границей за послѣднее время по этому вопросу замѣтно особенное ожив-

---

*) М. Н. Нижегородцевъ. «О мѣрахъ къ поднятію уровня и улучшенію положенія служительскаго персонала въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ.»

**) А. Л. Мендельсонъ. «О профессіональномъ обученіи низшаго персонала психіатрическихъ заведеній».

***) М. С. Морозовъ. «Къ вопросу о служителяхъ въ психіатрическихъ больницахъ».

леніе. Напр., въ Германіи за два, три послѣдніе года на собраніяхъ многихъ психіатрическихъ обществъ и союзовъ служительскій вопросъ (Wärterfrage) въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ являлся предметомъ обстоятельныхъ интересныхъ докладовъ и горячо обсуждался. Да и какъ было этому вопросу не вызвать обстоятельныхъ изслѣдованій, горячихъ обсужденій, когда въ дѣлѣ лѣченія и призрѣнія душевно-больныхъ цѣлесообразный, умѣлый, мягкій уходъ занимаетъ едва ли не самое важное мѣсто? Сколько такта, сколько терпѣнія, мягкости, внимательности, какого умственнаго развитія надо ухаживающему, напр., за какимъ-нибудь выздоравливающимъ душевно-больнымъ, у котораго начинаетъ проясняться сознаніе, бредовыя идеи блѣднѣютъ и въ общей психической спутанности появляется нѣкоторый порядокъ. Какое бережное, деликатное обхожденіе, какая внимательность, пониманіе психики нужны въ отношеніи къ такого рода выздоравливающимъ больнымъ. Неосторожное слово, грубый жестъ, безсердечное жесткое отношеніе, излишняя угодливость, назойливость, а еще, больше всего того, какое-нибудь грубое физическое насиліе въ этомъ нѣжномъ неустойчивомъ періодѣ болѣзни могутъ причинить очень тяжкій, трудно поправимый вредъ. Тутъ нужно быть очень чуткимъ къ нѣжнымъ, тонкимъ ньюансамъ психики больного. Во время оказанная ласка, во время удовлетворенное какое-нибудь, хотя бы даже самое ничтожное, желаніе больного, охрана больного отъ грубости и насилія даже со стороны другихъ больныхъ и пр., пр.—все это оказываетъ могущественное дѣйствіе на улучшеніе состоянія больного, способствуетъ установленію большаго равновѣсія въ его неустойчивомъ душевномъ состояніи.

Сознавая огромное значеніе ухода въ дѣлѣ правильнаго лѣченія и призрѣнія душевно-больныхъ, зная всѣ трудности, съ которыми сопряженъ этотъ уходъ, мы, къ сожалѣнію, убѣждаемся, что низшій персоналъ по уходу за больными въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ своего въ высшей степени отвѣтственнаго дѣла. Въ этомъ могъ убѣдиться всякій, кому почему-либо приходилось сколько-нибудь ближе познакомиться съ той или другой изъ нашихъ психіатрическихъ больницъ. Факты, приведенные въ вышеназванныхъ трехъ докладахъ врачей-психіатровъ, лучше всего могутъ убѣдить въ этомъ. Посмотримъ же, что говорятъ эти факты.

Прежде всего въ нихъ бросается въ глаза огромная подвижность служительскаго персонала.

Оказывается, что въ среднемъ въ продолженіе года въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ перемѣняются прислуги—128%—165%; а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ % перемѣнной прислуги поднимается до 304% и даже до 443%. Выходитъ, такимъ образомъ, что въ нѣкоторыхъ психіатрическихъ заведеніяхъ весь составъ низшей прислуги по уходу въ продолженіи года перемѣнится 3—4 раза.

Если для сравненія возьмемъ соотвѣтствующія данныя по нѣмецкимъ больницамъ, то эта неустойчивость, подвижность нашей прислуги выступитъ еще рѣзче. Въ докладѣ д-ра Каггег'а на XXVII съѣздѣ союза юго-западныхъ психіатровъ въ Карлсруэ въ 1896 году приводится богатый статистическій матеріалъ по служительскому вопросу по 70—83 нѣмецкимъ психіатрическимъ больницамъ. По даннымъ этого доклада видно, что % перемѣнной прислуги по 71 больницѣ колеблется за годъ между 10%—148%, причемъ отъ 100% и до 148% увольненій прислуги встрѣчается только 64 изъ 66 заведеній; преобладающій же средній % перемѣны прислуги держится около 50%.

Соотвѣтственно указанной здѣсь частой смѣняемости прислуги въ нашихъ больницахъ, какъ оказывается, огромный недостатокъ въ старой опытной прислугѣ, и если старою считать прислугу, прослужившую болѣе года, то средній % такой прислуги по 19 русскимъ психіатрическимъ больницамъ равенъ 44%.

при чемъ нужно замѣтить, что въ 10 изъ этихъ 19 больницъ % старой низшей прислуги ниже указаннаго средняго %.

Можетъ ли быть рѣчь о правильномъ, систематическомъ примѣненіи къ больнымъ какой нибудь мѣры, когда наблюдается въ нашихъ больницахъ такая частая смѣна низшаго ухаживающаго персонала, такой недостатокъ въ опытной прислугѣ? Часто вѣдь прислуга только что успѣетъ мало-мальски оглядѣться кругомъ, привыкнуть къ мѣсту и больнымъ, только что начинаетъ различать отдѣльныхъ больныхъ, ихъ индивидуализировать немного, а не смотрѣть на всѣхъ, какъ на одну общую безформенную кучу сумасшедшихъ, какъ уже покидаетъ свое мѣсто, которое занимаетъ новое лицо, совершенно незнакомое съ дѣломъ и опять начинающее, въ свою очередь, присматриваться, привыкать, пріучаться и т. д.

До какой степени часты смѣны прислуги и до какой степени въ большинствѣ случаевъ кратковременна продолжительность службы низшаго персонала, можно судить уже по одному тому, что, какъ оказывается, есть больницы, въ которыхъ до 99% изъ числа уволенной прислуги оставалось на службѣ менѣе одного года и годъ.

Чѣмъ же, однако, объясняется такое въ высшей степени неблагопріятное для хорошаго цѣлесообразнаго ухода условіе, какъ частая смѣна прислуги? Объясненіе этому явленію нужно искать, во 1) въ условіяхъ службы служительскаго персонала, 2) въ самомъ качествѣ того элемента, который идетъ въ служителя и, наконецъ, 3) въ одномъ бытовомъ явленіи русской крестьянской жизни, а именно, въ уходѣ изъ города обратно въ деревню весною къ страднымъ лѣтнимъ работамъ рабочаго элемента, пришедшаго изъ деревни осенью въ городъ на заработки.

Посмотримъ теперь вопросъ объ условіяхъ службы.

Жалованье, получаемое служителями за свой тяжелый трудъ, по 39 русскимъ психіатрическимъ заведеніямъ въ среднемъ равняется 6—7 рублямъ въ мѣсяцъ для мужчинъ, для женщинъ же-сидѣлокъ и того менѣе; а въ нѣкоторыхъ больницахъ платятъ даже по 3—4 рубя въ мѣсяцъ мужскому персоналу. Максимальное вознагражденіе, до котораго можетъ дослужиться съ теченіемъ времени черезъ нѣсколько лѣтъ служитель, въ среднемъ не превышаетъ 11 рублей въ мѣсяцъ.

Что сается пенсіонныхъ, эмеритурныхъ, вспомогательныхъ кассъ, богаделенъ, инвалидныхъ и вдовьихъ домовъ и пр., то почти ничего подобнаго у насъ не имѣется для служительскаго персонала, и только въ 4-хъ изъ 40 психіатрическихъ заведеній существуютъ пенсіонныя кассы.

Помѣщенія для служительскаго персонала, въ общемъ, очень плохи, тѣсны, грязны, въ нѣкоторыхъ больницахъ представляютъ нѣчто невозможное по своей антигигіеничности и во всякомъ случаѣ очень мало похожее на человѣческое обиталище.

Сплошь и рядомъ отводятся помѣщенія въ самыхъ отдѣленіяхъ больницы вмѣстѣ съ больными, въ отгороженныхъ отъ ванной комнаты тонкой невысокой досчатой переборкой углахъ, гдѣ на одной кровати по очереди отдыхаетъ и спитъ по нѣсколько часовъ прислуга.

Работать приходится служительскому персоналу въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ по 16 часовъ въ сутки.

Прибавьте, наконецъ, ко всему сказанному объ условіяхъ службы прислуги еще то, что въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ, за очень небольшимъ исключеніемъ, почти ничего не дѣлается для удовлетворенія духовныхъ потребностей какъ самаго служительскаго персонала, такъ и его семьи; я имѣю въ виду школы, библіотеки, читальни, разнообразныя разумныя развлеченія. Школы для служителей и ихъ семей встрѣчаются въ очень рѣдкихъ случаяхъ; библіо-

техъ и читаленъ не имѣется вовсе, а о какихъ-нибудь правильно организованныхъ развлеченіяхъ, чтеніяхъ съ картинами и пр. пр. нигдѣ ничего подобнаго и не слышно.

Врядъ ли нужно добавлять, что условія службы очень плохи; но для большей убѣдительности и рельефности я приведу нѣсколько данныхъ по этому вопросу по заграничнымъ психіатрическимъ заведеніямъ.

Не говоря уже объ англійскихъ, шотландскихъ психіатрическихъ заведеніяхъ, условія службы служительскаго персонала въ которыхъ на долго останутся для насъ недосягаемымъ идеаломъ, но и въ германскихъ больницахъ, въ которыхъ дѣло стоитъ далеко не такъ образцово, все-жъ таки условія службы несравненно лучше нашихъ. Хотя и въ Германіи положеніе служительскаго персонала въ общемъ относительно неудовлетворительно, но это тамъ сознается и за послѣднія нѣсколько лѣтъ вездѣ замѣтны усиленныя и настойчивыя старанія улучшить его. Въ германскихъ психіатрическихъ заведеніяхъ, какъ видно изъ статьи д-ра Каггег'а, болѣе чѣмъ въ 70 изъ приведенныхъ имъ больницъ имѣются вспомогательные кассы, въ большей части этихъ же больницъ—пенсіонныя кассы. Жалованье въ германскихъ больницахъ, въ общемъ невысокое, все-таки выше нашего: въ среднемъ начальное жалованье для мужской прислуги 11—13 руб. въ мѣсяцъ, а для женщинъ 9—10 рублей на всемъ готовомъ. Этотъ начальный окладъ постепенно увеличивается и для мужского персонала доходитъ въ среднемъ до 20—25 рублей въ мѣсяцъ, въ нѣсколькихъ заведеніяхъ до 30 рублей, и даже до 40 и 48 рублей въ мѣсяцъ; для женского въ среднемъ—до 13—17 рублей, а въ нѣсколькихъ больницахъ до 20 и 30 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ.

Что касается англійскихъ и шотландскихъ больницъ, то тамъ, какъ оказывается по статьѣ д-ра Königa *), недавно посѣтившаго англійскія больницы, прислуга въ качественномъ отношеніи сплошь почти хорошая, частью же превосходная; положеніе и условія быта ея очень хороши: вознагражденіе высокое, ежегодныя прибавки, ежегодные довольно продолжительные отпуски (отъ 12—14 дней); пенсіонныя кассы и пр. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ для прислуги имѣются особые дома съ отдѣльными для каждаго служителя комнатами, а вообще для жилья ея отводится обыкновенно третій этажъ зданія больницы. Значительная часть служителей женаты, а въ нѣкоторыхъ больницахъ и всѣ женаты (напр., Roslyncostle asylum въ Шотландіи); семьи служителей живутъ въ 9 котеджахъ; семья получаетъ особый домикъ съ садикомъ и клочкомъ земли. Въ заведеніи Clayburg устраивается 20 домиковъ для женатыхъ служителей. Прислуга имѣетъ свои особыя столовыя, рекреаціонные залы, бильіарды, фортепіано; устраиваются для прислуги балы и пр.

Если условія службы и вообще положеніе служительскаго персонала у насъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ такъ плохи, то въ служителя и сидѣлки идетъ, понятно, плохой, не могущій найти другой болѣе выгодной работы элементъ. Кому не приходилось слышать циркулирующихъ еще и теперь въ обществѣ разсказовъ объ истязаніяхъ, побояхъ душевно больныхъ прислугою психіатрическихъ заведеній? Я погрѣшилъ бы сильно противъ истины, если бы сталъ отрицать возможность того или другого акта насилія, грубости по отношенію къ больнымъ со стороны прислуги въ современныхъ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ. Правда, всѣ такого рода печальныя явленія въ больничной жизни встрѣчаются все рѣже и рѣже, но все же они существуютъ и далеко не въ видѣ исключенія

Конечно, всѣ упомянутыя нами невыгодныя условія службы играютъ очень

*) Цитировано по докладу д-ра Нижегородцева «О мѣрахъ къ поднятію уровня и улучшенію положенія служительскаго персонала».

важную роль въ вопросѣ о недостаткѣ у насъ хорошей прислуги по уходу за душевно-больными; было бы, однако, значительной натяжкой, если бы мы не отмѣтили одного весьма важнаго фактора, имѣющаго коренное значеніе въ данномъ вопросѣ, — именно—низкій уровень культуры, образованности той части населенія (народа), изъ которой набирается служительскій персоналъ. Поголовная безграмотность въ нѣкоторыхъ больницахъ всей женской прислуги или же грамотность только какой-нибудь $^1/_5$ части мужской прислуги (въ докладѣ Морозова) достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Ко всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ нужно еще прибавить почти полное отсутствіе у насъ профессіональной подготовки служительскаго персонала къ отправляемымъ имъ обязанностямъ. Ухаживаетъ за психически-больными сплошь и рядомъ не только просто неподготовленный, неразвитой, темный народъ, но нерѣдко окончательно развращенный, спившійся, грубый, бродячій, бездомный элементъ Никольскаго и Хитрова рынковъ.

За границей во многихъ государствахъ дѣло профессіональной подготовки служительскаго персонала уже поставлено прочно. Въ *Германіи* уже давно существуютъ спеціальные курсы и правительственныя школы для подготовки служителей и сидѣлокъ и въ настоящее время уже въ половинѣ всѣхъ германскихъ психіатрическихъ зеведеній ведется систематическое обученіе ухода за душевно больными. *Во Франціи* съ 1878 г. по иниціативѣ *Bourneville'я* существуютъ школы при Salpetriere. Bicetre и Pitié въ Парижѣ, въ которыхъ служителя получаютъ сначала начальное общее, а за тѣмъ профессіональное (уходъ за больными) образованіе. Впослѣдствіи такая же школа учреждена при больницѣ St. Anne. Городъ Парижъ на эти школы расходуетъ ежегодно до 15.000 франковъ. На парижскомъ конгрессѣ по общественному призрѣнію въ 1889 г. Bourneville сообщаетъ, что всѣ эти профессіональныя школы способствовали повышенію уровня низшаго персонала. Особенно прочно и хорошо поставлено дѣло профессіональной подготовки служителей въ *Англіи*. Тамъ по постановленію Британскаго медико-психологическаго общества весь низшій персоналъ больницъ въ теченіе двухъ лѣтъ врачами больницъ обучается уходу за душевно-больными по извѣстной, выработанной обществомъ программѣ. Успѣшно окончившіе курсъ и безупречно прослужившіе два года служителя и сидѣлки могутъ подвергнуться въ испытательной коммиссіи общества экзамену и получаютъ дипломъ, дающій имъ право на высшій окладъ жалованья или производство въ надзиратели. Организація подготовки прислуги, выработанная Британскимъ медико-психологическимъ обществомъ, принята большинствомъ англійскихъ психіатрическихъ больницъ и число ежегодно успѣшно выдержавшихъ экзаменъ служителей и сидѣлокъ равняется 300—400 человѣкъ (докладъ д-ра Мендельсона).

Что же сдѣлано и дѣлается въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи? Къ сожалѣнію, почти ничего, если не считать двухъ-трехъ попытокъ отдѣльныхъ лицъ, какъ-то д-ра В. Ольдерогге, который съ 1888 г. занимается обученіемъ низшаго служительскаго персонала психіатрическаго отдѣленія Николаевскаго военнаго госпиталя въ Петербургѣ, д-ровъ А. Мендельсона и автора настоящей статьи, начавшихъ обучать прислугу въ больницѣ Св. Пантелеймона въ Петербургѣ въ 1895 г.; да еще д-ра Данилло, который обучалъ собственно сестеръ милосердія, а не служителей, при Общинѣ Краснаго Креста. Вотъ и все, что у насъ было сдѣлано и дѣлается по вопросу объ обученіи прислуги. Какъ видно, это очень немного, а между тѣмъ необходимость такой спеціальной профессіональной подготовки служительскаго персонала несомнѣнно уже давно сознается и у насъ. Уже на первомъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ Москвѣ въ 1897 году этотъ вопросъ былъ затронутъ въ преніяхъ по докладу проф. А. Кожевникова «Устройство психіатрическихъ клиникъ и пр.» докто-

ромъ Оршанскимъ и др. Проф. И. Мержеевскій въ засѣданіи общества психіатровъ въ Петербургѣ 1-го іюня 1891 г., по поводу доклада д-ра Данилло «Объ обученіи уходу за душевно-больными сестеръ Краснаго креста», высказалъ мысль о необходимости подготовки низшаго персонала больницъ. Д-ръ Теріанъ въ засѣданіи 22 сентября 1896 г. ежемѣсячныхъ конференцій при Московской университетской психіатрической клиникѣ въ сообщеніи своемъ объ организаціи прислуги въ лѣчебницахъ для душевно-больныхъ затрогиваетъ вопросъ о школахъ и обученіи низшаго служительскаго персонала.

Послѣ сдѣланнаго, такимъ образомъ, краткаго обзора дѣйствительнаго положенія вопроса объ уходѣ и ухаживающемъ низшемъ персоналѣ, самъ собою, конечно, возникаетъ вопросъ, какими мѣрами можно улучшить служительскій персоналъ, а значитъ, и самый уходъ за душевно-больными. Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ общихъ чертахъ вытекаетъ изъ сдѣланнаго обзора.

Улучшеніе условій службы служительскаго персонала можетъ быть осуществлено путемъ: 1) увеличенія жалованія, 2) учрежденія пенсіонныхъ, эмеритурныхъ, вспомогательныхъ и др. кассъ, 3) учрежденія разнаго рода инвалидныхъ, вдовьихъ домовъ, 4) страхованія служительскаго персонала, 5) регулированія рабочаго времени, 6) устройства хорошихъ помѣщеній для самаго персонала и его семьи.

Профессіональная подготовка служителей можетъ быть осуществлена въ видѣ спеціальныхъ курсовъ для обученія уходу при каждой больницѣ отдѣльно, по извѣстной программѣ, какъ это существуетъ при многихъ больницахъ Германіи, Англіи и какъ это велось у насъ д-ромъ В. Ольдерогге при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ или д-ромъ А. Мендельсономъ и мною въ больницѣ Св. Пантелеймона на станціи Удѣльной, Финляндской ж. д. Обученіе это можетъ быть, конечно, осуществлено и въ другомъ какомъ-нибудь видѣ; суть дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что нужна непремѣнно спеціальная подготовка служительскаго персонала.

Наконецъ, въ цѣляхъ возможно большаго развитія служительскаго персонала, поднятія умственнаго и нравственнаго его уровня является необходимымъ устройство всевозможныхъ воскресныхъ, вечернихъ и пр. общеобразовательныхъ школъ для самихъ служителей и ихъ семей; устройство служительскихъ библіотекъ, читаленъ, чтеній съ картинами, разумныхъ развлеченій и пр.

Заканчивая свою замѣтку, я не могу еще разъ не высказать искренняго и горячаго пожеланія, чтобы общество, которое самымъ близкимъ образомъ заинтересовано въ затронутомъ мною вопросѣ о низшемъ персоналѣ по уходу за душевно-больными, обратило на него серьезное вниманіе и пришло на помощь въ дѣлѣ широкой и коренной реорганизаціи его въ указанномъ выше въ общихъ чертахъ направленіи. Я хорошо знаю, что общественная инициатива у насъ не всегда имѣетъ достаточно возможности проявить себя, осуществить тѣ или другія свои начинанія, поэтому упрекъ исключительно обществу въ недостаточномъ съ его стороны интересѣ и бездѣятельности по затронутому здѣсь вопросу былъ бы несправедливъ. Но я этого исключительнаго упрека обществу нашему и не хочу дѣлать, а только призываю его къ возможно-широкой для него активной дѣятельности. Русское общество, съумѣвшее такъ плодотворно и блестяще проявить свою инициативу въ различныхъ отросляхъ земской дѣятельности, напр., по организаціи земской медицины, народнаго образованія и пр., найдетъ въ себѣ достаточно силъ и энергіи, чтобы оказать существенную помощь въ разрѣшеніи такой, сравнительно скромной задачи, какую я имѣю въ виду.

Д-ръ Мих. Морозовъ.

За границей.

Современная Испанія. Испанско-Американская комиссія мира, собиравшаяся въ Парижѣ для выработки мирнаго договора, закончила свои труды. Такъ или иначе соглашеніе состоялось и Испанія покорилась необходимости, потому что дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно и одной изъ сторонъ надо было уступить, чтобы не возобновлять войны. Разумѣется уступить должна была Испанія, какъ побѣжденная держава. Выразивъ протестъ противъ насилія, жертвою котораго она становится, и противъ равнодушія Европы, Испанія теперь сошла со сцены какъ колоніальная держава и послѣ заключенія мира должна будетъ заняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ внутреннихъ дѣлъ, сильно разстроенныхъ не только войной, но и цѣлымъ рядомъ кризисовъ, которые приходилось переживать странѣ въ теченіе долгаго періода лѣтъ. Европа дѣйствительно мало интересуется Испаніей и ея внутренними дѣлами, между тѣмъ Испанію, съ такимъ же правомъ какъ и Турцію, можно было бы причислить къ распадающимся государствамъ, о которыхъ было упомянуто въ одной изъ англійскихъ политическихъ рѣчей. Въ данный моментъ Испанія несомнѣнно переживаетъ, кромѣ финансоваго и др. кризисовъ, еще и династическій кризисъ. Конституціонная система въ Испаніи давно уже сдѣлалась лишь орудіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ парламентскихъ дѣятелей, которымъ они пользуются для достиженія своихъ личныхъ цѣлей и выгоды, такой порядокъ вещей не могъ не подѣйствовать деморализующимъ образомъ на націю, заглушивъ въ ней всякое проявленіе энергіи и иниціативы.

Равнодушіе или, вѣрнѣе, инертность испанской націи дѣйствительно поразительны. Протесты раздаются крайне рѣдко и народъ въ большинствѣ случаевъ остается безучастнымъ зрителемъ того, что творится вокругъ него. Благодаря такой инертности народной массы, ни одно движеніе не могло распространиться вглубь и горсть гражданской стражи всегда бывала въ состояніи прекратить всякое волненіе, не давая ему распространяться далѣе. Такъ было напримѣръ, въ 1894 г. когда экономическія реформы вызвали цѣлый рядъ возмущеній, которыя однако были подавлены безъ особаго труда, хотя противники династіи и думали, что время для переворота назрѣло. Кончилось однако тѣмъ, что карлисты и республиканцы получили нѣсколько мѣстъ въ парламентѣ и вполнѣ этимъ удовлетворились, хотя впослѣдствіи они и не играли ровно никакой роли въ парламентской жизни страны. Нѣсколько лѣтъ раньше, въ 1886 году, республиканцы попробовали было устроить настоящее возмущеніе. Одинъ изъ генераловъ-республиканцевъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и вооруженнаго отряда, прошелъ по улицамъ Мадрида и провозгласилъ республику, но тѣмъ дѣло и кончилось; всѣхъ ихъ арестовали, судили и наказали и никто не протестовалъ противъ этого, даже среди тѣхъ, кто открыто раздѣлялъ ихъ республиканскія убѣжденія! Но также равнодушно относятся испанцы и къ вопросамъ другого рода. Когда, въ 1887 году, введенъ былъ гражданскій бракъ, то духовенство страшно вознегодовало и священники стали проповѣдывать крестовый походъ противъ этой мѣры, приглашая своихъ вѣрныхъ прихожанъ изгонять изъ церкви преставителей гражданской власти, которыя должны были присутствовать при бракосочетаніи. Однако, несмотря на сочувствіе многихъ, раздѣлявшихъ взгляды духовенства, ни одинъ голосъ не возвысился противъ мѣропріятій правительства и народъ попрежнему относился къ нимъ совершенно, безучастно, съ какой бы стороны онѣ ни противорѣчили его внутреннимъ убѣжденіямъ.

Духовенство все таки пользуется въ Испаніи большимъ вліяніемъ. Епископы вмѣшиваются въ вопросы преподаванія и хотя это дѣлается вопреки законамъ конституціи, но тѣмъ не менѣе не возбуждаетъ ни малѣйшаго ро-

пота. Религіозныя общины, монастыри выростаютъ точно грибы по сосѣдству большихъ городовъ и владѣнія духовенства пользуются льготами наперекоръ законамъ, но никого это не пугаетъ и никто этимъ не интересуется въ Испаніи. Курьезнѣе всего, что духовенство явно поддерживало франмассона Сагасту, члена массонской ложи въ Мадридѣ, и составляло оппозицію благочестивому католику Кановасу, потому только, что этотъ послѣдній не скрывалъ своего желанія ограничить требованія церкви. Іезуиты, имѣющіе громадное вліяніе на высшіе классы испанскаго общества, вполнѣ овладѣли дворомъ и между династіей и церковью заключенъ былъ союзъ, торжественно запечатлѣнный возстановленіемъ должности и титула придворнаго духовника королевы, которымъ былъ облеченъ іезуитъ Монтана. Испанцы ненавидятъ Монтану и должность, которую онъ получилъ при дворѣ, но ни одинъ голосъ не возвысился противъ него и не раздалось ни одной жалобы, когда 25.000 песетъ, ежегодно раздаваемыхъ королевою бѣднымъ, были отданы цѣликомъ въ распоряженіе религіозныхъ орденовъ.

При такихъ условіяхъ и необыкновенной трудности привести въ движеніе инертныя народныя массы въ Испаніи, казалось бы, династія и существующій порядокъ вещей въ Испаніи могутъ считать себя вполнѣ обезпеченными отъ всякихъ случайностей. Дѣйствительно, политическія партіи въ Испаніи не обладаютъ достаточными силами, чтобы произвести переворотъ. Карлисты нѣкогда были могущественны и располагали громадными средствами, но эти времена прошли. Духовенство, по примѣру папы и іезуитовъ, покинуло ихъ и средства партіи истощились. Республиканцы находятся не въ лучшемъ положеніи, хотя они гораздо многочисленнѣе карлистовъ; но у нихъ нѣтъ ни выдающихся вождей, ни денегъ, ни прочной организаціи. Они не могутъ разсчитывать ни на поддержку духовенства, ни на сочувствіе арміи и еслибъ политическое недовольство было единственнымъ факторомъ, подкапывающимся подъ существующій порядокъ вещей, то королева Христина могла бы считать престолъ своего сына обезпеченнымъ. А между тѣмъ несомнѣнно, что кризисъ существуетъ и угрожаетъ существованію династіи, такъ какъ назрѣваетъ экономическая революція, противъ которой безсильны и армія и всякіе военные законы. Теперь, послѣ окончанія войны, когда Испаніи придется расплачиваться по счету, система злоупотребленій, эксплуатаціи и лжи должна раскрыться во всей своей красѣ. Долгъ Испаніи, увеличенный теперь кубинскимъ и филиппинскимъ долгомъ, достигъ страшной цифры 11 милліардовъ, между тѣмъ какъ даже въ самую блестящую пору промышленнаго и колоніальнаго процвѣтанія Испаніи ея національные доходы не превышали 750 милліоновъ; теперь же одна только сумма ежегодныхъ процентовъ, подлежащихъ уплатѣ, равняется 740 милліонамъ. Національное банкротство почти неизбѣжно, тѣмъ болѣе, что потеря колоній должна повести за собою быстрое изчезновеніе промышленности и торговли, такъ какъ прекратится поддержка, которую вынужденнымъ образомъ колоніи должны были оказывать испанской промышленности и торговлѣ, Испаніи придется закрыть фабрики, конторы, магазины, а 100.000 солдатъ, больныхъ и увѣчныхъ, останутся безъ всякихъ средствъ къ жизни по возвращеніи на родину. Не въ лучшемъ положеніи окажутся и многіе офицеры и тогда Испанія волей-неволей очутится во власти голодныхъ, доведенныхъ до отчаянія людей.

Такова опасность, которая грозитъ въ данный моментъ Испаніи, трудно ожидать перемѣны и возрожденія испанскаго высшаго общества, которое поражаетъ своимъ невѣжествомъ и отсутствіемъ гражданскихъ доблестей. Послѣдняя война лучше всего доказала это. Огромное большинство испанскихъ аристократовъ, обладатели громадныхъ состояній, не пожертвовали ни одного гроша на нужды сражающихся за честь отечества и представители высшихъ классовъ преспокойно продолжали посѣщать различныя увеселенія и бои бы-

*

ковъ, въ то время какъ лилась кровь ихъ соотечественниковъ на Кубѣ и Филипинахъ. Каждый изъ этихъ представителей лучшаго общества готовъ пролить кровь другого и пожертвовать собственной жизнью, защищая достоинства той или другой католической реликвіи или святыни, но ни одинъ изъ нихъ неспособенъ идти на войну, проливать кровь за отечество. Что же касается интелектуальнаго развитія испанскихъ политическихъ дѣятелей, то слѣдующіе два анекдота обрисовываютъ ихъ съ достаточною ясностью. Въ началѣ войны, выдающійся испанскій государственный дѣятель Сагаста получилъ изъ Берлина восторженную телеграмму, наполненную самыми горячими пожеланіями успѣха испанскому оружію. Въ этой телеграммѣ заявлялось между прочимъ, что вся Германія становится на сторону Испаніи въ борьбѣ за правое дѣло, а внизу находилась слѣдующая подпись: «Северинъ Сенаторъ изъ Берлина». Сагаста и его министерскіе коллеги пришли въ восторгъ отъ такихъ выраженій и тотчасъ же увѣдомили представителей мадридской печати, что одинъ изъ наиболѣ вліятельнѣхъ членовъ «*германскаго сената*» прислалъ сочувственную телеграмму испанскому правительству. Печать разумѣется, съ своей стороны, разнесла эту новость по всей странѣ, въ особенности подчеркивая политическое значеніе такихъ выраженій симпатіи; общество также возликовало отъ радости, что Германія сочувствуетъ Испаніи, и никому, рѣшительно никому изъ политическихъ дѣятелей и читающей публики, не пришелъ въ голову весьма простой вопросъ: съ какихъ же это поръ существуетъ въ Германіи сенатъ? Спустя нѣсколько дней въ одной вечерней газетѣ появилось разъясненіе этой тайны. Оказалось, что телеграмма была послана нѣмцемъ, фамилія котораго была *Сенаторъ*. По профессіи этотъ господинъ былъ электротехникомъ и изобрѣтателемъ особеннаго электрическаго рефлектора. Желая обратить вниманіе испанскаго правительства на свое изобрѣтеніе, онъ и послалъ знаменитую телеграмму, и своею подписью ввелъ въ заблужденіе все испанское общество вмѣстѣ съ правительствомъ и политическими дѣятелями во главѣ.

Другой анекдотъ еще характеристичнѣе: немного спустя послѣ полученія знаменитой телеграммы, въ собраніи генераловъ и наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей обсуждался вопросъ о средствахъ борьбы со множествомъ золъ, отъ которыхъ такъ страдаетъ Испанія. Предлагались разныя мѣры, но ни одна изъ нихъ не была признана дѣйствительной. Тогда одинъ изъ генераловъ, внимательно слушавшій пренія, но не принимавшій въ нихъ участія, сказалъ: «Я тщательно изучилъ этотъ вопросъ и пришелъ къ заключенію, что единственное средство бороться со зломъ и спасти нашу несчастную страну, это—учрежденіе *септенната*».—Отвѣтомъ на эти слова было общее молчаніе и лишь спустя нѣсколько минутъ одинъ изъ присутствовавшихъ генераловъ сказалъ многозначительно, что «безъ сомнѣнія въ пользу септенната можно сказать многое», на что другой, болѣе простосердечный замѣтилъ: «Что вы понимаете подъ этимъ словомъ? Сознаюсь, мнѣ это несовсѣмъ ясно.»—«Подъ септеннатомъ,—возразилъ генералъ, первый произнесшій это слово,—Я понимаю: *септеннатъ*, ни больше, ни меньше. Вы вѣдь всѣ знаете, что такое септеннатъ!»—«Ну конечно,—отвѣтилъ одинъ изъ военныхъ членовъ этого собранія;—но скажите мнѣ, генералъ, неужели вы думаете, что въ странѣ, въ которой никогда нельзя было найти даже одного человѣка, который бы находился на высотѣ такой задачи, мы можемъ легко найти *семерыхъ*!»—«Да, да! вы дѣйствительно указали на больное мѣсто»,—сказалъ генералъ, очень довольный, что его мысль такъ хорошо была понята всѣми.

Этихъ двухъ образчиковъ достаточно для доказательства степени интелектуальнаго уровня большинства испанскихъ политиковъ. Но кромѣ этого обстоятельства положеніе правительства и династіи въ Испаніи крайне шатко еще и потому, что королева Христина, обладающая всѣми качествами настоя-

щей нѣмецкой «Hausfrau» и всевозможными семейными добродѣтелями, не позаботилась о пріобрѣтеніи любви и популярности въ народѣ и кромѣ того своимъ, часто неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ государственныя дѣла, возстановила противъ себя огромное большинство даже среди консервативной партіи, являющеюся главною поддержкою трона. Когда Кановасъ былъ во главѣ министерства, то королева ставила его въ неловкое положеніе своимъ вмѣшательствомъ. Она заставила его послать на Филиппины, генерала Палавеха, вмѣсто генерала Бланко, и когда Палавеха, оказавшійся совершенно не на высотѣ своей миссіи, скоро былъ отозванъ Кановасомъ, то королева устроила ему овацію въ Мадридѣ, въ пику Кановасу. Она вышла на балконъ съ сыномъ на рукахъ и, окруженная принцессами, привѣтствовала его. Весь Мадридъ заговорилъ объ этомъ, Сагаста, взбѣшенный, побѣжалъ во дворецъ и сказалъ королевѣ: «Вы разумѣется можете меня уволить отъ должности, какъ вамъ вздумается, но сдѣлать это должны на страницахъ «оффиціальной газеты» а не съ балкона своего дворца!» На другой же день во всѣхъ газетахъ былъ помѣщенъ разсказъ, объясняющій случайностью появленіи королевской семьи на балконѣ какъ разъ въ то время, когда проѣзжалъ Палавеха.

Любимымъ министромъ королевы былъ генералъ Ацкаррага, тотъ самый, который обратился къ своему духовнику съ вопросомъ, можетъ ли онъ поддерживать оффиціальныя сношенія со своимъ коллегой, министромъ финансовъ, отлученнымъ отъ церкви однимъ изъ епископовъ, за защиту правъ государства противъ церкви. Успокоенный на этотъ счетъ генералъ Ацкаррага, тѣмъ не менѣе, послѣ каждаго засѣданія совѣта министровъ, всегда призывалъ въ залу совѣта священника, который долженъ былъ читать заклинанія противъ духовъ зла. Этотъ самый генералъ Ацкаррага, когда ему поручили руководить военными операціями противъ Соединенныхъ Штатовъ, тревожно разспрашивалъ всѣхъ, гдѣ находятся Маріанскіе острова, о которыхъ онъ никогда доселѣ не слыхивалъ! Чтожъ удивительнаго послѣ этого, что Испанія, несмотря на всю инертность своего населенія и общества, все-таки находится въ данную минуту на рубежѣ переворота и никто не въ состояніи предсказать, которая изъ политическихъ партій возьметъ верхъ, когда наступитъ кризисъ.

Пятидесятилѣтіе американскаго общества поощренія наукъ. Въ Бостонѣ происходилъ въ концѣ прошлаго года юбилейный конгрессъ американскаго общества поощренія науки иначе называемаго «американскою ассоціаціей», праздновавшей пятидесятилѣтіе своего основанія. Въ 1838 году одинъ изъ друзей доктора Роджерса впервые высказалъ мысль, что хорошо было бы геологамъ собираться вмѣстѣ для обсужденія различныхъ научныхъ вопросовъ, касающихся ихъ спеціальности. Роджерсъ горячо отнесся къ этой идеѣ и вмѣстѣ со своимъ братомъ дѣятельно принялся ее пропагандировать, такъ что черезъ два года состоялся уже первый митингъ «ассоціаціи геологовъ», на которомъ присутствовало восемьнадцать членовъ.

Начало было положено. Члены ассоціаціи собирались каждый годъ, то въ Бостонѣ, то въ Филадельфіи и мало-по-малу расширяли сферу дѣятельности ассоціаціи, такъ что на конференціяхъ читались и обсуждались доклады, не по одной только геологіи, но и по другимъ наукамъ: астрономіи, антропологіи, зоологіи и т. д. Однимъ, словомъ прежнія рамки ассоціаціи очень скоро оказались тѣсными и спустя восемь лѣтъ послѣ первой конференціи, прежняя ассоціація геологовъ превратилась уже въ американскую ассоціацію ученыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Тогда уже число членовъ ассоціаціи было 461; съ тѣхъ поръ оно значительно возросло и въ 1892 году уже превышало 2000. Конечно, съ теченіемъ времени ассоціаціи пришлось раздѣлиться на нѣсколько секцій по спеціальностямъ, но тѣмъ не менѣе это не на-

рушило единства ассоціаціи, а только облегчило ея дѣятельность. Со времени своего преобразованія въ болѣе обширную корпорацію ученыхъ ассоціація поставила себѣ цѣлью не только содѣйствовать прогрессу науки вообще посредствомъ поощренія научныхъ изслѣдованій, но также помогать распространенію и популяризаціи знаній. Съ этою цѣлью установлена была для всѣхъ желающихъ весьма небольшая плата, внеся которую каждый можетъ сдѣлаться членомъ ассоціаціи и заниматься любою отраслью науки въ музеяхъ и библіотекахъ ассоціаціи и посѣщать ея научныя засѣданія. Во главѣ ассоціаціи стоятъ такъ называемые «fellows»—люди науки, уже составившіе себѣ извѣстную репутацію занимающіеся научными изслѣдованіями.

Такимъ образомъ, первоначальная ассоціація геологовъ еще разъ измѣнила свой видъ, превратившись въ «общество поощренія науки», куда получаютъ доступъ не только профессіональные ученые, но и всѣ желающіе заниматься наукой или вообще расширить сферу своихъ познаній. Въ настоящее время американская ассоціація пользуется огромною популярностью и дѣйствительно содѣйствуетъ распространенію знаній. Что касается публичныхъ лекцій и конференцій, устраиваемыхъ ассоціаціей, то въ этомъ отношеніи ассоціація придерживается правила не низводить науку на болѣе низкій уровень, но всегда держать ее на извѣстной высотѣ и только сдѣлать ее болѣе доступной и популярной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, возбуждая любознательность и интересъ слушателей и побуждая ихъ къ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ и и самостоятельному труду. Въ своей вступительной рѣчи, сказанной при открытіи торжественнаго юбилейнаго собранія, президентъ профессоръ Путнажъ, въ особенности подчеркнулъ воспитательное значеніе ассоціаціи и указалъ на успѣхи достигнутые ею въ этомъ отношеніи.

Собраніе горячо привѣтствовало доктора Мартина Бойе, единственнаго оставшагося въ живыхъ изъ членовъ учредителей ассоціаціи. Маститый старецъ пріѣхалъ изъ Нью-Іорка, чтобъ присутствовать на конгрессѣ, и сказалъ прочувствованную рѣчь, въ которой описалъ первые шаги молодого общества и постепенный его ростъ и развитіе. «Ассоціація,—сказалъ онъ,—съ самаго начала своего существованія стремилась объединить отдѣльныхъ тружениковъ науки и установить между ними постоянныя сношенія. Цѣль эта болѣе или менѣе достигнута въ настоящее время, на это указываетъ юбилейное собраніе ассоціаціи, чествовать которую собрались представители науки изъ разныхъ мѣстъ. Но путемъ постепенной эволюціи рамки ассоціаціи расширились настолько, что теперь она должна стараться выполнить и другое назначеніе, служить воспитательнымъ цѣлямъ и постоянно поддерживать въ обществѣ стремленіе къ свѣту и знанію».

Тайныя общества и положеніе дѣлъ въ Китаѣ. Китайская имперія, которая, повидимому, можетъ служить символомъ неподвижности и застоя, подвержена все-таки внутреннему броженію, которое выражается нерѣдко кровавыми возстаніями въ разныхъ мѣстахъ, временами принимающими довольно широкіе размѣры, опасные для трона Манджурской династіи. Несмотря на кажущуюся инертность и полную политическую индиферентность китайцевъ, тайныя общества въ Китаѣ процвѣтаютъ и многія ихъ насчитываютъ уже нѣсколько вѣковъ своего существованія. Эти общества служатъ единственнымъ признакомъ политическаго сознанія китайцевъ и, дѣйствительно, эти ассоціаціи въ полномъ смыслѣ этого слова могутъ быть названы тайными и непосвященному очень трудно проникнуть въ тайну ихъ организаціи и цѣлей. Китаецъ необычайно рѣдко позволяетъ себѣ говорить о политикѣ или общественныхъ событіяхъ, не только въ публичныхъ мѣстахъ, въ родѣ чайныхъ домовъ, но и у себя дома, среди пріятелей. Эта сдержанность считается обязательной для каждаго китайца

и онъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ нарушаетъ ее. Благодаря такому поведенію китайцевъ, китайскимъ властямъ очень трудно выслѣдить членовъ тайныхъ обществъ, тѣмъ болѣе, что среди этихъ членовъ почти никогда не встрѣчается предателей.

Всѣ тайныя общества въ Китаѣ либо стремятся къ ниспроверженію ненавистной Манджурской династіи и существующей правительственной системы, либо основываются на коммунистическихъ принципахъ. Главнѣйшее и наиболѣе вліятельное общество перваго рода, это «Колауху», что означаетъ, «братскій союзъ», другое же общество, коммунистическаго характера, называется «Тіентиху».

«Братскій союзъ» образовался во время возмущенія тайпинговъ и первоначально состоялъ только изъ солдатъ, но теперь охватываетъ огромную область, весь центральный Китай и нѣтъ ни одной провинціи въ этой части Китая, гдѣ бы не существовало филіальныхъ и вполнѣ организованныхъ отдѣловъ этого союза. Цѣль этого общества—изгнаніе манджуръ изъ Китая и образованіе китайскаго государства на чисто китайскихъ основаніяхъ. Члены «братскаго союза» мечтаютъ о возвращеніи славныхъ дней династіи Тинга, составляющихъ лучшую эпоху китайской исторіи.

Другое тайное общество «Тіентиху», иначе называемое «Санхоху» или «Тройственный союзъ», т. е. союзъ трехъ силъ: неба, земли и человѣка, имѣетъ гораздо болѣе широкое распространеніе нежели «братскій союзъ» и уже насчитываетъ болѣе двухъ вѣковъ своего существованія, такъ какъ возникло въ 1644 году, до воцаренія Манджурской династіи. Въ основу этого союза заложены чисто коммунистическіе принципы. Онъ проповѣдуетъ свободу и равенство, равномѣрное распредѣленіе богатствъ и учрежденіе новаго правительства, которое должно будетъ установить правильныя отношенія между трудомъ и капиталомъ. Общество избрало своимъ девизомъ слова: «Минѣ-Чау», что означаетъ «правительство свѣта», и также стремится къ изгнанію манджуръ и ниспроверженію Манджурской династіи. «Тройственный союзъ» распространенъ не только во всемъ Китаѣ, но насчитываетъ множество членовъ въ китайскихъ колоніяхъ, въ особенности въ Сингапурѣ, Пенангѣ, Голландской Индіи и Калифорніи. Организація этого союза и различныя таинственные обряды, съ которыми оно связано, чрезвычайно напоминаютъ массонскія ложи. Члены этого союза существуютъ во всѣхъ классахъ общества и даже среди очень высокопоставленныхъ и вліятельныхъ лицъ; центральные же комитеты учреждены въ пяти провинціяхъ: Фумкіенѣ, Куоттунгѣ, Юннанѣ, Хуннанѣ и Чекіангѣ.

Нельзя также обойти молчаніемъ и тайный союзъ китайскихъ мусульманъ, имѣющій также значенія въ политической жизни Китая. Но этотъ союзъ еще болѣе замкнутъ, чѣмъ другія китайскія тайныя общества, хотя несомнѣнно, что члены мусульманскаго союза существуютъ въ каждомъ китайскомъ городѣ, гдѣ только есть мусульманская община и мечеть, и что возстаніе мусульманскаго населенія въ сѣверозападномъ Китаѣ обошлось не безъ участія этого союза.

Китайское правительство прекрасно сознаетъ могущество и значеніе этихъ тайныхъ обществъ и еще недавно былъ опубликованъ строгій приказъ, воспрещающій всякія тайныя общества, члены которыхъ связаны между собою клятвою. Согласно китайскимъ законамъ, вожди тайныхъ обществъ подлежатъ смертной казни, а члены—вѣчному изгнанію, и только относительно знаменитаго коммунистическаго «тройственнаго союза», сдѣлано исключеніе, такъ какъ не только вожди, но даже и всѣ члены этого союза, подлежатъ смертной казни.

Чиновники правительства, и вообще то не пользующіеся вліяніемъ въ Китаѣ, притомъ же вовсе не поддерживаемые военною властью, безсильны, конечно, бороться съ такими могущественными организаціями, каковы эти тайные союзы,

и въ большинствѣ случаевъ смотрятъ сквозь пальцы на ихъ дѣятельность, рѣшаясь на вмѣшательство лишь тогда, когда дѣло пріобрѣтаетъ широкую огласку. Небольшія волненія въ народѣ и стычки, вызванныя агентами тайныхъ обществъ, обыкновенно, разрѣшаются путемъ компромиссовъ и центральныя власти вмѣшиваются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Противъ массовыхъ возстаній правительство совершенно безсильно и до сихъ поръ спасалось лишь тѣмъ, что подобныя возстанія охватывали сравнительно ограниченныя области, не распространяясь на всѣ провинціи разомъ. Небольшія возмущенія случаются нерѣдко и къ нимъ уже правительство привыкло. Обыкновенно, если тайное общество недовольно какимъ-нибудь распоряженіямъ правительства или какимъ-нибудь мандариномъ, тотчасъ же организуются волненія и дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что власти уступаютъ и отмѣняются распоряженія, вызвавшія неудовольствія населенія или же увольняютъ провинившагося мандарина. Китайскіе чиновники боятся тайныхъ обществъ, пользующихся за то большимъ престижемъ въ глазахъ народа. На воображеніе суевѣрныхъ; невѣжественныхъ людей очень дѣйствуютъ всѣ эти таинственныя церемоніи, которыми обыкновенно обставляется вступленіе какого-нибудь члена въ общество, и благодаря этому, нѣсколько умныхъ, энергичныхъ людей всегда могутъ руководить невѣжественною массою.

Какія бы событія ни возникали въ Китаѣ, будь то волненія, безпорядки, вызванныя тѣми или другими причинами—всегда и вездѣ можно быть увѣреннымъ, что тутъ дѣйствуетъ которое-нибудь изъ тайныхъ обществъ, побуждающее народъ къ возстанію, большей частью ради собственныхъ цѣлей, возбуждая въ народѣ суевѣрный страхъ, чувство досады или мести и т. п. Толчокъ къ возстанію всегда дается какимъ-набудь тайнымъ обществомъ и весьма часто главными виновниками безпорядковъ бываютъ китайскіе ученые, которые вообще пользуются большимъ почтеніемъ въ китайскомъ народѣ.

Въ настоящее время эти тайныя общества болѣе чѣмъ когда-либо даютъ себя чувствовать въ Китаѣ, и такъ какъ во главѣ многихъ изъ нихъ находятся люди рѣшительные и воодушевленные лучшими намѣреніями, то можно ожидать, что именно они-то и помогутъ возрожденію Китая. Добровольной перемѣны режима ожидать нечего, но несомнѣнно, что зданіе это должно рушиться въ болѣе или менѣе скоромъ времени, благодаря энергичной и дружной дѣятельности всѣхъ китайскихъ тайныхъ обществъ, даже руководящихся совершенно различными принципами.

Проектъ профессіональной школы журналистовъ. На послѣднемъ конгрессѣ журналистовъ, происходившемъ въ Лисабонѣ, огромный интересъ и очень жаркія пренія возбудилъ докладъ французскаго журналиста Батайля о профессіональномъ обученіи журналистовъ. Батайль горячо возстаетъ противъ общераспространеннаго мнѣнія, что журнализму обучиться нельзя и что каждый, обладающій извѣстнымъ темпераментомъ и нѣкоторыми способностями, можетъ сдѣлаться журналистомъ и писать въ газетахъ. Можетъ быть, въ этомъ взглядѣ и была доля правды, говоритъ Батайль, въ тѣ отдаленныя времена, когда газеты были только орудіемъ полемики и служили для политическихъ дѣятелей, но теперь, съ усовершенствованіемъ типографскаго искусства, введеніемъ телефоновъ и телеграфовъ, въ журнализмѣ произошли большія перемѣны, полемика отошла на второй планъ и отъ газетъ стали требовать какъ можно болѣе точныхъ и интересныхъ свѣдѣній со всѣхъ концовъ міра и по всякому поводу. Съ того момента, какъ совершилась эта метаморфоза, журнализмъ сдѣлался карьерой и тысячи честныхъ людей избираютъ теперь эту карьеру и зарабатываютъ свой кусокъ хлѣба честнымъ и подчасъ не легкимъ трудомъ, иногда даже рискуя собственною жизнью, какъ напримѣръ, англійскіе

и американскіе корреспонденты, отправляющіяся на театръ военныхъ дѣйствій или же сопровождающіе какія нибудь отдаленныя экспедиціи. Безъ сомнѣнія среди журналистовъ до сихъ поръ еще не мало встрѣчается людей, избравшихъ эту каррьеру, только потому, что имъ не удалась никакая другая, и даже такихъ, которые, имѣя запятнанную репутацію, не могутъ разсчитывать на полученіе какой-нибудь офиціальной должности, но именно для того, чтобы избавить прессу отъ этой язвы и облегчить молодымъ людямъ, чувствующимъ призваніе къ профессіи журналиста, избраніе этой карьеры, необходимо учредить школу журнализма, гдѣ бы каждый желающій сдѣлаться журналистомъ, могъ бы получить нужную для этого подготовку.

Идея учрежденія такой школы возникла уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Профессоръ Таверье, изъ университета въ Лиллѣ, года три тому назадъ прочелъ рядъ лекцій объ обязанностяхъ и дѣятельности журналистовъ. Таверье изложилъ въ общихъ чертахъ исторіи журнализма, организацію и дѣятельность печати въ разныхъ странахъ и указалъ тѣ принципы, которые должны служить основою нравственнаго воспитанія журналистовъ.

На практикѣ идея профессіональнаго образованія журналистовъ была осуществлена въ Германіи, въ старинномъ университетскомъ городѣ Гейдельбергѣ, гдѣ, лѣтъ пять тому назадъ, профессоръ Адольфъ Кохъ открылъ свободные курсы журнализма и исторіи печати. Его курсы посѣщаются безразлично студентами всѣхъ факультетовъ университета, естественно-историческаго, философскаго, богословскаго и др. и число слушателей лекцій о журнализмѣ достигаетъ въ настоящее время 150. Профессоръ Кохъ раздѣляетъ свои курсы на теоретическій и практическій. Въ программу теоретическаго курса входитъ: общая исторія печати и ея отношеніе къ литературѣ, искусствамъ и политикѣ; основательное изученіе развитіи журнализма въ Германіи, Италіи, Франціи, Голландіи, Англіи и др. странахъ; изслѣдованіе законовъ о печати въ различныхъ странахъ; изученіе организаціи корреспондентскихъ бюро и телеграфныхъ агенствъ; различіе между офиціальною, офиціозною и независимою печатью; анонимныя статьи и т. д. Въ заключеніе своихъ лекцій профессоръ Кохъ вмѣстѣ со своими слушателями переходитъ къ самому подробному анализу статей, входящихъ въ составъ газеты, начиная съ передовой статьи и кончая объявленіями, и разъясняетъ слушателямъ технику газетнаго дѣла.

Практическій курсъ заключается въ томъ, что профессоръ Кохъ, съ группою своихъ учениковъ въ 10—15 человѣкъ, посѣщаетъ редакціи большихъ газетъ Гейдельберга или Франкфурта на Майнѣ, и тамъ его ученики на практикѣ знакомятся съ составленіемъ газетнаго номера, начиная съ прочтенія и распредѣленія рукописей по отдѣламъ и составленія отдѣловъ до окончательнаго выпуска номера. Профессоръ не упускаетъ ни малѣйшей подробности въ газетномъ дѣлѣ, чтобъ не обратить на нее вниманіе своихъ слушателей, такъ что они знакомятся также съ дѣйствіемъ типографскихъ машинъ, съ различными деталями типографскаго дѣла, цѣнами на бумагу, почтовыми тарифами и т. д. Интересъ, который возбуждаютъ курсы Коха въ обществѣ, указываетъ конечно, что они отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ, такъ какъ давно уже раздаются жалобы на неподготовленность журнальныхъ дѣятелей, отсутствіе всякаго ценза, вслѣдствіе чего ряды журнализма пополняются часто подонками общества, людьми, не нашедшими себѣ пристанища въ другой области и обманувшимися въ своихъ честолюбивыхъ мечтаніяхъ. Благодаря такимъ случайнымъ журналистамъ, профессія журналиста падаетъ и въ ней царитъ безпринципность и беззастѣнчивость. Учрежденіе спеціальнаго образовательнаго ценза для журналистовъ безъ сомнѣнія должно будетъ повысить уровень этой профессіи. Въ Англіи уже сознаютъ это и институтъ журналистовъ занятъ въ настоящее время обсужденіемъ программы экзаменовъ, которые должны быть

признаны обязательными для всѣхъ, кто желаетъ получить званіе профессіональнаго журналиста.

Въ Америкѣ школы журнализма давно уже существуютъ и процвѣтаютъ. Спеціальные курсы для молодыхъ людей, избирающихъ карьеру журнализма, учреждены при различныхъ университетахъ, въ Чикаго, Небраскѣ и Сѣверной Каролинѣ, Филадельфіи и др. мѣстахъ. Теоретическій курсъ журнализма читается бывшими редакторами, перенесшими свою дѣятельность на профессорскую каѳедру, а практическими занятіями руководятъ редактора, находящіеся при своихъ обязанностяхъ въ редакціяхъ большихъ газетъ.

Въ Филадельфіи курсы журнализма учреждены съ 1893 года и занятія идутъ необыкновенно успѣшно. Программа этихъ курсовъ, которые можно назвать образцовыми, слѣдующіе:

1) Исторія развитія печати, въ особенности за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Сравненіе американскихъ газетъ съ газетами другихъ націй. Преподаваніе принциповъ и обязанностей журналиста и его отношеній къ политическимъ дѣятелямъ, гражданскимъ и религіознымъ властямъ. Изученіе организаціи объявленій, администраціи газеты и т. д.

2) Изученіе законовъ о печати.

3) Практическія занятія по составленію репортерскихъ отчетовъ и рецензій. Занятія эти имѣютъ цѣлью выработать яркій, точный и сильный слогъ и умѣнье ясно выражать свои мысли.

4) Практическія занятія по составленію хроники, художественной или литературной, и статей для еженедѣльныхъ изданій и такъ называемыхъ «Magazines».

При Пенсильванскомъ университетѣ существуетъ библіотека, въ которой слушатели курсовъ журнализма могутъ найти ежедневно свѣжія газеты и журналы новаго и стараго свѣта. Профессоръ Френчъ Джонсонъ, руководящій курсами журнализма въ Филадельфіи, очень доволенъ успѣхами своихъ слушателей и убѣжденъ, что изъ всѣхъ прослушавшихъ эти курсы выйдутъ вполнѣ дѣльные журналисты, и хотя степень талантливости у нихъ весьма различна, но каждый изъ нихъ можетъ быть полезнымъ журнальнымъ дѣятелемъ.

Курсъ четырехлѣтній; первые два года посвящены подготовительнымъ работамъ и кромѣ того слушатели обязательно посѣщаютъ разные другіе курсы наукъ, литературы и языковъ. Послѣдніе два года посвящены изученію политики, статистики, исторіи и, параллельно съ этимъ, спеціальнымъ курсамъ журнализма и практическимъ занятіямъ.

Докладъ Батайля, изложившаго положеніе этого вопроса въ различныхъ странахъ, возбудилъ, какъ мы уже сказали, горячія пренія. Многіе изъ членовъ конгресса отрицали не только необходимость, но даже полезность такого учрежденія, какъ профессіональные курсы журнализма. Лучшею школою, по ихъ мнѣнію, все-таки будетъ всегда редакція газеты и только тамъ, на практикѣ, можно пріобрѣсти навыкъ и свѣдѣнія, необходимыя всякому журналисту. Это мнѣніе, главнымъ образомъ, раздѣляли представители швейцарской печати. Одинъ изъ французскихъ журналистовъ, возражая докладчику, выразилъ мнѣніе, что учрежденіе подобнаго «питомника» для журналистовъ можетъ повести къ очищенію и повышенію нравственнаго уровня корпораціи. Однако всѣ эти возраженія не помѣшали конгрессу принять огромнымъ большинствомъ голосовъ резолюцію въ пользу учрежденія профессіональной школы журнализма. Въ заключеніе Батайль прочелъ конгрессу письмо, полученное имъ отъ Перивье, одного изъ редакторовъ газеты «Figaro», который сообщаетъ ему, что въ Парижѣ организуются въ видѣ опыта частные и притомъ безплатные курсы для желающихъ получить спеціальныя и техническія познанія, необходимыя журналисту. Редакція газеты «Figaro», желая содѣйствовать учрежденію такихъ

курсовъ, открываетъ для нихъ свои двери; организація же курсовъ принадлежитъ особой ассоціаціи, которая возникла недавно спеціально ради этой цѣли.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des deux Mondes».—«Revue des Revues».—«Zukunft».—North american Revues»

Экономисты и государственные дѣятели, вѣрящіе въ будущность демократическихъ обществъ, большія надежды основываютъ на кооперації и взаимопомощи въ дѣлѣ облегченія участи рабочихъ классовъ. Въ послѣднее время идеи кооперації и взаимопомощи дѣйствительно получили широкое распространеніе и повсюду организуются всевозможные синдикты, союзы и общества взаимопомощи. Согласно официальнымъ даннымъ во Франціи, напримѣръ, 1.141.758 рабочихъ и 418.227 работницъ состояли членами различныхъ обществъ взаимопомощи въ 1895 году; съ тѣхъ поръ, вѣроятно, число это возросло, но каждаго, разсматривающаго эти цифры, конечно должна поразить такая большая разница между числомъ женщинъ и мужчинъ рабочихъ, состоящихъ членами этихъ обществъ. Указывая на эту равницу, графъ д'Оссонвиль, посвящающій этому вопросу статью въ «Revue des deux Mondes», говоритъ, что причины, заставляющія работницъ воздерживаться отъ взаимопомощи, главнымъ образомъ заключается въ томъ, что средній заработокъ женщины, даже въ Парижѣ, гдѣ заработная плата выше, чѣмъ въ провинціи, все-таки настолько малъ, что огромное большинство работницъ лишено возможности отнимать отъ него хотя бы самую минимальную часть для членскаго взноса въ общество взаимопомощи. Тѣмъ не менѣе существуютъ все таки 227 обществъ взаимопомощи, членами которыхъ состоятъ исключительно женщины. Три такія общества организованы въ Парижѣ, и одно изъ нихъ, называвшееся раньше «обществомъ взаимопомощи молодыхъ работницъ» и теперь желающее перемѣнить названіе и называться «La Parisienne» («Парижанка»), существуетъ съ 1875 года. Члены этого общества вносятъ ежемѣсячно полтора франка (около 60 коп.) и за это пользуются въ случаѣ болѣзни безплатною врачебною помощью и лѣкарствами, а въ случаѣ смерти общество хоронитъ ихъ на свой счетъ. Но общество дѣлаетъ различія между замужними и незамужними членами и замужнія, въ случаѣ болѣзни, получаютъ по франку въ день на лѣченіе, если остаются дома, и въ случаѣ родовъ имъ выплачивается въ теченіи 20 дней по 1 франку въ день; для незамужнихъ устроена больница общиной сестеръ милосердія «Marie Auxiliatrice», гдѣ, кромѣ того, молодыя дѣвушки, работницы могутъ жить на полномъ пансіонѣ, если пожелаютъ и за 40 франковъ (около 16 р.) имѣютъ столъ и квартиру въ общемъ помѣщеніи, а за 60 франковъ получаютъ отдѣльную комнату. Другое общество «La Couturiére» было основано во времена второй имперіи сыномъ знаменитаго портного. Это общество гораздо болѣе многочисленное и пользуется большою популярностью. Оно обезпечиваетъ своимъ членамъ, такъ же какъ и первое общество, врачебную помощь въ случаѣ болѣзни и приличные похороны на случай смерти. Но кромѣ того, въ случаѣ родовъ, общество выдаетъ пособіе 50 франковъ подъ условіемъ, чтобы мать четыре недѣли не выходила на работу, а если она сама будетъ кормить своего ребенка, то получаетъ еще 25 франковъ.

Третье общество взаимопомощи, гораздо болѣе недавняго происхожденія, называется «Mutualité maternelle («взаимопомощь матерей»). Оно было организовано со спеціальною цѣлью оказанія поддержки матерямъ и въ видахъ уменьшенія смертности между новорожденными дѣтьми, такъ какъ, безъ сомнѣнія,

если мать будетъ имѣть возможность сама кормить своего ребенка, то шансы на сохраненіе его жизни возрастутъ; общество поощряетъ матерей къ выполненію этой обязанности, назначая премію за кормленіе. Дѣятельность этого общества уже теперь приноситъ нѣкоторые плоды и облегчило трудное положеніе женщинъ, лишенныхъ заработка вслѣдствіе родовъ и послѣдующихъ болѣзней, а также дало имъ возможность посвятить свои заботы новорожденному, не бросая его на произволъ судьбы подъ вліяніемъ необходимости тотчасъ идти на работу.

Воздавая должное дѣятельности этого общества, графъ д'Оссонвилль дѣлаетъ ему однако довольно странный упрекъ: онъ находитъ *предосудительнымъ*, что общество это не дѣлаетъ никакого различія между замужними и незамужними матерями. Почтенный авторъ видитъ въ этомъ даже нѣкоторое поощреніе безнравственности и склонности къ свободнымъ союзамъ, вмѣсто законныхъ браковъ, которая, по его словамъ, въ особенности замѣчается среди рабочихъ классовъ. Д'Оссонвилль опасается, что такое отношеніе общества, ставящаго на одинъ уровень законные браки и свободные союзы, умаляетъ значеніе первыхъ и прославляетъ вторые. Другихъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія авторъ не приводитъ и только настаиваетъ на немъ, даже рискуя прослыть «пуританиномъ», какъ онъ самъ выражается. Но свою статью д'Оссонвилль написалъ не съ цѣлью поддержанія нравственныхъ основъ, которыя могутъ быть расшатаны такимъ безразличнымъ отношеніемъ къ законному и незаконному сожительству, а съ тѣмъ, чтобы доказать, что общества взаимопомощи не могутъ существовать, если ихъ не будетъ поддерживать частная благотворительность. Свой взглядъ д'Оссонвилль подкрѣпляетъ цифровыми данными и приглашаетъ всѣхъ желающихъ поддержать и содѣйствовать развитію обществъ взаимопомощи, прибавляя, что эта дѣятельность можетъ способствовать объединенію всѣхъ тѣхъ, «кто жаждетъ мира и кто стремится къ прекращенію національной ненависти и вражды».

Въ «Revue des Revues» напечатана статья объ ирокезской женщинѣ въ Канадѣ, представляющая интересъ въ особенности потому, что авторъ ея — одна изъ современныхъ американскихъ писательницъ, сама происходитъ изъ племени ирокезовъ. Дѣдъ ея былъ очень популярнымъ вождемъ этого племени и воевалъ съ американцами въ 1812 году. Слово его было закономъ и въ теченіе 40 лѣтъ онъ былъ предсѣдателемъ совѣта ирокезовъ и имѣлъ громадное вліяніе на всѣхъ своихъ единоплеменниковъ. Его сынъ женился на англичанкѣ и отъ этого брака родилась дѣвочка, которая сдѣлалась впослѣдствіи довольно извѣстной писательницей въ Америкѣ.

Миссъ Джонсонъ Текліонгуэкъ (Teklhionwake) — такъ имя этой писательницы — родилась и выросла на берегахъ Великой рѣки, подъ надзоромъ своего отца и дѣда, вождя ирокезовъ. Она, слѣдовательно, сроднилась съ жизнью своего племени и горячо защищаетъ его, приводя, между прочимъ, мнѣнія различныхъ путешественниковъ, заявляющихъ, что ирокезы по своимъ умственнымъ способностямъ, развитію, нравственности, физической силѣ и мужеству, оставляютъ далеко позади всѣхъ прочихъ индѣйцевъ. Точно такъ же и женщины этой расы, по словамъ миссъ Джонсонъ, стоятъ выше прочихъ индѣйскихъ женщинъ, миссъ Джонсонъ очень много распространяется о качествахъ ирокезской женщины, какъ матери и хозяйки, о ея необычайномъ трудолюбіи и способностяхъ. Но самое интересное въ статьѣ относится къ тому положенію, которое занимаетъ ирокезская женщина въ своемъ племени. По словамъ миссъ Джонсонъ, это положеніе ясно указываетъ, насколько невѣрно общераспространенное мнѣніе, что почти всѣ индѣйскія племена относятся къ женщинѣ пренебрежительно. У ирокезовъ знатное происхожденіе считается по матери, а не по отцу, и кромѣ того въ каждомъ племени существуетъ предводительница,

пользующаяся громаднымъ уваженіемъ и почетомъ. Званіе это передается по наслѣдству отъ матери къ дочери и ничье вліяніе не можетъ соперничать съ вліяніемъ предводительницы. Женщина, носящая этотъ титулъ, пользуется такою властью, передъ которою преклоняются даже самые грозные члены совѣта племени, этого парламента краснокожихъ. Если умираетъ вождь, то предводительница называетъ того, кто долженъ наслѣдовать его титулъ и всѣ его прерогативы, и отъ нея требуется только, чтобъ она указала преемника умершему вождю среди его же родныхъ, близкихъ или дальнихъ—это все равно; это единственное условіе, которое ей ставится при выборѣ. Но она можетъ выбрать преемника среди дальнихъ родственниковъ покойнаго вождя, если только ей кажется, что его сыновья и болѣе близкіе родственники недостойны занять это мѣсто. Совѣтъ племени долженъ безпрекословно покориться ея избранію; если же старые вожди имѣютъ что нибудь возразить противъ ея выбора, то она сама является въ совѣтъ, чтобы защищать своего кандидата, и старѣйшіе племени вынуждены преклониться передъ ея рѣшеніемъ. Такимъ образомъ, этотъ «старѣйшій парламентъ міра», какъ его называетъ миссъ Джонсонъ, находится въ дѣйствительности въ рукахъ нѣсколькихъ женщинъ, и вообще женщины у ирокезовъ пользуются такимъ уваженіемъ, что европейскія женщины смѣло могутъ позавидовать въ этомъ отношеніи своимъ краснокожимъ сестрамъ. Другая особенность ирокезовъ заключается въ томъ, что они чрезвычайно уважаютъ старость. Женщина, даже не принадлежащая къ знатной семьѣ, пользуется всеобщимъ почетомъ, если она достигла преклоннаго возраста. Быть старой—значитъ быть уважаемой, и у ирокезовъ даже дочь вождя не осмѣлится сѣсть тогда, когда передъ нею стоитъ старуха, хотя бы эта старуха и была низкаго происхожденія. Знатные члены племени считаютъ ни во что всѣ свои привиллегіи въ сравненіи съ тѣмъ почетомъ, которымъ пользуется старость, и старую женщину будутъ почтительно слушать даже тѣ, которые ведутъ свое происхожденіе отъ знаменитыхъ воиновъ тѣхъ временъ, когда Америка была еще совсѣмъ невѣдомою страной и ни одинъ изъ европейцевъ не являлся нарушать ея покой.

Фридрихъ Ницше, какъ оказывается, былъ большимъ поклонникомъ Бисмарка, которымъ онъ началъ восхищаться, послѣ того какъ разочаровался въ Шопенгауэрѣ и Вагнерѣ. Въ своихъ афоризмахъ, написанныхъ въ 1884—1885 г. и опубликованныхъ теперь въ журналѣ «Zukunft», Ницше говоритъ, упоминая о Вагнерѣ и Шопенгауэрѣ: «эти два нѣмца насъ губятъ: они покровительствуютъ нашимъ недостаткамъ, и притомъ самымъ опаснымъ. Бисмаркъ же, послѣ Гете и Бетховена, подготовляетъ намъ новое человѣчество, гораздо болѣе сильное, чѣмъ эти выродившіеся представители нашей расы».

Въ другомъ мѣстѣ Ницше восхищается рѣчами Бисмарка и въ письмѣ къ одному пріятелю говоритъ: «Бисмаркъ, повидимому, повѣряетъ рейхстагу свои самыя интимныя мысли, какъ нѣкогда это дѣлалъ Гёте въ присутствіи Экермана. Навѣрное, это случается въ первый разъ, что государственный человѣкъ прибѣгаетъ къ парламенту, чтобы излить ему свою душу. Очевидно, это происходитъ отъ того, что онъ не можетъ изливать свою душу своей женѣ. О, я ему страшно завидую, что у него есть рейхстагъ!» Лучше всего портретъ Бисмарка, который дѣлаетъ Ницше, говоря: «Бисмаркъ такъ же далекъ отъ нѣмецкой философіи, какъ и какой-нибудь крестьянинъ или учащійся, онъ нисколько не сантименталенъ, нисколько не наивенъ. Ничего,—слава Богу; въ немъ нѣтъ общаго съ тѣмъ нѣмцемъ, котораго изображаютъ въ книгахъ. Кромѣ того, онъ полонъ недовѣрія къ ученымъ, и это мнѣ больше всего нравится въ немъ. Онъ сбросилъ съ себя все, чѣмъ его хотѣло нагрузить нелѣпое нѣмецкое воспитаніе,—гимназія и университеты. Онъ всегда былъ насторожѣ,

какъ добрый христіанинъ, и оставался вѣренъ Богу и королю, а позднѣе къ этому еще присоединилась и любовь къ созданію своихъ рукъ, германской имперіи. Онъ предпочитаетъ хорошій обѣдъ и хорошее вино всякой нѣмецкой музыкѣ и не зараженъ лицемѣріемъ, чаще всего являющимся лишь средствомъ скрывать старинную страсть нѣмцевъ къ пьянству».

Но при всемъ томъ Бисмаркъ все-таки представлялся Ницше комедіантомъ. «Руссо, Жоржъ Зандъ, Мишле, Сентъ-Бевъ—сколько разновидностей комедіанства! писалъ Ницше.—Но какъ отличается отъ этого комедіанства комедіанство могущественныхъ людей, такихъ, какъ Наполеонъ и Бисмаркъ!»

Увлеченіе Бисмаркомъ не можетъ, конечно, удивлять тѣхъ, кому извѣстно, что въ 1870 году молодой профессоръ Ницше, забывъ, что онъ натурализовался швейцарцемъ, записался въ полкъ и съ величайшимъ энтузіазмомъ провозглашалъ тосты за здоровье Мольтке, Вильгельма I и прусскихъ генераловъ.

«North American Review» занимается подробнымъ изслѣдованіемъ современнаго состоянія японской печати и указываетъ на быстрый ростъ и развитіе японской литературы въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Впрочемъ, японская литература существуетъ давно и начала ея теряются во мракѣ временъ. По словамъ одного недавно умершаго японскаго писателя въ японской литературѣ встрѣчаются стихи, написанныя 2.500 лѣтъ тому назадъ. Японскій романъ также имѣетъ давнее происхожденіе и относится къ XI вѣку нашей эры, но любопытнѣе всего, что творцами романа были по преимуществу японскія женщины, которымъ японская литература обязана сохраненіемъ чистоты языка и выработкою литературнаго слога. Наиболѣе замѣчательныя изъ японскихъ писательницъ и поэтессъ происходили изъ низшихъ классовъ народа и одна изъ этихъ поэтессъ, прославившаяся въ 14 лѣтъ отъ роду, была дочерью простого рабочаго.

Романъ и стихи и теперь представляютъ преобладающую форму народной литературы въ Японіи, въ особенности изобилуетъ романъ. Японцы очень любятъ читать и много читаютъ; поэтому за послѣднія тридцать лѣтъ японская беллетристика очень разрослась, хотя она и составляетъ по преимуществу умственную пищу лишь народныхъ классовъ, высшіе же классы японскаго общества, даже японскія дамы пренебрегаютъ продуктами отечественной беллетристики, предпочитая произведенія иностранныхъ авторовъ. Это имѣетъ основаніе, такъ какъ японская беллетристика дѣйствительно довольно слаба и не можетъ удовлетворять болѣе развитый вкусъ читателей. Зато въ другой области литературы японцы рѣшительно шагнули впередъ. Историческая литература получила широкое развитіе въ Японіи; тоже слѣдуетъ сказать и о научной литературѣ. Въ скоромъ времени японцы будутъ обладать также собственною энциклопедіей, въ изданіи которой принимаютъ участіе всѣ лучшія японскія литературныя силы. За образецъ взяты лучшія европейскія энциклопедіи и уже приступлено къ собиранію матеріала. Впрочемъ, въ японской литературѣ уже были сдѣланы попытки подобнаго рода и были изданы: «Исторія національной литературы» и «Исторія философія», въ составленіи которыхъ также участвовали выдающіеся японскіе ученые и литераторы.

Переводная литература также процвѣтаетъ въ Японіи. Не говоря о романахъ, которые составляютъ впрочемъ меньшую часть японской переводной литературы, японцы могутъ похвастаться переводами Спенсера, Шопенгауэра, Гартмана, даже Ницше. Существуютъ также хорошіе переводы на японскій языкъ Канта, Гегеля и новѣйшихъ писателей, такихъ какъ Рибо, Фуллье и др. Вообще, научная, философская и др. спеціальная литература гораздо выше беллетристической, такъ какъ образованные классы японскаго общества интересуются по преимуществу научными вопросами. Въ японскихъ журналахъ

можно найти статьи самаго разнообразнаго содержанія, касающіяся политическихъ, экономическихъ, чисто-научныхъ, религіозныхъ и литературно-художественныхъ вопросовъ и очень мало беллетристики. Изъ содержанія этихъ статей видно, что японцы знакомы со всѣми новѣйшими трудами европейскихъ ученыхъ въ различныхъ областяхъ науки; имъ извѣстны работы Пастёра и результаты новѣйшихъ изслѣдованій въ области біологіи, психофизіологіи и т. д.; они знакомы съ выдающимися трактатами по вопросамъ уголовнаго права и др. Что касается политической экономіи, то изъ статей японскихъ журналовъ видно, что авторамъ знакомы даже главныя теченія и изслѣдованія и труды европейскихъ экономистовъ новѣйшаго времени. На быстрый умственный ростъ японскаго общества указываетъ также обиліе издающихся книгъ. Согласно даннымъ книжнаго рынка въ 1896 году на японскомъ языкѣ было издано ни болѣе ни менѣе, какъ 26.955 томовъ и въ этомъ числѣ на долю беллетристики приходится всего лишь 462 тома. Эти цифры превышаютъ цифры многихъ европейскихъ книжныхъ рынковъ, а русскаго и подавну.

Парижскіе «народные университеты».

Движеніе въ пользу популяризаціи университетскаго образованія, вызванное въ Англіи лѣтъ 25 тому назадъ учрежденіемъ народныхъ университетовъ, привлекло къ себѣ вниманіе всѣхъ цивилизованныхъ странъ, какъ смѣлый опытъ сближенія народныхъ массъ съ университетскою средою и, главнымъ образомъ, съ высшимъ образованіемъ, которое до этого было доступно лишь избраннымъ. Но особой популярности за границей достигли англійскіе народные университеты лишь въ самые послѣдніе годы, когда число университетовъ стали насчитывать сотнями, а число слушателей изъ народа—десятками тысячъ и когда успѣхъ этого опыта сдѣлался очевиднымъ. Несомнѣнно, что и возникновеніе въ Россіи за послѣдніе два-три года публичныхъ общеобразовательныхъ курсовъ имѣетъ близкую связь съ этимъ движеніемъ, а организованные въ началѣ настоящаго года въ Петербургѣ, столь быстро прекратившіе существованіе свое, курсы педагогическаго общества взаимной помощи въ значительной степени представляли даже сколокъ съ англійскихъ народныхъ университетовъ. Такая популярность у насъ англійскихъ университетовъ объясняется тѣмъ, что, за исключеніемъ мало извѣстныхъ у насъ университетскихъ курсовъ въ Шотокуа (Сѣверной Америкѣ), возникшихъ на нѣсколько лѣтъ раньше англійскихъ, послѣдніе считаются первымъ и единственнымъ въ этомъ родѣ опытомъ.

Но если не говорить о формѣ, а посмотрѣть на сущность вещей, то окажется, что въ отношеніи демократизаціи научныхъ знаній, еще задолго до Англіи и Америки, очень многое сдѣлано Парижемъ. Въ безконечномъ ряду образовательныхъ учрежденій Парижа, начиная съ самыхъ низшихъ, предназначенныхъ или для маленькихъ дѣтей (écoles maternelles и classes enfantines), или для взрослыхъ неграмотныхъ (cours d'adultes и cours d'adolescents) и кончая самыми высокими, гдѣ завершаютъ свое образованіе уже подготовленные инженеры—въ этомъ строю незамѣтно пріютились такія учрежденія, которыя служатъ неизсякаемымъ источникомъ знанія, широкою волною изливающагося изъ нихъ въ разныхъ направленіяхъ. Я ужъ не упоминаю о свободныхъ курсахъ, читаемыхъ въ высшей школѣ Франціи—Сорбоннѣ, о свободныхъ факультетахъ провинціальныхъ французскихъ университетовъ, свободной школѣ политическихъ наукъ и т. п. учрежденіяхъ—и коснусь пока учрежденій, не имѣющихъ прямой связи съ университетомъ, но близкихъ къ наукѣ, которую они такъ щедро распространяютъ.

I.

Въ числѣ такихъ учрежденій одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ «Національная консерваторія искусствъ и ремеслъ». Названіе ея, повидимому, имѣетъ мало общаго съ наукой, но, какъ увидимъ ниже, дѣятельность консерваторіи давно уже вышла за предѣлы ея названія. Основанная по мысли знаменитаго французская изобрѣтателя — инженера XVIII вѣка Вокансона, консерваторія на дняхъ только праздновала 100 лѣтъ своего существованія, но въ дѣйствительности, она могла отпраздновать этотъ знаменательный юбилей еще пять лѣтъ тому назадъ, такъ какъ декретъ о ея учрежденіи, изданный конвентомъ въ 1794 году, засталъ ее уже организованною. 1798 же годъ—лишь годъ перенесенія консерваторіи въ ея настоящее помѣщеніе—бывшій монастырь Saint-Martin-des-Champs на улицѣ Сенъ-Мартенъ.

Первоначальною цѣлью учрежденія консерваторіи было ознакомленіе населенія, преимущественно рабочаго класса, съ устройствомъ всѣхъ существующихъ и новыхъ машинъ и орудій современной промышленности. Цѣль эту предполагалось осуществить путемъ собиранія коллекцій всѣхъ машинъ и орудій и демонстрированія ихъ въ стѣнахъ музея. Но уже и въ то время ясно сознавалась недостаточность такого способа образованія рабочихъ, и вскорѣ при консерваторіи возникли научные курсы, которые насчитываютъ уже 85 лѣтъ своего существованія.

Курсы эти, какъ преслѣдующіе цѣли промышленнаго образованія, обнимаютъ въ большей своей части науки, относящіяся къ разнымъ производствамъ, но отъ этого еще очень далеко до узкой спеціализаціи, и поэтому, сохраняя свою научность, курсы не только доступны, но представляютъ прямой научный интересъ для всякаго желающаго учиться. Вотъ, напримѣръ, какіе предметы читались въ только что окончившемся академическомъ году: геометрія въ приложеніи ея къ искусствамъ и ремесламъ, начертательная геометрія, практическая механика, архитектура, практическая физика, промышленное электричество, химія, агрикультура, металлургія, пряденье и тканье, политическая экономія, законы о промышленности, промышленная экономія и статистика, торговое право, соціальная экономія и т. п. Какъ видно, среди перечисленныхъ предметовъ можно насчитать только одинъ-два курса, имѣющіе спеціальный интересъ и не входящіе въ курсъ университетскихъ наукъ, но представляющіе громадный интересъ для всѣхъ лицъ, причастныхъ къ промышленности. Всего въ только что окончившемся году читалось 17 отдѣльныхъ курсовъ, которые систематически велись лучшими парижскими профессорами; спеціальные курсы сопровождались богато обставленными лабораторными опытами и практическими занятіями слушателей въ лабораторіяхъ внѣ часовъ лекцій.

Доступъ къ слушанію курсовъ совершенно свободенъ для всѣхъ, кто пожелаетъ, а благодаря тому, что лекціи читаются по вечерамъ, отъ $7^1/_2$ до 10 часовъ, они доступны и для рабочаго населенія и вообще для лицъ, занятыхъ днемъ. Къ сожалѣнію, въ консерваторіи не существуетъ ни регистраціи, ни статистики слушателей и поэтому я не имѣю въ рукахъ точныхъ данныхъ о ихъ численномъ составѣ, а главнымъ образомъ объ общественномъ положеніи слушателей. Но, судя по тому, что мнѣ пришлось видѣть лично, составъ слушателей отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ, и рядомъ съ рабочимъ сидящимъ въ первыхъ рядахъ амфитеатра, гдѣ читаются лекціи, можно увидѣть инженера, прошедшаго политехническую и центральную школу, приказчика, офицера, заводскаго техника, помѣщика, рантье и т. п. Преобладающимъ элементомъ на курсахъ являются все-таки лица, имѣющія какое-либо отношеніе къ промышленности.

О посѣщаемости курсовъ можно судить потому, что число посѣщеній въ

послѣдній годъ (1897—1898) достигло 100.000; среднее число слушателей каждаго курса составляетъ 180 чел., но есть курсы, насчитывающіе по 300—400 слушателей, хотя другіе располагаютъ только 50—60 слушателями. Во всякомъ случаѣ, ежедневно могутъ посѣщать курсы около 1.300 чел., такъ какъ лекціи читаются въ трехъ амфитеатрахъ, обставленныхъ по послѣднему слову науки и разсчитанныхъ на 600, 400 и 300 слушателей каждый.

Насколько серьезно и строго-научно поставлено здѣсь это дѣло, можно видѣть не только изъ программъ читаемыхъ курсовъ, но изъ ихъ продолжительности: для прохожденія полнаго курса какого-либо предмета нужно посѣщать лекціи по два раза въ недѣлю въ теченіе 2—5 лѣтъ, смотря по предмету, причемъ каждый учебный годъ состоитъ изъ 40 лекцій часовыхъ или двухчасовыхъ (за исключеніемъ курсовъ соціальной экономіи и торговаго права, учебный годъ которыхъ заключаетъ по 20 лекцій).

Посѣщеніе лекцій совершенно свободно для всѣхъ желающихъ и слушаніе всѣхъ 17 курсовъ *совершенно безплатно*, но кромѣ этого, консерваторія располагаетъ еще стипендіями: 1 въ 200 франковъ, 1—въ 150 и 5—по 100 франковъ, предназначенными для молодыхъ рабочихъ-слушателей, заявившихъ себя усердными посѣтителями лекцій.

Но описаннымъ далеко еще неограничивается просвѣтительная дѣятельность «Консерваторіи искусствъ и ремеслъ». Кромѣ лекцій, не выходящихъ изъ рамокъ программы, въ помѣщеніяхъ консерваторіи по воскресеньямъ устраиваются публичныя научныя бесѣды, руководителями которыхъ являются извѣстные ученые въ той или другой области. Эти конференціи, пользующіяся огромнымъ успѣхомъ, стали устраиваться всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ и сразу пріобрѣли большую популярность, благодаря разнообразію темъ, служившихъ предметами бесѣды. Такъ, въ 1891—1892 году, когда, благодаря ученымъ работатъ профессора Липмана надъ цвѣтной фотографіей, пробудился повсюду сильный интересъ къ этому предмету, въ консерваторіи была устроена цѣлая серія изъ 19 бесѣдъ о теоретической и практической фотографіи; въ числѣ руководителей этихъ бесѣдъ былъ и самъ профессоръ Липманъ; послѣ чикагской всемірной выставки было посвящено весемь бесѣдъ ознакомленію съ этой выставкой. Бесѣды объ электричествѣ, о научномъ движеніи въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, о современной архитектурѣ, объ искусствѣ въ промышленности и т. д. и т. д. смѣнялись одна другою, неизмѣнно привлекая множество слушателей. Для практическихъ занятій наукою къ услугамъ желающихъ—7 лабораторій консерваторіи. Для изученія какого-либо производства въ тончайшихъ его деталяхъ достаточно посѣтить музеи консерваторіи.

По богатству своему научно-промышленныя коллекціи консерваторіи, занимающія нескончаемый рядъ залъ, занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ Европѣ и представляютъ необыкновенный интересъ. Но здѣсь замѣчается странное явленіе: открытые для всѣхъ желающихъ, музеи посѣщаются очень небольшимъ количествомъ публики и по преимуществу рабочими да проѣзжими иностранцами. Библіотека консерваторіи, также открытая для общаго пользованія, насчитываетъ около 40.000 сочиненій въ области наукъ, искусствъ, промышленности и земледѣлія и до 2.000 картъ; читальный залъ этой библіотеки по своему внѣшнему виду сдѣлалъ бы честь любому европейскому книгохранилищу, но для занятій въ немъ онъ приспособленъ, впрочемъ, несовсѣмъ удовлетворительно.

Вотъ въ краткихъ чертахъ дѣятельность и состояніе этого замѣчательнаго учрежденія. Давая высшее образованіе всѣмъ желающимъ *совершенно безплатно*, оно обходится государству ежегодно почти въ полмилліона франковъ (въ минувшемъ 1897—1898 г. на консерваторію было отпущено 480.000 франковъ). Это обстоятельство составляетъ одно изъ главныхъ отличій консерваторіи

отъ современныхъ народныхъ университетовъ, которые не получаютъ отъ государства никакой денежной поддержки и взимаютъ со слушателей извѣстную плату; есть и еще нѣсколько существенныхъ различій между консерваторіею и народными университетами, но они не касаются основной цѣли учрежденій обоего рода—доставлять населенію возможность получать высшее образованіе. Во всякомъ случаѣ въ исторіи народныхъ университетовъ Европы или, вѣрнѣе, въ исторіи демократизаціи высшихъ научныхъ знаній—Парижской консерваторіи искусствъ и ремеслъ должно быть отведено одно изъ видныхъ мѣстъ.

II.

Такой же характеръ, какъ курсы консерваторіи искусствъ и ремеслъ, носятъ и курсы другого аналогичнаго учрежденія—естественно-историческихъ музеевъ, находящихся въ національномъ «Ботаническомъ саду». Это колоссальное хранилище научныхъ рѣдкостей, по богатству своихъ коллекцій почти не имѣющее соперниковъ въ Европѣ, возникло еще въ началѣ XVII столѣтія (въ 1635 г.). Основателемъ его былъ знаменитый въ то время ботаникъ Гюи де-Лабросъ. Но до 1732 года «Ботаническій садъ» былъ именно только огромнымъ садомъ. Извѣстный натуралистъ XVIII вѣка Бюффонъ, къ которому перешло управленіе садомъ, образовалъ здѣсь естественно-историческія коллекціи, которыя, постоянно совершенствуясь, образовали къ настоящему времени огромнѣйшіе музеи: зоологическій, содержащій болѣе 1.600.000 предметовъ, анатомическій съ 38.000 предметовъ, антропологическій—съ 26 000 геологіи и минералогіи—264.000, палеонтологіи—183.000 и ботаники—около 200.000 предметовъ.

Всѣ эти научныя богатства размѣщены въ роскошно обставленныхъ музеяхъ, а отдѣлъ ботаники располагаетъ нѣсколькими огромными оранжереями. Звѣринцы, бассейны и акваріумъ, содержащіе около 2.000 живыхъ млекопитающихся, птицъ, пресмыкающихся животныхъ и рыбъ, библіотека съ 170.000 томовъ научныхъ сочиненій, 18.700 оригинальныхъ рисунковъ, съ картами, планами, гравюрами и т. п.—дополняютъ эти сокровища, совершенно доступныя для обозрѣнія публики.

«Ботаническій садъ» со всѣми его многочисленными музеями, лабораторіями, аудиторіями и т. п. представляетъ собою ученое учрежденіе, существующее насчетъ государственной казны и предназначенное для распространенія въ населеніи научныхъ знаній, преимущественно изъ области естественныхъ наукъ. Но въ то время, какъ курсы Консерваторіи искусствъ и ремеслъ преслѣдуютъ практическія цѣли распространенія знаній, необходимыхъ въ промышленности, курсы «Ботаническаго сада» имѣютъ чисто-научное значеніе и для слушанія ихъ необходимо обладать извѣстною подготовкою въ области наукъ, которыя представлены курсами. Профессора, составляющіе во главѣ съ директоромъ, ученую корпорацію этого учрежденія, по собственному выбору, ежегодно объявляютъ свой курсъ изъ области своей спеціальности, состоящій изъ 40 лекцій. Посѣщать эти лекціи могутъ всѣ желающіе безъ различія пола и состоянія, при чемъ за право слушанія лекцій не взимается ни сантима. Въ истекшемъ 1897—1898 академическомъ году читались отдѣльными профессорами слѣдующіе 18 курсовъ: 1) сравнительной анатоміи; 2) антропологіи; 3) палеонтологіи; 4) физіологіи, зоологіи; 5) млекопитающія и птицы; 6) пресмыкающіяся и рыбы; 7) многоногія, паукообразныя и ракообразныя животныя и насѣкомыя; 8) черви, моллюски и зоофиты; ботаники: 9) органографія и физіологія растеній; 10) классификація растеній; 11) геологіи; 12) минералогіи; 13) культуры; 14) физики въ приложеніи къ естественной исторіи; 15) физики растительной; 16) органической химіи; 16) сравнительной патологіи и 18) физіологіи растеній. Кромѣ этихъ научныхъ курсовъ; ведутся еще два курса практическаго

рисованія (рисованіе растеній и животныхъ), знаніе котораго необходимаго при изученіи естественной исторіи. Къ числу ученыхъ учрежденій «Ботаническаго сада» принадлежитъ также лабораторія морской зоологіи близъ Saint-Vaast-la Hougue (Manche), основанная въ мѣстности, издавна извѣстной въ мірѣ натуралистовъ богатствомъ своей фауны. Эта лабораторія въ теченіе лѣта посѣщается многими студентами и учеными, занимающимися изученіемъ морской фауны.

Кромѣ обычныхъ курсовъ, читаемыхъ въ продолженіе учебнаго года для всѣхъ желающихъ, отдѣльными профессорами по разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ читаются лекціи для подготовленія ученыхъ изслѣдователей, коллекціонеровъ и т. п., отправляющихся въ научное путешествіе. Въ этихъ лекціяхъ, читаемыхъ по самой разнообразной программѣ, сообщаются не только спеціально-научныя свѣдѣнія, но и все, что можетъ быть полезнымъ для неопытнаго еще экскурсанта. Такъ, въ истекшемъ учебномъ году въ программу лекцій, между прочимъ, входили такіе предметы, какъ гигіена путешественниковъ, фотографія въ путешествіи, пользованіе фотографіею при построеніи картъ и плановъ и т. п. Для желающихъ изъ слушателей устраиваются въ лѣтнее время образовательныя геологическія, ботаническія и энтологическія экскурсіи подъ руководствомъ профессоровъ. Наконецъ, къ услугамъ желающихъ учиться естественно-историческіе музеи располагаютъ цѣлымъ рядомъ лабораторій, въ которыхъ совершенно безплатно предоставляются всѣ средства для научныхъ работъ.

Благодаря совершенной безконтрольности лекцій и курсовъ и отсутствію регистраціи слушателей, трудно сказать опредѣленно какъ о числѣ посѣщеній и слушателей, такъ и о составѣ послѣднихъ. Но особеннаго наплыва слушателей здѣсь не замѣчается и роскошныя аудиторіи музеевъ часто можно видѣть почти пустующими. Одна изъ главныхъ причинъ этого печальнаго явленія—слишкомъ спеціальный характеръ читаемыхъ курсовъ, усвоеніе которыхъ не подъ силу обыкновенному слушателю изъ публики, такъ какъ требуетъ предварительнаго знакомства съ основами естественныхъ наукъ. Существуютъ еще и другія причины малопосѣщаемости курсовъ, общія для явленій этого рода и въ другихъ свободныхъ образовательныхъ учрежденіяхъ Парижа, но объ нихъ будетъ сказано ниже. Однако, нельзя не признать, все-таки, огромнаго образовательнаго значенія всѣхъ учрежденій «Ботаническаго сада», и если даже оставить въ сторонѣ курсы и лекціи, то посѣщеніе однихъ его музеевъ даетъ много поучительнаго и интереснаго. А посѣщаются они публикою очень охотно, несмотря на необходимость добыванія билетовъ (безплатныхъ) для входа въ каждый музей; число посѣтителей всѣхъ галлерей и музеевъ въ 97—98 году достигло 600.000, несчитая художниковъ, скульпторовъ, фотографовъ и т. п., допускаемыхъ въ звѣринцы и музеи для воспроизведенія интересующихъ ихъ видовъ.

Государство расходуетъ на содержаніе всѣхъ учрежденій «Ботаническаго сада» 1.500.000 франковъ ежегодно, но при обширности и разнообразной дѣятельности ихъ этой суммы далеко недостаточно и каждый годъ обыкновенно заключается съ дефицитомъ, такъ что дѣйствительный расходъ значительно превышаетъ эту сумму.

III.

Одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду свободныхъ образовательныхъ учрежденій высшаго разряда занимаетъ во Франціи парижскій Collège de France. Исторія его возникновенія, какъ и вся его дѣятельность на поприщѣ распространенія высшихъ знаній, находится въ тѣсной, неразрывной связи съ исторіей не только французской культуры, но и съ политической исторіей Франціи, такъ какъ на судьбѣ Collège de France отражались всѣ политическіе перево-

роты, которыми такъ изобиловала Франція, особенно въ теченіе послѣдняго столѣтія. Историкъ этого учрежденія, французскій архивистъ и бывшій его секретарь г. Abel Lefranc идетъ въ этомъ сравненіи еще дальше, говоря, что исторія Collège de France въ теченіи XIX вѣка есть въ то же время исторія французской науки *). И дѣйствительно, заглядывая въ даль минувшихъ вѣковъ, начиная съ возникновенія Collège, т. е. съ 1530 года и прослѣдя за его научной жизнью до послѣднихъ годовъ нашего времени, можно увидѣть, что все, что было лучшаго въ ученомъ мірѣ Франціи, что поставило французскую науку въ первые ряды наукъ всего міра—все прошло черезъ коллежъ, черезъ его кафедры. Въ длиннѣйшемъ спискѣ профессоровъ, въ теченіе болѣе, чѣмъ трехъ съ половиною вѣковъ перебывавшихъ въ Collège de France, пестрятъ имена такихъ ученыхъ и писателей, какъ Кювье, Бартелеми Сенъ-Илеръ, Мишле, Мицкевичъ, Клодъ-Бернаръ, Тенаръ, Сильверстъ де Саси, Деламбръ, Ремюза, Дану, Лаженъ, Амперъ, Мажанди, Сей, Шамполліонъ, Эли де Бомонъ, Жоффруа, Евг. Бюрнуфъ, Кине, Реньо, Флурансъ, Вокіенъ, Біортоленди, Ламартинъ, Броунъ-Секаръ, Ж. Бертранъ, Эрнестъ Ренанъ и др., а въ настоящее время списокъ профессоровъ колежа украшаютъ имена Бертело, Маскара, Левассёра, Леруа-Белье, Арсонваль, Рибо и т. п.

Но лучшею характеристикою значенія и дѣятельности Collège de France можетъ послужить его программа, представляющая необыкновенное разнообразіе входящихъ въ нее наукъ. Въ настоящее время въ Collège существуетъ сорокъ двѣ каѳедры и въ недавно закончившійся второй семестръ 1897—1898 учебнаго года здѣсь читались лекціи по слѣдующимъ предметамъ: математика, физика общая и математическая, физика общая и экспериментальная, медицина, естественная исторія тѣлъ неорганическихъ, спеціальная философія, языки и литература гебраическая, халдѣйская и сирійская, языкъ и литература арабская, языкъ и литература арамейская (araméenne), языкъ и литература греческая, философія греческая и латинская, современная французская литература и языкъ, языки и литература германскаго происхожденія, аналитическая механика, минеральная химія, органическая химія, естественная исторія тѣлъ органическихъ, сравнительная эмбріологія, анатомія, экспериментальная и сравнительная психологія, всеобщая исторія наукъ, сравнительная исторія законодательства, политическая экономія, экономическая географія, исторія и статистика, географическая исторія Франціи, исторія религій, эстетика и исторія искусства, надписи и древности римскія, греческія и семитическія, филологія и археологія египетская и ассирійская, языки и литературы китайская, татарско-манджурская и санскритская, латинская филологія, исторія латинской литературы, современная философія, французскіе языкъ и литература среднихъ вѣковъ, южноевропейскіе языки и литература, языки и литературы кельтическіе, языки и литературы славянскаго происхожденія и сравнительная грамматика.

Какъ по своей организаціи, такъ и по дѣятельности, Collège de France не представляетъ собою учебнаго заведенія, гдѣ ведется преподаваніе перечисленныхъ выше предметовъ по университетскому образцу. Вотъ какъ характеризуетъ его бывшій его директоръ Эрнестъ Ренанъ въ своемъ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія г. Буржуа въ 1892 году: «...Выраженіе «образованіе, которое даютъ въ Collége de France» насъ немного оскорбило. Мы не даемъ образованія догматическаго. Мы излагаемъ состояніе науки и стремимся къ разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ. Наши слушатели совершенно свободны въ составленіи своихъ взглядовъ. Мы имъ доставляемъ для этого необходимые элементы съ совершеннымъ безпристрастіемъ. Это безпристрастіе, составляющее

*) Abel Lefranc. Histoire du Collège de France depuis ses origines jusqu' a la fin du premier Empire.

первую обязанность профессора коллежъ де Франсъ, находится и въ ансамблѣ всѣхъ каѳедръ, составляющихъ наше заведеніе. Всѣ мнѣнія представлены въ нашихъ программахъ. Католицизмъ и самые консервативные взгляды въ философіи имѣютъ у насъ свои органы. Мы имѣли знаменитыхъ учителей, принадлежавшихъ къ протестантизму, къ израелитизму, представителей всѣхъ оттѣнковъ вѣры и свободной мысли»... *).

Эта характеристика науки, продуцируемой здѣсь, даетъ ясное представленіе и о слушателяхъ Collège de Francne. Въ его многочисленныхъ и обширныхъ аудиторіяхъ можно встрѣтить людей всѣхъ возрастовъ, положеній и національностей: рядомъ съ молодымъ лицеистамъ, впервые попавшимъ въ этотъ храмъ чистой науки, вы увидите зрѣлаго профессора, пришедшаго пополнить свои знанія; въ массѣ французовъ, составляющихъ, конечно, главный контингентъ слушателей, встрѣчаются смуглыя лица италіанцевъ и испанцевъ, англичане, бельгійцы, нѣмцы — обычные посѣтители коллежа; особенно много можно встрѣтить здѣсь нашихъ соотечественниковъ русскихъ, вынужденныхъ по какимъ либо причинамъ удовлетворять свою жажду знаній за границею. Что касается состава слушателей по образованію, то его можно опредѣлить при первомъ взглядѣ на программы читаемыхъ курсовъ: программы эти никоимъ образомъ не имѣютъ въ виду простолюдина, человѣка необразованнаго и только нѣкоторые изъ этихъ курсовъ, популярныхъ по самому своему существу, могутъ быть доступны пониманію болѣе или менѣе развитыхъ слушателей изъ рабочаго класса, ремесленниковъ, мелкихъ промышленниковъ. Да эти элементы и не добиваются посѣщенія Collège de France и подобныхъ ему учрежденій, потому что къ ихъ услугамъ какъ въ Парижѣ, такъ и во всей Франціи имѣется цѣлый рядъ популярно-научныхъ и профессіональныхъ курсовъ. Они покрываютъ густою сѣтью весь Парижъ и приспособлены къ самымъ разнообразнымъ требованіямъ и нуждамъ, давая образованіе ремесленное, профессіональное, техническое, коммерческое и общее для слушателей всѣхъ возрастовъ (за исключеніемъ школьнаго) и обоихъ половъ. Курсы Collège de France *совершенно свободны для посѣщенія и безплатны.*

Въ учебномъ году они раздѣлены на два семестра: первый изъ нихъ начинается въ первый понедѣльникъ декабря и продолжается до Пасхи, второй — отъ Пасхи до 20—30 іюля; лекціи при этомъ происходятъ каждый день (кромѣ воскресеній и праздниковъ) отъ 9 час. утра до 5 час. дня въ восьми аудиторіяхъ, изъ которыхъ наибольшая вмѣщаетъ около 400 слушателей. Для практическихъ занятій при коллежѣ существуютъ цѣлый рядъ лабораторій по спеціальностямъ естественныхъ наукъ, анатомическіе кабинеты, библіотека, физіологическая и химическая станція и т. п.

При всемъ разнообразіи и обширности своей дѣятельности, Collège de France обставленъ далеко не соотвѣтственно своему научному значенію, что происходитъ вслѣдствіе недостатка средствъ. Французское правительство, обыкновенно щедро отпускающее средства на нужды народнаго образованія, ассигнуетъ на коллежъ незначительную, сравнительно сумму, которая, при жалованьѣ въ 10.000 фр., получаемомъ профессорами, достигала въ 1892 году всего 509.000 фр.; правда, что за истекшія 30 лѣтъ бюджетъ коллежа почти удвоился, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Abel Lefranc, но во всякомъ случаѣ эту сумму нельзя не признать ничтожною.

*) H. Vuibert. Annuaire de la Jeunesse 1898.

IV.

Итакъ, мы видѣли, что идея доставленія высшаго образованія тѣмъ элементамъ населенія, которые почему либо не получили его въ университетахъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, идея, проведенію которой въ жизнь посвящаетъ столько усилій англійская интеллигенція и которая начинаетъ завоевывать право гражданства и у насъ въ Россіи, эта идея, въ реальномъ своемъ видѣ получившая форму народныхъ университетовъ, осуществлена во Франціи уже три съ половиною столѣтія тому назадъ.

Но можно ли утверждать, что эта форма народнаго образованія имѣла замѣтное вліяніе на развитіе французской культуры, какъ это, напримѣръ, до очевидности замѣтно на недавнемъ еще опытѣ англійскихъ народныхъ университетовъ? Отвѣтъ на это, къ сожалѣнію, получается отрицательный. Повидимому блестящая внѣшняя сторона всѣхъ трехъ описанныхъ мною учрежденій съ ихъ огромными образовательными средствами, не даетъ полнаго представленія о ихъ внутренней жизни: его нужно искать внѣ этихъ учрежденій, въ тѣхъ элементахъ населенія, для которыхъ они существуютъ. И вотъ здѣсь-то и приходится констатировать неуспѣхъ всѣхъ курсовъ, несмотря на ихъ посѣщаемость. Несомнѣнно, что цѣль не только высшихъ курсовъ, но и всякихъ другихъ состоитъ далеко не въ томъ, чтобы привлечь какъ можно большее число слушателей, а въ привитіи слушателямъ тѣхъ знаній, которыя, въ видѣ лекцій, читаемыхъ на курсахъ, предназначены служить для ихъ дальнѣйшаго умственнаго развитія. Въ этомъ отношеніи типомъ англійскихъ народныхъ университетовъ необыкновенно удачно достигнута эта цѣль, но нельзя сказать того-же про консерваторію искусствъ и ремеслъ, курсы «Ботаническаго сада» и Collège de France. Причина этого заключается въ отсутствіи правильной системы въ организаціи курсовъ и выработкѣ программъ, благодаря чему не получается цѣльнаго образованія. Умъ слушателей загромождается, правда, цѣнными, сами по себѣ, знаніями, но представляющими только отрывокъ какой нибудь науки, совершенно спеціальную ея часть, которая можетъ интересовать развѣ только такого же ученаго спеціалиста, какъ и самъ лекторъ. Особенно этимъ отличаются курсы «Ботаническаго сада». Другая причина—отсутствіе руководящаго начала слушателей и научнаго контроля надъ ними. Система англійскихъ народныхъ университетовъ тѣмъ и дорога, что она даетъ возможность слушателямъ пройти полный университетскій курсъ, а достигается это тѣмъ, что профессора тамъ не только читаютъ лекціи, но и руководятъ научными занятіями слушателей (конечно, по заявленому ими самими желанію), а для желающихъ существуетъ и научный контроль въ видѣ экзаменовъ. Въ парижскихъ заведеніяхъ, наоборотъ, почти не существуетъ никакой связи между профессорами и слушателями: первые читаютъ свои лекціи, вторые ихъ слушаютъ и расходятся по домамъ — одни для того, чтобы никогда больше не заглядывать въ аудиторію профессора, лекція котораго показалась имъ скучною или слишкомъ спеціальною, другіе—не найдя въ лекціи разрѣшенія интересующихъ ихъ вопросовъ. Благодаря отсутствію этой связи, профессора не могутъ знать духовныхъ нуждъ своей аудиторіи, а слушатели не могутъ ихъ заявить, и, такимъ образомъ, публичные курсы, въ ядрѣ которыхъ лежитъ благородное стремленіе къ распространенію свѣта знанія, вылились въ форму безжизненныхъ, сухихъ лекцій, гдѣ лекторъ и слушатели не имѣютъ между собою ничего общаго и не понимаютъ другъ друга.

Ю. Надеждинъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новые элементы: Ксенонъ.—Эфиріонъ и его свойства.—Дѣйствительно ли эфиріонъ есть элементарное тѣло?—Чума и ея распространеніе. — Крысы и паразиты, какъ главные разносители заразы. — Мѣры предосторожности противъ чумы. — Результаты лѣченія больныхъ посредствомъ противочумной сыворотки.—Пули малого калибра и ихъ дѣйствіе.—Успѣхи техники: Желѣзная дорога на Юнгфрау и развитіе желѣзнодорожной сѣти за 1897 годъ. — Проэктъ англійской экспедиціи къ Южному полюсу.

Истекшій 1898 годъ былъ особенно богатъ новыми открытіями въ области астрономіи и химіи. Много новыхъ свѣтилъ, главнымъ образомъ малыхъ планетъ и кометъ занесено въ списки извѣстныхъ человѣчеству небесныхъ тѣлъ, много новыхъ элементовъ, доселѣ неизвѣстныхъ, открыто химиками на землѣ и въ окружающей ее атмосферѣ. Всего счетомъ за истекшій годъ открыто 7 новыхъ элементовъ, если дальнѣйшія изслѣдованія подтвердятъ присутствіе въ атмосферѣ элемента эфирія. Читателямъ «Міра Божія» было въ свое время сообщено объ элементахъ, названныхъ неономъ, криптономъ и метаргономъ, открытыхъ въ небольшихъ количествахъ Трэверсомъ и Рамсеемъ въ окружающемъ насъ воздухѣ. Тѣ же изслѣдователи въ своемъ новомъ отчетѣ передъ Британской Ассоціаціей сообщали о новомъ, 4 элементѣ, найденномъ вмѣстѣ съ 3 предыдущими и названномъ ксеноном. Онъ характеризуется болѣе высокой точкой кипѣнія, большей плотностью, чѣмъ аргонъ, а потому можетъ быть сравнительно легко выдѣленъ. Спектръ его въ общихъ чертахъ сходенъ со спектромъ аргона, но нѣкоторыя линіи его расположены иначе; типичными его линіями являются 3 красныя и 5 голубыхъ. Въ воздухѣ ксенонъ находится еще въ меньшемъ количествѣ чѣмъ неонъ, а этотъ послѣдній составляетъ всего лишь $^1/_{40000}$. Ни одинъ изъ 4 газовъ, повидимому, не склоненъ къ образованію химическихъ соединеній.

Въ истекшемъ же году открытъ элементъ полоній, сходный, повидимому, по своимъ химическимъ свойствамъ съ висмутомъ, и его еще не удалось получить въ чистомъ видѣ. Далѣе слѣдуетъ важное открытіе на землѣ элемента названнаго уже задолго раньше *короніемъ*. Названіе свое этотъ элементъ получилъ вслѣдствіе того, что его присутствіе было впервые открыто въ той легкой оболочкѣ, которая окружаетъ солнечную хромосферу и которая получила названіе солнечной короны. Корона представляетъ ничто иное, какъ верхніе слои атмосферы солнца. Спектръ короны характеризуется зеленою линіею, которая не принадлежитъ ни одному изъ доселѣ извѣстныхъ на землѣ элементовъ; этотъ элементъ и получилъ названіе коронія. Всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ итальянскимъ ученымъ удалось доказать присутствіе коронія въ газахъ Везувія и въ газахъ сольфатаръ въ Pouzzoles, и наука, такимъ образомъ, пріобрѣла еще лишній разъ доказательство справедливости словъ знаменитаго математика и философа Декарта: «земля и небо сдѣланы изъ одного и того же вещества».

Наконецъ слѣдуетъ открытіе американцемъ Брёшемъ нового элемента, получившаго названіе etherion или эфирія. Онъ заключается во многихъ веще-

ствахъ, а также въ атмосферѣ. Его главную характеристику составляетъ громадная теплопроводность при низкомъ давленіи, и въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ въ 100 разъ такой легкій газъ, какъ водородъ. Прочія свойства его не менѣе замѣчательны; они даны въ слѣдующей таблицѣ параллельно свойствамъ водорода:

	Молекулярный вѣсъ.	Плотность.	Скорость молекулярнаго движенія.	Теплопроводность.
Эфирій	0,0002	0,0001	100	100
Водородъ	2	1	1	1

Молекулярная скорость водорода при температурѣ тающаго льда найдена по разсчетамъ и равняется 1698 метрамъ въ секунду, слѣдовательно, скорость молекулярнаго движенія новаго газа равняется 170 километрамъ въ секунду при той же температурѣ. Отсюда Брёшъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе. «Было бы совершенно невозможно присутствіе газа съ такою молекулярною скоростью въ атмосферѣ, *если бы пространство надъ атмосферой также не заключало его*. Даже при температурѣ, близкой къ абсолютному нулю, новый газъ обладалъ бы молекулярной скоростью, достаточной для того, чтобы уйти изъ предѣловъ нашей атмосферы». Далѣе авторъ открытія не останавливается передъ гипотезой, что эфирій, распространяясь далеко за предѣлы атмосферы, наполняетъ собою междупланетное пространство. «Я знаю, говоритъ онъ, что вѣскія возраженія могутъ быть выставлены противъ гипотезы междупланетной атмосферы, но мое заключеніе неизбѣжно, если мои посылки не ошибочны». Брёшъ высказываетъ далѣе предположеніе, что эфирій представляетъ изъ себя не элементарное, простое тѣло, а смѣсь двухъ, трехъ или даже нѣсколькихъ элементарныхъ тѣлъ, изъ которыхъ каждое легче водорода. Если бы гипотеза оправдалась. Брешъ предлагаетъ сохранить названіе эфирія за наиболѣе легкимъ изъ элементовъ.

Въ концѣ своего сообщенія Брёшъ высказываетъ надежду, что эфиріонъ дастъ возможность объяснить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя явленія, которыя до настоящаго времени приписывались гипотетическому эфиру. Трудно, конечно, предвидѣть заранѣе всѣ тѣ результаты, къ которымъ ведетъ каждое новое открытіе въ наше время. Открытіе эфирія, если оно оправдается, обѣщаетъ открыть много новыхъ горизонтовъ. Всѣмъ извѣстно, что сжиженіемъ легкихъ газовъ возможно достигнуть очень низкихъ температуръ; не удастся ли съ теченіемъ времени получить и новый газъ эфирій въ жидкомъ состояніи? Быть можетъ рѣшеніе этой задачи позволило бы проникнуть въ тайну такъ называемаго *абсолютнаго нуля* (—273°).

Понятно поэтому, отчего открытіе Брёша такъ сильно заинтересовало ученыхъ всего міра, отчего всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ новыхъ изслѣдованій, долженствующихъ подтвердить или опровергнуть его. Большимъ скептицизмомъ по отношенію къ новому открытію проникнута замѣтка Вильяма Крукса въ The chemical News. 1898. Vol. LXXVIII, p. 221, гдѣ онъ сообщаетъ о своихъ прежнихъ и новыхъ наблюденіяхъ, изъ которыхъ слѣдуетъ съ вѣроятностью, что новый газъ эфирій есть ничто иное, какъ водяной паръ. Уже при тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя повели къ открытію радіометра, Круксъ обратилъ вниманіе на особыя свойства паровъ воды въ пустотѣ и предпринялъ рядъ опытовъ надъ теплопроводностью разрѣженныхъ газовъ, которые не были опубликованы цѣликомъ. Къ числу неопубликованныхъ принадлежатъ опыты надъ водородомъ и водянымъ паромъ, которые показали, что при большомъ разрѣженіи паръ является болѣе теплопроводнымъ, чѣмъ воздухъ и даже водородъ, и что съ увеличеніемъ разрѣженія теплопроводность пара растетъ въ столь сильной степени, сравнительно съ прочими газами, что нѣтъ ничего не-

возможнаго, что Брёшъ, работавшій при еще большихъ разрѣженіяхъ нашелъ большую теплопроводность, которую и приписалъ *новому газу*; возможно, что въ этихъ условіяхъ такою же теплопроводностью обладаетъ и водяной паръ. Далѣе по поводу полученія «новаго» газа изъ нагрѣтаго въ пустотѣ стекляннаго порошка, Круксъ вспоминаетъ о своихъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ онъ доказалъ, что при сильномъ разрѣженіи нагрѣтое стекло выдѣляетъ газы, состоящіе изъ *водянаго пара* и углекислоты. Свои разсужденія Круксъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Я не хочу говорить вполнѣ утвердительно о предметѣ, о которомъ я имѣю лишь нѣкоторыя, быть можетъ, неполныя свѣдѣнія. Изъ того, что мнѣ извѣстно, я считаю болѣе вѣроятнымъ, что эфиріонъ—водяной паръ, а не новый, простой газъ; это еще болѣе подтверждается наблюденіемъ г. Бреша, что эфиріонъ поглащается фосфорной кислотой и стекляннымъ порошкомъ, изъ котораго посредствомъ нагрѣванія онъ получается».

Такимъ образомъ, какъ видно изъ сказаннаго, открытіе Бреша вызываетъ серьезныя, основательныя сомнѣнія и нуждается въ сильной провѣркѣ, которая, быть можетъ, покажетъ полную его несостоятельность.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ истекшаго 1898 года большое волненіе, какъ среди публики, такъ и въ ученомъ мірѣ вызвало появленіе чумы въ одной изъ бактеріологическихъ лабораторій въ Вѣнѣ. Напомнимъ вкратцѣ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстные изъ газетъ, факты этой печальной исторіи, которая чуть было не оказала самыхъ невыгодныхъ послѣдствій для ученыхъ, занимающихся изученіемъ бактеріологіи, такъ какъ, справедливо возмущенное распространеніемъ заразы изъ лабораторіи, общественное мнѣніе требовало уничтоженія всѣхъ культуръ заразныхъ болѣзней во всѣхъ лабораторіяхъ Вѣны. Въ 1897 году вѣнская академія наукъ командировала въ Индію для изученія чумы 4-хъ врачей, которые, возвратившись изъ Бомбея, привезли съ собою культуры бактерій чумы съ цѣлью продолжать дома свои изслѣдованія. Опыты и были начаты въ маѣ истекшаго года въ спеціально для этого отведенной лабораторіи анатомо-патологическаго института вѣнскаго университета. Къ началу сентября изслѣдованія были закончены и въ лабораторіи оставалось лишь нѣсколько крысъ, которымъ была сдѣлана предохранительная прививка чумы и надъ которыми, отъ времени до времени, производились провѣрочные опыты. 15 октября н. ст. заболѣлъ служитель лабораторіи, на обязанности котораго лежало кормить животныхъ и чистить лабораторію.

Это была первая жертва чумной эпидеміи, которая унесла затѣмъ еще 3 новыхъ жертвы, въ томъ числѣ приватъ-доцента д-ра Мюллера, и, благодаря своевременно принятымъ, энергичнымъ мѣропріятіямъ, дальнѣйшаго распространенія эпидеміи не послѣдовало. Такъ закончилась «вѣнская чума», надѣлавшая столько шума, и нужно признать, что такой конецъ ея является очень счастливымъ, такъ какъ трудно даже съ достаточной опредѣленностью представить себѣ ужасныя послѣдствія, которыя въ неблагопріятныхъ условіяхъ могли явиться результатомъ недостаточныхъ мѣръ предосторожности, принятыхъ въ зараженной чумою лабораторіи. Конечно, урокъ этотъ не пройдетъ даромъ и мѣры предосторожности, обыкновенно практикуемыя въ подобныхъ случаяхъ, будутъ увеличены. До конца осталось невыясненнымъ, какимъ путемъ заразился служитель лабораторіи, передавшій болѣзнь остальнымъ 3 жертвамъ эпидеміи.

Вопросъ о томъ, какъ передается чума и какія мѣры личной и общественной охраны отъ ея распространенія нужно предпринимать на случай ея появленія—вопросъ общій и тѣмъ болѣе интересный въ тотъ моментъ, когда, какъ извѣстно, эпидемія чумы появилась на границахъ русскаго Туркестана, куда для борьбы съ нею немедленно командированъ сильный санитарный отрядъ.

Въ «Annales de l'Institut Pasteur» появилась очень обстоятельная и интересная статья о чумѣ, авторъ которой, морской врачъ Simond, собралъ и обработалъ громадный матеріалъ и сдѣлалъ много важныхъ наблюденій надъ чумою въ Бомбеѣ. Мы сообщимъ читателямъ лишь наиболѣе общія мѣста этого обстоятельнаго, эпидеміологическаго мемуара.

Наиболѣе вѣроятно, что эпидемія, свирѣпствующая въ Бомбеѣ съ 1896 года, была занесена сюда морскимъ путемъ изъ Гонконга. Съ сентября 1896 года до августа 1898 число заболѣвшихъ, по подсчетамъ Simond'a, опредѣляется для города Бомбея цифрою въ 38.000 человѣкъ. Изъ нихъ умерло 32.000 человѣка. Отъ Бомбея, какъ центра заразы, чума распространилась по морю и по сушѣ внутрь Индіи, по всѣмъ направленіямъ, такъ что въ настоящее время эпидемія покрыла половину поверхности страны и трудно предвидѣть, гдѣ она найдетъ предѣлъ своему опустошительному движенію впередъ.

Первые случаи заболѣваній обнаруживаются обыкновенно среди пріѣзжихъ изъ зараженной мѣстности; затѣмъ слѣдуютъ случаи заболѣванія мѣстныхъ жителей. Не всегда, однако, такого привознаго случая чумы достаточно, чтобы повлечь распространеніе эпидеміи, хотя несомнѣнно, что каждый такой случай представляетъ серьезную угрозу жителямъ города. Это обстоятельство говоритъ въ пользу того положенія, что обыкновенно человѣкъ является агентомъ, переносящимъ заразу изъ одного города въ другой. Тѣмъ не менѣе, съ несомнѣнностью констатированы случаи, когда чума появлялась среди жителей города или деревни безъ предварительныхъ привозныхъ случаевъ чумы, и въ виду этого совершенно основательно является сомнѣніе въ томъ—необходимъ ли обязательно человѣкъ для переноса заразы? Изученіе распространенія эпидеміи въ населенномъ центрѣ позволило разрѣшить этотъ вопросъ.

За первыми привозными случаями чумы слѣдуетъ обыкновенно длинный періодъ времени (болѣе мѣсяца) до появленія мѣстныхъ заболѣваній. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ медленнаго распространенія, такъ что врачи и администрація легко вводятся въ заблужденіе, считая случаи заболѣванія спорадическими и склонны уменьшать опасность распространенія эпидеміи. Уже въ этомъ періодѣ можно замѣтить, что чума часто поражаетъ семьи, которыя избѣгали всякихъ сношеній не только съ очагами заразы, но даже со здоровыми обитателями зараженныхъ домовъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, извѣстны случаи, когда зараза передается посредствомъ человѣка. Въ особенности ясно выступаетъ возможность передачи безъ посредства человѣка въ слѣдующій затѣмъ, острый періодъ быстраго распространенія болѣзни: въ этотъ періодъ чума поражаетъ сразу нѣсколькихъ обитателей одного дома, чуть ли не въ одинъ часъ и съ одинаковой жестокостью; она появляется тамъ, гдѣ ее меньше всего можно было ожидать. Въ большихъ городахъ такой острый періодъ эпидеміи тянется дольше, чѣмъ въ малыхъ городахъ и деревняхъ: такъ, напр., въ Бомбеѣ онъ продолжался 4 мѣсяца. Затѣмъ слѣдуетъ болѣе короткій періодъ паденія эпидеміи, но отдѣльные случаи заболѣванія наблюдаются въ теченіе долгаго времени.

Въ особенности легко удавалось констатировать факты зараженія чумою безъ посредства человѣка въ деревняхъ. Существуетъ, слѣдовательно, кромѣ человѣка, другой агентъ, посредствомъ котораго происходитъ распространеніе чумы. Что микробъ чумы передается не черезъ воздухъ—достаточно убѣдительно говорятъ наблюденія надъ локализаціей заразныхъ зародышей внутри домовъ и самый ходъ распространенія эпидеміи внутри городовъ. Что зараженіе чумою происходитъ не черезъ воду—также почти не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ въ этомъ случаѣ, какъ, напр., при холерныхъ эпидеміяхъ, удалось бы прослѣдить заболѣваніе группъ индивидуумовъ или даже кварталовъ, пользующихся подозрительной водой. Ничего подобнаго не было замѣчено.

Изъ наблюденій надъ всѣми чумными эпидеміями и надъ отдѣльными фак-

тами слѣдуетъ, что самымъ активнымъ распространителемъ заразы являются крысы.

Уже въ древнія времена наблюдали связь между эпидеміями крысъ и чумой среди людей. Въ 1881 году Rocher въ своей книгѣ настаивалъ на фактѣ, что наблюдавшимся эпидеміямъ чумы предшествуетъ сильная смертность среди крысъ. Факты эти, впрочемъ, какъ оказалось, хорошо извѣстны туземцамъ, которые покидаютъ тотчасъ свои поселенія, какъ только замѣтятъ чрезмѣрную смертность среди крысъ. На островѣ Формозѣ туземное названіе чумы обозначаетъ болѣзнь крысъ. Simond лично констатировалъ это совпаденіе въ 1893 году и съ тѣхъ поръ оно наблюдалось вездѣ, гдѣ ни появлялась чума. Но лишь только послѣ открытія Yersin'омъ спеціальнаго микроба чумы и послѣ того, какъ было съ несомнѣнностью установлено опытнымъ путемъ сходство чумы крысъ и человѣка—можно было установить причинную связь между этими явленіями.

Однако, это открытіе Yersin'а и Roux не нашло того довѣрія, котораго оно заслуживало, такъ какъ и въ 1898 году не было принято никакихъ мѣръ, чтобы оградить жителей зараженныхъ мѣстностей отъ этого источника заразы. Между тѣмъ, уже въ 1897 году Roux писалъ: «Чума—вначалѣ болѣзнь крысъ—скоро становится болѣнью людей; не лишено основанія, что хорошей предохранительной противъ чумы мѣрой было бы уничтоженіе крысъ». Причина этого равнодушія заключается въ томъ, что до сихъ поръ не была съ несомнѣнностью доказана роль крысы въ распространеніи заразы. На самомъ дѣлѣ, не достаточно установить, что тотъ же самый микробъ производитъ заболѣваніе чумой крысы и человѣка, чтобы сказать, что чума человѣка является послѣдствіемъ чумы крысы. Многіе ученые, занимавшіеся изученіемъ эпидеміи въ Бомбеѣ допускали роль крысы, какъ распространителя чумной заразы, лишь какъ исключеніе и какъ случайный фактъ. Наблюденія, произведенныя въ теченіе главныхъ эпидемій чумы 1897 и 1898 гг. Simond'омъ оставляютъ, повидимому, мало сомнѣній насчетъ важной роли крысъ, какъ агентовъ-разносителей чумы.

Въ общемъ удалось наблюдать не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, что появленію чумы предшествуетъ большая смертность среди крысъ. Далѣе было замѣчено, что эта смертность вначалѣ локализируется въ какомъ-нибудь одномъ кварталѣ города. Чума появляется какъ разъ въ томъ же кварталѣ, и блестящіе примѣры этого представляла эпидемія въ Бомбеѣ, Карадѣ и др. городахъ. Болѣе того, первыми очагами заразы являются такія мѣста, какъ склады зерна, хлопчатой бумаги и т. п., которые нерѣдко помѣщаются въ совершенно незаселенныхъ улицахъ. Первыми жертвами эпидеміи 1898 г. въ нѣкоторыхъ городахъ были сторожа и служащіе въ такихъ складочныхъ мѣстахъ, которые работаютъ въ нихъ днемъ и возвращаются домой на ночь.

Выше мы говорили о внезапномъ и быстромъ распространеніи эпидеміи во второмъ ея періодѣ, послѣ того какъ долгое время она держалась въ одномъ кварталѣ. Это явленіе находится въ связи съ эмиграціей крысъ изъ первоначальнаго очага заразы. Въ Бомбеѣ, напр., можно было вполнѣ точно констатировать фактъ, что паника, вызванная первымъ появленіемъ чумы и имѣвшая послѣдствіемъ общее бѣгство изъ Бомбея, не была причиною распространенія эпидеміи. Распространеніе эпидеміи явилось непосредственнымъ слѣдствіемъ эмиграціи крысъ, при чемъ оно шло, какъ въ кварталахъ Бомбея, такъ и въ различныхъ деревняхъ, какъ разъ по направленію избранному крысами, за которыми наблюдали на разстояніи 20, 25 миль въ окрестностяхъ Бомбея. Въ другихъ городахъ можно было еще лучше сдѣлать тѣ же самыя наблюденія. Въ одномъ домѣ было въ теченіе дня найдено 75 труповъ крысъ: какъ разъ въ этомъ кварталѣ эпидемія свирѣпствовала съ особенной силой. Трудно возражать противъ очевидности факта: разъ эпидемія чумы слѣдуетъ по пути первоначально

намѣченному зачумленными крысами, естественно сдѣлать заключеніе, что она слѣдуетъ за эпидеміей крысъ. Частные случаи еще съ большею очевидностью подтверждаютъ рядъ приведенныхъ общихъ фактовъ. Укажемъ лишь наиболѣе бьющіе въ глаза случаи, которыхъ Simond'у удалось наблюдать очень много. Въ одномъ изъ складовъ хлопчатой бумаги въ Бомбеѣ было замѣчено много труповъ крысъ. Изъ 20 человѣкъ, которымъ было поручено собрать трупы и вывезти ихъ, половина заболѣла чумою въ 3-хъ-дневный срокъ и ни одно изъ лицъ, посѣтившихъ складъ въ этотъ день, не причастное къ уборкѣ крысъ, не заболѣло чумою. Въ одной изъ мѣстностей, гдѣ сильно свирѣпствовала чума, жители двухъ деревень выселились изъ своихъ поселеній во временный лагерь, какъ только была замѣчена эпидемія крысъ. Всѣ пользовались полнымъ здоровьемъ до того дня, когда двѣ женщины, отправившись въ покинутую деревню, нашли у себя въ жилищѣ двухъ мертвыхъ крысъ, которыя и были выброшены на улицу передъ возвращеніемъ женщинъ въ лагерь. Обѣ женщины заболѣли чумою черезъ два дня. Случаи, гдѣ заболѣваніе слѣдуетъ за прикосновеніемъ къ трупу крысы очень многочисленны, но нужно отмѣтить, что прикосновеніе къ крысѣ не является обязательнымъ и домъ, гдѣ только видѣли трупы крысъ нерѣдко становится очагомъ заразы, которая свиваетъ себѣ нерѣдко прочное гнѣздо послѣ того, какъ животныя въ немъ перемерли.

Нужно отмѣтить также, что всѣ обстоятельства, способствующія привлеченію крысъ, создаютъ благопріятныя условія и для распространенія заразы чумою. Въ Бомбеѣ больше всего жертвъ пришлось на торговцевъ зерномъ, мукою и пр. товарами, привлекающими крысъ. Въ жилищахъ европейцевъ въ Бомбеѣ, которыя отличаются чистотою, въ особенности же тамъ, гдѣ кухня и службы отдѣлены отъ жилого дома, условія для привлеченія крысъ очень неблагопріятны и, дѣйствительно, случаи зараженія европейцевъ представляютъ исключеніе во всѣхъ городахъ Индіи.

Изъ этого нѣкоторые дѣлали выводъ, что европейцы мало подвержены заболѣванію чумою. Простое наблюденіе доказываетъ ошибочность этого взгляда: богатые туземцы, живущіе въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и англичане, нигдѣ не дали большаго количества заболѣваній, чѣмъ европейцы. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ, что крыса является главнымъ распространителемъ заразы на близкія разстоянія—человѣкъ же переноситъ ее по большей части на большія разстоянія. Далѣе нужно еще изслѣдовать роль крысъ, находящихся на корабляхъ, такъ какъ до послѣдняго времени считалось, что чума передается только посредствомъ товаровъ и заболѣвшихъ чумою пассажировъ. Въ прежнее время не обращали никакого вниманія на присутствіе труповъ крысъ на корабляхъ, а между тѣмъ наблюдавшіеся во время послѣдней эпидеміи въ Бомбеѣ факты вполнѣ убѣдительны. Во время сильной эпидеміи 1898 г. въ Бомбеѣ между этимъ городомъ и Аденомъ совершилъ рейсъ туда и обратно пакеботъ Shanon. На немъ были приняты всевозможныя санитарныя мѣры. Во время обратнаго рейса въ Бомбей въ почтовомъ отдѣленіи находятъ трупы крысъ, а вскорѣ почтовый чиновникъ, работавшій въ этомъ отдѣленіи, заболѣваетъ чумой. Ясно, что онъ могъ заразиться только отъ крысъ, такъ какъ на пакеботъ онъ сѣлъ только въ Аденѣ и, слѣдовательно, ни въ своихъ вещахъ не могъ занести заразы и самъ не могъ находиться ранѣе въ инкубаціонномъ періодѣ, такъ какъ въ Аденѣ вовсе не было случаевъ заболѣванія. Подобные случаи далеко не представляютъ исключенія: Simond цитируетъ нѣсколько случаевъ, гдѣ передача чумы на судно изъ зараженнаго города черезъ крысъ не подлежитъ сомнѣнію.

Интересно далѣе наблюденіе, что эпидемія чумы очень быстро слѣдуетъ за появленіемъ зачумленныхъ крысъ. Наоборотъ, если чума заносится человѣкомъ—протекаетъ обыкновенно длинный періодъ, отъ 20 до 50 дней, прежде чѣмъ появятся мѣстные случаи заболѣванія. Изъ многочисленныхъ, крайне любопытныхъ

наблюденій Simond приходитъ къ заключенію, что причина этого явленія лежитъ въ томъ, что необходимымъ условіемъ для распространенія эпидеміи является предварительная передача болѣзни отъ зараженнаго человѣка крысамъ. Вотъ почему для своего развитія эпидемія требуетъ времени и иногда благопріятныхъ условій, которыя далеко не всегда имѣются на лицо.

Перейдемъ теперь къ важному и очень интересному вопросу, передается-ли зараза отъ человѣка къ человѣку? Если мы посмотримъ на то, что происходитъ въ устроенныхъ по-европейски госпиталяхъ, легко констатировать, что случаи заразы въ нихъ представляются совершенно исключительными. Среди медицинскаго персонала, сидѣлокъ и остальной прислуги изъ европейцевъ, которые въ теченіе двухъ лѣтъ работали въ большихъ чумныхъ госпиталяхъ, извѣстно лишь нѣсколько очень рѣдкихъ случаевъ заболѣванія. Заболѣваній нѣсколько больше среди туземной прислуги, но все-же случаи заболѣванія прислуги представляютъ исключеніе изъ общаго правила. Ни въ одномъ изъ случаевъ нельзя приписать зараженія соприкосновенію съ больными. Многіе врачи, служившіе въ госпиталяхъ, отказываются признать заразительность чумы. Однако зараза чумою отъ человѣка (въ смыслѣ передачи ея во время посѣщенія больного) не подлежитъ сомнѣнію и въ грязныхъ туземныхъ госпиталяхъ, гдѣ полы, бѣлье и больные моются рѣдко, гдѣ не примѣняется вовсе дезинфекція— случаи зараженія очень часты. То же должно сказать и о грязныхъ, бѣдныхъ, переполненныхъ жителями домахъ туземцевъ.

Уже давно сдѣлано наблюденіе, что чума не прекращается непосредственно послѣ первой эпидеміи; за ней обыкновенно слѣдуетъ вторая, иногда даже болѣе сильная, чѣмъ первая, обыкновенно же болѣе слабая. Затѣмъ можетъ слѣдовать цѣлая серія эпидемій и область остается зачумленною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Часто замѣчается большая правильность въ промежуткѣ между началомъ двухъ эпидемій: въ Бомбеѣ этотъ промежутокъ равнялся 12 мѣсяцами, въ другихъ городахъ 13 и т. п.

Сравненіе временъ года и климатическихъ условій, въ которыхъ развивались эпидеміи чумы показываетъ, что въ предѣлахъ географическаго распространенія чумы, въ мѣстностяхъ съ очень разнообразными климатическими условіями и въ разныя времена года,—вездѣ, гдѣ только ни наблюдалась чума— такое сравненіе показываетъ, что для чумы нѣтъ ни болѣе благопріятнаго времени года, ни болѣе благопріятнаго климата: всѣ климаты, всѣ времена года равны предъ нею. Можно лишь сдѣлать одно общее ограниченіе: сильныя эпидеміи какъ въ Китаѣ, такъ и въ Индіи имѣли максимумъ своего развитія не въ самый жаркій періодъ времени года. Возобновленіе эпидеміи среди людей Simond ставитъ такъ же какъ и ея появленіе въ связь съ ея возобновленіемъ среди крысъ и это явленіе основываетъ на фактахъ достаточной убѣдительности.

Каковъ же механизмъ передачи микроба чумы? Выше изложенные факты не вполнѣ освѣщаютъ темныя стороны исторіи распространенія чумы. Нужно изслѣдовать еще трудный вопросъ о томъ, какими путями и средствами микробъ проникаетъ въ организмъ, какъ онъ передается отъ крысы къ крысѣ, отъ крысы къ человѣку, отъ человѣка къ человѣку и, наконецъ, отъ человѣка къ крысѣ.

Большинство бактеріологовъ держится того мнѣнія, что зараженіе крысъ происходитъ черезъ пищеварительный каналъ. Насчетъ способа, какимъ происходитъ зараженіе человѣка, мнѣнія ученыхъ расходятся. Одни допускали зараженіе черезъ пищеварительный каналъ, но патологическая анатомія не подтвердила этого взгляда. Теперь почти исключительно господствуетъ мнѣніе, что зараза проникаетъ или черезъ кожу или черезъ легкія. Однако цѣлый рядъ ежедневныхъ наблюденій и опытовъ вызвалъ у Simond'a сомнѣненіе въ спра

ведливости этого воззрѣнія. Во первыхъ со времени открытія микроба многочисленныя лабораторіи въ массѣ производятъ опыты съ прививкой чумы животнымъ и первымъ начальнымъ случаемъ зараженія лицъ, занимающихся въ лабораторіи, явился вышеописанный случай съ чумной эпидеміей въ Вѣнѣ. Во вторыхъ, было сдѣлано интересное наблюденіе, что лишь тѣ крысы передаютъ неизбѣжно заразу, которыя погибли недавно. Достаточно, чтобы человѣкъ взялъ въ руки такую крысу, и нѣсколькихъ секундъ соприкосновенія вполнѣ достаточно, чтобы въ теченіе трехдневнаго срока онъ заболѣлъ чумою. Наоборотъ нельзя было констатировать ни одного случая зараженія отъ крысы, смерть которой наступила за 24 часа до того момента, когда человѣкъ прикасался къ ея трупу. Наконецъ, опытомъ установленная трудность зараженія черезъ пищеварительный каналъ и большая легкость его посредствомъ введенія подъ кожу минимальныхъ количествъ заразной матеріи — все это заставило Simond'a старательно искать другой, естественной причины, способствующей прониканію микроба въ здоровую кожу. У животныхъ, естественно заболѣвшихъ чумою, никогда не встрѣчается пораженія кожи въ какомъ либо мѣстѣ, черезъ которое зараза могла бы проникнуть внутрь. Иначе дѣло обстоитъ съ человѣкомъ! Во многихъ случаяхъ на тѣлѣ зараженныхъ чумою находятъ подкожный налетъ, иногда нѣсколько, размѣръ которыхъ варіируетъ отъ булавочной головки до величины орѣха. Эти налеты заключаютъ жидкость, вначалѣ прозрачную, которая становится затѣмъ кровянистою или гноевидною; они появляются въ самомъ началѣ болѣзни, ранѣе всѣхъ другихъ симптомовъ и не исчезаютъ до конца. Если наступаетъ выздоровленіе, налетъ присыхаетъ и исчезаетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ достигаетъ большихъ размѣровъ; далѣе налетъ вскрывается, обнажая воспаленное основаніе; гангрена распространяется вглубь и по всѣмъ направленіямъ и въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ язва превосходитъ размѣрами 5 копѣечную монету. Благодаря этой язвѣ болѣзнь получила названіе черной смерти. Въ случаѣ выздоровленія, очень рѣдкаго въ такихъ случаяхъ, остается глубокій шрамъ на мѣстѣ язвы. Отъ самаго начала и до конца налетъ сохраняетъ болѣзненный характеръ. Язва неизмѣнно сопровождается вспуханьемъ паховой железы и опухоль всегда соотвѣтствуетъ налету. Если налеты находятся въ разныхъ областяхъ — у каждой будетъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ такая опухоль. Налеты бываютъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ тѣла, гдѣ кожа очень нѣжна и тонка. Simond произвелъ микроскопическое изслѣдованіе содержимой въ налетѣ жидкости и во всѣхъ случаяхъ, безъ исключенія, нашелъ чумныхъ микробовъ.

Каково же значеніе этой характерной язвы? Раннее ея появленіе, постоянное присутствіе въ ней микробовъ, замѣченная связь съ припуханіемъ железъ — все это заставляетъ предполагать, что язва является какъ бы дверью, черезъ которую зараза входитъ въ организмъ. Въ Бомбеѣ былъ случай, подтверждающій этотъ взглядъ. Нѣмецкій врачъ Sticker, производя вскрытіе умершаго отъ чумы, поранилъ себѣ руку инструментомъ, служившимъ для вскрытія. Черезъ день или черезъ два на мѣстѣ укола появился налетъ, содержавшій чумныхъ микробовъ и одновременно начала развиваться паховая опухоль. Два аналогичныхъ случая было съ двумя японскими врачами.

Если кожу, снятую съ обыкновеннаго налета, разсмотрѣть въ микроскопъ, то ясно видно, что поверхностные слои эпидермы не носятъ слѣдовъ предварительнаго нарушенія, что они совершенно цѣлы. Замѣчено, что чаще всего налеты появляются на ногѣ, но какъ разъ не въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе подвержены случайнымъ пораненіямъ у лицъ, которыя ходятъ босикомъ. Опыты показали, что ни прикосновеніе культивированнаго микроба, ни крови чумного животнаго, ни его выдѣленій со здоровой кожей не можетъ вызвать зараженія чумою ни человѣка, ни животнаго. Нужно, слѣдовательно, искать

внѣшняго, активнаго агента, посредствомъ котораго зараза могла бы быть перенесена къ мѣсту, гдѣ наблюдается появленія налета. Уже теоретически Simond пришелъ къ заключенію о вмѣшательствѣ въ дѣло переноса заразы черезъ здоровую кожу паразитовъ и *a priori* заподозрилъ блоху и клопа, какъ переносителей чумы. Не было возможности сдѣлать опытовъ съ клопами, роль которыхъ, если она дѣйствительна, ограничивается переносомъ чумы отъ человѣка къ человѣку. Напротивъ, многочисленные опыты съ зараженіемъ чумою животныхъ черезъ посредство блохъ привели автора къ выводу, что блохи являются главными источниками распространенія чумы въ естественныхъ условіяхъ. Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ тѣхъ любопытныхъ опытовъ, которые были произведены Simond'омъ въ доказательство его теоріи. Въ подтвержденіе ея онъ обращаетъ также вниманіе на то обстоятельство, что налеты появляются, какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ человѣческаго тѣла, которыя наиболѣе поражаются укусами блохъ. То обстоятельство, что налеты далеко не всегда сопровождаютъ чуму, даже скорѣе принадлежатъ къ рѣдкому явленію (1 на 20 въ среднемъ; въ иныя эпидеміи болѣе, въ другія менѣе этого числа)—не нарушаетъ теоріи Simond'а. На основаніи новыхъ наблюденій онъ допускаетъ, что зараженіе черезъ паразитовъ не ограничивается только случаями чумы съ налетами. Чуму человѣка можно свести къ тремъ различнымъ формамъ: форма съ видимыми опухолями железъ, затѣмъ форма безъ видимой опухоли и безъ воспаленія легкихъ и, наконецъ, съ воспаленіемъ легкихъ. Всѣ эти формы чумы, по мнѣнію Simond'а, не находятся въ зависимости отъ того или иного способа проникания микроба въ организмъ, а отъ степени силы микроба и воспріимчивости субъекта. Признавая, что эта теорія не имѣетъ значенія вполнѣ доказаннаго факта, авторъ, однако особенно настаиваетъ на томъ, что различныя формы заболѣванія чумой имѣютъ одну общую причину: передачу заразы черезъ посредство паразитовъ и особенно блохъ. Нужны однако дальнѣйшія изслѣдованія по признанію самого Simond'а, чтобы приписать ей исключительно роль переносителя чумной заразы. Какъ бы ни были недостаточны тѣ свѣдѣнія, которыя собраны въ трудѣ Simond'а о способѣ передачи чумы и ея микроба, однако то, что намъ дали его наблюденія, проливаетъ много свѣта въ тайны способа распространенія чумы и намъ становится понятнымъ и то предпочтеніе, которое болѣзнь явно обнаруживаетъ къ грязнымъ домамъ бѣдняковъ и нижнимъ этажамъ и постоянно наблюдаемая недостаточность дезинфекціи стѣнъ и половъ и безопасность лабораторныхъ работъ. Не нужно забывать, что вѣнская чума, какъ единичное явленіе, не можетъ идти въ счетъ еще и потому, что до сихъ поръ не удалось даже приблизительно опредѣлить, какимъ путемъ зараза могла перейти къ первой жертвѣ чумы. Намъ понятно далѣе, почему трупъ крысы въ нѣкоторые моменты очень заразителенъ, въ другіе,—наоборотъ—совершенно безвреденъ. Дѣло въ томъ, что заболѣвшія крысы перестаютъ, какъ показали наблюденія, заботиться объ удаленіи съ себя паразитовъ и послѣдніе нападаютъ на нихъ въ громадномъ количествѣ. Когда крыса погибаетъ, то по мѣрѣ остыванія ея трупа, блохи покидаютъ мало-по-малу ея кожу, но еще въ теченіе нѣсколькихъ часовъ остаются на трупѣ? Если въ этотъ періодъ человѣкъ прикасается къ крысѣ—на него неизбѣжно нападаютъ блохи; понятна также опасность, которую представляетъ для обитателей дома погибшая въ немъ крыса: блохи, покидая трупъ, разбѣгаются по полу, въ кровати, и домъ, такимъ образомъ, легко становится очагомъ заразы. Продолжительность инкубаціоннаго періода болѣзни опредѣляется отъ 12 до 72 часовъ, а потому срокъ для принятія какой-нибудь предохранительной мѣры опредѣляется minimum четырмя днями. Для того, чтобы мѣры были дѣйствительны, онѣ должны быть проведены методически, точно и со всею возможною строгостью. Онѣ должны быть направлены: 1) противъ крысъ, 2) противъ паразитовъ крысъ и чело-

вѣка и 3) противъ человѣка, являющагося изъ зараженной мѣстности. Мѣры противъ крысъ и паразитовъ состоятъ во всѣхъ средствахъ, ведущихъ къ ихъ уничтоженію. Мѣры противъ заноса чумы человѣкомъ заключаются въ дезинфекціи и въ карантинѣ, срокъ котораго начинается послѣ производства полной дезинфекціи. Къ этому еще должно присоединить провѣренное теперь на опытѣ средство, заключающееся въ предохранительной прививкѣ.

Вотъ въ крайне общихъ чертахъ содержаніе обстоятельнаго мемуара Simond'a. Въ заключеніе остается еще упомянуть о тѣхъ результатахъ, которые этотъ же изслѣдователь даетъ въ своемъ отчетѣ о лѣченіи чумы противочумной сывороткой, приготовляемой въ Пастёровскомъ институтѣ въ Парижѣ. Возьмемъ лишь общія цифры изъ этого отчета:

Число лѣчившихся сывороткой	75	чел.
Окончательно выздоровѣвшихъ	31	»
Находящихся на пути къ выздоровленію ...	6	»
Умершихъ	37	»

Между умершими, нужно замѣтить, фигурируютъ 12 лицъ, которымъ прививка сдѣлана была передъ самою смертью.

Общіе выводы Simond'a о прививкѣ сводятся къ двумъ положеніямъ: 1) Въ особенности хорошо поддается лѣченію форма чумы съ видимыми опухолями железъ. 2) Дѣйствительность прививки значительна, если болѣзнь не перешла 3-го дня отъ начала ея. Она очень незначительна, быть можетъ, прививка даже совершенно безполезна въ послѣднемъ случаѣ.

Въ Америкѣ появляются въ печати отчеты военныхъ врачей, которые служили въ дѣйствующей арміи во время войны на о. Кубѣ. Отчеты эти, еще очень общіе, содержатъ много интересныхъ наблюденій надъ ранами, которыя являются слѣдствіемъ новыхъ пуль малаго калибра. Не безъ изумленія врачи нашли въ 9 случаяхъ изъ 10 пули, засѣвшія въ мягкихъ частяхъ тѣла раненыхъ американцевъ: такого процента засѣвшихъ пуль далеко не ожидали. Ключъ къ разъясненію загадки дали наблюденія, что пули подверглись сильной деформаціи, и строгое разслѣдованіе установило, что, прежде чѣмъ попасть въ тѣло человѣка, пули должны были пройти черезъ среду оказавшую сильное сопротивленіе. Дѣйствительно, мѣстность, гдѣ происходило сраженіе было не только скалистой, но еще покрытой деревьями, которыя, въ большинствѣ случаевъ, оказались насквозь пробитыми пулями.

Часто огонь открывали на очень далекомъ разстояніи и у раненыхъ въ это время пули засѣли въ мягкихъ частяхъ, не повредивши костей. Ходъ пули малаго калибра вообще прямолинейный, такъ что достаточно осмотрѣть отверстіе раны и замѣтить направленіе, принятое пулей, чтобы опредѣлить органы, которые она затронула. Почти всѣ раны въ голову повлекли за собою смерть въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; причиною является внутреннее воспаленіе, котораго хирургическое лѣченіе не въ состояніи пріостановить. Равнымъ образомъ, пораненія позвоночнаго столба были смертельны, если спинной мозгъ оказывался затронутымъ. Зато громадный процентъ раненныхъ въ грудь солдатъ оставался въ живыхъ, что тѣмъ болѣе удивительно, такъ какъ за исключеніемъ особенно тяжелыхъ случаевъ — ни одинъ изъ солдатъ не пролежалъ въ постели болѣе 15 дней.

Ампутація рукъ и ногъ практиковалась очень рѣдко и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовали обстоятельства, вслѣдствіе зараженія ранъ. Примѣненіе рентгеновыхъ лучей дало поразительные результаты и нѣкоторые врачи пришли къ заключенію, что каждая дѣйствующая армія должна быть снабжена необходимыми приспособленіями и опытнымъ персоналомъ для разыскиванія

оставшихся въ тѣлѣ пуль посредствомъ X лучей. Пули малаго калибра рѣдко засоряютъ рану кусками матеріи платья, что представляетъ ихъ несомнѣнное преимущество предъ старыми пулями.

Недавно открыто движеніе по первому, небольшому участку строющейся желѣзной дороги, конечный пунктъ которой долженъ достигнуть вершины Юнгфрау на высотѣ 4.166 метровъ. Новая дорога примыкаетъ къ извѣстной линіи черезъ Венгернъ-Альпъ, наиболѣе высоко расположенная станція которой Малая Шейдегъ (на высотѣ 2.032 метровъ) служитъ начальнымъ пунктомъ и первой станціей новой дороги. Отсюда, по сѣверному склону хребта дорога будетъ подниматься до верхушки Юнгфрау и будетъ имѣть по пути 7 остановочныхъ станцій. Тяга будетъ электрическая, при чемъ любопытно отмѣтить, что для производства электрической энергіи воспользовались паденіемъ воды многочисленныхъ водопадовъ, общая работа которыхъ дастъ токъ въ 7.000 вольтъ. Вагоны, разсчитанные на 40 человѣкъ, будутъ подталкиваться локомотивами сзади. Разсчитываютъ, что вся желѣзная дорога будетъ закончена въ 1904 году.

Французское министерство общественныхъ работъ издало въ «Journal officiel» отчетъ о положеніи желѣзно-дорожной сѣти всей Европы къ 31 декабря 1897 года. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ этого отчета. Общая длина всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ было открыто движеніе къ 31 декабря, равнялась 263.745 километрамъ. Общая длина увеличилась по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 5.605 килом. Длина вновь построеннаго въ теченіе года пути почти равна той величинѣ, какую далъ предшествующій годъ (5.072 килом.).

По государствамъ это увеличеніе сѣти распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Государства.	Общая длина къ 31 декаб. 1897 г.	Приростъ въ 1897 г.
Германія	48.116 килом.	968 кил.
Франція	41.342 »	392 »
Россія	40.262 »	1.650 »
Англія и Ирландія .	34.445 »	224 »
Австро-Венгрія . . .	33.668 »	1.488 »
Италія	15.643 »	196 »
Испанія	12.916 »	44 »
Швеція	10.169 »	274 »
Прочія государства .	26.584 » .	568 »

Такимъ образомъ по абсолютной длинѣ своей сѣти Германія занимаетъ, какъ и прежде, 1 мѣсто, Франція—2, Россія—3. Если же сравнить длину сѣти дорогъ страны съ ея поверхностью, то Бельгія займетъ первое мѣсто по густотѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ: она имѣетъ 20 километровъ рельсоваго пути на 10.000 квадратныхъ метровъ поверхности. Для поверхности всей Европы то-же отношеніе выразится цифрой 2,7. Вся Европа имѣетъ въ среднемъ 6,9 километра желѣзнодорожнаго пути на 10.000 жителей.

Почти весь номеръ «Шотландскаго Географическаго Журнала» за октябрь мѣсяцъ 1898 г. посвященъ воззванію къ организаціи антарктической экспедиціи. Статьи, помѣщенныя въ немъ, разсматриваютъ, съ одной стороны, все, что намъ уже извѣстно о странахъ лежащихъ въ этой области земного шара, съ другой—указываютъ на гораздо большіе пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ о послѣднихъ и подписаны такими извѣстными именами, какъ сэръ Джонъ Муррэй, Тэйлоръ, Чёмли, Бартоломью и др. Чёмли даетъ очеркъ свѣдѣній о флорѣ и фаунѣ антарктической области, Бартоломью—библіографію, Тэйлоръ—краткую исторію антар-

ктическихъ экспедицій. Но особенно горячо написана статья сэра Джона Муррея, который обращается съ воззваніемъ къ правительству и частнымъ лицамъ за денежной поддержкой предпріятія. Онъ же даетъ обстоятельную программу научнаго изслѣдованія, которому область южнаго полюса должна быть подвергнута въ теченіе экспедиціи. Во-первыхъ идетъ изученіе атмосферы. Среднее давленіе атмосферы въ области южнѣе 45° вообще очень низко: нужно изслѣдовать, такъ ли оно низко и въ полярныхъ областяхъ или тамъ господствуютъ антициклоны, связанные, какъ извѣстно, съ высокимъ атмосфернымъ давленіемъ. Далѣе слѣдуетъ почти вовсе неизслѣдованный вопросъ о сушѣ антарктической области. Что она изъ себя представляетъ? Были найдены берега ея, но существуетъ ли антарктическій материкъ, какъ это обыкновенно допускаютъ? Уже имѣются кое-какія геологическія свѣдѣнія о невѣдомыхъ еще антарктическихъ земляхъ. благодаря изученію того твердаго матеріала, который приносится плавучими льдами; въ нихъ находятъ: гранитъ, гнейсъ, сланцы, діориты, кварциты, песчанники, графиты и известняки и пр. Изученіе палеонтологіи могло бы дать нѣкоторыя указанія о климатѣ этихъ странъ въ геологическомъ прошломъ. Предстоитъ далѣе цѣлый рядъ другихъ наблюденій: магнитныхъ, наблюденій надъ качаніями маятника, приливовъ и морскихъ теченій. Наши свѣдѣнія объ антарктическомъ океанѣ также крайне неполны; нужно много изслѣдованій самого океана: его глубины, покрова дна, температуры, а также поверхностной и глубоководной фауны его. Въ концѣ приложена карта, которая даетъ понятіе обо всемъ, что намъ извѣстно о южномъ полюсѣ; на ней обозначенъ путь, который намѣченъ Джономъ Муррeемъ для будущей экспедиціи. Въ первый пріемъ экспедиція должна достигнуть острова Петра I, гдѣ будетъ зимовка, и отсюда она должна попытаться достигнуть южнаго полюса по прямой линіи. Вторая зимовка предполагается на землѣ Викторіи; обратный путь разсчитанъ съ противоположной, африканской стороны. Такова, въ общихъ чертахъ, программа экспедиціи, которая будетъ стоить свыше $2^1/_2$ милліоновъ шиллинговъ. Конечно, Англія легко могла бы дать необходимыя средства и весь вопросъ заключается въ томъ, захотятъ ли тѣ, которые ими располагаютъ, пожертвовать ихъ для научнаго предпріятія. Правительство отказалось взять на свой счетъ расходы экспедиціи—все дѣло зависитъ, слѣдовательно, отъ частныхъ пожертвованій. Джонъ Муррей не слишкомъ оптимистически смотритъ на надежду встрѣтить сочувствіе въ публикѣ къ научному предпріятію. Вотъ подлинныя слова Муррея. «Какъ на нѣкоторыхъ тропическихъ островахъ, гдѣ естественные источники пропитанія изобильны, люди пріобрѣли кротость нравовъ, не поднявшись выше умственнаго развитія варваровъ, такъ, повидимому, огромныя накопленныя въ нашъ вѣкъ богатства позволяютъ множеству людей жить въ роскоши и комфортѣ, оставаясь на ступени умственнаго развитія прошлыхъ вѣковъ». Въ этихъ словахъ, къ сожалѣнію, высказана горькая истина. Пожелаемъ же, чтобы на этотъ разъ англійское научное предпріятіе встрѣтило побольше сочувствія и чтобы вообще на будущее время накопленныя трудомъ цѣлыхъ поколѣній богатства расходовались раціональнымъ образомъ, а слѣдовательно, и на пользу науки, имѣющей идеальною цѣлью—познаніе истины ради всеобщаго блага человѣчества.

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Январь. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги:* Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы и искусства. Библіографія.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.*—Изъ западной культуры. «Гдѣ настоящая франція?» Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Стихотворенія Н. М. Языкова.—«Dubrowsky», Erzählung von A. Puschkin.

Стихотворенія Н. М. Языкова. «Дешевая Библіотека». №№ 203 и 204. Спб. Изд. А. С. Суворина. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ стихотвореніями Языкова «восхищалась вся Россія»; какъ поэта, его ставили сряду послѣ Пушкина и даже *выше* Пушкина. Если вѣрить «Литературнымъ воспоминаніямъ» Панаева, Гоголь однажды заявилъ въ дружеской бесѣдѣ, что «Языковъ не только не уступаетъ самому Пушкину, но даже превосходитъ его иногда по силѣ, громкости и звучности стиха». По свидѣтельству Гоголя, Пушкинъ проливалъ слезы надъ стихами Языкова, а Жуковскій считалъ его «Землетрясеніе» лучшимъ перломъ русской поэзіи. Даже Бѣлинскій, говоря о первомъ, наиболѣе блестящемъ, періодѣ литературной дѣятельности Языкова, призналъ, «что онъ много сдѣлалъ для развитія эстетическаго чувства въ обществѣ».

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ звѣзда Языкова меркнетъ, и въ 1842 году Бѣлинскій называетъ его уже стихотворцемъ, который ошибочно провозглашенъ поэтомъ, весь выписался, всѣмъ надоѣлъ старыми погудками на новый ладъ и даже утратилъ «свой бойкій, звонкій и гладкій стихъ». Несмотря на поддержку со стороны Гоголя, не въ мѣру превознесшаго Языкова въ «Перепискѣ съ друзьями», выходъ которой совпалъ со смертью поэта (26-го декабря 1846 г.), несмотря на сочувственные некрологи кн. Вяземскаго, Погодина и Шевырева, стихотворенія «огненнаго поэта» дождались посмертнаго изданія только въ 1858 году. Это прекрасное по тому времени, хотя и не совсѣмъ полное, изданіе, снабженное кромѣ біографическаго очерка, составленнаго Перевлѣсскимъ, издателемъ стихотвореній, всѣми критическими статьями о Языковѣ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ,—не успѣло разойтись въ теченіе *сорока* лѣтъ. Въ концѣ 1896 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Языкова и прекратилось право собственности на его литературное наслѣдство, но новаго изданія твореній Языкова не появилось, и даже, кажется, ни одинъ издатель дешевыхъ иллюстрированныхъ журналовъ не воспользовался наслѣдствомъ покойнаго поэта для «безплатнаго приложенія». Такимъ образомъ, почти вполнѣ оправдались слова Бѣлинскаго, что имя Языкова «переживетъ его труды» Почти вполнѣ, потому что нѣкоторыя произведенія Языкова по справедливости занимаютъ и, по всей вѣроятности, долго еще будутъ занимать почетное мѣсто въ школьныхъ хрестоматіяхъ, а нѣкоторыя его пьесы, положенныя на музыку, какъ, напримѣръ: «Пловецъ» и пѣсня: «Изъ страны, страны далекой», пользуются громкою популярностью.

*

Если современный читатель обратится къ послѣднему изданію стихотвореній Языкова, онъ убѣдится, что все лучшее въ нихъ ему давно извѣстно, еще со школьной скамьи, а все остальное представляетъ только историческій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, если къ упомянутымъ двумъ произведеніямъ прибавить еще десятокъ прекрасныхъ пьесъ, какъ, напр.: «Геній», «Поэту», «Молитва», «Землетрясеніе», переложеніе псалмовъ и др., то что же останется еще въ литературномъ багажѣ Языкова? Остается прежде всего цѣлая сотня поэтическихъ посланій роднымъ, близкимъ друзьямъ и знакомымъ, начиная съ Пушкина и Гоголя и кончая участницами студенческихъ пирушекъ; но эти риѳмованныя письма наполнены разсказами о «праздникахъ молодости», воспоминаніями о «безподобномъ дерптскомъ житьѣ» и «поэтическомъ пьянствѣ», жалобами на скуку и тѣлесныя немощи, выходками противъ «нехристи нѣмецкой» и русскихъ западниковъ и т. д. и т. д. Далѣе, останется до тридцати «элегій», въ которыхъ поэтъ тоскуетъ о такихъ мелочахъ, которыя и для самого автора имѣли скоропроходящій интересъ. Недостатокъ денегъ, нераздѣленная любовь, измѣны прелестницъ, неосуществимость сладострастныхъ мечтаній—вотъ преобладающіе мотивы большинства элегій Языкова. Серьезнѣе тѣ элегіи, гдѣ описывается «скука и тоска среди чужого языка» во время пятилѣтнихъ скитаній за границей, но и это грустное чувство улетучивалось, когда у Языкова оказывались «три сладостныя блага: уединенный садъ, видъ моря и *малага*». Потомъ десятокъ студенческихъ пѣсенъ, распѣвавшихся на студенческихъ пирушкахъ и частью переведенныхъ даже на нѣмецкій языкъ. Но кому въ настоящее время можетъ нравиться идеализація дерптскаго студента, который по утрамъ «читаетъ Канта, а вечеромъ спѣшитъ къ вину отъ фоліанта»? Кто теперь повѣритъ Языкову, что

Душа героевъ и пѣвцовъ,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цвѣтовъ
Ведетъ къ ученому патенту?

Послѣ посланій, элегій и пѣсенъ останется до десятка произведеній, изображающихъ отдаленную русскую старину, но въ нихъ, сверхъ присущаго большинству стихотвореній Языкова риторизма и неудачныхъ неологизмовъ, читатель найдетъ только неудачныя и тенденціозныя попытки воспѣть «славянъ плѣнительные нравы» вообще, а въ частности—«Славянскихъ героевъ побѣды, ихъ нравы простые, ихъ жаръ боевой»!

Наконецъ, въ полномъ собраніи сочиненій Языкова есть нѣсколько болѣе крупныхъ вещей. Таковы: «Жаръ-птица» (драматическая сказка) и «Сказка о пастухѣ и дикомъ вепрѣ», представляющія грубую поддѣлку народной поэзіи; «Сержантъ Сурминъ» и «Липы» — анекдоты въ стихахъ; «Отрокъ Вячко»— варіяція на лѣтописный разсказъ объ осадѣ Кіева печенѣгами и, наконецъ, два драматическихъ произведенія изъ современной жизни: «Странный случай» и «Встрѣча новаго года», гдѣ выведены ближайшіе друзья Языкова, «всѣ навеселѣ въ разныхъ градусахъ». Всѣ эти произведенія до того слабы въ художественномъ отношеніи, что ихъ трудно дочитать до конца, а дочитавши, нельзя не пожалѣть о потерянномъ времени.

Совершенно иное значеніе получаютъ произведенія Языкова, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія автобіографической и историко-литературной. Вопреки высказанному Бѣлинскимъ мнѣнію, что «поэзія Языкова не была выраженіемъ его жизни», въ настоящее время, послѣ опубликованія, хотя отчасти, переписки поэта, невозможно не согласиться съ заявленіемъ, сдѣланнымъ болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, что поэзія Языкова—лучшая его біографія. Въ произведеніяхъ Языкова отражается вся его безпечная, пропитанная славянскою лѣнью натура, не уравновѣшенная въ своихъ порывахъ никакимъ сколько-нибудь

устойчивымъ принципомъ и неспособная надолго проникнуться ни однимъ сколько-нибудь глубокимъ чувствомъ. Для Языкова вполнѣ естественно, воспѣвши наслажденія продажной красотой, обратиться съ выраженіемъ платоническихъ чувствъ къ Воейковой; для него нѣтъ ничего страннаго сказать поэту:

Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка,
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Невиненъ будь, какъ голубица,

а вслѣдъ затѣмъ заявитъ, что «двѣ добродѣтели поэта: хмѣль и свобода»; или сказать, что «независимая лира» Дельвига «чужда была страстямъ земнымъ, звуча наитіемъ святымъ», и въ подтвержденіе сказаннаго привести такія доказательства: «Любовь онъ пѣлъ... онъ пѣлъ вино». И все это написано въ теченіе одного года, когда поэту было подъ тридцать лѣтъ. Даже въ одномъ и томъ же стихотвореніи непостоянное настроеніе Языкова измѣняется самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи очень характерно написанное въ 1834 году стихотвореніе «Ау!» За обращеніемъ къ «чернобровому ангелу рая» здѣсь слѣдуетъ сожалѣніе о томъ, что поэтъ «пестро и неправильно жилъ» въ Дерптѣ и «долго пилъ»; далѣе онъ заявляетъ, что

Святыхъ восторговъ проситъ лира,
Она чужда тѣхъ буйныхъ лѣтъ,
И вновь изъ прелести суетъ
Не сотворитъ себѣ кумира,

что теперь такимъ «кумиромъ» для поэта будетъ Москва, — и приглашаетъ поэтовъ искать здѣсь «русскихъ словъ и всенародныхъ вдохновеній». Вы ждете дифирамбовъ въ честь первопрестольной столицы и находите скромное заявленіе такого содержанія:

...Скромной пѣснію любви
Я воспою лазурны очи,
Ланиты свѣжія твои.
Уста сахарны, груди полны.
И бѣлизну твоихъ грудей,
И черныхъ, дѣвственныхъ кудрей
На ней блистающія волны.

Не переставая отъ времени до времени «кипѣть» вакхическими и пріапическими мечтами, Языковъ, подъ вліяніемъ московскихъ друзей, обращается къ религіозной лирикѣ и проявляетъ особый интересъ къ народному творчеству. Въ то же время развиваются его славянофильскія тенденціи, замѣтныя въ зародышѣ еще въ поэзіи дерптскаго періода. Языковъ приглашаетъ поэтовъ искать въ Москвѣ «русскихъ словъ и своенародныхъ вдохновеній», заявляетъ о своей любви къ «до-лефортовской Руси», прославляетъ Карамзина за то, что онъ учитъ насъ «не плевать на честныя могилы могучихъ прадѣдовъ своихъ»; превозноситъ Шевырева за то, что въ его публичныхъ лекціяхъ о древней русской литературѣ «самобытная, родная заговорила старина, насъ къ новой жизни подымая отъ униженія и сна». По мѣрѣ усиленія славянофильскихъ симпатій Языкова растетъ его антипатія къ «нехристи нѣмецкой», даже къ нѣмецкому столу, «безчеловѣчно безвкусному», и нѣмецкой природѣ, не исключая красотъ Рейна, гдѣ для широкой русской натуры все было «мало, безвкусно, пошло, дико, трынъ-трава». Вполнѣ естественно также было для Языкова, сдѣлавшагося слафянофиломъ не только по убѣжденіямъ, но и «по родству», какъ ѣдко замѣтилъ Герценъ, перенести свою антипатію съ «нехристи нѣмецкой» и на русскихъ западниковъ. Проявленіе этой вражды къ литературнымъ противникамъ славянофильства началось выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что «Россіи книжники младые вывозятъ ей (изъ-за границы) лишь тлѣнъ и вздоръ, туманъ шального мудрованья, глухую спѣсь, немилость къ намъ и знаменитыя прозванья своихъ учителей»; а кульминаціоннаго пункта эта вражда достигла въ

знаменитомъ «доносѣ въ стихахъ» («Къ не-нашимъ»), гдѣ Грановскій названъ «сладкорѣчивымъ книжникомъ, оракуломъ юношей-невѣждъ, легкомысленнымъ сподвижникомъ безпутныхъ мыслей и надеждъ», а по адресу всѣхъ западниковъ было сказано:

Вы людъ заносчивый и дерзкій.
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой.
Вы всѣ—не русскій вы народъ!
Не любо вамъ святое дѣло
И слава нашей старины,
Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
Родное чувство... и т. д.
...Русская земля
Отъ васъ не приметъ просвѣщенья.
Вы страшны ей: вы влюблены
Въ свои предательскія мнѣнья
И святотатственные сны!
Худой и лестію своею
Не вамъ ее преобразить,
Вы, не умѣющіе съ нею
Ни жить, ни пѣть, ни говорить!
Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый *) вашъ языкъ.
Крѣпка, надежна Русь святая,
И русскій Богъ еще великъ!

Въ виду значенія стихотвореній Языкова для характеристики студенческой жизни въ старомъ Дерптѣ и для исторіи взаимныхъ отношеній московскихъ славянофиловъ и западниковъ,—нельзя не пожелать полнаго собранія его произведеній, болѣе или менѣе основательно комментированнаго библіографическими примѣчаніями и снабженнаго подробной біографіей автора. Изданіе Суворина этимъ требованіямъ, конечно, не удовлетворяетъ и сверхъ того страдаетъ нѣкоторой неполнотой. Такъ въ немъ пропущено примыкающее по содержанію къ стихотворенію «Къ не-нашимъ» посланіе К. Аксакову, гдѣ Грановскій названъ «блистательнымъ лакеемъ нѣмечтины лукавой».

Dubrowsky. Erzählung von Alexander Puschkin. Uebersetzung aus dem Russishen von B. Cordt. Leipzig (1898). Verlag von Philipp Reclam. Повѣсть переведена г. Кордтомъ безукоризненно хорошо; отмѣчаемъ это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что проза Пушкина весьма рѣдко поддается передачѣ на нѣмецкій языкъ: переводъ «Капитанской дочки», сдѣланный Ланге, не удовлетворяетъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Переводчикъ Дубровскаго, очевидно, владѣющій одинаково хорошо обоими языками, осилилъ не только труднѣйшіе архаизмы, но умѣлъ придать соотвѣтственную яркость и жизненность разговорамъ дѣйствующихъ лицъ, въ то время какъ у Ланге, напримѣръ, и Мироновъ, и Пугачевъ и (у него же) Борисъ Годуновъ—всѣ говорятъ языкомъ, одинаково прѣснымъ и лишеннымъ какой бы то ни было индивидуальной окраски. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ удались переводчику трудныя мѣста повѣсти,—приведемъ хотя бы передачу словъ «Громъ побѣды раздавайся»:—«Laut ertöne Siegesdonner».

Нельзя не замѣтить, что Пушкину и Толстому все-таки посчастливилось больше, нежели другимъ нашимъ классикамъ: изъ Достоевскаго кромѣ «Преступленія и наказанія» да «Записокъ изъ Мертваго дома» ничего, кажется, и не переведено. Нѣмецкая публика незнакома до сихъ поръ даже съ такой первостепенной его вещью, какъ «Вѣчный мужъ», не говоря уже о большихъ

*) Въ изданіи Суворина вмѣсто «проклятый» поставлено «невѣрный».

романахъ; Тургеневъ также далеко не весь переведенъ. Переводчикамъ, подобнымъ г. Кордту, не по-ремесленному относящимся къ своему дѣлу, есть надъ чѣмъ поработать...

ПУБЛИЦИСТИКА.

● *Меньшиковъ.* «О писательствѣ».—*В. В. Верещагинъ.* «Листки изъ записной книги».

О Меньшиковъ. О писательствѣ. Спб. 1898 г. На страницахъ нашего журнала была уже дана оцѣнка этого писателя и если мы рѣшаемся еще разъ привлечь вниманіе читателей на этого par excellence скучнаго автора, то этимъ желаемъ лишь избѣжать упрека въ придирчивости и несправедливомъ къ нему отношеніи.

Какимъ болѣе деликатнымъ эпитетомъ, чѣмъ скучный пустословъ, можно назвать писателя, который цѣлую статью въ 23 страницы посвящаетъ доказательству истины, что честность для писателя необходима? Трудно повѣрить, не увидавъ собственными глазами, что можно истратить столько типографской краски, оскорбить цитатами Чернышевскаго, Сенеку, Эпикура, Тарда, съ тѣмъ только, чтобы опровергнуть мнѣніе «Петербургской газеты» (sic) о необязательности для писателя честности. Чтобы ознакомить читателя съ характеромъ изложенія г. Меньшикова, при его многорѣчивости, къ сожалѣнію, необходимы были бы слишкомъ пространныя выписки, но слѣдуетъ привести хоть одинъ, по возможности краткій образчикъ. «Если бы искусство существовало само по себѣ, помимо людей, если бы литераторъ былъ не человѣкъ (?) и писалъ не для человѣчества,—тогда о добросовѣстности таланта можно бы не заботиться, но искусство... вплетается въ самую жизнь человѣка и не можетъ служить ему простымъ орудіемъ. Простое орудіе—топоръ, напр., пригодно одинаково и для подвига, и для злодѣйства; такое орудіе, само по себѣ, конечно, ни честно, ни безчестно; виновникъ дѣйствія—рука, направляющая орудіе, точнѣе—мозгъ, который управляютъ рукою. Когда говорятъ о честности въ журналистикѣ, говорятъ, конечно, не о бумагѣ и чернилахъ, не объ алфавитѣ, не о словахъ и фразахъ печати (какая осторожность въ сужденіи!), а о честности того сознанія, которое составило эти слова и фразы»... «Честность журналиста нужна не только для публики, но и для самихъ писателей. Вѣдь даже въ хорошо поставленной торговлѣ честность купца создаетъ ему кредитъ и довѣріе публики: хорошіе торговые дома также страшатся обмануть покупателя, какъ боятся этого государственныя учрежденія. Честность на Западѣ создала множество торговыхъ карьеръ» и т. д. и т. д. (стр. 182 и 185). Помните, читатель, какъ Іудушка Головлевъ уговаривалъ мужика, который пришелъ къ нему ржицы попросить въ домъ: «Ахъ, ахъ, грѣхъ какой! Вотъ кабы вы поменьше водки пили, да побольше трудились, да Богу молились, и землица-то чувствовала бы! Гдѣ нынче зерно — смотришь, анъ въ ту пору два или три получилось бы!... Ты думаешь, Богъ-то далеко, такъ онъ и не видитъ?—анъ Богъ-то вотъ—онъ»...

Но особенно неутомимъ г. Меньшиковъ, когда высказываетъ какія-нибудь очевидныя нелѣпости. Такъ, онъ на 50 страницахъ излагаетъ свой проэктъ о реорганизаціи средней школы. Всѣ предметы обученія должны быть оставлены: «безъ ариѳметики и географіи доказана возможность высокой культуры», «занятія математикой ничуть не вліяютъ на общее развитіе»; все образованіе должно быть сведено къ чтенію книгъ въ классѣ. Какихъ же книгъ? — «Хорошихъ книгъ», «классическихъ авторовъ». Но кого же именно считать «классиками»? «Когда-нибудь я разсчитываю сдѣлать это,—утѣшаетъ насъ г. Меньшиковъ, — пока же ограничиваюсь болѣе важною задачей: указаніемъ на то,

какъ слѣдуетъ приступить къ выбору книгъ и чѣмъ руководиться при этомъ». Послушаемъ. «Кто затрудняется въ выборѣ чтенія, пусть начнетъ съ родныхъ классиковъ, имена которыхъ всѣмъ извѣстны, затѣмъ перейдетъ къ чужимъ классикамъ, которыхъ имена тоже общеизвѣстны» (стр. 77 и 78). Вотъ какой смѣлый реформаторъ г. Меньшиковъ!

Г. Меньшиковъ на каждомъ шагу упоминаетъ всуе имена Аристотеля, Спинозы, Дарвина, Маркса, Шопенгауера, Ренана, Тэна, Карлейля, Бокля и др.: имена классиковъ вѣдь общеизвѣстны. Чаще, впрочемъ, онъ ссылается на анонимовъ: «одинъ ученый утверждаетъ», «многіе изслѣдователи согласны», «по замѣчанію одного мыслителя» и т. п. Но на науку у него точка зрѣнія опять того же Іудушки Головлева. «Вотъ многіе нынче въ безсмертіе души не вѣрятъ... а я вѣрю!—пустословитъ Іудушка.—Ужъ это развѣ отчаянные какіе нибудь!—возражаетъ отецъ благочинный.—Нѣтъ, и не отчаянные, а наука такая есть, будто бы человѣкъ самъ собою... живетъ — это, и вдругъ — умеръ!.. ... Наукамъ вѣрятъ, а въ Бога не вѣрятъ». Теперь говоритъ г. Меньшиковъ: «Прежній, до-натуральный человѣкъ (т. е. жившій до развитія естествознанія) задавался цѣлью не меньше, какъ узнать Господа, міровую душу, разрѣшить суть вещей. Натуралистъ же (т. е. современный ученый) задается изслѣдованіемъ фіалки или бабочки... Въ то время, какъ старинный человѣкъ ни на вершокъ не подвигался къ рѣшенію, мучился, страдалъ, громоздилъ вымыслы на вымыслахъ и погибалъ подъ ихъ развалинами, человѣкъ новый успѣетъ въ одинъ часъ закончить изслѣдованіе: сосчитываетъ лепестки, тычинки, листики, отмѣчаетъ ихъ форму, цвѣтъ, расположеніе, записываетъ все это и, сложивъ работу въ ящикъ, идетъ прогуляться съ сознаніемъ успѣха» (стр. 208). Вотъ вамъ и Дарвинъ! Логическая сила точныхъ наукъ для г. Меньшикова непостижима; онъ убѣжденъ, что выводъ ихъ можно принимать только на вѣру: «Есть разрядъ знаній, превратившихся *въ вѣру*, неподвижныхъ; таковы законы математики и нѣкоторыхъ (?) точныхъ наукъ» (стр. 55). Когда же г. Меньшикову кажется нужнымъ почерпнуть аргументъ изъ исторіи, то тутъ съ совершенною ясностью обнаруживается, что ему неизвѣстно, гдѣ эта наука хранитъ свои свѣдѣнія, и онъ просто сочиняетъ свою исторію. Вотъ какъ онъ схематизируетъ смѣну аристократическаго режима демократіей, начиная съ первобытныхъ временъ до нашихъ дней: «Древняя аристократія оттого и пала, что перестала быть истинною аристократіей, «отборомъ лучшихъ». Предки этой аристократіи — начальники дружинъ и князья — были дѣйствительно аристократами: превосходство тѣла и духа безъ труда дало имъ господство надъ бродячими толпами, организованныя шайки которыхъ были первыми завязями общества. Эта аристократія потому была истинной, что она была аристократія духа: ее отличало геройство, беззавѣтная храбрость, способность ставить идеальныя цѣли выше жизни и достигать ихъ хотя бы цѣною жизни. Превосходить толпу, приспособлять, а не приспособляться — вотъ девизъ этой древней интеллигенціи, который долженъ бы служать девизомъ и нынѣшней» (стр. 162—163). Въ данномъ случаѣ г. Меньшиковъ не растекается въ словахъ, а однимъ почеркомъ пера разрѣшаетъ самые темные вопросы соціологіи и исторіи, обогощая науку самыми неожиданными открытіями. Когда еще ученые придутъ къ соглашенію насчетъ «первыхъ завязей общества», но г. Меньшиковъ не знаетъ колебаній въ рѣшеніи научныхъ проблемъ: первыя завязи общества это организованныя шайки бродячихъ толпъ. Положимъ здѣсь нѣтъ никакого смысла, но вѣдь г. Меньшиковъ пишетъ «нервами». Никто никогда не думалъ, чтобы «древняя аристократія» представляла изъ себя нѣчто единое, чтобы она была тожественна интеллигенціи, чтобы ею руководили «идеальныя цѣли», теперь наукѣ придется передѣлаться, иначе она будетъ противорѣчить бреду г. Меньшикова. Вотъ и исторія греческихъ городскихъ общинъ оказывается

совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ ее считали до сихъ поръ: «Безпутное веселье, безпорядокъ, сумятица, бѣдность этихъ городовъ, ихъ невѣжество съ воцареніемъ тирана смѣнялись хотя и скукой, но порядкомъ, зажиточностью, образованностью, великолѣпными сооруженіями» (стр. 206). Не даромъ г. Меньшиковъ вспоминаетъ, въ какой плохой школѣ онъ получилъ образованіе. Преподаватели такъ скучно и непонятно излагали свои предметы, что «сидишь бывало въ классѣ, сознается онъ, не шелохнешься, читаешь какой нибудь романъ украдкой, рисуешь или пишешь, что взбредетъ въ голову» (стр. 41). Мы не будемъ останавливаться на болѣе мелкихъ открытіяхъ г. Меньшикова, какъ напримѣръ, что «учебникъ»—изобрѣтеніе недавнихъ временъ (стр. 50), когда этому изобрѣтенію болѣе 1500 лѣтъ, что матеріализмъ расцвѣлъ позже политическаго движенія въ концѣ прошлаго вѣка (стр. 206) и т. п.

Не смотря на столь обширныя свѣдѣнія и научность доводовъ, г. Меньшиковъ постоянно обнаруживаетъ удивительно короткую память, вслѣдствіи чего впадаетъ то и дѣло въ забавныя противорѣчія. На стр. 16 изображено: «Геній народа обнаруживается лишь въ тѣ эпохи, когда духъ его пріобрѣлъ извѣстную напряженность. Для этого нужно, чтобы жизнь народа вливалась долго хотя бы въ кривое, но опредѣленное русло, чтобы цѣлый рядъ поколѣній росъ и воспитывался въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ быта... Такая *старая культура* есть настоящая душа даннаго времени... Только въ подобныя, духовно-сильныя эпохи... и бытъ, и нравы, и физіономіи, и чувства, и мысль народа отливаются въ прочныя, родовыя формы, и, достигая въ нихъ высшей степени напряженія, *пріобрѣтаютъ способность творчества*». На 17 стр. оказывается совсѣмъ напротивъ: «Человѣкъ *старой культуры*, вступая въ жизнь, получаетъ въ наслѣдство все готовое: философію, знаніе, искусство, типы жизни, зданій, одежды, обстановки, тьму готовыхъ изобрѣтеній и машинъ (?), *лишающихъ его возможности приложить свое творчество*» (курсивы наши). Во взглядахъ г. Меньшикова на русскую литературу царитъ непроглядный хаосъ, который иногда озаряется молніеносными мыслями г. Волынскаго. Русскіе писатели, по соображеніямъ г. Меньшикова, раздѣляются на «истинныхъ художниковъ», къ каковымъ причисляются Пушкинъ, Тургеневъ, Гончаровъ и Толстой, и «натуралистовъ», каковы: Гоголь, Достоевскій, Щедринъ и вся «ихъ школа» (?). Въ большинствѣ случаевъ г. Меньшиковъ очень суровъ къ «натуралистамъ» (въ дѣйствительности въ русской литературѣ таковыхъ никогда не было, за исключеніемъ развѣ г. Боборыкина и г. Макс. Бѣлинскаго). «Гоголевская школа» «*отыскала* въ жизни такія язвы, такіе изувѣченные типы, что сама обратилась въ какую то больницу; воплотивъ эти *преходящія уродливыя явленія* въ слово, обезсмертивъ ихъ, литература внесла въ міросозерцаніе общества кошмаръ... Я думаю, что всю жизнь вращаться въ средѣ гоголевскихъ и щедринскихъ героевъ для впечатлительнаго человѣка столь же небезопасно, какъ въ средѣ помѣшанныхъ» (стр. 75—76). «Большіе таланты—Гоголь, Достоевскій, Щедринъ—инстинктивно чувствовали, что натурализмъ скученъ... Поэтому, *для цѣлей успѣха*, они сдобрили натурализмъ или карикатурой, какъ Гоголь, или политическою злобой, какъ Щедринъ, или психическими ужасами, какъ Достоевскій... Гоголь признавался, что секретъ его былъ въ томъ, что онъ «старался писать какъ можно смѣшнѣе», т. е. изображать людей не въ ихъ естественныхъ пропорціяхъ, а въ карикатурѣ. То же стремленіе и часто съ явной грубостью бьетъ и у Щедрина» (стр. 217). Все это конечно чистѣйшая клевета, которую не стоитъ опровергать, но во всякомъ случаѣ тутъ есть нѣчто цѣльное, школа (г. Волынскаго). Но вотъ г. Меньшикову хочется поболтать о заслугахъ критики, и опять выходитъ все наоборотъ. «Гоголь, напримѣръ, былъ нетолько изумленъ, но даже испуганъ глубокими и обширными выводами, сдѣланными тогдашней критикой изъ «Ре-

визора». По замыслу автора эта знаменитая комедія должна была идти не далѣе благодушнаго изобличенія уѣздныхъ взяточниковъ, а критика ее *символизировала*, какъ картину общаго упадка русской жизни» (какой ужъ тутъ натурализмъ!). «Нѣкоторымъ авторамъ — *Достоевскому*, Л. Н. Толстому, *Щедрину*, Гончарову,—и до сихъ поръ еще недостаетъ достойной ихъ критики, недостаетъ проводника, который ввелъ бы читателя въ величественныя зданія ихъ мысли и показалъ бы скрытыя въ нихъ сокровища». Это ужъ совсѣмъ не похоже на «скучный натурализмъ, сдобренный каррикатурой». Но дальше—еще лучше. «Литература, если она мысль народная, то, отдалившись отъ великихъ общечеловѣческихъ нуждъ въ годину горя, она обрекаетъ себя на позоръ; она недостойна названія литературы. Въ первую половину нашего вѣка, въ 4-е и 5-е десятилѣтія. все, что только было живого въ Россіи и благороднаго изъ всѣхъ сословій, было охвачено страстной жаждой правды, страстнымъ отрицаніемъ дряхлаго, душившаго жизнь рабства» (стр. 243). Итакъ, *живое и благородное* на одной страницѣ становится на другой кривляньемъ *для цѣлей успѣха* и производитъ впечатлѣніе *дома помѣшанныхъ*. До чего забывчивъ г. Меньшиковъ, наглядно свидѣтельствуетъ слѣдующій курьезный эпизодъ. На стр. 131—132 онъ разсказываетъ анекдотъ о томъ, какъ одинъ французскій журналистъ самъ съ собою ругался въ двухъ различныхъ газетахъ. На стр. 146 въ той же статьѣ тотъ же самый анекдотъ повторенъ дословно. Нельзя предположить даже ошибки метранпажа, потому что въ томъ и другомъ случаѣ дублетная страница находится въ связи съ общимъ изложеніемъ. И такими курьезами полна книга писателя, который на каждомъ шагу твердитъ, что дѣло писателя — святое, высокое дѣло, требующее отъ человѣка знаній, вѣры, добродѣтели и проч.

В. В. Верещагинъ. Листки изъ записной книжки. Москва. 1898 г. Если бы какой-нибудь литераторъ вздумалъ собрать и предать тисненію безсвязные контуры и арабески, которые онъ машинально чертилъ на поляхъ своихъ рукописей въ промежуткѣ между двумя мыслями, это производило бы такое же впечатлѣніе, какъ «листки» *художника* В. В. Верещагина. Г. Верещагинъ и раньше зарекомендовалъ себя малоталантливымъ, но очень претенціознымъ писателемъ: у него есть совершенно ничтожный романъ «Литераторъ», и мемуары подъ болѣе чѣмъ отважнымъ заглавіемъ «Дѣтство и отрочество», и наивное историческое «сочиненіе» «Наполеонъ I въ Россіи 1812 года», и еще другія произведенія.

Къ ранѣе обнаруженнымъ качествамъ г. Верещагинъ новымъ своимъ изданіемъ прибавилъ еще неуваженіе къ литературѣ. Мы далеки отъ нелѣпой мысли, что, если человѣкъ владѣетъ кистью, то пусть пишетъ картины и въ литературу не суется. Напротивъ, писанія многихъ художниковъ, если и не могутъ сравниться съ ихъ пластическими произведеніями, все-таки въ высшей степени интересны, начиная съ мемуаровъ Бенвенуто Челлини и стихотвореній Микель Анджело, кончая статьями Крамского. Внимательному зрителю они многое объясняютъ въ ихъ творчествѣ, раскрываютъ психологическую основу его, увеличивая тѣмъ наслажденіе и поучительность, получаемыя отъ ихъ образовъ. Что же могутъ намъ объяснить или раскрыть «листки» г. Верещагина, гдѣ въ невѣроятномъ безпорядкѣ трактуются самые разнообразныя предметы, но ни объ одномъ авторъ не умѣетъ сказать ничего интереснаго? Г. Верещагинъ думаетъ, что обо всемъ можно поговорить «кстати», и изъ такихъ à propos,—смотришь,—вышла книжка.

Начнетъ, положимъ, г. Верещагинъ излагать свои шаблонныя разсужденія о реализмѣ, объ искусствѣ для искусства, за которыя ученикъ 8-го класса ни въ какомъ случаѣ не могъ бы разсчитывать получить четверку,—кстати, перейдетъ къ послѣднимъ своимъ выставкамъ въ Европѣ, гдѣ, конечно, «многіе

этюды... смотрѣлись и одобрялись, главное же вниманіе публики все-таки привлекалось картинами». Черезъ нѣсколько строкъ: «Кстати о Вѣнѣ, гдѣ въ послѣднее время была моя выставка». Слѣдуютъ полторы странички объ одной психологической особенности жителей Вѣны и о новыхъ сооруженіяхъ этого города. Затѣмъ опять,—ужъ кстати: «Заведя рѣчь объ общественныхъ зданіяхъ, я позволю себѣ посовѣтовать вѣнцамъ непремѣнно достроить соборъ св. Стефана», при чемъ г. Верещагинъ предвидитъ, что ему на это скажутъ вѣнцы и что онъ въ свою очередь имъ возразитъ; ихъ отговорки, конечно, оказываются незаслуживающими уваженія. Кстати ужъ и о безпорядкахъ въ рейхсратѣ. Тутъ г. Верещагинъ попутно высказываетъ очень серьезное соображеніе: «Попытка (?) разрѣшать крупныя недоразумѣнія между различными народностями и между ними и государствомъ въ стѣнахъ парламента, безъ революціи на улицѣ, *стоитъ вниманія*...» Говоря про Дюма-отца, авторъ упоминаетъ случайно о Соединенныхъ Штатахъ,—это вызываетъ въ его умѣ опять неожиданную ассоціацію идей: «Заговоривши объ Америкѣ, я *невольно* вспоминаю одну привычку американцевъ: они много плюютъ...» Черезъ нѣсколько страницъ снова: «Заговоривши объ Индіи, замѣчу» и т. д.

Иногда, впрочемъ, мысль г Верещагина обрывается и новый абзацъ слѣдуетъ безъ всякой, даже внѣшней, связи съ предыдущимъ. «Мнѣ кажется,—внезапно заявляетъ авторъ,—невѣрнымъ теперешнее рѣзкое дѣленіе труда на художественный и ремесленный,—тотъ и другой должны были бы опредѣляться не столько «по видимости», сколько по степени творческаго таланта, на нихъ затрачиваемаго». И далѣе: «Не унижая искусства, позволительно находить его тамъ, гдѣ прежде не видѣли ничего, кромѣ грубаго ремесла. Хорошіе повара, напримѣръ» (Стр. 71). Слѣдуютъ воспоминанія о знакомыхъ г. Верещагину поварахъ и кухаркахъ. Черезъ нѣсколько страницъ г. Верещагинъ, заговариваетъ объ умственныхъ способностяхъ животныхъ. «Я ограничусь здѣсь нѣсколькими примѣрами, не особенно яркими (какъ жаль!) и не наводящими на безспорныя заключенія, но указывающими на несомнѣнное присутствіе у животныхъ способности соображать; *кстати*, *попутно* приведу кое-какія замѣчанія, либо взятыя изъ личныхъ наблюденій, либо слышанныя изъ первыхъ устъ». Слѣдуютъ анекдоты о знакомыхъ и незнакомыхъ г. Верещагину собакахъ, обезьянахъ, лошадяхъ и т. д.

Такого рода «мыслѣте» г. Верещагинъ разводитъ по всей книжкѣ. Зачѣмъ? Кому это нужно и интересно? Этихъ вопросовъ авторъ себѣ не задаетъ. Печальнѣе всего то, что, когда перо г. Верещагина наткнется даже на предметы, близкіе автору,—живопись и художниковъ, то и тутъ читатель ничего не выигрываетъ. Г. Верещагинъ не видитъ разницы между Брюлловымъ и Ивановымъ и совершенно не понимаетъ роли послѣдняго въ исторіи русскаго искусства, свысока третируетъ такого художника, какъ Мейссонье, у котораго ему бы по настоящему можно было многому научиться, и снисходительно похваливаетъ Шишкина, «несмотря на недостаточное образованіе» его. А самомнѣніе г. Верещагина производитъ просто комическое впечатлѣніе. Въ Америкѣ г. Верещагину заплатили за статью въ 3.000 словъ 500 рублей. «Правда,—говоритъ онъ,—что это цѣна, которую онъ (редакторъ) платитъ немногимъ, напримѣръ, Гладстону, Спенсеру, королевѣ румынской. На мой вопросъ, почему же и мнѣ? любезно отвѣтили: потому что вы тоже король». Значеніе этого скромнаго анекдота впрочемъ нѣсколько ослабляется другимъ, который авторъ разсказалъ пятью страницами раньше, на этотъ разъ совершенно не «кстати». Одинъ американецъ «искренно и серьезно» сказалъ художнику: «Мы, американцы, высоко цѣнимъ ваши работы, г. Верещагинъ; мы любимъ все грандіозное: большія картины, большой картофель». Не находятся ли эти два отзыва въ нѣкоторой связи одинъ съ другимъ?

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА. БИБЛІОГРАФІЯ.

И. С. Тихонравовъ. «Исторія русской литературы». — «*Вольтеръ*». (По Коллини, Ваньеру, Штраусу и др.).—«Соборъ Св. Владиміра въ Кіевѣ».—«Библіографическіе матеріалы».

Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ первый. Древняя русская литература. Стр. XCVII+358+137. М. 1898 г. Въ «Мірѣ Божьемъ» (мартъ и апрѣль 1898 г.) уже было отмѣчено крупное значеніе, какое имѣетъ изданіе сочиненій Н. С. Тихонравова. Первый томъ, появившійся послѣ второго и третьяго, даетъ возможность полнѣе представить себѣ общіе взгляды и общій характеръ дѣятельности покойнаго профессора. Тутъ помѣщена обширная статья: «Задачи исторіи литературы и методы ея изученія», которую Тихонравовъ, полушутя, называлъ своей «диссертаціей». Она была напечатана въ 1878 г., въ видѣ разбора «Исторіи русской словесности» Галахова, и съ тѣхъ поръ Тихонравовъ не высказывалъ въ печати своихъ воззрѣній на общій ходъ развитія русской литературы и на задачи его изученія. «Сочиненія» его состоятъ изъ ряда содержательныхъ и тонко обработанныхъ этюдовъ, по которымъ легко составить себѣ мнѣніе о силѣ его дарованія и глубинѣ его знаній, но въ которыхъ только очень опытный и знакомый съ предметомъ читатель съумѣетъ открыть черты общихъ руководящихъ идей знаменитаго ученаго. А, между тѣмъ, Тихонравовъ—далеко не только гелертеръ: у него была своя и очень существенная схема культурнаго развитія русской народности, свои и очень содержательные взгляды на главныя явленія русской жизни. Въ полной мѣрѣ содержаніе ученой работы его станетъ достояніемъ русскаго общества только послѣ изданія его курсовъ, читанныхъ въ московскомъ университетѣ. значеніе которыхъ пока можно угадывать лишь по отзывамъ его учениковъ (въ изданіи: «Памяти Н. С. Тихонравова». М. 1894 годъ) и по статьѣ А. Н. Пыпина: «Н. С. Тихонравовъ и его научная дѣятельность», предпосланной изданію «Сочиненій». Какъ сообщаютъ издатели, въ будущемъ предполагается «приступить и къ отдѣльному изданію курсовъ Тихонравова», но «если это окажется возможнымъ». Это изданіе *должно* оказаться возможнымъ и можно только желать, чтобы время, когда появленію этого драгоцѣннаго изданія суждено составить эпоху въ развитіи исторіи русской литературы, было, по возможности, ближе.

Дѣло въ томъ, что ничего подобнаго взглядамъ Тихонравова—по цѣльности и глубинѣ—нѣтъ въ нашей литературѣ, посвященной изученію русскаго литературнаго развитія. Ученость Тихонравова обнимала массу неизданнаго матеріала, изученнаго съ любовью и удивительной точностью работы, о которой можно судить, напримѣръ, по обработанному имъ изданію сочиненій Гоголя. Отъ детальнаго, часто—на первый взглядъ—мелочнаго анализа фактовъ, онъ умѣлъ восходить до широкихъ обобщеній, полныхъ яркой самостоятельности и живого пониманія изучаемыхъ явленій. Исторія словесности была для Тихонравова—«исторіей народности, поскольку послѣдняя выразилась въ словѣ». Ея задача—«уяснить историческій ходъ литературы, умственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова постепенное развитіе народнаго сознанія, развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ». Многосторонность спеціальныхъ знаній дала ему возможность вѣрно поставить эту сложную задачу и слѣдить не за тѣми только явленіями, которыя бросаются въ глаза, какъ фланирующіе пункты литературнаго развитія, а и за тѣми, которыя обнаруживались въ мелкихъ фактахъ и захватывали цѣлые народные слои, затѣмъ, какъ выра-

зился одинъ изъ его слушателей, что «глухо волновалось и двигалось подъ поверхностью оффиціальной литературы, что стремилось къ свѣту въ нижнемъ слоѣ потока человѣческой жизни». Съ рѣдкимъ чутьемъ умѣлъ Тихонравовъ раскрывать существенный смыслъ мелкихъ литературныхъ фактовъ, указывавшихъ на господствующее настроеніе эпохи въ народной массѣ, и находить въ нихъ признаки нарождавшихся новыхъ теченій. Труднѣйшіе научные вопросы о происхожденіи и первыхъ шагахъ еле намѣтившихся новыхъ направленій особенно привлекали Тихонравова. Поэтому онъ не упрощаетъ характеристикъ отдѣльныхъ эпохъ, а возсоздаетъ ихъ во всей ихъ сложности. Такъ, напримѣръ, культурная физіономія московской Руси не опредѣляется для него тѣмъ оффиціальнымъ направленіемъ, какое приняла письменность въ рукахъ московскаго духовенства. Это направленіе рисуется ему реакціей, стремившейся утвердить «поисшатавшуюся» старину. «Стоглавъ, Четіи-Минеи, особая литературная школа въ русской агіографіи XVI в., Домострой, появленіе «Подлинника» и «Азбуковника», обличительныя писанія Максима Грека громко говорятъ намъ о возбужденіи охранительныхъ началъ». И Тихонравовъ ставитъ вопросъ: чѣмъ вызвано это сильное реакціонное возбужденіе? Его вниманіе естественно направляется на «опасность для отчины и православія отъ душегубительныхъ волкъ и козней вражіихъ», на тѣ теченія, которыя съ XV в. расшатывали устои русскаго средневѣковья. Онъ съ особой любовью слѣдилъ за первыми проблесками и постепеннымъ усиленіемъ секуляризаціи литературныхъ и художественныхъ вкусовъ, за развитіемъ мірского интереса къ жизни, реализма въ искусствѣ. Вѣкъ «Стоглава» и «Домостроя» полонъ для него не косности, а жизни и борьбы: «симптомы тяжелой переходной эпохи, раздвоенія, борьбы стараго идеала съ новымъ—ярко выражаются въ литературѣ и умственномъ движеніи московской Руси въ XVII вѣкѣ;»—«два направленія въ литературѣ и просвѣщеніи—новое и старое уже выясняются въ XVI вѣкѣ: расколъ обнаружился». Съ неменьшимъ интересомъ слѣдитъ Тихонравовъ за другимъ теченіемъ, подкапывавшимъ старовѣрческіе устои московской церковности, за судьбой мистико-раціоналистическаго сектанства, вызвавшаго сильное умственное броженіе въ московскомъ обществѣ. Самое средневѣковье русское Тихонравовъ характеризуетъ не тѣми памятниками, которые созданы искусственно—напряженіемъ разыгравшейся въ XVI в. борьбы, а памятниками, глубоко вліявшими на народное міровоззрѣніе—апокрифами и всей богатой отреченной письменностью, Толковой Палеей съ ея символикой, суевѣрно-символическимъ содержаніемъ «Физіолога», словомъ тѣмъ запасомъ средневѣковыхъ представленій, на который народное творчество откликнулось духовными стихами, легендами, повѣрьями. Цѣльное и широкое изученіе памятниковъ любой эпохи выводитъ изслѣдователя за предѣлы его спеціальности—является необходимость «сблизить литературные интересы эпохи со всѣми прочими художественными ея проявленіями», а также съ проявленіями религіозными и, вообще, культурными, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Для всѣхъ изучаемыхъ явленій Тихонравовъ ставитъ вопросъ о соціально-психологическихъ условіяхъ ихъ возникновенія. На ряду съ этимъ вниманіемъ къ мѣстнымъ условіямъ стоитъ у него вопросъ о сторонніхъ вліяніяхъ и заимствованіяхъ. Литературныя воздѣйствія Византіи, Болгаріи, православнаго Востока, германскаго и польскаго Запада выясняются имъ въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и, конечно, еще полнѣе выяснились въ лекціяхъ. На почвѣ серьезной и глубокой оцѣнки литературнаго движенія XVI вѣка должна вырости характеристика слѣдующей переходной эпохи, когда борьба стараго съ новымъ рѣзко обостряется, и на ряду съ расколомъ, который «доселѣ въ своихъ заповѣдныхъ тетрадкахъ хранитъ наслѣдіе родной старины», выразившейся въ народныхъ средневѣковыхъ памятникахъ,—нарождается новый типъ, «созрѣвшій для ре-

формы и готовый встрѣтить ее съ горячимъ сочувствіемъ»,—нарождается не только въ высшихъ московскихъ сферахъ, а въ самой массѣ народной, захваченной новыми стремленіями. «Государственная реформа Петра застала нашу словесность, и преимущественно книжно-народную, среди оживленной дѣятельности». И въ XVIII вѣкѣ Тихонравовъ слѣдитъ за той же борьбой разныхъ теченій и, особенно, за борьбой между «подлыми» книгами народнаго чтенія, которыя далеко не остались внѣ подчиненія новымъ вѣяніямъ, и вновь пересаженнымъ на русскую почву западнымъ литературнымъ направленіемъ. Понятно, что и тутъ выставляется требованіе, чтобы исторія русской литературы XVIII и частью XIX в. изучалась въ связи съ явленіями европейскихъ литературъ, но особенно цѣнно другое требованіе, чтобы въ кругъ изученія были привлечены мелкіе, безымянные литературные факты, удовлетворявшіе вкусамъ массы, такъ какъ только эти факты помогутъ выяснить самый процессъ возрастанія художественнаго чувства и пониманія.

Задачей этой небольшой замѣтки не могла быть попытка дать сколько-нибудь цѣльную характеристику трудовъ Н. С. Тихонравова: для такой характеристики придется ждать изданія его лекцій. Пока остается лишь указать читателю на высокую цѣнность того, чѣмъ онъ можетъ теперь же воспользоваться изъ завѣщаннаго русскому обществу наслѣдія Н. С. Тихонравова. Въ первомъ томѣ его сочиненій, кромѣ статьи о «Задачахъ исторіи литературы» помѣщены уцѣлѣвшіе отрывки изъ изслѣдованія объ «Отреченныхъ книгахъ древней Россіи», характеризующихъ религіозныя воззрѣнія народа въ эпоху «двоевѣрія». Въ числѣ этихъ отрывковъ находится изслѣдованіе о ересяхъ стригольниковъ и жидовствующихъ, которыя Тихонравовъ, какъ извѣстно, связываетъ съ еретическими движеніями Западной Европы. Затѣмъ идетъ рядъ изслѣдованій о популярныхъ среди древне-русскихъ читателей произведеніяхъ, какъ «Девгеніево дѣяніе», «Шемякинъ судъ» и др., съ указаніемъ ихъ родства съ произведеніями Востока и Запада. Все это «произведенія свѣтскаго, повѣствовательнаго, легендарнаго характера», изученіе которыхъ заставляетъ признать, что «древняя русская литература, при внимательномъ и подробномъ изученіи, не представляетъ того безотраднаго однообразія, которому обрекали ее невольно люди, ограничившіе себя безплоднымъ удивленіемъ религіозному направленію ея и внѣ произведеній церковной словесности не искавшіе пищи своему изслѣдованію».

Вольтеръ. По Коллини, Ваньеру, Штраусу и др. Переводъ съ нѣмецкаго И. Андреева. Редакція Д. Протопопова. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1899 г. Названная книга представляетъ переводъ популярныхъ лекцій Штрауса, читанныхъ, если не ошибаемся, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Если же на заглавномъ листкѣ къ имени автора присоединены еще имена личныхъ секретарей Вольтера Коллини, Ваньера и др., то редакція перевода имѣла, быть можетъ, серьезныя основанія для такого на первый взглядъ страннаго смѣшенія: мемуары Коллини и Ваньера являются не болѣе, какъ источниками для біографа знаменитаго писателя въ ряду безконечнаго числа другихъ, часто не менѣе важныхъ источниковъ. Кромѣ указаннаго «заглавнаго» недоразумѣнія, нужно признать, что біографія Вольтера издана вполнѣ литературно, языкъ перевода удовлетворителенъ, если не считать самыхъ незначительныхъ шероховатостей и часто неправильной транскрипціи собственныхъ именъ, что повидимому составляетъ роковую судьбу русскихъ переводовъ (между прочимъ M-me Дюдефанъ названа *Дефанъ*, математикъ Бернулли—*Бернульи*, Нинонъ де Ланкло (de l'Enclos)—*д'Энкло* и т. п), и примѣчанія редакціи, при всей малочисленности и краткости, умѣстны и полезны. Вольтеръ одинъ изъ немногихъ иностранныхъ писателей, которые еще при жизни пользовались у насъ извѣстностью. Начиная со временъ императрицы Елизаветы, заказавшей ему составленіе исто-

ріи Петра I, всѣ элементы русскаго общества, претендовавшіе на причастность къ европейской образованности, интересовались произведеніями и личностью «царя философовъ», и только послѣ революціи кличка «вольтерьянство» стала синонимомъ политической неблагонадежности. Правда, изъ всѣхъ сочиненій Вольтера наибольшею популярностью пользовалась у насъ все-таки фривольная поэма «La Pucelle», переведенная въ XVIII вѣкѣ многое число разъ, но и общій строй его взглядовъ, философскихъ, общественныхъ и литературныхъ несомнѣнно находилъ цѣнителей въ Екатерининское время. Такимъ образомъ, помимо того интереса, который можетъ внушать Вольтеръ по своему громадному значенію въ исторіи французской мысли, онъ долженъ былъ бы интересовать насъ спеціально по тому вліянію, которое онъ въ свое время имѣлъ на русское общество. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы русская литература о Вольтерѣ была богата и оригинальна. Самыя произведенія его почти неизвѣстны современному читателю. Правда его драмы и комедіи въ настоящее время совершенно утратили значеніе, и изъ остальныхъ его сочиненій многія такъ связаны съ злобою дня, съ подробностями личныхъ отношеній автора, что читать ихъ безъ комментарія часто затруднительно, но все же нельзя не пожалѣть о томъ, что представленія русскихъ читателей объ одномъ изъ самыхъ своеобразныхъ и остроумныхъ (не только въ смыслѣ остроумныхъ словъ, но и въ смыслѣ острой мысли) писателей основаны почти исключительно на чужомъ голосѣ. Многія изъ его исторіософическихъ сочиненій или такъ называемые «энциклопедическіе вопросы» и теперь читаются съ интересомъ, какъ образчики передовой мысли бурной эпохи, еще не очень далекой отъ насъ, а нѣкоторыя изъ его прозаическихъ повѣстей, какъ, напр., «Кандидъ», положительно въ много разъ увлекательнѣе, чѣмъ безконечное количество архисовременныхъ романовъ. О Вольтерѣ у насъ говорилось и еще говорится много вскользь, даются общія характеристики въ курсахъ литературы, есть даже двѣ-три журнальныя статьи, но сколько-нибудь полной работы о немъ не существуетъ. Изъ громадной литературы о немъ на иностранныхъ языкахъ до сихъ поръ переведена была только монографія Дж. Морлея, поэтому нельзя сказать, чтобы переводъ лекцій Штрауса былъ излишнимъ. Никакихъ оригинальныхъ взглядовъ или новыхъ соображеній читатель не найдетъ въ этой книгѣ. Она даетъ именно то, что, по нашему мнѣнію, всего полезнѣе для русскихъ читателей въ области ознакомленія съ исторіей западно-европейской жизни: не блестящую общую характеристику, не слишкомъ детальное ученое изслѣдованіе, а толковое, фактически точное и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не сухое изложеніе судьбы и дѣятельности данной исторической личности въ связи съ общей картиной эпохи и среды. Личность, а еще болѣе значеніе дѣятельности Вольтера оцѣнивались его современниками и до сихъ поръ оцѣниваются самымъ противоположнымъ образомъ въ зависимости отъ партійныхъ взглядовъ. Сколько разъ онъ сидѣлъ въ Бастиліи или долженъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Парижа и изъ Франціи! Сколько коронованныхъ особъ заискивались въ немъ и домогались его расположенія! При жизни ему поставили статую и устроили апоѳеозъ, послѣ смерти его съ трудомъ могли похоронить по обычному ритуалу вдали отъ Парижа. Революція отводитъ ему мѣсто въ Пантеонѣ, реставрація сбросила его кости въ подвалъ, молодая Франція іюльской монархіи снова водворяетъ ихъ на прежнемъ почетномъ мѣстѣ. Шатобріанъ злостно клевещетъ на него и уподобляетъ антихристу, Мюссе проклинаетъ его за дряблость и развращенность своего поколѣнія, а несчастный «сверхчеловѣкъ», Ницше въ осязаемой, практической философіи Вольтера съ восторгомъ находитъ отраду послѣ переутомленія туманнымъ культомъ Р. Вагнера. Положеніе историка въ виду этихъ противорѣчій затруднительно, потому что всѣ мнѣнія объ этой удивительно сложной личности имѣютъ долю основанія. Штраусъ сознаетъ это и со всею нѣмецкою добросовѣстностью старается

во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ взвѣсить мотивы за и противъ. И дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ ему удается сохранить безпристрастіе. Оно измѣняетъ ему только тогда, когда ему приходится излагать конфликтъ между Вольтеромъ и Фридрихомъ. Врядъ ли кто-нибудь въ настоящее время рѣшится утверждать, что Вольтеръ былъ кругомъ правъ во всей этой некрасивой исторіи: онъ проявилъ въ ней достаточно двуличія, отсутствія собственнаго достоинства и интриганства. Но, съ другой стороны, надо много патріотической снисходительности къ слабостямъ крутого прусскаго короля, чтобы снять съ него совершенно отвѣтственность за деспотическое отношеніе къ писателю, генію котораго онъ такъ поклонялся, за грубое презрѣніе къ человѣческому достоинству писаки, попавшаго въ немилость, и за фельдфебельскіе пріемы воздѣйствія на беззащитнаго человѣка. Въ оцѣнкѣ поступковъ того и другого авторъ держится діаметрально противоположнаго критерія. Чтобы отрѣзать Вольтеру возвращеніе во Францію и принудить его оставаться въ Пруссіи, Фридрихъ, будучи тогда еще въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ писателемъ, сообщилъ въ Парижъ компрометтирующее его письмо. Впослѣдствіи Вольтеръ, изъ мести за причиненныя ему оскорбленія и непріятности, сдѣлалъ тоже самое съ написанною Фридрихомъ сатирою на французскій дворъ. Штраусъ находитъ, что только Вольтеръ поступилъ вѣроломно, и что его поступокъ нельзя и сравнивать съ тѣмъ, что сдѣлалъ король (стр. 130). Когда Фридрихъ велъ войну съ Австріей, чтобы завладѣть Силезіей, Вольтеръ упрекалъ его въ томъ, что онъ сошелъ съ дороги просвѣтителя-философа. Штраусъ думаетъ, что, «проповѣдуя Фридриху миръ, Вольтеръ повторялъ пошлыя, общеизвѣстныя истины, какъ какой-нибудь школьный учитель... Прусскаго короля вынудилъ къ такому шагу (къ нападенію на Силезію) естественный ростъ того народа, во главѣ котораго онъ стоялъ; если вникнуть въ дѣло глубже, то окажется, что его вынудилъ ростъ вообще всей германской націи, которая искала новый центръ тяжести, такъ какъ Австрія перестала быть нѣмецкой страной (стала славянской?) и потеряла духовную свободу» (стр. 131). Извѣстно, что всѣ завоевательскіе аппетиты мотивируются «ростомъ націи» и стремленіемъ найти естественный центръ тяжести. Позднѣе, когда, увлекшись турецкими войнами Екатерины II, Вольтеръ высказалъ мысль о необходимости поднять общій крестовый походъ на турокъ, чтобы отнять отъ нихъ «страну Ксенофонта, Сократа, Платона, Софокла и Еврипида», то уже прусскій король противопоставляетъ его воинственнымъ кликамъ проповѣдь мира (стр. 141). при чемъ Штраусъ вовсе не находитъ, что Фридрихъ повторяетъ пошлыя истины, какъ школьный учитель. Въ угоду нѣмецкому патріотизму, біографъ Вольтера поступается также отчасти пропорціональностью своей работы: излагая отношенія Вольтера съ Фридрихомъ весьма обстоятельно, нѣсколько болѣе подробно, чѣмъ это соотвѣтствовало бы небольшимъ размѣрамъ книги, онъ едва касается долголѣтнихъ сношеній писателя съ русскимъ дворомъ. Таковы отрицательныя стороны разбираемаго очерка. Онѣ не настолько крупны, чтобы парализовать производимое имъ общее благопріятное впечатлѣніе. Событія изложены живо и вѣрно, отдѣльныя произведенія характеризованы почти всегда правильно. У насъ часто популярность изложенія считается синонимомъ компилятивности работы. Книга Штрауса могла бы служить опроверженіемъ такого взгляда Для всякаго, кто имѣлъ дѣло съ историко-литературными матеріалами просвѣтительной эпохи, ясно, что авторъ почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ первоисточниковъ, а не ограничивается сопоставленіемъ фактовъ, добытыхъ предшествующими изслѣдователями; компилятивность всегда приводитъ къ вялости и безжизненности, а изложеніе Штрауса, при всей его сжатости, свѣжо, сужденія опредѣленны и увѣренны и расположеніе матеріала отнюдь не шаблонное.

Соборъ Св. Владиміра въ Кіевѣ. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ 1898 г. Ц. 10 р. 105 иллюстрацій въ текстѣ и 42 на отдѣльныхъ листахъ. Къ

немногимъ замѣчательнымъ произведеніямъ оригинальнаго русскаго искусства за послѣднее десятилѣтіе принадлежитъ несомнѣнно живопись въ храмѣ Св. Владимира въ Кіевѣ. Главная часть работы исполнена художникомъ В. Васнецовымъ, характеристика котораго дана въ нашемъ журналѣ въ статьи г. С. Маковскаго (см. «М. Б.» мартъ 1898 г.). Изданіе г. Кульженко даетъ возможность ознакомиться ближе съ работой этого замѣчательнаго художника по великолѣпно выполненнымъ иллюстраціямъ, которыя сами по себѣ представляютъ художественное произведеніе. Въ числѣ художественныхъ изданій русской работы это изданіе по праву занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по безукоризненности выполненія, такъ и по грандіозности. Огромное in folio, отпечатанное красками и золотомъ, съ превосходными фототипіями, съ заставками и заглавными буквами во вкусѣ рукописныхъ работъ старинныхъ мастеровъ, съ текстомъ, выдержаннымъ въ строго объективномъ тонѣ,—изданіе г. Кульженко производитъ пріятное впечатлѣніе, какъ доказательство, насколько печатное и литографское искусство подвинулось въ Россіи за послѣднее время. Общій подъемъ промышленности отразился и въ этой области, гдѣ еще лѣтъ десять назадъ едва ли возможно было изданіе такой сложной художественной работы, какъ настоящее изданіе г. Кульженко.

Во вступленіи изложена краткая исторія возникновенія и постройки собора, задуманнаго въ царствованіе Императора Николая I и благополучно законченнаго и освященнаго въ присутствіи Государя Императора Николая II два года тому назадъ. Общая стоимость собора, несмотря на великолѣпіе и цѣнность работъ, сравнительно очень не велика—всего 900.000 руб., изъ которыхъ 400.000 употреблено на внутреннюю отдѣлку, при чемъ почти половина этой суммы пошла на живопись и скульптурныя украшенія. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, чтобы подчеркнуть, насколько скромнымъ вознагражденіемъ удовольствовались художники, годами работавшіе надъ украшеніемъ собора. Такъ, В. Васнецовъ за свою многолѣтнюю, поразительную по размѣрамъ, не говоря уже о талантѣ, работу—получилъ около 50.000 руб. Между тѣмъ, имъ написаны почти три четверти той живописи храма, которой въ правѣ гордится русское искусство. Можно различно относиться къ манерѣ Васнецова, но едва ли кто откажетъ этому художнику въ вдохновенности и оригинальности его кисти, по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ его произведеніяхъ, украшающихъ стѣны собора и составляющихъ его драгоцѣннѣйшее достояніе. Въ изданіи г. Кульженки представлены *всѣ* работы Васнецова, не только картины и фрески, но и орнаменты, исполненные по его рисункамъ, что въ совокупности даетъ полное представленіе о рѣдкомъ разнообразіи таланта этого художника, его разносторонности и глубинѣ.

Цѣна изданія, въ виду роскоши выполненія, красоты и тщательности работы, представляется намъ невысокой.

Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библіографія. Библіотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898 г. Ц. 15 р. Изданные сенаторомъ Н. П. Смирновымъ «Библіографическіе матеріалы» представляютъ цѣнный вкладъ въ библіографическую литературу не только потому, что раскрываютъ изслѣдователямъ и работникамъ въ различныхъ областяхъ исторіи и библіографіи сокровища частнаго книгохранилища. Уже эта одна сторона настоящаго изданія дѣлаетъ его чрезвычайно цѣннымъ для каждаго, кому приходится работать въ библіотекахъ, тратя массу труда и времени на розыскъ нужныхъ матеріаловъ, когда во время данное указаніе могло бы разомъ облегчить работу. Къ сожалѣнію, именно въ такихъ указаніяхъ и чувствуется крайній недостатокъ. Несомнѣнно, у насъ существуетъ много очень интересныхъ частныхъ книгохранилищъ, подобранныхъ съ

любовью, знаніемъ дѣла и огромными затратами, но они такъ и остаются извѣстными лишь своимъ владѣльцамъ да развѣ небольшому кругу избранныхъ знакомыхъ. Между тѣмъ, едва ли владѣльцы этихъ книжныхъ сокровищъ отказали бы работающему въ той или иной области литературы—въ справкѣ или нужномъ указаніи, разъ въ ихъ библіотекѣ имѣется необходимый для этого матеріалъ. Но для такого, хотя бы и съуженнаго пользованія необходимо опубликованіе этихъ матеріаловъ, что и сдѣлалъ сенаторъ Н. П. Смирновъ въ своемъ, по истинѣ, огромномъ и высокопочтенномъ трудѣ.

Но, какъ мы уже замѣтили выше, не въ этомъ только заключается значеніе этого труда. Авторъ, какъ можно видѣть изъ его книги, принадлежитъ къ числу истинныхъ любителей и знатоковъ «книжнаго дѣла», которому онъ посвятилъ почти полувѣковую работу. Кромѣ того, благодаря особымъ условіямъ своей дѣятельности, онъ могъ собрать и ознакомиться съ такими рѣдкими произведеніями, которыя доступны вообще немногимъ избраннымъ и составляютъ несомнѣнно чрезвычайно важные матеріалы. Таковы, напр., собранные имъ библіографическіе матеріалы въ главѣ о «Книгопечатаніи и законахъ о цензурѣ и печати». Обладая такимъ огромнымъ матеріаломъ и накопленными въ теченіе своей долгой работы знаніями, авторъ не ограничивается простымъ описаніемъ имѣющихся въ его библіотекѣ книгъ и сочиненій, но въ каждомъ отдѣлѣ перечисляетъ извѣстныя ему болѣе или менѣе важныя сочиненія, многія съ подробностями, по экземплярамъ, которыми онъ могъ пользоваться изъ Императорской Публичной библіотеки. Онъ приводитъ, въ главѣ «Библіотеки, музеи и архивы», цѣнныя свѣдѣнія о другихъ ему хорошо извѣстныхъ библіотекахъ въ слѣдующихъ восьми рубрикахъ: а) библіотека духовнаго вѣдомства; б) библіотека и изданія Академіи наукъ и художествъ; в) Императорская Публичная библіотека; г) библіотеки общественныя; д) казенныхъ учрежденій; е) ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ; ж) частныхъ лицъ; з) библіотеки заграничныя. Въ этихъ описаніяхъ отмѣчены все болѣе или менѣе рѣдкія и достойныя особаго вниманія вещи. Такъ, изданія Императорской Публичной библіотеки занимаютъ въ его указателѣ 122 номера. «Въ отчетахъ этой библіотеки помѣщаются весьма важныя для библіографіи свѣдѣнія, замѣчаетъ авторъ. Такъ какъ отчеты эти, въ особенности за первые года, составляютъ библіографическую рѣдкость, то при описаніи каждаго отчета изложено, въ чемъ состояли важнѣйшія пріобрѣтенія и пожертвованія». Всего въ этомъ отдѣлѣ описано 42 библіотеки частныхъ лицъ, на что обращаемъ особое вниманіе, такъ какъ знакомство именно съ этими библіотеками сопряжено съ большими затрудненіями.

Указавъ на важное значеніе труда сенатора Н. П. Смирнова для библіографіи, мы не можемъ привести здѣсь болѣе важныхъ и интересныхъ его указаній, чего не позволяетъ размѣръ нашей замѣтки. Намъ хотѣлось лишь отмѣтить появленіе этого труда, изданнаго, конечно, не для широкой публики, на что указываетъ какъ цѣна его, такъ и ограниченное количество экземпляровъ. Но, по нашему мнѣнію, книга эта должна быть въ каждой хорошо поставленной общественной библіотекѣ, чтобы не быть достояніемъ однихъ лишь спеціалистовъ-любителей библіографіи.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

А. Рамбо. «Исторія французской революціи». — *А. Рамбо.* «Живописная исторія древней и новой Россіи». — *П. С. Смирновъ.* «Внутренніе вопросы въ расколѣ».

А. Рамбо. Исторія французской революціи 1789—1799; пер. И. Назарова; съ 30-ю рис. Кіевъ. 1899. Стр. 311. Ц. 1 р. Наша переводная литература довольно богата трудами по исторіи французской революціи. Кромѣ стараго, но сохранившаго почти все свое значеніе сочиненія Зибеля («Исторія французской революціи и ея времени»), къ услугамъ русскаго читателя имѣется превосходная и въ научномъ, и въ литературномъ отношеніи книга Сореля — «Европа и французская революція». Но эти обширные труды не замѣнятъ болѣе доступныхъ и краткихъ обзоровъ великой эпохи. И такихъ у насъ нѣсколько. Книги Миньэ и Гейссера—даютъ живое, увлекательное изложеніе, рядъ удачныхъ характеристикъ и заслуженно пользуются большой популярностью. Рядомъ съ горячей апологіей революціи Минье, болѣе безпристрастное отношеніе къ ней Гейссера дѣлаетъ его книгу особенно полезной для первоначальнаго знакомства съ предметомъ, напр., для чтенія учащейся молодежи. Такое же значеніе можно признать за книгами Карно и Рамбо. Ихъ достоинство и преимущество, сравнительно съ Гейссеромъ, въ томъ, что они яснѣе выдвигаютъ значеніе французской революціи, какъ соціальнаго переворота. Въ этомъ отношеніи, «Исторія французской революціи» Рамбо является особенно цѣннымъ пособіемъ. Первая глава даетъ отчетливое изображеніе «стараго порядка». Абсолютизмъ королевской власти, выродившійся въ капризный деспотизмъ, стѣсненія общественной свободы, варварскія преслѣдованія иновѣрцевъ и свободомыслящихъ, гражданское неравенство, характеръ провинціальной администраціи, юстиціи, арміи и церкви, состояніе земледѣлія, промышленности и торговли, грустное положеніе низшихъ классовъ подъ гнетомъ соціальной несправедливости и невыносимой системы налоговъ, наконецъ, низкій уровень народнаго просвѣщенія—все это очерчено ярко—не общими чертами, а рядомъ краснорѣчивыхъ конкретныхъ фактовъ. Этой картинѣ авторъ противопоставляетъ «дѣло революціи»—тѣ глубокія реформы, ту огромную организаціонную работу, какая была выполнена революціонными правительствами, особенно, Національнымъ Собраніемъ и Конвентомъ. Дѣятельное законодательное творчество облекло въ реальныя формы идеи общественной свободы и равенства. Гарантія личной и имущественной безопасности, уничтоженіе различій въ правоспособности французскихъ гражданъ по ихъ происхожденію, религіи или національности—преобразовали гражданское право Франціи. Реформа юстиціи, арміи, церкви, освобожденіе земельной собственности, земледѣлія, промышленности и торговли отъ всякихъ путъ шли рядомъ съ преобразованіемъ системы налоговъ и всей администраціи. Съ особымъ сочувствіемъ останавливается авторъ на дѣятельности Конвента по народному образованію—дѣятельности широкой, плодотворной и глубоко просвѣщенной. Рамбо поступаетъ правильно, выдвигая на первый планъ всю эту сторону дѣла. Шумную и кровавую борьбу революціонныхъ партій знаютъ всѣ; но многіе ли въ «большой публикѣ», для которой предназначена эта книга, имѣютъ ясное представленіе о скромной и содержательной дѣятельности многочисленныхъ комитетовъ, строившихъ на развалинахъ старой Франціи новую? Что касается самой исторіи революціи, то она разсказана Рамбо живо, горячо и потому—очень интересно. Но время односторонніхъ увлеченій въ исторіографіи революціи миновало. И Рамбо относится къ событіямъ и людямъ революціонной эпохи съ трезвымъ сужденіемъ и научной осторожностью, которая заставляетъ не судить, а объяснять. Нельзя не пожелать этой книгѣ того успѣха, какого она вполнѣ заслужила.

*

А. Рамбо. Живописная исторія древней и новой Россіи. Второе изданіе, исправленное и дополненное. М. 1898. Стр. VII+615. Ц. 1 р. 50 к. Скудость нашей популярно-научной литературы по отдѣлу исторіи можетъ объяснить появленіе въ русскомъ переводѣ книги проф. Рамбо. Изданіе это, повидимому, отвѣтило дѣйствительной потребности читателей, такъ какъ понадобилось повторить его. Но то ли содержитъ книга Рамбо, что намъ было бы нужно? Въ этомъ можно усомниться. Читатель найдетъ тутъ живой и недурно составленный разсказъ о главныхъ историческихъ событіяхъ съ древнѣйшихъ временъ до кончины имп. Александра I. Обзоръ внѣшней исторіи стоитъ на первомъ планѣ, но и она разсказана безъ сколько-нибудь широкаго освѣщенія. Подобный недостатокъ вполнѣ понятенъ въ книгѣ автора-иностранца. Ему трудно было освѣтить внѣшнюю исторію Россіи связью ея съ ходомъ внутренней жизни русскаго государства. Изложеніе внутренней исторіи—краткое и отрывочное—показываетъ, что автору не удалось разгадать загадки «сѣвернаго сфинкса». Владиміръ Святой рисуется ему «русскимъ Хлодвигомъ», а Ярославъ—Карломъ Великимъ. Законы Ярослава—«Русская Правда» (авторъ повторяетъ ходячую и у насъ ошибку, будто «Р. Пр.» издана Ярославомъ)—«это скандинавскія и германскія законоположенія во всей ихъ чистотѣ»; для защиты границъ строились города и туда «нарубался» гарнизонъ (рубили городъ, а не гарнизонъ); низшій классъ назывался смердами (отъ слова смердѣть—вонять!). Эти мелкія несообразности, а такихъ много, подготовляютъ къ болѣе существеннымъ промахамъ. Укажемъ только нѣкоторые, на выдержку. Изображая внутреннія порядки московскаго государства—авторъ строитъ фантастическую іерархію инстанцій «гражданскаго суда»: окружной староста-сотникъ, затѣмъ воевода, и наконецъ «высшій судъ въ Москвѣ», а исторію царствованія Алексѣя Михайловича излагаетъ, не упомянувъ объ «Уложеніи» и его глубокомъ значеніи для исторіи русскаго соціальнаго строя. Понятно, что такія явленія, какъ расколъ—автору совсѣмъ непонятны. Вотъ что дѣлаетъ онъ изъ вѣрной мысли, что расколъ выросъ на почвѣ, подготовленной вліяніемъ апокрифической письменности: «Никоновская реформа повела къ обнаруженію скрытаго раскола въ русской церкви съ его безчисленными сектами старовѣровъ, молоканъ, духоборцевъ, хлыстовъ, скопцовъ и многихъ другихъ, начало которыхъ восходитъ къ александрійскому гностицизму, персидскому манихеизму и даже, быть можетъ, къ индусскому пантеизму». Странное впечатлѣніе производитъ такая путаница понятій въ трудѣ ученаго автора вполнѣ научныхъ работъ по исторіи Византіи. Французскіе историки не привыкли еще примѣнять къ русской исторіи свои лучшіе методы и умѣнье глубоко вдумываться въ историческія явленія. Даже Сорель, одинъ изъ корифеевъ французской исторіографіи, поражаетъ легкимъ отношеніемъ къ дѣлу, когда пишетъ напр. объ имп. Елизаветѣ въ своихъ «Essais d'histoire et de critique»... И Петровская эпоха не удалась нашему автору. Онъ думаетъ, что «дворянство не менѣе другихъ (?) сословій враждебно относилось ко всему, что могло содѣйствовать сосредоточенію самодержавія» — и поэтому было противъ реформъ, приписываетъ Петру запрещеніе крестьянскаго перехода, говоритъ, что при Петрѣ «русское дворянство приняло характеръ служилаго», что какой-то «подымный налогъ, дававшій поводъ къ безконечнымъ спорамъ» былъ замѣненъ подушной податью и т. д. и т. д. При такихъ крупныхъ и мелкихъ ошибкахъ теряется весь нужный колоритъ; имъ соотвѣтствуетъ общій тонъ изложенія, характеристикъ лицъ и эпохъ, внѣшнія, чуждыя необходимой—и особенно для того, чтобы написать хорошую популярную книгу—чуткости пониманія. Петербурженъ улыбнется, прочитавъ, что нашъ «водяной городъ» подвергается «страшнымъ наводненіямъ, когда на него изливаются огромныя водяныя массы Ладоги и Онеги», а вообще русскій читатель вынесетъ изъ книги Рамбо впечатлѣніе, что иностранцы до

сихъ поръ странно представляютъ себѣ Россію и ея исторію. Конечно, чѣмъ ближе къ новымъ временамъ, тѣмъ изложеніе свободнѣе отъ прямой невѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній. Но и тутъ много чуждаго и мало того, что русскому читателю всего нужнѣе: вѣрнаго пониманія развитія русской жизни.

Книга украшена картинками русскихъ художниковъ. У нѣмцевъ есть хорошій обычай: иллюстрировать историческія книги снимками со старыхъ памятниковъ, гравюръ и миніатюръ, старыхъ портретовъ и т. д. Жаль, что у насъ этимъ матеріаломъ не умѣютъ пользоваться. Картинки, приложенныя къ книгѣ Рамбо, далеки отъ того, чтобы знакомить съ русской исторической стариной: нѣтъ въ нихъ ни художественнаго вкуса, ни историческаго пониманія изображаемыхъ сценъ.

П. С. Смирновъ. Внутренніе вопросы о расколѣ въ XVII вѣкѣ. Спб. 1889 г. Стр. VII + CXXXIV + 237 + 121. Ц. 3 р. Трудъ профессора С.-Петербургской духовной академіи П. С. Смирнова представляетъ собою «изслѣдованіе начальной исторіи раскола по вновь открытымъ памятникамъ, изданнымъ и рукописнымъ». Авторъ изучаетъ внутреннюю жизнь раскола, какъ она сложилась вслѣдствіе исключительнаго положенія раскольничьихъ общинъ внѣ церкви, но въ составѣ связаннаго съ этою церковью православнаго государства. Вопроса о причинахъ, вызвавшихъ расколъ, авторъ касается только въ послѣднемъ параграфѣ введенія, озаглавленномъ: «Составныя части изслѣдованія и планъ ихъ расположенія». Здѣсь выставленъ рядъ отчетливо формулированныхъ тезисовъ, выражающихъ общій взглядъ автора на изучаемое явленіе. «Фундаментъ, на которомъ былъ укрѣпленъ и построенъ протестъ, приведшій къ расколу» состоялъ, по мнѣнію П. С. Смирнова, исключительно въ томъ ученіи, что въ русскомъ царствѣ твердо держится знамя вселенской церкви, которая издревле пребываетъ «непреклонна и недвижима въ своемъ устройствѣ и въ своихъ догматахъ» и пребудетъ таковой до конца міра. Москва — послѣдняя столица православія, третій и послѣдній Римъ, четвертому не быть, и, значитъ, «близко уже время» пришествія антихриста. Такъ расколъ ставится въ связь съ широко распространенными въ древней Руси эсхатологическими вѣрованіями (о нихъ см. въ I томѣ «Сочиненій» Тихонравова: «Отреченныя книги древней Россіи»; очеркъ пятый). Авторъ не углубляется въ этотъ вопросъ, такъ какъ изученіе подготовки раскола въ предшествующіе вѣка стоитъ внѣ задачъ его изслѣдованія. Для него исходной точкой служитъ положеніе, что раскольничій «протестъ возникъ исключительно на религіозной почвѣ, безъ всякой примѣси какихъ-либо сторонніхъ элементовъ, чуждыхъ области вѣры и церкви». Положеніе это едва ли не односторонне. Авторъ справедливо настаиваетъ на томъ, что «*вся* мысли противниковъ Никона, *вся* ихъ разсужденія вращались исключительно около вопроса о церкви». Но несомнѣнно, что при изученіи той *почвы*, на которой возникъ расколъ, историческая наука достигнетъ твердыхъ и полныхъ результатовъ, лишь давъ себѣ отчетъ въ соціальныхъ причинахъ и условіяхъ, опредѣлившихъ господство того, проникнутаго эсхатологическими чаяніями, міровоззрѣнія, которое въ расколѣ нашло свое крайнее выраженіе. Съ такой, болѣе общей точки зрѣнія расколъ лишь одинъ изъ моментовъ борьбы стараго съ новымъ, которая привела къ паденію культурныхъ особенностей русскаго средневѣковья. И если расколъ въ своихъ положительныхъ воззрѣніяхъ на міръ стоялъ исключительно «на почвѣ не отъ міра сего», то въ своемъ отрицаніи онъ обнималъ рядъ явленій, не имѣющихъ прямого отношенія къ вопросамъ вѣры и церкви. Онъ отнесся отрицательно къ этимъ явленіямъ, руководясь тою мыслью, что «все въ мірѣ, отъ жизни отдѣльнаго человѣка до состоянія государства, зависитъ не отъ людей, а отъ Бога». Авторъ справедливо указываетъ, что когда раскольники «говорили о переживаемыхъ народомъ бѣдствіяхъ, то причину ихъ указывали, выражаясь нашимъ

языкомъ, не въ централизаціи власти, не въ попраніи земскихъ правъ, не въ экономической эксплоатаціи, и исключительно въ измѣнѣ древнему благочестію». Развѣ, однако, справедливость этого указанія устраняетъ необходимость постановки и разрѣшенія вопроса, въ какой мѣрѣ общественныя условія опредѣлили — не содержаніе догмы раскола, а то умоначертаніе и настроеніе, которое создало успѣхъ этой догмы, вызвало ее къ жизни, побуждая людей искать въ эсхатологіи объясненія переживаемыхъ впечатлѣній? Впрочемъ, эти вопросы для темы автора-второстепенны. Основной интересъ его труда въ томъ, что онъ даетъ яркое представленіе объ основныхъ чертахъ раскольничьяго міровоззрѣнія. Первая глава даетъ исторію и характеристику выработаннаго въ расколѣ взгляда на переживаемое время, какъ на время «послѣдняго отступленія»: съ 1666 г., апокалипсическая цифра котораго фатально совпала съ фактомъ соборной анаѳемы противъ раскола, началось то «отступленіе» отъ вѣры, которое ап. Павломъ указано, какъ признакъ кончины вѣка. На очередь сталъ вопросъ объ антихристѣ. Аввакумъ и другіе пустозерскіе учителя ожидали его появленія въ Іерусалимѣ; инокъ Авраамій—въ Россіи и предположительно въ лицѣ Никона, другіе—въ лицѣ царя Алексѣя... Явная несостоятельность этихъ умствованій привела къ ученію о томъ, что антихристъ явился уже, но не тѣлесно, а духовно, и царитъ въ обрядахъ никоніанскихъ... Связанное съ этимъ кругомъ идей настроеніе натолкнуло расколъ на путь самоистребленія, ради спасенія изъ зараженнаго антихристовымъ ядомъ міра... П. С. Смирновъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что началось самоистребленіе въ сектѣ, не имѣющее связи съ расколомъ, въ «капитоновщинѣ», затѣмъ было принято и по своему осмысленно въ раскольничьихъ общинахъ, въ которыхъ широко распространилось, независимо отъ преслѣдованій, а исключительно подъ вліяніемъ крайнихъ религіозныхъ ученій. Самосожженіе встрѣтило энергичныхъ противниковъ среди лучшихъ представителей раскола; Аввакумъ колебался между осужденіемъ доктрины самосожигателей и удивленіемъ ихъ мужеству. Вообще отсутствіе организаціи придало особое значеніе отдѣльнымъ проповѣдникамъ, съумѣвшимъ пріобрѣсти авторитетъ. Отсюда масса разногласій, толковъ и споровъ, картину которыхъ П. С. Смирновъ раскрываетъ на основаніи богатаго, имъ впервые изученнаго матеріала. Вопросы, связанные съ отношеніями раскола къ государству (къ «никоніанскому» обществу, къ духовенству, къ царской службѣ, молитвѣ за царя, къ отпавшимъ отъ раскола и т. п.) вызвали рядъ мнѣній, рѣзко противоположныхъ. Еще сложнѣе были вопросы, связанные съ необходимостью создать для раскола извѣстный церковный порядокъ: о сохраненіи іерархіи, о таинствахъ, которыхъ некому было совершать, о разночтеніяхъ въ старыхъ обрядахъ, наконецъ, о пониманіи основныхъ догматовъ; всѣ эти темы обсуждались расколоучителями въ разныхъ концахъ земли Русской, и въ спорахъ все больше выяснялась безвыходность положенія общинъ, которыя, оторвавшись отъ церкви, вѣрили въ то, что внѣ церкви и сохраннаго въ ней преемства благодати, догматическаго и обрядоваго преданія — нѣтъ спасенія. Если изъ раскола выработались секты, вродѣ нѣтовщины, крайняго безпоповщинскаго толка, то не по самостоятельности мысли, а по нуждѣ, съ отчаянья передъ безвыходными противорѣчіями раскола. Къ зародившемуся въ XVII в. мистическому и раціоналистическому сектанству расколъ относился съ большою враждой, лишь изрѣдка и по невѣдѣнію подчиняясь ихъ вліянію.

Этотъ краткій перечень вопросовъ, поставленныхъ и разсмотрѣнныхъ въ трудѣ П. С. Смирнова свидѣтельствуетъ о его богатой содержательности. «Введеніе» и «приложенія» знакомятъ читателя съ матеріалами, на которыхъ построено изслѣдованіе. Авторъ даетъ обзоръ главныхъ центровъ раскола, знакомитъ съ цѣлой толпой его руководителей; библіографическій обзоръ источниковъ, съ характеристикой каждаго памятника, составляющій вторую главу введенія, сразу подкупаетъ довѣріе читателя къ серьезной научности книги

П. С. Смирнова. Характеристика ея была бы не полной, если бы мы не указали на полную объективность изслѣдованія, на отсутствіе полемическаго тона (хотя авторъ и указываетъ часто на отступленія расколоучителей отъ церковной точки зрѣнія, которую они думали сохранять). На отдѣльныхъ дѣятеляхъ раскола авторъ останавливается лишь попутно. Но, въ цѣломъ, его книга даетъ отличный матеріалъ для вѣрнаго пониманія многихъ расколоучителей, и, прежде всего, «богатыря-протопопа» Аввакума. Такъ, напримѣръ, разбирая своеобразную догматику Аввакума, авторъ справедливо указываетъ, что причина ересей Аввакума—не въ полемическомъ увлеченіи, а въ неумѣренномъ пользованіи образными выраженіями для уясненія отвлеченныхъ догматическихъ понятій, которыя Аввакумъ—умъ сильный, но некультурный—стремился сдѣлать наглядными, конкретными и потому—искажалъ.

Въ общемъ выводѣ—нельзя не рекомендовать труда проф. Смирнова о «Внутреннихъ вопросахъ въ расколѣ» и его же «Исторіи русскаго раскола старообрядства» (2-е изд. Спб. 1895), какъ лучшихъ пособій по этому предмету.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

К. Бюхеръ. «Изъ области народнаго хозяйства». — *М. Ковалевскій.* «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства».

К. Бюхеръ. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Перев. съ нѣм. подъ ред. Р. Э. Дена. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1898 г. Ц. 60 коп. Предлагаемые очерки внушаютъ равный интересъ какъ самостоятельностью и новизной въ разработкѣ вопросовъ, такъ и умѣлой группировкой и освѣщеніемъ матеріала. Авторъ вездѣ остается на почвѣ самостоятельнаго изученія фактовъ. Разсматривая вопросъ о паденіи ремесла, онъ приходитъ къ выводу, что новѣйшія изслѣдованія по этому поводу дали нѣсколько иную оцѣнку обычному представленію о характерѣ и причинахъ этого процесса. Большая публика довольствуется самыми простыми формулами для обозначенія этого совершающагося на глазахъ ея явленія: вытѣсненіе ручного труда машиной, уничтоженіе ремесла фабрикой. Единственной причиной этого процесса считается уменьшеніе издержекъ производства вслѣдствіе примѣненія машинъ. Новѣйшія же изслѣдованія именно и установили тотъ фактъ, что причина большей части происходящихъ измѣненій кроется не въ успѣхахъ техники производства, а въ измѣненіяхъ въ народно-хозяйственномъ характерѣ современнаго спроса, и, что, поскольку дѣйствуетъ эта причина, ремесло погибаетъ и помимо конкурренціи машиннаго производства. Въ числѣ этихъ измѣненій слѣдуетъ считать прежде всего мѣстную концентрацію спроса, благодаря громадному скопленію людей въ большихъ городахъ, небывалому разростанію государственныхъ, коммунальныхъ и частныхъ учрежденій и предпріятій, являющихся многочисленными центрами, въ которыхъ сосредоточивается массовой спросъ на продукты промышленности. На второмъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить то обстоятельство, что современная культурная жизнь во многихъ случаяхъ ставитъ промышленности такія грандіозныя задачи, которыя совершенно не выполнимы средствами и орудіями, имѣющимися въ рукахъ ремесла, напр., сооруженіе большого моста или военнаго корабля, изготовленіе локомотива, парового крана, скоропечатной машины и пр. Помимо того, спросъ сдѣлался однороднѣе, принялъ массовой характеръ. Предпочитая получать все въ готовомъ видѣ и пользоваться возможностью самаго широкаго выбора, мы избѣгаемъ непосредственныхъ сношеній съ производителемъ, и работа на заказъ—этотъ существенный признакъ ремесла—уступаетъ мѣсто работѣ про запасъ. Параллельно со всѣми этими измѣненіями въ характерѣ

спроса шелъ процессъ конценцентраціи въ области промышленнаго производства, и жертвою этого процесса и сдѣлалось ремесло.

Авторъ подробно разсматриваетъ всѣ наиболѣе характерные случаи въ судьбѣ ремесла въ зависимости отъ указанныхъ измѣненій спроса и производства: вытѣсненіе ремесла соотвѣтствующимъ фабричнымъ производствомъ, съуженіе области ремесла, благодаря развитію фабрикъ и домашняго производства, подчиненіе ремесла крупному предпріятію, обѣднѣніе ремесла вслѣдствіе перемѣщенія спроса, низведеніе ремесла на степень домашней промышленности и работы на магазинъ. Въ результатѣ весьма тонкаго анализа всѣхъ этихъ случаевъ онъ приходятъ къ слѣдующему заключенію объ условіяхъ жизнеспособности ремесла: «во всѣхъ случаяхъ, когда ремесло снабжаетъ покупателя готовыми для потребленія и не подверженными быстрой порчѣ товарами, которые могутъ быть изготовлены по извѣстнымъ типичнымъ образцамъ, разсчитаннымъ на средній уровень потребностей, ему грозитъ величайшая опасность даже тогда, когда крупное производство не имѣетъ передъ нимъ техническихъ преимуществъ. Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда произведенный ремесленникомъ товаръ долженъ быть прилаженъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, или, такъ или иначе, приноровленъ въ зависимости отъ индивидуальныхъ условій, ремесло не теряетъ, по крайней мѣрѣ, связи съ потребителемъ (напр., слесаря, портные, шорники и др.)» (стр. 22—23). Къ недостаткамъ очерка, сущность котораго мы изложили, слѣдуетъ отнести то, что авторъ въ иллюстрирующихъ его выводы примѣрахъ, очевидно, смѣшиваетъ часто въ одно какъ ремесло въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ и отросли домашней (кустарной) промышленности.

Очеркъ К. Бюхера: «Соединеніе труда и совмѣстный трудъ» представляетъ собою попытку болѣе точнаго установленія понятія о соединеніи труда, давно фигурирующаго въ политико-экономической литературѣ, но крайне смутнаго. Въ результатѣ авторъ даетъ слѣдующее опредѣленіе: «соединеніемъ труда будетъ называться соединеніе въ рукахъ одного человѣка разнородныхъ формъ, а совмѣстнымъ трудомъ—одновременное исполненіе нѣсколькими работниками одной и той же работы» (стр. 39). Изслѣдованіе этого вопроса, которому до сихъ поръ не доставало ясности, представляетъ цѣнный вкладъ въ область теоретической экономіи. Въ послѣднихъ двухъ очеркахъ авторъ, на основаніи матеріала, доставляемаго описаніями путешественниковъ и этнографовъ, рисуетъ ту стадію хозяйства первобытныхъ народовъ—дикарей, для характеристики которой онъ не находитъ лучшаго опредѣленія, какъ «стадія индивидуальнаго исканія пищи». Очерки одинаково интересны и богаты фактами. Напрасно только авторъ полагаетъ, повидимому, что онъ первый затронулъ и разработалъ указанную тему. На русскомъ языкѣ уже въ 1883 г. появился по тому же поводу солидный трудъ покойнаго экономиста Н. Зибера «Очеркъ первобытной экономической культуры».

М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. I. М. 1898 г. Стр. XXXII + 712. Ц. 2 р. 50 к. Въ обширномъ трудѣ, первый томъ котораго недавно вышелъ въ свѣтъ, М. М. Ковалевскій какъ бы подводитъ итогъ своей двадцатипятилѣтней ученой работѣ, направленной на изученіе экономической и соціальной исторіи средневѣковой Европы. Среди разнообразныхъ трудовъ знаменитаго ученаго лучшими являются именно тѣ, гдѣ онъ выступаетъ въ роли медіевиста. Превосходное знаніе источниковъ какъ изданныхъ, такъ и рукописныхъ придаетъ изслѣдованіямъ М. М. Ковалевскаго въ этой области высокое достоинство полной оригинальности. Онъ только тамъ довольствуется изложеніемъ результатовъ чужой работы, гдѣ провѣрка ихъ по источникамъ убѣдила его въ ихъ правильности. Такимъ образомъ, передъ нами трудъ большой научной цѣнности, которому предстоитъ занять почетное мѣсто въ литературѣ, столь обширной, по исторіи происхожденія и основ-

ныхъ особенностей феодальнаго строя. Полное господство надъ матеріаломъ позволило автору дать цѣльный обзоръ сложныхъ явленій соціально-экономической эволюціи европейскаго средневѣковья, обзоръ, проникнутый одной широкой мыслью, свободно обнимающей и осмысляющей массу деталей. Не примыкая ни къ одной изъ двухъ типичныхъ школъ средневѣковой исторіографіи романистовъ и германистовъ, М. М. Ковалевскій выработалъ самостоятельную теорію соціальной эволюціи, которая въ главныхъ общихъ чертахъ изложена имъ въ извѣстныхъ стокгольмскихъ лекціяхъ, посвященныхъ вопросу о происхожденіи и развитіи семьи и собственности. Новый трудъ развиваетъ, дополняетъ и отчасти видоизмѣняетъ тезисы, выставленныя въ упомянутыхъ лекціяхъ. Отличіе въ изложеніи лекцій и разбираемой книги представляются то перемѣной къ лучшему, то не совсѣмъ. Внимательный читатель трудовъ М. М. Ковалевскаго отмѣтитъ, конечно, что въ новой книгѣ отсутствуетъ утвержденіе, что общинные передѣлы представляются необходимой и естественной стадіей въ развитіи землевладѣнія. Авторъ, повидимому, даже склоняется къ мысли, что установленіе нѣкоторой пропорціональности между величиной надѣла и размѣромъ крестьянскихъ повинностей вызвало стремленіе къ большей равномѣрности крестьянскихъ участковъ, которое производилось усиліями землевладѣльцевъ (см. стр. 681 и др.). Но вопросъ о томъ, какъ относится авторъ къ объясненію происхожденія передѣловъ вслѣдствіе экспропріаціи крестьянъ и искусственной регламентаціи крестьянскаго хозяйства ради ихъ тяглой исправности—остается неяснымъ. Это жаль, потому что изложеніе вопроса о передѣлахъ въ стокгольмскихъ лекціяхъ не можетъ считаться убѣдительнымъ. Желающимъ сопоставить теорію проф. Ковалевскаго о естественномъ происхожденіи передѣловъ (съ которой—какъ сказано—не вяжутся нѣкоторыя замѣчанія его въ новомъ трудѣ), съ противоположнымъ мнѣніемъ нельзя не указать прекрасной статьи П. Н. Милюкова: «Русская аграрная политика прошлаго столѣтія» въ «Русской Мысли» за 1890 г., № 5. Другое существенное отличіе разбираемаго труда отъ лекцій состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ появляется понятіе «рода», отличнаго отъ «большой нераздѣльной семьи». Въ лекціяхъ рѣчь идетъ только о «семейной общинѣ». Трудно уяснить себѣ, что такое авторъ разумѣетъ подъ родомъ: повидимому, семейную общину, разросшуюся до размѣровъ цѣлаго селенія. Но каковы признаки этой особой формы общинно-кровныхъ отношеній, насколько она устойчива и не правильнѣе ли видѣть въ такомъ процессѣ разростанія и разселенія по отдѣльнымъ дворамъ нѣкогда единой семейной общины—фактора разложенія кровныхъ связей, какъ это показываетъ самъ авторъ на стр. 287 и 288? Приведенные авторомъ факты для характеристики «родовой» общины не позволяютъ считать ее чѣмъ либо равнозначущимъ и существеннымъ рядомъ съ общинами семейной и сосѣдской. Не лучше ли вовсе бросить этотъ терминъ, сохранивъ понятіе родовой организаціи лишь для объясненія явленій той эпохи, когда господствуетъ кочевой бытъ, а семейная община—еще не возникала? Выдѣляемъ эти два вопроса, потому что они существенны для выясненія исходной точки зрѣнія проф. Ковалевскаго. Во всей книгѣ онъ слѣдитъ за разложеніемъ общинныхъ отношеній подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни германскихъ племенъ. Главнымъ факторомъ этого разложенія является рецепція римскихъ правовыхъ понятій и порядковъ, проводимыхъ въ законы германскихъ правителей вліяніемъ духовенства, стремившагося къ созданію крупной земельной собственности церковныхъ учрежденій. Процессъ находилъ поддержку и въ интересахъ свѣтскихъ магнатовъ, строившихъ свое общественное значеніе на владѣніе населенными землями. Разрабатывающій эту общую тему трудъ естественно распадается на два отдѣла. Первый—посвященъ вопросу о «римскихъ и германскихъ элементахъ въ образованіи средневѣковаго помѣстья и сельской общины». Разборъ особенностей римскаго помѣстья, съ одной, и хозяйственныхъ порядковъ гер-

манцевъ въ эпоху Цезаря и Тацита, съ другой стороны, служитъ подготовкой къ картинѣ быстрой романизаціи германскаго экономическаго и правового строя. Картина эта широко развертывается передъ читателемъ въ рядѣ главъ, дающихъ обзоръ землевладѣнія у всѣхъ германскихъ племенъ съ VI по X вѣкъ. Авторъ, подобно Фюстель де-Куланжу, съ выводами котораго онъ такъ часто расходится, имѣетъ право говорить, что строитъ свои выводы на основаніи *всѣхъ* дошедшихъ до насъ документовъ. Особый интересъ новизны представляетъ разборъ землевладѣнія у аллемановъ и въ Италіи. Въ характеристикѣ лангобардскихъ порядковъ авторъ значительно расходится съ проф. Виноградовымъ, посвятившимъ происхожденію феодальныхъ порядковъ въ лангобардской Италіи особую диссертацію. Множество цѣнныхъ и оригинальныхъ замѣчаній, освѣщающихъ извѣстные факты новымъ свѣтомъ, получаетъ особую цѣну, такъ какъ въ такой полнотѣ обзоръ землевладѣльческихъ порядковъ ранняго средневѣковья западной Европы не былъ еще выполненъ. Второй отдѣлъ книги посвященъ «экономической сторонѣ процесса феодализаціи недвижимой собственности». Авторъ, показавъ въ первомъ отдѣлѣ, какія причины вызвали постепенное торжество если не частной, то подворной собственности въ Европѣ, обращается къ изученію крупнаго землевладѣнія въ концѣ VIII и слѣд. вѣкахъ и экспропріаціи мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ на характеръ и возникновеніе феодальныхъ отношеній авторъ, оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ, ближе всего примыкаетъ къ теоріямъ Рота и Флакка. Представивъ картину феодализаціи и образованія крупной собственности во Франціи и Англіи, авторъ переходитъ къ характеристикѣ сельско-хозяйственнаго строя въ эпоху крѣпостного права и надѣльной системы. Исторія французскаго землевладѣнія въ IX—XIII в.в.,— составляющая содержаніе трехъ главъ, сама по́ себѣ была бы цѣнной монографіей. Авторъ заканчиваетъ общую часть своего труда изложеніемъ эволюціи крѣпостного права во Франціи,—состоявшей въ переходѣ крестьянскаго населенія съ барщины и личной зависимости на оброкъ и зависимость земельную. Въ двухъ послѣднихъ главахъ М. М. Ковалевскій разсматриваетъ своеобразную судьбу поземельныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ уголкахъ Франціи: въ Бретани, гдѣ крѣпостническія отношенія не развились, въ Бельгіи и Лангедокѣ, гдѣ они пали раньше, чѣмъ гдѣ либо подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, въ Нормандіи, строй которой детально изученъ авторомъ на основаніи, между прочимъ, новыхъ, неизданныхъ еще памятниковъ сеньеріальнаго права.

Таково содержаніе этого труда, которому должно принадлежать почетное мѣсто въ нашей ученой литературѣ. Ему предпосланъ «общій взглядъ на экономическій ростъ Европы въ эпоху, предшествующую капиталистическому хозяйству». Въ этомъ вступленіи авторъ излагаетъ свои общія воззрѣнія на экономическую эволюцію, главный факторъ которой—ростъ населенія, обусловливающій смѣну формъ народнаго хозяйства и, происходящую въ зависимости отъ развитія формъ производства, смѣну порядковъ владѣнія и отношеній (свободныхъ или зависимыхъ) разныхъ группъ населенія, а также—экономическихъ ученій. Этотъ бѣглый, «общій взглядъ» набрасываетъ очеркъ экономическаго роста Европы до временъ французской революціи: такова необычайно широкая программа труда, первый томъ котораго лежитъ передъ нами. Нельзя не пожелать, чтобы программа эта была выполнена въ полномъ объемѣ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го ноября по 15-е декабря 1898 года.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. V. Религіозныя войны. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899 г. Ц. 3 р.

Георгъ Брандесъ. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Т. I. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Т. II. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 2 р.

Ауэрсвальдъ и Россмесслеръ. Ботаническія бесѣды. Перев. акад. Бекетова. Изд. Сытина. Москва. 1898 г. Ц. 3 р.

П. Сергѣенко. Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. Москва. 1898 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Подъ ред. проф. Виноградова. Вып. III. Москва. 1899 г. Ц. 2 р.

В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ. 1898 г. Ц. 1 р.

Л. Шестовъ. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. 1898 г.

С. Роміасъ. Семья Никитиныхъ. Романъ-хроника. Т. I и II. Москва. 1899. Ц. за 2 т. 4 р. 50 к.

Токвиль. Старый порядокъ и революція. Изд. 2-е «Научно-образовательной библіотеки». Москва. 1898. Ц. 50 к.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Вып. II. Изд. «Научно образоват. библіотеки». Москва. 1898 г. Ц. 50 к.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. II и III. Изд. «Научно-образовательной библіотеки». Москва. 1898. Ц. 12 к.

К. Тимирязевъ. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Изд. 4-е Маракуева. Москва. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. Смирнова. Спб. 1898 г. Ц. 15 р.

П. А. Бадмаевъ. О системѣ врачебной науки Тибета. Вып. I. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Малый энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Вып. I. Спб. 1898 г. Цѣна изданія въ 12 вып. 18 р.

А. Вязигинъ. Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ. Спб. 1898. Ц. 2 р.

В. Ермиловъ. Въ борьбѣ съ рутиной. Изд. Сытина. Москва. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Лансонъ. Исторія французской литературы XVII в. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1899. Ц. 1 р.

Его же. Исторія французской литературы XVIII в. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1899. Ц. 1 р.

Данныя о положеніи питейнаго дѣла въ Богородскомъ уѣздѣ Моск. губ. Изд. Моск. губ. земства. Москва. 1898 г.

Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Г. де Вариньи. Воздухъ и жизнь. Изд. Фрейфельда. Харьковъ. 1898 г. Ц. 75 к.

Проф. М. Ковалевскій. Разви тіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Х. Раппопортъ. Философія исторіи. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 1 р.

А. Пру и Ж. Балле. Гигіена неврастеника. Изд. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

М. Песковскій. А. В. Суворовъ. Изд. Павленкова «Жизнь замѣчательныхъ людей». Спб. 1899. Ц. 25 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ системат. курса. Изд. 2-е. Москва. 1899. Ц. 45 к. безъ пересылки.

Ю. Касиненко. Малороссы во Франціи. Т. I. Лубны. 1898 г. Ц. 80 к.

Д-ръ Е. Дюковъ. За и противъ гомеопатіи. Харьковъ. 1898. Ц. 50 к.

М. Мартыненко. Очерки фельдшеризма. Изд. «Медицинскаго Журнала». Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

Отчетъ Общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ нач. народн. училищахъ Псковск. губ. 1898 г.

Е. Варбъ. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. (Очерки Румянцевскаго музея). Москва. 1898 г. Ц. 40 к.

А. В. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ University extension въ Россіи. Отчетъ комиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1897 г. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.

Д-ръ М. Шляпниковъ. 2-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ. Харьковъ. 1898 г. Ц. 15 к.

Русскій астрономическій календарь. 1899 г. Ц. 75 к.

И. Стешенко. Поэзія И. П. Котляревскаго. Къ 100 л. юбилею его «Энеиды». Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». 1898 г.

Валерій Брюсовъ. О искусствѣ. Москва. 1899 г.

Д. П. Никольскій. Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ при Фарфоровскомъ приходскомъ попечительствѣ за 15 лѣтъ. Посвящ. памяти В. П. Варгунина. Спб. 1898 г.

Д. Виппперъ. Спеціальная подготовка преподавателя средней школы или поднятіе его положенія. Москва. 1898 г. Ц. 20 к.

Ю. Н. Лавриновичъ. Съѣздъ начальниковъ промышленныхъ училищъ. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

К. Ціолковскій. Самостоятельное горизонтальное движеніе управляемаго аэростата. Одесса. 1898 г.

Седьмой годичный отчетъ Совѣта взаимновспомогательнаго общества фельдшеровъ и фельдшерицъ въ Москвѣ за 1897 г. Москва. 1898 г.

Фельдшерскій вопросъ. Изд. газеты «Фельдшеръ». Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Фельдшерскій вопросъ на VII съѣздѣ земскихъ врачей Казанской губ. Фельдшера А. Петрова. Спб. 1897 г.

Краткій отчетъ о дѣятельности Сарапульской частной мужской воскресной школы за 1896 и 1897 гг. Сарапуль. 1899 г.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

ГДѢ НАСТОЯЩАЯ ФРАНЦІЯ?

По поводу книги—*France*, by John Courtenay Nodley, London 1898.

До послѣднихъ дней Франція не утратила своей, по крайней мѣрѣ, трехвѣковой привилегіи — привлекать вниманіе всего міра не только событіями, но и заурядными фактами и происшествіями. Объясняется это очень просто. Нигдѣ на земномъ шарѣ съ такимъ усердіемъ не поднимаются и не обсуждаются вопросы общечеловѣческаго содержанія, нигдѣ такъ много не говорятъ объ идеяхъ и принципахъ, и нигдѣ эти рѣчи не выходятъ такими красивыми и удобопонятными. Привилегія — завидная, принесшая не мало славы Франціи и существенной пользы міровой публикѣ.

Но именно вопросъ о пользѣ, къ сожалѣнію, не можетъ имѣть одного постояннаго значенія. Онъ мѣняется до безконечности, сообразно съ обстоятельствами, и иной разъ невольно является мысль: было бы гораздо лучше, если бы міръ поменьше занимался Франціей и не придавалъ слишкомъ общаго смысла ея практической и всякой другой жизни. Иначе впечатлѣніе и выводы получаются совершенно неосновательныя и ни въ какомъ случаѣ не желательныя. Именно въ такомъ положеніи находится въ настоящее время одно изъ самыхъ существенныхъ явленій европейской культуры. Франція изъ году въ годъ сообщаетъ ему такое освѣщеніе, направляетъ его по такому скользкому и ломкому пути, что обобщать фактъ—значитъ рѣшительно отчаяться въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ культурныхъ и политическихъ завоеваній Запада.

Мы говоримъ о парламентскомъ строѣ.

Ни для кого не тайно, что за все время третьей республики французскій парламентъ дѣйствуетъ далеко неудовлетворительно. Повидимому, онъ обставленъ всѣми условіями для самаго блестящаго развитія; всеобщая подача голосовъ, неограниченный доступъ къ политической дѣятельности для талантовъ всякаго званія и состоянія, безпрекословная власть народнаго представительства во внѣшней и внутренней политикѣ... Чего бы, кажется, больше для торжества настоящей свободной, просвѣщенной демократіи? Въ дѣйствительности — самые нелѣпые результаты.

Прежде всего парламентъ съ самаго начала не стяжалъ сочувствія самыхъ образованныхъ и интеллигентныхъ французовъ.

И это отрицательное отношеніе не только не разсѣялось, но даже съ теченіемъ времени усилилось. Нигдѣ литература и наука съ такимъ постоянствомъ не нападаетъ на парламентскій режимъ, какъ во Франціи, нигдѣ среди высшей интеллигенціи нѣтъ такого количества индифферентовъ и нигдѣ холодные историки и критики съ такой готовностью не превращаются въ памфлетистовъ, лишь только коснется дѣло демократіи, всеобщей подачи голосовъ, вообще республиканской конституціи.

Les misères parlementaires. Парламентскія пошлости—вотъ обычный отзывъ французскихъ первостепенныхъ талантовъ о народномъ представительствѣ. И книжный рынокъ Парижа предлагаетъ любознательности міровой публики романы съ краснорѣчивыми заглавіями—*Les valets*, *Les mediocres*,—и эти «лакеи» и «посредственности» — никто иные, какъ депутаты, избранники свободной и полноправной демократіи. Предъ нами—самая удручающая галлерея, и для нея нѣтъ лучшей характеристики, чѣмъ старинное восклицаніе Фигаро по адресу выродковъ стараго монархическаго строя: médiocre et rampant et l'on arive â tout, т.-е. надо быть посредственностью и пресмыкаться и достигнешь всего. Одно съ другимъ неразрывно связано: только посредственность можетъ пресмыкаться, а это необходимо: самодержавная демократія любитъ лесть и ухаживанья. Попасть въ парламентъ—значитъ пройдти многія игольныя уши и узкія ворота. Естественно,—въ результатѣ подбирается собраніе лишенное истиннаго гражданскаго мужества и совершенно чуждое высокимъ политическимъ стремленіямъ. Такого взгляда держатся всѣ «интеллигенты». Они упорно уклоняются отъ чести—представлять націю и презрительно пожимаютъ плечами въ отвѣтъ на предложенія министровъ и избирателей. Если они снисходятъ до объясненія причинъ своего презрѣнія,—убѣдительность является поразительная.

По мѣрѣ того какъ демократія старѣетъ, роль принциповъ и безкорыстныхъ идей все болѣе суживается. На сцену выступаютъ очень сложные партійные и личные интересы, борьба обостряется, возникаетъ необходимость—вступать въ компромиссы, идти на взаимныя уступки, политика *маневровъ* постепенно вытѣсняетъ политику идей и отъ государственныхъ людей требуется не столько государственное мышленіе, сколько искусство справиться съ случайными людьми и обстоятельствами. Политика становится яркимъ ремесломъ и очень спеціальнымъ. Можно быть первостепеннымъ мыслителемъ, ученымъ, писателемъ и оказаться совершенно безпомощнымъ на парламентской аренѣ, съ перваго же шага запутаться въ мелкихъ интригахъ, въ едва уловимыхъ сѣтяхъ и окончательно потерять голову.

Все это отлично сознаютъ высшіе интеллекты Франціи и предпочитаютъ быть управляемыми, чѣмъ управлять, — по крайней мѣрѣ спокойнѣе и для самолюбія меньше риска.

Но такъ разсуждаютъ не одни мыслители и ученые. Отъ парламента бѣгутъ даже призванные, повидимому, политики. Они, вкусивъ ораторской славы, рады сбросить бремя и предаться пріятнымъ воспоминаніямъ. Таковы, напримѣръ, чувства Клемансо, выброшеннаго обстоятельствами за бортъ политическаго корабля.

Друзья поспѣшили было заявить соболѣзнованіе и вызвать надежды у отставнаго jeune premier палаты,—Клемансо энергически отклонилъ дружескія изліянія. Онъ счастливъ, переставъ произносить рѣчи. Не принадлежать ни къ какой парламентской партіи—да это высшее блаженство. «Стать самимъ собой, когда захочется взяться за перо и сказать себѣ: вотъ какъ я думаю объ этомъ предметѣ и объ этомъ человѣкѣ,—и ничто въ мірѣ не помѣшаетъ мнѣ напечатать свое мнѣніе». Напечатать только потому, что это считаешь истиной и правдой.

Ничего подобнаго невозможно въ званіи депутата, — и даже для Клемансо, вождя партіи, общепризнаннаго перваго современнаго оратора. Что же должны чувствовать менѣе счастливые и сильные: или невыносимое, обидное рабство, или разъ навсегда покончить съ своимъ личнымъ достоинствомъ и своей нравственной свободой.

Наконецъ,—единомышленницей мудрецовъ и блестящихъ ораторовъ оказывается, повидимому, вся нація, во всякомъ случаѣ ея самая здравомыслящая и дѣятельная часть. Этотъ фактъ утверждаютъ единодушно и французы и иностранцы, добросовѣстно изучавшіе психологію французской демократіи.

Англичанинъ, напримѣръ, подробно разсказываетъ свои впечатлѣнія во время парламентскихъ выборовъ во Франціи. Дѣло происходило въ одномъ изъ южныхъ городовъ. За голоса избирателей ожесточенно боролись два кандидата и выборъ представлялся крайне затруднительнымъ: оба заявляли себя отчаянными сторонниками всяческихъ свободъ и даже принадлежали къ одной и той же масонской ложѣ. Споръ выходилъ бурнымъ и казался безвыходнымъ. Англичанинъ не дождался конца и оставилъ кафе—арену состязаній. Дорога привела его въ совершенно другой міръ.

Это былъ скромный, но чрезвычайно уютный домикъ. Хозяинъ—ремесленникъ, вполнѣ обезпеченной работой. Отъ всей обстановки и отъ самихъ обитателей вѣяло невозмутимымъ миромъ и довольствомъ. Англичанинъ съ первой минуты почувствовалъ, что предъ нимъ виновники истиннаго благоденствія и истинной славы Франціи, идеальное царство—труда, любви къ родинѣ, семейныхъ добродѣтелей, порядка, земледѣльческой культуры, неутомимой заботливости женщинъ о семьѣ. На иностранца повѣяло воздухомъ старой латинской цивилизаціи, столь необычнымъ среди высшихъ сословій Франціи.

Онъ, разумѣется, поинтересовался узнать, что думаетъ хозяинъ дома на счетъ выборовъ? «Я не занимаюсь политикой», отвѣтилъ тотъ. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что этого сорта граждане легко примиряются со всякимъ режимомъ, лишь бы онъ позволялъ имъ мирно заниматься своими дѣлами. Политика, по ихъ мнѣнію, не должна привлекать людей солидныхъ и трудолюбивыхъ.

Англичанинъ пришелъ въ умиленіе: вотъ настоящая Франція, сказалъ онъ себѣ, а не та, что шумитъ въ кафе и безтолково рѣшаетъ неразрѣшимую для нея задачу — управлять судьбами отечества.

За много лѣтъ до англичанина къ тѣмъ же выводамъ пришелъ Тэнъ. Онъ четыре раза исколесилъ страну изъ конца въ конецъ, совершилъ множество мелкихъ путешествій, бесѣдовалъ съ

рабочими и съ крестьянами, жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ деревняхъ, и всюду встрѣчалъ одни и тѣ же чувства и мысли. Большинство населенія владѣютъ земельной собственностью, у многихъ имѣются процентныя бумаги, комфортъ ихъ постепенно увеличивается и они серьезно заняты вопросомъ экономическаго преуспѣянія. У нихъ уже не можетъ быть кучи дѣтей, что совершенно безсмысленно: крестьянинъ-отецъ мечтаетъ сдѣлать изъ своего сына обезпеченнаго собственника, а то и monsieur. Они любятъ копить сбереженія и о всякомъ режимѣ судятъ исключительно съ точки зрѣнія уменьшенія или увеличенія фамильнаго достоянія. Они, напримѣръ, въ плебисцитѣ высказались за имперію, по очень простой причинѣ: въ теченіе двадцати лѣтъ императорскаго режима они продаютъ свои продукты вдвое дороже *). Больше ничего и не надо и рѣшительно все равно, объявятъ ли въ Парижѣ республику или диктатуру. Именно эту Францію Тэнъ считаетъ настоящей—*la France veritable.*

Она, очевидно, совсѣмъ не заинтересована въ высшей конституціонной политикѣ. Вниманіе ея могутъ привлечь вопросы исключительно экономическаго содержанія, вопросъ о налогахъ, пошлинахъ, всякаго рода повинностяхъ. А вся парламентская борьба, игра въ министерства, группы и партіи—для нея праздная и тунеядная забава особой породы людей, менѣе всего почтенной и полезной.

Если теперь вы обратитесь за разрѣшеніемъ задачи къ ближайшимъ очевидцамъ и участникамъ дѣла, вы получите тотъ же отвѣтъ и въ очень сильной формѣ. Вамъ со всѣми подробностями объяснятъ, какъ создаются въ современной Франціи государственные люди, т.-е. представители народа и у васъ уже ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ проницательности Тэна и англичанина. Только въ странѣ безусловно неполитической возможенъ такой порядокъ вещей и только при полномъ и преднамѣренномъ равнодушіи націи къ парламенту могутъ процвѣтать такіе нравы.

Все дѣло находится въ рукахъ кучки спеціалистовъ, мастеровъ избирательнаго искусства. Они составляютъ списки избирателей, по произволу мѣняя на бумагѣ мѣста ихъ жительства, вписывая покойниковъ, вычеркивая живыхъ и снабжая гражданскими правами лицъ, безправныхъ по суду. Это первый маневръ. Дальнѣйшіе столь же призрачны, но не менѣе дѣйствительны. Кандидатъ въ депутаты начинаетъ выпускать газету, исключительно на время выборовъ. Всѣ номера очень искусно направлены къ одной цѣли: подъ всевозможными соусами и съ особенно пикантнымъ вкусомъ подать избирателю намѣченное имя. Передовая статья, хроника, фельетонъ—вездѣ царство одного и того же господина, признаннаго благодѣтеля края. Но рядомъ съ нимъ появляется другое лицо. Это не кандидатъ, а такъ называемый *шампиньонъ*, все его назначеніе въ томъ, чтобы отвлечь нѣсколько голосовъ отъ настоящаго, но почему-либо непріятнаго кандидата.

На помощь газеты являются ораторы, спеціально выдрессировавшіе себя для выборныхъ агитацій. Ихъ услуги принадлежатъ

*) Taine. *L'opinion en Allemagne et les conditions de la paix. Essais de critique et d'histoire.* Paris 1882.

всякому желающему. Ораторъ даже не живетъ въ данномъ округѣ: онъ путешествуетъ по всей странѣ, будто гастролирующій артистъ. Но это не мѣшаетъ ему вездѣ и за кого угодно бросаться въ свалку съ неудержимымъ азартомъ и пускать въ ходъ какія угодно средства.

Англичанинъ разсказываетъ, что въ его присутствіи одинъ изъ кандидатовъ былъ обвиненъ противной партіей въ братоубійствѣ. Несчастный кандидатъ клялся всѣми святыми, что у него никогда даже и не было брата. Обвинители не вѣрили и требовали доказательствъ. Но доказать, что у человѣка никогда не было брата, дѣло хитрое и въ теченіе всей избирательной кампаніи оратора неизмѣнно прерывали криками: «Поговорите намъ лучше о братѣ! Онъ жилъ бы до сихъ поръ, если бы не вы!..»

И это не исключительный фактъ. Клевета — самый обычный пріемъ политической борьбы во Франціи. Президентъ Форъ испыталъ ея прелести при самомъ вступленіи на свой постъ, испытываютъ ихъ и другіе. Полный просторъ клеветѣ при самомъ зарожденіи будущаго государственнаго мужа. Памфлеты, афиши, оскорбительные крики на публичныхъ собраніяхъ бурей проносятся надъ головой кандидатовъ въ депутаты. Устраиваются особые миттинги, съ цѣлью порицанія, оправданія или распространенія пущеннаго слуха. Температура ораторовъ и публики на этихъ миттингахъ достигаетъ чуть не точки кипѣнія. Первобытные инстинкты, столь свойственные всякой толпѣ, овладѣваютъ даже людьми, при обычныхъ условіяхъ сдержанными и благоразумными. Они, въ отвѣтъ на нападки и обвиненія, сами принимаются чѣмъ попало громить врага, не щадятъ личной и семейной чести, не оставляютъ въ покоѣ мертвецовъ, сыплютъ самой откровенной бранью, выносятъ ее за предѣлы собранія и расклеиваютъ на уличныхъ столбахъ.

Не бываетъ недостатка и въ физическихъ рѣшеніяхъ споровъ, въ обращеніяхъ за помощью къ полицейской и военной власти. Однимъ словомъ, страна впадаетъ будто въ пароксизмъ лихорадки, весьма похожій на временное умопомѣшательство и легко представить, съ какимъ чувствомъ собственнаго достоинства и въ блескѣ какого общественнаго почета избранники націи являются въ парламентъ и вооружаются мудростью законодателей!

Мы говоримъ—страна, избранники націи, не всуе ли произносятся эти слова, когда рѣчь идетъ о герояхъ подобной политики? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ они вполнѣ заслуживаютъ аристократическаго презрѣнія ученыхъ и пренебрежительнаго равнодушія здравомыслящаго народа? Отвѣтъ внѣ сомнѣнія для англичанина и французскихъ интеллигентовъ. Всѣ они смотрятъ приблизительно въ одну сторону, далеко за предѣлы современной республики, вплоть до классической эпохи Людовика XIV.

Это не новость. Французскихъ академистовъ во снѣ и на яву преслѣдуетъ неотразимый образъ августѣйшаго мецената, все равно будь это прирожденный монархъ бурбонскаго поколѣнія или «коронованный солдатъ». Вольтеръ въ своихъ мечтахъ о просвѣщенномъ деспотѣ, о государѣ-философѣ, повидимому, навсегда предвосхитилъ національный политическій идеалъ французскихъ

высшихъ умовъ. И мы безпрестанно слышимъ то совсѣмъ откровенныя, то кое-какъ вуалированныя хвалы доброму старому времени. Тэнъ пропѣлъ совершенно искренній и чрезвычайно громкій гимнъ старому режиму со всѣми его историческими красотами, даже съ аристократическими привилегіями и всякаго рода общественными неравенствами. Ужъ очень спокойно жилось при такомъ порядкѣ! Каждый сверчокъ зналъ свой шестокъ: и какой-нибудь мѣщанинъ не лѣзъ въ господа, и мужикъ не мечталъ сдѣлаться владѣтелемъ замка. У каждаго было свое заранѣе опредѣленное мѣсто на общественной лѣстницѣ и это именно, по соображеніямъ историка, создавало удивительную ясность духа у подданныхъ старой монархіи, и они безъ перерыва распѣвали пѣсни и разсказывали анекдоты *). Такъ въ теченіе вѣковъ и оставалась бы Франція обѣтованной землей, если бы не революція.

Она и есть источникъ всѣхъ бѣдствій. За ея исторіей лежитъ настоящая Франція—покорная, разбитая на соціальныя клѣтки, мѣщански-ограниченная.

Такъ склоненъ думать и англичанинъ. Онъ не считаетъ революцію прогрессивнымъ явленіемъ. Всѣми достоинствами, какія имѣются во французскомъ характерѣ и во французской культурѣ, нація обязана прошлому, старымъ преданіямъ, расовой наслѣдственности. Въ эти достоинства отнюдь не входитъ современное политиканство. Они ограничиваются строгой семейной нравственностью, изумительной бережливостью, аккуратностью, мелочной методичностью во всѣхъ дѣйствіяхъ и высшей практической выдержанностью. Личность, обладающая этими добродѣтелями—полный контрастъ парламентскому политику—вертлявому, непосѣдливому, вѣкъ перебѣгающему отъ одного министерства къ другому, безпрестанно мѣняющему положеніе министра на званіе простого депутата или просто адвоката и вѣчнаго политикана.

Естественно, англичанинъ не меньше Тэна восхищается государственнымъ умомъ Наполеона, умѣвшаго до послѣдней степени съузить предѣлы политическихъ интересовъ для своихъ подданныхъ и требовавшаго отъ нихъ именно только расовыхъ добле-стей—аккуратности и муравьинаго трудолюбія.

И онъ, говорятъ намъ, былъ правъ. Это и есть настоящій идеалъ всякаго солиднаго француза. Онъ по природѣ матеріалистъ и идеально трезвый практикъ: недаромъ влюбленность французскаго крестьянина въ свою земельную собственность давно вошла въ пословицу. Зачѣмъ ему какія-то общечеловѣческія идеи, принципы высшей политики, вопросы о разныхъ формахъ правленія? Для него неизмѣримо интереснѣе смѣна погоды въ его мѣстности, чѣмъ какія угодно головокружительныя комбинаціи государственныхъ умовъ.

И онъ систематически уклоняется отъ своего гражданскаго долга. Его политическій индифферентизмъ не менѣе глубокъ и не излѣчимъ, чѣмъ у его ученыхъ соотечественниковъ, хотя и по разнымъ причинамъ. Тѣ презираютъ политиковъ, потому что убѣждены въ ихъ посредственности и своекорыстныхъ цѣляхъ,—а народъ просто не интересуется парламентскими партіями, какъ совершенно ненужными ему въ его обыденныхъ дѣлахъ.

---

*) Taine. *Le régime moderne*. I, 258—9, 311—8.

Но тотъ же народъ врядъ ли согласился бы вычеркнуть изъ отечественной исторіи революцію. Давно замѣчено—отвращеніе къ старому режиму единственное безусловно реальное чувство французскаго крестьянина и мелкаго собственника. Токвиль утверждаетъ,—именно это чувство пережило всѣ революціи и всѣ политическія формы. Съ Токвилемъ были согласны даже искреннія поклонники бурбонской монархіи, въ родѣ Малле-дю-Пона, жесточайшаго гонителя революціоннаго движенія. Надо, слѣдовательно, думать, что переносить Францію по ту сторону великой революціи по крайней мѣрѣ неосновательно. Она никоимъ образомъ не согласилась бы снова впречься въ колесницу феодализма и отказаться отъ безусловнаго соціальнаго и политическаго равенства.

И все таки она не Франція республики, это слишкомъ очевидно, и даже всеобщая подача голосовъ для нея благо довольно безразличное. Съ другой стороны, парламентъ въ его современной исторіи—учрежденіе явно нецѣлесообразное. Фактъ признаютъ сами политики и притомъ несомнѣнно либеральнаго направленія.

Достаточно познакомиться съ содержаніемъ парламентскихъ преній, съ результатами сессій, чтобы убѣдиться въ практической безплодности политическихъ схватокъ. Цѣлыми годами остаются безъ движенія настоятельнѣйшія экономическія и соціальныя реформы, и десятки засѣданій тратятся на запросы по внѣшней политикѣ, по поводу разныхъ инцидентовъ, по случаю партійныхъ счетовъ, и такъ-называемые «большіе дни» парламента знаменуются потокомъ совершенно безцѣльнаго краснорѣчія, запальчивыми дебатами о формулахъ перехода къ очереднымъ дѣламъ и особенно о довѣріи или недовѣріи министерству.

Но пусть хотя бы эти вопросы рѣшались по какому-нибудь опредѣленному плану, группировали депутатовъ въ болѣе или менѣе устойчивое большинство. Ничего подобнаго. Ни одно министерство не можетъ поручиться за свою участь даже на пространствѣ одного засѣданія, т. е. нѣсколькихъ часовъ. Сегодня, положимъ, министерство получило радикальное большинство, но это не значитъ, будто такое большинство существуетъ въ палатѣ: на слѣдующій день радикалы могутъ соединиться съ реакціонными группами и низвергнуть министерство за умѣренность. И власть безпрестанно переходитъ отъ радикаловъ къ умѣреннымъ и наоборотъ,—а реформы остаются безъ движенія въ портфеляхъ министровъ. Все это калифы на часъ и вся ихъ энергія и искусство сполна поглощается «маневрами», т. е. текущими изворотами между партіями. Правительственная политика сводится съ перваго дня до послѣдняго къ отраженію крупныхъ и мелкихъ натисковъ, рѣже всего принципіальнаго характера.

Можно ли при такихъ условіяхъ уважать парламентъ и считать политику дѣломъ серьезнымъ? И сами политики заявляютъ, что равнодушіе и усталость растутъ со дня на день и что все грознѣе выдвигается вопросъ о будущемъ свободы. И это послѣ столькихъ революцій и жертвъ! Десятилѣтіе существуетъ всеобщая подача голосовъ, и между тѣмъ ни одинъ депутатъ не рѣшится утверждать, что парламентское большинство, по своимъ цѣлямъ и дѣятельности, представляетъ большинство націи; парламентъ, слѣдовательно, остается внѣшнимъ учрежденіемъ въ странѣ. Фактъ по истинѣ отчаянный! И онъ остается внѣ сомнѣнія.

*

Какъ же помочь горю и въ чемъ корень недуга?

Въ отвѣтъ *политики* предлагаютъ обычныя средства, вотъ уже въ теченіе столѣтія практикующіяся во Франціи на всѣ лады. Необходима избирательная реформа. Это значитъ надо прежде всего сдѣлать избирательскій вотумъ обязательнымъ. Какая злая насмѣшка надъ самодержавной демократіей! Ее приходится *принуждать* пользоваться политическими правами, тащить честью къ избирательной урнѣ. И это говорится вполнѣ серьезно! Другая мѣра—частичное возобновленіе палаты. Оно примѣнялось при реставраціи, но нисколько не способствовала совершенствованію парламентаризма. Да и какая разница выбирать палату цѣликомъ или по частямъ, ежегодно или чрезъ нѣсколько лѣтъ, если граждане не желаютъ участвовать въ выборахъ и предоставляютъ поле дѣйствія интриганамъ и выскочкамъ?

Это одно. А потомъ, въ самомъ парламентѣ республика досихъ поръ не успѣла выработать крупныхъ партій. Депутаты распадаются на группы—это значитъ, весьма слабо примыкаютъ къ какимъ-либо принципамъ и общимъ идеямъ. Группа—это личная свита какого-нибудь отдѣльнаго искуснаго политика, его штабъ. Только большія партіи могутъ съ извѣстнымъ постоянствомъ представлять идейные интересы и властно проводить ихъ, а мелкія фракціи по неволѣ должны примыкать къ той или другой вліятельной личности и поддерживать свое существованіе сдѣлками съ частными стремленіями вождей. Очевидно, при такихъ условіяхъ большинство—нѣчто совершенно случайное и крайне измѣнчивое, потому что оно всякій разъ можетъ составиться изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Такъ это и происходитъ во французской палатѣ, и министры ежечасно должны считаться съ неожиданными перетасовками группъ и изъ-за вотума довѣрія пускать въ ходъ хитрѣйшіе маневры...

Такой парламентъ, дѣйствительно, явленіе тунеядное и его не преобразуетъ никакая избирательная реформа. Корень зла, очевидно, гораздо глубже, въ самомъ французскомъ народѣ. Французы нація не парламентская—таково естественное заключеніе изъ существующихъ фактовъ. Англичанинъ согласенъ съ нимъ и немедленно рекомендуетъ французамъ покончить съ парламентомъ, какъ учрежденіемъ заимствованнымъ, чужеземнымъ. Рекомендація, безъ сомнѣнія, слишкомъ скоропалительная, но вопросъ не становится проще. Поиски за «настоящей Франціей» рано или поздно должны стать жгучимъ, неотвратимымъ интересомъ настоящаго и будущаго. Мы думаемъ, ихъ слѣдуетъ вести историческимъ путемъ, какъ всякое изслѣдованіе національной психологіи и народныхъ идеаловъ. Англичанину не пришла эта мысль, а между тѣмъ ничего нѣтъ поучительнѣе, какъ именно историческіе корни и первые шаги французскаго парламентаризма. Рѣдко когда отдаленное прошлое столь ярко и непогрѣшимо свидѣтельствовало о будущемъ и преданія такъ гармонично совпадали съ современностью!

II.

Какъ возникла во Франціи республиканская форма правленія? Отвѣтить можно очень легко: назвать годъ учрежденія третьей

республики и разсказать разныя обстоятельства. Но опредѣленіе—*третьей*—должно подорвать простоту отвѣта: слѣдовательно, замѣтитъ читатель, раньше уже было *двѣ* республики и ихъ замѣнили другія политическія формы. Очевидно, республика вовсе не такой настоятельный строй во Франціи, чтобы разсчитывать на безусловную прочность и третьяго ея появленія. И читатель будетъ вполнѣ правъ: республика менѣе всего органическое созданіе французскаго національнаго духа. Это фактъ громаднаго значенія: онъ бросаетъ истинный свѣтъ и на французскій парламентаризмъ.

Слово республика, какъ чрезвычайно чарующій звукъ, раздалось во Франціи очень давно,—немедленно по смерти Людовика XIV. Король, умѣвшій казаться великимъ, обходился со всѣми учрежденіями своего государства въ высшей степени безцеремонно, и особенно съ парламентомъ. Ему стоило появиться среди краснорѣчивыхъ гражданъ въ охотничьихъ сапогахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ, чтобы привести къ порядку самые свободолюбивые умы. И Людовикъ производилъ съ полнымъ успѣхомъ подобные опыты. Онъ не забылъ ихъ, сочиняя наставленія для своего наслѣдника и увѣщевая его считать парламентъ сборищемъ людей трусливыхъ и ничтожныхъ.

И вотъ это самое сборище, по смерти своего владыки, вдругъ вообразило себя чуть не римскимъ сенатомъ. Воображеніе, конечно, было внушено обстоятельствами. Регентъ Филиппъ Орлеанскій обратился къ парламенту съ предложеніемъ измѣнить завѣщаніе покойнаго короля въ желательномъ смыслѣ—и парламентъ воспользовался случаемъ. Съ тѣхъ поръ въ его средѣ появляются Цицероны и Демосѳены,—такъ публично именуются особенно краснорѣчивые декламаторы. По желанію герцога Орлеанскаго, они лишили всѣхъ правъ, какими Людовикъ XIV одарилъ своихъ незаконныхъ сыновей, и вообразили, что послѣ этого они сами пріобрѣли исключительныя политическія полномочія. Открылся рядъ эффектныхъ сценъ: парламентъ услышалъ чрезвычайно смѣлыя рѣчи, и особенно отважныхъ смѣльчаковъ парижская толпа даже на улицахъ привѣтствовала криками и аплодисментами. Они такое отношеніе публики считаютъ «особенно славнымъ и лестнымъ» и, конечно, стараются поощрять его. Они признаютъ себя «отчасти республиканцами». Въ дѣтствѣони читали греческихъ и римскихъ авторовъ, теперь настало время ставить живыя картины на мотивы школьныхъ воспоминаній. Въ учебныхъ заведеніяхъ также нашлись «отчасти республиканцы». Они восхваляли ученикамъ доблести древнихъ законодателей и героевъ, имена Брута, Ликурга и даже легендарнаго Миноса звучали необычайно интересно, и подготовляли классическіе спектакли позднѣйшихъ революціонныхъ собраній.

И все-таки ни рѣчи, ни аплодисменты, ни учебники не свидѣтельствовали о республиканскихъ стремленіяхъ всѣхъ этихъ ораторовъ и еще менѣе—націи. Они не представляли пока ни малѣйшей опасности для королевской власти. Это могъ понять всякій хладнокровный наблюдатель. Принцы королевскаго дома аплодировали въ театрѣ республиканскимъ рѣчамъ античныхъ героевъ, привѣтствовали, напримѣръ, такое восклицаніе вольтеровскаго римскаго гражданина: «Я сынъ Брута, въ моемъ сердцѣ запечатлѣна свобода и отвращеніе къ королямъ». Но вѣдь не выте-

кало же изъ этихъ привѣтствій дѣйствительное намѣреніе какого-нибудь герцога Шатрскаго или графа Артуа низложить Людовика XVI и объявить Францію республикой на образецъ древняго Рима.

То же самое справедливо и относительно самихъ поэтовъ, украшавшихъ свои произведенія цицероновскими цвѣтами. Тотъ же Вольферъ пришелъ бы въ ужасъ при одной мысли быть гражданиномъ французской республики, онъ, воспѣвшій Генриха IV, не перестававшій всю жизнь мечтать о Маркѣ Авреліи или Цезарѣ!

Вотъ именно въ Генрихѣ IV и заключаются истинныя идеальныя чувства нашихъ республиканцевъ. Они восторгаются Брутомъ и Ликургомъ только ради оппозиціи и немедленно готовы крикнуть *vive le roi* съ самымъ непосредственнымъ восторгомъ, лишь только имъ почудятся въ королѣ достоинства Генриха. Такъ они и поступаютъ при восшествіи на престолъ Людовика XVI.

На памятникѣ Генриха они начертываютъ надпись: *воскресъ!* Каждое слово и распоряженіе новаго государя они толкуютъ, какъ очевидныя отраженія мудрости и любвеобильнаго сердца его предка. Они готовы забыть весь классическій блескъ Цицерона и Демосѳена ради министра Тюрго, столь похожаго на Сюлли—министра Генриха IV, и опять-таки Вольтеръ будетъ просить облобызать руки министра, друга и защитника народа.

Это истинные, прирожденные монархисты. Ихъ трагедія—не болѣе какъ пышная декорація и громкая реторика. Ихъ парламентскія рѣчи въ сильнѣйшей степени разсчитаны на впечатлительность толпы. Здѣсь нѣтъ дѣйствительно гражданскаго, свободно и глубоко протестующаго міра. Парламентскіе Демосѳены, смотря по обстоятельствамъ, то являли изъ себя неограниченно отважныхъ теоретиковъ, то трусливыхъ подданныхъ. Стоило королю устроить такъ-называемые lit de justice, т. е. лично явиться въ парламентъ, и республиканская температура немедленно падала до точки замерзанія. Гражданскія изліянія замолкали и монарху, и его совѣтникамъ открывался полный просторъ управлять по-своему усмотрѣнію «добрымъ французскимъ народомъ». Не слѣдовало, конечно, злоупотреблять этимъ правомъ и все-таки стараться сколько-нибудь уподобить современную дѣйствительность задачамъ и духу правленія «добраго короля Генриха IV», но можно было вполнѣ не опасаться грозы и землетрясенія изъ нѣдръ парижскаго парламента.

То же самое и «добрый городъ Парижъ». На улицѣ онъ рукоплещетъ Демосѳенамъ и въ то же время пристально интересуется всякой мелочью изъ жизни своего короля. Людовику XV—даже ему!—онъ даетъ наименованіе *Возлюбленнаго* и не знаетъ какъ быть съ памятникомъ этому удивительному государю, гдѣ: на какой площади, его воздвигнуть. Вполнѣ надежный свидѣтель тоски чувствительно подданныхъ парижанъ пишетъ: «для Людовика Возлюбленнаго весь Парижъ превращается въ архитектора».

Эти чувства переживаютъ всѣ вопіющіе скандалы Версальскаго дворца, г-жи Помпадуръ, Дюбарри и вспыхиваютъ яркимъ блескомъ наканунѣ самой революціи. Страна призвана представить правительству свои соображенія на счетъ безнадежнаго положенія королевства,—она прежде всего спѣшитъ увѣнчать чувствами благодарности своего короля, проектируетъ монументъ

Людовику XVI, возстановителю свободы и правъ націи, и даже на развалинахъ Бастиліи. До такой степени искрення и простодушна вѣра народа въ доброе сердце своего государя! Теперь уже окончательно царствующій монархъ отождествляется съ Генрихомъ IV, оба они рядомъ живутъ въ сердцахъ французовъ, и на потомка сыплются самые лестные эпитеты: имъ нація желаетъ придать значеніе оффиціальныхъ прозвищъ—*Благодѣтель*, *Отецъ отечества*, *Соревнователь Карла Великаго*... Сами виновники свои манифестаціи называютъ *праздникомъ чувства* и болѣе подходящее названіе трудно придумать: такъ шумны и единодушны вѣрноподданнѣйшія увѣренія и крики!

Всего за два-три мѣсяца до собранія генеральныхъ штатовъ Парижъ продолжаетъ торжествовать тотъ же праздникъ, въ театрахъ подчеркивать восторгами всякій монархическій стихъ и начинаетъ революцію, оставаясь искреннимъ почитателемъ Генриха IV и его преемника. Революція быстро растетъ, колеблетъ и рушитъ вѣковыя основы общественнаго строя, но она долго не смѣетъ прикоснуться къ трону. Самымъ отважнымъ теоретикамъ не приходитъ мысль устранить монархическую власть. Они твердо помнятъ, что даже Руссо, республиканецъ въ Женевѣ, во Франціи былъ монархистомъ; Лафайэтъ, вставшій за американскую свободу, вернулся на родину подданнымъ, короля и самъ Камиллъ Демуленъ въ моментъ созванія генеральныхъ штатовъ сочинилъ оду въ честь Людовика XVI.

И въ началѣ революціи совсѣмъ нѣтъ республиканской партіи. Революціонное собраніе издаетъ *Декларацію правъ*, народную волю объявляетъ источникомъ всякой власти, но и для него вопросъ о французской монархіи не подлежитъ сомнѣнію, и уже послѣ разрушенія Бастиліи онъ объявляетъ французское правительство монархическимъ, хотя и подчиненнымъ закону. Одновременно съ трибуны произносится рѣчь, объявляющая всякое стремленіе превратить монархію въ республику—смѣшнымъ. Республика соотвѣтствуетъ только небольшимъ государствамъ, кромѣ того французы искони вѣковъ преданы монархіи, своимъ августѣйшимъ монархамъ. Это преданіе священно и неприкосновенно. И дальше слѣдовалъ настоящій гимнъ государю—возстановителю французской свободы, утѣшителю всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Одного слова, одного только слова, звучащаго волшебнымъ очарованіемъ, говорилъ ораторъ, одного отеческаго имени короля достаточно, чтобы вдохнуть въ подданныхъ надежду.

Собраніе не только одобрило рѣчь, но распорядилось напечатать ее къ свѣдѣнію и къ поученію всей Франціи.

И даже Маратъ не могъ бы протестовать противъ смысла этихъ положеній. Въ началѣ революціи онъ составляетъ планъ конституціи и во главѣ ставитъ послѣдственную монархію. Впослѣдствіи клубъ якобинцевъ, съ Робеспьеромъ во главѣ, не признаетъ республиканскихъ идей, и по очень основательной причинѣ: Робеспьеръ не вѣритъ въ достаточное умственное развитіе даже парижской демократіи, чтобы можно было ждать отъ нея республиканской добродѣтели и мудрости. А Маратъ, превосходно изучившій парижскія предмѣстья, увѣренъ въ ихъ монархизмѣ.

Онъ упорно стоитъ за ограниченную монархію и даже непрочь помириться на Людовикѣ XVI. Его крайній демократизмъ, без-

пощадная ненависть къ аристократамъ и привилегированнымъ очень далеки отъ республиканскихъ мечтаній, и никогда не дойдутъ до нихъ. Если бы на французскомъ тронѣ явился король-демократъ, дѣйствительный отецъ своихъ подданныхъ,—Маратъ явился бы однимъ изъ самыхъ преданныхъ подданныхъ. Таковъ по крайней мѣрѣ, смыслъ его заявленій. И не одного его, а вообще всѣхъ крайнихъ радикаловъ и демократовъ.

Имъ, конечно, трудно соблюсти мѣру въ своихъ революціонныхъ чувствахъ. Постоянное подчеркиваніе правъ народа, неумолимая критика стараго режима должны неблагопріятно отражаться на авторитетѣ и достоинствѣ королевской власти. Но это невольный размахъ революціонныхъ страстей: въ основѣ ихъ нѣтъ непримѣримой злобы вообще на монархію, и отъ Людовика XVI и его совѣтниковъ зависитъ ввести въ разумные предѣлы революціонный азартъ, сдержать вѣками накипѣвшую обиду демократіи на неправды разрушаемаго порядка и пойти навстрѣчу принципамъ свободы и равенства.

Но король рѣшительно не способенъ на такую мудрость и энергію, и въ этомъ его личное несчастье и главнѣйшая причина гибели французской монархіи. Онъ не въ силахъ считаться съ фактами, идеями и людьми. Ему доступно одно лишь средство—спасаться бѣгствомъ, искать защиты у другихъ, отряхнуть прахъ отъ своей власти и своего королевства ради личной безопасности и спокойствія; нѣтъ недостатка и въ соотвѣтствующихъ совѣтникахъ. Весь этотъ дворъ, совершенно выродившійся нравственно и умственно, можетъ только ненавидѣть, мстить и въ случаѣ пораженія также бѣжать. Понимать, осмысленно бороться и защищаться, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи. А между тѣмъ, именно на такого рода людей монархія цѣлыя столѣтія изливала свои щедроты и, слѣдовательно, на нихъ возложила нравственный долгъ спасать монарха и его власть. Но спасители разбѣгаются, какъ вспуганная стая птицъ, предварительно до послѣдней степени озлобивъ націю слѣпымъ презрѣніемъ къ самымъ вопіющимъ требованіямъ справедливости. Въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія въ причинахъ крайняго, якобинскаго направленія революціи. Современники самаго умѣреннаго образа мыслей, безусловные роялисты по убѣжденіямъ, единогласно заявляютъ: «демократія и всѣ ея неистовства были порождены вызывающими притязаніями аристократіи» *).

Эти притязанія наталкнули ту же демократію и на республику. Впервые о ней начинаютъ говорить въ Парижѣ по поводу неизлѣчимой вражды Людовика XVI и его двора къ новой конституціи. Становится очевиднымъ, что бурбонскаго монарха нельзя приспособить къ свободному образу правленія, а феодальное дворянство никогда не перестанетъ разсчитывать на движеніе вспять. Приходится подумать о новой политической формѣ. Но и теперь эти думы волнуютъ только очень немногихъ. Король, какъ идеальный представитель національнаго государственнаго принципа, остается все еще очень популярнымъ. Демократія негодуетъ на интриги двора, приходитъ въ ужасъ отъ сношеній своего монарха

*) Таково мнѣніе Малле-дю-Пона и Малуэ—*Mémoire* I, 334. Ср. Francois Descortes: *La revolution française vue de l'etranger*. Tours. 1897.

съ иноземными государями, отъ попытокъ королевы и вельможъ заручиться преданностью войскъ противъ народа. Но съ монархіей вовсе не кончено, и радикальные политики не перестаютъ убѣждать Людовика XVI стать гражданиномъ, государемъ народа и публично заявлять, что республика рѣшительно немыслима во Франціи: въ ея населеніи слишкомъ много невѣжества, испорченности. Даже радикалы на этотъ разъ признаютъ положеніе Монтескьё: въ республикѣ жизненнымъ принципомъ должна быть добродѣтель. Гдѣ же ея взять у французовъ XVIII вѣка въ той степени, въ какой она процвѣтала въ Греціи въ Римѣ.

Но король и дворъ ведутъ свою линію. Они замышляютъ союзъ съ иностранными державами противъ новой Франціи. Для демократовъ это значитъ союзъ государей противъ народовъ. Логическій выводъ: и народы должны организоваться въ союзъ противъ государей. Отсюда — одинъ шагъ до идеи о всемірной республикѣ, такъ какъ «заговоръ» Людовика XVI съ другими монархами ничто иное—какъ всемірная монархія.

Теперь у республики возникаетъ нѣчто вродѣ партіи. Пока республиканцевъ очень мало и они еще колеблются въ своихъ сочувствіяхъ. *La monarchie populaire* — народная монархія—все-таки была бы для нихъ лучшимъ исходомъ,—но неотразимая историческая судьба влечетъ несчастнаго Людовика по наклонной плоскости. Онъ рѣшается бѣжать,—и разнуздываетъ окончательно инстикты парижской толпы. Она перестаетъ уважать его личность, утрачиваетъ всякую вѣру въ его отеческія чувства, между королемъ и народомъ разверзается пропасть—и намъ сообщаютъ: «республиканскій духъ перекочевываетъ изъ департамента въ департаментъ». Короля возвращаютъ, но учредительное собраніе признаетъ его неспособнымъ носить санъ монарха, лишаетъ его власти, а парижское населеніе встрѣчаетъ неудачнаго бѣглеца, не обнажая головы.

Но даже и послѣ этихъ событій практическое осуществленіе республики весьма незначительно подвинулось впередъ. Прежде всего Маратъ, преисполненный злобы на Людовика XVI, не переходитъ на сторону республики. Онъ требуетъ диктатуры и согласенъ, чтобы диктаторъ носилъ королевскій титулъ. Не говорятъ о республикѣ Робеспьеръ и Дантонъ, молчатъ о ней якобинскій и другіе радикальные клубы, иногда даже заявляютъ рѣзкое негодованіе противъ республиканскихъ вожделѣній не по разуму усердныхъ энтузіастовъ. Во время процесса Людовика XVI также нѣтъ рѣчи о республиканской формѣ. Напротивъ, — слышатся голоса, безусловно ей враждебныя. Крайніе демократы представляютъ республику, какъ своего рода олигархію, сравниваютъ ее съ журавлемъ въ баснѣ, истребившемъ лягушечье царство. Единственнымъ виднымъ республиканцемъ является Кондорсе, но его соображенія чисто теоритическія и впослѣдствіи были разбиты фактами. Онъ, напримѣръ, ожидалъ, что при республикѣ невозможно деспотическое преобладаніе столицы надъ всей страной, немыслимо появленіе военнаго диктатора... Все это, какъ извѣстно, осуществилось въ ближайшемъ будущемъ — и даже не разъ. И практическій урокъ показалъ, какъ были смутны республиканскія идеи даже у одного изъ первостепенныхъ политическихъ умовъ своего времени.

И республика все-таки была учреждена. Но мы видимъ почему и въ результатѣ какихъ событій. Тронъ Франціи оказался пустымъ. Французскій король возсталъ противъ своего королевства, пытался дезертировать, призвалъ иностранцевъ на родную почву. Правда, — его можно бы замѣнить, — такъ и разсчитывали дѣятели революціи. Но кѣмъ? Ни одинъ принцъ королевскаго дома не внушалъ достаточно довѣрія, думали были достать короля изъ-за границы,—но кто бы рѣшился отправиться царствовать въ революціонную страну! Оставалось примириться съ республикой. Она явилась-ъ невозможностью создать другую форму правленія,—и немедленно доказала полную свою непригодность на французской почвѣ.

Это—въ высшей степени печальная исторія, можетъ быть самая жалкая изъ всего прошлаго Франціи. Первая республика совсѣмъ не имѣла республиканцевъ. Даже ея признанные и оффиціальные учредители и хранители только и помышляли о переворотахъ — въ цезарскомъ духѣ,—и въ особенности блистательно оправдывали опасенія демократовъ: хватитъ ли у французовъ достаточно добродѣтелей, чтобы съ честью нести бремя гражданской республиканской свободы?

Добродѣтелей не оказалось и въ поминѣ. Каждая республиканская власть стремилась превратиться въ журавля и захватить на свою долю побольше благъ лягушечьяго царства. Такъ называемые «директоры» изображали изъ себя маленькихъ монарховъ, усиливались во-что бы то ни стало отдѣлить себя стѣной отъ своихъ вчерашнихъ равноправныхъ соотечественниковъ; въ каждомъ республиканскомъ представителѣ «исполнительной или законодательной» власти уже сидѣлъ будущій герцогъ и графъ бонапартовской имперіи, — и только ждалъ случаѣ — заявить о своемъ существованіи.

Случай скоро представился. Республиканскій спектакль, слишкомъ дурно и бездарно исполняемый, отмѣненъ, античныя декораціи сданы въ кладовую,—и на сцену выступилъ монархъ—сначала въ республиканскомъ мундирѣ, а потомъ и въ императорской мантіи.

Вчерашніе Бруты и Катоны сегодня просто подручные и слуги своего господина. Изъ тринадцати «гражданъ», носившихъ титулъ директора, одинадцать превращаются въ покорнѣйшихъ царедворцевъ и даже изъ среды самого что ни на есть радикальнаго революціоннаго собранія—Конвента—сто-двадцать-одинъ—поступаетъ на службу, преимущественно полицейскую и административную. Будто не существовало никогда *Декларацій правъ* и соперниковъ Цицерона и Демосѳена. Немногіе съ болѣе развитой совѣстью спѣшатъ стушеваться, исчезнуть безслѣдно и безгласно въ толпѣ новыхъ вѣрноподданныхъ. Они не пишутъ даже мемуаровъ — столь любезныхъ для каждаго отставного французскаго государственнаго мужа, не стараются вообще оставить послѣ себя память, направленіе, школу. Республиканская традиція вдругъ обрывается, становится какой-то доисторической археологіей,—и впослѣдствіи республиканцы должны начать снова свою идеологію. У нихъ будто нѣтъ идейныхъ предковъ,—и они, въ свою очередь, также безъ потомства сойдутъ съ политической сцены предъ лицомъ второго Бонапарта и вообще воспроизведутъ старую исто-

рію со всѣми ея сценическими эффектами и со всѣми ея реальными тѣнями.

Наполеонъ изчезаетъ, водворяется конституціонная свобода, парламентъ, возникаютъ партіи,—вотъ теперь, повидимому, удобный случай опредѣлить національную государственную форму. Сдѣлать это тѣмъ естественнѣе, что воскресшіе Бурбоны попрежнему остаются людьми другой планеты, слѣпыми, упорными, со всѣми наслѣдственными деспотическими замашками и со всѣми родовыми недостатками ума и натуры.

Оппозиція противъ такого правительства—долгъ чести и свободы. Карлъ X, бывшій закулисный герой и игрокъ, теперь выступаетъ въ роли защитника католической церкви и религіи и играетъ эту роль, какъ и подобаетъ артисту-любителю, съ неограниченными вызывающими претензіями и съ самымъ жалкимъ искусствомъ.

Какая благодарная тема для самой жестокой, уничтожающей критики! Здѣсь то и развернуться республиканскимъ чувствамъ и политическимъ талантамъ. Тѣмъ болѣе, что сеньёры повторяютъ съ точностью свою прежнюю младенческую политику, ребромъ ставятъ вопросъ: или все, или ничего, т. е. или старый порядокъ Людовика XIV во всей его неприкосновенности или новая революція. И въ поученіе современникамъ даже припоминается сцена короля солнца въ охотничьихъ сапогахъ и съ хлыстомъ.

Какая находка бороться съ такими политическими противниками! Несчастные сами себѣ роютъ яму и будто панургово стадо стремятся въ пропасть: ихъ даже не надо толкать, достаточно напутствовать достойной истинно-похоронной рѣчью.

Какъ же поступаютъ граждане и республиканцы?

III.

Прежде всего,—республиканцевъ нѣтъ и, по мнѣнію либеральнѣйшаго изъ либераловъ Лафайэтта—и быть не можетъ. Республиканецъ для французскаго народа—синонимъ якобинца и для него нѣтъ выбора между Бурбонами и Бонапартами. Другой радикалъ—очень знаменитый въ свое время—Манюэль выражался еще энергичнѣе: «ничто не даетъ права думать, что республиканская партія существуетъ—все равно въ головахъ ли, совсѣмъ лишенныхъ опытности, или въ головахъ зрѣлыхъ». Правда, настоящее очень неудовлетворительно и вызываетъ глубокое броженіе въ молодыхъ умахъ. Но они далеки отъ республиканскихъ увлеченій. Они будто даже боятся приблизиться, хотя и описываютъ свои мечты въ очень поэтической формѣ. Огюстенъ Тьерри говоритъ, что онъ мечталъ о «какомъ-нибудь правительствѣ»—съ возможно болѣе широкой личной свободой и съ возможно болѣе узкими правами административной власти. Будущій великій историкъ желалъ страстно увидѣть въ своемъ отечествѣ правительство—безупречной нравственной чистоты, стоическое и въ тоже время гуманное. И, оказывается, идеальнымъ представителемъ такого правительства юному мечтателю казался Лафайэттъ.

Демократическій маркизъ, можетъ быть, и готовъ былъ записаться въ граждане республики, какъ вообще онъ не отсталъ бы ни отъ какого передового движенія. Но только его собствен-

ный республиканизмъ выходилъ чрезвычайно смутнымъ и неустойчивымъ. И республиканской партіи онъ давалъ свободное мѣсто—и монархистамъ, все равно какой угодно династіи. Дѣлалъ онъ это на случай, если французская партія пожелаетъ «продлить опытъ съ народными учрежденіями, имѣющими связь съ наслѣдственностью и съ тропомъ».

Довольно запутанный символъ политической вѣры! Онъ соотвѣтствуетъ какимъ то темнымъ интригамъ Лафайэтта съ бонапартовской семьей. Несомнѣнно,—интриги клонились къ замѣнѣ Бурбоновъ наполеонидами—и учрежденіями, имѣющими связь съ новой наслѣдственностью.

Къ этой цѣли шелъ вообще французскій радикализмъ. Въ высшей степени любопытное, чисто французское совпаденіе! Какимъ образомъ можно было одновременно провозглашать крайніе революціонные принципы, демократическій строй считать идеаломъ и—видѣть спасеніе въ какомъ-либо Бонапартѣ? И это—не единоличное заблужденіе какого-нибудь сочинителя куплетовъ и пѣсенокъ, въ родѣ Беранже,—это подлинная программа республиканскихъ политиковъ. Какъ они дошли до такой комбинаціи идеи,—откровенно и вполнѣ точно объяснилъ тотъ же Манюэль. Процессъ его мысли слѣдующій.

Принципы и идеи обладаютъ, разумѣется, могуществомъ,—но всякая теорія осуществляется въ дѣйствительности только при помощи матеріальной силы. Но гдѣ же найдти такую силу—какъ не среди бывшихъ слугъ Бонапарта,—солдатъ, офицеровъ, чиновниковъ? Всѣ они недовольны королемъ и конституціей,—и представляютъ готовое орудія для революціи. Кто-нибудь можетъ возразить, что всѣ эти люди очень дешево цѣнятъ свободу и они при первомъ же случаѣ поднимутъ знамя имперіи и провозгласятъ имя Наполеона II. Пусть! Для насъ—радикаловъ—безразлично, какимъ бы путемъ ни достигнуть цѣли, лишь бы достигнуть.

Въ результатѣ—радикализмъ всецѣло сливается съ бонапартизмомъ. Радикалы являются усерднѣйшими распространителями наполеоновской побѣды, сочиняютъ восторженныя оды Наполеону II, разукрашиваютъ эпоху имперіи всѣми прелестями славы, могущества и всенароднаго благоденствія. Наполеонъ становится ихъ девизомъ, онъ сообщаетъ лирическое чувство ихъ оппозиціоннымъ настроеніямъ, онъ для нихъ—и великій императоръ, и несравненный человѣкъ. Радикальный журналистъ—Арманъ Каррель—самый талантливый и умный въ современномъ газетномъ мірѣ—провозглашаетъ Наполеона вдохновителемъ всякой оппозиціи во имя свободы и гражданскихъ правъ...

Трудно повѣрить всѣмъ этимъ предпочтеніямъ, а между тѣмъ, они—неотъемлемая исторія французскаго радикализма,—и не временная только. Все равно—чьимъ оружіемъ достигнуть цѣли,—это заявленіе Манюэля можно бы поставить эпиграфомъ на повѣтствованіи о парламентской борьбѣ французскихъ партій,—и преимущественно радикальной. Въ двадцатыхъ годахъ, она увивалась вокругъ бонапартизма, въ пятидесятыхъ повторилось тоже самое, въ восьмидесятыхъ—видоизмѣнили игру только по внѣшности: Бонапарта замѣнили какимъ-нибудь Буланже. Ее вдохновляетъ поразительная мысль: необходимость создать свободу при помощи военной силы, руками диктатора и цезаря. Она во-

ображаетъ въ каждомъ французскомъ генералѣ видѣть Цинцинната и Вашингтона: онъ выстроитъ ей роскошный храмъ свободы и удалится къ своимъ скромнымъ пенатамъ.

Блестящій образчикъ политической мудрости! И за нее-то приходится расплачиваться странѣ, въ лучшемъ случаѣ присутствовать при феерическихъ представленіяхъ на законодательной сценѣ.

Идеямъ должна соотвѣтствовать и критика. Она—очень краснорѣчива у старыхъ радикаловъ, прямыхъ предшественниковъ современныхъ республиканцевъ. Потомство цѣликомъ унаслѣдовало примѣры прошлаго и не предвидится времени, когда негодное наслѣдство будетъ отброшено и забыто.

«Большіе дни» стараго французскаго парламента создавались чаще всего крайней лѣвой. Она и тогда имѣла въ своей средѣ блестящихъ ораторовъ, чрезвычайно популярныхъ, въ полномъ смыслѣ Демосфеновъ. Рѣчи выходилъ поразительно эффектными, звучали на всю Францію—и преимущественно отдавались громкими происшествіями въ стѣнахъ палаты. Что же собственно вызывало блескъ и громъ?

Какія нибудь радикальныя реформы, особенно рѣшительныя идеи насчетъ народнаго блага, соціальнаго развитія демократіи, экономическихъ преобразованій? Ничего подобнаго. Политическіе радикалы даже и знать не хотѣли о народѣ и его нуждахъ. У нихъ была сцена, публика, право говорить когда угодно и сколько угодно,—и этого достаточно, А раздражающихъ темъ—непочатый уголъ. Стоитъ только припомнить, при какихъ обстоятельствахъ совершалась революція и потомъ вернулись Бурбоны—и всѣ умѣренные и роялисты будутъ ужалены нетерпимымъ ядомъ. Произойдетъ скандалъ, засѣданіе будетъ закрыто, состоится, можетъ быть, дуэль.—отъ всего этого рѣшительно ничего не выиграетъ ни гражданская свобода, ни нравственное достоинство парламента,—но за то—сенсаціонное зрѣлище и оно на долго останется въ памяти зрителей.

Иногда мы читаемъ разсказы о засѣданіяхъ палаты депутатовъ семьдесять лѣтъ тому назадъ: намъ думается: ужъ не правъ ли въ самомъ дѣлѣ пессимистическій современникъ революціи—Малле-дю-Понъ. Правда, онъ говорилъ жалкія слова по поводу эмигрантовъ, т. е. реакціонеровъ, но несомнѣнно, тоже самое онъ повторилъ бы и объ ихъ антиподахъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, когда видишь, какъ идутъ дѣла сего міра, и какъ послѣ восьми лѣтъ опытовъ—предъ тобой все тотъ же заколдованный кругъ видѣній. упорнаго сопротивленія очевидности, всяческой безсмыслицы, междоусобицъ, эгоизма,—то теряешь всякій интересъ къ будущему».

Именно такими словами отвѣчаютъ современные французскіе «интеллигенты», когда ихъ укоряютъ за индифферентизмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не вѣетъ ли на васъ чисто-современнымъ духомъ французскаго парламентаризма при такихъ, напримѣръ, сценахъ несравненно болѣе отдаленнаго прошлаго, чѣмъ восемь лѣтъ назадъ?

На трибунѣ Манюэль. Онъ сегодня далъ себѣ слово привести въ ярость роялистовъ и постепенно и искусно подходитъ къ одному изъ самыхъ проклятыхъ, но и столь же безплодныхъ вопросовъ:

гдѣ были настоящіе патріоты во время революціи—въ Гентѣ съ будущимъ Людовикомъ XVIII или въ Парижѣ и на границахъ съ республиканскими войсками? И кто, на самомъ дѣлѣ, преступники—покинувшіе отечество или защищавшіе его?

Отвѣтъ рѣшительно не нуженъ для современной внѣшней и внутренней политики и нѣтъ никакой нужды кого бы то ни было увѣнчивать гражданскимъ вѣнкомъ или клеймить позоромъ. Но роялисты выходятъ изъ себя: самые горячіе кричатъ, что настоящая Франція была съ королемъ за границей, а во Франціи оставались только бунтовщики и грабители.

Оратору только этого и хотѣлось. Онъ становится въ позу и отчеканиваетъ слово за словомъ, воображая въ эту минуту своимъ слушателемъ весь французскій народъ:

«Итакъ, господа, таково ваше мнѣніе: надо имѣть смѣлость высказать его откровенно націи. Остается узнать, расположены ли подвергнуться такому униженію; остается узнать—согласятся ли принять этотъ позоръ и это оскорбленіе тѣ, кто имѣлъ счастіе оставаться на родной землѣ, кто проливалъ кровь, завоевывая свои вольности, защищая свои законы и свою независимость».

Эффектъ неописуемый! Но его запомнятъ враги и рано или поздно, а упекутъ, въ свою очередь, ехиднаго артиста, добьются его изгнанія изъ палаты, что будетъ еще поразительнѣе, но уже гораздо злополучнѣе, какъ вопіющее нарушеніе конституціи ради партійной мести.

Другая сцена. Дѣйствующее лицо поважнѣе Манюэля,—генералъ Фуа. Это—человѣкъ общепризнанной честности и золотого сердца, и кромѣ того, онъ блестящій ораторъ. У него эффектная внѣшность, громкій голосъ, пламенный взглядъ, необыкновенно стремительная, страстная и въ то же время благородная манера говорить. Онъ знаетъ все это, и онъ прирожденный артистъ. Его опьяняетъ шумъ аплодисментовъ, онъ невольно поддается злому демону увлеченія въ надеждѣ одержать побѣду надъ впечатлительностью публики. Онъ съ величайшимъ наслажденіемъ пускается въ декламацію, въ пространный разговоръ объ общихъ политическихъ вопросахъ, вообще читаетъ лекціи наивныя, элементарныя, но для французской галлереи неотразимыя. Человѣкъ онъ незлобивый и совершенный джентльменъ, но ужъ очень соблазнительна идея—создать инцидентъ, и онъ, подобно Манюэлю, начинаетъ бередить роялистскія раны.

Онъ вспоминаетъ о нашествіи иноземцевъ на Францію и вдругъ въ лицо роялистамъ говоритъ, какая презрѣнная «кучка» эмигранты и сколько они претерпѣли униженій внѣ Франціи... При словѣ *miserables* поднимается вопль на правой, встаетъ роялистъ, подходитъ къ трибунѣ, скрещиваетъ руки на груди и кричитъ оратору: «Вы—нахалъ!» Слѣдуетъ, конечно, дуэль, разумѣется спеціально французская — безъ кровопролитія и безъ особенныхъ опасностей. Противники трогательно мирятся, а на слѣдующій день въ палатѣ генералъ Фуа вноситъ поправку въ свои слова.

И вотъ его-то именно рѣчи печатались и расходились въ тысячахъ экземпляровъ. «Блестящая и лестная» участь,—скажемъ мы словами французскаго Цицерона до-революціонной Франціи, но прибавимъ также и его соображеніе о современныхъ ему «на-

стоящихъ римлянахъ»: рядомъ съ блескомъ мало политическаго развитія и опытности *).

Отсюда полная безплодность для современниковъ всѣхъ ослѣпительныхъ парламентскихъ турнировъ и очень печальная поучительность ихъ для потомства. Въ теченіе цѣлаго вѣка французъ остается политикомъ-артистомъ. Его, какъ ребенка, тѣшитъ замысловатая игра въ безконечныя партійныя комбинаціи, разные хитроумные manoeuvres et expédients, онъ вѣчно или за кулисами готовитъ машины и всякую бутафорію для своего бенефиса, или на сценѣ играетъ коронную роль, самъ же первый являясь собственнымъ очарованнымъ зрителемъ.

И намъ понятно, почему англичанинъ почувствовалъ негодованіе при ближайшемъ знакомствѣ съ французскимъ парламентаризмомъ. Онъ увидѣлъ нѣчто, совершенно невозможное въ его отечествѣ, могъ и отъ самихъ французовъ услышать жалобы на отечественные государственные таланты. И не только жалобу, а тоску по совершенно другомъ порядкѣ вещей, гдѣ бы не могло процвѣтать политиканство и безсмысленная парламентская суета, гдѣ бы дѣйствительно правительство слѣдило за народными нуждами и осуществляло потребныя реформы. Все это англичанинъ слышалъ, самъ убѣждался и пришелъ къ заключенію: французъ не парламентское животное и Франція должна освободить вовсе свою конституцію отъ парламента.

Легко сказать! Что же останется—Бурбоны въ стилѣ Людовика XIV или имперія въ духѣ Наполеона I? Вопросъ, несомнѣнно, превышающій политическую мудрость англійскаго путешественника, но и дѣйствительно въ высшей степени трудный.

Несомнѣнно, парламентаризмъ современной Франціи—явленіе ненормальное. «парламентскій режимъ не функціонируетъ нормально»,—какъ выразился недавно одинъ изъ либеральныхъ политиковъ. Также несомнѣнно, что эта ненормальность отталкиваетъ отъ политическихъ интересовъ наиболѣе достойныхъ гражданъ страны. И, наконецъ, столь же несомнѣнно, что при такихъ условіяхъ и третья республика можетъ оказаться такимъ же промежуточнымъ и мимолетнымъ явленіемъ, какимъ были уже первыя двѣ. Очевидно, Франція не нашла себѣ прочныхъ истинно-національныхъ политическихъ устоевъ. «Зданіе остается недоконченнымъ», въ этомъ отношеніи французскіе ученые и солидные люди совершенно правы. Правы, думается намъ, будемъ и мы, если признаемъ неосновательными всѣ заключенія на счетъ парламентскаго режима, сдѣланныя на основанія современнаго французскаго парламентаризма. Мы видѣли, исторически-республиканская форма во Франціи возникла неохотно и была скорѣе *вынуждена обстоятельствами*, чѣмъ вызвана къ жизни общимъ сочувствіемъ націи. Можно заключить, настоящая Франція могла бы обойтись и безъ республики. Мы видѣли также первые опыты парламентскаго режима, въ политическомъ смыслѣ крайне легкомысленные и практически-несостоятельные. характеризовали на отдаленное будущее вообще французскій парламентаризмъ. Можно ли отсюда заключать, что та же *настоящая Франція* обошлась бы и безъ парламента?

*) Journal de Barbier. I, 70—1.

Никоимъ образомъ.

Основныя нравственныя и экономическія завоеванія революціи, безусловно неотъемлемы. Мечтать о старомъ порядкѣ съ его насильственной рабской общественной лѣстницей можно только въ своего рода горячешномъ бреду. Ни одинъ самый индифферентный французскій крестьянинъ и рабочій не согласился бы одной минуты своей жизни потратить на привиллигированнаго господина, только потому, что тотъ далъ себѣ трудъ родиться. Токвиль неопровержимо правъ: Франція можетъ пережить какіе угодно перевороты, смѣнить, пожалуй, и третью республику на монархію, но *ancien régime* для нея вѣчно останется воплощеніемъ всѣхъ возможныхъ на землѣ бѣдствій и уродствъ.

Настоящая Франція не можетъ быть не демократической и не свободной, но это не помѣшаетъ ей стать не-парламентской въ *современной* формѣ. Болѣе или менѣе продолжительная эволюція должна привести одинъ изъ даровитѣйшихъ и культурнѣйшихъ народовъ къ рѣшенію уже теперь наболѣвшаго вопроса, и это рѣшеніе, какъ всѣ культурныя рѣшенія Франціи, явится однимъ изъ важнѣйшихъ уроковъ всемірной исторіи.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*L'Année Sociologique*» *publiée sous la direction de E. Durkheims, prof. de Sociologie. Première Année 1896—1897 (Bibliothèque de Philosophie contemporaine; 10 fr.) Paris. Felix. Alcan.* (*Соціологическій ежегодникъ*). Число лицъ, интересующихся соціологіей, съ каждымъ днемъ возрастаетъ и цѣль названнаго изданія удовлетворить этой потребности, представивъ читателямъ результаты изысканій, сдѣланныхъ въ области исторіи, этнографіи и статистики такихъ фактовъ и идей, которыя могутъ имѣть отношеніе къ соціологіи и могутъ служить матеріаломъ для соціологическихъ выводовъ. Соціологическій ежегодникъ разсчитанъ не только на профессіональныхъ соціологовъ, слѣдящихъ за успѣхами своей науки, но и на всѣхъ образованныхъ читателей, интересующихся соціальными проблемами. Къ ежегоднику приложенъ довольно подробный библіографическій указатель. (Revue internationale).

«*La Question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jôurs*» *par Edouard Driault, prof. d'histoire; préface de Gabriel Monod. (Bibliothèque d'histoire contemporaine; Felix Alcan).* (*Восточный вопросъ отъ начала его возникновенія до нашихъ дней).* Подъ восточнымъ вопросомъ авторъ понимаетъ не только исторію отношеній Оттоманской имперіи и христіанскихъ государствъ Европы, но также исторію отношеній, существующихъ во всемъ мірѣ между исламизмомъ и христіанствомъ. Этотъ вопросъ, въ началѣ имѣвшій чисто религіозный характеръ, въ настоящее время преобразовался въ политическій и экономическій вопросъ. Въ первой части книги, называющейся «Происхожденіе и начало» авторъ вкратцѣ излагаетъ исторію успѣховъ и упадка исламизма, начиная со временъ первыхъ арабскихъ завоеваній, до паденія Наполеона и вѣнскаго трактата. Вторая часть заключаетъ въ себѣ исторію войнъ за независимость Греціи, кризиса 1840 г., крымской войны, русско-турецкой войны и берлинскаго трактата. Третья часть посвящена современному положенію вопроса и взаимнымъ отношеніямъ христіанскаго и мусульманскаго міра. Авторъ приходитъ къ заключенію, что дни Турціи сочтены и лишь высказываетъ надежду, что восточный вопросъ будетъ разрѣшенъ въ духѣ, соотвѣтствующемъ интересамъ человѣчества.

(Revue internationale).

«*The Evolution of Christianity*» *by Ramsden Balmforth* (*Swan Sonnenschein*). (*Эволюція христіанства*). Книга заключаетъ въ себѣ девять публичныхъ лекцій, имѣющихъ цѣлью, какъ говоритъ авторъ, «популяризировать принципы либеральной религіи». Авторъ, на основаніи позднѣйшихъ открытій и изслѣдованій, рисуетъ ростъ и развитіе христіанской религіи. съ самаго начала ея появленія вплоть до новѣйшей эпохи. Интересъ книги заключается, главнымъ образомъ, въ этической точкѣ зрѣнія автора, преимущественно настаивающаго на этической сторонѣ христіанской религіи и ученія Христа, заложеннаго въ ея основу.

(Ethical World).

«*The Wanderful Century*»; *its Successes and its Failures. By A. B. Wallace.* (*Swan Sonneschein and C°*). (*Замѣчательный вѣкъ*). Интересная книга, заключающая въ себѣ популярное описаніе всѣхъ великихъ изобрѣтеній и открытій нашего вѣка, благодаря которымъ его можно назвать замѣчательнымъ. Но авторъ ограничивается не только описаніемъ великихъ успѣховъ, достигнутыхъ цивилизаціей за этотъ промежутокъ времени, а перечисляетъ также ошибки и промахи, которыя должны будутъ служить назиданіемъ будущему вѣку.

(Literary World).

«*University addresses*» *delivered to the University of Glasgow. By John Caird* (*Swan Sonnenschein*). (*Университетскія публичныя лекціи*). Въ книгѣ собрана цѣлая серія публичныхъ лекцій по разнымъ предметамъ, прочитанныхъ въ Глазговскомъ университетѣ. Особенно интересны лекціи, прочитанныя авторомъ о единствѣ наукъ, прогрессѣ наукъ. изученіи исторіи и общемъ и профессіональномъ образованіи.

(Literary World).

«*Essai d'une philosophie nouvelle suggérée par la science*» *par Z. Ribert vol. prix: 6 francs* (*Felix Alcan*). (*Опытъ новой философіи, основанной на наукѣ*). Авторъ, озабоченный интеллектуальною анархіей, которая обнаруживается все сильнѣе въ современномъ обществѣ, благодаря постояннымъ колебаніямъ и переходамъ отъ поверхностныхъ религіозныхъ вѣрованій къ философскимъ убѣжденіямъ, основывающимся на данныхъ современной науки, стремится подвести итоги всѣхъ теоретическихъ познаній нашего вѣка, какъ въ области физическихъ и естественныхъ наукъ, такъ и въ области нравственной философіи. Затѣмъ авторъ подвергаетъ анализу всѣ философскія системы и доказываетъ, что всякая философская система должна быть подвергнута контролю фактовъ, научнымъ образомъ установленныхъ. Вообще авторъ старается, повидимому, найти отвѣтъ на тотъ тезисъ о безсиліи человѣческаго разума разрѣшить наиболѣе интересующія его проблемы, который все сильнѣе укрѣпляется въ воззрѣніяхъ современнаго общества.

(Revue internationale).

«*La vie mystériens des mers*» *par Emile Deschamps* (*Collection*) *des Livris d'or de la science*). (*Таинственная жизнь морей*). Содержаніе этой книги вполнѣ отвѣчаетъ ея заглавію и приковываетъ къ себѣ интересъ читателя, знакомящагося съ великими тайнами и формами жизни, скрывающимися въ нѣдрахъ океана. Авторъ обнаруживаетъ основательное знаніе предмета и кромѣ того, обладая литературнымъ слогомъ, талантливо и художественно изображаетъ жизнь въ глубинѣ океана.

(Revue internationale).

«*L'Education Nouvelle*; *l'Ecole des Roches*» *par Edmond Demolins*. (*Новое воспитаніе*). Всюду раздаются голоса о необходимости реформы воспитанія и авторъ, давно уже занимающійся этимъ вопросомъ и напечатавшій по этому поводу нѣсколько статей, рѣшилъ, съ помощью нѣсколькихъ друзей, сдѣлать попытку практическаго разрѣшенія вопроса и основать во Франціи школу новаго типа, болѣе удовлетворяющую современнымъ требованіямъ. Въ своей книгѣ онъ излагаетъ программу новой школы и свой взглядъ на господствующія педагогическія системы. (Revue internationale).

«*Korean Sketches*» *by James S Gale* (*Oliphant, Anderson and Ferries*). (*Очерки Кореи*). Авторъ провелъ девять лѣтъ въ Кореѣ, въ американской пресвитеріанской миссіи и могъ хорошо изучить характеръ и жизнь корейскаго народа. Авторъ считаетъ Корею одною изъ самыхъ привлекательныхъ странъ міра и хотя онъ и признаетъ, что эта «привлекательная страна» можетъ поразить непривычнаго европейца своею нечистотой, но все-таки продолжаетъ утверждать, что добродушное и честное населеніе Кореи скрашиваетъ многія непривлекательныя стороны корейской жизни. О корейцахъ онъ отзывается съ большою теплотой. Описанія ихъ жизни, обычаевъ и различные эпизоды, иллюстрирующіе корейскіе нравы и разсказанные очень живо и притомъ подчасъ съ большимъ юморомъ, придаютъ интересъ книгѣ, снабженной къ тому же весьма недурными иллюстраціями.

(Bookseller).

«*Democracy and Social Growth in America*» *Four Lectures by Bernard Moses. Prof. in the University of California*). (*Демократія и соціальное развитіе Америки*). Авторъ изслѣдуетъ въ этой книгѣ опасности, которыя, по его мнѣнію, угрожаютъ американской демократіи. Главную опасность онъ видитъ въ стремленіи къ образованію соціальнаго неравенства, которое въ концѣ-концовъ можетъ повліять на политическую систему, и въ успѣхахъ милитаризма, особенно замѣтныхъ въ послѣднее время.

(Bookseller).

«*Prophets of the Century*» *Edited by Arthus Rickett* (*Ward, Lockand C°*). (*Пророки нашего вѣка*). Въ этой книгѣ изслѣдуется и оцѣнивается по достоинству дѣятельность различныхъ великихъ людей, оказывавшихъ вліяніе на соціальныя, интеллектуальныя и религіозныя движенія, характеризующія заканчивающееся столѣтіе. (Bookseller).

«*The Land of the Pigmies*» *by Capt. Guy Barrows. With introduction by H. M. Stanley; with over 200 illustrations* (*Arthus Pearson*). (*Страна пигмеевъ*). Авторъ этой интересной книги посѣтилъ такія мѣста, куда еще никогда не вступала нога бѣлаго человѣка. Онъ изслѣдовалъ страну Уэлле, лежащую къ сѣверу отъ Арувими. Племена, населяющія эту область, всѣ каннибалы, за исключеніемъ пигмеевъ, представляющихъ удивительную расу маленькихъ людей, ростъ которыхъ не превышаетъ четырехъ футъ. Очень немногимъ путешественникамъ удалось видѣть пигмеевъ; авторъ же прожилъ съ ними нѣкоторое время и потому имѣлъ возможность изучить ихъ странные обычаи и нравы, которые онъ и описываетъ теперь въ своей книгѣ. Кромѣ того, авторъ снялъ много фотографій, которыя приложены къ его описанію.

(Athaeneum).

«*Ruskin*; *Rossetti*; *Pre-Raphaelitism*». *Papers 1854—1862. Arranged and edited by William Michael Rossetti. With illustrations. 1899.* (*Рескинъ*; *Россетти*; *Прерафаэлизмъ*). Вильямъ Россетти собралъ въ этой книгѣ различные документы, старые и новые, которые относятся къ его знаменитому брату и прочимъ членамъ прерафаэлитской группы. Документы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, но безъ всякой особенной взаимной связи. Тѣмъ не менѣе они заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много интересныхъ данныхъ, относящихся къ исто-

ріи прерафаэлистскаго движенія и взаимныхъ отношеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Книгу эту можно смѣло рекомендовать всѣмъ, интересующимся твореніями Рескина и Россетти.

(Daily News).

«*Outlines of the Earth's History*». *A Popular Study in Phisiography. By Nathaniel Sonhthgate Shaler. New-York. (Appleton and C°).* (*Очерки исторіи земли*). Авторъ этихъ геологическихъ очерковъ задался цѣлью доставить возможность читателямъ, интересующимся исторіей земного шара, но не имѣющимъ спеціальной подготовки, познакомиться со всѣми процессами, совершающимися въ природѣ и вліяющими на образованіе планетныхъ тѣлъ. Въ виду такой цѣли авторъ стремится какъ можно популярнѣе изложить основы геологической науки и сдѣлать свою книгу не только поучительной, но интересной и доступной для каждаго.

(Popular Science Monthly).

«*Les races jaunes. Les célestes*» *par Edm. Planchet (Collection des livres d'or de la science*). (*Желтыя расы*). Китай и Японія все болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманія Европы. Это новый міръ, долгое время остававшійся закрытымъ, куда теперь получаетъ доступъ европейская цивилизація. Этотъ міръ однако обладаетъ собственною цивилизаціей, совершенно не похожей на нашу цивилизацію и притомъ очень интересной. Но не только съ этой точки зрѣнія Китай и Японія представляютъ интересъ для Европы; несомнѣнно, что въ будущемъ желтымъ расамъ предстоитъ немаловажную роль и поэтому не мѣшаетъ теперь познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ этимъ новымъ міромъ и его рессурсами.

(Revue internationale).

«*Le développement mental chez l'enfant et dans la race*» *par Sames Mark Baldwin. Trad. franç., par Nourry. Préface de L. Marillées Paris.* (*Slean*). (*Духовное развитіе ребенка и расы*). Книга эта представляетъ психологическое изслѣдованіе, такъ какъ авторъ изучаетъ въ ней образованіе различныхъ душевныхъ способностей у ребенка и, согласно принципамъ эволюціонной теоріи, старается путемъ научнаго метода разъяснить образованіе этихъ качествъ въ расѣ, подчиняя такимъ образомъ онтогенезисъ филогенезису. Онъ сдѣлалъ, между прочимъ очень любопытные опыты надъ своими собственными дѣтьми о которыхъ разсказываетъ въ свой книгѣ. Авторъ раздѣляетъ взгляды Тарда и видитъ въ законахъ подражанія не только ключъ къ соціальной жизни, но и къ жизни психической индивидуальной.

(Revue internationale).

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ Викторъ Острогорскій.**

Въ маг. „Нов. Времени“ открыта подписка на большое справочное изданіе:

Коммерческая Энциклопедія

М. РОТШИЛЬДА

въ полной передѣлкѣ сообразно потребностямъ русскихъ предпринимателей и съ добавленіемъ 6 новыхъ русскихъ отдѣловъ.

Подъ редакціею С. С. ГРИГОРЬЕВА,

Главнаго инспектора по учебной части Министерства Финансовъ.

Въ основу этого изданія положенъ извѣстный трудъ М. Ротшильдъ «Handbuch der gesammten Handelswissenschaften». Въ русскомъ изданіи нельзя было ограничиться переводомъ, такъ какъ въ трудѣ Ротшильда нѣтъ русскихъ отдѣловъ и вслѣдствіе недостаточно популярнаго изложенія сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній. Въ предлагаемомъ изданіи такіе недостатки устранены добавленіемъ новыхъ отдѣловъ и передѣлкой основныхъ, при чемъ объемъ изданія увеличился вдвое. Зато предприниматели и конторы найдутъ въ немъ теперь не только надежную справочную книгу по всѣмъ отраслямъ комм. знаній, но и популярно изложенный самоучитель, въ которомъ теоретическія и практическія свѣдѣнія приведены въ систему.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: Т. I: 1) Всеобщ. исторія промышл. и торг. 2) Ист. промышл. и торг. въ Россіи. 3) Всеобщ. комм. землевѣдѣніе. 4) Комм. землев. Россіи 5) Основан. политич. экономіи.—Т. II: 6) Счетоводство. 7) Конторск. практика. 8) Коммерческая ариѳметика.—TIII: 9) Теор. свѣд. о комм. предпріятіяхъ. 10) Обзоръ русск. комм. предпріятій. 11) Теор. свѣд. о государств. хозяйствѣ. 12) Экономич. учрежден. въ Россіи.—Т. IV: 13) Коммерч. законовѣдѣніе. 14) Законы о промышл. и торг. въ Россіи. 15) Русск. торг. обычаи. 16) Товаровѣдѣніе.

Въ каждомъ томѣ будетъ болѣе 500 стран. большаго формата въ 2 столбца. Печататься будутъ одновременно два тома выпусками не менѣе 3-хъ печатныхъ листъ. въ каждомъ. Въ томѣ будетъ 10 выпусковъ. Первые выпуски появятся въ мартѣ 1899 г. и затѣмъ будутъ выходить по 2 выпуска въ мѣсяцъ (кромѣ августа). Все изданіе предполагается закончить въ ноябрѣ 1900 г.

Открыта подписка на первые два тома *).

Подписная цѣна за два тома безъ доставки и пересылки 10 руб.

Съ доставкой и пересылкой 12 р. 50 к.

Допускается разсрочка съ уплатой при подпискѣ: безъ пересылки 3 р., съ пересылкой 5 р. 50 к.,—и съ доплатой по 1 р. при полученіи каждыхъ двухъ выпусковъ до выплаты подписной цѣны.

Подписчики на первые два тома получаютъ право подписаться на остальные два тома съ уплатой лишь 5 р. Отдѣльнымъ подписчикамъ 3 и 4 томы будутъ отдаваться лишь за 10 р. Въ отдѣльной продажѣ всѣ 4 тома будутъ стоить 20 р.

Подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» и КАРБАСНИКОВА и въ конт. «Торг.-Промышленной Газеты».

Главн. складъ и конт. изданія: Бассейная, 33, кв 6.

---

*) Подписка на 3 и 4 томы будетъ открыта въ октябрѣ 1899 г.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

1) **Выразительное чтеніе.** Пособіе для учащихъ и учащихся. (Одобрено Мин. Нар. Просв. для ученическихъ и учительскихъ библіотекъ), ц. 50 к. 1898 г. Содержаніе: Вступленіе; значеніе искусства читать; искусству читать можно выучиться; какъ выучиться читать (голосъ, дыханіе, произношеніе, паузы, ударенія логическія), о чтеніи стиховъ; заключеніе. Въ приложеніи:—основаніе стихосложенія; практическія указанія для обученія выразительному чтенію; примѣрная хрестоматія разбора образцовъ (до 21-го, начиная съ примѣровъ для маленькихъ дѣтей и кончая разборомъ сценъ изъ Шекспира).

2) **Изъ исторіи моего учительства, какъ я сдѣлался учителемъ.** (1851—1864) изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895, ц. 1 р. 25 к.

3) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи.** Изд. журн. «Міръ Божій», Спб. 1897, цѣна 40 коп.

4) **Очерки пушкинской Руси,** Спб. 1897, изд. (2-е) журн. «Міръ Божій», ц. 40 к.

5) **Изъ міра великихъ преданій.** Разсказы для юношества, съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 6-е. М. 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

6) **Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ,** разсказано по народнымъ былинамъ. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

7) **Хорошіе люди.** Сборникъ разсказовъ, съ рисунками Шпака и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

8) **Этюды о русскихъ писателяхъ:** I. И. А. Гончаровъ, М. 1897 г. Ц. 75 к.—II. Н. Г. Помяловскій. Ц. 40 к.—III. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1891 г. Ц. 50 к.—IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. 1893 г. Ц. 50 к.

9) **Русскіе педагогическіе дѣятели:** Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ. М. 1887 г. Ц. 75 к.

10) **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній** (по Л. Эккардту) съ прил. «Краткаго учебника теоріи и поэзіи». Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

11) **Бесѣды о преподаваніи словесности.** Изд. 2-е. Ц. 90 к.

12) **Русскіе писатели какъ восп.-образов. матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Толстой, Погоскій, С. Аксаковъ. Изд. 4-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

13) **Родные поэты,** для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотворныхъ произведеній для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго; **Русскіе писатели** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ). Изд. 2-е М. 1894 г.

14) **Двадцать біографій** образцовыхъ русскихъ писателей для юношества, съ 20-ю портретами. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

15) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Ц. 10 к.

16) **Изъ Дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы.** («Мгла», др. въ 5 д.; «Липочка», ком. въ 3 д. съ прологомъ; сцены: «На однѣхъ сѣняхъ»; «Первый шагъ»; «Въ бельэтажѣ на улицу». Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1891 г. Ц. 80 к.

17) **С. Т. Аксаковъ Критико-біографическій очеркъ.** Изд. П. Г. Мартынова. Спб. 1891 г. Ц. 75 коп.

18) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ, Мѣщанинъ въ дворянствѣ,** пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

19) **Изъ народнаго быта. Титъ, Вавило, Маша.** Изд. 5-е. М. 1898 г. Ц. 10 к.

20) **В. Г. Бѣлинскій какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи.** Спб. 1898 г. Ц. 60 коп.

21) **Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Избранные статьи для семьи и школы** съ біографическимъ очеркомъ, портретами и факсимиле. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1898. Ц. 1 руб.

ОТЪ РЕДАКТОРОВЪ

„ПУШКИНСКАГО СБОРНИКА“,

издающагося къ 26-му мая 1899 года.

Предположенное на обѣдѣ беллетристовъ, состоявшемся 30-го минувшаго октября, изданіе «Пушкинскаго сборника» ко дню столѣтія рожденія великаго поэта, къ 26-му мая 1899 г., съ цѣлью увеличенія средствъ, собираемыхъ съ Высочайшаго соизволенія псковскимъ дворянствомъ, для пріобрѣтенія хотя бы части земель села Михайловскаго, организуется слѣдующимъ образомъ.

Редакторами изданія избраны: П. И. Гнѣдичъ, Д. Л. Мордовцевъ, К. К. Случевскій; кандидатами къ нимъ—А. В. Амфитеатровъ и Н. Н. Каразинъ; секретаремъ—В. М. Грибовскій; выборы эти состоялись на обѣдѣ 20-го ноября.

Редакторы покорнѣйше просятъ гг. литераторовъ, желающихъ принять посильное участіе въ составленіи «Сборника», не отказать въ присылкѣ матеріаловъ и писемъ на имя Вячеслава Михайловича Грибовскаго—*С.-Петербургъ, Озерной пер., д. 3—9, кв 19.* Въ виду спѣшности желательно было бы имѣть матеріалы не позже 1-го февраля наступающаго года. Своевременная присылка матеріаловъ тѣмъ необходимѣе, что «Сборникъ» имени А. С. Пушкина отнюдь не долженъ имѣть характера случайности, и строгое отношеніе къ выбору и размѣщенію статей лежитъ прямо на обязанности редакторовъ. Вслѣдствіе выраженнаго многими литераторами желанія принять участіе въ «Сборникѣ» и ограниченности мѣста въ немъ, редакторы просятъ о томъ, чтобы присылаемыя произведенія не превышали размѣромъ половины печатнаго листа.

Заботы о печатаніи «Сборника» приняты на себя А. С. Суворинымъ.

П. П. Гнѣдичъ. Д. Л. Мордовцевъ. К. К. Случевскій.

СООБЩЕНІЕ.

26-го мая 1899 года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія великаго поэта А. С Пушкина.

Псковское дворянство, земство и г. Псковъ постановили для достойнаго увѣковѣченія этого знаменательнаго дня ходатайствовать объ открытіи повсемѣстной подписки, дабы изъ собранныхъ средствъ:

1) Исправить памятникъ на могилѣ поэта въ Св. Горахъ Опочецкаго уѣзда, и укрѣпить гору на которой онъ находится.

2) Пріобрѣсти покупкою отъ наслѣдниковъ А. С. Пушкина въ части или въ цѣломъ С. Михайловское, Опочецкаго уѣзда, родовое имѣніе поэта, гдѣ онъ по долгу жилъ и гдѣ задуманы главныя его поэтическія произведенія.

3) Устроить пріютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ русскихъ поэтовъ и людей, посвятившихъ себя наукѣ и искусству.

4) Построить въ г. Псковѣ домъ имени А. С. Пушкина, который бы вмѣщалъ въ себѣ: библіотеку, читальню, залъ для народныхъ чтеній, концертовъ и засѣданій разныхъ благотворительныхъ обществъ и

5) Обезпечить существованіе учрежденной уже въ Св. Горахъ богадѣльни и народной читальни имени А. С. Пушкина.

Государь Императоръ сего 5-го октября повелѣть соизволилъ на открытіе повсемѣстной подписки и учрежденіе особаго Комитета.

Комитетъ имѣетъ сообщить для всеобщаго свѣдѣнія, что деньги, по подпискѣ принимаются во всѣхъ мѣстныхъ казначействахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка Европейской и Азіатской Россіи, а равно Комитетомъ черезъ Псковское отдѣленіе Государственнаго Банка.

Предсѣдатель Комитета Псковскій губернскій предводитель дворянства Н. Новосильцовъ.

стр.

15. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УХОДѢ ЗА ДУШЕВНО-БОЛЬНЫМИ ВЪ НАШИХЪ ПСИХІАТРИЧЕСКИХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. **Д-ра Мих. Морозова** 26
16. **За границей.** Современная Испанія.—Пятидесятилѣтіе американскаго общества поощренія наукъ.—Тайныя общества и положеніе дѣлъ въ Китаѣ.—Проектъ профессіональной школы журналистовъ. 34
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des deux Mondes»—«Revue des Revues».—«Zukunft».—«North american Revues». . . 43
18. ПАРИЖСКІЕ «НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ». **Ю. Надеждина** 47
19. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Новые элементы: Ксенонъ.—Эфиріонъ и его свойства.—Дѣйствительно ли эфиріонъ есть элементарное тѣло?—Чума и ея распространеніе.—Крысы и паразиты, какъ главные разносители заразы.—Мѣры предосторожности противъ чумы.—Результаты лѣченія больныхъ посредствомъ противочумной сыворотки.—Пули малаго калибра и ихъ дѣйствіе.—Успѣхи техники: Желѣзная дорога на Юнгфрау и развитіе желѣзнодорожной сѣти за 1897 годъ.—Проэктъ англійской экспедиціи къ южному полюсу. **Н. М.** 55
20. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика. — Публицистика. — Исторія литературы и искусства. Библіографія.—Исторія всеобщая и русская. — Политическая экономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва 67
21. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. «Гдѣ настоящая Франція?» **Ив. Иванова.** 93
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 113

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ВЕРОНИКА. Историческій романъ **Шумахера.** Переводъ съ нѣмецкаго **З. А. Венгеровой.** 1
24. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ**, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго.** Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ 1
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи,*** присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) ***Лица,*** адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

RETURN TO ⟶ **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 **HOME USE**	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.

Books may be Renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW

JAN 03 '91		
AUTO DISC DEC 07 1990		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

FORM NO. DD6

Ps

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C008267653